

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slav. 4347.1

A
THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

BOUGHT WITH

THE GIFT OF

WILLIAM AMORY GARDNER

OF BOSTON

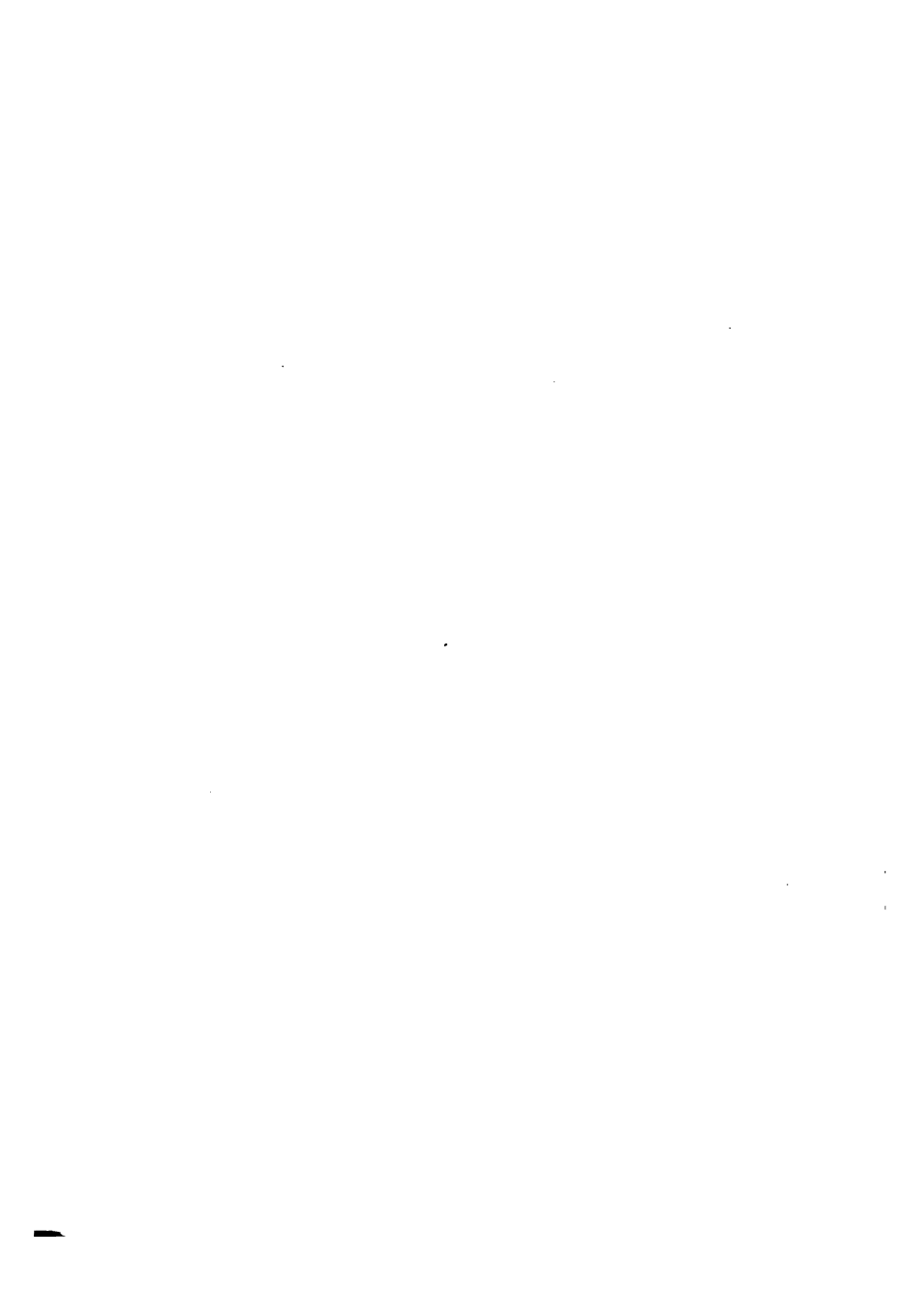
(H. U. 1984)

Received

July 13, 1898.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
А. Н. МАЙКОВА.

II.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

1950

1951

1952

1953

1954

1955

1956

1957

1958

1959

1960

1961

1962

1963

1964

1965

1966

1967

1968

Мушкетеры.

И Амур наш сызгар: иди, ослысь их уряды,
Въ ^(Скоро) нудно ^(тот) ади, имъ маур орант и аманайды,
Медь повугеишъ, до срока уберъ,
Дадь кода мигеиу ченъ оум погуиомъ,
Вознаидымъ Мунити и ерма повечасовъ,
Мур дило въ имъ евоу евматъишкы вугеишъ.

А. Мамонтовъ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Apollon Nikolaevitch Maïkof.
А. Н. МАЙКОВА.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ,

**ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ
АВТОРОМЪ.**

Въ трехъ томахъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КАРТИНЫ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

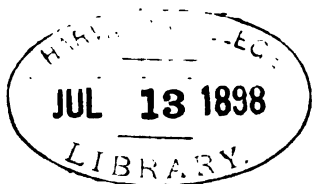

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Ф. МАРКСА. Ср. Подъячск., № 1.
1898.

Slav. 4347.1

A

Gardner fund.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОГО ТОМА.

I. Вѣка и народы. 1—128.

	СТРАН.
1. Гафеть	3
2. Монастырь. (Введеніе къ ненаписанной поэмѣ).	12
3. Савонарола	15
4. Клермонтскій соборъ	23
5. Пѣвецъ. (Изъ Шамиссо).	36
6. Исповѣдь королевы. (Легенда объ испанской инквизиціи)	39
7. Жрецъ. (Отрывокъ)	64
8. Послѣдніе язычники	70
9. Приговоръ. (Легенда о Констанцкомъ соборѣ).	75
10. Поэтъ и двѣточница. (Гётевская элегія)	83
11. Алексій и Дора. (Пересказъ Гётевской элегіи)	94
12. Конь. (Изъ сербскихъ пѣсень).	100
13. Пастухъ. (Испанская легенда).	103
14. Менестрель. (Провансальскій романсъ)	108
15. Прищесса Шабашъ. (Изъ Гейне)	111
16. Мариэтта. (Я. П. Полонскому)	119
17. Старый дождь	125

II. Изъ славянскаго міра. 129—180.

18. Никогда! (Первая встрѣча славянъ съ римлянами)	131
19. Любуша и Премысль	142
20. Сабля царя Вукашина. (Изъ сербскихъ народныхъ пѣсень)	149
21. Сербская церковь. (Сербское преданіе)	156
22. Какъ отдарилъ турецкій султанъ Московскаго царя	163
23. Сонъ королевича Марка	171
24. Радойца. (Изъ сербскихъ пѣсень)	175

III. Новогреческія пѣсни. 181—228.

25. Колыбельная пѣсня	183
26. Мать и дѣти	184
27. «Ласточка примчалась»	185
28. Двустипшія	186
29. «Я бь тебя поцѣловала»	187
30. «Тихо море голубое!»	188
31. Поцѣлуй	189
32. «Свѣтлый праздникъ будетъ скоро»	190
33. «Словно ангель бѣлый, у окна надъ моремъ»	191
34. «Межъ тремя морями башня»	192
35. Старый мужъ	193
36. Молодая жена	194
37. Пѣвецъ	196
38. «Птички-ласточки, летите»	197
39. Олимпъ и Киссавъ	199
40. Голосъ изъ могилы	200
41. Плѣнникъ	201
42. Гаданіе	202
43. Цавелиха	204
44. «Побѣду клефты празднуютъ, пируютъ капитаны»	205
45. Плачь Паргіотовъ	206
46. Деспо	208
47. Завѣщаніе	209
48. «Сорокъ клефтовъ на зимовки»	211
49. Чужбина	213
50. Борьба со смертию	215
51. Адъ	218
52. «Что горы потемнѣли?»	219
53. «Приволье на горахъ родныхъ — приволье въ темныхъ долахъ...»	221
54. «Въ темномъ адѣ, подъ землею»	223
55. «Опустѣли наши села»	224
56. «Показалась звѣзда на востокъ»	226
57. Христось Воскресе	228

IV. Отзѣвы жизни. 229—342.

58. Духъ вѣка	231
59. Грёзы. (Отрывокъ)	246
60. Барышнѣ	267
61. Дурочка. (Идиллія)	281
62. Рыбная ловля	291
63. Три правды. (Сказка)	300
64. Картинка. (Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.)	306
65. Поля	309
66. Бабушка и внучекъ	315
67. Упраздненный монастырь	322
68. Пѣсня	333
69. Два бѣса	336

V. Отзѣвы исторіи. 343—438.

70. Емшанъ	345
71. Въ Городцѣ въ 1263 году	350
72. У гроба Грознаго	355
73. Стрѣльцкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ	360
74. Кто онъ?	370
75. Сказаніе о Петрѣ Великомъ въ преданіяхъ Сѣвернаго края	373
76. Ломоносовъ	377
77. Менуэтъ. (Разсказъ стараго бригадира)	382
78. Сказаніе о 1812 годѣ	385
79. Западная Русь. (Посвящается западно-русскимъ братствамъ)	389
80. Князю Друцкому-Любецкому	392
81. М. Н. Каткову: 1. «Мы — Москвичи! что дѣлать, милый другъ!»	396
2. «Что можетъ міру дать Востокъ?»	397
82. Ѳ. И. Тютчеву	398
83. Казакъ. (Дѣтямъ —мъ)	399
84. Въ Аія-Софіи	402
85. Передъ войной	406
86. Во время войны 1877—1878 года. 1. «Опять горить Востокъ! Опять и кровь, и стонъ»	407

	2. Къ картинѣ Айвазовскаго	408
87.	На 25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича 19 февраля 1880 г.	410
88.	Кантата, исполнявшаяся на парадномъ обѣдѣ въ день вѣнчанія на Царство Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича	413
89.	Въ день вѣнчанія на Царство Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича	421
90.	На событіе 17-го октября	422
91.	На спасеніе Государя Наслѣдника въ Японіи	424
92.	Завѣтъ старины	425
93.	Судъ предковъ. (Посвящается К. К. Случевскому)	427

VI. Юбилей. 439—464.

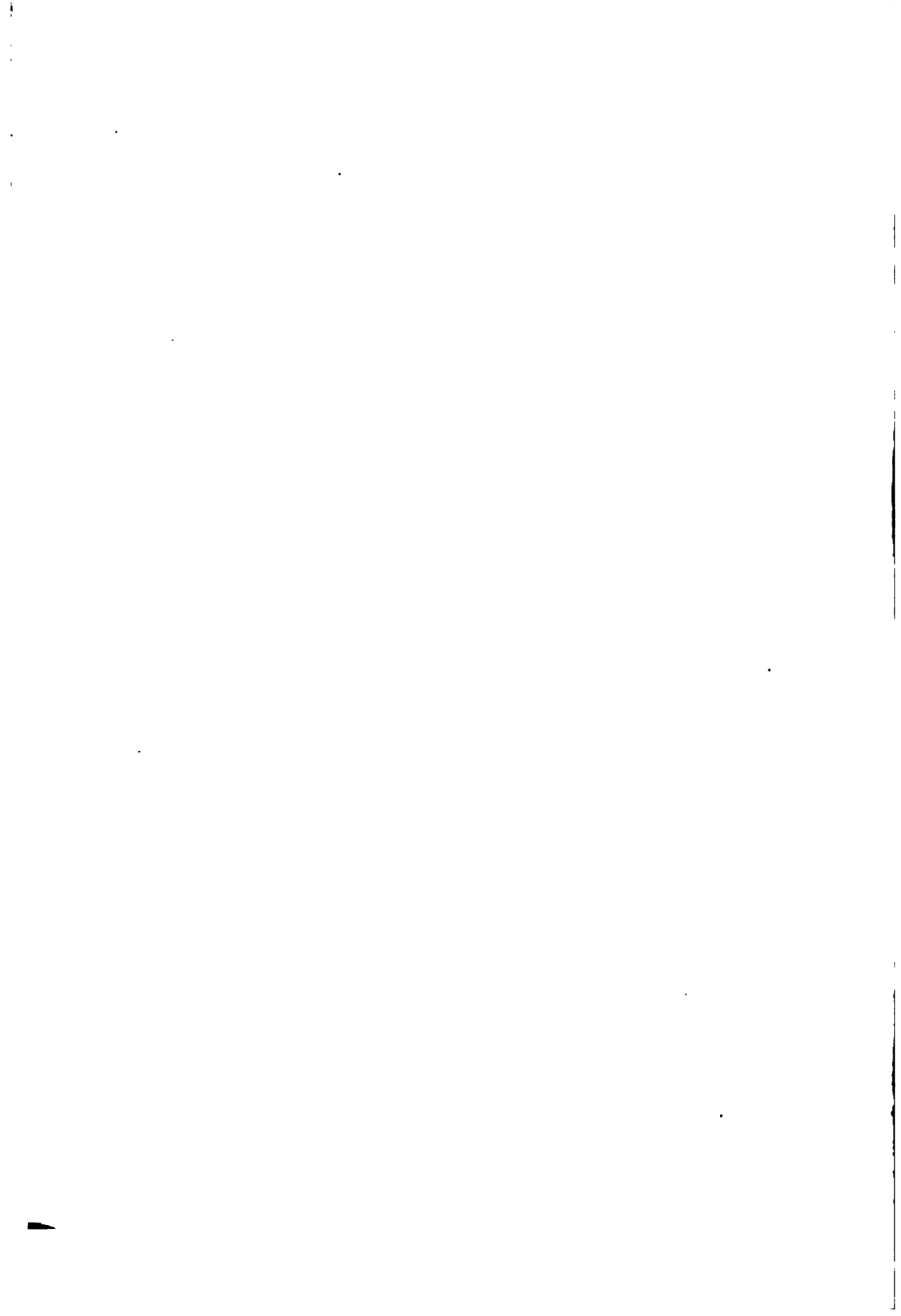
94.	Юбилей Шекспира	441
95.	Крыловъ	444
96.	Карамзинъ. (Посв. Мих. Петр. Погодину)	446
97.	Жуковский	451
98.	Пушкину	455
99.	Я. П. Полонскому. (Читано на его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ 10 апрѣля 1887 г.)	458
100.	А. А. Фету. (Въ день его 50-тилѣтняго юбилея 28 января 1889 г.)	460
101.	А. Г. Рубинштейну	461
102.	А. П. Милюкову. (По поводу моего пятидесятилѣтняго юбилея 1888 г. апр. 30)	463

VII. Слово о Полку Игоревѣ. 465—560.

	Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ	467
	Слово о Полку Игоревѣ	507
	Объяснительныя примѣчанія къ тексту «Слова о Полку Игоревѣ»	535

I.

ВѢКА и НАРОДЫ.

I.

ІАФЕТЪ.

...И Ной до лѣтъ маститыхъ дожилъ,
И Богъ его благословилъ,
И родъ сыновъ его умножилъ,
И имъ всю землю раздѣлилъ.

И Іафеть пошелъ къ полночи,
Держа къ звѣздѣ полярной очи,
И сталъ онъ у Кавказъ-горы,
И тамъ разбилъ свои шатры.

И былъ, какъ полныя кошницы,
Обилень станъ его добромъ.
Стѣной широкой колесницы
Стояли праздныя кругомъ.

Межъ нихъ паслись, высокогруды
Степные кони и мулы,
И двугорбатые верблюды,
И мягкорунные овны.

И наконецъ приспѣло время,
И страшный часъ насталь: бѣжить
Все многочисленное племя
На холмъ и къ праотцу спѣшить
Съ сосѣднихъ горъ и изъ долины,
Отъ стадъ и плуговъ, изъ шатровъ...
На головахъ—льняной покровъ,
Одѣты въ кожи всѣ звѣрины.
На холмѣ томъ, и дряхль и сѣдъ,
Кончался старецъ, изнуренный
Тяжелой ношей многихъ лѣтъ,
Племень сихъ прадѣдъ вдохновенный,
Ихъ вождь въ пустынь, Іафеть.
И патріархъ среброволосый
Скорбящій родъ совокупилъ;
На небо, море и утесы
Взоръ просіявшій устремилъ.
Всходило солнце. Горъ громады,
Ихъ ледяныя колоннады
Востокъ пурпурный обагралъ.

И старецъ рекъ: «Когда удары
Громовъ Господнихъ пронеслись;
Когда, свершительницы кары,
Въ брегахъ пучины улеглись;
Когда, какъ мостъ, отъ Арарата
На льдами вѣичанный Кавказъ
Дуга спасенья извилась,
Я вель стада свои у ската
Горы. Явился мнѣ тогда
Безвѣстный мужъ. Надъ нимъ свѣтила
Большая, яркая звѣзда;
На раменахъ златыя крила—
Я палъ лицомъ къ землѣ. Онъ рекъ:
«Оставь стада, иди за мною!»
Мы шли. Предъ нимъ смряли бѣгъ
Ручьи. Надъ бездною сѣдою
Нерукотворный мостъ взлеталъ,
Лизали землю львы степные,
Гдѣ мужъ таинственный ступалъ.
Взошли мы на гору. Густыя
Внизу курились облака,
Сквозился лѣсъ, а тамъ рѣка
О скалы билась вѣковья.
Сказалъ онъ: «Видишь эту синь?..
То море. Тамъ, за синью этой,

Есть много дебрей и пустынь:
Тамъ горы тучами отдѣты;
Тамъ рѣки тихія текутъ
Между зелеными лѣсами;
Тамъ, подъ глубокими снѣгами,
Долины солнца долго ждуть,
И скуденъ даръ произрастенья...
Но не пугайся этихъ странъ:
Высокій жребій будетъ данъ
Странамъ снѣговъ и заустѣнья;
Лишь только бѣ сонъ ихъ пробудилъ
Духъ творчій, сущій въ человѣкѣ,
Замкнулъ бы пристанями рѣки,
И землю острымъ плугомъ взрылъ...
Но вамъ ли, Юга воскормленцамъ,
Познать высокіе труды
Изобрѣтательной нужды?
Вамъ, избалованнымъ младенцамъ,
Уразумѣть законъ міровъ,
Поработить природы силы?..
Ничтожна мощь земли сыновъ,
Доколь ея не озарило
Сіянье горяго огня...
Ты воленъ: вотъ тебѣ на выборъ,—
Живи безпечень, какъ дитя,

Какъ звѣроловъ, пастухъ иль рыбарь,
Но блеска истины не знай,
Не вѣдай тайны мірозданья,
Не чувствуй гордаго сознанья,
Какъ звѣрь косматый... Выбирай!»
Предъ дивнымъ мужемъ, весь дрожащій,
Чело я долу преклонилъ,
И онъ главу мою накрылъ
Своею ризою блестящей...
Зажмурия очи, недвижимъ,
Я только чувствовалъ, что льется
Мнѣ въ душу свѣтъ, и передъ нимъ
Глубокій мракъ въ ней раздается...
И сталъ я вдругъ могучъ и смѣлъ.
Открылъ глаза—все предо мною
Сіяло новой красотою—
Какъ бы внезапно я прозрѣлъ.
А онъ исчезъ, и кто сей странникъ,
Не знаю,—ангелъ ли святой,
Иль нѣкій демонъ проклятой,
Небесъ сіяющихъ изгнанникъ?

«Съ тѣхъ поръ размноженныхъ людей
Не могъ сносить я жизни скудной,
Мнѣ было душно. Брегъ безлюдной

Пустынныхъ волнъ мнѣ былъ милѣй.
Я погружался въ созерцанье
Ночныхъ небесъ. Я изучилъ
Теченье мирное свѣтилъ
И тайный чинъ ихъ сочетанья
Я понялъ мысль, далъ слово ей,
Одной чертой увѣковѣчилъ,
И полувѣрственныхъ людей
Обожествилъ, очеловѣчилъ.
По волѣ случая, они
То тамъ, то здѣсь влачили дни:
Въ шатры, въ древесныя лачуги
Изъ мглы пещеръ ихъ вызвалъ я,
Запрягъ воловъ въ желѣзны плуги,
Смирилъ строптиваго коня...
Но что жъ? Во глубинѣ науки
Обрѣлъ я гибельныя муки
И отравилъ остатокъ дней
Какой-то карой беспощадной.
Я чуялъ въ сердцѣ—острый змѣй
Его терзалъ, иль коршунъ хладной
Его живое исклевалъ.
Какой-то демонъ безпокойной
Меня тревожилъ жаждой знойной,
Сомнѣньемъ мысль мою смущалъ.

Рвался я вдаль,—слабли силы,
И даръ блестящій, даръ унылый,
Небесный огонь—я проклиналъ!

«Теперь ужь близокъ часъ: я гасну.
Кому жь предать сей даръ ужасный?
Чей взоръ предъ ликомъ Божества,
Имъ пораженъ, не онѣмѣеть?
И чья не дрогнетъ голова,
Когда сей огонь надъ ней зардѣеть?»

Безмолвенъ сонмъ его сыновъ
Предъ патріархомъ вдохновеннымъ,
И жены съ ужасомъ смятеннымъ
Внимали звукъ великихъ словъ.
И изо всѣхъ, на зовъ науки,
Пришли съ спокойствіемъ святымъ
Четыре правнука, предъ нимъ
Потупя взоръ, скрестивши руки.
На нихъ глядѣлъ онъ, полнъ любви—
«Идите, правнуки мои,
Вась озаритъ поочередно,
Какъ яркой молніи струя,
Небесъ свѣтильникъ первородной.
Ты, чернокудрое дитя,

Иди на западъ! Тамъ, гдѣ море
Покрыто грудой острововъ,
Есть пышный край. Тамъ на просторѣ
Разросся лавръ. Въ груди холмовъ
Таится мраморъ. Мѣткимъ ломомъ
Отъ праха мраморъ оторви,
И мысли молніей и громомъ
Его ты къ жизни призови!
А ты, младенецъ съ строгимъ окомъ
И величавостью чела,
Суровый духомъ передъ рокомъ,
Тебѣ вѣковъ грядущихъ мгла
Готовитъ власть надъ цѣлымъ міромъ,
И будешь ты племень кумиромъ,
И какъ рабы они толпой
Пойдутъ въ оковахъ за тобой!
А вы, юнѣйшіе орлята,
Любимцы прадѣда, — туда,
Гдѣ дремлютъ тундры, рдѣютъ блата
Въ оковахъ сѣвернаго льда,
Идите!.. Міръ, облитый кровью,
Міръ дикой силы и оковъ
Преобразите вы любовью
И цѣпи снимете съ рабовъ.
Передаю вамъ огонь небесный!

Вы не угасите его!
И въ мірѣ будетъ повсемѣстно
Господней мысли торжество!
Блюдите вы его сіянье!
Любите скорбь и испытанья,
Въ которыхъ зрѣеть мысль и трудъ,
Какъ я любилъ свои страданья!
Святыя скорби въ воздаянье
Плоды святыя принесутъ!»

Умолкъ. Въ слезахъ, вокругъ толпясь,
Лобзали избранные внуки
Его хладѣющія руки,
И тихо онъ, въ свой смертный часъ
Благословляя ихъ, угасъ!

1840.

II.

МОНАСТЫРЬ.

(Введение къ ненаписанной поэмѣ).

Во дни кровавые, когда Тевтонъ суровый
Эстонцевъ уловлялъ въ желѣзныя оковы
И, знаменемъ креста прикрывъ нещадный мечъ,
Миръ проповѣдывалъ въ огнѣ немолчныхъ сѣчь,
Сюда отшельницы водой въ ладьяхъ приплыли
И крестъ на сей горѣ блестящій водрузили,
И скоро храмъ возсталъ надъ влагой голубой.
Своей прозрачною, готической иглой
Онъ гордо возлеталъ въ воздушныя равнины,
И стѣны раскидалъ по скатамъ цѣпью длинной.
Но вотъ прошли вѣка—какъ остовъ, этотъ храмъ,
Какъ привидѣніе, чернѣетъ по ночамъ;
Въ ночномъ молчаніи, какъ выходцы гробницы,

Нагіе остовы и башенъ, и бойницы;
Сквозь окна древнія пробился лучъ луны
Серебряной рѣкой вдоль подземельныхъ сходовъ;
Колонны гордыя, какъ бы утомлены
На мощныхъ раменахъ держать обломки сводовъ,
Пригнулися къ землѣ... Все тѣнѣе и прахъ!
Здѣсь, за оградой, въ окованныхъ стѣнахъ,
Гулъ міра умолкалъ предъ образомъ Распятья,
Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятья;
Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли,
И въ мирной келіи, отъ суеты вдали,
Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ надѣвали
Одежду мертвую и къ небу воспаряли...
Но вѣренъ ли онъ былъ, монашескій покровъ?
Всегда ль въ полуночномъ молчаніи дубровъ,
Въ часы весенніе мечтательныхъ безсонницъ,
Когда, ниспавъ между готическихъ оконницъ,
Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на нѣмомъ
Чугунномъ помостѣ блистательнымъ ковромъ,
Всегда ль, о ложѣ сна холодномъ забывая,
Склонившися къ окну, отшельница младая,
Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ,
На лоно вѣчности, въ надоблачный эфиръ,
Гдѣ ангелы поютъ божественныя гимны,
И бѣдную зовутъ въ чертогъ гостепріимный?

Не правда ль, часто взоръ, какъ небо голубой,
На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ земной,
И уху робкому мечтались не молитвы,
А цитры тихій звонъ иль кликъ опасной битвы...
И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
Туманя ясныя красавицы глаза,
По блѣдному лицу жемчужиной блистала...
И юная глава въ волненьи упадала
На руки бѣлыя, и прядь златыхъ кудрей
Волною падала по мрамору плечей,
И мѣсяць осыпалъ ихъ блѣдными лучами
И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?..

1845.

III.

САВОНАРОЛА.

Въ столицѣ Медичи счастливой
Справлялся странный карнаваль.
Всѣ въ бѣдомѣ, съ вѣтвію оливы,
Шли дѣвы, юноши; бѣжалъ
Народъ за ними; изъ собора,
Подъ звукъ торжественнаго хора,
Распятые инокѣ несли
И стройно со свѣчами шли.
Усыпанъ путь ихъ былъ цвѣтами,
Ковры висѣли изъ оконъ,
И воздухъ былъ колоколами
До горъ далекихъ потрясенъ.

Они на площадь направлялись,
Туда жъ по улицамъ другимъ,
Пестрѣя, маски собирались

Съ обычнымъ говоромъ своимъ:
Паяцъ и, съ лавкой разныхъ стеклянокъ,
На колесницѣ шарлатанъ,
И грандъ, и дьяволъ, и султанъ,
И Вакхъ со свитою вакханокъ.
Но, будто волны въ берегахъ,
Вдругъ останавливались маски,
И прекращались смѣхъ и пляски:
На площади, на трехъ кострахъ,
Монахи складывали въ груды
Все то, что тѣшитъ рѣзвый свѣтъ
Приманкой нѣги и суетъ.
Тутъ были жемчугъ, изумруды,
Великолѣпные сосуды,
И кучи бархатовъ, парчей,
И картъ игральныхъ, и костей,
И сладострастныя картины,
И бюсты фавновъ и сиренъ,
Литавры, арфы, мандолины,
И ноты страстныхъ кантиленъ,
И кучи масокъ и корсетовъ,
Румяна, мыло и духи,
И эротическихъ поэтовъ
Соблазна полные стихи...
Надъ этой грудой стояло,

Верхомъ на маленькомъ конькѣ,
Изображенъе карнавала—
Паяцъ въ дурацкомъ колпакѣ.

Сюда процессія вступила.
На помость всталъ монахъ сѣдой,
И чудно солнцемъ озарило
Его фигуру надъ толпой.
Онъ крестъ держалъ, главу склоняя
И указуя въ небеса...
Въ глубокихъ впадинахъ сверкая,
Его свѣтились глаза:
Народъ внималъ ему угрюмо
И рвалъ бѣсовскіе костюмы,
И, маски сбросивши тайкомъ,
Рыдали женщины кругомъ.
Монахъ училъ, какъ древле жили
Общины первыхъ христіанъ,
«А вы», сказалъ: «вы воскресили
Разбитый ими истуканъ!
Забыли въ шумѣ сатурналій
Молчанье строгое постовъ!
Святую біблію отцовъ
На мудрость вѣка промѣняли;
Пустынной маннѣ предпочли

Пиры египетской земли!
До знаній жадны, вѣрой скупы,
Понять вы тщитесь бытіе,
Анатомируете трупы—
А сердце знаете ль свое?..
О, Матерь Божія! Тебя ли,
Мое прибѣжище въ печали,
Въ чертахъ блудницы вижу я!
Съ блудницъ художникъ маловѣрный
Чертить, исполненъ всякой скверны,
И выдаетъ намъ за Тебя!..
Развратъ повсюду лицемѣрный!
Вась тѣшить пестрый маскарадъ—
Бѣсъ ходитъ возлѣ каждой маски
И въ сердце намъ вливаетъ ядъ.
Въ винѣ, въ наукѣ, въ женской ласкѣ
Вамъ сѣти ставить хитрый адъ,
И, какъ безмысленныя дѣти,
Вы слѣпо падаете въ сѣти!..
Пора! зову я васъ на брань.
Изъ-за трапезы каждый встань,
Гдѣ бѣсъ пируетъ! Бросьте яству!
Слѣшите! Пастырю во длань
Воду вернувшуюся паству!
Здѣсь искупленіе грѣхамъ!

Проклятье играмъ и костюмъ!
Проклятье льстивымъ чарамъ ада!
Проклятье мудрости людской,
Въ которой овцы Божья стада
Теряютъ вѣру и покой!
Господь, услышь мои моленья:
Въ сей день великій искупленья
Свои намъ молніи пошли
И разрази тельца златого!
Во имя чистое Христово
Весь домъ грѣха испепели!»

Умолкъ—и факеломъ зажженнымъ
Взмахнулъ надъ праздничнымъ костромъ;
Раздался пушекъ страшный громъ;
Сливаясь съ колокольнымъ звономъ,
Те Deum грянулъ мрачный хоръ—
Столбомъ всталъ огненный костеръ.
Толпы народа оробѣли,
Молились, набожно глядѣли,
Святаго ужаса полны,
Какъ грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобрѣтенья сатаны,
И какъ фигура карнавала,—

Его колпакъ и дѣтскій конь—
Качалась, тлѣла, обгорала
И съ шумомъ рухнула въ огонь.

Прошли года. Монахъ крутой,
Какъ геній смерти, воцарился
Въ столицѣ шумной и живой—
И городъ весь преобразился.
Облекся трауромъ народъ,
Вездѣ вериги, власяница,
Постомъ измученныя лица,
Молебны, звонъ да крестный ходъ.
Монахъ, какъ будто львиной лапой,
Толпу угрюмую сжималъ,
И дерзко ссорился онъ съ папой,
Въ безвѣрьи папу уличалъ...
Но съ папой спорить было рано:
Неравенъ былъ строптивый споръ,
И главъ вѣнчаныхъ Ватикана
Еще могучъ былъ приговоръ...
И вотъ опять костеръ багровый
На той же площади пылалъ;
Палачъ у висѣлицы новой
Спокойно жертвы новой ждалъ,
И грозный папскій трибуналъ

Стоялъ на помостѣ высокомъ.
На казнь монаховъ привели.
Они, въ молчаніи глубокомъ,
На смерть, какъ мученики, шли.
Одинъ изъ нихъ былъ тотъ же самый,
Къ кому народъ стекался въ храмы,
Кто отворялъ свои уста
Лишь съ чистымъ именемъ Христа;
Христомъ былъ духъ его напитаенъ
И за Него на казнь онъ шелъ;
Христа же именемъ прочитанъ
Монаху смертный протоколъ,
И то же имя повторяла
Толпа, смотря со всѣхъ сторонъ,
Какъ рухнулъ съ висѣлицы онъ,
И пламя вмигъ его объяло,
И, задыхаясь, произнесъ
Онъ въ самомъ пламени «Христось!»

Христось, Христось! но, умирая,
И по слѣдамъ Твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христось! онъ понялъ ли Тебя?
О, вѣтъ! скорбящихъ утѣшая,
Ты чистыхъ радостей не гнаешь,

И, Магдалину возрождая,
Дѣтей на жизнь благословляя!
И человекъ, въ Твоемъ ученьѣ
Познавъ себя, въ Твоихъ словахъ
Съ любовью видитъ откровенье,
Чѣмъ можетъ быть онъ святъ и благъ...
Своею кровью жизни слово
Ты освятить,—и возросло
Оно могуче и свѣтло;
Доминиканца жъ ликъ суровый
Былъ чуждъ любви—и самъ онъ цаль
Безплодной жертвою
.

1851.

IV.

КЛЕРМОНТСКИЙ СОБОРЪ.

Не свадьбу праздновать, не пирь,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и конями,
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Что лугъ, усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ,
Средь духовенства властелиномъ
Въ тиарѣ папа воссѣдалъ.

У трона — герцоги, бароны,
И красныхъ кардиналовъ рядъ;
Вокругъ ихъ — сирыхъ обороны —
Толпою рыцари стоятъ:
Въ узорныхъ латахъ Итальянцы,
Тяжелый Швабъ и рыжій Бриттъ,
И Галлъ, отважный сибарить,
И въ шлемахъ съ перьями Испанцы;
И отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
Дерзавшій свергнуть палства узы:
То обращенный еретикъ
Изъ фанатической Тулузы;
Здѣсь строй Норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,
Съ своей тяжелой алебардой...
На крыши взгромоздись, народъ
Всѣхъ поименно ихъ зоветь:
Все это львы, да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба —
Какъ будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
Надъ ними стаей лебедей,
Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
Изъ ложъ кругомъ сияютъ жены

Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
Лишь шопоть слышится въ собраньѣ.
Необычайная молва
Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мирѣ. Виденъ крестъ
Быль въ небѣ. Несся стонъ съ востока.
Заря кроваваго потока
Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ
Какъ человѣческое было
Лицо луны, и слезы лило,
И вокругъ клубился дымъ и мгла...
Чего-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу —
И били грозную тревогу
Со всѣхъ церквей колокола.

Вдругъ звонъ затихъ—и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни;
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ;
И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:

«Смиранный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильныя земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движеть мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищеть
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами,
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранить слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья,
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки... Но въ молчаньѣ
Вы потупяете глаза;
На грозныхъ лицахъ состраданья,

Я вижу, катится слеза...
О, люди, люди! язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слезы дешевы у васъ!
Ужель, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ!..
А тѣхъ страдальцевъ миллионы,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой
Что къ агницамъ трепетнымъ приходитъ,
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата,
И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей...
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ,

Толпами гнали по пескамъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ;
И турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ,
Но мигъ — мигъ памятный донинѣ,
Благословенный жизни мигъ,
Когда окованнымъ, средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
Предстали намъ Ерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ грекомъ обнялись;
Всѣ, какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И грекъ намъ далъ примѣръ великій:
Ерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ, и бровію не двинулъ!

Злодѣй страдальца опрокинулъ
И вырвалъ бороду его...
Рванули съ воплемъ мы цѣпами,—
А онъ Евангелія словами
Господне славилъ торжество!
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насть:
Мы сохранили ихъ всецѣло,
И, о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками
И на груди святой земли
Его останки погребли.

«И онъ не встанетъ вѣдь предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участія и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ, и живое не придетъ
Къ вамъ обновѣрцевъ вашихъ племя —
Христу молящійся народъ;
Одинъ креста несетъ онъ бремя,
Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ!

Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежить, больной, безъ силъ...
Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
Его чужой Самаритянинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы.
Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
О, нѣтъ, для васъ еще священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ —
Созданье злобы и коварства —
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите! ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псалмы

Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ—мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!..»

Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ будто громы
Перекатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
«Идемъ, оставимъ женъ и дома!»
И въ умиленіи святомъ
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали, какъ жены;
Врагъ лобызался со врагомъ,
И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ;
Свой грошъ и нищіе бросали;
И радость всѣхъ была свѣтла —
Ее литавры возвѣщали,
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церковей колокола.

* * *

Вотъ такъ латинскіе народы,
Во имя братства и любви,

Шли въ отдаленные походы.
Кипѣла доблесть въ ихъ крови.
Иудѣ чуждая и Крезамъ,
Лишь славолюбіемъ дыша,
Подъ этой сталью и желѣзомъ
Жила великая душа.
И ею созданные люди
На насъ колоссами глядятъ,
Которыхъ каменные груди
Ни мечъ, ни громъ не сокрушатъ.
Тогда въ ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Отдѣльно, далеко отъ братій,
Вели мы свой крестовый бой.
Ужъ нѣдра Азіи бездонной,
Какъ разгоравшійся вулканъ,
Къ намъ слали чадъ своихъ миліоны:
Дулъ съ степи жаркій ураганъ,
Металась степь какъ океанъ —
Востокъ чревать былъ Чингисханомъ!
И Русь одна тогда была
Сторожевымъ Европы станомъ
И ужъ за вѣру кровь лила..
Не долго рыцарей глубоко
Такъ трогалъ кликъ: «Іерусалимъ!»

Стонъ христіанскаго Востока
Все глуше становился нмъ!
Россія гбгла: къ христіанамъ
Взывала воплями она;
Но какъ Іосифъ Агарянамъ
Была отъ братьевъ продана!
Упала съ громомъ Византія;
Семья Славянскихъ царствъ за ней;
Столпы сложились костяные
Изъ череповъ богатырей;
За честь Евангелія Христова
Сыны Людовика Святого
Ужь выручать не шли Царьградъ.
Отъ брата отшатнулся братъ...
Мы — крестоносцы отъ начала!
Орда рвала насъ по клочкамъ,
Насъ жгла, — но лучше смерть, чѣмъ срамъ,
Страдальцевъ кровью возрастала
И крѣпла Русь; какъ мститель встала,
И, вѣрная себѣ, идетъ
Въ обѣтованный свой походъ.
За что же западные братья,
Забывъ свой подвигъ прежнихъ лѣтъ,
Ей шлютъ безумныя проклятья,
Какъ скрежетъ демоновъ во слѣдъ?

За что жь съ тоскою и заботой
На насъ они, косясь, глядятъ?
За что жь на насъ идутъ ихъ флоты
И намъ погибелью грозятъ?
За что жь?.. За то, что мы созрѣли,
Что вдругъ въ ученикахъ своихъ
Они совѣстниковъ узрѣли;
Что то не шутка: между нихъ.
Мы смѣло требуемъ гражданства!
Мы не пришельцы — зиждемъ храмъ
Еще невѣдомый вѣкамъ;
На необъятное пространство
Фундаментъ вывели; предъ нимъ
Блѣднѣютъ древнія державы, —
И новыхъ силъ, и новой славы
Младое солнце страшно имъ!
Докончить храмъ — въ насъ есть отвага,
Въ насъ вѣра есть, въ насъ сила есть,
Всѣ для него земныя блага
Готовы въ жертву мы принести...
За то, что намъ пришлось на долю
Свершить, что Западъ начиналъ;
Что насъ отнынѣ Богъ избралъ
Творить Его святую волю;
Что мы подъ знаменемъ Креста

Не лицемѣримъ, не торгуемъ,
И фарисейскимъ поцѣлуемъ
Не лобызаемъ мы Христа...
И, можетъ быть, враги предвидять,
Что изъ Россіи ледяной
Еще невиданное выйдеть
Гигантовъ племя къ нимъ грозой,
Гигантовъ — съ ненасытной жаждой
Безсмертья, славы и добра,
Гигантовъ — какъ ихъ міръ однажды
Зрѣлъ въ грозномъ образѣ Петра.

1853.

V.

ПЪВЕЦЪ.

(Изъ Шамиссо).

Свѣтель ликомъ, съ смѣлой лирой,
Передъ юностью цвѣтущей,
Пѣлъ старикъ худой и сирой:
«Я — въ пустынѣ вопіющій!»
Возглашалъ онъ: «все прійдетъ!
Тише, вѣтреное племя!
Созидающее время
Все съ собою принесетъ!

«Полно, дѣти, въ тщетномъ гнѣвѣ
Древо жизни потрясать!
Лишь цвѣты еще на дровѣ!
Дайте плодъ имъ завязать!
Недозрѣвъ — онъ полнъ отравы,
А созрѣвъ -- самъ спадеть,

И довольства вамъ и славы
Въ ваши дома принесеть».

Юность вокругъ толкуеть важно,
На пѣвца какъ звѣрь ярьсь:
«Что онъ лирою продажной
Останавливаетъ насъ?
Подымайте камни, братья!
Лжепророка заклеимимъ!
Пусть народныя проклятья
Всюду слѣдуютъ за нимъ»...

Во дворецъ съ своею лирой
Онъ пришелъ, къ царю зовущій;
Громко пѣлъ, худой и сирой:
«Я — въ пустынь вопіющій!
Царь! впередъ иди, впередъ!
Вѣкъ зоветъ! созрѣло сѣмя!
Созидающее время
Не прощаетъ и не ждетъ!

«Гонитъ вѣтеръ, мчитъ теченье!
Смѣло парусъ расправляй!
Божьей мысли откровенье
Въ шумъ бури угадай!

Просіай передь народомъ
Этой мысли торжествомъ, —
И поидеть спокойнымъ ходомъ
Онъ за царственнымъ вождемъ!»

Внялъ владыко... онѣмѣли
Царедворцы и, съ тоской,
Шепчуть: какъ не досмотрѣли!
Какъ онъ смѣлъ? Кто онъ такой?
Что за бредни онъ городить!
Соблазняетъ лишь людей
И царя въ сомнѣнье вводитъ...
На-цѣль дерзкаго скорѣй!»

И въ тюрьмѣ, съ спокойной лирой,
Тихъ предъ силою гнетущей,
Пѣлъ старикъ худой и сирой:
«Я — въ пустынѣ вопіющій!
Долгъ свершенъ. Пророкъ молчить
Честно снесъ онъ жизни бремя...
Созидающее время
Остальное довершить».

VI.

ИСПОВѢДЬ КОРОЛЕВЫ.

Легенда объ испанской инквизиціи.

Искони твердятъ испанки:
«Въ кастаньеты ловко брякать,
Подъ ножомъ вести интригу,
Да на исповѣди плакать —

«Три блаженства только въ жизни!»
Но въ одной Севильѣ старой
Такъ искусно кастаньеты
Ладятъ съ звонкою гитарой;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ подъ звѣздной ризой ночи
Жены нѣжны, смѣлъ любовникъ,
И ревнивца зорки очи;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ на утро полны храмы,
И такъ пламенно стремятся
Исповѣдываться дамы...

И искусный исповѣдникъ
Былъ всегда ихъ сердцу дорогъ,
Можетъ быть — дороже кружевъ,
Лентъ и перловыхъ уборовъ!

И таковъ былъ у Сан-Пабло
Исповѣдникъ знаменитый
Донъ Гуанъ ди Сан-Мартино —
Кладезь мудрости открытый!

Вся имъ бредила Севпльа,
Дамы голову теряли,
И съ любовниками даже
О монахѣ лишь шептали:

Какъ-то сладостно имъ было
Млѣть въ его духовной власти,
Особливо, если грѣшенъ
По сердечной кто былъ части...

Разъ вошла въ Сан-Пабло дама...
Храмъ былъ пустъ; одни, нѣмья,
Въ серебрѣ, въ шелку и лентахъ
Изваянья расписныя

По стѣнамъ стояли церкви,
Созерца я благосклонно
Мраморъ, золото и солнце
Въ дымѣ мирры благовонной.

Только нищій у колонны
Отдыхалъ въ дремотѣ сладкой,
Да бродила собачонка,
Полъ обнюхивая гладкой...

Незнакомка подъ вуалемъ
Кружевнымъ лицо укрыла,
Но — инкогнито съ монахомъ
Соблюсти, знать, трудно было:

Чуть она предъ нимъ склонилась,
Какъ надъ нею внятно, смѣло
Раздалось: «Чего желаетъ
Королева Изабелла?»

Дама вздрогнула, и въ страхѣ
Уронила на полъ чётки,
Но спокойно тотъ же голосъ
Говорилъ изъ-за рѣшетки:

«Благо кающимся, благо.
Жду тебя уже давно я!
У тебя, я знаю, сердце
Жаждетъ мира и покоя!

«Въ чемъ грѣшна ты передъ Богомъ?
Кайся мнѣ неллицемѣрно!»
И покаялася дама
Католичкою примѣрной!

«Утромъ нынче камерэру
Разбранила я обидно
И булавкой исколола...
Было послѣ такъ мнѣ стыдно...

«Мы поссорились съ супругомъ...
Почему, сама не знаю,
Я его въ опочивальню
Ужъ недѣлю не пускаю...

«Я люблю его всѣмъ сердцемъ,
И ревную... но со мною
Что-то странное творится...
Точно спорю я съ собою...

«Надо думать лишь о мужѣ,
Безпрестанно повторяю,
И — другого, чуть забудусь,
Черезъ мигъ воображаю.

«Донъ Фернандо, донъ Фернандо!
Я твержу усиленно, внятно,—
Изъ груди жь другое имя
Рвется съ силой непонятной!

«Такъ и крикнула бь съ балкона,
Ночью, въ небо голубое,
И на все бы королевство,
Это имя роковое!

«Сердцу страшно съ этой тайной
Притвориться и лукавить...
Помоги мнѣ... ты умѣешь
И утѣшить, и наставить»...

Могъ утѣшить и паставить
Всѣхъ монахъ сердечнымъ словомъ,
Но глядѣль на королеву
Взглядомъ грустнымъ и суровымъ:

— «Трудно дать совѣтъ, сказалъ онъ;
Этотъ грѣхъ — не какъ другіе...
Онъ — предтеча Божьей кары
За грѣхи твои иные!

«Вслѣдъ за нимъ придетъ злодѣйство,
Скорбь и муки преисподней —
И тебя спасти мнѣ трудно:
Ты забыла страхъ Господній!

«Святотатцамъ и злодѣямъ
Въ умерщвленьи плоти грѣшной
Есть спасенье: но убійцѣ
Духа Божья — адъ кромѣшный!»

Изабелла содрогнулась, —
Но скользнуть надъ адскою бездною
Ей, какъ истой кастильянкѣ,
Было жутко — но любезно!

— «Научи жь, что дѣлать, padre!
И наставь меня на благо!
Я еще построю церковь,
Я пѣшкомъ пойду въ Сан-Яго».

— «Если бь храмъ ты не изъ золота
И порфира созидала,
А въ сердцахъ твоихъ народовъ
Храмъ духовный устроила,

«И стояла бы у двери,
Яко стражъ съ мечомъ горящимъ,
Возбраняя входъ гienамъ
И ехиднамъ злошипящимъ, —

«Ты бь избѣгла страшной кары!
Зла мятежныя пучины
Тщетно бь храмъ твой осаждали!
Но раскрыла ты плотины,

«Разлилось нечестья море,
И волною досягнуло
Даже царственнаго трона,
И въ лицо тебѣ плеснуло!

«Омраченный духъ твой принялъ
Смрадныхъ волнь его дыханье,
Какъ вечернюю прохладу,
Какъ цвѣтовъ благоуханье...

«Вотъ и казнь за то!..» — «За что же?» —
— «Иль не видишь, королева,
Погляди — плоды несмѣтны
Сатанинскаго посѣва:

«Вся страна — кишить жидами!
Всюду маги, астрологи!
Новизна проникла всюду,
Въ кельи, въ хижины, въ чертоги!

«Саламанхскіе студенты,
Купно съ мавромъ, съ жидовиномъ,
Надъ одной толкуютъ книгой,
За столомъ сидятъ единымъ!

«Въ оныхъ псахъ смердящихъ юность
Братьевъ чтить, на зло закону,
И разносить духъ въ народъ,
Вѣрѣ гибельный и трону:

«Мудрость истинную презря,
Что толкуеть людъ безбожный?
Будто шаръ—земля, который
Весь кругомъ объѣхать можно,

«И открытъ такія земли,
О которыхъ ни въ Писаньи
Нѣтъ помину, ни въ единомъ
Каноническомъ преданьи!

«Говорять, рѣзныя буквы
Нынче какъ-то составляютъ,
И одну и ту же книгу
Въ цѣлыхъ сотняхъ размножаютъ—

«Что же, если эти бредни
Въ сотняхъ списковъ по вселенной
Вихорь дьявольскій размететь?
Все въ хаосъ придетъ смятенный!

«И... и кто же рукоплещеть
Этой пляскѣ вавилонской?
Въ комъ покровъ ей и защита!
Въ королевѣ аррагонской!..»

Такъ, борясь съ врагомъ исконнымъ,
Говорилъ онъ королевѣ
Объ ея отцѣ Богу
И о Божьемъ близкомъ гнѣвѣ,—

Но укорамъ громоноснымъ
Не нашелъ монахъ отвѣта;
Было сердце королевы
Точно броней одѣто.

Не испуганнымъ ребенкомъ
Передъ нимъ она стояла;
Не того, молвѣ повѣря,
Отъ монаха ожидала.

Ей ужь сталъ казаться лучше
Духовникъ ея придворный,
Но искуснѣе обоихъ
Пріоръ, въ Бургосѣ, соборный.

«Ну, а этотъ!.. мнѣ пророчить
Адъ и всяческіе страхи
За жидовъ и за ученыхъ!
Онъ такой, какъ всѣ монахи!»

И собою не владѣя,
Изабелла гордо встала,
И вуаль съ чела откинувъ,
Такъ монаху отвѣчала:

«Я, какъ женщина, о padre,
Дѣль правленья не касаюсь.
Ихъ—король ведетъ. Сама же,
Въ чемъ грѣшна я—въ томъ и каюсь.

«Мнѣ самой жиды противны.
Но они—народъ торговый,
И—политикъ это цѣнить—
На налогъ всегда готовый.

«Съ королемъ, моимъ супругомъ,
Въ Саламанхѣ мы бывали.
Насъ нигдѣ съ такимъ восторгомъ,
Какъ студенты, не встрѣчали.

«Донъ Фернандо былъ доволенъ.
Я жь скажу, что говорила—
Въ ихъ сердцахъ—опора трона,
Наша слава, наша сила!..

«А отъ тѣхъ ученыхъ бѣдныхъ,
Съ виду, можетъ быть, забавныхъ,
Ужъ давно у насъ въ бумагахъ
Много есть проектовъ славныхъ.

«Ихъ труды и жажду знаній
Для чего стѣснять—не знаю!
И возможно ль всѣхъ заставить
Думать такъ, какъ я желаю!

«Пусть ихъ мыслятъ, пусть ихъ ищутъ!
Мысль мнѣ дастъ бѣднякъ ученый—
Изъ нея, быть можетъ, выйдетъ
Лучшій перлъ моей короны!

«И—что будетъ—воля Божья!
Только все намъ предвѣщаетъ:
Міру царствованье наше
Новыхъ дней зарей сіяетъ!»

И уйти она хотѣла
Безъ смущенія, безъ страха,
Лишь сердясь на дамъ придворныхъ
Расхвалившихъ ей монаха.

Но монаха, звать, не даромъ
Жены славили и дѣвы:
Какъ глаза его сверкнули
На движенье королевы!

Онъ какъ барсъ въ желѣзной клѣткѣ
Встрепенулся,—со слезами
Упуская эту душу,
Отягченную грѣхами!

— «Погоди!» онъ кликнулъ громко,
«И познай: не я, царица,
Говорилъ съ тобой. Здѣсь явно
Всемогущаго десница!

«Я въ лицо тебя не видѣлъ:
Ты его мнѣ скрыть хотѣла.
Кто жъ сказалъ, что предо мною
Королева Изабелла?

«Все, царица, все я знаю...
Всѣ дѣла твои, мечтанья,
Даже—имя, предъ которымъ
Ты приходишь въ содроганье...

«Баль французскаго посольства...
Кавалерь иноплеменный
Въ черной маскѣ... на охотѣ
Разговоръ уединенный...

«Послѣ въ паркѣ»... — «Здѣсь измѣна!»
Горькимъ вырвалося стономъ
Изъ груди у королевы.
«Кто же былъ за мной шпиономъ?..

«Кто? отвѣтствуй!..» Все забывши,
Восклицала королева—
Величава и прекрасна
Въ блескѣ царственнаго гнѣва...

Если бъ не былъ Сан-Мартино
Небомъ свыше вдохновенный,
Я бъ сказалъ: глаза горѣли,
У него какъ у гіены;

Но когда съ негодованьемъ
На него она взглянула,
Въ этотъ мигъ, въ глаза гіены
Точно молнія сверкнула!

Но... сверкнула—и угасла!
«Нѣтъ», стонала Изабелла,
Я одна лишь знала тайну!
Я владѣть собой умѣла!

«Даже онъ—не смѣлъ подумать!
Гдѣ жъ предатель? гдѣ Іуда?..
Это имя только чудомъ
Могъ ты знать...»

— «И было чудо»,

Произнесъ монахъ—«и нынѣ
Не случайно, не напрасно
Въ храмъ пришла ты... Это имя--
Вотъ оно!..»

О, мигъ ужасный!..

Вдругъ лицо свое худое,
Самъ робѣя безъ отчета,
Къ Изабеллѣ онъ приблизилъ.
И дрожа, шепнулъ ей что-то...

Отшатнулась, онѣмѣла
Королева въ лютомъ страхѣ!
Взоръ съ тоской и изумленьемъ
Такъ и замеръ на монахѣ...

На нее жь его два глаза
Съ торжествомъ изъ тьмы глядѣли;
Точно всю ее опутать
И сковать они хотѣли...

И душа ея, какъ птичка
Въ тонкой сѣткѣ птицелова,
Перепуганная, билась,
Уступала, билась снова...

Въ храмѣ пусто, въ храмѣ тихо;
Неподвижны вокругъ святыя;
Страшны хладныя ихъ лица,
Страшны думы неземныя...

Лишь звучалъ монаха шопоть
И порывистый, и страстный:
«Признаю Твой промыслъ, Боже!
Персть Твой, Боже, вижу ясно!»

Свѣтель ликомъ, къ королевѣ
Онъ воззвалъ: «жена, не сѣтуй!
Милосердъ къ тебѣ Всевышній!
Вотъ что въ ночь свершилось эту!

«Для меня вся ночь—молитва!
Видить плачь мой сокровенный,
И бѣенье въ грудь, и муки
Онъ Одинъ, гвоздьми пронзенный!

«Въ эту ночь—среди рыданій —
Вдругъ объялъ меня чудесный
Сонъ, и, вижу я, всю келью
Преисполнилъ свѣтъ небесный.

«Мужъ въ верблюжьей грубой рясѣ,
Онѣмъ свѣтомъ окруженный,
Подошелъ ко мнѣ и позвалъ —
Я упалъ предъ нимъ смущенный.

«Онъ же рекъ тогда: «предстанеть
Нынѣ въ храмъ предъ тобою
Величайшая изъ грѣшницъ
Съ покровенной головою.

«Отврати ее отъ бездны,
Отъ пути Іезавели,
Коей кровь на стогнахъ града
Псы лизали, мясо ѣли».

«Усумнился я—помыслилъ:
То не въ грѣхъ ли новый вводитъ
Бѣсъ-прельститель, бѣсъ, который
Часто ночью въ кельяхъ бродитъ?»

«Моему ли окаянству
Ввѣрить Богъ Свое вѣлѣнье?..»
Но прозрѣлъ угодникъ Божій
Въ тотъ же мигъ мое сомнѣнье:

«Се ли, рекъ, твоя есть вѣра?»
Я же: «о, владыко! труденъ
Этотъ подвигъ! Дьяволь силенъ,
А мой разумъ слабъ и скуденъ».

«Повинуйся, рекъ онъ пакп,
Повинуйся, рабъ гнѣивый!
Се есть знаменье, которымъ
Побѣдиши грѣхъ кичливый!»

«И развилъ онъ длинный свитокъ:
Въ буквѣхъ огненныхъ сіяли
Въ немъ дѣла твои и тайны,
Прегрѣшенья и печали...

«И читалъ я передъ каждымъ
Судъ Господень — и скорбѣла
Вся душа моя, и плакалъ
О тебѣ я, Изабелла!..»

У самой у Изабеллы
Сердце въ ужасѣ застыло...
«Чудо — гнѣвъ небесный — чудо...»
Какъ во снѣ она твердила...

«Неужель... не Ты, о Боже!
Двигалъ волею моею!
Неужели весь мой разумъ —
Не былъ мыслию Твоею!

«Лишь о подданныхъ любезныхъ,
Лишь о милостяхъ безъ счета,
О смягченнѣ грубыхъ нравовъ —
Вся была моя забота!..

«Я лишь радовалась духомъ,
Лучшимъ людямъ въ царствѣ ввѣрся —
И ужели въ этомъ — гибель!
Неужели — въ этомъ ересь!..»

— «О, заблудшееся сердце!»
Восклицалъ монахъ надъ нею.
«О, сосудъ неоцѣненный
Для даровъ и для елею!

«Влей въ него святое мѣро!..
Гласа свыше удостоень,
Я земному не подкупень,
Средь житейскихъ волнъ — спокоень!

«Волю Божью, яко солнце,
Вижу ясно! въ чемъ спасенье —
Осязаю!.. Королева!
Здѣсь, въ рукахъ моихъ — прощенье!»

Говорилъ онъ вдохновенный.
И въ словахъ его звучали
Сила вѣры, стоны сердца,
Міру чуждыя печали...

Изабелла, на колѣняхъ,
За слезой слезу роняла;
И, закрывъ лицо руками,
«Что жь мнѣ дѣлать?» повторяла.

— «Надо дѣлать во славу Божию!
Чтобъ они, дѣла благія,
На вѣсахъ предвѣчной Правды
Перевѣшивали злыя!

«Ополчися на нечестье!
Въ царствѣ зло веди измѣрить,
Отличить худыхъ отъ добрыхъ,
Совѣсть каждаго провѣрить...

«Тотчасъ видно въ челоуѣкѣ,
Чѣмъ онъ дышитъ, чѣмъ питанъ —
Изъ того ужь, какъ онъ смотритъ,
Изъ того ужь, какъ молчитъ онъ!

«Эти лица безъ улыбки,
Этотъ видъ худой и блѣдный —
Явно — дьявольскія клейма,
Духъ сомнѣнія зловредный!..»

Говорилъ онъ вдохновенный,
Но недвижимая, нѣмая
Оставалась Изабелла,
Глазъ къ нему не подымая...

«Трибуналь устрой духовный»,
Говорилъ онъ, «чрезвычайный,
Чтобъ слѣдилъ онъ въ цѣломъ царствѣ
За движеньемъ мысли тайной;

«Чтобы слухъ его былъ всюду,
Глазъ насквозь бы видѣлъ души —
Въ городахъ, въ домахъ и кельяхъ,
Въ полѣ, на морѣ, на сушѣ;

«Чтобъ стоялъ онъ невидимый,
Въ школахъ, въ храмахъ, подь землю.
И между отцомъ и сыномъ,
Между мужемъ и женою...

«И тогда — въ твоихъ народахъ
Умъ и сердце, трудъ и знанье —
Все сольется въ хоръ согласный,
Восхвалять Отца созданья!

«Ни однимъ нестройнымъ гласомъ
Слухъ Его не оскорбится...
И тебѣ тогда, царица,
Все простится! все простится!..»

— «Все простится...» 'повторила
Изабелла... лучъ желанный,
Какъ маякъ для морехода,
Ей блеснулъ въ дали туманной...

Подняла къ монаху очи:
Слезы все на нихъ дрожали,
Но уже сквозь слезъ надежда
И довѣріе сіяли...

— «Возвратись же въ домъ свой съ миромъ!
И зови меня, худого,
Коль рѣчей моихъ смиренныхъ
Возжелаешь сердцемъ снова...

«А въ дому своемъ отнынѣ
Тщися мудрыми рѣчами,
Какъ Эсѣирь, въ супругѣ сердце
Преклонить — да будетъ съ нами!

«Говори ему въ совѣтъ,
Средь забавъ, на брачномъ ложѣ,
За трапезой, съ лаской, съ гнѣвомъ,
День и ночь, одно и то же!

«Такъ, какъ капля бьетъ о камень,
Говори, моли и требуй —
И тогда, о! все простится!
Всѣмъ угодна будешь Небу!..»

Онъ умолкъ. Ужь Изабелла,
Какъ дитя за нимъ слѣдила,
И за нимъ опять невольно —
«Все простится» — повторила...

По устамъ у Сан-Мартино
Пробѣжалъ улыбки трепеть...
Богомольныхъ дамъ — быть можетъ
Вспомнилъ онъ невинный лепеть,

Вспомнилъ тайну королевы, —
И какъ будто осіянный
Новой мыслью, — «все простится»,
Подтвердилъ съ улыбкой странной.

Во дворцѣ и передъ храмомъ.
Свита — донья и дуэнья
Ожидали королеву .
Въ несказанномъ нетерпѣннѣ.

Какъ ей чудный исповѣдникъ
Показался — звать желали;
И едва она къ нимъ вышла,
Съ любопытствомъ вопрошали:

«Ну, каковъ?» — Собой владѣя,
Королева, безъ смущенья,
Равнодушно отвѣчала:
«Производитъ впечатлѣннѣ».

1861.

VII.

ЖРЕЦЪ.

(Отрывокъ).

Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ.
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ,
За то, что грѣшную природу
Онъ побѣдилъ въ себѣ, какъ могъ,
Блѣ только злаки, пилъ лишь воду,
И весь, какъ мумія, изсохъ.
«Учитесь», онъ вѣщаль народу;
«Я жилъ средь васъ; я посѣщаль
Вертепы роскоши порочной,
И яствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно;
Смотрѣлъ на пляски вашихъ дѣвъ,
Коварный слушалъ ихъ напѣвъ;
Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,

Ходилъ по рынкамъ я богатымъ, —
Но вотъ — ни крови, ни очамъ
Своей души въ соблазнъ я не далъ:
Я вашихъ брашенъ не отвѣдалъ,
И злато бросилъ нищимъ псамъ,
И чистъ, какъ духъ, иду я нынѣ,
Чтобъ съ Богомъ говорить въ пустынѣ!»

И вышелъ онъ, свои стопы
Въ пустыни дальнія направа.
Смотрѣли вслѣдъ ему толпы;
Гieroфантъ, его наставя
На трудный путь, своей рукой
Благословилъ: «Иди, учися»,
Сказалъ: «и послѣ къ намъ вернися,
И тайну жизни намъ открой!»

Минули многіе ужъ годы...
О немъ пропалъ и самый слухъ;
Межъ тѣмъ онъ въ таинства природы
Пытливо погружалъ свой духъ,
И изнуренный, исхудалый,
Какъ тѣнь въ пустынѣ онъ бродилъ,
И ероглифами браздилъ
Людьми нетронутыя скалы.

Разъ у ручья онъ между скалъ
Въ весенній вечеръ възсѣдалъ.
Пустыня въ сумракѣ синѣла;
Верхушка пальмы лишь алѣла
Надъ головой его, одна
Закатомъ дня озарена...
И безъ конца и безъ начала
Какъ будто музыка звучала,
Несясь невѣдомо куда
Въ степи, безъ цѣли, безъ слѣда...
Что приносили эти звуки?
Пустыни ль жалобныя мукы?
Иль гулъ отъ дальнихъ городовъ,
Гдѣ при огняхъ, среди пировъ,
Въ садахъ, во храмахъ раздаются
Кипящей жизни голоса,
И отъ земли на небеса
Могучимъ откликомъ несутся?..
И вспомнилъ жрецъ, какъ бы сквозь сонъ,
Какъ былъ къ сатрапу приведенъ
Обманомъ онъ на искусъ страшный:
Чертогъ въ цвѣтахъ благоухаль,
Лилось вино, дымилась брашна,
Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ;
Предъ нимъ лезбіянка плясала,

Кидая въ воздухъ покрывало;
Къ сатрапу бросилась потомъ .
И кубокъ подала съ виномъ;
Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
Понлъ онъ дѣву, и въ уста
Ее лобзаль, и какъ голубка,
Къ нему ласкалась красота;
Вдругъ онъ жрецу сказалъ, вставая:
«Она твоя! садись и пей!»
И ихъ оставилъ... И какъ змѣй
Къ своей добычѣ подползая,
Чаруетъ взглядомъ и мертвитъ,
Она впилась въ него очами,
Идетъ къ нему, — и вдругъ руками
Онъ бѣлоснѣжными обвить!
Уста съ пылающимъ дыханьемъ
Къ нему протянуты съ лобзаньемъ,
И жизнью, трепетомъ, тепломъ
Охваченъ онъ... «Уйдемъ, уйдемъ!»
Она твердитъ: «бѣги со мною!
Вонъ бѣлый Нилъ! уйдемъ скорѣй,
Возьмемъ корабль! летимъ стрѣлою
Къ Аѳинамъ, въ мраморный Пирей!
Тамъ все иное — люди, нравы!
Тамъ покрывалъ на женахъ нѣтъ!

Мужамъ поютъ тамъ гимны славы,
Тамъ воля, игры, жизнь и свѣтъ!..»
О, злыя чары женской рѣчи!..
Благоухающія плечи
Предъ нимъ открыты... рядъ зубовъ
Бѣлѣлъ, какъ нитка жемчужовъ...
Густыя косы рассыпались
Изъ-подъ повязки — и, блестя,
Сережки длинныя качались,
По ожерелью шелестя...
И этотъ блескъ, и этотъ лепетъ,
И страстный пылъ, и сладкій трепеть
Въ жрецѣ всю душу взволновалъ:
Окаменѣлъ онъ въ изумленѣ —
Но вдругъ очнулся отъ забвенья,
И съ дикимъ крикомъ убѣжалъ!

Къ чему жъ опять она мелькнула,
Какъ по пустынѣ мотылекъ?
И обернулась, и вздохнула,
Пролетѣла: «а ты бы могъ...»
Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье,
Но дѣва все стоитъ предъ нимъ!
Ужъ въ неотступное видѣнье
Вперивши взоръ, онъ, недвижимъ,

Ей нѣжно шепчетъ, какъ подругѣ,
То страстно молить, то корить,
То вдругъ очнувшись, въ испугѣ,
Какъ отъ врага въ степи бѣжить...
Но нѣтъ забвенья! нѣтъ спасенья!
Въ его больномъ воображеньѣ
Какъ будто выжженъ ясный ликъ—
Вездѣ лезбіянка молодая!..
И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
Глаза въ крови, горитъ языкъ;
Косматый рыщетъ онъ въ пустынь,
Какъ звѣрь израненный реветъ,
Въ песокѣ катаясь, міръ клянетъ,
И въ ярости грозитъ богинѣ...
А вокругъ—безъ цѣли, безъ слѣда,
Несясь невѣдомо куда,
И безъ конца и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
И, сыпя звѣзды безъ числа,
По небу тихо ночь плыла...

1848, 1858.

VIII.

ПОСЛѢДНІЕ ЯЗЫЧНИКИ.

Когда въ челѣ своихъ дружинъ
Увидѣлъ крестъ животворящій
Изъ царской ставки Константинъ
И палъ предъ Господомъ, молящій, —

Смутились старыя вожди,
Столпы языческаго міра...
Они, съ отчаяньемъ въ груди,
Встануть съ одра, встануть отъ пира,

Бѣгутъ къ царю, вопятъ: «О царь!
Ты губишь все, свою державу,
И государство, и алтарь,
И вѣчный Римъ, и предковъ славу!

«Предъ кѣмъ ты палъ? вѣдь то рабы!
И ихъ ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царствъ судьбы
На ихъ ты проповѣди дикой!

«Вѣрь прозорливости отцовъ!
Ихъ распинать и жечь ихъ надо!
Не медли, царь, скорѣй оковы!
Безумна милость и пощада!»

Но не внималъ имъ Константинъ,
Видѣнъ емъ свыше озаренный,
И поднялъ стягъ своихъ дружинъ,
Крестомъ Господнимъ осѣненный.

Въ негодованьи цѣпь съ орломъ
Трибуны съ плечъ своихъ сорвали,
И шумно въ груды предъ царемъ
Свое оружье побросали —

И разошлись...

Побѣдилъ
Къ Христу прибѣгшій императоръ!
И предъ Распятымъ преклонилъ
Свои колѣна триумфаторъ.

И повелѣлъ по городамъ
Съ сыновъ Христа снимать оковы,
И строить сталъ за храмомъ храмъ,
И словеса читать Христовы.

Трибуны старыя въ домахъ
Сидѣли, злобно ожидая,
Какъ, потрясенная, во прахъ
Падеть имперія родная.

Они собирались въ древній храмъ
Со всѣхъ концовъ на годовщину
Молиться дѣдовскимъ богамъ,
Пророча гибель Константину.

По время шло. Ихъ кругъ рѣдѣлъ,
И гасли старцы другъ за другомъ...
А надъ вселенной крестъ горѣлъ,
Какъ солнца лучъ надъ вѣшнимъ лугомъ.

Осталось двое только ихъ.
Храня обѣтъ, другъ другу данный.
Они во храмъ боговъ своихъ
Сошлись, розами вѣнчанны.

Зарось и треснулъ старый храмъ;
Кумирь поверженный валялся;
Изъ оконъ храма ихъ очамъ
Константинополь открывался:

Синѣль Эвксинъ, блестяль Босфоръ;
Вздымались куполы цвѣтные;
Тамъ—на вселенскій шли соборъ
Ерархи, иноки святые;

Тамъ—колесницы, корабли...
Подъ твердью неба голубою
Сливался благовѣсть вдали
Съ побѣдной воинской трубою...

Смотрѣли молча старики
На эту рѣскошь новой славы,
Полны завистливой тоски,
Стыдась промолвить: «мы неправы».

Давно ужь въ мірѣ безъ угѣхъ
Свой вѣкъ они влачили оба;
Давно смѣшна была для всѣхъ
Тупая, старческая злоба...

Они глядятъ—и ждетъ ихъ взоръ—
Эвксинъ на городъ не прорвется ль?
Изъ-за морей нейдетъ ли морь?
Кругомъ земля не пошатнется ль?

Глядятъ, не встанетъ ли кумирь...
Но Олимпіецъ, грудью въ прахъ,
Лежитъ недвижимъ, нѣмъ и сиръ,
Какъ трупъ предъ палачомъ на плахъ.

Проклятыя самыя мертвы
У нихъ въ устахъ... лишь льются слезы,
И старцы съ дряхлой головы
Снимаютъ молча плющъ и розы...

Ушли... Распятіе въ пути
На перекресткѣ ихъ встрѣчаетъ....
Но нѣтъ! не поняли они,
Что Божій Сынъ и ихъ прощаетъ.

1857.

IX.

ПРИГОВОРЪ.

(Легенда о Констанцскомъ соборѣ).

На соборѣ, на Констанцскомъ,
Богословы засѣдали;
Осудивъ Югана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.

Въ длинной рѣчи докторъ черный,
Перебравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборно
Присудить колесованье,

Сердце, зла источникъ, кинуть
На съѣденье исамъ поганымъ,
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать склевать нечистымъ вранамъ;

Самый трупъ—предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый...

Такъ, по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ;

И, дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Восклицали: «bene, bene!»
Люди, опытные въ спорѣ;

Каждый чувствовалъ, что смута
Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
И что докторъ изъ сомнѣній
Ихъ, какъ изъ лѣсу, выводитъ...

И не чаяли, что тутъ же
Ждетъ еще ихъ испытанье...
И соблазнъ великій вышелъ!
Такъ гласить повѣствованье:

Былъ при кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый;
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы;

Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣетъ
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользятъ лучи заката
Вкругъ по мантиямъ и ризамъ;

Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усь задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя...

Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и — оживился;
За пажомъ невольно кесарь
Поглядѣлъ, развеселился —

За владыкой — рядъ за рядомъ,
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:

Грозный сонмъ князей имперскихъ,
Изъ Сорбонны депутаты, —
Трирскій, Лютихскій епископъ,
Кардиналы и прелаты —

Оглянулся даже папа! —
И суровый ликъ дотолѣ
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневолѣ;

Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началь путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и — улыбаться!

И чего жъ они такъ смотрять?
Что могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое?
Или — розовыя горы?

Но — они таятъ дыханье
И, отдавшись сладкимъ грѣзамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ...

Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ замкомъ,
Вечеръ празднуя весенній;

Онъ запѣлъ — и каждый вспомнилъ
Соловья такого жъ точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ,
Кто надъ Рейномъ, въ часъ урочный,

Кто — таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто — трактировъ швабскихъ Гебу,
Разливательницу пива...

Словомъ — всёмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грёзы счастья,
Золотые дни свободы —

И — исторія не знаетъ,
Сколько длилось молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья...

Былъ въ собраньи этомъ старецъ;
Изъ пустыни вызванъ папой,
И почтень за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой, —

Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;

И, какъ шопоть раздается
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
«Жалко Гуса» прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся онъ—и, объятья
Всѣмъ присущимъ открывая,
Со слезами молвилъ: «братья!»

Но, какъ будто перелуганъ
Звукомъ собственного слова,
Костылемъ ударилъ объ полъ
И упалъ на мѣсто снова;

«Пробудитесь», возопилъ онъ,
 Блѣдный, ужасомъ объятый:
 «Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ!
 Это гласъ его, проклятый!..

«Каюсъ вамъ, отцы святые!
 Лъстивой пѣснью обаянный,
 Позабылъ я пребыванье
 На молитвѣ неустанной —

«И вошелъ въ меня нечистый! —
 Къ вамъ простеръ мои объятя,
 Изъ меня хотѣлъ воскликнуть:
 «Гусъ невиненъ».—Горе братья!..»

Ужаснулося собранье,
 Встало съ мѣстъ своихъ, и хоромъ
 «Да воскреснетъ Богъ» запѣло
 Духовенство всемъ соборомъ, —

И, очистивъ духъ отъ бѣса
 Покаяньемъ и проклятьемъ,
 Всѣ упали на колѣни
 Предъ серебрянымъ распятьемъ, —

И, возставъ, Иогана Гуса,
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье христіанамъ,
Осудили — на сожженье...

Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада!
Отъ соборнаго проклятья
Дьяволь вылетѣлъ изъ сада,

И надъ озеромъ Констанцскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ искры сѣя.

Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини старушки
И одинъ констанцскій ратманъ,
Возвращавшійся съ пирушки.

1860.

X.

ПОЭТЪ И ЦВѢТОЧНИЦА.

(Гётевская элегія).

Она.

Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый,
Сядь и ужь мнѣ не мѣшай!.. Скоро смеркаться
начнетъ.

Онъ.

Что за хабсъ вокругъ тебя! и надъ нимъ, какъ Любовь, ты
склонилась,
Мыслью готова въ него жизнь и гармонию влить!

Она.

Розы не трогай: чудесныя розы! изъ нихъ — заглядѣнье
Выйдетъ вѣнокъ — и тебѣ этотъ вѣнокъ я подамъ!

Онъ.

Какъ мнѣ забавно всегда! на пиру ты вѣнокъ мнѣ под-
носишь!

Я равнодушнымъ кажусь — самъ же весь занятъ
тобой!

Она.

Ты не глядишь на меня, но я чувствую взглядъ твой
горячій....

Точно сребристую сѣть я за собой волочу!

Онъ.

Это влечетъ тебя сердце мое въ уголокъ нашъ укромный,
Гдѣ ты — какъ Флора въ цвѣтахъ, и у колѣнъ
твоихъ я.

Она.

Да, а сойдемся мы здѣсь — отъ меня ты ужь мыслью
далеко!

Вотъ и теперь не глядишь... Чтó же ты вдругъ
замолчалъ?

Онъ.

Вотъ чтó я вспомнилъ: былъ Павзій, художникъ; любилъ
онъ Гликеру;

Плеть мастерица была эта Гликера вѣнки.

Она.

Этс — какъ будто бы мы! Только ты не художникъ, а
лучше —
Фебомъ любимый поэтъ! гордость и слава Аѳины!

Онъ.

Эту Гликеру прелестнѣйшей дѣвушкой, милымъ ребенкомъ
Онъ всю въ цвѣтахъ написалъ, и — обезсмертилъ себя!

Она.

Что же? и ты обезсмерть себя славной поэмой!.. Я часто
Думаю: что бы тебѣ нашу любовь описать?

Онъ.

Павзій — счастливей! черты своей милой Гликеры онъ
кистью
Могъ передать; а въ стихахъ — какъ опишу я тебя?

Она.

Вотъ ты какъ сдѣлай: пусть въ Индіи будетъ, гдѣ звѣри и
птицы
Дружно съ людьми говорятъ, много гдѣ всякихъ
чудесъ!..

Онъ.

Странно! съ любовью въ разладъ вдохновенье идетъ у
 поэта,
 Кажется — какъ я люблю!.. и — хоть бы пѣснь!
 хоть бы стихъ!

Она.

Жилъ тамъ волшебникъ; малюткой царевну похитилъ...
 Малютка
 Стала цвѣты продавать; только, однажды былъ пиръ—

Онъ.

Царскій былъ сынъ на пиру; онъ влюбился, и кончилось
 свадьбой!
 Въ сказкахъ всегда это такъ... только немного старо—

Она.

Нѣтъ, не старо! можно выдумать рядъ приключеній чу-
 десныхъ...
 Какъ онъ умомъ и мечомъ чары умѣлъ побѣдить...

Онъ.

Бился съ гигантами! конное, пѣшее войско съ слонами,
 Тьмы колесницъ золотыхъ въ бѣгство одинъ обратилъ!

Она.

Ты только шутишь со мной!.. а молчанье твое мнѣ ужасно!..

Помнишь ли ты на пиру первый вѣнокъ мой тебѣ?

Онъ.

Этотъ вѣнокъ и теперь у меня надъ кроватью хранится...

Первый, который ты мнѣ, пиръ обходя, подала?

Она.

Помнишь—вѣнчая твой кубокъ, я почку въ вино уронила:

Выпивъ вино, ты сказалъ: «дѣва! цвѣты — это ядь!»

Онъ.

Какъ же!.. и съ маленькимъ женскимъ лукавствомъ и дѣтски
краснѣя,

«Пчелки, сказала ты, въ нихъ медъ достаютъ, а не
ядь!»

Она.

Если съ тѣхъ поръ твоя муза молчить, ты угрюмъ и не-
счастливъ,

Значить, то правда, что жизнь я отравила тебѣ?

Онъ.

Полно, мой другъ, я молчу лишь отъ счастья!.. Какъ му-
зыка, нѣжный

Голосъ твой мнѣ прозвучалъ—тамъ, средь мужскихъ
голосовъ!

Она.

Лучше бѣ молчать мнѣ, и пчелокъ не трогать! вѣдь къ
 этому слову
 Рыжій придрался Тимантъ, крикнулъ—«и шмель не
 дуракъ!»

Онъ.

Гнусный Силенъ!.. и облапилъ тебя, какъ медвѣдь! пока-
 тилась
 Въ уголь корзина твоя... всѣ разлетѣлись цвѣты!..

Она.

Какъ онъ меня напугалъ!.. только слышу: «оставь ее, ци-
 никъ!»
 Вижу—ты съ мѣста вскочилъ, свѣтель, какъ самъ
 Аполлонъ!

Онъ.

Онъ не сробѣлъ, а держалъ тебя, бѣлые зубы оскаливъ,
 Легкое платье твое по поясъ съ плечъ разорвалъ...

Она.

Ужась! какъ бросишь въ него ты серебрянымъ кубкомъ!..
 я помню,
 Какъ онъ о черепъ его звякнулъ и прыгать пошелъ!..

Онъ.

Гнѣвъ и вино ослѣпляли меня!.. но успѣлъ разглядѣть я,
Какъ ни старалась ты скрыть, круглое... это плечо...

Она.

Ахъ, что за шумъ поднялся! весь облитый виномъ, онъ
затрясся:

Съ мокрыхъ волосъ по лицу кровь заструилась ручьемъ...

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!.. въ слезахъ, на полу, на колѣняхъ,
Платье одною рукой ты собирала на грудь...

Она.

Блюдо, тарелки въ тебя полетѣли, звеня и блистая!
Точно взбѣшенный Аяксъ, все онъ ломалъ вокругъ себя!

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!.. какъ быстро другою рукою
Ты подбирала вѣнки, взоромъ за нами слѣдя...

Она.

Доброе сердце! ты думалъ—меня ушибуть... а хозяинъ
Ярость обрушить на мнѣ—всталъ и меня заслонил!

Онъ.

Пестрый коверъ перекинулъ я на руку, точно готовясь
Въ битвѣ съ свирѣпымъ быкомъ бросить ему на глаза!

Она.

Я ускользнула, увидя, что гости вступились, стараясь
За руки васъ удержать, вмѣстѣ стыдя и моля.

Онъ.

Къ счастью все кончилось смѣхомъ: вскочилъ и трагиче-
скимъ тономъ:
«Что вы, Ахейцы!» намъ рѣчь сталъ говорить Діогенъ.

Она.

Этотъ сѣдой Діогенъ притворяется только сердитымъ;
Право, душа у него, кажется, вовсе не зла!..

Онъ.

Онъ успокоилъ все шуткой... Но тщетно тебя я хватился!
Три дня тебя я искалъ! три дня на рынкѣ бродилъ!

Она.

Я со стыда не могла показаться... вѣдь всѣ меня знаютъ,
Любятъ—и вдругъ обо мнѣ въ городѣ говоръ пошелъ.

Онъ.

Много я видѣлъ вѣнковъ, много видѣлъ цвѣтовъ и цвѣточ-
ницъ,
Не было только одной—маленькой Ляды моей!

Она.

Дома вѣнки я сплетала... рядкомъ ихъ, бывало, развѣшу...
Вотъ и теперь они тутъ... всё ужъ засохли давно!

Онъ.

Гдѣ ты живешь, переспрашивалъ женщинъ, старухъ я на
рынкѣ,
Даже гулякъ и повѣсь—всѣ становились втупикъ!

Она.

Вечерь, бывало, сижу я, гляжу на вѣночки, и плачу...
Ночь подвигалась... цвѣта гасли одинъ за другимъ...

Онъ.

Въ горѣ, усталый, къ богамъ я взывалъ, къ Аполлону
взывалъ я:
«О, сребролукій! да гдѣ жъ? гдѣ же укрылась она?»

Она.

Все мнѣ казалось, что вотъ ты войдешь... и что буду я
дѣлать?
Съ тайной надеждой пошла на площадь я наконецъ...

Онъ.

Я ужъ давно тамъ бродилъ... посмотрѣлся, послушался вдоволь!
Рыба, плоды, пѣтухи! крики ословъ и старухъ!..

Она.

Что тамъ за шумъ былъ, когда я тебя наконецъ увидала?

Онъ.

Право, не знаю... но вдругъ ты мнѣ мелькнула въ толпѣ...

Она.

Точно въ челнѣ сквозь высокій тростникъ, въ тѣсотѣ ты
пробился...

Онъ.

И очутились вдругъ въ шумной толпѣ мы одни!

Она.

Помню, я слышала только, какъ сердце въ груди моей
билось...

Онъ.

Рядомъ пошли мы съ тобой... въ очи другъ другу
глядя...

Она.

Такъ, какъ теперь ты глядишь, и съ такою же тихой
улыбкой...

Онъ.

Какъ ты прекрасна была, солнцемъ облита живымъ!

Она.

Вышли мы за-городъ...

Онъ.

Море блистало въ дали серебристой...

Она.

Все это, милый, теперь кажется сказкою мнѣ!

Онъ.

И безъ волшебника сказка! безъ царскаго сына, царевны!

Она.

Это—поэма, мой другъ!

Онъ.

Милая Муза моя!

Она.

Тише! вѣнки пзомнешь... о, какъ скоро стемнѣло сегодня!..

Какъ же хорошъ и какъ смѣлъ на этомъ пирѣ ты былъ!

1862.

XI.

АЛЕКСИСЪ И ДОРА.

(Пересказъ Гётевской элегии).

Ахъ, неудержно впередъ, неудержно все далѣ и далѣ
Мчится на всѣхъ парусахъ въ синее море корабль!..
Слѣдъ его длинной темнѣетъ струей, и, сверкая, дельфины
Весело прыгаютъ въ ней, словно добычу лова.
Кормчій на снасти глядитъ—точно музыку слушаетъ: лихо,
Въ добрую пору пошли! вѣтеръ попутный какъ разъ!
Очи пловцовъ и мечты ихъ, какъ флаги и вымпелъ летучій,
Весело смотреть впередъ... Духомъ поникъ лишь
одинъ.
Къ борту склонясь корабля, онъ все смотреть, какъ горы
блѣднѣютъ,
Берегъ уходитъ изъ глазъ... вотъ ужъ изъ виду про-
паль...

«И у тебя, моя Дора—онъ шепчетъ—ужь скрылся изъ виду
Въ морѣ корабль мой и я, милый твой, другъ твой,
женихъ!

Тщетно и ты меня ищешь, съ высокаго берега смотришь—
Вкругъ безотвѣтна на все, думой въ себя погружась!..
Сердце, прижавшись разъ къ моему, все не можетъ утихнуть!
Мысль твоя новую жизнь тщетно стремится обнять!

«Мигъ это былъ, только мигъ, но онъ вдругъ перевѣсилъ
всѣ годы,

Мной прожитые во тьмѣ, въ сонномъ, тупомъ забытьи.
Словно ударъ громовой, словно молнія въ сердце упала,
Спавшія силы въ груди радостно вдругъ пробудивъ.
Словно совсѣмъ я другой; и смотрю на себя съ любопыт-
ствомъ.

Прежняя жизнь моя вдругъ смыслъ получила въ гла-
захъ...

Такъ стихотворецъ въ стихахъ на пиру предлагасть за-
гадку,

Скрывши значенье ея въ образахъ, звукахъ, цвѣтахъ;
Каждымъ любуешься порознь, но вмѣстѣ все дико и странно;
Если жъ разгадку нашель, вдругъ получаетъ все
смыслъ.

Вотъ и разгадка моя! все, что въ жизни за счастье счи-
талъ я,—

Словно уходитъ во мракъ. Все заслоняя собой,
Образъ ея, незамѣтный доселѣ, одинъ выступаетъ...

Дѣвочкой вижу ее: черныя кудри какъ смоль,
Блѣдная смуглость лица, только—длинные тѣ же рѣсницы,
Черные тѣ же глаза, тотъ же задумчивый взглядъ...
Вотъ вырастаетъ: съ плодами на рынокъ приходитъ по утру,
Вотъ отъ фонтана идетъ съ полнымъ кувшиномъ
воды!..

Часто я думалъ: «а вотъ съ головы ты кувшинъ свой уронилъ!»

Только, какъ лебедь, она, словно не шла, а плыла...
Къ морю, бывало, мы, юноши, выйдемъ въ вечернюю пору;
Дѣвушки тутъ же сидятъ, въ тѣсный сомкнувшись
кружокъ,
Смотрятъ, какъ плоскіе камни, пламя по водѣ мы кидаемъ;
Чей сдѣлалъ больше прыжковъ, славу тому прокричатъ...

Крикнуть и мнѣ: я жъ и знать не хотѣлъ, есть ли Дора
межъ ними!

Всѣ пропадаютъ теперь, вижу одну лишь ее.
Вижу задумчивый взглядъ, изъ толпы на меня устремленный,
Такъ и слѣдить онъ за мной, всюду онъ ищетъ
меня...

Видѣлъ ее я, какъ мѣсяцъ и звѣзды видаемъ мы ночью,—
Развѣ приходитъ на мысль ими когда обладать?

Садъ—стѣна обѣ стѣну съ нашимъ; бывало, калитка от-
крыта,
Но заглянуть хоть бы разъ — въ мысль не пришло
никогда...

«Подлѣ! такъ близко! Теперь же межъ нами широкое море!
Вѣтру съ недѣлю я жду. Въ скукѣ брожу какъ шальной.
Вдругъ прибѣгаетъ матрость, кличетъ: «вѣтеръ попутный!
скорѣе!

«Тотчасъ канать отдаемъ. Вздернемъ какъ разъ па-
руса!»

Я собираюсь, бѣгу. Кое-какъ съ стариками простился...

Даже всплакнуть-то хоть разъ—знали что некогда имъ!
Въ руки мнѣ суютъ припасы. Я на руку плащъ, выбѣгаю;
Дора въ калиткѣ стоитъ, что-то мнѣ хочеть сказать.
«Дора, прощай!» говорю, и бѣгу,—чуть кивнулъ головою.
—«Можно тебя попросить, такъ вѣдь сказала она,
—«Ты за товарами ѣдешь... цѣпочку давно мнѣ хотѣлось...

«Будь же такъ добръ, привези, я заплачу по цѣнѣ».
Спрашивать (не-хотя даже!) я началъ: какую, что вѣсу?
Самую малую мнѣ цѣну сказала она...

Я поглядѣлъ на нее... да ужель это Дора?.. та Дора,—
Та, что я видѣлъ вчера?.. Слѣпъ ли я былъ до сихъ
поръ?

Иль измѣнилась она?.. То подыметъ стремительно очи,

То ихъ опустить на грудь... щеки румянцемъ горять...
Вкругъ нея, словно вкругъ дѣвственной дщери Олимпа, —
сіянье?

Боги!.. А съ пристани тамъ громче и громче кричать...
— «Вотъ захвати ты съ собой, встрепенулась она, апель-
синовъ,

«На морѣ негдѣ достать, и не во всякой землѣ...»
Скрылась въ калитку; и я вслѣдъ за ней; апельсины сры-
ваетъ:

Пальцы на солнцѣ сквозять... тѣни скользятъ по лицу...
Падаетъ плодъ за плодомъ... я за нею едва поспѣваю...

«Будеть!» твержу, но она щетъ все лучшихъ вверху...
— «Тотчасъ уложимъ въ корзину», — корзина въ бесѣдкѣ
стояла —

Сводъ виноградныхъ листовъ принялъ подѣ тѣнь свою
насъ...

Стала плоды она молча въ корзину укладывать, въ листья...

Ахъ, я боялся дышать! сердце жъ стучало въ груди!
Вотъ и корзина готова, а я — все стою неподвижно...

Дора! — Тутъ очи и ты вдругъ подняла на меня...
Какъ же тутъ было? и что мы сказали, что вдругъ очу-
тилась

Грудь твоя подлѣ моей?.. Вижу, твоя голова
Тутъ у меня на плечѣ... по щекѣ пробирается слезка...
«Дора! ты вѣчно моя?» вырвалось вдругъ у меня...

—«Вѣчно!» промолвила ты, и уста наши встрѣтились сами!..

Съ берега громче кричатъ. Вижу—въ калитку матросъ
Кличеть, и выставилъ, словно сердитый Тритонъ, свою
рожу...

Боги! вдругъ счастье обнять—и потерять въ тотъ же
мигъ!..

Другъ противъ друга стоимъ мы, и слезы текутъ у обоихъ...

Какъ подбѣжалъ тутъ матросъ, побралъ пожитки мои,
Въ зубы корзину съ плодами схватилъ, и меня за одежду,
Съ бранью, толкая, увелъ... какъ я взошелъ на ко-
рабль...

Все это точно какъ сонъ!.. Помню—берегъ въ глазахъ
вдругъ поѣхалъ—

Домы, деревья, гора... Тутъ лишь опомнился я...

Къ борту припалъ: разбиваясь, съ пѣною волны мелькаютъ,
Крѣпкія снасти скрипятъ... Я чуть стою на ногахъ...
Въ сердцѣ лишь «вѣчно твоя» и звучить... весь дрожу я,
какъ лира,

Долго хранящая гулъ трудно стихающихъ струнъ...

«Да, ты взошло, мое солнце! Завѣса съ грядущаго спала,
Дора! отнынѣ тебѣ—жизнь моя, слава, труды!..

Вѣй же, попутный Эоль!.. Подтяните-ка парусъ потуже!
Вправо возьмите руля!.. Ухъ, словно птица летимъ!..»

1863.

XII.

К О Н Ъ.

(Изъ сербскихъ пѣсень).

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣ бѣла дня,
Водить дѣвица лихова
Опѣннаго коня;

Гладить гриву воронова,
И въ глаза ему глядить:
«Я коня еще такова
Не видала!» говорить.

«Чай коня и всадникъ стѣпть...
Только онъ тебя наврядъ

Вдоволь холить и поконить...
Что онъ — холость аль женать?»

Конь мотааетъ головою,
Бьетъ ногою, говоритъ:
«Холость — только за душою
Думу крѣпкую тaitъ.

«Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ —
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ, въ добрый часъ».

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
«Я для добраго коня
Стала бѣ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;

«Стала бѣ розовыя ленты
Въ гриву черную вплетать,
На попоны позументы
Съ бахромою нашивать;

«Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой...
Только бь сватовъ высылали
Поскорѣ вы за мной».

XIII.

П А С Т У Х Ъ.

(Испанская легенда).

Былъ суровъ король донъ-Педро;
Трепеталь его народъ,
А придворные дрожали,
Только усомъ поведеть.

„Я люблю — твердилъ онъ — правду,
Видъ открытый, смѣлый взоръ»,—
Только правды (вотъ вѣдь странность!)
Пуще лжи боялся дворъ.

Разъ охотился донъ-Педро;
Утомясь, онъ далъ сигналъ,
Чтобъ для завтрака у рѣчки
Сдѣлать маленькій привалъ.

Тра-та-та — звучитъ въ долинь,
Межъ покрытыхъ лѣсомъ горъ;
На призывъ отвсюду скачутъ
Гранды, рыцари и дворъ.

Собрались. Донъ-Педро весель;
Самъ двухъ вепрей застрѣлилъ,
И своимъ весельемъ — лица
Всѣхъ, какъ солнцемъ, озарилъ!

Онъ смѣется — всѣ хохочутъ...
Разговоръ пошелъ и смѣхъ...
Но о чемъ же смѣхъ и говоръ?
Рѣчь о чемъ?.. Одна у всѣхъ:

Говорять, что чудо-мальчикъ
Тутъ же козь пасеть въ горахъ —
Купидонъ въ широкой шляпѣ,
Съ козьнимъ мѣхомъ на плечахъ!

Длиннокудрый! черноглазый!
Но, хотя угрюмъ и дикъ,
А бѣдовый! Пѣтъ вопроса,
Передъ чѣмъ бы сталъ втупикъ.

Пожелалъ король увидѣть
Пастуха — и вотъ бѣгутъ,
Понеслись пажи, что стрѣлы,
И чрезъ мигъ его ведутъ.

Посмотрѣлъ король. Съ минутой
Призадумался... Кругомъ
Словно туча набѣжала,
Словно ждуть, что грянетъ громъ.

«Вотъ, сказалъ онъ, три вопроса:
Разрѣшишь — возьму въ пажи!
Много ль капель въ синемъ морѣ?
Посчитай-ка, да скажи!»

— «Я сочту, отвѣтилъ мальчикъ,
Счетъ не дологъ, не тяжелъ,
Но, пока считать я буду,
Повели, чтобъ дождь не шелъ».

— «Ну, а много ль звѣздъ на небѣ?»
И философъ, не смутясь:
— «Повели сойти имъ съ неба,
Я тогда сочту какъ разъ».

Понахмурился донъ-Педро,
Дворъ дыханье затаилъ.
— «Ну, а много ль дней у Бога?»
Помолчавъ, король спросилъ.

— «Дни у Бога крадутъ время.
Повели, чтобы оно
Хоть на мигъ остановилось —
И ужь счастье не мудрено».

— «Молодецъ! — вскричалъ донъ-Педро,
Хохоча, — да этотъ клопъ
Всѣхъ вельможъ моихъ умнѣ!..»
Тѣ смѣялись, морща лобъ.

— «Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мнѣ, и ѣсть, и пить —
И одинъ, надѣюсь, станешь
Смѣло правду говорить».

Гранды вовсе растерялись:
«Что онъ — плутъ или мудрецъ?
«Грубиянъ!» единодушно
Порѣшили наконецъ.

Но старался грубіяну
Угодить хоть чѣмъ-нибудь...
Онъ же робко озирался,
Какъ бы въ горы улизнуть.

Только дамы безкорыстно
Цѣловали мудреца,
Въ немъ хваля глаза и розы
Загорѣлаго лица.

1866.

XIV.

МЕНЕСТРЕЛЬ.

(Провансальскій романсъ).

Жиль-быль менестрель въ Провансальской землѣ,
Въ почетѣ онъ жилъ при самомъ королѣ...
«Молчите, проклятыя струны!»

Король былъ не ровня другимъ королямъ,
Свой родъ возводилъ онъ къ безсмертнымъ богамъ...
«Молчите, проклятыя струны!»

И дочь онъ, красавицу Бертю, имѣлъ...
Смотрѣлъ лишь на Бертю пѣвецъ, когда пѣлъ...
«Молчите, проклятыя струны!»

Когда же онъ пѣлъ, то дрожала она —
То вспыхнетъ огнемъ, то какъ мраморъ блѣдна...
«Молчите, проклятыя струны!»

И самъ императоръ посватался къ ней...
Глядитъ менестрель все угрюмѣй и злѣй...
«Молчите, проклятыя струны!»

Давъ знакъ менестрелю: когда будетъ балъ,
Чтобъ въ темной аллеѣ у грота онъ ждалъ...
«Молчите, проклятыя струны!»

Что было, чью руку лобзалъ онъ въ слезахъ,
И чей поцѣлуй у него на устахъ...
«Молчите, проклятыя струны!»

Что кесаря значить внезапный отъѣздъ;
Чей въ склепѣ фамильномъ стоитъ новый крестъ —
«Молчите, проклятыя струны!»

Изъ казней какую король избобрѣлъ,
О чемъ съ палачомъ долго рѣчи онъ велъ —
«Молчите, проклятыя струны!»

Погнѣвъ менестрель, бѣдный вешній цвѣтокъ!
Король даже лютюю разбилъ самъ и сжегъ...
«Молчите, проклятыя струны!»

И лютню онъ сжегъ — но не грёза, не сонъ,
Вездѣ его лютни преслѣдуетъ звонъ...

«Молчите, проклятыя струны!»

Онъ слышитъ: незримыя струны звучать,
И страшныя, ясно, слова говорить...

«Молчите, проклятыя струны!»

Не ѣсть онъ, не пить онъ, и ночи не спать,
Молчить, — лишь порой, какъ безумный, кричать:

«Молчите, проклятыя струны!»

1859.

XV.

ПРИНЦЕССА ШАБАШЪ.

(Изъ Гейне).

Вь старыхъ сказкахъ говорится,
Будто въ образѣ звѣриномъ
Ходять часто — чародѣемъ
Заколдованные принцы.

Но бывають дни — и принцы
Принимають прежній образъ;
Принцъ волочится, и дамамъ
Серенады воспѣваетъ, —

Все до часа рокового;
А настанеть онъ — мгновенно
Свѣтлый принцъ — четвероногимъ
Снова дѣлается звѣремъ.

Днесь воспѣть такого принца
Я намѣренъ. Онъ зовется —
Израиль, и злою вѣдьмой
Обращенъ давно въ собаку.

Всю недѣлю по-собачьи
Онъ и чувствуетъ, и мыслить,
Грязный шляется и смрадный,
На позоръ и смѣхъ мальчишкамъ...

Но лишь пятница минуетъ —
Принцъ становится, какъ прежде,
Человѣкомъ, и выходитъ
Изъ своей собачьей шкуры.

Мыслить, чувствуетъ, какъ люди,
Гордо, съ поднятой главою,
И разряженный вступастъ
Онъ въ отцовскіе чертоги:

«Прародительскія сѣни!» —
Ихъ привѣтствуетъ онъ нѣжно —
«Домъ Іаковлевъ! цѣлую
Прагъ у вратъ твоихъ священныхъ!»

По чертогамъ пробѣгаетъ
Легкій шопоть и движенье;
Тихо въ храмѣ все; чуть дышитъ
Самъ невидимый хозяинъ

Сенешаль великій только —
(То-есть служба въ синагогѣ) —
Лазить вверхъ и внизъ поспѣшно,
Въ храмѣ лампы зажигаая.

Лампы — свѣточн надежды!
Какъ горять онѣ, какъ блещутъ!
Залита огнемъ астрада,
Гдѣ читать выходятъ Тору,

И уже передъ ковчегомъ,
Занавѣшеннымъ покровомъ
Съ драгоценными камнями,
И хранящимъ эту Тору,

Канторъ всталъ — изящный канторъ;
Вотъ онъ, съ духомъ собираясь,
Вздернулъ плечи, растопыря
Черный плащъ при семь локтямъ, —

Вотъ онъ, ручкой щеголяя,
 Потрепаль себя по шеѣ,
 Персть къ виску прижалъ, большимъ же
 Пальцемъ горло расправляетъ.

Долго онъ бормочетъ тихо —
 Наконецъ, какъ вдохновенный,
 Возглашаетъ громогласно:
 «Лехо Дойди Ликрасъ Калле!

«О, гряди, женихъ желанный,
 Ты во срѣтенье невѣстѣ, —
 Той, которая откроетъ
 Для тебя свой ликъ стыдливый!»

Этотъ стихъ вѣнчальный сложенъ
 Былъ Іегудой бенъ-Галеви,
 Пѣснопѣвцемъ знаменитымъ
 Въ дни халпфовъ мавританскихъ;

Въ этомъ гимнѣ восхвалялъ онъ
 Обрученъе Израиля
 Съ царственной принцессой Шабашъ —
 Молчаливою принцессой...

Перль и цвѣтъ красотъ вселенной —
Эта чудная принцесса!
Что тутъ Савская царица,
Соломонова подруга!

Богъ съ ней, съ этою педанткой!
Весь свой вѣкъ она хотѣла
Остроумьемъ забавляться —
Наконецъ, вѣдь это скучно!

Нѣтъ! принцесса Шабашъ — это
Тихій ангелъ! ненавидить
Суемудріе и споры —
Эти умственные боксы, —

Ненавидить этотъ дикій
Паеосъ страстныхъ декламацій,
Искры сыплющій и бурно
Потрясающій власами.

Скромно подь чепецъ парикъ свой
Прячетъ тихая принцесса,
Смотритъ кротко, какъ газели,
Тихимъ праздникомъ сіяетъ...

И возлюбленному принцу
Дозволяетъ все, но — только
Не курить. «Курить въ субботу
Запрещается закономъ»;

«Но за то, мой милый, нынче
Продушишься ты, въ замѣну,
Чуднымъ кушаньемъ: ты будешь
Нынче шалеть, другъ мой, кушать».

«Шалеть — божеская искра,
Сынъ Элизія!» запѣлъ бы
Вѣрно Шиллеръ вдохновенный,
Еслибъ только зналъ онъ шалеть!

Это — даръ священный неба,
Откровенный Моисею
При громахъ снайскихъ, вмѣстѣ
Со скрижалямъ закона.

Передъ этой райской снѣдью —
Дрянъ — амброзія и нектаръ
Лжебоговъ, которыхъ чтли
Встарь языческіе греки.

Вотъ нашъ принцъ вкушаетъ шалотъ.
Просвѣтлѣлъ, въ блаженствѣ таетъ,
Распахнулъ камзолъ широко
И лепечеть, улыбаясь:

«То не шумъ ли Иордана,
Не журчанье ль струй студеныхъ
Подъ навѣсомъ пальмъ Бетѳея?
То не ржанье ли верблюдовъ?

«Не овецъ ли тонкорунныхъ
Колокольчики лепечуть?
Не съ вершинъ ли Гилеата
Овцы на ночь сходятъ въ доли?»

Но ужъ день склонился... Тѣни
Удлиняются... подходятъ
Исполнскими шагами
Срокъ ужасный... принцъ вздыхаетъ...

Точно хладными перстами
Вѣдьмы за сердце хватаютъ,
Въ членахъ дрожь, что вотъ прійдется
Сжаться, скорчиться въ собачьи.

Принцу милому подносить
Нарду тихая принцесса:
Разъ еще вдохнуть спѣшить онъ
Нарда запахъ скипидарный...

Наполняетъ принцу кубокъ:
Пьетъ онъ жадно... и остаткомъ
Окропляетъ столъ... подносить
Къ брызгамъ маленькую свѣчку...

Солнце скрылось... свѣча грустно
Зашипѣла и погасла —
Въ тотъ же мигъ и принцъ изъ храма
Грязной выбѣжалъ собакой.

XVI.

МАРИЭТТА.

(Я. П. Полонскому).

Критикъ твой достопочтенный
Мнѣ напомнилъ эпизодъ
Въ жизни Гёте: современный,
Право, скажешь, анекдотъ!

Видишь, въ Римѣ — въ дни былые,
На закатѣ тѣхъ временъ,
Гдѣ Рафаэль во святыя
Былъ едва не возведенъ —

Въ Римѣ Гёте, Винкельмана,
Появилась въ мастерскихъ
Маріэтта изъ Альбано,
Какъ модель... да изъ какихъ!

Имя этой Маріэтты
Огласилось при Дворахъ;
За Мадоннъ ея портреты
Почитались въ церквахъ;

А въ стихахъ ее равняли
И къ богинямъ, и къ святымъ,
Даже Папѣ представляли...
Вдругъ графъ N пріѣхалъ въ Римъ.

«Покажите Маріэтту!»
Первымъ дѣломъ. Графъ — знатокъ,
Авторъ самъ, извѣстный свѣту
Меценатъ, археологъ...

Онъ на Гёте попадаетъ...
И что дальше было тамъ, —
Пусть ужъ Гёте продолжаетъ
И досказываетъ самъ:

Подмигнулъ я ветурину,
И помчались, графъ и я
(То-есть Гёте), къ Авентину.
Это пассія моя —

Авентинъ!.. Когда печалень,
Иль разсерженъ чѣмъ — туда!
Почерпнуть въ тѣши развалинъ
Силъ для мысли и труда...

А ужь виды — вѣковѣчный
Чуть сквозить въ туманѣ Римъ,
Панорамой безконечной
Къ Аппенинамъ голубымъ!..

«Стой!.. ворота!..» Мужъ встрѣчаетъ:
«Здѣсь, signori, здѣсь!..» Добрякъ!
Ласковъ ты — душа въ немъ таетъ,
Но — за ножъ, коль что не такъ!

Домъ — въ руинѣ какъ-то слаженъ
Изъ задѣланныхъ аркадъ.
По стѣнамъ висить изъ скважинъ
Плющъ; у входа — виноградъ.

Подъ навѣсомъ — (день былъ жаркой)
Воль у яслей и осель.
Входимъ въ дверь: подъ смѣлой аркой
Вполовину вросшей въ полъ, —

И сама... дитя качаетъ...
Полусумракъ... Тишина...
Все заботы слѣдъ являетъ...
Увидала насъ она

И, привставъ надъ колыбелью,
Пальчикъ къ губкамъ — «не будить!» —
Знакъ намъ дѣлаетъ... Моделью
Для Рафаэля бѣ ей бытъ!..

Этотъ въ полъ лучъ упавшій
Черезъ открытое крыльцо,
Отраженьемъ осіявшій
Оживленное лицо...

Переходъ отъ безпокойства
Въ ней къ увѣренности въ насъ —
Лицъ уже такого свойства,
Что далеки отъ проказъ...

Я — чуть слышно: «*Quel' signore*
Только въ Римъ, — и ужь сюда!..»
Улыбнулась: «*è pittore?*
«И Мадонну пишетъ?.. да?»»

Боже мой! какъ просто! мило!
Красота... Да суть не въ томъ!
Видеваемское тутъ было,
Что-то райское кругомъ!

Можетъ быть недоставало
Только ангеловъ однихъ...
А, быть можетъ, вокругъ стояло,
Намъ незримыхъ, много ихъ!..

Человѣкъ Двора и свѣта,
Графъ привѣтливъ очень былъ,
Но серьезенъ, и лорнета
Отъ нея не отводилъ...

Распростились. Съ нетерпѣньемъ
Жду — что онъ? — почти въ тоскѣ...
Онъ же вдругъ — да съ озлобленьемъ:
«Три веснушки на вискѣ!»

Я — ну просто какъ въ туманѣ
Очутился, оскорбленъ,
Павши духомъ...

Въ Ватиканѣ

Послѣ, вижу, ходитъ онъ.

Поглядить — и въ каталогѣ
Отмѣчаетъ, мысль вслухъ:
«Торсъ коротокъ!» — «Жидки ноги!»
(Аполлонъ-то!..) «Профиль сухъ!..»

И, дивясь его сужденьямъ,
Почитателей кружокъ
Повторяетъ съ умиленьемъ:
«Вотъ такъ критикъ! вотъ знатокъ!»

«Маріэтта — спи спокойно!
— Я подумалъ про себя —
«Боги Греціи достойно
Отомстятъ ужъ за тебя!»

«Иногда вѣдь шутку злую
Аполлонъ шутить любилъ:
Онъ Мидасу-то какую
Непріятность учинилъ!»

XVII.

СТАРЫЙ ДОЖЬ.

«**Н**очь свѣтла; въ небесномъ полѣ
Ходитъ Вesperь золотой;
Старый Дождь плыветъ въ гондолѣ
Съ Догарессой молодой...» *)

Занимаетъ Догарессу
Умной рѣчью Дождь сѣдой...
Слово каждое по вѣсу —
Что червонецъ дорогой...

Тѣшитъ онъ ее картиной,
Какъ Венеція, тишкомъ,
Весь, какъ тонкой паутиной,
Миръ опутала кругомъ:

*) Эти четыре строчки найдены въ бумагахъ Пушкина, какъ начало чего-то. Да простить мнѣ тѣнь великаго поэта попытку угадать: что же было дальше?

«Кто сказалъ бы въ дни Аттилы,
Чтобъ изъ хижинъ рыбарей
Всплыль на отмели унылой
Этотъ чудный перль морей!

«Чтобъ укывшійся въ лагунѣ,
Левъ святаго Марка сталъ
Выше всѣхъ владыкъ — и втуяѣ
Ревъ его не пропадалъ!

«Чтобъ его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры, и папы,
И султанъ, и короли?

«Подаль знакъ — гремять перуны,
Всюду смута настаеъ,
А къ нему — въ его лагуны—
Только золото плывеъ!..»

Кончплъ онъ — полусмѣяся —
Ждетъ улыбки — но — глядитъ —
На плечо его склоняся,
Догаресса — мирно спитъ!..

«Все дитя еще!» съ укоромъ
Полнымъ ласки молвилъ онъ —
Только слышитъ — вскинулъ взоромъ —
Чье-то пѣнье... цитры звонъ...

И все ближе это пѣнье
Къ нимъ несется надъ водой,
Разсыпаясь въ отдаленьѣ
Въ голубой просторъ морской...

До жу вспомнилось бывшее...
Море зыбилось едва...
Тотъ же Вespерь... «Что такое?
Что за глупыя слова!» —

Вздогнулъ онъ, какъ отъ укола
Прямо въ сердце... Глядь: плыветъ,
Обгоняя ихъ, гондола,
Кто-то въ маскѣ тамъ поетъ:

«Съ старымъ Дожемъ плыть въ гондолѣ...
Быть — его и — не любить...
И къ другому, въ злой неволѣ,
Тайный помыселъ стремить...

«Тоть «другой» — о, Догаресса!..
Самый адъ не сладить съ нимъ!
Онъ безумецъ, онъ повѣса, —
Но онъ — любить и — любимъ!..»

Дождь рвануль усы сѣдые..
Мысль за мыслью, цѣлый адъ,
Словно молній стрѣлы злыя,
Душу мрачную браздятъ..

А она — такъ ровно дышитъ,
На плечѣ его лежитъ..
«Что же?.. Слышать иль не слышать?
Спитъ она — или не спитъ?!.»

1888.

II.

ИЗЪ СЛАВЯНСКАГО МІРА.

I.

НИКОГДА!

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА СЛАВЯНЪ СЪ РИМЛЯНАМИ.

Гонить волны быстръ Дунай,
Разлился широко;
Надъ Дунаемъ свѣтлый градъ
На горѣ высокой.
Становился римскій царь
Станомъ передъ градомъ;
Забѣлѣлися шатры,
Рядъ стоитъ за рядомъ.
На престолѣ царь сидитъ
Подъ златой порфирой;
Вкругъ престола, словно лѣсъ,
Копья и сѣкиры.
И съ престола римскій царь
Говорить съ послами:
Незнакомый людъ стоитъ
Предъ его очами.

Молодецъ все къ молодцу:
Кудри золотыя
Густо вьются по плечамъ,
Очи—голубыя;
Словно всё въ одно лицо,
Та жь краса и сила,
Словно всёхъ-то ихъ одна
Матерь породила.
Породила жь ихъ одна
Мать, земля родная,
Что отъ Татры подошла
Вплоть до волнъ Дуная,
И за Татрою идетъ
На другое море,
На полночь и на востокъ,
Гдѣ въ святомъ просторѣ
Уготовала поля,
Доли и дубравы,
Какъ святую колыбель
Для великой славы!
Ихъ послалъ славянскій родъ,
Положивъ совѣтомъ
Встрѣтить римскаго царя
Дружбой и привѣтомъ.
Не лежатъ они челомъ

Передъ нимъ во прахѣ,
Не цѣлуютъ ногъ его
Въ раболѣпномъ страхѣ;
Но подносятъ Божіи даръ
Хлѣбъ и соль родную.
И къ великому царю
Держать рѣчь такую:
«Весь народъ нашъ, старшины
И князья послали
«Насъ, чтобъ мы тебѣ, о, царь,
Добрый день сказали.
«Ты нашъ гость, лишь достигъ
Нашего порога;
«Мы—Славяне; край сей данъ
Намъ въ удѣлъ отъ Бога.
«Щедро Имъ онъ надѣленъ
Благодатью съ неба:
«Не полѣнишься, такъ всѣмъ
Свой кусокъ есть хлѣба.
«Много ль, мало ль,—съ насъ того
Будеть, что имѣемъ:
«Благо съемъ на своемъ,
Жнемъ, что сами сѣемъ.
«И прійдетъ ли странникъ къ намъ,
Кто, зачѣмъ, не спросимъ,

- «Съ Богомъ, дверь отворена!
Милости къ намъ просимъ!
«Будь оны свой или чужой,
Человѣкъ прохожій,
«Про него всегда у насъ
На столѣ даръ Божій.
«Вольно всѣмъ здѣсь жить!—Зарокъ
Богомъ данъ Славянамъ:
«Грѣхъ великій—быть рабомъ,
Вящій грѣхъ—быть паномъ!
«И грѣховъ тѣхъ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ во всемъ народѣ!
«Всѣмъ у насъ открытый путь
Къ славѣ и свободѣ!
- «Правда, какъ весной снѣга
Съ горъ крушатся на доль,
«Лютый врагъ на край нашъ вдругъ,
Словно съ неба, падалъ;
«Здѣсь засѣвъ, ужъ думалъ вѣкъ
Насъ держать въ неволѣ,
«Нами сѣять и пахать
И на нашемъ полѣ
«Кобылицъ своихъ пасти—
Только—блажь пустая!

- «Поднималась вся земля
Съ края и до края!
«И спроси ты: гдѣ же тѣ,
Что намъ цѣпь ковали?
«Гдѣ, спроси ихъ?—Мы стоимъ,
А они—пропали!
«Положень ужъ такъ зарокъ,
Вѣки неизмѣнный:
«Кто откуда бѣ ни пришелъ,
Врагъ иноплеменный:
«Завладѣй хотъ міромъ, здѣсь
Бѣгъ свой остановишь,
«Здѣсь, въ землѣ славянской, гробъ
Самъ себѣ сготовишь!
- «Ты теперь, о, царь, стоишь
Здѣсь у нашей грани.
«Что жъ несешь съ собою къ намъ:
Мечъ иль миръ во длани?
«Если мечъ, то вѣдь мечи
И у насъ есть тоже;
«А, остры ль они, узнать
И не дай ти Боже!
«Если жъ къ намъ идешь, какъ гость,
Съ миромъ, съ доброй вѣстью,

«Ужь на славу угостимъ,
И проводимъ съ честью!
«Вотъ тебѣ отъ насъ хлѣбъ-соль!
И принять ихъ просимъ
«Такъ же честно, какъ тебѣ,
Царь, мы ихъ подносимъ».

Хлѣба-соли не взялъ царь,
Ликомъ омрачился;
Ярый гнѣвъ въ его очахъ
Гордо засвѣтился;
И къ посламъ славянскимъ онъ
Съ трона золотого
Обратилъ, поднявъ главу,
Таковое слово:
«Солнце шествуетъ въ пути—
И къ нему всѣ очи;
«Отъ него—вся жизнь и свѣтъ,
Безъ него—мракъ ночи;
«Съ нимъ у твари спора нѣтъ,
Ни переговоровъ;
«Для народовъ солнце—я,
И со мной нѣтъ споровъ!
«Какъ судьба, для всѣхъ моя
Власть неотразима:

- «Повелитель міра—Римъ,
Я жь—владыка Рима!
«Межь народовъ хоть одинъ
Есть ли во вселенной,
«Кто, противиться ему
Возмечтавъ, мгновенно
«До послѣдняго раба
Не исчезъ со свѣта!
«Всѣ склоняются предъ нимъ,
И живутъ—чрезъ это.
«Преклонитесь же и вы!
Я вашъ край устрою:
«Поселю здѣсь Римлянъ, васъ
Выведу съ собою,
«Въ Римъ—старшинъ, а молодежь—
Прямо въ легионы;
«Покоритесь, будетъ вамъ
Миръ, почетъ, законы;
«Нѣтъ—васъ съ семьями къ себѣ
Погоню гуртами,
«Въ плуги запрягу, пахать
Землю буду вами!
«На цѣпи, какъ псовъ, сидѣть
У воротъ заставлю,
«Буду тысячами васъ

Львамъ кидать на травлю—
«Горе будетъ, говорю,
Дѣтямъ вашимъ, женамъ;
«Бойтесь, если кликну я:
«Горе побѣжденнымъ!»
«Бойтесь! этотъ римскій кликъ
Пуще Божья грома!..
«Я сказалъ. Вотъ мой отвѣтъ!
Передайте дома!»

Рѣчь окончилъ римскій царь,
Все кругомъ молчало.
Какъ неожиданный громъ, она
На Славянъ упала.
На царя стремятъ они
Взглядъ оторопѣлый..
Вдругъ какъ будто съ ихъ очей
Заблестали стрѣлы,
И по лицамъ словно вдругъ
Молніи мелькнули,
Разомъ взвизгнувши, мечи
Изъ ноженъ сверкнули,
И у всѣхъ единый кликъ
Вырвался изъ груди:
«Някогда!»

Вокругъ царя
Всполошились люди,
И поднять щиты едва
Вкругъ него успѣли...
Самъ онъ мигомъ съ трона прочь...
Трубы загремѣли,
Разомъ лагерь поднялся:
Скачутъ Нумидійцы,
Взводъ безсмертныхъ, взводъ Паряняъ,
Галлы, Иберійцы,
И, копье на перевѣсъ,
Римская пѣхота,—
Окружили молодцовъ,
И пошла работа!

Что медвѣдь лѣсной въ кругу
Псовъ остервенѣлыхъ,
Бьется горсть богатырей
Противъ полчищъ цѣлыхъ;
Съ шумомъ рушатся вкругъ нихъ
Всадники и кони,
Копья ломаются, звенять
Шишаки и брони...
Бьется горсть богатырей—
Но сама рѣдѣтъ...

Вотъ лишь трое ихъ: кругомъ
Смерть надъ ними рѣветъ
Въ блескъ копій и мечей...
Вотъ всего лишь двое—
Вотъ одинъ... и этотъ палъ...

И вокругъ павшихъ въ боѣ
Побѣдители стоятъ
Въ изумленьи сами;
Въ легионахъ недочетъ:
Цѣлыми рядами
Мертвыхъ, раненыхъ кладутъ...
Самъ, съ разноплеменной
Свитой, кесарь подскакалъ
Мрачный и смущенный;
Разглядѣть желаетъ онъ
Варваровъ, которымъ
Показалась рѣчь его
Вдругъ такимъ позоромъ...
А той рѣчи внемлетъ мѣръ,
Всѣ цари земные!
«Что жь за люди это тамъ?
Мыслить,—кто жь такіе?»
И задумчиво къ горамъ
Обратилъ онъ взоры:

Грозно смотреть изъ-подъ тучъ
Сумрачныя горы;
Стая темная орловъ
Изъ-за нихъ несется;
Словно гудъ какой отголъ
Смутно раздается...
Смотрить царь, и вдругъ велить—
Стань снимать свой ратный
И полки переправлять
За Дунай обратно.

II.

ЛЮБУША И ПРЕМЫСЛЬ.

Лютый Хрудошъ и Стеглавъ, родные братья,
Завели жестокий споръ изъ-за наслѣдства;
Побѣжала ихъ сестра къ княжнѣ Любушѣ
И молила разсудить ихъ споръ по правдѣ.
И княжна послала повѣстить въ народѣ,
Чтобъ бояре собрались и старики на вѣче,
И чтобы на судъ явились оба брата.

И бояре собрались и старики на вѣче
Въ золотомъ кремлѣ, во свѣтломъ Вышеградѣ.
На златой престолѣ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Поднялась княжна, и вѣче открывала.
У престола стали вѣщія двѣ дѣвы:
У одной въ рукахъ доска была съ закономъ,

У другой былъ мечъ, каратель кривды;
Противъ нихъ зажженъ былъ огонь, свѣтильникъ правды,
И поставленъ былъ сосудъ съ водою очищенья.

И княжна сказала со златà престола:
«Вѣрные бояре! мудрые вы старцы!
Разрѣшите споръ двухъ братьевъ о наслѣдствѣ:
По закону, какъ поставлено богами,
Должно имъ: или сообща владѣть землею,
Иль обонимъ раздѣлить по равной части».

Кланялись княжнѣ и старцы, и бояре,
Стали тихо говорить между собою;
И когда поговорили ужь довольно,
То княжна велѣла вѣщимъ дѣвамъ
Голоса собирать въ златую урну.
И собрали голоса, и сосчитавъ сказали
Приговоръ такой народу: чтобы братьямъ
Сообща владѣть отцовскимъ достояньемъ.

Услыхавъ рѣшенье, поднялся во гнѣвѣ
Лютый Хрудошъ и затрясся весь отъ злости;
Вскинулъ онъ рукою и, что туръ свирѣлый, рывкнулъ:

«Горе для птенцовъ, когда змѣя въ гнѣздо вотрется!
Горе для мужей, когда жена владѣеть ими!
Подобаеть мужу володѣть мужами!
Старшій сынъ владѣть добромъ отцовскимъ долженъ,
Какъ у нѣмцевъ заведенъ тому порядокъ!»

Ратиборъ, старикъ, уже согбенный и весь бѣлый,
Поднялся и, головою покачавъ, промолвилъ:
«Не похвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!
Наша правда по закону святу,
Какъ ее съ собою принесли и утвердили
Наши дѣды, черезъ три рѣки прешедши, въ эту
землю».

«Непохвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!»
Повторили старцы и бояре,
И во всемъ народѣ раздалось:
«Непохвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!»

«Такъ и быть суду, какъ положило вѣче!»
Порѣшила мудрая княжна Любуша;
И потомъ еще сказала: «старцы и бояре!
Слышали мое вы нынѣ поруганье!»

Непрістойно больше разбирать мнѣ ваши споры.

Изберите сильнаго вы мужа—

Пусть онъ вами по желѣзному владѣть:

Дѣвичьей рукѣ — ужь не подѣ силу!»

И, сказавъ, сошла съ престола золотого.

И молитъ ее усердно стали старцы и бояре,

Чтобъ она въ зазоръ не принимала

Грубяномъ сказанное слово;

Но княжны уже не умолили.

«Такъ сама намъ укажи, по крайней мѣрѣ», —

Заключили старцы и бояре —

«Кто жь достоинъ будетъ нами править?»

И на то Любуша отвѣчала:

«Ужь богами рѣшено, кому быть вашимъ княземъ!

Вотъ мой конь: куда пойдетъ, за нимъ ступайте!

Передъ кѣмъ онъ остановится, тотъ князь вашъ!»

И съ коня узду сняла сама Любуша,

И его пустила безъ узды на волю.

Вдуть съ вѣча посланцы по князя,

Вдуть съ ними вѣщія двѣ дѣвы;

Конь бѣжитъ гдѣ полемъ, гдѣ дорогой;
Добѣжалъ до рѣчки, побѣжалъ вдоль быстрой,
Прибѣжалъ онъ къ нови, къ выжженному полю:
Подымалъ ее желѣзнымъ плугомъ
Человѣкъ въ лаптяхъ, большого роста,
Погонялъ воловъ жезломъ остроконечнымъ.
Конь предъ нимъ какъ разъ остановился.

Посланцы, взглянувъ на пахаря, на лапти,
Передъ нимъ смутясь остановились.
Но, оправясь, поклонились низко:
«Здравствуй, добрый человѣкъ, — сказали —
Облачайся княжеской одеждой,
Надѣвай вѣнецъ: тебѣ княжна Любуша
И народъ весь чешскій повелѣли
Власть принять и княженъе надъ нами!»

И на то отвѣтствовалъ имъ пахарь;
«Вамъ добро пожаловать, драгіе гости!
Прежде жъ чѣмъ о дѣлѣ заводить намъ рѣчи,
Угостить васъ, чѣмъ могу, я долженъ,
Здѣсь есть хлѣбъ и сыръ со мною —
Отпущу воловъ и кушайте во здравь!»

И, сказавъ, вонзилъ онъ острый жезлъ свой въ землю,
И съ воловъ ярмо сложилъ, и крикнулъ:
«Гой! идите, милые, до дому!»
Только вдругъ волю — лишь крикнулъ онъ — исчезли,
Словно ихъ и не было тутъ вовсе,
А который жезлъ воткнулъ онъ въ землю,
Изъ него, глядя, растутъ три вѣтви —
Выше все и выше — выступаютъ
Изъ вѣтвей еще сучки — и много;
На сучкахъ выходятъ почки,
Почки—смотрятъ—развернулись въ листья,
А межъ листьевъ выступаютъ гнѣздами орѣхи.

Посланцы и пахарь изумились.

Только дѣвы вѣщія въ единый голосъ —

«Радуйтесь» — воскликнули — «се явно

Боги намъ свою сказали волю:

Облачайся, пахарь, княжеской одеждой,

На коня садись Любушина и съ миромъ

Къ намъ вѣзжай во свѣтлый Вышградъ—Чешскимъ

княземъ!»

Облачился пахарь въ княжія одежды,

На плеча накиннулъ плащъ Любушинъ,

Сапоги надѣлъ... однако лапти

Взялъ съ собой на память—и хранятся
Въ Вышеградѣ эти лапти и донныѣ.

Такъ Премысль сталъ славнымъ чешскимъ княземъ,
А княжнѣ Любушѣ—добрымъ мужемъ.

III.

САБЛЯ ЦАРЯ ВУКАШИНА.

(Изъ сербскихъ народныхъ пѣсень).

Рано утромъ, на зарѣ румяной,
Полоскала дѣвица-туркиня
На рѣкѣ, на Марицѣ, полотна;
Ихъ валькомъ проворнымъ колотила,
На травѣ зеленой разстилала.
И рѣка пустынная шумѣла,
И до солнца воды были свѣтлы;
Но, какъ стало солнце подыматься,
Свѣтлы воды словно помутились;
Все желтѣе проносилась пѣна,
Все темнѣе глубина казалась;
А къ полудню вся рѣка ужъ явно
Алою окрасилася кровью.
И пошли мелькать то фесь, то долманъ,

А потомъ помчало, другъ за другомъ,
То коня съ сѣдломъ, то человѣка;
И вертеть на быстринѣ ихъ трупы,
И что дальше, то плыветъ ихъ больше,
И конца тѣламъ вверху не видно.
Опустивъ валекъ, стоитъ туркinya:
Страшно стало ей отъ тѣлъ плывущихъ;
Только слышать, кличутъ къ ней оттуда...
Кличетъ витязь, бьется съ быстриною,
Все его отъ берега относить.
«Умоляю именемъ Господнимъ,
«Будь сестрой мнѣ милою, дѣвица!»
Кличетъ витязь и рукою машетъ,
«Брось конецъ холста ко мнѣ скорѣе,
«За другой тащи меня на берегъ!»
И туркinya бѣлый холстъ кидала,
На одинъ конецъ ногой ступила,
А другой взвился и шлепнулъ въ воду,
И поймалъ его поспѣшно витязь,
И счастливо до берега доплылъ;
А взобрался на берегъ — и молвилъ:
«Охъ, совѣмъ я изнемогъ, сестрица!
«Исхожу кругомъ я алой кровью...
«Помоги мнѣ: ранъ на мнѣ числа нѣтъ!»
И упалъ безчувственный на землю.

Побѣжала во свой дворъ туркпня,
Впопыхахъ зоветь родного брата:
«Мустафа, иди, голубчикъ братецъ,
«Помоги, — снесемъ съ тобою вмѣстѣ, —
«Тамъ лежитъ — водой его прибило —
«Весь въ крови и въ тяжкихъ ранахъ витязь.
«Онъ Господнимъ именемъ молился,
«Чтобъ ему мы раны залѣчили.
«Помоги, снесемъ его въ постелю!»

Мустафа-ага пришелъ и смотреть:
Тотчасъ видить — не простой то витязь!
Онъ въ богатомъ воинскомъ доспѣхѣ;
У него — съ златымъ эфесомъ сабля.
На эфесѣ — три большихъ алмаза.
Мустафа-ага не думалъ долго,
Отстегнулъ у витязя онъ саблю,
Изъ ноженъ ее червленыхъ вынулъ,
Да какъ хватить витязя по горлу —
Голова ажъ въ воду покатила!

Дѣвица руками лишь всплеснула!
«Звѣрь ты, звѣрь, воскликнула, косматый!
«Вѣдь молилъ онъ насъ во имя Божье,
«И меня сестрою милой назвалъ!

«Ты жь какъ разъ позáрился на саблю —
«Черезъ эту жь саблю, знать, и сгинешь!»

Мустафа травою вытеръ саблю,
И столкнулъ ногою тѣло въ воду,
И пошелъ домой, ворча сквозь зубы:
«Вотъ тебя-то не спросилъ я, жалко!»

И немного времени минуло,
Какъ султанъ созвалъ къ походу войско.
Собрались его аги и беи,
У рѣки, у Ситницы, стояли.
Мустафу всѣ кругомъ обступаютъ,
Всѣ его дивятся чудной саблѣ;
Только, кто ни пробуетъ, не можетъ
Изъ ноженъ ее червленыхъ вынуть.
Подошелъ попробовать и Марко,
Знаменитый Марко королевичъ!
Ухватилъ — да сразу такъ и вынулъ.
А какъ вынулъ, смотритъ — а на саблѣ
Врѣзаны три надписи по-сербски:
Ковача Новака первый вензель,
А другое имя — Вукашина,
Третье жь имя — Марко королевичъ.
Приступилъ къ турчину храбрый Марко:

«Гдѣ, турчинъ, ты добылъ эту саблю?
«За женой ли взялъ ее съ приданнымъ?
«Отъ отца ль въ благословенъе принялъ?
«Аль на чисто вымѣнялъ на злато?
«Аль въ бою кровавомъ добылъ честно?»

И пошелъ турчина похваляться,
Разсказалъ, какъ сдѣлалось дѣло,
Какъ сестра полотна полоскала,
Какъ рѣкой тѣла гяуровъ плыли,
Какъ одинъ живой былъ между ними,
Какъ она поймать его успѣла,
И пришелъ онъ, и увидѣлъ саблю...
«Не дуракъ же я на свѣтъ родился»,
Говорить, — «почуялъ, что за сабля,
«Изъ ноженъ ее червленыхъ вынулъ,
«Да хватилъ какъ витязя по горлу —
«Голова ажъ въ рѣку покатилась».

Марко даже рѣчи не далъ кончить,
Какъ въ глазахъ у всѣхъ сверкнула сабля —
И у турка голова слетѣла —
Три прыжка — и шлепнулась въ воду.

Побѣжали доложить султану,
Что бѣды творить кралевичъ Марко,

И султанъ по Марка посылаетъ.
Тотъ одинъ сидитъ въ своей палаткѣ,
Молча пьетъ вино, за чарой чару,
На султанскихъ посланныхъ не смотреть.
И въ другой разъ шлетъ султанъ, и въ третій,
Наконецъ взяла доука Марка.
Онъ вскочилъ и, выворотивъ шубу
Мѣхомъ кверху, на плечи накинулъ,
Булаву съ собою взялъ и саблю,
И пошелъ въ султанскую палатку.

На коврѣ султанъ сидитъ въ палаткѣ;
И приходитъ Марко, да и прямо,
Въ сапогахъ, какъ былъ, передъ султаномъ
На коврѣ узорчатомъ садится.
Самъ глядитъ темнѣе черной тучи,
Очи въ очи устремивъ султану.
Увидалъ султанъ, каковъ есть Марко,
Потихоньку сталъ отодвигаться,—
А за нимъ и Марко, и все смотреть,
Смотреть такъ, что дрожь беретъ султана.
Онъ еще отдвинется, а Марко —
Все за нимъ, да такъ и приперъ къ стѣнкѣ;
И сидитъ султанъ, мигнуть боится.
«Ну, какъ вскочить, думаетъ,— да хватить

Булавой»— и пробуетъ, что тутъ ли
Ятаганъ его на всякій случай.
Ужь на силу собрался онъ, молвить:
«Видно, Марко, кто тебя обидѣлъ?
«Обижать тебя я не позволю!
«Учиню, коль хочешь, судъ не медля».
Все отъ Марка нѣтъ, какъ нѣтъ отвѣта.
Наконецъ, обѣими руками
За концы онъ взялъ и поднялъ саблю,
И поднесъ ее къ глазамъ султану.
«Объ одномъ молись ты вѣчно Богу,
Онъ сказалъ, дрожа и задыхаясь,—
«Что нашель не на тебѣ, владыко
«Всѣхъ подлунныхъ царствъ, я эту саблю:
«Погляди, какая это надпись?
«Прочитай — тутъ имя Вукашина!
«Вукашинъ — царь сербскій, мой родитель».

И, сказавъ, заплакалъ храбрый Марко.

IV.

СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

СЕРБСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

Именинникъ былъ царь Лазарь;
Собрались къ нему всѣ баны,
И князья, и воеводы,
И въ бесѣдѣ прохладжались
Во честномъ, почетномъ пирѣ.
Пиръ ужь былъ во полупирѣ,
Какъ вошла въ шатеръ царица,
Свѣтъ-душа красна Милица.
Обложила жемчугами,
Поясъ кованый надѣла,
Головной покровъ кисейный,
Златъ-вѣнецъ поверхъ покова;

Поклонилася супругу,
Поклонилась, говорила:
«Господи́нь ты мой, царь Лазарь!
Мнѣ бѣ не слѣдѣ къ тебѣ входитьи,
Не подобно бѣ говорити,
Да не терпѣть больше сердце!
Сонъ я видѣла, и трижды
Тотъ же самый сонъ мнѣ снится
Все является мнѣ старецъ
Въ клубукѣ и черной рясѣ;
Осіянь небеснымъ свѣтомъ,
Держить онъ большую книгу;
И пречудныя въ той книгѣ
Кажеть мнѣ изображенья.
На одномъ-то словно поле,
Только все дымится кровью,
Словно воинство какое
Полегло на немъ, побито;
На другомъ изображеньи
Церковь, словно какъ на небѣ;
Отъ нея жь лучи исходятъ
Внизъ на Сербскую всю землю.
И зачѣмъ являлся старецъ,
И зачѣмъ казалъ мнѣ книгу,
Что велить по ней исполнить —

Не могла никакъ я сдумать.
Только сдумала одно я, —
И пришла къ тебѣ, царь Лазарь.
Всѣ цари, какіе были
Надъ землею славной Сербской,
Собирали серебро, злато,
Чтобы строить Божьи церкви
И обители святыхъ.
Ты сидишь на ихъ престолахъ,
Копишь серебро и злато,
Самъ по всей землѣ прославленъ,
А для Господа, для Бога,
Ни единой не построилъ
Ни обители, ни церкви».

Призадумался царь Лазарь
И воскликнулъ громкимъ гласомъ:
«Храмъ построю я, какого
Не бывало въ Сербскомъ царствѣ!
Изъ свинцу солью основу,
Изъ серебра поставлю стѣны,
Краснымъ золотомъ покрою,
А внутри весь изукрашу
Крупнымъ жемчугомъ заморскимъ
И камнемъ самоцвѣтнымъ, —

Да во славу христіанамъ
Онъ на всю «сіяеть землю!»
Повставали съ мѣсть всѣ баны,
И князья, и воеводы,
Похваляли мысль цареву:
«Съ Богомъ, царь, благое дѣло!»
Только Милошь воевода
За столомъ одинъ остался,
И сидить, потупя очи
И глубоко воздыхая.
Запримѣтилъ свѣтъ-царь Лазарь,
Что не всталъ съ князьями Милошь,
Посылалъ къ нему онъ чашу:
«Буди здравъ, князь славный Милошь!
Что сидишь, потупя очи
И глубоко воздыхая?
Аль не по-сердцу рѣчь наша?»

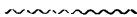
И вскочилъ князь славный Милошь,
Принялъ чашу въ бѣлы руки,
Поклонился, слово молвилъ:
«Государь ты, свѣтъ-царь Лазарь!
Не вотще царицѣ снилось
Поле, залитое кровью,
Словно воинство какое

Полегло на немъ, побито:
Прочитай ли ты въ Писаньи,
Во святыхъ старинныхъ книгахъ,
Что стоитъ про наше время?
Наше время — на исходѣ:
«Близокъ часъ, во онъ-же Турокъ
«Придетъ на нашу землю,
«Царство Сербское порушить,
«Поплѣнить народъ въ работу».
Вотъ кровавое-то поле!
Если жъ ты построишь церковь
Со свинцовою основой,
И серебряныя стѣны,
Красно золото на крышѣ,
А внутри заморскій жемчугъ,
Самоцвѣтные каменя:
Придетъ поганый Турокъ,
Разнесетъ онъ все и сроетъ.
Изъ свинцу полететь онъ ядеръ,
Будетъ бить имъ наши грады,
А серебряныя стѣны
Перебьетъ на сбрую конямъ,
Самоцвѣтные каменя
Вправитъ въ сабельны эфесы,
А все золото и жемчугъ

Забереть своиѣ туркинямъ,
И наложницамъ, и женамъ,
На мониѣта и повязки.
Церковь строить — такъ изъ камня,
Камня сѣраго, такого,
Чтобъ ни огонь не жегъ палящій,
Чтобъ ни мечъ не сѣкъ будатный,
Чтобъ ни червь, ни ржа не ѣли;
Вмѣсто жъ злата и каменьевъ —
Да сіяетъ благочестьемъ,
И небесной свѣтлой славой.
Пусть тогда приходитъ Турокъ,
Забираетъ нашу землю,
Царство Сербское порушить,
Поплѣнить народъ въ работу:
На сѣръ-камень не польститъся.
И пребудутъ, яко звѣзды,
Надъ землей плѣненной нашей
Наши каменные церкви:
Будутъ иноки честные,
Благодатью лишь богаты,
Славить Господа въ нихъ Бога,
Поминать царей великихъ
И мужей, во брани падшихъ
За отеческую землю,

И стоять въ сердцахъ у Сербовъ
Будеть вѣки нерушимо
Царство Сербское, подъ вѣрнымъ,
Подъ невидимымъ покровомъ
Пресвятой Христовой церкви...
И на эту-то вотъ церковь
И указывалъ царицѣ
Во святомъ видѣннѣ старецъ»...

1867.

V.

КАКЪ ОТДАРИЛЪ ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ
МОСКОВСКАГО ЦАРЯ.

Идутъ письма изъ Земли Московской
Черезъ грады многіе и земли,
Идутъ, идутъ — и въ Стамбуль приходятъ;
И везутъ ихъ въ золотыхъ каретахъ
Къ самому турецкому султану, .
А при письмахъ царскіе подарки;
Для султана: золотое блюдо,
А на немъ стоитъ мечеть златая,
А вокругъ мечети змѣй обвился,
Въ головѣ жъ у змѣя вставленъ камень,
Самосвѣтный камень, при которомъ
Можно ночью и ходить, и видѣть,

Словно днемъ, когда сіяетъ солнце.
Для сынака султана, Абдула:
Дорогія острыя двѣ сабли,
Золотая рукоять на каждой,
А на нихъ по дорогому камню;
Для султанши жъ — колыбель златую,
Видъ гвѣзда имѣла — хитрой рѣзбы!
Въ головахъ — удалый соколъ-птица.

Получивъ подарки дорогіе,
Сталь султанъ кручиниться и думать,
Что бъ царю Московскому отправить,
Честь за честь, за дорогой подарокъ?
Думаль, думаль, ничего не вздумаль.
Кто прійдетъ къ нему, передо всѣми
Начинаетъ хвастаться, какіе
Шлетъ ему подарки царь Московскій.
И никто сказать ему не можетъ,
Чѣмъ царя бы отдарить за милость.
Вотъ наша приходитъ Соколовичъ,
Хвалится султанъ ему дарами;
За пашой пришли ходжа и кадїи;
Поклонились низко, цѣловали
У султана руку и колѣно;
Имъ султанъ дарами началъ хвастать,

И потомъ сталъ спрашивать обоихъ:
«Слуги вы мои, ходжа и кадій,
Вы вдвоемъ меня не вразумите ль,
Что послать въ Московскую мнѣ землю,
Изъ моей земли царю въ подарокъ?»

Огвѣчали и ходжа и кадій:
«Царь-султанъ! твоя надъ нами воля,
А мы вздумать ничего не можемъ.
Ты позвалъ бы старца-патріарха:
Онъ скорѣй научить и укажетъ,
Что послать и чѣмъ доволенъ будетъ
Государь, великій царь Московскій».
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Своего послалъ тотчасъ каваса,
Чтобы позвалъ старца-патріарха.
И когда пришелъ къ султану старецъ,
Показалъ султанъ ему, какіе
Получилъ подарки, и промолвилъ:
«О, слуга мой, старче-патріарше!
Ты меня не вразумишь ли, старче,
Что послать въ Московскую мнѣ Землю,
Чтобы былъ подарками доволенъ
Государь, великій царь Московскій?»

Тихо старецъ отвѣчалъ султану:
«Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Мнѣ ль учить твою велику мудрость!
Въ простотѣ дозволю мнѣ слово молвить,
Какъ Господь мнѣ на сердце положить.
Есть въ твоёмъ великомъ государствѣ,
Что царю Московскому отправить,
Что тебѣ совѣмъ не на потребу,
А ему весьма угодно будетъ.
Посохъ есть отъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя есть Константина,
Иоанна Златоуста ризы,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Что держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
Никакой тебѣ въ нихъ нѣтъ потребности,
А царю угодны будутъ, знаю».

Полюбилась эта рѣчь султану,
И велѣлъ онъ старцу-патріарху,
Чтобы справилъ для царя подарки
И вручилъ ихъ посланцамъ московскимъ.
Патріархъ, какъ слѣдуетъ, все справилъ,
И, вручая посланцамъ, сказалъ имъ:
«Поѣзжайте, милые, вы съ Богомъ;
Но большой не ѣздите дорогой,

А идите лѣсомъ и горою:
Будеть вамъ во слѣдъ погоня злая,
Чтобъ отнять у васъ сіи святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства.
Я сложу главу свою за это,
Грѣшное мое погибнетъ тѣло,
Да за то душа моя спасется.
И затѣмъ простился съ посланцами.
И султанъ доволенъ былъ, что кончилъ
Наконецъ съ такимъ мудренымъ дѣломъ,
И что все такъ дешево устроилъ,
Передъ всѣми началъ похваляться.

Вотъ опять приходитъ Соколовичъ,
И ему султанъ сказалъ, похвасталъ:
«Угадай, паша, слуга мой вѣрный,
Что къ царю Московскому послалъ я?
Даль я посохъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя даль Константина,
Іоанна Златоуста ризы,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Что держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
Въ нихъ мнѣ вовсе не было потребности,
А царю они угодны будутъ».
И спросилъ султана Соколовичъ:

«По чьему жь ты сдѣлалъ такъ совѣту?»
И султанъ ему отвѣтилъ прямо:
«По совѣту старца-патріарха!»
И сказалъ на это Соколовичъ:
«Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Если ты царю послалъ святыни,
Выше конхъ нѣтъ для христіанства,
Приложилъ бы къ нимъ ужъ тоже кстатѣ
И ключи отъ своего Стамбула!
Все равно — отдать придется послѣ,
И съ великимъ для тебя позоромъ!
Вѣдь на тѣхъ святыняхъ и держалось
Все твое владычество и царство!»

Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Спохватился и всплеснулъ руками,
И пашѣ приказывалъ поспѣшно:
«Гой еси, паша, слуга мой вѣрный!
Собери ты турокъ-янычаровъ,
Догони ты посланцевъ московскихъ,
Отбери у нихъ мои подарки,
Отбери святыни, на которыхъ
Все мое и утверждалось царство!»
Собралъ войско храбрый Соколовичъ
И поѣхалъ по большой дорогѣ;

Ищеть, ищеть посланцевъ московскихъ —
Не нашель нигдѣ, домой вернулся,
Говорить султану, что не видѣль,
Какъ ни бился, посланцевъ московскихъ.
И султанъ пришелъ въ велику ярость,
Закричалъ пашѣ онъ зычнымъ гласомъ:
«Такъ иди жь, паша, слуга мой вѣрный,
И убей ты старца-патріарха!»

Побѣжалъ паша приказъ исполнить —
И схватилъ онъ старца-патріарха,
И взмахнулъ надъ нимъ ужь острой саблей —
Патріархъ же старецъ молвилъ тихо:
«Господинъ паша, остановися —
Погоди, не обагряй, пожалуй,
Землю кровью праведной моею,
А не то три года быть засухѣ:
Ничего земля родить не станеть!»
Услыхалъ паша, что молвилъ старецъ,
И повель его на сине море,
И занесъ надъ нимъ ужь острую саблю;
Говорить опять великій старецъ:
«Господинъ паша, остановися,
Не губи меня на снемъ морѣ:
Встанеть буря, море возмутится.

Корабли потопить и галеры,
Города залеть, размоетъ землю!»
Напугать пашу такъ думалъ старецъ,
Да паша не сталъ ужъ старца слушать,
И отсѣкъ главу его святую.

Далъ Господь въ своемъ раю небесномъ
Прославленье праведному мужу,
Намъ же, братья, радость и веселье.

VI.

СОНЪ КОРОЛЕВИЧА МАРКА.

Вижу — поле, залитое кровью;
Грустно мѣсяцъ на поле глядеть...
Славный витязь Марко королевичъ
Между труповъ раненый лежитъ.

Духи горъ витають надъ тѣлами,
Все кого-то ищуть — вотъ нашли —
И съ собою осторожно Марка
Съ поля битвы въ горы унесли.

Въ высотахъ заоблачныхъ, въ пещерѣ,
Онъ узналъ про плѣнь страны родной, ---
И вскочилъ, и выхватилъ онъ саблю,
И, поднявъ ее надъ головой,

Остріемъ, въ упоръ, ударилъ въ камень...
Онъ ударилъ, чтобъ ее сломать,
Но о камень не сломалась сабля,
А вошла въ него по рукоять;

Самъ же Марко силою чудесной
Въ этотъ мигъ внезапно пораженъ,
Повалился на землю въ пещерѣ
И въ глубокой погрузился сонъ.

Высоко пещера та въ Балканахъ;
Духи горъ всѣ входы стерегутъ,
Вкругъ играютъ съ молніей и громомъ,
Съ вѣтромъ пѣсни буйныя поютъ.

Ту пещеру пастухи лишь знаютъ.—
И сказали духи пастухамъ:
«Въ срокъ свой сабля выпадетъ изъ камня,
Встанетъ Марко и отмститъ врагамъ!»

И съ тѣхъ поръ къ пещерѣ по утесамъ
Пастухи взбираются тайкомъ:
Триста лѣтъ не трогалась сабля,
Триста лѣтъ спалъ Марко крѣпкимъ сномъ.

Въ краѣ сербскомъ вознеслись мечети;
Янычаръ, въ толпѣ, средь бѣла дня,
По базарамъ женъ давилъ копытомъ
Своего арабскаго коня.

Царь и царство, пышный дворъ и бани,
И пиры, и битвы — отошли
Въ область сновъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Въ область царствъ, исчезнувшихъ съ земли...

Вдругъ раздался словно гулъ подземный;
Вся гора подъ Маркомъ сотряслась,
Спящій Марко вдругъ зашевелился,
Сабля жъ вдругъ изъ камня подалась...

Этотъ гулъ — былъ громъ полтавскихъ пушекъ.
Марковъ сонъ съ тѣхъ поръ тревоженъ сталъ.
Вотъ летятъ орлы Екатерины —
По Балкану трепеть пробѣжалъ —

Міръ, лишь въ пѣснѣ жившій, словно вышелъ
Изъ земли, какъ былъ по старинѣ:
Тѣ жъ гайдуки, тѣ же воеводы,
Тѣ жъ попы съ мечомъ и на конѣ!

Съ древней славой новую свивая,
Гусляры по всей странѣ идутъ:
Бьетъ врага Георгій или Милошь —
Тотчасъ пѣснь вездѣ о нихъ поютъ...

Вотъ ужъ снова колокольнымъ звономъ
Загудѣла сербская земля...
Вотъ — Бѣлградъ позорившее знамя
Спущено на-вѣкъ съ его кремля...

Съ каждымъ часомъ Марковъ сонъ все тоньше,
И изъ камня сабля все идетъ, —
Говорятъ, — чуть держится, ужъ гнется...
Что же медлить? что не упадетъ?...

VII.

РАДОЙЦА.

(Изъ сербскихъ пѣсень).

Что за чудо, Господи мой Боже!
Громъ гремитъ, или земля трясется?
Или море подъ скалой грохочетъ?
Или Вилы на горахъ воюютъ?
Нѣтъ, не громъ и не земля трясется,
И не Вилы горныя, не море, —
То паша на радости стрѣляетъ,
Самъ Бекиръ-ага палитъ изъ пушекъ,
Ажно въ Зарѣ всѣ домà трясутся!
Да еще бѣ не радость, не веселье!
Удалось ему словить Радойцу,
Гайдука Радойцу удалого!

И Радойцу привели въ темницу,
А ужъ тамъ давно сидитъ ихъ двадцать,

Цѣлыхъ двадцать гайдукѡвъ удалыхъ.
Какъ Радойцу только увидали,
На него накинулись всѣ двадцать:
«Эхъ, Радойца, чтобъ те пусто было!
«Что хвалился, молъ, своихъ не выдамъ,
«Отышу, на двѣ морскомъ достану!
«Вотъ теперь сиди и хныкай съ нами!»

Отвѣчалъ имъ удалой Радойца:
«Вы покуда знай-молчите, братцы;
«Ужъ сказалъ — васъ выпущу на волю,
«Не живой освобожу, такъ мертвый».

Какъ свѣтало и взошло ужъ солнце,
Только слышать гвалтъ въ тюрьмѣ и крики:
«Чортовъ кусъ! Бекирь-ага проклятый!
«Что привелъ ты къ намъ еще Радойцу!
«Околѣлъ онъ тутъ сегодня за ночь!
«Убирай отъ насъ его скорѣ».

Унесли Радойцу изъ темницы,
Приказалъ ага, чтобъ схоронили.
На дворѣ народъ толпится, смотреть,
И жена Бекира тоже вышла,
Поглядѣла, да и молвить мужу:

«Господинъ мой, какъ ужь тамъ ты знаешь,
«Только мнѣ сдается — живъ Радойца!
«Ну, какъ что недоброе затѣялъ?
«Испытать его бы не мѣшало.
«Ты вели-ко наказать желѣзо,
«Припеки ему бока крутые,
«Колн живъ,—поморщится, разбойникъ!»

Накалили дѣ-красна желѣзо,
Припекать бока Радойцѣ стали —
Онъ лежитъ, не шевельнетъ и бровью.

На своемъ таки стоитъ Бекирша:
«Хоть убей меня, а живъ бездѣльники!
«Ты возьми-ко вотъ гвоздей желѣзныхъ,
«Вбей ему по гвоздику за ногти, —
«Туть посмотримъ: шевельнется, нѣтъ ли!»

Принесли гвоздей; за каждый ноготь
На рукахъ и на ногахъ вбиваютъ:
Онъ лежитъ — ни-ни, не шевельнется,
Ни однимъ суставчикомъ не дрогнетъ.

Мало все еще ехидной бабѣ:
«Разрази Господь меня на мѣстѣ»,

Говорить, — «а живъ таки, собака!
«Вотъ что сдѣлай, — научаетъ мужа: —
«Ты скажи-ко кликнуть кличь дѣвицамъ,
«Чтобы шли во дворъ къ пашѣ на праздникъ;
«Пусть вокругъ Радойцы пляшутъ кѣло,
«А заводить кѣло пусть Гайкуна:
«Знаю я мужскую вашу совѣсть, —
«Коли живъ — не стерпитъ, шевельнется!»

Собрались дѣвицы, пляшутъ кѣло,
Вкругъ Радойцы прыгаютъ и ходятъ,
Впереди — красавица Гайкуна...
А Гайкуна ужъ была такая, —
Богъ съ ней, право! — красота, что чудо!
Всѣмъ взяла — и станомъ, что твой тополь,
И лицомъ — заря съ него не сходитъ,
А идетъ — такъ словно вѣтеръ въ листьяхъ
Шелестятъ шелковныя шальвары!
Стало виться, развиваться кѣло;
Голоса дѣвичьи загудѣли;
Мѣрно-звонко звякаютъ червонцы;
Что весна вокругъ Радойцы вѣетъ,
На лицо что жаръ полдневный пышетъ...
Будь-ко живъ онъ — какъ бы застучало,
Какъ бы сердце у него забилось, —

Хоть однимъ глазкомъ, а ужь бы глянуть!
Тихо, ровно вокругъ идетъ Гайкуна,
И съ лица Радойцы глазъ не сводить;
Только вдругъ — вздрогнула, улыбнулась,
И платочекъ — будто ненарокомъ —
На лицо ему съ плеча сронила —
И плясать не стала: «Какъ ты хочешь,» —
Говорить, — «родитель мой любезный,
«А постыдно тѣшиться надъ мертвыми!»
И Бекирь уважилъ дочку, тотчасъ
Приказалъ похоронить Радойцу;
Но старуха все не унялася:
«Брось его по крайности ты въ море!
«Пусть съѣдятъ его морскіе гады!»
— «Все одно!» Бекирь сказалъ, не спорилъ,
И велѣлъ Радойцу бросить въ море.

Весель въ этотъ день онъ сѣлъ за ужинъ,
«Въ первый разъ, молю, въ девять лѣтъ сегодня
«Съ легкимъ сердцемъ ужинать сажуся.
«Девять лѣтъ мнѣ не давалъ покоя
«Этотъ воръ анаемскій Радойца!
«Да — Аллаху слава! — съ нимъ покончилъ!
«Завтра тѣхъ двадцатерыхъ повѣшу!»
Только это онъ успѣлъ промолвить,

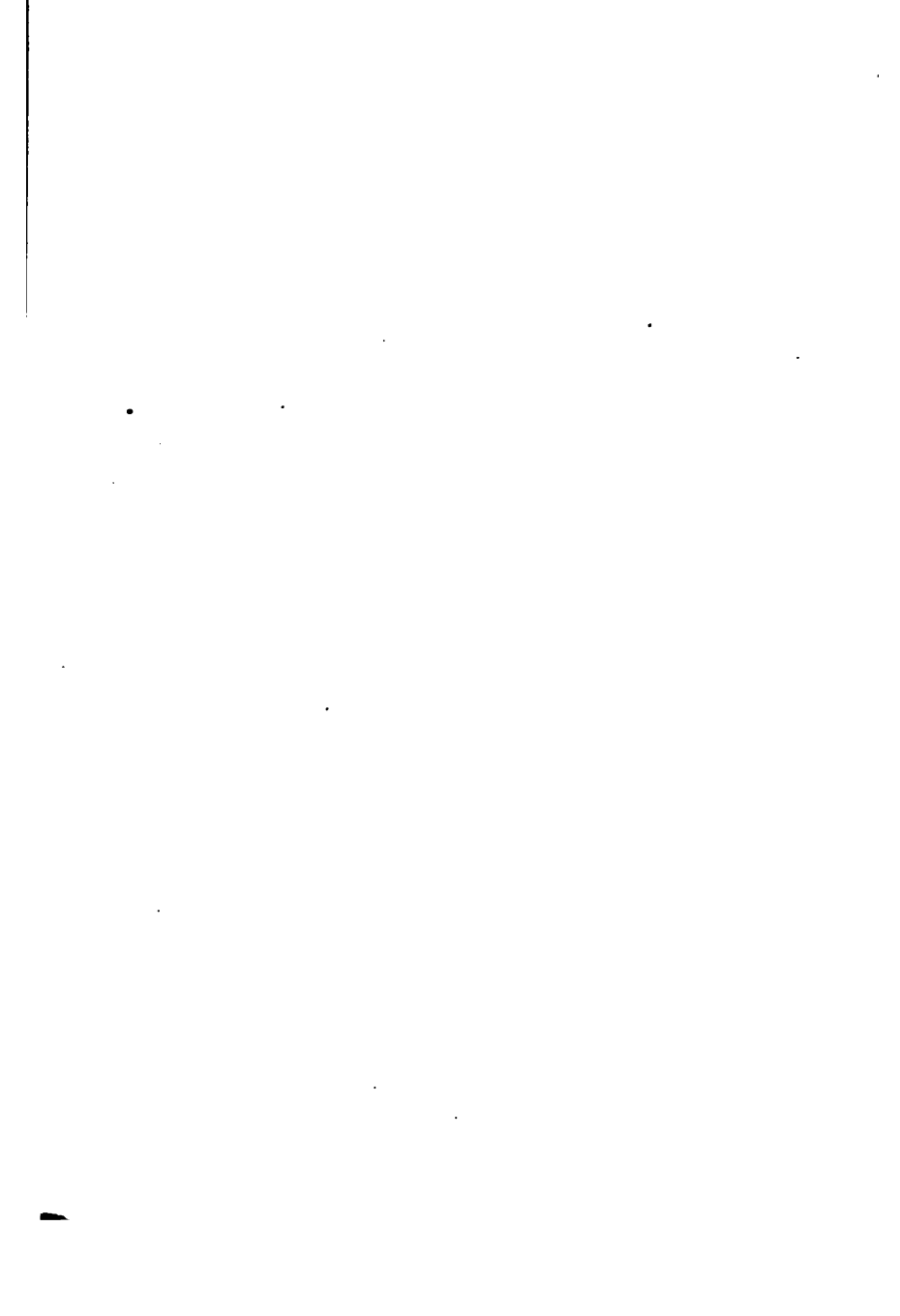
Глядь — а передъ нимъ стоитъ Радойца,
Живъ и здоровъ и съ поднятою саблей!
Не успѣлъ онъ ни вскочить, ни крикнуть,
Не успѣлъ — безъ головы свалился.
А Бекирша только увидала —
Какъ на мѣстѣ жь померла со страху.
«Ты же, свѣтъ очей моихъ, Гайкуна», —
Молвилъ онъ ей, руку подавая, —
«Отыщи ключи ты отъ темницы,
«Да сама въ дорогу собрайся!
«Выпустимъ товарищей удалыхъ,
«И скорѣй въ Шумадію уѣдемъ».

Не корили ужь его гайдуки,
Разнесли объ немъ далеко славу,
Что ужь слово скажетъ, такъ ужь сдержитъ.
Въ ту же ночь ушли они съ Гайкуной;
Покрестилъ ее онъ въ первой церкви,
Во крещеньи назвалъ Ангеликой,
Да потомъ и повѣнчался съ нею.

III.

НОВОГРЕЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, дитя мое, усни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани:
Въ няньки я тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой;
Солнце скрылось подъ водой;
Вѣтеръ, послѣ трехъ ночей,
Мчится къ матери своей.

Вѣтра спрашиваетъ мать:
«Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?»

— «Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ;
Я дитя оберегалъ,
Колыбелочку качалъ!»

II.

МАТЬ И ДѢТИ.

— «Что ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ все твердишь?
Въ лучшемъ мірѣ наша Зоя —
Ты сама намъ говоришь».

— «Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мірѣ!
Но въ томъ мірѣ нѣтъ луговъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни веселыхъ мотыльковъ».

— «Мама, мама! Въ Божьемъ небѣ
Божьи ангелы поютъ,
Ходятъ розовыя зори,
Ночи звѣздныя плывутъ».

— «Ахъ, у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
Въ полѣ рѣзвится она!..»

III.

Ласточка примчалась
Изъ-за бѣла моря,
Сѣла и запѣла:
Какъ Февраль ни злился,
Какъ ты, Мартъ, ни хмурься,
Будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ —
Все весною пахнетъ!

IV.

ДВУСТИШІЯ.

1.

И терны и розы, улыбки и слезы,
И сѣются разомъ, и вмѣстѣ растутъ!

2.

Тащить свой неводъ рыбакъ — рвется изъ невода рыбка.
Дѣва! на волю я рвусь — и за тобою иду!

3.

Бѣлая лебедь, проснись! крыльями шумно взмахни!
Чернаго врана, что спитъ подлѣ тебя, — прогони!

4.

Горленка лѣсная! Кто тебя изловить?
Въ клѣточку посадить и голубить станеть?

V.

Я бѣ тебя поцѣловала,
Да боюсь, увидить мѣсяць,
Ясны звѣздочки увидятъ;
Съ неба звѣздочка скатится,
И расскажетъ синю-мору,
Сине-море скажетъ весламъ,
Весла Яни рыболову,
А у Яни — любя Мара;
А когда узнаетъ Мара, —
Всѣ узнаютъ въ околоткѣ;
Какъ тебя я ночью лунной
Въ благовонный садъ впускала,
Какъ ласкала, цѣловала,
Какъ серебряная яблонь
Насъ цвѣтами осыпала.

VI.

Тихо море голубое!
Если бѣ вихрь не налеталъ,
Не шумѣло бѣ, не кидало бѣ
Въ берега за валомъ валъ!

Тихо бѣ грудь моя дышала,
Если бѣ вдругъ, въ душѣ моей,
Образъ твой не проносился
Вихря буйнаго быстрѣй!

VII.

ПОЦѢЛУЙ.

Между мраморныхъ обломковъ,
Посреди сребристой пыли,
Однорукій клефтикъ тешеть
Мраморъ нѣжный, словно пѣна,
Прибываемая моремъ.
Мимо дѣвица проходить,
Златокудрая, что солнце,
Говорить: «зачѣмъ одною
Ты работаешь рукою?
Ты куда жь дѣвалъ другую?»

— «Полюбилась мнѣ дѣвица,
Роза первая Стамбула!
Поцѣлуй одинъ горячій,
И — мнѣ руку отрубили!
Въ свѣтѣ есть еще дѣвица,
Златокудрая, что солнце...
Поцѣлуй одинъ бы только,
И руби другую руку!»

VIII.

Свѣтлый праздникъ будетъ скоро,
И христосоваться къ вамъ
Я приду: смотри же, Дора,
Не одни мы будемъ тамъ!
Будто въ первый разъ, краснѣя,
Поцѣлуемся при всѣхъ,
Ты — очей поднять не смѣя,
Я — удерживая смѣхъ!

IX.

Словно ангель бѣлый, у окна надъ моремъ,
Пѣла пѣсню дѣва, злымъ убита горемъ,
Вѣтру говорила, волны заклинала,
Милому поклоны съ ними посылала.
Пробѣгалъ корабликъ мимо подъ скалою;
Слышать мореходы голосъ надъ собою,
Видять дѣву-чудо, парусъ оставляють,
Бросили работу, руль позабываютъ.
«Проходите мимо, мореходы, смѣло!
Ахъ! не бѣлокрылымъ кораблямъ я пѣла!
Я молила вѣтеръ, волны заклинала,
Милому поклоны съ ними посылала».

X.

Межь тремя морями башня,
Въ башнѣ красная дѣвица
Нижеть звонкіе червонцы
На серебряныя нити.
Вышло всѣхъ двѣнадцать нитокъ.
Повязавши всѣ двѣнадцать —
Шесть на грудь и шесть на косы —
Вызываетъ дѣва солнце:
«Солнце, выдь! — я тоже выйду!
Солнце, глянь! — я тоже гляну!
Отъ тебя — дуга повянутъ,
Отъ меня — сердца посохнутъ!»

XI.

СТАРЫЙ МУЖЪ.

Запѣваютъ пташки на зарѣ,
Золотятся снѣги по горѣ;
Пробудилась молода жена,
Будить мужа стараго она:
«Пробудись-проснись, голубчикъ мой!
Полюбуйся молодой женой;
Мой ли станъ, что тонкій кипарисъ,
Что лимоны, груди поднялись...»
Старый мужъ прикинулся, что спитъ,
Самъ не спитъ, а въ полуглядъ глядитъ.
«Эхъ, когда бы прежніе года,
Не будила бы меня млада!
Засыпала бъ поздно ввечеру,
Просыпала бъ долго поутру;
По утрамъ бы я ее будилъ,
Золотыя бъ рѣчи говорилъ;
Притворялась бы она, что спитъ,
Крѣпко спитъ, не слышитъ, не глядитъ».

XII.

МОЛОДАЯ ЖЕНА.

Наряжалась молодая Елена,
Наряжалась на праздникъ къ обѣдн.
Красный фесъ съ жемчугомъ надѣвала,
И червонцы на черныя косы;
Изъ лица вся сіяла, что солнце;
Бѣла-грудь — что серебряный мѣсяцъ.
Подымалася на гору въ церковь,
Стала спрашивать буйное сердце:
«Что ты сердце болишь и вздыхаешь?
Словно камень ты на гору тащишь?..»
— «Легче бѣ камни тащить мнѣ, чѣмъ горе,
Злое горе отъ стараго мужа.
Я бѣ къ другому пошла хоть въ неволю,
Хоть въ неволю бѣ пошла къ молодому!

Ненаглядно бѣ я имѣ любовалась,
Что высокимъ въ саду кипарисомъ;
Любовался бѣ онъ, тѣшился мною,
Что цвѣтущею яблонькой, нѣжной;
Я сама бы его наряжала,
Какъ меня наряжаетъ мой старій;
Я ему бы все въ очи глядѣла,
Какъ глядитъ мой старикъ въ мои очи;
И не звалъ бы меня онъ ворчуньей,
И капризной, негодною плаксою,
Называлъ бы веселою пташкой,
Называлъ бы своею голубкой!..»

XIII.

П Ъ В Е Ц Ъ.

Не красивъ я, знаю самъ;
Въ битвѣ бесполезенъ! —
Чѣмъ же женамъ и мужамъ
Милъ я и любезенъ?
Пѣсни, словно гулъ въ струнахъ,
Грудь мнѣ наполняютъ,
Улыбаются въ устахъ
И въ очахъ сіяютъ.

XIV.

Птички-ласточки, летите
Къ прежней любшкѣ моей:
Не ждала бь она, скажите,
Мила друга изъ гостей.

Во чужой землѣ сгубила
Зла-волшебница меня,
И меня приворожила,
И испортила коня.

Я коня ли осѣдлаю —
Разсѣдлается онъ самъ;
Безъ сѣдла ли выѣзжаю —
Громъ и буря въ встрѣчу намъ!

У нея слова такія:
Скажетъ — рѣки не текутъ!
Съ неба звѣзды золотыя,
Словно яблочки спадуть!

Глянетъ въ очи — словно хлынетъ
Въ сердце свѣтъ съ ея лица;
Улыбнется — словно кинетъ
Алой розой въ молодца!

~~~~~

XV.

ОЛИМПЪ И КИССАВЪ.

Сталъ Киссавъ съ Олимпомъ спорить:
«Ты угрюмъ стоишь, пустынный;
Я жь, смотри, цвѣтущъ и веселъ!»
Отвѣчалъ многовершинный,
Отвѣчалъ Олимпъ Киссаву:
«Не хвались, Киссавъ надменный,
Я — старикъ Олимпъ, и знаютъ
Старика во всей вселенной!
У меня ль, подъ синимъ небомъ,
Шестьдесятъ вершинъ сіяютъ;
У меня ли съ лона шумно
Сто ключей живыхъ сбѣгаютъ.
Надо мной орлы кружатся,
Любить клефть меня воитель,
И боится храбрый Турокъ —
Твой высокій повелитель».

XVI.

ГОЛОСЪ ИЗЪ МОГИЛЫ.

Два дня у насъ шелъ пиръ горой, два дня была попойка,
На третій, поздно къ вечеру, вина въ мѣхахъ не стало;
Достать еще вина меня послали капитаны;
Пошелъ я въ незнакомый путь — дорогой заплутался,
Шелъ дикими тропинками, шелъ узкими путями;
И узкій путь привелъ меня къ пустынной старой церкви.
Вкругъ церкви было кладбище — все плиты гробовыя;
Одна плита пониже всѣхъ — отъ всѣхъ была въ сторонкѣ;
И я не разглядѣлъ ея, ногой прошелъ по камню.
И слышу будто стонъ глухой и голосъ изъ могилы.
«О чемъ, спросилъ я, ты вопишь, о чемъ, могила, стонешь?
Земля ли тяжела тебѣ иль давить черный камень?»
— «Нѣтъ, мнѣ не тяжела земля, не давить черный камень,
А стыдно мнѣ, и больно мнѣ, и горько несказанно,
Что ходишь надо мною ты, меня ногою топчешь!..
Аль не былъ тоже молодъ я? аль не былъ паликаромъ?
При мѣсяцѣ не хаживалъ пустынными тропами?
И съ зорями росистыми не радовался міру?..»

XVII.

ПЛѢННИКЪ.

Сторожать меня Албанцы;
Я въ цѣпяхъ, но у окна
Задвѣтають померанцы:
Добрый знакъ — близка весна!

Дайте ей лишь укрѣпиться,
Обрасти густымъ вѣтвямъ,
И тропинкамъ позакрыться
Темной листвою по горамъ, —

Не сдержать меня желѣзу!
Изъ темницы я уйду,
Черезъ стѣну перелѣзу,
И въ кустарникъ пропаду.

Пусть Албанцы тутъ стрѣляютъ!
Посреди турецкихъ сельъ
Скоро матери узнають,
Завопятъ, что Димъ ушелъ!

XVIII.

Г А Д А Н І Е.

Египтянка, какъ царица,
Вся въ червонцахъ, въ жемчугахъ,
Сыплеть зелья на жаровню
Съ заклинашемъ на устахъ.

Передъ ней, бѣла какъ мраморъ,
Дѣва юная стоитъ...
Египтянка поблѣднѣла,
Смотритъ въ тьму и говоритъ:

«Вижу дикое поморье;
Слышу стукъ мечей стальныхъ:
Бьется юноша-красавецъ,
Бьется противъ семерыхъ.

«Онъ упалъ, они бѣжали...
 Къ синю морю онъ ползеть...
 Мимо идутъ бригантны,
 Онъ имъ машеть, онъ зоветъ:

—«Передайте Казандони,
 Что идетъ Вели-паша —
 Мимо идутъ бригантны,
 Не внимал, не спѣша...

«Онъ исходить алой кровью,
 Холодѣеть... лишь одинъ
 Томный взоръ слѣдитъ за бѣгомъ
 Уходящихъ бригантинъ...

«А надъ нимъ ужь рѣютъ чайки.
 Все-то ниже и смѣлѣй,
 И не сводитъ взгляда вѣронъ
 Съ потухающихъ очей».

XIX.

ЦАВЕЛИХА.

Съ горь Али-паша на Сули
Въ нетерпѣньи взоры мечеть,
А надъ нимъ порхаеъ птичка,
И кружится, и щебечеть:

«Видно, это не Янина,
Гдѣ шумять твои фонтаны;
Не Превеза, гдѣ ты ставишь
Для своихъ Албанцевъ станы.

«Это Сули, городъ славный!
Нѣтъ ей равнаго на свѣтѣ!
Здѣсь въ рядахъ мужей воюютъ
Жены, дѣвицы и дѣти!

«И съ ружьемъ въ рукѣ выводить
Всѣхъ Цавелиха ихъ въ поле —
На плечахъ съ груднымъ младенцемъ
И съ патронами въ подолѣ!»

~~~~~

XX.

Побѣду клефты празднують, пируютъ капитаны;
Разносить вина, яства имъ кудрявый, статный мальчикъ.
Наѣлися, напилися, метать пошли каменья,
А мальчикъ—что въ сраженіи, что въ играхъ всюду первый.
Да разъ, какъ размахнулся онъ,—еще не бросилъ камня,—
Авъ пуговицы лопнули, и петли оборвались,
И бѣлая грудь дѣвичья широко распахнулась.
Остолбенѣли молодцы, и смотрять капитаны, —
Не мѣсяць ли, не молнія ль блеснула передъ ними...
Зардѣлася красавица, отъ гнѣва чуть не плачетъ.
«Чего глядите? — крикнула, три года были слѣпы!»
Свой фесъ и ножъ имъ бросила, и скрылася изъ виду.
Съ тѣхъ поръ пропалъ и слухъ о ней, въ горахъ, у па-
ликаровъ.
Но во святой обители, между бѣлицъ смиренныхъ,
Смирненѣй всѣхъ ихъ новая бѣличка появилась.

XXI.

ПЛАЧЪ ПАРГІОТОВЪ.

«Ты летишь къ намъ, птичка, изъ-за моря,
Разскажи мнѣ, что въ горахъ за грохотъ?
Точно стонъ весь день стоитъ надъ Паргой.
Приступили что ли Турки снова?
Загорѣлся что ли бой смертельный?»

— «Нѣтъ, не Турки къ Паргѣ приступили,
И не бой смертельный загорѣлся;
Предана невѣрнымъ наша Парга!
Паргу срыть велѣли христіане,
Христіанскихъ царствъ цари-владыки!
Паргіотовъ съ родины погонять,
Какъ быковъ погонять, какъ барановъ!
И пойдутъ они въ чужую землю!
И отцовъ своихъ гроба покинутъ,

На позоръ покинуть Божьи храмы!..
Вьючатъ муловъ, разоряютъ дома...
Жены косы рвутъ въ печали лютой,
Старикъ рыдаютъ злымъ рыданьемъ:
По церквамъ попы съ великимъ плачемъ
Забираютъ утварь и иконы...
Видишь пламя: дымъ поднялся черный;
Раскрывали гробы, кости взяли,
Кости жгутъ, святые кости храбрыхъ,
Что когда-то сами жгли визирей!
Дѣти жгутъ отцовъ и дѣдовъ кости,
Чтобъ рукамъ невѣрныхъ не достались!
Слышишь — стонъ сильнѣй пошелъ и выше?
Голоса подымутся и стихнуть...
Разстаются, камни обнимаютъ,
Уходя, вѣдятъ родную землю!..

XXII.

Д Е С П О.

Сули пала, Кьяфа пала,
Всюду флагъ турецкій вьется...
Только Деспо въ черной башнѣ
Заперлась и не сдается.

«Положи оружье, Деспо!
Вамъ ли спорить, глупымъ женамъ?
Выходи къ пашѣ рабою,
Выходи къ нему съ поклономъ!»

—«Не была рабою Деспо,
И не будетъ вамъ рабою!» —
И, схвативъ зажженный факель: —
«Дѣти, крикнула, за мною!»

Факель брошенъ въ темный погребъ...
Дрогнувъ долъ, ударъ раздался —
И на мѣстѣ черной башни
Дымный столбъ заколебался.

XXIII.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Собирайтесь, паликары!
Умираеть капитанъ!
Умираеть онъ отъ честныхъ,
Отъ святыхъ турецкихъ ранъ! —
Умереть, друзья, не страшно,
Да могила мнѣ страшна...
Темно, тѣсно... Одинокій
Въ ней лежи и спи безъ сна! —
Съѣсть земля и фесь, и долманъ,
Мечь, не ржавѣвшій въ крови,
И усы мои, и брови,
Брови черныя мои!..

«Нѣтъ, меня не зарывайте,
Братцы, въ землю! На горѣ

Вы меня поставьте стоймя
Во гробу, лицомъ къ зарѣ.
Въ гробѣ окна прорубите,
Чтобъ мнѣ вѣяло весной,
Чтобы ласточки, кружася,
Щебетали надо мной! —
Чтобъ изъ гроба я далеко
Могъ бы Турокъ различать,
Чтобъ направо и налѣво
Могъ имъ пулю посылать».

XXIV.

Сорокъ клефтовъ на зимовки
Возвращались домой,
Малый наняли корабликъ, —
Да похвастали казной.

Корабельщикъ — плуть-Албанецъ!
Къ островку онъ пристаеъ.
«Погуляйте-ка тутъ, братцы,
Переждемъ, гроза идетъ!»

И на островъ вышли клефты
(Онъ былъ малъ, и дикъ, и голъ),
А межъ тѣмъ поставилъ парусъ
Корабельщикъ и — ушелъ.

Черезъ сорокъ дней приходитъ
За добычею своею:
Только двое шевелятся
Межъ разбросанныхъ костей;

Живъ былъ Яни, — весь искусанъ, —
И Георгій чуть дышалъ;
У него жь голодный Яни
Ноги тощія глодалъ.

XXV.

ЧУЖБИНА.

Умереть не дай Богъ на чужбинѣ!
Видѣлъ я, какъ пришлыхъ тамъ хоронять!
Безъ попа, безъ свѣчь и безъ кадила,
Не помазавъ мѣромъ, не отпѣвши,
Гдѣ пришлось, зарожуть, какъ собаку!
Какъ пахать потомъ пріѣдутъ землю,
Съ горь пригонять двухъ воловъ рогатыхъ,
Въ плугъ впрягутъ, и молодець удалый
Понуждать въ бока начнетъ ихъ саблей,
И по первой бороздѣ глубокой
Изъ земли да выкинетъ онъ ноги,
По другой — красавца паликара...
Завопить, завоюетъ бѣдный пахарь:
«Будь такой да у меня товарищъ,

Я бы съѣсть землѣ его такъ не далъ!
Я пошелъ бы къ морю, къ синю-морю,
На широкое бѣ пошелъ поморье;
Я бѣ нарѣзалъ тростнику морского,
Смастерилъ бы гробъ ему просторный,
Я бѣ въ гробу постлалъ ему постелю,
Всю бѣ цвѣтами, ландышами выстлалъ,
Всю бы выстлалъ свѣжимъ амарантомъ!»

XXVI.

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ.

Удалецъ съ горы сбѣгалъ въ долину,
Феска на бокъ, волосы кудрями.
Смерть за нимъ съ вершины примѣчала,
И въ обходъ пустилась, и въ ущельѣ
Вдругъ ему дорогу заступила.
«Ты куда, красавецъ, и откуда?»
— «Я изъ стана, пробираюсь къ дому».
— «За какимъ торонишься ты дѣломъ?»
— «Захватить хочу вина и хлѣба,
И тотчасъ назадъ вернуся въ горы».
— «Не захватишь ни вина, ни хлѣба,
И назадъ ты въ горы не вернешся.
Я тебя давненько поджидаю».
Усмѣхнулся молодець удалый,
Оглядѣлъ онъ Смерть, встряхнулъ кудрями:

— «Я, сказалъ, отдамся только съ бою.
Если хочешь, попытаемъ силы:
Сломишь ты — бери мою ты душу,
Я сломлю — сама ты мнѣ послужишь».
— «По рукамъ», костлявая сказала.
По рукамъ ударили. Схватились.
Бились два дня, билися двѣ ночи;
Всю траву ногами притоптали;
На колѣно гнули и съ отмаху,
Смерть давно бока ему ссадила;
У нея самой трещали кости,
А какъ хватить онъ на третье утро,
На ногахъ насилу устояла.
Да за то ужъ вдругъ разсвирѣѣла
И какъ схватить молодца за кудри,
Какъ рванеть — и грянулся онъ ѓземъ,
Словно дубъ, поваленный грозою.
Смерть тотчасъ на грудь къ нему вскочила,
Принялась душить его подъ горло.
— «Ты ужъ больно давишь, простоналъ онъ:
Кончимъ шутку, мнѣ пора быть дома,
Стричь овецъ, сыры изъ кадей вынуть».
Смерть глядитъ въ глаза ему и давить.
— «Дай ты мнѣ еще хоть двое сутокъ
Погулять на вольномъ бѣломъ свѣтѣ;

Попрощаюсь только со своими
И потомъ приду, куда укажешь».
Смерть глядитъ въ глаза и пуще давить.
— «У меня жена есть молодая!
Какъ одна останется, голубка!
Весела всегда была, какъ пташка...
У меня сынокъ есть — чуть лепечеть,
Есть другой — чуть-чуть смѣяться началъ...
Отпусти хоть ради ихъ, сиротокъ!»
Налегаеть Смерть ужь всею силой.
— «Объ душѣ хоть дай подумать грѣшной!»
Прохрипѣлъ онъ и замолкъ навѣки.
Съ тѣмъ она его и доконала.

XXVII.

А Д Ъ.

Изъ подземнаго изъ ада
Съ шумомъ вылетѣла птичка;
И, какъ вылетѣла, сѣла
На траву и еле дышитъ.
Видятъ матери и сестры,
Сладкій мускусъ ей приносятъ,
Амарантъ и бѣлый сахаръ.
«Освѣжися, пей и кушай!»
Уговариваютъ птичку;
«Разскажи намъ, что въ подземномъ,
Темномъ царствѣ ты видала?»
— «Что сказать мнѣ вамъ, бѣдняжки!»
Вздогнувъ, вымолвила птичка;
«Смерть я видѣла, какъ скачетъ
На конѣ въ подземномъ царствѣ;
Юныхъ за волосы тащить,
Старыхъ за руки волочить,
А младенцевъ нанизала
Вкругъ, за горлышко, на поясъ».

~~~~~

XXVIII.

Что горы потемнѣли?
Что тьма по нимъ ползеть?
Не вѣтеръ ли ихъ хлещетъ?
Не дождикъ ли сѣчетъ?

Не вѣтеръ горы хлещетъ,
Не дождикъ ихъ сѣчетъ:
Ихъ Смерть переѣзжаетъ
И полкъ тѣней ведетъ.

Кончаютъ повѣдъ старцы,
А юноши въ челѣ;
Рядкомъ сидятъ младенцы
У Смерти на сѣдлѣ.

И юноши ей кличуть,
И молятъ старики:
«Свернемъ съ пути въ деревню,
Вдохнемъ хоть у рѣки!

«Испьютъ водицы старцы,
И юноши пускай
Поборятся, а дѣтямъ
Нарвать цвѣточковъ дай».

—«Въ деревню не заѣду,
Не стану надъ рѣкой!
Къ ней матери и жены
Приходятъ за водой:

«Жена узнаетъ мужа,
Узнаетъ сына мать—
Уцѣплятся другъ въ друга,
И ихъ ужъ не разнять!»

XXIX.

•Приволье на горахъ родныхъ — приволье въ темныхъ
долахъ...

Бѣлѣютъ лѣтомъ овцы тамъ; зимой снѣга бѣлѣютъ,
Тамъ свѣтитъ солнце красное, тамъ смерти не боятся!»
Такъ въ тартарѣ три молодца о свѣтѣ толковали,
Рѣшились хоть на мигъ уйти—на свѣтъ взглянуть украдкой;
Одинъ рѣшилъ—къ веснѣ пойдёмъ, другой—ужь лучше къ
лѣту,

А третій—лучше къ осени, къ сбиранию винограда;
Услышала ихъ дѣвица, и дрогнуло въ ней сердце;
Скрестила руки, просится она изъ ада съ ними.

«Меня возьмите, молодцы, на бѣлый свѣтъ съ собою!»

—«Нельзя, нельзя, красавица, намъ взять тебя съ собою!

Ты ходишь—башимаки стучать, бряцаютъ ожерелья,
Ты платья легкимъ шелестомъ, пожалуй, Смерть встрево-
жишь!»

—«Я платье подвяжу себѣ, я сброшу ожерелье,
По лѣстницѣ тихохонько пойду босая съ вами!
Еще разъ, братцы, хочется взглянуть на свѣтъ мнѣ бѣлый,
Взглянуть, какъ плачетъ матушка, по дочкѣ убиваясь!
Взглянуть, какъ братцы-сродники тоскуютъ по сестрицѣ!
—«Ахъ, дѣвица-красавица! о милыхъ не крушися!
Твои всѣ братцы-сродники ужь пляшутъ въ хороводѣ,
А матушка на улицѣ съ сосѣдками судачить!»

XXX.

Въ темномъ адѣ, подь землю,
Тѣни грѣшныя томятся;
Стонуть дѣвы, плачуть жены,
И тоскуютъ, и крушатся...
Все о томъ, что не доходятъ
Вѣсти въ адскіе предѣлы—
Есть ли небо голубое?
Есть ли свѣтъ еще нашъ бѣлый?
И на свѣтѣ—церкви Божьи,
И иконы золотыя,
И какъ прежде, въ станками,
Текутъ ли дѣвы молодыя?

XXXI.

Опустѣли наши села;
Не видать богатырей!
Не палять, не мечуть камней,
Даже свадьбы—безъ гостей!

Всѣ ушли, у всѣхъ забота—
Крѣпость вывели въ горахъ;
Башни, стѣны—изъ порфира,
Мѣдь лютая—въ воротахъ.

По стѣнамъ ужь ставятъ пушки,
Подымають знамена...
И приходитъ Смерть подъ крѣпость,
Безоружна и одна.

И глядитъ: «Здорово, дѣтки!»
—«Здравствуй, Смерть! куда бредешь?»
—«Да Господь послалъ за вами».
—«Что жь, твои—коли возьмешь!»

И со стѣвъ на Смерть смѣются:
«Есть ли лѣстница съ тобой?»
Не полѣзла Смерть на стѣвы,
Только топнула ногой:

Гулъ раздался подъ землею,
Туча гору облегла...
И чрезъ мигъ—одна стояла
Обожженная скала.

XXXII.

Показалась звѣзда на востокѣ.
Золотая звѣзда показалаась.
Не звѣзда то была золотая,
То былъ ангель съ златыми крылами,
Возвѣщать онъ въ услышанье людямъ:
«Щеголяйте, пока еще время!
Въ многоцвѣтныя платья рядитесь!
Злато-серебро сыпьте, кидайте!
Красныхъ дѣвъ ко груди прижимайте!
Наступаетъ послѣднее время:
Похвалилася Смерть въ преисподней,
Огородъ городить собралася;
Что въ своемъ ли она огородѣ
Не деревъ-кипарисовъ насадить,
А лихихъ молодцовъ-паликаровъ;

И не розановъ вокругъ ихъ душистыхъ,—
А румяныхъ дѣвицъ, бѣлогрудыхъ;
Не гвоздикъ, не анютины глазки,
А малютокъ въ куртинахъ посадить;
И натычетъ вокругъ огорода—
Стариковъ и старухъ частоколомъ».

XXXIII.

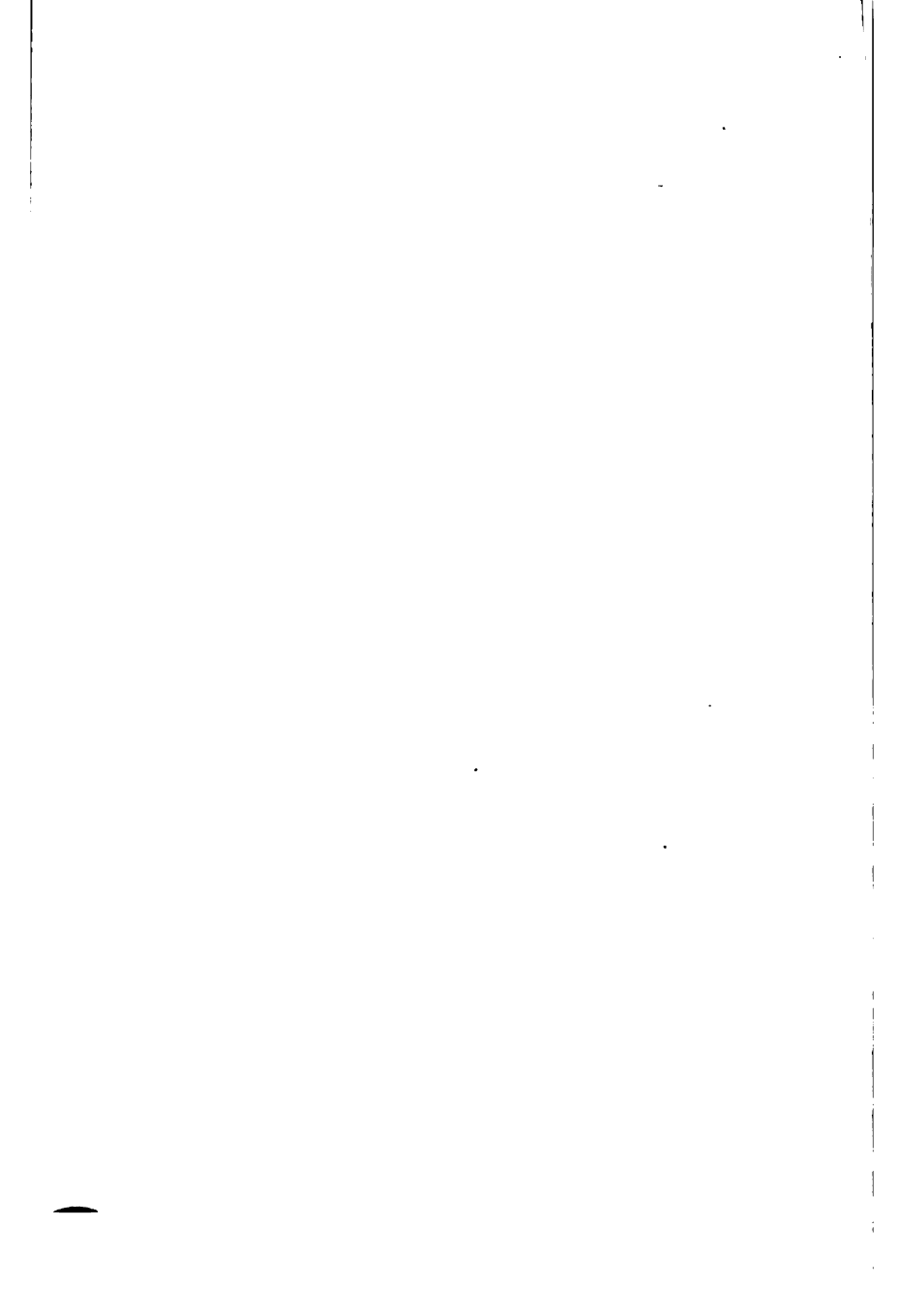
ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ.

Подъ солнцемъ вьются жавронки,
Поютъ: Христосъ Воскресе!
По всѣмъ кустамъ малиновки
Поютъ: Христосъ Воскресе!
Во всѣ окошки ласточки
Кричатъ: Христосъ Воскресе!
Сердца у дѣвъ, у юношей
Поютъ: Христосъ Воскресе!
И всѣмъ въ отвѣтъ могилушки:
Во истинну Воскресе!

1858—1862.

IV.

ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ.

I.

ДУХЪ ВѢКА.

ДУХЪ.

Здорово, другъ!.. что ты такъ мраченъ?
Межь тѣмъ, ты юнъ и въ цвѣтѣ силъ...
Ужели миръ души утраченъ?
А я давно тебя слѣдилъ,
Тебя встрѣчая, улыбался,
Умильно на тебя глядѣлъ,—
Но ты понять меня боялся,
Или, быть можетъ, не хотѣлъ...

ЮНОША.

Да, мнѣ лицо твое не чуждо.
Тебя я видѣлъ... но, когда,—
Не помню.

ДУХЪ.

До того нѣтъ нужды!

ЮНОША.

Я бѣса Фауста такъ всегда
Воображалъ.

ДУХЪ.

Все можетъ статья.

И бѣсомъ я у Фауста былъ;
 Другимъ иначе я служилъ;
 Съ людьми въ пустыню шелъ спасаться,
 Въ Ерусалимъ Готфреда рать
 Водилъ невѣрныхъ поражать;
 Еще же прежде...

ЮНОША.

Кто жь ты нынѣ?

ДУХЪ.

Я былъ и буду другъ людей.
 Я жилъ съ отшельникомъ въ пустынѣ,
 Ълъ жолуди, не спалъ ночей,
 Мы съ нимъ пороки поражали
 И вмѣстѣ тѣло бичевали,
 И, въ избавленье отъ грѣховъ,
 Я жегъ живыхъ еретиковъ.
 Съ ученымъ жилъ я въ бѣдной кельѣ;
 Въ Амальфи роясь, весь въ пыли,
 Едва не плакалъ отъ веселья,
 Когда пандекты мы нашли;
 Я комментировалъ всю древность;

Все разрывалъ, все изучалъ,
И до того я постиралъ
Въ душѣ классическую ревность,
Что не считалъ я за грѣхи
Свои латинскіе стихи...
Кто я таковъ—когда узнаешь,
Меня полюбишь, приласкаешь;
Меня какъ хочешь назови:
Я простодушень, изворотливъ,
Мотъ, скряга, нышень и расчетливъ.
Въ вѣкъ романтической любви
Я пѣлъ романсы трубадуромъ,
Вдыхалъ... потомъ пришла пора,
Среди версальскаго двора
Явившись сахарнымъ амуромъ,
Я въ будуарахъ герцогинь
Ловилъ ихъ взоръ, улыбку, ласки—
Тамъ народировалъ я сказки
Про гомерическихъ богинь.
Вокругъ меня всегда роились
Толпы поклонниковъ моихъ—
Они всё вдоволь насладились,
И вѣрь, я не обидѣлъ ихъ:
Мои отшельники—святые!
Мои ученые нашли

Законъ движенія земли,
 Нашли у древнихъ запяття;
 Мои питомцы удалыс
 Колумбъ, де Гама, Кукъ, Ченслоръ,
 Міры за бездной отыскали;
 Мои вздыхатели вздыхали
 И были счастливы: любовь
 Моихъ версальскихъ пастушковъ
 Маркизы щедро награждали...
 Явился къ Фаусту бѣсомъ я—
 Но самъ вѣдь кинулся онъ къ бѣсу,
 Онъ сталъ допытывать меня—
 Съ загадокъ сдернулъ я завѣсу,
 И отъ меня онъ все узналъ,
 Чтò послѣ горько проклиналъ.
 И такъ, ты видишь, человѣка
 Всегда, вездѣ былъ другомъ я.
 Я назову тебѣ себя,
 Когда угодно, духомъ вѣка:
 Я тотъ могучій чародѣй,
 Который мыслью вашей править,
 Возносить васъ, честить и славить
 И служить цѣлью въ жизни сей.

Ю Н О Ш А.

Духъ вѣка?.. Что жъ ты мнѣ предложишь?..

Давно я голову ломалъ,
Но все тебя не угадалъ.

ДУХЪ.

Я знаю, ты себя тревожишь
Несвоевременной мечтой!
Что было разъ, того въ другой
Ты возвратить никакъ не можешь.
На мiръ ты дѣльно погляди
И хладнокровно разсуди:
Все, до чего дошли науки,
То все теперь дано вамъ въ руки,
Искусство нынче не ново—
Не удивишь ужъ никого!
Притомъ статуи и картины
Теперь выводятся въ гостиной;
Зачѣмъ имъ праздно тамъ висѣть?
Теперь совсѣмъ иное чувство
Въ насъ услаждать должно искусство—
Намъ мягко надобно сидѣть...

ЮНОША.

О, не кощунствуй надъ святыней!
Не станетъ муза вамъ рабыней!
Немногихъ избранныхъ сингклить
Зародышъ творчества растить,

Руководимый къ выспимъ цѣлямъ....
 Въ васъ нѣтъ души... вы хладный трущъ,
 Не Пантеонъ вамъ надо—клубъ,
 И Гамбсъ вамъ будетъ Рафаэлемъ!

ДУХЪ.

Не горячись. Дай кончить мнѣ.
 Притомъ пойми: кто можетъ въ морѣ
 Идти наперекоръ волнѣ?...
 И такъ, вамъ не зачѣмъ гоняться;
 Вамъ стоитъ только наслаждаться
 Тѣмъ, что вамъ создали вѣка.
 Открытій жажда устремляла
 Къ опаснымъ странствіямъ бывало.—
 Теперь опасность далека:
 Прорыты на рѣкахъ пороги.
 Васъ паровозъ и пароходъ
 Повсюду дешево везетъ;
 Въ горахъ проведены дороги,
 Висятъ надъ безднами мосты...
 Хоть тѣмъ у вашихъ путешествій
 И отняты всѣ красоты
 Внезапныхъ, странныхъ происшествій,
 Но ужъ зато вернетесь вы
 Не своротивши головы,

И сыты: сквернаго трактира
Теперь почти нигдѣ ужь нѣтъ...

ЮНОША.

Блаженъ, кто могъ увидѣть свѣтъ!
Тотъ не вполнѣ зналъ прелесть міра,
Кто на Неаполь не глядѣлъ
Съ высотъ, въ часы вечерней тѣни;
Не знаетъ тотъ, что можетъ геній,
Кто мраморъ Фидія не зрѣлъ;
Тотъ жилъ еще полу-душою,
Кто посреди твоихъ могилъ,
Съ тобой, о Римъ, не говорил!

ДУХЪ.

Все это правда, и цѣною
Мы купимъ все не дорогою.

ЮНОША.

А какъ, скажи-ка?

ДУХЪ.

Не спѣши,

Мы все уладимъ, общаю.
Но ты не слушаешь... О, знаю,
Что въ глубинѣ твоей души...

ЮНОША.

Такъ ты до дѣлъ чужихъ охотникъ?

ДУХЪ.

Твоя Марія...

ЮНОША.

Знаеть все!

ДУХЪ.

Какъ мнѣ не знать: я первый сплётникъ
 И ex officio. Ее
 Я видѣлъ... какъ она прекрасна!
 Какъ небо южное темны
 Ея глаза—и смотреть ясно,—
 А какъ они отгѣнены
 Рѣсницей длинной!.. А ланиты?..
 Лучистый блескъ разлить вокругъ нихъ
 Съ румянцемъ вѣжнымъ чудно слитый...
 А косы?.. передъ кѣмъ-то ихъ
 Она, о пышная спрена,
 Распустить, черныя, какъ смоль.
 Чуть не по самыя колѣна...

ЮНОША.

О, демонъ, замолчи!

ДУХЪ.

Изволь—

А ты бы шелкъ ихъ благовонный
 Могъ, вынувъ гребень, рассыпать,

И то вакханкой, то мадонной
Свою красотку убирать...

Ю Н О Ш А.

О, нѣтъ, не мучь меня напрасно..
Да, я ее боготворилъ,
Но обладанія желаньемъ
Въ своихъ мечтахъ не оскорбилъ.
Любовь я мѣрилъ лишь страданьемъ
И безнадежною тоской!

Д У Х Ъ.

Да, тутъ тебѣ разсчитъ плохой.
Отецъ вѣдь изъ моихъ кліентовъ—
Ее безъ выгодъ не продасть:
Какъ капиталъ, онъ для процентовъ
Жидовскихъ въ ростъ ее отдасть.
Вѣдь женщинъ этакихъ нѣтъ болѣ:
Какая гибкая душа,
То съ слабой, то съ могучей волей...
Нельзя отдать безъ барыша!

Ю Н О Ш А.

Оставь, оставь мой сонъ чудесный!
Пусть тихо спитъ моя любовь;
Пусть явится она мнѣ вновь,
Какъ призракъ чистый, гость небесный!

ДУХЪ.

По къ цѣли можно бы прийти.
Мы въ честь войдемъ, богатства скопимъ;
На то есть разные пути...

ЮНОША.

А совѣсть?...

ДУХЪ.

Что жь!.. въ винѣ утопимъ!
И что за совѣсть у него!
И что за слово? для чего
Употреблять всегда его?
Одно понятіе пустос...
Понятъе можно ль запятнать?
Да кто поруку можетъ дать,
Что есть понятіе такое!
Всѣмъ благамъ есть одинъ итогъ:
Набитый туго кошелекъ;
Сей ключъ подъ всѣ подходитъ двери;
Вѣсъ, слава, честность, прямота,
Великодушье, красота,
Честь, умъ—или по крайней мѣрѣ
Названье—умный человекъ,
Все купишь золотомъ въ нашъ вѣкъ..
Когда бъ на островѣ Марію

Ты видѣль съ берега, ты къ ней
 Поплыль ли бы среди зыбей
 Черезъ невѣрную стихію,
 Рискаю—или достигнуть,
 Иль, захлебнувшись, утонуть?

ЮНОША.

Въ насъ сердце часто то рѣшаетъ,
 Что не рѣшимъ мы головой.

ДУХЪ.

Но если голова узнаетъ,
 Что не кидаясь въ омутъ...

ЮНОША.

Стой!

Давай мнѣ золота...

ДУХЪ.

Вотъ дѣло!

Вотъ мужа рѣчь! умно и смѣло!
 Но вѣдь ты знаешь, никогда
 Его не будетъ безъ труда;
 Такъ выслушать имѣй терпѣнье
 Теперь мое правоученье.
 Всегда, во-первыхъ, въ людяхъ ты
 Кажись героемъ правоты:

Гдѣ гордѣ, гдѣ низко; умъ и глупость,
Иль даже отъ природы тупость,
Показывай; здѣсь—ни гу-гу!
А тамъ дай волю языку—
Лести дуракамъ. А если встрѣтишь—
(Рыбакъ вѣдь виденъ рыбаку)
Въ комъ цѣль такую же замѣтишь—
Спѣши онутать, сбѣть, связать,
Нельзя—то тотчасъ приласкать:
Еъ порядкѣ мной теперь открытомъ,
Все общимъ держится кредитомъ.
Друзья ужь вынесутъ. Дадутъ
Тебѣ творить нареду судъ—
Вотъ тутъ-то знай стезю лукавыхъ:
Тогда умѣй своею рукой
Законъ тѣ усынить порой,
Тѣ пробудить. Громя неправыхъ,
Неправду въ тишинѣ твори;
Прійдетъ ли моръ—толпѣ радѣя,
Свои амбары отвори:
Одной рукой златницы сѣя,
Другой сторицею берп...
Умѣй загадочнымъ казаться,
Открыто общимъ зломъ терзаться,
Съ слезой въ очахъ, нахмуря лобъ,

Чтобъ подозрѣнья успокоить,
 Толкуй, какъ пылкій филантропъ,
 Что бѣдныхъ надобно пристроить!
 Тогда всему ты властелинъ!
 Я приведу мильонъ прямировъ
 Счастливецъ всякихъ величинъ,
 Большихъ и маленькихъ размѣровъ.

ЮНОША.

И я—я слушаю тебя!
 Свошу твое я хладнокровье!
 Прочь, прочь!

ДУХЪ.

Красавица—твоя
 Могла бы быть!

ЮНОША.

Прочь отъ меня!...

ДУХЪ.

Не нравятся мнѣ условия,
 Но изъ контракта своего
 Не уступлю я ничего!..
 Мнѣ душу надо молодую,
 Чтобъ подъ дыханіемъ моимъ
 Въ ней доблесть таяла, какъ дымъ...

За то я золото дарю—
А ты такъ чваннисься, чудака!

ЮНОША.

И ты зовешься духомъ вѣка!..

ДУХЪ.

Я прежде дѣйствовалъ не такъ:
Мной говорилъ Платонъ, Сенека,
Мной вдохновленъ былъ Аристидъ...

ЮНОША.

И онъ, духъ вѣка, мнѣ твердитъ,
Чтобъ все, что въ мѣрѣ есть святого,
Все, душу, совѣсть, мысль и слово,—
Мой образъ Божій—я разбилъ,
И лишь корыстью распаленный,
Союзъ позорный заключилъ
Съ толпой мерзавцевъ развращенной!..
О томъ ли говорилъ мнѣ ты.
О голосъ матери-природы,
Пятая пыль моей мечты
Величьемъ славы и свободы?..
Я голосъ сердца своего
Чтилъ гласомъ Бога Самого;
Любовь, и гордость, и отвага
И независимость ума—

Моей души прямыя блага...
Прочь, ядовитая чума!

ДУХЪ.

Меня ты гонишь, но не бойся.
Я не сержусь.

ЮНОША.

Змѣя, сокройся!

ДУХЪ.

Съ тебя я глаза не спущу,
И скоро снова навѣщу.

ЮНОША.

Прочь, адскій духъ!..

1844.

II.

ГРЕЗЫ.

(Отрывок).

I.

Зима, зима! Морозъ трещить;
Луна въ кольцѣ на тверди синей;
Звѣздится снѣгъ; лазурный иней
На черныхъ деревьяхъ блестить...
Всегда любилъ я ночь. Бывало,
Съ какимъ я трепетомъ слѣдиль,
Какъ лунный лучъ переходилъ
По полу дѣдовскаго зала!..
И ужась мной овладѣвать,
Но я любилъ его; все ждалъ
Чего-то; робко слушалъ: дико
Мнѣ было; страшно нарушать
Движеньемъ, словомъ оскорблять,
Казалось, этотъ часъ великой;
Какъ будто что-то въ этотъ мигъ
Свершалось дивнос...

II.

И нынѣ

Люблю я тишь часовъ nocturnыхъ,
И лучъ луны серебристо-синій;
Но нынѣ не слѣдитъ мой взоръ
Ни ночи шествіе святое,
Ни небо въ царственномъ покоѣ,
Ни искровидный метеоръ.
Иныя тайны прихотливо
У ней допрашиваю я:
Чась этотъ—думы молчаливой.
Оставлены заботы дня,
Оставлены его оковы,
Личины святы. Самъ съ собой,
Теперь открытый и прямой,
Въ насъ умъ бесѣдуетъ сурово:
Онъ торжествуетъ пль скорбигь,
Къ мечтамъ любимымъ онъ несется.
Людей, дѣла свои слѣдитъ,
Надъ ними плачетъ пль смѣется...
О, ночь! открой передо мной,
Что кроется въ душѣ людской,
И въ жизни—этой скучной сказки.

Веди скорѣй меня къ развязкѣ...
Тебя подь маской не любя,
Я вѣрно бы любилъ тебя,
О, родъ людской! безъ этой маски.

III.

Введи меня, о ночь, тайкомъ
Теперь тихонько въ этотъ домъ —
Къ очаровательной сосѣдкѣ.
Введи невидимо: она, —
О, знаю я, —теперь одна,
Какъ птичка, запертая въ клеткѣ.
Тамъ виденъ свѣтъ; передь окномъ
Опущенъ занавѣсъ кисейной,
И профиль движется на немъ,
Какъ будто въ полѣ золотомъ;
Къ рукѣ склонилася лилейной
Она задумчивымъ челомъ...
О, ночь, войдемъ туда, войдемъ!..

IV.

Да, да! она теперь одна,
Разстроена, утомлена

Визитомъ тетушки тяжелымъ,
Бесѣдой важной о чепцахъ,
И о Парижѣ, о долгахъ,
О крѣпостныхъ ея актерахъ,
О новыхъ свадьбахъ, старыхъ спорахъ,
Новѣйшихъ слетняхъ. Въ сотый разъ
Она прослушала разказъ,
Какъ тетушка вдовой осталась,
Въ какомъ бѣльѣ похороненъ
Покойникъ былъ; что послѣ случилось.
И на кого оставилъ онъ
Подругу вѣрную; что бѣли
Въ день знаменитыхъ похоронъ,
Кто что сказалъ, какъ все сидѣли...
Всей повѣсти плаксивый тонъ
И видъ участя и печали
Елену Дмитревну терзали,
Покуда съ тетушкой пустой
Вся дрянъ не схлынула долой,
Дверь заперта... Елена слышитъ,
Какъ снѣгъ взвизжалъ подъ подрѣзой!
Она одна и легче дышитъ,
Головку на руку склонивъ
И очи долу опустивъ...
И тихо дума осѣняетъ

Ее святымъ своимъ крыломъ,
И кроткимъ, сладостнымъ огнемъ
Въ очахъ лазуревыхъ сіяеть.
Уста недвижны. По груди
Кудрей вздымаются струи...
Тяжелый вздохъ... она страдаетъ...
Блаженъ, кто бь могъ въ сей тихій часъ
Ея души подслушать шопоть,
Природы голосъ, сердца ропоть,
И угадать ее хоть разъ:
И кто она? что въ ней скрывалось?
Какая сила, глубина
Ея души, и что съ ней сталося,
И чѣмъ бы быть могла она?

V.

Все тихо вокругъ. Горитъ лампада,
И свѣтъ, мерцающій, отраженъ
На ризахъ золотыхъ иконъ.
Она и рада и не рада!
Порой такъ страшно быть одной —
Одной съ больной своей душой,
Одной съ освобожденнымъ чувствомъ,
Одной съ нескованнымъ умомъ

Ни свѣта золотымъ ярмомъ,
Ни лицемѣрія искусствомъ...
Вдругъ — сердце, умъ заговорятъ,
И ихъ теперь не заглушать
Ни тяжесть легкихъ разговоровъ,
Ни эта куча разныхъ вздоровъ,
Что холодной, пестрою толпой
Зовется милой болтовней.
Уединенье и свобода —
О, это страшныя слова!
Вдругъ подавленная природа
Предъявить грозныя права...
Такъ надъ молчавшими степями
Торжественно ударить громъ;
Такъ рогъ звучить въ бору густомъ,
Деревья сонными вѣтвями
Какъ бы въ испугѣ задрожать,
И шумно съ гнѣздъ своихъ слетать,
Кружася, птицы надъ соснами.
Такъ грозенъ посреди утѣхъ
Пророка голосъ вдохновенный,
Или сатиры оскорбленной
Сквозь слезы вырвавшійся смѣхъ.

VI.

Понятно, отчего злодѣю
Остаться странно одному
Съ жестокой совѣстью своею:
Неумолная ему
Все ту жь рассказываетъ сказку;
Предъ нею онъ не можетъ маску
На ликъ блѣднѣющей надѣть,
Ни кровь съ руки своей стереть;
Предъ нимъ ограбленной вдовицы
И старика безсильный плачь,
И своды влажные темницы,
И цѣпь, и плаха, и палачъ...
Едва ль сноснѣй уединенье
Тому, кто, легкою душой
Сроднившись съ жизнью пустой,
Упрямо гонитъ размышленье.
Онъ какъ изгнанникъ: вокругъ него
Родного нѣту ничего —
Ни плохо спѣтаго романса,
Ни грома вальса на балахъ,
Ни стука рюмокъ на пирахъ,
Ни даже толковъ преферанса —

Всей пошлости, чѣмъ свѣтскій кругъ,
Лелѣть праздный свой досугъ.

VII.

Елена Дмитревна была
Созданье рѣдкое. Росла
Она у бабушки—тщеславной,
Властолюбивой, своенравной.
Покойникъ дѣдъ (онъ былъ убитъ)
Былъ знатенъ, жилъ какъ сибаритъ,
Временъ потемкинскихъ остатокъ,
Когда на лѣстницѣ честей,
Такъ мало было ступеней:
Богатъ, въ долгахъ, не чуждый взятокъ —
За то, по смерти, за долги
Въ казну отобрано имѣнье...
Но какъ съ вельможеской ноги,
Отъ блеска, лести упоенья,
Вдругъ жизнь свою переначать?
Передъ другими что сказать?
Что скажутъ службы исполнены?
Какъ отзовется тотъ пигмей,
Что мы громадностью своей
Загнали въ грязь?.. Считать аршинны,
Не зная счета саженямъ?..

Прочь изъ столицы, въ глушь!.. По тамъ,
 Какъ при дворѣ Екатерины,
 Среди стариннаго села,
 Вдова съ величіемъ жила.
 Во дворѣ барской сохранился,
 Какъ прежде, цѣлый полкъ людей,
 Остаткомъ золотыхъ ливрей,
 Уже въ лохмотьяхъ, одѣвался.
 Ей душу сладко волновалъ,
 На мѣсто выпреннихъ похвалъ
 Въ стихахъ придворнаго поэта,
 Теперь армейскій комплиментъ;
 Искали всѣ ея совѣта
 По части модъ, чепцовъ и лентъ...
 Законъ родства и хвалъ награда
 И покровительства отрада
 Закономъ дѣлъ ея была:
 Она въ свой домъ на воспитанье
 Ребенкомъ внучку приняла.

VIII.

. . . . .
 И рано тамъ училась Лёля
 Приличье свѣта выносить;
 Но долго не могла неволя

Ее вполне поработить:
Что съ юныхъ лѣтъ она любила,
Она все въ дѣтствѣ схоронила —
Отца и мать, и двухъ сестеръ;
Она привыкла такъ къ утратамъ,
Что въ домѣ бабушки богатомъ
Ничто ея не льстило взоръ.
Въ толпѣ гостей, при вѣчномъ шумѣ,
Она привыкла къ тихой думѣ;
Любила мирный видъ полей,
Гдѣ рѣчка вьется свѣтлой змѣйкой,
И сумракъ липовыхъ аллей,
Фонтанъ и сводъ густыхъ вѣтвей
Въ саду, надъ старою скамейкой...
Такъ зрѣла мысль ея въ тиши,
И каждое ея движенье
Бывало полно выраженья
Ея чувствительной души;
Въ улыбкѣ устъ такъ много было
И прелести, и грусти милой;
Въ глубокомъ взглядѣ томныхъ глазъ,
Подъ ихъ рѣсницею пушистой,
Такъ много блеску, что сейчасъ
Во слѣдъ за радостію чистой,
Казалось, въ нихъ блеснетъ слеза.

Но грусть души молодой и гибкой
Была не бурная гроза,
А солнца тихая улыбка
Глубокой осенью!.. Такъ плющъ,
Какъ онъ ни зеленъ, ни цвѣтущъ,
Всегда напомнить намъ руины;
Такъ кипарисъ, дитя могилъ,
Какъ будто вѣчно сохранилъ
Отгѣнокъ грустной той долины,
Гдѣ прахъ онъ стережетъ пустынный...
Не такъ же ли душа у насъ,
О смерти въ думу погружаясь,
Приемлетъ скорби отпечатокъ,
Передастъ его устамъ,
Движеньямъ, голосу, очамъ?..

IX.

Елену бабушка любила...
Но время: внучкѣ надо было
Пристроиться — таковъ уставъ!
Женихъ явился. Хладнокровно
Она, родни совѣтамъ вявъ,
Имъ покорилась безусловно...
Что значить въ жизни этотъ шагъ,
Она почти не понимала:

Во всѣхъ обрядахъ и словахъ
Ее лишь новость занимала...
И только разъ, идя къ вѣнцу,
Она заплакала; къ лицу
Тогда нашли ей эти слезы:
Безъ росъ алмазныхъ что за розы!
Я не хочу изображать
Елены мужа злымъ, *тираномъ*,
Развратнымъ, низкимъ, вѣчно-пьянымъ,
И негодяемъ описать...
Но это бракъ былъ неудачный.
Иванъ Ильичъ хорошъ, уменъ,
Съ достаткомъ, честенъ, только онъ
Былъ не рожденъ для жизни брачной.
Любить онъ могъ, но не всегда:
Въ немъ страсти разомъ возникали;
Достигши цѣли, остывали,
Чтобъ вспыхнуть вновь, — и никогда
Не оставались безъ труда.

X.

А женщина?.. увы! Елена
Въ деревнѣ, посреди полей,
Приготовлялась жить. Предъ ней

Едва открылася арена —
И упоеній бытія
Была жадна душа ея...
Кумирь дѣвическихъ мечтаній,
Едва проснувшихся желаній,
Такъ полныхъ нѣги и стыда —
Любовь и миръ мечты отрадной
Внезапно замѣнилъ тогда
Цинизмъ дѣйствительности холодной.
И этотъ быстрый переходъ,
И этотъ новый рядъ заботъ
Опомниться ей не давали,
Ее всечасно поражали...
Потомъ душа любви опять —
Любви возвышенной просила,
Чтобъ въ ней блаженствовать, страдать...
Порой на умъ ей приходило:
О, Боже мой! зачѣмъ она
Принадлежать тому должна,
Кто міръ, ей созданный мечтою,
Не можетъ наполнять собою?
Хоть бы забыться!.. Какъ потокъ,
Шумящій свѣтъ ее увлекъ...
Онъ былъ своимъ мишурнымъ блескомъ
Очарователемъ для глазъ:

Снопомъ лучей и громкимъ трескомъ
Ракета поражаетъ насъ...

XI.

Давно, какъ робкій голубь, дума,
Подруга Лёли съ юныхъ дней,
Теперь, среди толпы и шума,
Давно не прилетала къ ней...
Но вотъ одна она осталась;
Мужъ началъ чаще ѣздить въ клубъ;
Ей было грустно, и казалось,
Что свѣтъ сталъ холоденъ и глупъ;
И онъ явился передъ нею
Теперь съ питомицей своею —
Глупѣйшей тетушкой... она
Какъ бы прозрѣла и очнулась.
Сознанье горькое проснулось...

XII.

«О, Боже мой! не рождена
Для этой жизни я печальной!
На то ли молодость дана,
Чтобъ каждый могъ насъ такъ нахально
Своею пошлостью терзать,

Свои навязывать несчастья,
При насъ и плакать, и вздыхать,
Себѣ вымалывать участья!
И безъ того ужъ жизнь скучна,
И такъ своихъ страданій много!
И каждый въ жизни шагъ сполна
Стѣсненъ враждою свѣта строгой!
О, нестерпимо выполнять
Всегда законъ его тяжелый!
Души движенія скрывать,
Сквозь слезъ разсчитанно-веселой,
Довольной, важной, ледяной
Всегда казаться предъ толпой;
И восхищаться по заказу,
И по заказу порицать,
Души не высказать ни разу —
И это жизнью называть!

XIII.

«Иль жизнь одинъ обманъ унылый?
Того ль ждала я отъ нея,
Когда на мнѣя могилы
Печально приходила я?
Надъ прахомъ сосны смоляныя,
Въ осокѣ розы молодой,

Кругомъ звучавшій тихо долъ
Жужжаньемъ травъ, жужжаньемъ пчель —
Меня туда все привлекало...
Я тихо плакала сначала;
Уснуть хотѣлось вѣчнымъ сномъ
Близъ праха милаго... Потомъ —
Мнѣ было страшно то желанье,
И билось сердце у меня
Такъ горячо! Душа моя
Просила благъ существованья;
Казалось мнѣ, есть впереди
Еще блаженство... Что-то крылось
Въ моей душѣ, и изъ груди
На волю, на просторъ просилось...
Тамъ научалась я въ судьбѣ
Любовь и благо только видѣть,
И что любить, что ненавидѣть —
Я создала сама себѣ!..
Къ какой же зрѣла я борьбѣ?
Меня ласкаютъ всѣ и любятъ,
Но чувствую, дыханье ихъ,
Фальшивый блескъ ихъ фразъ пустыхъ,
Меня, порой чаруя, губять...
Ихъ ядъ проникъ уже въ меня...
Какъ вокругъ оставленнаго храма

Вкругъ прежнихъ думъ блуждаю я,
Хочу войти — нѣтъ силы!.. Упрямо
Кругомъ рой призраковъ встаетъ,
Съ собой влечетъ меня, влечетъ,
Хватаетъ за руки, за платье,
И силы нѣтъ сказать имъ: «прочь!»
Нѣтъ силъ ихъ чары превозмочь,
Нѣтъ силъ изречь на нихъ проклятье!
Что жъ? съ ними выдержать ли бой —
Во имя... но чего же? Боже!
Во имя, Боже мой, чего же?..
Или идти за ихъ толпой?
Гдѣ путеводный свѣтъ? разбиты
Кругомъ повсюду маяки...
Нѣтъ указанья! нѣтъ защиты!
Нѣтъ вѣрной, дружеской руки!»

XIV.

Мечта моя! постой! постой!
Вѣдь ты не кликнешь ей: «мужайся!
И силъ ищи въ себѣ самой,
Своею овладѣй судьбой,
Лишь гласу сердца покоряйся!
Оно спасетъ тебя въ борьбѣ,

Спасеть изъ мутнаго потока!
Страшися лишь его упрека,
Въ немъ судія и вождь тебѣ!
И какъ бы жизнь насъ ни ломала,
Какъ умъ ни путалъ бы — есть въ насъ
Добра великое начало,
Есть тайный, неподкупный гласъ,
Незаглушимый ложнымъ клиромъ —
Родство съ природою и міромъ!
А бури — пусть идутъ! пускай!
Безъ страха пусть душа ихъ встрѣтитъ:
Ударъ внезапный невзначай
Мглу разорветъ и путь освѣтитъ!
Прочь, прочь, холодный ретористъ,
Съ своею мудростію важной
И добродѣтелью продажной,
Самоубійца и софистъ!
Я добръ — по разуму свободы,
Не страхомъ ада твоего!
Прочь! человѣческой природы
Ты оскорбляешь божество!
Не гость минутный, не скиталецъ,
Не проходящій постоялецъ
Въ роскошномъ мірѣ этомъ я —
Я сынъ земли, я царь ея!

Не откоснуться мнѣ устами
Отъ груди матери моей;
Не разорвать мнѣ цѣпи съ ней:
Она моими зрѣть очами,
Мной веселится и скорбитъ,
Моими высока мечтами,
И мною мыслить и творить!
Природы творческое дѣло
Свершаться дивно будетъ вѣкъ, —
Покуда съ горняго предѣла
Сіяетъ солнца лучъ, и смѣло
Творить и мыслить человѣкъ...

XV.

Какъ прахъ отъ ногъ, какъ пыль съ одежды,
Прочь заблужденія невѣжды!
И что жь, о мудрый педагогъ,
Что даровалъ намъ твой урокъ?
Запорошилъ лишь пылью вѣжды —
Мы недоувѣрчивы къ себѣ;
Въ насъ умъ съ самимъ собой въ борьбѣ,
То дерзокъ, то дрожить, какъ школьникъ,
И сердце просить бурь страстей,
И быть не можетъ безъ цѣпей,
Какъ къ нимъ привыкнувшій невольникъ.

XVI.

А ты, когда-то жизни жадный,
Разочарованный и хладный
Теперь и къ міру, и къ мечтамъ,
Пѣвецъ, въ плаксивомъ завыванѣ
Про *юрдое* свое страданье
Благовѣствующій вѣкамъ,
Теперь понятенъ ты немногимъ,
Когда кричишь на площади
Всѣмъ тварямъ мыслящимъ, двуногимъ,
Что пустота въ твоей груди:
«Придите, можете увидѣть,
«Какъ я умѣлъ любить, страдать.
«Терзаться, плакать, изнывать,
«Боготворить и ненавидѣть!
«Я ей сулилъ къ ея стопамъ
«Повергнуть золотыя горы —
«А что жъ она!»... Неправъ ты самъ!
Внявъ площаднымъ твоимъ рѣчамъ,
Тебѣ презрительныя взоры
Во гнѣвѣ кинетъ красота!
Что ей напыщенныя дани
Фиглярства, визга и кривляній
Собой надутаго шута?

Повѣрь, давно отбилась вѣра
Къ страданьямъ, къ клятвамъ лицемѣра;
Давно толпа, внимая имъ,
Тебѣ изъ шумнаго партера
Швырнула бѣ яблокомъ гнилымъ...
Ввѣкъ люди пьютъ изъ той же чаши,
И, какъ предшественники наши,
Мы жадны рушить, созидать,
Вновь ошибаться и страдать!
Есть прелесть въ бурномъ бѣгѣ тучи,
Съ другою встрѣчѣ неминучей,
Въ разрывѣ ихъ и въ ихъ слезахъ,
Поящихъ влагой дольний прахъ;
И въ жизни прелесть та жь разлита,
И та жь краса и сила скрыта
Въ борьбѣ людей и въ ихъ слезахъ,
Залогъ новыхъ золь и благъ.

1845.

III.

БАРЫШНѢ.

«Вамъ — быть оракуломъ!»
(petite jeux).

Васъ, ангель, рѣющій въ гостинныхъ,
Краса и диво нашихъ залъ,
Васъ, примадонна игръ невинныхъ,
Намъ лучезарный идеаль,
Дерзаю робкими струнами
Я славить... Сердцемъ и душой
Благоговѣю передъ вами...
Природы лучшею мечтой
Вы рождены: вашъ станъ такъ строенъ,
Такъ очи свѣтлы, взоръ спокоенъ...
Такъ широко изъ-подъ кольца
На грудь, на плечи восковыя
Упали локоны густые...
Дивлюсь могуществу Творца

И вашей маменьки искусству:
Такъ много вашимъ красотамъ,
Движеньямъ, взглядамъ и словамъ
Придать и граціи, и чувства!
Она взрастила васъ въ тиши,
Храня отъ страшныхъ бурь души,
Вамъ умъ и волю замѣняя,
За васъ прочувствовать желая
Все, чѣмъ насъ губить жизнь, томить,
Хотя мгновенно веселить...
Такъ цвѣтъ изнѣженной лилеи
Хранять въ теплѣ оранжерей.
Его морозъ не прошибалъ
И бурный вѣтеръ не сгибалъ,
Хотя не пилъ головкой жадной
Онъ утра свѣжести прохладной,
Не красовался онъ, блестя
Весь въ капляхъ вешняго дождя,
Сквозь солнце вспрыснуваго поле...
Вы, нѣжась въ сладостной неволѣ,
Лелѣя тихо свой покой
И жизни крайностей не зная,
Взросли, питая умъ мечтой,
И жизнь себѣ изобрѣтая...
И эта жизнь — не шумный пиръ —

Особый, свѣтлый, чудный міръ:
Какъ въ фантастическомъ балетѣ,
Изъ-за прозрачной кисеи,
Встаютъ предъ вами въ тихомъ свѣтѣ
Картины счастья и любви;
Среди волшебныхъ декораций,
Средь группъ эирныхъ нимфъ и грацій,
Надъ урной спящихъ стариковъ,
Подъ сѣнью лотосныхъ листовъ,
Огромныхъ раковинъ, кристалловъ
И фантастическихъ коралловъ,
Ковромъ душистой муравы
Чудесно странствуете вы...
Но не одиѣ: крылатый геній
Ведетъ васъ... тамъ сіяетъ храмъ...
И тихо мраморныхъ ступеней
Уже коснулись вы... и тамъ
Священный жертвенникъ съ цвѣтами
Передъ богинею возженъ...
Кто жь этотъ геній?.. Да! онъ, онъ!
Его я видѣлъ... Вѣдь онъ съ вами
Вчера мазурку танцовалъ,
Разочарованнымъ казался,
Такъ усъ крутилъ, такъ зло смѣялся,
Такъ всю васъ взоромъ пожиралъ,

Такъ крѣпко шпорами стучалъ...
Его я знаю; съ уваженьемъ
Всегда внимаю я сужденьямъ
Его о винахъ и коняхъ...
Счастливецъ! онъ одинъ видѣнъемъ
Мелькаетъ въ вашихъ легкихъ снахъ...
Понятно мнѣ, зачѣмъ блѣднѣли,
Краснѣли вы предъ нимъ; зачѣмъ
Вчера съ такимъ вы чувствомъ пѣли:
Si tu savais, combien je t'aime!
Но, Боже мой!.. вотъ туча всходитъ,
Я вижу, меркнетъ небосклонъ,
Видѣнье милое проходить,
Какъ мимолетный легкій сонъ...
Я вижу...

Тихо въ вашей спальнѣ
Проснулись утромъ вы, лежать
Вкругъ васъ цвѣты, уборъ вашъ балъный,
Вѣнокъ, браслетъ, и вашъ нарядъ
Разбросанъ въ миломъ безпорядкѣ;
Ужъ вы проснулись, но поднять
Глаза не хочется, вамъ сладко
Ночныя грѣзы продолжать,
Къ груди подушку прижимая,

Богъ знаетъ что воображая,
 Уста сжимать и разжимать...
 Внезапнымъ маменьки приходомъ
 Все прервано: цѣлуя васъ,
 Съ васъ не спуская зоркихъ глазъ,
 Она васъ спроситъ мимоходомъ:
 «Какъ нравится тебѣ NN»—
 Вы отвѣчаете наивно:
 — Онъ въ парикѣ и препротивный! —
 «Умень...» — Мамаша! старый хрѣны! —
 «И добръ...» — И пахнетъ такъ духами! —
 «Богатъ и милъ...» — Богатство... вздоръ! —
 «Не старъ и ужъ богатъ чинами...» —
 Короче: вотъ разговоръ
 Такое кончить заключенье,
 Что бракъ по страсти — заблужденье,
 Что страсть пройдетъ, какъ метеоръ...
 И правда!.. Вамъ потомъ одѣтой
 Велятъ къ обѣду быть; женихъ
 Вамъ привезетъ уже браслеты.
 Предъ нимъ, блѣднѣя каждый мигъ,
 Ему вы будете собираться
 Сказать, во всемъ ему признаться;
 Но не достанетъ силы въ васъ
 Ему изречь простой отказъ...

И вы поплачете немного...
Дня через три пройдетъ печаль;
Всѣ скажутъ хоромъ: «славу Богу!»
Никто про васъ не скажетъ: «жаль!»
Вамъ осѣнятъ вѣнкомъ цвѣтушимъ
Изъ бѣлыхъ розъ, обвитыхъ плющемъ,
Широкой узель черныхъ косъ;
Всѣ ахнутъ: «какъ она прекрасна!»
И не замѣтятъ робкихъ слезъ —
Слезъ Ифигеніи несчастной
Передъ Калхасовымъ пожомъ...
Но это мигъ одинъ... Потомъ
И вы привыкнете къ супругу,
Какъ въ дѣтствѣ къ нянюшкѣ своей,
Къ его значенью, чину, кругу
Тяжелыхъ, будничныхъ идей;
Принявъ восточную небрежность,
Вы дѣвокъ станете ругать
И мужу каждый разъ являть
Въ очахъ особенную нѣжность,
Когда онъ въ службѣ отличенъ,
Иль вышнихъ ласкою почтенъ;
Онъ на звѣзду свою укажетъ,
Прочтеть патентъ и нѣжно скажетъ:
«Все для тебя я» — и солжетъ...

Въ кругу хозяйственныхъ заботъ,
За самоваромъ иль въ гостиной,
Плѣняя милой болтовней,
Смѣясь шуточкѣ невинной,
Страдая нервами порой,
Вы вѣчно будете казаться
(Что свѣтъ про васъ ни говори)
Созданьемъ розовой зари
И легкокрылаго зефира,
И выше праха, выше міра!
Что міръ вамъ? грязная нужда,
И нищета въ лохмотьяхъ бѣдныхъ,
Толпа страдальцевъ, грубыхъ, блѣдныхъ,
Съ безумнымъ взоромъ, безъ стыда,
Съ клеймомъ насильнаго разврата,
Съ клеймомъ проклятья отъ собрата,
Чужда вамъ будетъ и чужда,
И отвратительно-страшна!
Полны возвышенной морали,
Вы скажете: «то ихъ вина...
Зачѣмъ они не соблюдали
Долгъ добродѣтели святой!»
Съ какою гордостью прямой
Себя бы съ ними вы сравнили —
Хотя безъ нужды, безъ борьбы,

Быть добродѣтельной купили .
Вы златомъ право у судьбы...
За то другія твари міра
Въ васъ состраданіе найдутъ
И даже слезы извлекутъ:
И въ клѣткѣ птичка, дочь зенра,
И заяць жареный... Увы!
Невольно вспомните тутъ вы,
Что онъ тотъ самый, что пугливо
Дорогу вамъ перебѣгалъ,
Пугалъ васъ въ рощѣ, торопливо
Скакнувъ изъ листьевъ, и нырнулъ
Въ златистомъ морѣ пышной нивы.
И что жь! сгубилъ его тиранъ,
Убійца тварей беззаботныхъ...
Такъ вы въ страданіяхъ животныхъ
Прочтете истинный романъ,
И въ жизни, полной тихой лѣни,
Въ васъ успокоится на мигъ
Потребность сильныхъ ощущеній,
Источникъ болѣй головныхъ.

Но тутъ не все. Неся условья,
Оковы средняго сословья,
Вы не сроднитесь съ нимъ душой:

Читать вы будете порой
 Романы изъ большого свѣта,
 И на себѣ ихъ примѣрять,
 И въ новыхъ формахъ этикета
 Его свободу примѣнять...
 Средь жизни мирной, жизни чинной,
 Благопристойной и невинной,
 Желая душу отвести,
 Слѣдить вы будете упрямо
 Траги-нервическія драмы,
 Симпатизируя вполне
 (Къ досадѣ нѣжнаго супруга)
 Съ печальной ролью *jeune premier*,
 Какъ онъ, обманывая друга,
 Питаетъ страсть къ его женѣ.
 И тайна ихъ васъ всю заманить,
 И ихъ успѣхомъ дорожа,
 Когда супругъ ихъ вдругъ застанетъ,
 Вы вскрикните — за нихъ дрожа...

Потомъ, услышите случайно,
 Что ваша милая Мими,
 Являлась въ маскарадѣ тайно,
 И съ незнакомыми людьми,
 Особенно съ однимъ гусаромъ,

Ходила подь-руку и съ жаромъ
Съ нимъ говорила; и потомъ
Онъ втерся кое-какъ въ ихъ домъ;
И поутру, какъ мужа нѣту,
Съ визитомъ къ ней являться сталъ, —
Вкругъ васъ, какъ будто по обѣту,
Возстанетъ цѣлый трибуналъ:
Въ величьи грозной Немезиды,
Неотразимая, какъ громъ,
Вы страшнымъ грянете судомъ
За честь общественной обиды...

Но... о, блаженны вы стократъ,
Когда свѣтъ истины суровой
Не потревожитъ сна тупого,
Которымъ чувства ваши спятъ;
Когда, съ пеленъ не знавши жизни,
Весь вѣкъ лишь призраки лова,
Во гробъ сойдете не живя,
Безъ слезъ, безъ горькой укоризны!
Но... если вы поймете вдругъ,
Что были вы товаромъ торга,
Что сердце, жадное восторга,
Что потрясеній жадный духъ
И ваши дѣвственныя ласки

Служили красною цѣной
 За мужнигъ санъ, балы, коляски
 И вашъ искусственный покой:
 Всей вашей жизни машинальность,
 Продѣлки ласки должностной,
 Приличій вѣчныхъ театральность —
 Вы вдругъ постигнете душой...
 Придутъ часы тяжелой муки,
 Вы, сжавъ уста, ломая руки,
 Воскликнете: «я не жила!
 Что Богомъ мнѣ дано на долю —
 Все — умъ, подавленную волю, —
 Другимъ на жертву предала!
 За то, чтобъ свѣтской черни лепеть
 Не очернилъ меня шутя,
 Душила въ сердцѣ страсти лепеть,
 Какъ незаконное дитя...
 Хотя бъ узнать любви томленья!
 Хотя бъ извѣдать, хоть на мигъ,
 Страданья страстнаго сомнѣнья!..
 Хотя бы слышать страсти крикъ
 Хоть разъ, въ устахъ не подавленный...
 Хоть мигъ одинъ, чтобы узнать,
 Зачѣмъ страдать, за что страдать!..»
 И взоръ, мгновенно оживленный,

Во слѣдъ отчаянья сверкнетъ
Вдругъ воли вспышкой — и вотъ
Съ престола долга и прилчья,
Гдѣ вы сіяли безъ пути
Въ своемъ безмысленномъ величьи,
Вы рады будете сойти...
Но это мигъ... и страшно станетъ...
И взоръ испуганный отпрянетъ
Какъ бы отъ бездны подъ ногой...
И ночь въ бесплодной агоніи
Пройдетъ опять... и вотъ съ зарей
Лучи разсвѣта голубые,
Сливаясь съ вспышкой золотой
Ночной лампы, какъ статую,
Безъ жизни, скорбную, нѣмую,
Сквозь оконъ озарятъ вашъ ликъ...
Склоняся къ кресламъ головою,
Съ упавшей на плечо косою
Заснули вы; но сонъ вашъ дикъ
И смутенъ, въ сердцѣ кровь вскипаетъ,
По членамъ холодъ пробѣгаетъ...
Открылась дверь; явился вдругъ
Вашъ возвратившійся супругъ
Съ официальной ассамблеи

. . . . .

«Ахъ, душенька, ты не спала?»
 И вы, открывши взоръ свой влажной,
 Ему промолвите, протяжно
 Зѣвая: «все тебя ждала...»

Потомъ?

Потомъ... какой развязки
 Еще вамъ ждать отъ этой сказки?..
 Потомъ, во славу небесамъ,
 Войдетъ все въ путь обыкновенной:
 Опять придется вѣчно вамъ
 Смѣяться шуточкѣ почтенной,
 Терпѣть наряднаго шута,
 Карать порокъ судомъ гостинымъ,
 Когда онъ деньгами иль чиномъ
 Не откупился отъ суда...
 Потомъ?

Потомъ на умъ, на чувство
 Дремота ляжетъ, какъ дурманъ,
 И даже нравиться искусство
 Вамъ опостылитъ. На диванъ
 Уляжетесь, поджавши ножки;
 Вкругъ васъ усядутся рядкомъ,

Какъ предъ японскимъ божествомъ,
Болонки, стриксы или кошки...
Душевныхъ бурь пройдетъ и слѣдъ
И страсти ужъ на вѣкъ уймутся —
И цѣпи снова вамъ придутся,
Какъ ловко скроенный корсетъ.

1846.

IV.

ДУРОЧКА.

ИДИЛЛІЯ.

Всѣмъ довольна я, старушка —
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ: есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить!

У меня — семья большая;
Дѣтки вокругъ насъ, стариковъ,
Словно роца молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ...

Но какъ въ ясномъ небѣ тучка —
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была;

Вовсе здраваго понятя
 Не имѣла; что ни дай
 Ей — хоть шелковое платье —
 Вмигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!

Благородныя дѣвицы
 Къ намъ пріѣдутъ. «Да поди!»
 Говорю: «тамъ всѣ сестрицы;
 Только такъ хоть посиди!»

— «Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
 Дѣлать нечего!» — «Какъ такъ?»
 — «Что мнѣ съ такими злыми»...
 И забьется на чердакъ.

Только встала — полетѣла!
 Всю деревню обѣжитъ!..
 Это — первое ей дѣло —
 Все друзья вѣдь — просто стыдъ!

Свадьба ль въ домѣ — все равно ей;
 Посѣтитъ ли смерть кого,
 Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
 Ляжетъ спать — и ничего!

Мать учить начнетъ, бывало,
Говорить, подь-часъ и бьетъ —
Какъ къ стѣнѣ горохъ! ни мало,
То есть, ухомъ не ведеть.

Ну, се за то жь и гнали;
Вѣчно съ нею воркотня;
На хлѣбъ, на воду сажали...
Баловала только я —

И она какъ будто чуетъ,
И ко мнѣ одной идетъ:
Обойму ее, цѣлуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ,

Надорветъ мое сердечко...
«Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!»

«Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?» говорю;
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.

Ей одно лишь любо было —
Няньчить маленькихъ дѣтей;
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожить сама-то вся;
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ нельзя.

Въ снѣгъ — на улицу, и скачетъ!
А возьмутъ ее домой —
Въ уголь спрячется и плачетъ...
Домъ ей словно какъ чужой.

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою набереть,
Станеть въ полѣ, смотреть въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветь.

Мы видали, къ ней станицей
Птица всякая летить,
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говорить...

Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужъ такой —
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужъ въ ней пути.
Что лечить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не идти.

Докторовъ иныхъ бы нужно —
Повести бы по мощамъ...
Ну, да лѣтомъ недосужно —
Жатва, сѣвы — знаешь самъ!

Вотъ, и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: «гдѣ ты пропадала?»
Вадоръ рассказываетъ намъ —

Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;

Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ растеть; что тамъ
Зрѣютъ желтые лимоны
По высокимъ деревьямъ;

Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій
И гонитель христіанъ;

Что онъ травить ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течеть ручьями —
А они все не сдались;

Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;

Да безумная невѣста...
Но всего не передать;
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать...

Только видимъ — дѣвка бредить!
Увѣряеть, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ прійдетъ зима.

Между тѣмъ прошла ужъ осень;
Дуня что-то все молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.

Мать журила; запирали;
Да ничто нейдетъ ей!
Разъ ушла она; мы ждали —
Нѣтъ. Ужъ поздно. Мы за ней

Разослали по сосѣдямъ —
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ:
Снѣгъ въ лѣсу-то размело...

«Вглянь-ко», говорю я: «Саша» —
А сама-то вся дрожу:
«Что тамъ? ужь не Дуня ль наша?»
Такъ и есть, она!.. Гляжу —

Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала...

Я вотъ такъ тутъ и завывала!
Точно что оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...

Послѣ все ужь мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней прїѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
Быль всего одинъ сынокъ;
Съ нашей быль онъ однолѣтокъ —
Такъ, пятнадцатый годокъ.

Съ нимъ-то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.

И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Никому не молвя слова,
Дуня вадумала туда жь!

Гдѣ же ей пройти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами...
Такъ ужь, видно, суждено.

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ...
Богъ не долго жить даетъ
Юродивымъ: Божьи дѣти —
Прямо въ рай Онъ ихъ беретъ.

Безъ нея же заустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало,
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жь замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ...

1851.

V.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

(Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому, и всѣмъ понимающимъ дѣло).

Себя я помнить сталъ въ деревнѣхъ подь Москвою.
Бывало ввечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подь елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь тѣ время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...
Въ столицу приведенъ насильно точно я;
Какъ будто всѣмъ чужой, сижу на чуждомъ пирѣ,

И, кажется, опять я дома въ Божьемъ мирѣ,
Когда лишь заберусь на бережокъ ручья,
Закину удочки, сижу въ травѣ высокой...
Полдневный пышетъ жарь—съ зарей я поднялся—
Откинешься на лугъ и смотришь въ небеса,
И слушаешь стрекозъ, покуда сонъ глубокой
Подъ теплый паръ земли глава мнѣ не сомкнетъ..
О, чудный сонъ! душа, Богъ знаетъ, гдѣ, далеко,
А ты во снѣ живешь, какъ все вокругъ живеть...

Но близкіе мои—увы!—все горожане...
И странствовать въ лѣсу, поднявшись съ зарей,
Иль въ лодкѣ осенью сидѣть въ сыромъ туманѣ,
Иль мокнуть на дождѣ, иль печься въ лѣтній зной—
Имъ дико кажется, и всякій разъ, я знаю,
Что, если съ вечера я леса разверну
И новыя крючки навязывать начну,
Я тѣмъ до глубины души ихъ огорчаю;
И лица важныя нерѣдко страсть мою
Корятъ насмѣшками: «грѣшно, молъ, для поэта
Позабывать Парнасъ и огорчать семью».
Я съ горя пробовалъ послушать ихъ совѣта—
Напрасно!.. Вотъ вчера, чтобъ только сонъ прогнать,
Пошелъ на озеро; смотрю—какая гладь!

Лѣсистыхъ береговъ обрывы и изгибы,
Какъ зеркаломъ, водой повторены. Вездѣ
Полоски свѣтлыя отъ плещущейся рыбы
Иль ласточекъ, крыломъ коснувшихся къ водѣ...
Смотрю—усачъ-солдатъ сложилъ шинель на травку,
Самъ до колѣнъ въ водѣ и удить на булавку.
«Что, служба?» крикнулъ я.—«Пришли побаловать
Маленько», говорить.—«Нѣтъ, клевъ-то какъ, служивый?»
—«А клевъ-то? да такой тутъ вышелъ стихъ счастливый,
Что въ часъ-отъ на уху успѣли натаскать».

Ну, кто бы устоять тутъ могъ отъ искушенья?
Закину, думаю, я разикъ—и назадъ!
Есть мѣсто жь у меня завѣтное: тамъ скать
Отъ самыхъ камышей и мелкіе каменья.
Тихонько удочки забравши, впопыхахъ
Бѣгу я къ пристани. Во слѣдъ мнѣ крикнулъ кто-то,
Но быстро оттолкнулъ челнокъ я свой отъ плота
И, гору обогнувъ, зарылся въ камышахъ.

Злодѣи-рыбаки ужъ тутъ давно: вонъ съ чолномъ
Запратался въ тростникъ, тотъ шарить въ глубинѣ...
Есть что-то страстное въ вниманьи ихъ безмолвномъ,

Есть напряженіе въ сей людной тишинѣ:
Лишь свистнетъ въ воздухѣ леса волосая,
Да вздохъ послышится—упорно всё молчать
И зорко издали другъ за другомъ слѣдятъ.
Межь тѣмъ живетъ вокругъ равнина водяная,
Стрекозы синія колеблютъ поплавки,
И тощіе кругомъ шныряютъ пауки,
И кружится, серебась, снѣтковъ веселыхъ стая,
Иль брызнетъ въ стороны, отъ щуки исчеза.

Но вотъ одинъ рыбакъ вскочилъ, и трепеща
Всѣ смотреть на него въ какомъ-то страхѣ чуткомъ:
Онъ, въ обѣ руки взявъ, на удилицѣ гнуткомъ
Выводить на воду упornaго леща.
И чернозолотой красавецъ повернулся,
И вдругъ взмахнулъ хвостомъ,—испуганный, рванулъ—
«Отдай, отдай!» кричатъ, и снова въ глубину
Идетъ чудовище, и ходитъ, вся въ струну
Натянута, леса.. дрожь вчужѣ пробираетъ!..
А тутъ мой поплавокъ мгновенно исчезаетъ.
Тащу—леса въ водѣ описываетъ кругъ,
Уже зияетъ пасть зубастая—и вдругъ
Взвилась моя леса, свистя надъ головою..
Обгрызла!.. Господи!.. но, зная норовъ щукъ,
Другую удочку за тою же травкою

Тихонько завожу и жду, едва дыша...
Клюеть... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надеждъ, волнуясь отъ страха,
Выкидываю вверхъ—чуть-виднаго ерша...
О, тварь негодная!.. Отъ злости чуть не плачу;
Клянусь себя, людей и миръ за неудачу,
И какъ на угольяхъ, закинувъ вновь, сижу,
И только комары, облипшіе мнѣ щеки,
Обуздываютъ гнѣвъ на промахъ мой жестокой.

Чтобы вздохнуть, кругомъ я взоры обвожу.
Какъ ярки горы тамъ при солнцѣ заходящемъ!
Какъ здѣсь, вблизи меня, съ своимъ патромъ сквозящимъ,
Красяють темныхъ соснѣ сторукіе стволы
И отражаются внизу въ заливѣ черномъ,
Гдѣ бѣлый паръ уже бѣжитъ къ подножьямъ горнымъ.
Съ той стороны село. Среди сребристой мглы
Окошки свѣтятся, какъ огненные точки;
Купанье тамъ идетъ: чуть слышенъ визгъ живой,
Чуть-чуть бѣлѣются по берегу сорочки,
Межъ тѣмъ какъ слышится изъ глубины лѣсной
Кукушка поздняя да дятель молодой...
Картины бѣдныя полунощнаго края!
Гдѣ бъ я ни умиралъ, васъ вспомню умирая:

Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря съ людьми, учили жить меня!..

Но вотъ ужъ смерклося. Свѣжѣть. Вкругъ ни звука.
На небѣ и водахъ погасъ пурпурный блескъ.
Чу... , тянуть якоря! Раздался весель плескъ...
Нѣтъ, видно, не возьметъ теперъ ни лещъ, ни щука!
Вотъ, если бы чѣмъ-свѣтъ, забраться въ тростники,
Когда лишь по зарѣ замѣтишь поплавки,
И то, почти къ водѣ припавши... тутъ охота!..
Что жъ медлить? Завтра же... Межь тѣмъ всѣ челноки,
Толкаясь, пристають у низенькаго плота,
И громкій перекликъ несется на водахъ
О всѣхъ событьяхъ дня, о порванныхъ лесахъ,
И брань и похвальба, исполненныя страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаемъ снасти,
И плещеть ходкѣй плотъ, качаясь подъ ногой.
Идемъ. Подъ мокрою одеждой ужъ прохладно;
За то какъ дышится у лодокъ надъ водой,
Гдѣ пахнетъ рыбою и свѣжестью отрадной,
Межь тѣмъ какъ изъ лѣсу чуть-слышнымъ вѣтеркомъ,
Смолой напитаннымъ, потянетъ вдругъ тепломъ!..

О, милые мои! Ужель вамъ не понятно,
Вамъ странно, отчего въ тотъ вечеръ благодатный

Съ любовію въ душѣ въ вашъ кругъ вбѣгаю я
И, весело садясь за ужинъ деревенской,
Съ улыбкой слушаю нападки на меня—
Невинную грозу запальчивости женской?
Бывало, съ милою свиданье улучивъ,
И ужь обдумавши къ свиданью поводъ новый,
Такой же приходилъ я къ вамъ... Но что вы? что вы?
Что значить этотъ кликъ и смѣха дружный взрывъ?
Нѣтъ, полно! вижу я, не сговорить мнѣ съ вами!
Истома сладкая бо сну меня зоветъ.
Прощайте! добрый сонъ!.. уже двѣнадцать бьетъ...

Иду я спать... И вотъ опять передъ глазами
Все катится вода огнистыми струями,
И ходять поплавки. На мигъ лишь задремаль—
И кажется, клюеть!.. Тутъ полно, сонъ пропаль;
Пылаетъ голова и сердце бьется съ болью.
Чуть показался свѣтъ, на цыпочкахъ, какъ воръ,
Я крадусь изъ дому и лѣзу чрезъ заборъ,
Взявъ хлѣба про запасъ съ кристальной крупной солью.
Но на небѣ сѣро и мелкій дождь идетъ
И къ стужѣ въ воздухѣ замѣтенъ поворотъ;
Чуть видны береговъ ближайшіе извивы;
Не шелохнется лѣсъ, ни птица не вспорхнетъ,—
Но чувствую уже, что будетъ ловъ счастливый.

И точно. Дождь потомъ зашлепалъ все сильнѣй;
Вскипѣло озеро отъ бѣлыхъ пузырей,
И я промокъ насквозь, окостенѣли руки;
Но окунь—видно, сталь бодрѣе съ холодкомъ—
Со дна и по верху гнался за червякомъ,
И ловко выхватилъ я прямо въ чолнѣ двѣ щуки...
Тутъ вѣтеръ потянулъ—и золотымъ лучомъ
Деревню облило. Э, солнце какъ высоко!
Ужь дома самоваръ, пожалуй, недалеко...
Домой! и въ комнату, пронизанный дождемъ,
Съ пылающимъ лицомъ, съ душой и мыслью ясной,
Двѣ щуки на шнуркѣ, вхожу я съ торжествомъ...
И крикомъ всѣ меня встрѣчаютъ: «ахъ, несчастный!»

Непосвященные! напрасенъ съ ними споръ!
Искусства нашего непризнанную музу
И грекъ не приобщилъ къ парнасскому союзу!
Нѣтъ, муза чистая, витай между озеръ!
И пусть бѣгутъ твои балованныя сестры
На шумныхъ поприщахъ гражданственности пестрой
За лавромъ, и хвалой, и памятью вѣковъ:
Ты, ночью звѣздною, на мельничной плотинѣ,
Въ семь царствѣ свай, колесъ, и плѣсени, и мховъ,
Таинственностью духъ питай въ святой пустынѣ!

Заслыша, что къ тебѣ въ тотъ часъ взываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
Въ высокой осоки протоптанной тропинкой,
Въ дремучій, темный лѣсъ; играй, рѣзвись со мной;
Облей въ пути лицо росистою рябинкой;
Учи переходить по жердочкѣ живои
Ручей, и, усадивъ за ольхой серебристой
Надъ ямой, гдѣ лопухъ разросся круглолистый,
Гдѣ рыбѣ въ затиши прохлада есть и тѣнь,
Показывай мнѣ какъ родится новый день;
И въ мигъ, когда спадетъ съ природы тьмы завѣса,
И солнце вспыхнетъ вдругъ на пурпурѣ зари,
Со всѣми криками и шорохами лѣса
Сама въ моей душѣ ты съ Богомъ говори!
Да просвѣтленъ тобой, дыша, какъ часть природы,
Исполнюсь мощью я и счастьемъ той свободы,
Въ которой праотецъ народовъ, дни ката
Къ серебристой старости, былъ веселъ, какъ дитя!

VI.

ТРИ ПРАВДЫ.

СКАЗКА.

Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ.
Вышелъ разъ онъ въ садъ послѣ обѣда,
А въ саду для птицъ стояли сѣти;
Видитъ онъ, что въ сѣть попалась птичка,
Птичка-крошка, вся почти съ наперстокъ.
Онъ изъ сѣти высвободилъ птичку,
Въ руки взялъ, и что же — птичка
Говорить ему по-человѣчьи:
«Отпусти-ка ты меня, хозяинъ,
И тебѣ за то скажу три правды.
Съ этими ты правдами на свѣтѣ
Наживешь и денегъ и почету,
И на зависть всѣмъ пойдешь все въ гору!»

«Чудеса Господни, да и только!
Думаетъ купчина, — эго диво!
Говоритъ по-человѣчьи птица!»
— «Хорошо, сказалъ онъ ей, посмотримъ,
Каковы твои три птичьи правды!
Скажешь дѣло — выпущу на волю».

— «Ну, такъ слушай, молвила пичуга:
Плачь не плачь, что́ было — не воротись;
Не тянись за тѣмъ, что́ не подѣ-силу;
И не вѣрь чужимъ словамъ и толкамъ!
Вотъ тебѣ и всѣ мои три правды».

— «Ну, сказалъ купецъ, оно не много,
И въ торговлѣ — тертая монета!
Плачь не плачь, что́ было — не воротись;
Гдѣ ты, значить, лишнее просадишь,
Хоть расплачься, не поможешь горю;
Лучше ты возьмись за умъ, за разумъ,
Да гляди ужь въ оба: знаемъ это!
Не тянись за тѣмъ, что́ не подѣ-силу:
Мало ль тутъ у насъ опшмыгъ-то ходить!
Торговаль лѣтъ двадцать, сбиль копѣйку,
Да и ухнулъ, за рублемъ погнавшись —

Не учить насъ стать и этой правдѣ!
А—не впрѣ людскимъ словамъ и толкамъ:
Ужь на что жь еще и поддѣваютъ
Дураковъ изъ нашенскаго брата!
Нѣтъ ужь, не сули орлицу въ небѣ,
А подай ты мнѣ синицу въ руки —
Мы на этомъ, тетка, зубы съѣли!..
Ну, такъ какъ же! что съ тобой мнѣ дѣлать?
Ты сама-то проку небольшого —
Аль пустить ужь уговора ради?
Ну, ступай себѣ, Господь съ тобою!»

И пустилъ купецъ на волю птичку;
Заложилъ самъ за спину онъ руки,
И пошелъ тихонько по дорожкѣ.
Только птичка все надъ нимъ летаетъ,
Подъ носомъ шмыгнетъ, на вѣтку сядетъ
И звенить-гремять, что колокольчикъ,
И, выходить, словно какъ смѣется.
«Ты никакъ, купецъ спросилъ, смѣешься?»

—«Ничего! пичуга отвѣчала—
Я смѣюсь на вашу братью глядя.
Вотъ хоть ты: будь на волосъ умнѣе,

Ты бы первый былъ богатъ на свѣтѣ;
Если бъ ты моихъ не слушалъ басенъ,
А пошелъ, да распоролъ мнѣ брюхо,
Ты во мнѣ нашелъ бы бриллиантикъ —
Не соврать-сказать—величиною
Что яйцо куриное! не меньше!
А о томъ вѣдь только чай и мысли,
Чтобъ весь свѣтъ въ кошну къ себѣ упрятать!
За умомъ знать только дѣло стало!»
У купца ажъ ноги подкосились.
Весь сомлѣлъ и руки растопырилъ.
Какъ же такъ далъ маху! ахъ, мой Боже!
Какъ-нибудь поправить надо дѣло;
Вотъ и сталъ онъ къ птичкѣ подступаться:
Рѣчь повелъ сторонкой, осторожно,
Будто самъ съ собою разсуждаетъ:
«Я дивлюсь и вашей братьѣ, птицѣ,—
Что за радость жить вамъ по-цыгански!
Ну, куда ни шло еще, какъ лѣто;
А какъ осень завернетъ, да стужа!
На дождѣ промокнешь и продрогнешь!
На морозѣ и совсѣмъ замерзнешь!
То ли дѣло у меня въ хоромахъ!
И питье и кормъ—все даровое!
По зимѣ натопимъ жарко печи—

И живи, что въ царствїи небесномъ!
 Право, ты вѣдь умница, пичужка,
 Разсудить могла бы не по-птичь!»

А пичуга пуще заливалась:
 «Ахъ, купецъ, купецъ ты именитый!
 Брюхо нажилъ, да ума не нажилъ!
 На словахъ, поди ты, что на гусяхъ,
 А на дѣлѣ—хуже баалайки!
 Самъ твердилъ сейчасъ мои три правды:
Плачь, не плачь, что́ было—не воротишь—
 Упустилъ меня и ужъ горюешь!
 Съ горя всѣ дѣла, пожалуй, кинешь!
Не тянись за тѣмъ, что́ не подѣ-силу:
 А ко мнѣ какъ началъ подступаться!
 И найдись теперь какой пройдоха,
 Посули меня тебѣ представить—
 Капиталь ему по каплѣ спустишь!
 Самъ людскимъ смѣялся толкамъ лупымъ—
 Моему же, птичьему, повѣрилъ:
 Ну, какой во мнѣ быть можетъ камень—
 И какой еще величиною!
 Что́ яйцо куриное! ишь, умникъ!
 А вѣдь самъ въ рукахъ держалъ и видѣлъ—
 Вся-то я не болѣе наперстка!»

Обругалъ купецъ ничугу, плюнулъ, —
Увидалъ, что въ дуракахъ остался! —
Двадцать лѣтъ молчалъ про этотъ случай,
Разказалъ почти что передъ смертью,
Подъ хмѣлькомъ, у внучки на крестинахъ.

1861.

VII.

КАРТИНКА.

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.).

Посмотри: въ избѣ, мерца,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ отъ слова къ слову
Пальчикомъ вода,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотреть,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлось ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Темень имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!

Тьма идетъ къ концу!

Ваши дѣтки ужь увидятъ

Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!

День взойдетъ могучь!

Вѣщимъ окомъ я ужь вижу

Первый свѣтлый лучь.

Онъ горитъ ужь на головкѣ,

Онъ горитъ въ очахъ

Этой умницы-малютки

Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братья,—это только

Первая ступень

Въ царство мысли, гдѣ сияетъ

Вѣковѣчный день.

VIII.

П О Л Я.

Вь тѣлѣгѣ ѣду по холмамъ;
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями станъ птицъ...

Я ѣду день, я ѣду два —
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля...

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я...

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ наконецъ бредеть старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то... «Стой, ямщики!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?»

— «Осмѣлюсь, баринъ, попросить —
Не подвезете ль старика?»
— «Садись! Зачѣмъ не услужить!
Услуга жъ такъ не велика!»

«Садись!» — «Я здѣсь, на облучокъ»...
— «Да мѣсто есть: садись рядомъ!»
Но тутъ ужъ взять никто бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе бъ былъ
«Необразованный мужикъ!»

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обрить,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

— «Я былъ дворовый человѣкъ» —
Онъ говорилъ — «у князя Б!
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужъ по себѣ!»

— «И слава Богу!» — «Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятію моему,
Отъ всей ихъ воли — толку нѣтъ!»

«Еще я понѣшнихъ князей,
Выходить, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!»

«Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Вѣсть даромъ хлѣбъ, — такъ съ глазъ долой!

«Еще скажу: добры князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, моль, — такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ! —

«Жаль ихъ самихъ!» — И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалить мужикъ,
Зброшенъ сахарный заводъ,

Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады —

Все въ запущеннѣ, все гниеть...
Усадьба — прежде городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ!
И пей и ѣшь! Все было въ прокъ!

«Да, вспомняешь про старину!»
Онъ заключилъ: «быль складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!

«Одинъ развратъ!» онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...

«Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ»,
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: «спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?»

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ...

«Чего?..» онъ началъ было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ, —
И тройка ринулась впередъ!

Впередъ — въ пространство безъ конца!
Впередъ — не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони ль вторили ему, —

Но мы неслись, какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой...

Неслись... а вокругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ...

Неслись... «Куда жь те дьяволъ мчить!»
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летить, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль — какъ широка!..

1862.

~~~~~

IX.

БАБУШКА И ВНУЧЕКЪ.

Въ святцахъ у бабушки разъ
Внучекъ цвѣтокъ увидалъ;
— «Тутъ сувенирчикъ у васъ»,
Онъ улыбаясь сказалъ;

«Что, если бѣ онъ говорилъ?
Можетъ быть цѣлый романъ
Мнѣ бы теперь онъ открылъ...
Былъ бы и мужъ тамъ тиранъ,

«Ночь, соловей и луна,
Быстрый свиданія часъ...
Было — и въ тѣ времена —
Много, чай, всякихъ проказъ?..»

— «Грѣхъ надъ старухой шутить...»
Бабушка внучку въ отвѣтъ;
«Кто жъ бы еще подарить
Могъ мнѣ его, какъ не дѣдъ?»

— «Дѣдушкинъ это цвѣтокъ?»

Внучекъ опять: — «признаюсь,
Вотъ угадать бы не могъ!
Дѣдушка! этакой тузь!»

— «Молодъ покойничекъ былъ!..

Ну, да и я-то тогда...
Въ мысляхъ-то вѣтеръ бродилъ!..
Тоже была молода...

«Вѣдали разъ мы весной,
Въ ранній уловъ стерлядей,
Къ мельницѣ нашей лѣсной...
Батюшка... много гостей...

«Я и стою на мосту;
Вкругъ молодежь мнѣ поетъ
Все про-мою красоту:
Что тутъ на умъ не взбредеть.

«Мельница такъ и дрожить;
Омутъ-то въ пѣнныхъ буграхъ
Ходенемъ ходить, кипятъ,
Такъ что и вспомнить-то страхъ!

«Въ воду и кинь я цвѣтокъ!
— Кто, говорю я, спрыгнетъ
Съ мосту отсюда въ потокъ
И мой цвѣтокъ принесетъ,

«Тотъ мнѣ и есть кавалеръ!—
Всѣ засмѣялись вокругъ;
Только одинъ офицеръ
Съ мосту-то прямо и — бухъ!

«Я обомлѣла. Народъ
Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ...
Только глядимъ — онъ плыветъ,
Держить цвѣтокъ мой въ рукѣ...

«Мнѣ подаетъ: я готовъ
Жизнь, моль, за васъ положить!..
Вотъ молодець былъ каковъ!
Да, не любилъ онъ шутить!

«Дѣдушку я твоего
Тутъ и узнала тогда...
Такъ и пошла за него...
: Былъ человѣкъ это!.. Да!..

- «Стараго вѣка кремень!
Баринъ онъ былъ матерой!
Сель что имѣлъ, деревень!
Видный, красавецъ собой,
- «Соколомъ яснымъ ходилъ!
Первымъ вездѣ былъ лицомъ!
Что онъ народу кормилъ!
Ну, да и самъ жилъ царемъ...
- «Въ гости ль меня вывозилъ —
Въ золото, жемчугъ, атласъ,
Словно царицу рядилъ,
Словно какъ везъ на показъ!
- «Сѣрый лихой шестерикъ
Держать едва подъ-узды...
Кучеръ былъ сила-мужикъ!
И гайдуки молодцы!
- «И, какъ жила я за нимъ,
Тронуть меня ужь не смѣй
Кто хоть бы словомъ худымъ:
Со свѣту сгонить — ей-ей!

«Да, это былъ человѣкъ!..

Нынче и родъ ужь не тотъ!

Нынче — не тотъ ужь и вѣкъ!

Мелкій пошелъ все народъ!..»

— «Бабушка! внучекъ прервалъ,

Я отъ самихъ стариковъ

Часто про дѣда слыхалъ:

Онъ не совсѣмъ былъ таковъ!

«Былъ онъ — надменный богачъ!

Жилъ — азіатскимъ папой;

Самъ и судья, и палачъ,

Ночью ѣзжалъ на разбой;

«И въ душегубствѣ не разъ

Былъ по суду обвиненъ...

Правда, въ то время у насъ

Знатному что былъ законъ!

«Пьянство и ночью и днемъ!

Въ домѣ жилъ цѣлый гаремъ!

Вы же — всю жизнь подъ замкомъ

Въ страхѣ дрожали межъ тѣмъ.

«Вась-то онъ будто любилъ!
Боже мой! онъ какъ злодѣй,
Вашу всю жизнь загубилъ,
Вась загубилъ и дѣтей!

«Мѣсяцъ или два присмирѣвъ,
Первой-то страстной порѣй,
Ласковъ былъ съ вами, какъ левъ
Съ львицей своею молодой!

«Ну, а какъ душу отвелъ...
Бабушка! сердце во мнѣ
Рвется при мысли — что золь
Вынесли вы-то одѣ!

«Вѣрьте, люблю я, какъ мать,
Вась за страдальный вашъ вѣкъ...
Что жь отъ меня вамъ скрывать!
Дѣдъ былъ — дурной человѣкъ!..»

Бабка трясеть головой,
Шепчетъ на рѣчи его:
«Что говорить мнѣ съ тобой!
Ты не поймешь ничего!»

Вяжетъ старушка чулокъ,
Вяжетъ чулокъ и молчить,
И на засохшій цвѣтокъ
Нѣжно порою глядить...

Смотрить на бабушку внукъ..
Онъ изумленъ, что у ней
Слезы закапали вдругъ
Тихо изъ тусклыхъ очей...

Въ жизни дитя — не умѣлъ
Сердце еще онъ понять!
Онъ испытать не успѣлъ,
Какъ оно можетъ прощать!

Какъ изъ-за прошлыхъ скорбей,
Ихъ разгоняя, что тьму,
Сладкій лишь мигъ все яснѣй
Издали свѣтитъ ему;

И, какъ святой идеаль,
Образъ рисуешь того,
Кто это сердце терзалъ,
Кто такъ измучилъ его!..

1857.

X.

УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ.

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою гора,
То надъ лѣскомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ — обрывъ! и вотъ — рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ,
Бѣжить, подернута слегка
Отливомъ красныхъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна
Съ безглавой башней, какъ огнемъ,
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣтъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣзвымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

Вотъ монастырь... Слѣды ль осады,
Пищалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ горахъ что лежать,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?..

Лампада у воротъ горитъ
Предъ полинялымъ образкомъ;
Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
У кружки подъ двойнымъ замкомъ;

Сидитъ и смотритъ, какъ ползутъ
Моя лошади по горѣ...
— «Что, отче честный, есть ли тутъ
Что посмотришь въ монастырѣ?»

— «А посмотри! Запрету нѣтъ!
Что есть — увидишь», молвилъ онъ,
«Да что смотришь-то! Сколько лѣтъ,
Какъ монастырь ужъ упраздненъ.

«Святыню вывезли... Живемъ
Мы вотъ одни давненько тутъ
Съ отцомъ Паисіемъ и ждемъ,
Аль насъ куда переведутъ,

«Аль здѣсь попремъ... Я, вотъ, съ ногой
Изнылъ. Ломота извела.
Лѣчился лѣтось у одной
Старушки: нѣтъ, не помогла!

«Войди въ калитку-то, смотри!» —
Мнѣ указалъ на дверь старикъ;
А самъ спѣшилъ въ лучахъ зари
Еще погрѣться хоть бы мигъ.

Бѣднякъ! едва ль не правъ былъ онъ!
Смотрѣть немного было, нѣтъ!
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

Всѣ церкви въ землю повросли,
Кругомъ забиты двери ихъ...
За то, что кудри, до земли
Висѣли вѣтви ихъ густыхъ...

А домъ, гдѣ кельи — какъ скелетъ,
За блѣдной зеленью стоять,
И въ острыхъ окнахъ стеколь нѣтъ,
И грустно мракъ изъ нихъ глядеть...

Лишь бродить вокругъ голодный котъ;
Надъ нимъ, несясь стрѣлы быстрѣй,
Кружатся ласточки; въ разбродъ
Гуляетъ стая голубей —

Все тихо валится кругомъ...
Еще пройдетъ немного лѣтъ,
И стѣны продадутъ на сломъ,
И старины пройдетъ и слѣдъ...

Смотрѣть немного... Что жъ изъ нихъ,
Изъ этихъ камней говорить
Моей душѣ? и шагъ мой тихъ,
И сердце такъ въ груди стучить?

Святыню вывезли... Но нѣтъ,
Не всю!.. Нѣтъ, чувствую, живутъ
Мольбы и слезы, столько лѣтъ
Отъ сердца лившіяся тутъ!

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спастись мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,

И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ — волшебствомъ
И чародѣйствами полна...

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ *пустыннымъ житіемъ*
Въ той кельѣ Божіи человекъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И, что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщаль...

И вотъ — вокругъ валяются лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... и растеть

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
 Встаетъ гостинницъ длинный рядъ;
 И въ погреба течетъ казна,
 И всюду трудъ, и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
 Хлопочетъ келарь, казначей...
 Варятъ меды, творятъ пиры,
 Всечасно братья ждѣтъ гостей...

И гости — то князья,
Въ орду идущіе съ казноу...
 То **и** жъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...

И черныи людъ, безвѣстный людъ
Со всей Руси идетъ, бредеть...
Въ грѣхахъ всѣ каются идуть —
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ...

Идутъ — съ пожарищъ, съ поля битвъ,
 Ища исходу хоть слезамъ —
 Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
 Подъ пѣнье ангельское тамъ...

И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горить, какъ жарь,
Предъ образами въ жемчугахъ —
Сердце скорбящихъ чистый дарь...

Вотъ ѣдетъ новый караванъ...
Полумонашеская рать...
И раззолоченный рыдванъ...
Съ крестами клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потушимъ окомъ, блѣдень, худъ,
Выходить, душой обуянъ,
Здѣсь панихидой кончить судъ,
Кровавый судъ свой, царь Иванъ...

Ударилъ колоколъ большой —
И двери царскія въ алтарь
Предъ нимъ раскрылись, и, больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь...

И, глядя, плачутъ всѣ вокругъ...
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пирь...

Но царь на свѣтлый пирь нейдетъ.
Одинъ, онъ въ кельѣ заперся...
Онъ ѣсть лишь хлѣбъ, онъ воду пьетъ,
И весь онъ Богу отдался...

Вотъ на обитель сходитъ сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна...
Все ходить онъ, все пишеть онъ
Имъ побѣнныхъ имена...

Все кровь... А тутъ — покой кругомъ!
Главу обитель вознесла,
Что тихій островъ на мѣрскомъ
Многомятежномъ морѣ зла...

Принять бы схиму здѣсь... Лежать
Живымъ въ гробу — а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
Раба Ивана упокой...

Все суета!.. И какъ видна
Она изъ гроба-то!.. — А тутъ —
Что въ царствѣ будетъ? Вся страна
Валикуеть! Скажутъ: царь былъ лють!

Измѣна ветанеть! Зашумятъ
Опять бояре, города...
Найдется царскій братъ иль свать,
Мой родъ зарѣжетъ... Чтò тогда?

И духъ его, какъ вѣронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищеть: гдѣ онъ, недругъ мой?
Гдѣ смута? гдѣ гнѣздо крамоль?

Зоветь на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветь,
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куеть —

Куеть онъ мысль — какъ бы сплотить
Всю Русь въ одно, чтобъ ничего
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его...

А ночь межъ тѣмъ надъ Русью шла...
И не одна душа, томясь,
Теперь гадала и ждала:
Чтò Царь замыслилъ въ этотъ часъ?...

И, чуть звонять, народъ — во храмъ,
Вопить, какъ жаждущій въ степи;
«Когда жь, Господь, конецъ бѣдамъ!»
И клиръ въ отвѣтъ ему: «терпи!»

Терпи!.. и вытерѣла ты,
Святая Русь, что послалъ
Тебѣ Господь — всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и опаль...

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка —
Но вѣришь ты, что Богъ любя
Тебя каралъ, — и тѣмъ крѣпка!

И вотъ — теперь... «Что?» опросилъ
Меня монашекъ у воротъ.

— «Нѣтъ, ничего!.. я говорилъ!..»

— «А знатный былъ, молва идетъ,

«Нашъ монастырь-то въ старину!..»

— «А упраздненъ-то онъ зачѣмъ?»

— «Да стало братья мало... Ну...

И оскудѣли житіемъ!

XI.

П Ъ С Н И.

У воротъ монастыря
Пѣль слѣпецъ передъ толпою,
Прямо въ солнце взоръ вперя,
Взоръ, покрытый вѣчной тьмою.

Слѣпъ рожденъ, весь вѣкъ въ нуждѣ.
Пѣль онъ пѣснь одну и ту же,
Пѣль о Страшномъ онъ Судѣ,
Пѣль о Зломъ и Добромъ Мужѣ.

Чуждъ живущему всему;
Только слава Судъ Господній,
Населятъ свою онъ тьму
Лишь страстями преисподней;

Точно слышалъ онъ во мглѣ
Вздохи, плачь и скрежетъ зубный,
Огнь, текущій по землѣ,
И по небу голосъ трубный,

И напѣвъ его гудѣлъ
Далеко трубою мѣдной,
И невольно вокругъ робѣлъ
Старъ и младъ, богачъ и бѣдный.

Кончили старецъ; а народъ
Все вокругъ стоитъ въ молчаньи;
Всѣхъ томить и всѣхъ гнететь
Мысль о страшномъ покаяньи...

Только вдругъ изъ кабака
Скоморохъ идетъ красивый,
Выбирая трепака
На гармоникѣ визгливой;

Словно ожилъ вдругъ народъ,
Побѣжалъ за нимъ гурьбою...
Смѣхъ и пляски — въ полный ходъ!
И слѣпецъ забыть толпою.

Возроптали старики:

«Эка дьявольская прелесть!
Сами лѣзуть, дураки,
Змѣю огненному въ челюсть!»

Слышитъ ропоть ихъ слѣпецъ:

— «Не судите, молвить, строго!
Благъ — Небесный нашъ Отецъ:
Смѣхъ и слезы — все отъ Бога!

«Отъ Него — и скорбный стихъ,
Отъ Него — и стихъ веселый!
Тотъ спасенъ, кто любить ихъ
Въ свѣтлый часъ и въ часъ тяжелый!

«А кто любить ихъ — мягка
Въ томъ душа и незлобива,
И къ добру она чутка,
И растить его, какъ нива».

1860.

XII.

ДВА БѢСА.

Въ скиту давно забытомъ, въ чащѣ лѣса,
Укрылися отъ бури, въ дождь, два бѣса,

Продрогшіе, промокши отъ дождя,
Они тряслись, зубъ съ зубомъ не своя.

Одинъ былъ толстъ, коротенькія ножки,
А головою — смѣсь вола и кошки;

Другой — высокъ, съ собачьей головой,
И хвостъ крючкомъ, самъ тонкій и худой.

Тотъ, какъ вломился, и присѣлъ у печки,
И съ виду былъ смиреннѣе овечки;

Другой за то метался и ворчалъ
И въ бѣшенствѣ зубами скрежеталъ.

«Ну, ужь житье! — ворчалъ онъ — мокни, дрогни,

«И все одно что завтра, что сегодня!

«Ждать мочи нѣтъ! ужь такъ подведено,

«Что, кажется, все рухнуть бы должно, —

«Анъ — держится!» — онъ плюнулъ отъ досады —

«Работаешь, и нѣтъ тебѣ награды!»

Толстякъ смотрѣлъ, прищуря лѣвый глазъ,

Надъ бѣшеннымъ товарищемъ смѣясь,

И молвилъ: «Эхъ, вы, бѣсы нетерпѣвныя!

«Такой ли вѣкъ теперь и поколѣнье,

«Чтобъ намъ роптать? Я каждый день тащу

«Десятокъ душъ — самъ цѣль и не грущу!

«То ль было прежде? Вспомни хоть, какъ сѣкли

«Святые насъ! Здѣсь выпорють, а въ пеклѣ

«Еще потомъ подбавятъ, какъ прійдешь!

«И вспомнить-то, кидаетъ въ жаръ и дрожь!

«На этомъ мѣстѣ, помню я, спасался

«Блаженный. Я ль надъ нимъ не постарался!

«Топилъ въ болотахъ, по лѣсамъ
«Дней по пяти кружилъ; являлся самъ,

«То дѣвицей являлся, то во звѣрѣ, —
«Онъ аки столбъ непоколебимъ былъ въ вѣрѣ!

«Я наконецъ оставилъ. Заходить
«Сталъ такъ къ нему, чтобы поговорить,

«Погрѣться. Онъ, бывало, тутъ читаетъ,
«А я въ углу. И вотъ онъ начинаетъ

«Мнѣ проповѣдь: не стыдно ли, о бѣсъ,
«Ты мечешься весь вѣкъ свой, аки песь,

«Чтобъ совратить людей съ пути блаженства!..
«Ахъ, говорю я, ваше, молъ, степенство,

«Чай знаете, я развѣ самъ собой?
«У каждаго у насъ начальникъ свой,

«И видишь самъ, хоть изъ моей же хари,
«Какая жизнь для подначальной твари!

«Да я бѣ тебя не тронулъ и во-вѣкъ, —
«Анъ спросить вѣдь: что оный человекъ

«Сіаетъ все еще, свѣчѣ подобно?»

«Да на спинѣ и выпишутъ подробно,

«Зачѣмъ еще сіаетъ!.. Вотъ и знай,

«И нынѣшній народъ ты не ругай!

«Гдѣ къ кабаку лишь покажи дорогу,

«Гдѣ подтолкни, а гдѣ подставь лишь ногу, —

«И всѣ твои!..» «Эхъ, вы, вскричалъ другой,

«Рутина! ветошь!.. Вѣкъ бы только свой

«Вамъ прѣть вокругъ купчихъ, чтобъ ихъ скоромить,

«Иль дочекъ ихъ съ гусарами знакомить!

«Не то ужъ нынче принято у насъ;

«Мы дѣйствуемъ на убѣжденья массъ,

«Такъ ихъ ведемъ, чтобъ имъ ни пить, ни кушать, —

«А безъ разбору только бѣ рушить, рушить!

«Въ нихъ разожги всѣ страсти, раздражи,

«Всѣ заповѣди имъ переверни:

•

«Пусть вмѣсто «не убій» — «убій» читаютъ,

«(Седьмую ужъ и такъ не соблюдаютъ!)»

«Не пожелай» — десятая — пускай
«Напишутъ на скрижаляхъ: «пожелай», —
«Тутъ дѣло о принципахъ. Пусть ихъ сами
«Работаютъ подтолкнутые нами!
«Объ насъ же пусть помину нѣтъ! Зачѣмъ!
«Пусть думаютъ, что насъ и нѣтъ совсѣмъ,
«Что мы — мечта, невѣжества созданье,
«Что намъ и мѣста нѣтъ средь мірозданья!
«Пусть убѣдятся въ этомъ... И тогда,
«Тогда, любезный другъ, прійдетъ чреда,
«Мы явимся въ своемъ природномъ видѣ,
«И скажемъ имъ: «пожалуйте»...

* * *

Вы примете, читатель дорогой,
За выдумку все сказанное мной, —

Напрасно! Видѣлъ все и слышалъ это
Одинъ семинаристъ. Онъ шелъ на гѣто

Домой, къ отцу, — но тутъ главнѣйше то, —
Онъ въ сущности не вѣрилъ ни во что,

И — сапоги на палкѣ — шелъ мечтая,
Что будетъ свѣтомъ цѣлаго онъ края...

О братьяхъ, сестрахъ — что и говорить!
Одна бѣда — со старикомъ какъ быть?

А старикашка у него чудесный —
Сердечный — но кругъ зрѣнья очень тѣсный,

Понятія давно былыхъ вѣковъ —
Онъ вѣрилъ крѣпко — даже и въ бѣсовъ.

Такъ шелъ онъ, шелъ — вдругъ туча налетѣла,
И по лѣсу завывло, загудѣло;

Дождь хлынулъ, — какъ, по счастью, глядитъ
Тутъ, въ двухъ шагахъ забытый, старый скитъ —

Онъ въ келійку и за-печь: слѣдомъ двое
Бѣсовъ, и вамъ извѣстно остальное.

Что онъ ихъ видѣлъ — онъ стоялъ на томъ!
И поплатился жъ, бѣдненькій, потомъ!

Товарищамъ за долгъ почель открыться,
А тѣ надъ нимъ — смѣяться и глумиться;

Проникла вѣсть въ учительскій совѣтъ,
Составили особый комитетъ;

Вошли къ начальству съ форменнымъ докладомъ —
Что дѣлать, молъ, съ подобнымъ ретроградомъ,

Что, вообще, опасный прецедентъ —
И напослѣдокъ вышелъ документъ,

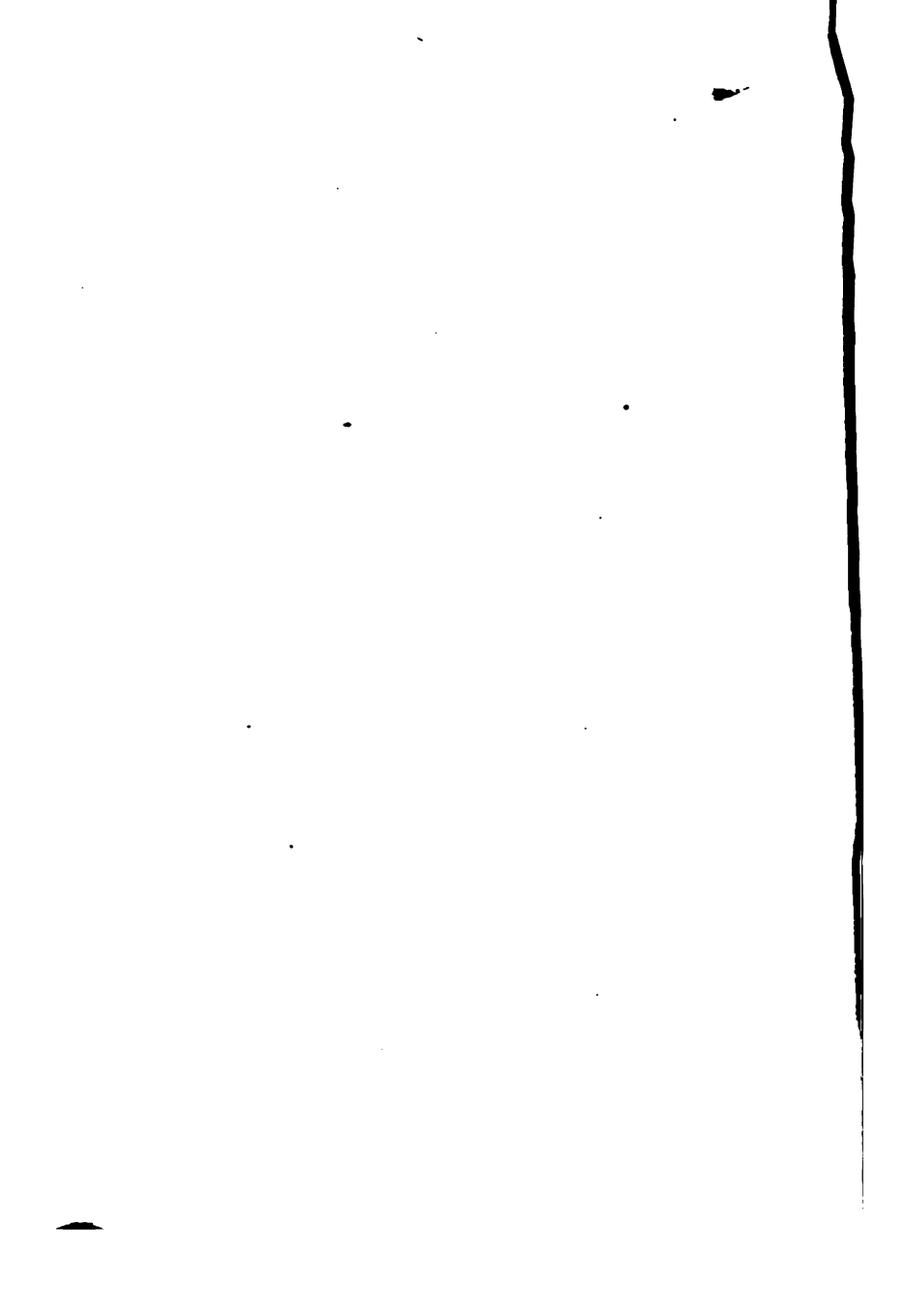
Подписанный самимъ преосвященнымъ, —
«Считать его въ разсудкѣ поврежденнымъ».

1876.

V.

ОТЗЫВЫ ИСТОРИИ.

I.

Е М Ш А Н Ъ *).

Степной травы пучокъ сухой,
Онъ и сухой благоухаетъ!
И разомъ степи надо мной
Все обаянье воскрешаетъ...

Когда въ степяхъ, за станомъ станъ,
Бродили орды кочевья,
Быль ханъ Отрѣкъ и ханъ Сырчанъ,
Два брата, батыри лихіе.

И разъ у нихъ шель пиръ горой —
Великъ полонъ былъ взять изъ Руси!
Пѣвецъ имъ славу пѣлъ, рѣкой
Лился кумысъ во всемя улусѣ.

*) Разсказъ этотъ взятъ изъ Волынской лѣтописи. *Емшанъ* — названіе душистой травы, растущей въ нашихъ степяхъ, вѣроятно полынь.

Вдругъ шумъ и крикъ, и стукъ мечей,
И кровь, и смерть, и нѣтъ пощады! —
Все врозь бѣжить, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То съ русской силой Мономахъ
Всесокрушающій явился —
Сырчанъ въ донскихъ залегахъ меляхъ,
Отрѣкъ въ горахъ кавказскихъ скрылся!

И шли года... Гулялъ въ степяхъ
Лишь буйный вѣтеръ на просторѣ...
Но вотъ — скончался Мономахъ,
И по Руси — туга и горе —

Зоветь къ себѣ пѣвца Сырчанъ
И къ брату шлетъ его съ наказомъ:
«Онъ тамъ богатъ, онъ царь тѣхъ странъ,
Владыка надо всѣмъ Кавказомъ —

«Скажи ему, чтобъ бросилъ все,
Что умеръ врагъ, что спали цѣпи,
Чтобъ шелъ въ наслѣдіе свое,
Въ благоухающія степи!

«Ему ты пѣсенъ нашихъ спой,—
Когда жь на пѣснь не отзовется,
— Свяжи въ пучокъ емшанъ степной
И дай ему — и онъ вернется».

Отрѣкъ сидитъ въ златомъ шатрѣ,
Вкругъ — рой абхазянокъ прекрасныхъ;
На золотѣ и серебрѣ
Князей онъ чествуетъ подвластныхъ.

Введенъ пѣвецъ. Онъ говоритъ,
Чтобъ въ степи шель Отрѣкъ безъ страха,
Что путь на Русь кругомъ открыть,
Что вѣтъ ужь больше Мономаха!

Отрѣкъ молчитъ, на братнинъ зовъ
Одной усмѣшкой отвѣчаетъ —
И пиръ идетъ, и хоръ рабовъ
Его что солнце величаетъ —

Встаетъ пѣвецъ и пѣсни онъ
Поетъ о быляхъ половецкихъ,
Про славу дѣдовскихъ временъ
И ихъ набѣговъ молодецкихъ —

Отрѣкъ угрюмый принялъ видъ
И, на пѣвца не глядя, знакомъ,
Чтобъ увели его — велить
Своимъ послушливымъ кунакамъ.

И взялъ пучокъ травы степной
Тогда пѣвецъ и подалъ хану —
И смотреть ханъ — и, самъ не свой,
Какъ бы почуя въ сердцѣ рану,

За грудь схватился... Всѣ глядятъ —
Онъ грозный ханъ, что жъ это значить?
Онъ, предъ которымъ всѣ дрожать, —
Пучокъ травы цѣлуя, плачетъ!

И вдругъ, взмахнувши кулакомъ,
«Не царь я больше вамъ отнынѣ!»
Воскликнулъ, «смерть въ краю родномъ
Милѣй, чѣмъ слава на чужбинѣ!»

На утро, чуть осѣлъ туманъ.
И озлатились горъ вершины,
Въ горахъ идетъ ужъ караванъ —
Отрѣкъ съ немногую дружиной.

Минуя гору за горой,
Все ждетъ онъ — скоро ль степь родная —
И въ даль глядитъ, травы степной
Пучокъ изъ рукъ не выпуская.

1874.

II.

ВЪ ГОРОДЦѢ ВЪ 1263 ГОДУ *).

Ночь на дворѣ и морозъ.

Мѣсяцъ — два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вокругъ него--

По небу словно идетъ торжество;

Въ кельѣ жь игуменской зрѣлище скорби и слезь...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;

Тихо игумень предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;

Тихо бояре стоять по угламъ;

Тихъ и недвижимъ лежить, головой къ образамъ,

Князь Александръ, черной схимой покрытъ...

Страшнаго часа всѣ ждуть: нѣтъ надежды, ужь нѣтъ!

Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.

*) Городецъ на Волгѣ; тамъ умеръ на возвратномъ пути изъ Орды
В. К. Александръ Ярославичъ Невскій въ 1263 году.

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горить...

Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядить...

Сонъ ли проходить предъ нимъ, иль видѣній таинственныхъ

цѣпь —

Видитъ онъ — степь, безпредѣльная бурая степь...

Войлокъ разостланъ на выжженной солнцемъ землѣ.

Видитъ: отецъ! смертный потъ на челѣ,

Весь изможденъ онъ, и блѣденъ, и слабъ...

Шель изъ орды онъ, какъ данникъ, какъ рабъ...

Въ сердцѣ, зная, силъ не хватило обиду стерпеть...

И простоналъ Александръ: «такъ и мнѣ умереть»...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горить...

Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядить...

Видитъ — шатеръ, дорогой, златотканый шатеръ...

Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...

Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзь и князей...

Князь Михайлъ *) передъ ставкой стоитъ у дверей...

Подняты копыя надъ княжеской свѣтлой главой...

Молятъ бояре горячей мольбой...

«Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ» онъ твердить...

Мигъ — и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...

Топчуть ногами и копыями колютъ его...

*) Кн. Михайлъ Черниговскій.

«Бейте, колите, берите живьемъ

«Лживый, коварный, пришельческій родъ!..

«Намъ ли баскаковъ пустить

«Грабить казну, на правезъ насъ водить?»

«Злата и сѣребра горы у насъ въ погребехъ, —

«Намъ ли валяться у хана въ ногахъ!

«Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ, татарь!..»

И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...

Князь приподнялся на ложѣ своемъ;

Очи сверкнули огнемъ,

Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души —

Крикнулъ: «эй, вы, торгоши!»

«Богъ на всю землю послалъ злую мзду.

«Вы ли одни не хотите Его покориться суду?

«Ломятся тьмамъ ордынцы на Русь — я себя не щажу —

«Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!..

«Время нести — такъ всѣмъ міромъ нести!

«Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти,

«Вѣруя въ чайные лучшихъ временъ, —

«Все лишь въ конецъ претерпѣвый — спасень!..»

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...

Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...

Тьма, что завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...

Видать онъ: облитый словно лучомъ золотымъ,

Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
 Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... народомъ кишать
 берега...

Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
 Громъ раздается; корабль показался вдали...
 Править имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...

Кормчаго всѣ называютъ Царемъ...
 Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
 Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
 Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говорить...
 Вотъ — передъ гробомъ земные поклоны творить...
 Слѣдомъ — всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
 Въ гробъ жь — князь видитъ — онъ самъ...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горить...
 Князь неподвиженъ лежитъ...
 Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой —
 Чудной лицо озарилось красой —
 Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
 Сердце оцупалъ его и чело —
 И, зарыдавъ, возгласилъ: «наше солнце зашло!»

1875.

III.

У ГРОБА ГРОЗНАГО.

Средь царственныхъ гробовъ въ Архангельскомъ соборѣ
На правомъ клиросѣ есть гробъ. При гробѣ томъ
Стоишь невольно ты съ задумчивымъ челомъ
И съ боязливою пытливостью во взорѣ...
Тутъ Грозный самъ лежитъ!.. Последняго суда—
Ты чувствуешь, что надъ нимъ судьба не изрекала;
Что съ гроба этого тяжелая опала
Еще не снята; что, быть можетъ, никогда
На свѣтѣ пламеннѣй души не появлялось...
Она— съ алчбой добра — весь вѣкъ во злѣ терзалась, —
И внутреннимъ огнемъ сгорѣлъ онъ... До сихъ поръ
Сведенъ итогъ его винамъ и преступеньямъ;
Быль спрось свидѣтелей; поставленъ приговоръ, —
Но нѣчто высшее все медитъ утвержденьемъ,
Недоумѣнія толпа еще полна,
И тайной облеченъ досель сей гробъ безмолвный...
Вотъ онъ!.. Иконы вокругъ. Изъ узкаго окна

Въ соборъ, еще святыхъ благоуханій полный,
Косою вечерній лучъ на темный гробъ упалъ
Узорной полосой въ колеблющемся дымѣ...

О, если бъ онъ предсталъ — теперь — въ загробной снѣгѣ,
И самъ, какъ вѣкогда, народу рѣчь держалъ,
«Я царство создавалъ — и создалъ и донинѣ —
Сказалъ бы онъ — оно стоитъ — четвертый вѣкъ...
«Судите *тутъ* меня. Въ паденьяхъ и гордынѣ
«Отвѣтъ мой — Господу: предъ Нимъ — я человекъ,
«Предъ вами — Царь! Кто жъ могъ мнѣ помогать?..

Потомки

«Развѣнчанныхъ князей, которымъ рѣзалъ глазъ
«Блескъ царскаго вѣнца, а старыхъ правъ обломки
«Дороже были клятвъ и совѣсти?.. Держась
«За нихъ, и Новгородъ: что онъ въ князьяхъ, молъ,
воленъ!

«Къ Литвѣ, когда Москвой стѣсненъ или недоволенъ!
«А вѣкъ тотъ былъ, когда венеціанскій ядъ,
«Незримый какъ чума, прокрадывался всюду,
«Въ письмо, въ Причастіе, ко братинѣ и къ блюду...
«Княгиня — мать моя — какъ умерла? — Молчать
«Квяжата Шуйскіе... Гдѣ Вѣльскій? рать собираетъ?
«Орудуетъ въ Крыму и хана подымаетъ!
«Подъ Серпуховымъ кто безбожнаго навелъ
«На своего Царя и указалъ дорогу?

«Мстиславскій? Каешься?.. А Курбскій? — Онъ ушелъ!
 «„Не мыслю на удѣлъ“ — клянется мнѣ и Богу —
 «А пишется въ Литвѣ, съ панами не таясь,
 «Въ облыжныхъ грамотахъ какъ «Ярославскій князь!»
 «Клевещеть — на кого жь?.. На самоѣ царицу —
 «Ту чистую какъ свѣтъ небесный голубицу!..
 «Все противъ!.. Что же я на царствѣ?.. Всѣмъ чужой?..
 «Иди ль мнѣ съ посохомъ сѣнаться въ край изъ края?
 «Псарей ли возвести въ боярство — и покой
 «Купить, — имъ мерзости творить не возбраняя,
 «И ненавистью къ нимъ всеобщей — ихъ связать
 «Съ своей особою?.. Отвѣтъ кто жь долженъ дать
 «За мерзость ихъ, за кровь?.. Покинутый, болящій,
 «Азь — передъ Господомъ — азь — аки песь смердящій
 «Въ нечестьи и грѣхъ!..

«Но Царь пребылъ Царемъ.

«Навѣки утвердилъ въ народѣ онъ своемъ,
 «Что предъ лицомъ Царя, предъ правдою державной
 «Потомокъ Рюрика, бояринъ, смердь — всѣ равны,
 «Всѣ — спроты мои...

«И царство создалось!

«Но моря я хотѣлъ! Намъ нужно насажденье
 «Наукъ, ремесль, искусствъ: все съ боя брать пришлось!
 «Весь Западъ завопилъ: опасно просвѣщенье

«Пустить въ Московію! Самъ Кесарь взоръ возвелъ
 «Тревожно на небо: двуглавый нашъ орелъ
 «Уже тамъ виденъ сталъ — и занавѣсь упала,
 «И царство новое предъ ихъ очами встало...

«Оно не прихотью явилося на свѣтъ.
 «Въ немъ не одной Руси спасенія завѣтъ:
 «Въ немъ церкви истинной хоругвь, и мечъ, и сила!
 «Единоувѣрныхъ скорбь, чтобъ быть ему, молила —
 «И — бысть!.. Мой дѣдъ, отецъ, трудилися надъ нимъ,
 «Я жъ утвердилъ на-вѣкъ — хоть самъ раздавленъ имъ...
 «Вы все не поняли?.. Кто жъ понялъ? Только эти,
 «Что въ ужасѣ, какъ жить безъ государства, шли
 «Во дни великихъ смуть, съ крестомъ, со всей Земли
 «Освобождать Москву... Монахъ князей же дѣти
 «Вели постыдный торгъ съ ворами и Литвой,
 «За лишнія права имъ жертвуя Москвой!..
 «Да! люди средніе и меньшіе, водимы
 «Лишь вѣрою, что Богъ имъ учредилъ Царя
 «Въ исходъ отъ тяжкихъ бѣдъ; что Царь, лишь Имъ
судимый,
 «И зрить лишь на Него, народу судъ творя —
 «Ту вѣру далъ имъ я — самъ Божья откровенья
 «О ней исполняся въ дни слезъ и сокрушенья...
 «И сей священный огонь донинѣ не угасъ:

«Навѣки духомъ Русь съ царемъ своимъ слилась!
«Да! — царство ваше — трудъ свершенный Иоанномъ,
«Трудъ выстраданный имъ въ бореньи неустанномъ.
«И памятайте вы: все то, что строилъ онъ, —
«Онъ строилъ на вѣка! Гдѣ — взвелъ до половины,
«Гдѣ — указалъ пути... и трудъ былъ довершень
«Ужь подвигомъ Петра, умомъ Екатерины,
«И вашимъ вѣкомъ...

Да! мой день еще прійдетъ!

«Услышится, какъ взвель испуганный народъ,
«Когда возвѣщена Царя была кончина, —
«И сей народный вой надъ гробомъ властелина,
«Я вѣрую — въ вѣкахъ вотще не пропадетъ,
«И будетъ громче онъ, чѣмъ этотъ шипъ подземный
«Боярской клеветы и злобы иноземной...»

IV.

СТРѢЛЕЦКОЕ СКАЗАНИЕ О ЦАРЕВНѢ
СОФЬѢ АЛЕКСѢВНѢ.

Какъ за чаркой, за блинами
Потѣшались молодцы,
Надъ потѣшными полками
Похвалялся стрѣльцы!

«Гдѣ ужь вамъ, Преображенцы
Да Семеновцы, гдѣ вамъ,
Мелочь, Божіи младенцы,
Намъ перечить, старикамъ!

«Съ слободой своей Нѣмецкой,
«Да съ своимъ царемъ Петромъ,
«Мы, молю, весь приказъ стрѣлецкій,
«Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ!

«Всѣхъ — и самую царевну...»
Итъ, ужь тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну
Обойдешь да не возьмешь!

«Даромъ, что родилась дѣвкой —
Да иной разъ такъ пройметъ
Молодецкою издѣвкой,
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ

«Черной бровью соболиной —
Пропадай богатыри!
Умерь, право бѣ, за-едино,
Если бѣ молвила: умри!..

«Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ,
И ходили съ чернецами,
Въ царскій Кремль мы на соборъ —

«Бунтовское было дѣло!
Да вѣдь сладила! какъ разъ
Словомъ вышибить умѣла
Дурость всякую изъ насъ!

«Будемъ помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы;
Впереди несутъ иконы
Со свѣчами чернецы...

«Не сказали бѣ, такъ узнала бѣ
Вся Москва ихъ! старики!
Не на-отмашь, низко на лобъ
Надѣвали клобуки;

«Не развалисты въ походѣ,
А согбенные идутъ;
Не деруть, разиня глотки,
Тихимъ голосомъ поютъ;

«Лица постыя, худыя,
Вѣры точно что столпы!..
Ужъ не толстые, хмѣльные
Никоньянскіе попы!..

«Умиллся людъ московскій,
Повалилъ за ними, преть,
И на площади Кремлевской,
Что волна, забилъ народъ.

«А ужь тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждуть: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.

«Старцы свѣчи возжигали,
И евангеліе съ крестомъ
На амвоны полагали,
И царевнѣ бьютъ челомъ:

«Благовѣрная царевна!
«Солнце Русскія земли!
«Свѣтъ-Софія Алексѣевна,
«Государыня! вели,

«Чтобъ у насъ быть разсмотрѣнью
«Съ патріархомъ о дѣлахъ
«По церковному страснью
«И о Никоновыхъ лжахъ!

«Процвѣтала церковь наша,
«Аки райскій кринъ, полна
«Благодати, яко чаша
«Пресладчайшаго вина!

«Утверждалася на книгахъ,
«Ихъ же имемъ отъ мужей,
«Проводившихъ жизнь въ веригахъ
«И въ умертвіи страстей;

«Ихъ же чтеніемъ спасались
«Благовѣрные цари,
«И цвѣли, и украшались
«По Руси монастыри;

«Но реченный Никонъ волкомъ
«Вторгся въ оный вертоградъ,
«И своимъ безумнымъ толкомъ
«Ниспровергъ церковный ладъ!

«Аки римская блудница
«На драконѣ възсѣдя,
«Рекъ! «вѣсть Бога! (кровопійца!)
«—Азь есмь Богъ, и вся моя!»

«И святыя книги рушилъ»...
Ну, — и началъ все мутить...
Патріархъ ихъ слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить, —

«Да куда!.. изъ-за владыки,
Ну, выскакивать попы...
Брава пошла, мятежь и крики!
На дворъ — ревуть толпы,

«Вкругъ царевень — натерпѣлись
Ужь бѣдняжки! — мужики,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клубуки,

«Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькаютъ надъ главами
Палки, книги и кресты!..

«Ждетъ царевна не дождется,
Чтобъ затихли; то впередъ,
Словно лебедь, къ нимъ рванется,
Образумливать учнетъ.

«Замутили царствомъ бабы»,
Голосятъ кругомъ, — ахти!
«Государынямъ пора бы
«Въ монастырь давно идти!»

«Слыша то, и глянувъ гнѣвно,
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшись, царевна
Удалилась въ свой покой.

«Съ барабаннымъ вышелъ боемъ
Изъ Кремля мы: вдругъ приказъ,—
Чтобъ къ царевнинымъ покаямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.

«Ночью, съ фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо.
Такъ-то ласково-любовно
Обратила къ намъ лицо...

«Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то — низко, низко,
Вязъ изъ крупныхъ жемчужовъ...

«Если мы вамъ неуютны»,
Говорить — «весь царскій домъ,
«Мы объявимъ всенародно,
«Что изъ царства вонъ уйдемъ?»

«У Волоховъ иль Цесарцевъ, —
«Гдѣ-нибудь найдемъ пріютъ...
«Вы смѣняли насъ на старцевъ,
«Давнихъ сѣятелей смуть, —

«Пусть на нихъ падеть и царство!
«Но въ вину не ставьте намъ,
«Коль сосѣди государство
«Все растащутъ по клочкамъ.

«Коль Поляки съ ханомъ крымскимъ
«Русь подѣлятъ межъ собой:
«Поклоняйтесь папамъ римскимъ
«Басурманьтесь съ Татарвой!

«Мы въ церквахъ положимъ вклады,
«И поклонимся мощамъ,
«Да и съ Богомъ!..» Всей громадой
Пали мы къ ея ногамъ.

«Что ты, матушка, какое
«Слово молвишь», говоримъ; —
«Слово — самое пустое!
«Нешто мы того хотимъ!

«Знаемъ мы: безъ государей
«Каковы дѣла пойдутъ!
«Заѣдятъ народъ бояре
«Да въ латинство поведутъ!..

«Все тѣ старцы-лиходѣи!
«Чтобы пусто было имъ!
«Нешто мы архіереп?
«Что мы въ книгахъ разглядимъ?

«Ты ужь смплуйся, пожалуй,
«Хоть жалѣючи Земли!..
«А за грубость — насъ до малу
«Жестокò казнить вели!»

«Ждемъ: что скажетъ?.. И сказала:
— «Встаньте! вѣрныхъ Россіянъ
«Вижу въ васъ! Я такъ и знала!..
«Бойся жъ насъ ты, крымскій ханъ!..

«Пирь готовъ, а въ гости будемъ!..
Мы — «ура!» на весь народъ,
А она начальнымъ людямъ
«Выйти, — крикнула, — впередъ!

«И велить дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣнемъ разнымъ,
Соболями аль землей,

«А кого боярскимъ саномъ, —
«А для прочихъ молодцовъ»,
Говорить: «три дня быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!...»

«И была жь гульба въ столицѣ!
Будеть помнить царскій градъ!..
Чернецы жь сидятъ въ темницѣ,
И сидятъ, стрѣльцовъ корятъ:

«Такъ-то вѣру отстояли,
«Вы, стрѣлцкіе полки!
«Прогуляли, промѣняли
«На царвы кабаки!»

«Ладно, братцы! щи вамъ съ кашей!
Что, братъ, скажешь? хороша?..
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ, какъ есть, совсѣмъ душа!»

1867.

V.

КТО ОНЪ.

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ — рыбацья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Чолнъ осматривалъ дырявый
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: «здравствуй, дѣдь!»—
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
«Поздоровится тутъ, жди!»

Времена ужь не такія...
Жди, да у моря сиди.

«Вамъ вѣдь все ничто боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То жь что бабѣ веретѣна,
Али конь для сѣдока.

«Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходить въ мирѣ, ходитъ грѣхъ!

«Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!..
Лодка, вишь имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...

«Да, ужь стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ».

Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся;

Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходить,
Такъ и тычетъ долото —
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ что рѣшето.

— «Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладугу ступай,
Да закинуть сътъ на счастье
На Петрово попытай». —

«На Петрово! эго слово
Молвиль! — думаетъ рыбакъ —
Съ топоромъ гляди какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?»...

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ гѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку.
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

1868.

VI.

СКАЗАНИЕ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

въ преданіяхъ Сѣвернаго края.

Когда насъ еще на свѣтѣ не было,
 Да и дѣды дѣдовъ нашихъ еще не жили,
 И людей на свѣтѣ была малость мальская,
 Цари въ ту пору земли себѣ дѣлили;
 Въ ту ли пору было стародавнюю,
 Наше мѣсто было не завѣдомо
 Никакимъ царемъ, ни боярникомъ;
 Ни лихимъ человѣкомъ удалымъ;
 А въ лѣсу-то звѣря разводилося

^{*)} Разсказъ этотъ представленъ здѣсь почти безъ намѣненій, какъ онъ записанъ Е. В. Барсовымъ въ Онежскомъ краѣ и напечатанъ между многихъ другихъ, въ «Бесѣдѣ», подъ общимъ названіемъ «Петръ Великій въ преданіяхъ Сѣвернаго края». Онъ записанъ собирателемъ со словъ разсказчика прозой; но и въ этой прозѣ сами собой сквозятъ стихи; я пытался только возстановить ихъ, почти нигдѣ ничего не прибавляя отъ себя. Петръ, повелѣвающій стихіями — это такой колоссальный образъ Великаго Государя, а описаніе бури и потопленія швейскихъ лодокъ — такая живая, сжатая и вѣрная природѣ картина, что было бы жаль, если бъ эти красоты народнаго творчества прошли незамѣтно въ исторіи нашей поэзіи.

Что ни кустъ — лисица со кунцею,
Что ни пень — медвѣдь со волчищемъ;
А и рыбы въ рѣкахъ наплодилось,
Хоть рукой имай, аль корцомъ черпай.

Полюбилось наше мѣсто вольное,
Полюбилось оно Царю Свейскому;
Запримѣтилъ тоже Пѣтра, русскій Царь,
Что ручьи у насъ глубокіе,
Рѣки долгія, широкія,
А морямъ — и нѣтъ конца!
Снарядился самъ на поиски
На своей ли лодкѣ изукрашенной,
Серебромъ ли пораскладенной,
Золотымъ рулемъ приправленной,
Самъ съ бояры и вельможами.
Царь же Свейскій заспѣсивѣлся,
Не поѣхалъ самъ, послалъ начальниковъ
Во полонъ забрать всю воду съ рыбою,
И лѣса со звѣремъ всякинмъ,
Чтобъ владѣти ему по вѣки.

Какъ по морю, морю Ладожску
Ѣдетъ — катитъ Пѣтра-царь на поиски;
Самъ сидитъ въ кормѣ на лодочкѣ,

Золотымъ рулемъ поворачиваетъ,—
Анъ на встрѣчу супостать ему,
Въ лодкахъ писанныхъ, узорчатыхъ,
Съ шелковой покрывкой алою.

Не ясень-соколы налетѣлъ на лебедь бѣлую,
И не лебедь смутилъ воду синюю:
То летятъ, воду рябятъ — лодки свейскія,
На цареву лодку крѣпкую;
Съ шумомъ, свистомъ прорываючись,
Въ мелкій черень искрошитъ хотятъ.

Не стерпѣлъ тутъ Пётра, понасунился,
Очи ясныя поразсвѣтились,
И румянецъ сталъ во всю щеку —
Да какъ крикнетъ онъ вельможамъ-боярамъ:
«Поубавимъ списи Царю Свейскому!
«Силою что ль сгубить его начальниковъ?
«Аль пустить съ бѣлымъ-валомъ пучнистымъ?»
И промолвили вельможи-бояры:
«Не по чѣмъ намъ, Царь, грѣха брать на душу,
«Души грѣшныя ихъ, некрещеныя,
«Все же души человѣческія —
«Пусть умрутъ отъ вѣтра — сивера,
«Отъ валовъ умрутъ разсыпчатыхъ!»

Какъ промолвили вельможи-бѣяры,
Отъ ремня, съ груди, отвязываль,
Царь взялъ въ руки золотой рожокъ,
Протрубилъ на всѣ четыре стороны...
Разносился голосъ по темнымъ водамъ —
Становилася вдругъ темень Божія,
Собирались вѣтры въ тучу густую,
Расходились воды ярыя:
Валь вала встаетъ, подталкиваетъ,
Вѣтры гребни имъ подтягиваютъ;
Налетѣлъ вѣтеръ на лодки свейскія,
Посрываетъ покровы алые,
Побросалъ далеко по морю;
Нагнала тутъ ихъ вода ярая:
Валь живой горой идетъ-тянется,
Бѣлымъ гребнемъ отливается;
Подошелъ тутъ первый валь: онъ приподнялъ,
Стоймя приподнялъ онъ лодки свейскія;
Налетѣлъ второй валь: принакренилъ ихъ;
А и третій: онъ ужъ тутъ какъ тутъ,
Захлестнулъ навѣкъ начальниковъ...
Раствупилася вода на-двое,
Ушли камнемъ въ топь глубокую
Души грѣшныя, некрещеныя...

VII.

ЛОМОНОСОВЪ.

Вь печали невская столица;
Въ церквахъ унылый перезвонъ;
Всѣ въ черномъ: царскій домъ, царица,
Синодъ, севать. Со всѣхъ сторонъ

Чины отъ арміи и флота
Слѣшать въ соборъ; войска, народъ,
Во всѣхъ — испугъ, у всѣхъ забота:
Велкій въ мірѣ недочетъ!

Іерей, — смотря на ликъ безмолвный,
Но и во гробѣ, какъ живой,
Несокрушимой мысли полный, —
Отъ слезъ не властенъ надъ собой.

«О чемъ мы плачемъ? что мы стонемъ?
Что, Россіяне, мы творимъ?
Петра Великаго хоронимъ!
И что хоронимъ въ Цемъ и съ Нимъ...»

«Вѣдь въ бытіе Онъ насъ, Великій,
Воздвигъ изъ тьмы небытія!..»
И вопли безъ конца и клики:
«Теперь что жъ будетъ — безъ Тебя!»

Въ честь Императора раздался
Послѣдній пушечный салютъ, —
Свершилось, — но въ сердцахъ остался
Вопросъ: чему же быть?.. Всѣ ждуть...

* * *

Какъ будто послѣ бурной тучи
Осталась вся теперь страна,
Владыки мыслію могучей
Какъ молніей избражена.

Вездѣ глубокія основы
И жизни новые пути —
И — нѣтъ Вождя! и мракъ суровый,
И неизвѣстность впереди!

Одинъ Онъ — кормчій былъ, который
Куда вести корабль свой зналъ,
Одинъ увѣренные взоры
Вдаль, въ безпредѣльность устремлялъ —

Отъ Зундскихъ водъ до Гималая,
Съ Невы — на Тихій океанъ...
Иль это все — мечта пустая,
И честолюбія обманъ?

И все, что насаждалъ Онъ — стинеть?
Труды, ученье, кровь и потъ —
Пройдутъ вотще, и слава минеть,
И въ прежній мракъ все отойдетъ?

А главари межъ тѣмъ престоломъ
Уже играть пошли, служа
Своимъ лишь видамъ и крамоламъ,
И царскимъ дѣломъ небрежа!..

Лишь пришлецы, которыхъ знанье
Царь покупалъ «на сѣмсна»,
Торжествовали въ упованьѣ,
Что ихъ отнынѣ вся страна!

И, пробраясь ловко къ цѣли,
Они надъ Русскою землею
На ступеняхъ престола сѣли,
Какъ надъ забранною страной;

И средь смятенія и страха,
Средь казней, пытокъ и опалъ,
Ужь руку къ бармамъ Мономаха
Курляндскій конюхъ простиралъ.

* * *

Но не вотще отъ Бога геній
Ниспосылается въ народъ.
Опять къ нему своихъ велѣній
Истолкователя Онъ шлетъ.

Въ странѣ угрюмой и суровой,
Гдѣ, отливаясь на снѣгахъ,
По долгимъ зимамъ блескъ багровый
Колышется на небесахъ;

Гдѣ горы льдовъ вздымають волны,
Гдѣ все — лѣсовъ и неба ширь, —
Величьемъ дѣль Господнихъ полны,
Встаетъ избранный богатырь:

никъ, могучъ какъ та природа
— какъ одно изъ тѣхъ чудесъ, —
даетъ для русскаго народа
чуждымъ посланцемъ съ небесъ...

дивный мужъ!.. Съ челомъ открытымъ,
орлинымъ взглядомъ, какъ глѣдѣль
ономъ морѣ Ледовитомъ
чудеса Господнихъ дѣлъ, —

духой осіянь и рвеньемъ
величью родины горя,
и явля ты — осуществленьемъ
дѣла Великаго Царя!

Обою ревностью согрѣтый,
духъ русскій съ тобой:
лучшихъ дѣлъ Елизаветы
дѣла животворною душой,

и далъ пѣвца Екатеринѣ,
дѣло жилъ въ ея орлахъ,
отблескъ твой горитъ и нынѣ
въ лучшихъ русскихъ именахъ!..

1865, 1882.

VIII.

МЕНУЭТЪ.

(Разсказъ стараго бригадира).

Да-съ, видалъ я менуэтець —
Ого-го-го!.. посланъ былъ
Въ Петербургъ я разъ — пакетець
Къ Государынѣ возилъ...

Ну — дворець — само собою
Ужь Армидины сады!
И гирляндю цвѣтною
Колыхаются рады.

Только спросишь: въ этой парѣ
Кто, скажите? — Назовутъ —
И стоишь ты какъ въ угарѣ!
Вмѣсто музыки-то тутъ

Взрывы слышишь, бой трескучій,
Пушки залпами память,
И отъ брандеровъ подь тучи
Флоты цѣлые летять!

Спросишь, напримѣръ, — кто это?
«Графъ Орловъ-Чесменскій». — Онъ?...
Ну-съ, а тамъ? — «Суворовъ». — Свѣта
Преставленья! чисто сонъ!

А съ Самой — позвольте — кто же?
— «Князь Таврическій» — горить
Въ брилліантахъ весь и — Боже!
Что за поступь! что за видъ!

Скажешь: духи бурь и грома,
Потрясающіе міръ,
Всѣ, въ урочный часъ, здѣсь, дома
Собираются на пиръ.

И вступая въ домъ къ царицѣ,
Волшебствомъ какимъ-то, тутъ
Вдругъ изящной вереницей
Кавалеровъ предстають,

Передъ Ней склоняютъ вы,
А Она лишь, какъ живой
Образъ—такъ сказать—Россiи,
И видна надъ всей толпой.

1875.

IX.

СКАЗАНИЕ О 1812 ГОДѢ.

геръ гонить отъ востока
всемъ снѣжныя мятели...
ой пѣснью злая выюга
ивается въ пустынь...
безлюдному простору,
чь ночлега, безъ привала,
но сонмъ тѣней, проходятъ
вной арміи остатки,
ря и гренадеры,
о окутанъ дамской шалью,
о церковною завѣсой,—
въ сугробахъ снѣжныхъ вязнуть,
скользять, въ разбродъ взбѣраясь
подъемъ оледенѣлый...
ѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
шки брошены, лафеты;

Свѣтъ заносить трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженные добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...

Гдѣ жь вы, пышныя мечтанья!
Гордый замысль!.. надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..

И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
видитъ—какъ въ приѣмномъ залѣ—
Не за долго до похода—
Въ Тюльери, стоитъ онъ, гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, всплывши, Императоръ—
«Князь, вы видите»—воскликнулъ—
«Мнѣ никто во всей Европѣ
«Не дерзаетъ поперечить:
«Императоръ вашъ—на что же
«Онъ надѣется—на что же?»
«Государь!» въ отвѣтъ посланникъ.
«Взять въ расчетъ вы позабыли,
«Что за Русскимъ государемъ
«Русскій весь стоитъ народъ!»

Онъ тогда расхохотался,—
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...

И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ ..

Вспомнилъ онъ дворець Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. и днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ неслышимыхъ...
Справа, слѣва—ихъ миліоны
Тамъ въ лѣсахъ... «Такъ вотъ что значить—
«Весь народъ!...»

И безнадежно

Вдаль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

1876.

X.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ.

(Посвящается западно-русскимъ братствамъ).

Великолѣпные костелы,
Гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь,
И раззолоченный, тяжелый,
Огнями залитый алтарь.

Паны колѣнопреклоненны,
Ксендзъ, потрясающій крестомъ,
Вонять въ молитвѣ изступленной:
«Да грянетъ Богъ своимъ судомъ!

«Да окрылить на бой ихъ рати
Противъ московскихъ мужиковъ,
Что въ сонмы европейской знати
Взошли по лѣстницѣ чиновъ!

«Да снова Рѣчи Посполитой
Онъ дастъ имъ гордыя права,—
И не смутить ужъ хлопъ забитый
Пановъ веселыхъ торжества!..»

А тамъ, вдали, другіе храмы—
Лачуги съ погнутымъ крестомъ!
Тамъ *хлопы* молятся, тамъ—*хамы*,
Съ ихъ *подлымъ* русскимъ языкомъ!

Тамъ—гниль и ветошь! мракъ и сыро!
И причащается тамъ хлопъ
Изъ оловяннаго потира,
И въ крашенинной ризѣ попь!

По духомъ церкви первобытной
Все дышитъ въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ,
И также бродитъ ненасытный,
Вкругъ этихъ стѣнъ, всконный врагъ;

И эти вѣрные, всечасно
Дрожа за ветхій свой алтарь,
О томъ лишь молятъ, молятъ страстно—
Чтобъ вспомнилъ ихъ и Русскій царь,

И русскій людъ, передъ которымъ
отще слеза не пролита,
который, подъ земнымъ позоромъ,
въ убогомъ нищемъ—чтитъ Христа...

1863.

XI.

КНЯЗЮ ДРУЦКОМУ-ЛЮБЕЦКОМУ.

Литовскихъ смуть печальныя картины,
Исторія, въ скрижаль свою внося,
Давно ждала, чтобъ въ этотъ мракъ—единный
Правдивый лучъ сознанья пролился.
Давно ждала, что вотъ на сеймѣ шумномъ,
Тамъ, гдѣ-нибудь, на берегахъ Днѣпра,
Какъ свѣтлый вождь предъ сонмищемъ безумнымъ,
Подыметъ мужъ правды и добра,
И скажетъ онъ: «Высокое собранье!
«Чины Литвы и Руси! полно вамъ
«Метаться вѣкъ безъ цѣли и призванья,
«Какъ съ дерева оборваннымъ листамъ!
«Очнемтеся, проснемся, вспомнимъ—кто мы?
«Гдѣ начались, откуда истекли
«Дворянскіе и княжескіе дома,
«Которыхъ гербъ и честь къ намъ перешли?»

И! къ кому ни протяну я руки,
на кого очей ни вскнну я—
и Рюрика, все Гедимина внуки,
литовскіе и русскіе князья!
и Гедимира потомки, Ярослава,
и потомки тѣхъ князей и ихъ дружинъ,
и конехъ Руси зачалася слава,
и понеслась на Бельтъ и на Эвксинъ!
и какими же свершилося судьбами,
и стыдно намъ назваться ихъ дѣтьми,
и стали мы всему тому врагами,
и чѣмъ они ложилися костью?..
и горше въ печальной нашей долѣ —
и что она смѣшнѣй все каждый часъ..
и чѣмъ все то содѣялося волѣ?
и русскій духъ чѣмъ извратило въ насъ?..

и можно сказать!.. Тутъ Полька замѣшалась!
и о бѣ ни што литовско-польскій бракъ —
и пани-то ксендзами вдохновлялась,
и мужа — хлопъ сейчасъ же подъ башмакъ!
и сла она, хотя и богомольна,
и демонски въ мазуркѣ хороша!
и чѣмъ хороша, что вздумать даже больно,

«Что между тѣмъ, какъ вся ея душа
«Горитъ огнемъ, и станъ крутится гибкій,
«Чело впередъ, и каблучекъ стучить —
«Мазурку-то, смѣяся безъ улыбки,
«Наигрывалъ ей римскій езуитъ!
«Мы понеслись, прельстившись шумнымъ танцемъ,
«И какъ, ужъ самъ не вѣдая того,
«Вдругъ русскій князь врагомъ и иностранцемъ
«Сталъ посреди народа своего!..

«Межъ тѣмъ отъ бурь татарскаго погрома
«Очнулась и поднялась Москва,
«Гдѣ вся-то Русь была уже какъ дома —
«Подоль, Волянъ, и Галичъ, и Литва —
«Да, да, Литва — съ своей Еленой Глинской
«И тысячами искавшихъ крова тамъ
«Отъ папешства и униі латинской,
«Чтобъ дѣдовскимъ быть вѣрну алтарямъ!
«Народъ къ Москвѣ примкнулъ, не думавъ дальше,
«А мы, князья, вождей его синклить,
«Все носимся въ мазуркѣ, что для Польши
«Безъ устали играетъ езуитъ,
«И скрипкою ведетъ своей бѣсовской
«Все дальше насъ и отъ семьи Славянъ,

ть родныхъ святинь земли отцовской,
исконнымъ ихъ врагамъ, изъ стана въ стант!..
тъ, бѣги кто хочеть за вампиромъ!
тъ коренной, природный русскій князь,
тъ предками теперь, предъ цѣлымъ міромъ,
обновляю порванную связь;
тъ Польшею и Римомъ узы рушу;
тъ блудный сынъ, вернувшись въ отчій домъ.
народомъ жить хочу въ едину душу,
тъ своимъ въ краю своемъ родномъ!..»

ово, князь, такъ поздно, только нынѣ,
усть твоихъ по Руси разнеслось...
й-то Богъ, чтобы не какъ въ пустынѣ
въ сердцахъ заблудшихъ раздалось!
гнеть рознь въ семьѣ единородной,
ужно Русь, свободна и свѣтла,
еть свершать свой подвигъ всенародно,
знаменемъ двуглаваго орла!

XII.

М. Н. КАТКОВУ.

1.

Мы — Москвичи! что дѣлать, милый другъ!
Кинь насъ судьба на сѣверъ или на югъ,—
У насъ вездѣ, со всей своею славой,
Въ душѣ — Москва и Кремль золотоголвыи;
Въ насъ заповѣдь великая жива,
И вѣра въ насъ досель не извелася,
На коихъ древле создалася Москва,
И чрезъ нее — Россія создалася.
Тамъ у гробовъ іерарховъ и царей,
Памѣтившихъ великія сїи цѣли,
Онѣ виднѣи, и ты поймешь яснѣи,
Куда идти, — и какъ мы шли доселѣ,
И отчего, во дни народныхъ бѣдъ,
И внѣшнихъ бурь, и всякаго шатанья,
Для всей Руси, какъ дѣдовскій завѣтъ,

Родной Москвы звучало увѣщанье.
Крани жь его, отцовъ завѣтъ святой,
Какъ Ермогенъ въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ сырой, —
И въ жизни путь всегда увидишь правый,
И посрамишь всякъ умыселъ лихой,
Всякъ вражій ковь и всякъ соблазнъ лукавый.

1867.

2.

Что можетъ міру дать Востокъ?
Гольшишь, — а о насущномъ хлѣбѣ
Съ презрѣньемъ умствуешь пророкъ
«Душой витающій на небѣ!..»
Такъ гордый Римлянинъ судилъ
И — палъ предъ рубищемъ Мессіи...
Не то же ль искони твердилъ
И гордый Западъ, о Россіи?..
Она же вѣруеть, что нѣсть
Спасенья въ пурпурѣ и златѣ,
А въ тѣхъ немногихъ, въ коихъ есть
Еще остатокъ благодати...

1837.

XIII.

Ө. И. ТЮТЧЕВУ.

Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы
Стоять передъ тобой своей идеи полны,
Какъ вдругъ застывшія въ разбѣгѣ бурномъ волны,
Какъ въ самый жаркій мигъ отчаянной борьбы
Окаменѣвшіе атлеты...

Ты видишь ихъ насквозь, ихъ тайну ты постигъ,
И ясенъ для тебя и настоящій мигъ,
И тайныя грядущаго обѣты...

Но грустно зрячему бродить между слѣпыхъ,
«*Поймите лишь* — твердитъ — и будетъ вамъ прозрѣнье!
«*Поймите лишь* какихъ носители вы силъ, —
И путь освѣтится, и всѣ падутъ сомнѣнья,
И дастся вамъ самѸ, что жребій намъ судилъ!»

1874.

XIV.

КАЗАКЪ.

(Дѣтямъ —мъ).

Самобытное созданье
Русской вольной старины,
Земли, царства покорявший
За царя родной страны,

Ты откуда путь свой держишь?
Пролетѣль, припавъ къ лугѣ,
На худомъ, но на бѣдовомъ,
На степномъ своемъ конькѣ?

Отъ студеной ли Торнеи,
Гдѣ всю зиму солнца нѣтъ,
Гдѣ поглядываль ты зорко,
Какъ ведетъ себя тамъ шведь?

Иль отъ Нѣмана и Вислы,—
Чай, повѣдаешь, что тамъ
Все пока благополучно,
Но дремать не надо намъ?

Иль отъ Чернаго ты моря
Гдѣ, развѣздъ держа, свой взглядъ
Устремляль не разъ ты жадно,
Черезъ море, на Царьградъ?

Отъ Востока ль, гдѣ народы
На тебя, богатыря,
Какъ на вѣстника взирали
Воли Бѣлаго Царя,

Ты летишь сказать, что новый
О подданствѣ просить край?
Что съ казацкаго пикета
Быль ужь виденъ Гималай?

Иль ужь годы отслужилъ ты,
И на родину твой путь?..
То-то встрѣча будетъ, спросы,
Не дадутъ и отдохнуть!

Тамъ въ кругу своихъ заседашь,
Въ долгу ночь у огонька,
Какъ и пращуръ твой, быть можетъ,
Другъ-сподвижникъ Ермака:

Тотъ же духомъ, тотъ же вѣрой,
Новизнами не смущень,
Вѣдь какимъ ушелъ ты съ Дона,
И прійдешь на тихій Донъ!

И тебя, тѣсяся, будутъ
Слушать дѣтки до зари,
И потомъ такіе жъ выйдутъ
Какъ и ты — богатыри!

1869.

XV.

ВЪ АЙЯ-СОФІИ.

Господи! что тамъ за шумъ? что за люди? Какое смятенье?
Храмъ весь, алтарь, оба клироса, хоры — все полно
народомъ!

Крики... стenanья... Волной непрерывной толпа
прибываетъ...

Женщины, дѣти... лохмотья и бархатъ, расшитый орлами...
Въ затканной золотомъ тогѣ — старикъ — голова безъ
покрова —

Очи на выкатъ — бѣжить озираясь и за руку тащить
Внука-малютку — другой ему крѣпко сжалъ шею...

Вонь — быстро

Слуги царицу въ носилкахъ проносятъ... Вотъ юноша-воинъ:
Шлемъ опрокинуть — густою волной изъ-подъ шлема
разсыпались кудри —

Взоры блуждаютъ. — «Пустите», кричить онъ несущимъ,
кровью

Облиты латы, и кровь изъ-подъ нихъ такъ и льется на
мраморь...

Въ окна, въ раскрытыя двери весь храмъ наполняется
дымомъ —

предъ иконами тускнеть сіянье — и крики и
 стоны —
 и извнѣ — все слилось съ возрастающимъ грохотомъ
 пушекъ...
 «Ворвались! ворвались!.. Императоръ убить!» отдается
 шепчущимъ гулъ однимъ потрясающимъ зданіе визгомъ!
 облитые войны въ храмъ отступаютъ сражаясь:
 «Закладывать! Турки за нами!..» Захлопнулись
 двери.
 «Тараны стучать: вся толпа на мгновенье
 стихаетъ,
 у алтарю воздѣваютъ съ молитвеннымъ возгласомъ
 руки —
 и идетъ литургія: діаконъ, іерей съ довластой
 и шеей выходитъ народъ причастить Святыхъ Тайнъ...
 Мгновенье —
 и двери — и въ бѣлыхъ чалмахъ янычары — ужь
 всюду —
 направо, налево, на хорахъ — и валятся трупы
 и съ галерей, сюда внизъ, въ эту общую свалку...
 и горы
 въ растуть... «Сторонись! убирайте тѣла! очищайте
 дорогу —
 падишахъ!» возглашаетъ проворно вбѣгающій евнухъ:
 «и швыряютъ тѣла къ сторонамъ, очищая средину;

XVI.

ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ.

«По мѣстамъ! по мѣстамъ!» грозный окликъ идетъ...

Поднялся старый нашъ воевода,
Поднялся и надъ Русью летить и зоветь,
И всѣ чуютъ — идетъ, знать, невзгода!

«По мѣстамъ! по мѣстамъ!» воевода зоветь —

«Всякъ радѣй Государеву дѣлу —
«Вѣру твердо держи, совѣсть чисту и бѣлу,
«Ибо часъ настаеть, настаеть!..

«Врагъ могучъ и хитерь: по мѣстамъ, по мѣстамъ!

«И на сторожѣ око и ухо:

«Бой повсюду пойдетъ, по землѣ, по морямъ,

«И въ невидимой области духа».

XVII.

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1877—1878 ГОДА.

1.

Опять горить Востокъ! Опять и кровь, и стонъ,
Спаленныя поля, насилье, смерть, проклятья!
Опять — блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
Ко братьямъ о Христѣ молящія объятъ!

Европа на сей разъ внимаетъ ихъ мольбамъ...
Но взоры ихъ слѣдятъ за дальнею Россіей,
Тамъ — Царь-помазанникъ! стратигъ Востока — тамъ!
Туда указано, предъ смертью, Византіей...

И знаетъ это Русь... и долгъ свой приняла —
И былъ онъ для нея, что свѣтъ для морехода;
И мысль великая въ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей, и въ чаяньяхъ народа...

Ужъ близокъ Николаи у цѣли былъ... Но Богъ
 Еще отерочилъ день... Настала ли година?
 Чего могучіи духъ отца свершить не могъ,
 Не суждено ль свершить, быть можетъ, сердцу сына?

2.

КЪ КАРТИНЪ АЙВАЗОВСКАГО.

Воздушный этотъ крестъ — ты понялъ — онъ всегда
 Съ таинственныхъ высотъ всегда сіялъ надъ нами!..

Онъ шелъ предъ нашими полками,
 Какъ Виселемская звѣзда
 Въ чудесную ту ночь, предъ тѣми пастухами,
 Что первые привѣтствовать пришли
 Благою вѣсть любви и мира на земли...

Онъ велъ насъ за Дунай, въ трудахъ во дни и ночи,
 На высоты Балканъ, гоня предъ нами тьму...
 И падшихъ, съ поля битвы, тускнѣющія очи
 Съ послѣднею мольбой стремился къ нему...

Сіялъ онъ — надъ простымъ, походнымъ лазаретомъ,
 Въ сердца тѣхъ чудныхъ женъ, что бросивъ домъ и кровъ.

и покой, — простился со свѣтомъ
 сблизь въ трудѣ — святѣйшемъ пзъ трудовъ...

вождь нашъ искони; и имъ лишь предводима,
 твоя его сіянье надъ собой,
 божье воинство, съ безтрепетной душой,
 съ начала лѣтъ поднесъ непобѣдима.

XVIII.

НА 25-ЛѢТІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА 19 ФЕВРАЛЯ 1880 Г.

Когда въ разрывѣ бурныхъ тучъ
За пролетѣвшимъ ураганомъ
Блеснетъ внезапно солнца лучъ
По залитымъ водой полянамъ,
По бурей взломаннымъ лѣсамъ, —
А вокругъ по сушѣ и морямъ
Гремятъ раскаты громовые,
И тучи новыя кругомъ, —
Такой явилася Россія
Предъ молодымъ своимъ Царемъ —
И Онъ, еще сжимая руку
Похолодѣвшую отца,
Взглянулъ кругомъ — какую муку
Тутъ испыталъ Онъ... безъ конца
Казались бѣды и напасти,
Но въ Бога и народъ Свой Онъ

еликой вѣрой укрѣплень
окорно принявъ бремя власти...

двадцать пять минуло лѣтъ —
ады Русью новый свѣтитъ свѣтъ,
съ затаенными громами
се тѣ же тучи, тьмы за тьмами,
обволокли со всѣхъ сторонъ —
нашъ прояснѣвшій небосклонъ.
не пойметъ нашъ взоръ смущенный,
бѣда наша Русь для нихъ страшна?
и сила въ мірѣ — насъ мильоны —
о эта сила — въ чемъ она?
смотрите: вотъ алтарь походный;
алтарь передъ нимъ; полки кругомъ,
идеть конца толпѣ народной.
мигъ! — предъ поднятымъ крестомъ
вращенный шелестъ пробѣгаетъ,
клонились долу знамена,
Царь колѣно преклоняетъ
все за нимъ — бѣжить волна
о все людское это море!..
дна молитва въ каждомъ взорѣ,
дна у всѣхъ звучитъ струна,
дно роднитъ всѣхъ умиленье,

Одинъ у всѣхъ источникъ слезъ,
Одинъ въ сердцахъ у всѣхъ — смиренья
Примѣръ подавшій намъ Христосъ!

Мы сильны — лишь борясь съ ложью,
Въ дѣяньи чуя правду Божью,
Христа миротворящій духъ.
И полонъ имъ, Царь молвить слово:
«Да разрѣшится узы!» — вдругъ
Спадають узы. Молвить снова:
«Тамъ страждетъ братъ нашъ о Христѣ...»
И Русь идетъ, и какъ вожатый
Ей все предносится Распятый,
Насъ искупившій на крестѣ.

Ты, Государь, съ Твоимъ народомъ
Одна душа! Господь продли
Твой вѣкъ земной, да съ каждымъ годомъ
Крѣпчаетъ мощь родной земли!
Да просвѣтляется въ сознаньи
И въ заблудившихся умахъ
То, что святится какъ преданье,
Какъ долгъ, какъ Божье указанье
По всей Руси, во всѣхъ сердцахъ!

. XIX.

КАНТАТА,

Снявшаяся на парадномъ обѣдѣ въ день вѣнчанія
на Царство

В. Государя Императора Александра Александровича.

Мала ключика студѣна потекла рѣка;
Съ невелика зачиналась каменная Москва,
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,
По темнымъ лѣсамъ кабана ловить,
Въ тихихъ заводяхъ лебедей стрѣлять.

Гой, не туча въ синемъ небѣ разстиляется:
Валъ татары, валъ за валомъ, по Руси валятъ...
Не видать въ дыму красна солнышка,
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли,
Гдѣ не бьютъ людей, гонять полоны...

Половяннички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:

«Изъ которой веси ты, какого города?»

«Я изъ Кіева — изъ Чернигова —

Я изъ Суздаля — изъ Владиміра —
Ты прости навѣкъ, миль родимый градъ!»

Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!
Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?..

Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ которы,
Гдѣ ни глянь кругомъ — темна ночь лежить,
Темна ночь лежить, непроглядная...

* * *

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ;

То зажглась свѣча
Воску яраго
Въ каменной Москвѣ;

Зажигаль ее
Тамъ святитель Петръ
Да Московскій князь...

Запримѣтили
Люди русскіе
Съ далека ее;

Ободрился,
На нее глядят,
Богу молятся...

А она горитъ,
Разгорается,
Свѣтитъ всей Руси;

А Московскій князь
Возвышается,
Думу думаетъ...

Думу думаетъ,
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

* * *

Часъ ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ!
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія
Золота-Орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула.
Пронеслися тучи черныя,

Вышло солнце из-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки,
А въ палатѣ узорочатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ Московскій князь,
Самодержецъ всея Русіи,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженкой растоптана
Басма ханская тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

* * *

Ужь какъ изъ лѣса, лѣса темнаго
Богатырь выѣзжалъ въ поле чистое,
Въ полѣ чистое, во великій свѣтъ.
Погулять ему бѣ, да потѣшиться,
Силой-удалью похвалиться..
Да какъ вышелъ онъ во великій свѣтъ,
Увидали его люди Божіи
Ото всей страны, отъ восточныя,
И взмолился, громко плачутся:
«Одольли насъ силы темныя!
Церкви Божьи у насъ всѣ поруганы,

Наши царства всѣ ниспровергнуты,
Царство Сербское и Иверское,
И Болгарское, и великъ-престоль
Константинова Царя-города!
Ты для всѣхъ теперь для восточныхъ странъ
Что звѣзда взошла Виелеемская,
Во своей святой каменной Москвѣ!
Возлюбилъ тебя и избралъ Господь —
Повязать тебѣ Константиновъ мечъ
И вѣнчаться вѣнцомъ Мономаховымъ.
Спряхъ быть тебѣ да защитникомъ,
Поплѣненныхъ быть избавителемъ,
Вѣры правыя быть поборникомъ!
О Москвѣ жъ твоей се пророчество:
«Пали два Рима — третій стоитъ, —
А четвертому не быть».

* * *

Мнѣ лп, Господи,
Мнѣ ль по силамъ Ты
Тяжкій крестъ даешь!
Недостойнъ есмь
Твоя любви!
Развѣ Ты мнѣ дашь

Силу крѣпкую...
Умудришь меня
Своей мудростью...
Я какъ вѣрный рабъ
Предаюсь Тебѣ,
И готовъ въ огонь
И во всяку скорбь,
Ибо дорогъ мнѣ
Не земной почетъ,
А Христовъ вѣнецъ.

* * *

По Руси пошелъ стукъ и громъ большой,
Чтобъ сковать себѣ броню крѣпкую,
Броню крѣпкую — не себѣ одной,
А что есть людей межъ пяти морей,
Чтобы жить имъ всѣмъ за одну семью,
За одну семью, подъ однимъ Вождемъ,
Правды Божеской только ищучи
И за ближняго не жалѣючи
Во спасеніе сложить голову,
Ибо выше нѣтъ какъ сія любовь...
Ради славы той потрудилися

Всѣ Цари ея благовѣрные
И всѣ предки Твои, Царь Возлюбленный,
Днесъ на царствіе намъ помазанный,
Добродѣтели изукрашенный,
Божьей милостью намъ дарованный,

* * *

И гряди жь въ ихъ путь, Православный Царь!
И великимъ Твоимъ Царскимъ дѣланьемъ
И смиреньемъ Твоимъ передъ Господомъ,
О Тебѣ сердца Твоихъ подданныхъ
Да возрадуются!
И пройдетъ Твоя далеко во людихъ
Слава!

* * *

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю Нашему на сей землѣ — слава!
Государынѣ Супругѣ Его — слава!
Государю Наслѣднику Его — слава!
Всему Царскому Дому Его — слава!
И всему народу Его — слава!
Его вѣрнымъ слугамъ — слава!
Именитымъ гостямъ Его — слава!

Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла — слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ — слава!
Старымъ людямъ на утѣшенье,
Добрымъ людямъ на услышанье — слава!
Слава во вѣки вѣковъ — слава!

1888.

XX. -

Въ день Вѣнчанія на Царство

ГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Государя Императора Александра Александровича.

Въ встрѣченъ при вѣздѣ въ Москву...
мъ внезапно, къ народу въ вѣнцѣ выходя, осіянь...
влстѣльшій въ окошко въ соборъ,
о надъ НИМЪ, на престолѣ стоящимъ, кружить..
въ нашъ умъ видѣтъ знаменье свыше во всемъ:
— гнѣву ль Господню конецъ?
— Божественный свѣтъ озаряющій путь?
— Святаго и Животворящаго Духа покровъ?
преддверье грядущаго вѣка для насъ?

. XXI.

НА СОБЫТИЕ 17-го ОКТЯБРЯ.

Не намъ — что наше вдохновенье!
Не намъ тутъ говорить, не намъ!
Что значить пташки малой пѣнье,
Небеснымъ вторящей громамъ!

Туть — ураганы! Туть — стихіи!
Туть подняты, туть взмущены
Сердецъ народныхъ всей Россіи
Заповѣдныя глубины!

Предъ ней, предъ всею стомиллионной, —
Одно изъ Божіихъ чудесъ:
Стремится, славой окруженный,
Сонмъ Божіихъ ангеловъ съ небесъ,

И, средь крушенья массъ желѣзныхъ,
Хранить Царя, Его Семью;
И Самъ Господь съ высотъ надзвѣздныхъ
Простеръ надъ Ними длань Свою...

И зримъ — отъ хладной Полуночи
До Гималая образъ сей,
И упиваются имъ очи,
И слезы льются изъ очей...

1888.

XXII.

НА СПАСЕНИЕ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА
ВЪ ЯПОНІИ.

Царственный Юноша, дважды спасенный!
Явленъ двукратно Руси умиленной
Божія Промысла щитъ надъ Тобой!
Вихремъ промчалася вѣсть громовая,
Скрытое пламя въ сердцахъ подымая
Въ общемъ порывѣ къ молитвѣ святой.
Съ этой молитвой — всей Русской землей,
Всѣми сердцами Ты глубже усвоенъ...
Шествуй же въ путь свой и бодръ, и спокоенъ,
Чистъ передъ Богомъ и свѣтелъ душой.

1891.

XXIII.

ЗАВѢТЬ СТАРИНЫ.

Снилось мнѣ: по всей Россіи
Свѣтлый праздникъ — древній храмъ —
Звонъ, служенье литургіи,
Блескъ свѣчей и ошміамъ,—

На амвонѣ жь, въ ошміамѣ
Точно въ облакѣ, стоитъ
Старцевъ сонмъ, и намъ, во храмѣ
Преклоненнымъ, говоритъ:

«Труденъ въ мірѣ, Русь родная,
Былъ твой путь; но дни пришли —
И, въ свой новый вѣкъ вступая,
Ты у Господа моли,

«Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
То, что въ годы бѣдъ народныхъ,
Осѣнивъ тебя, спасло;

«Чтобы ты была готова, —
Сердце чисто, духъ великъ, —
Стать на Суднице Христово
Всѣмъ народомъ каждый мигъ;

«Чтобъ въ вождяхъ своихъ сіяя
Силъ духовныхъ полнотой,
Богоносца святая,
Миръ вела ты за собой

«Въ свѣтъ — къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты, —
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты»...

1880.

XXIV.

СУДЪ ПРЕДКОВЪ.

(Посв. К. К. Случевскому).

Pauvre feuille desséchée
De ta tige détachée,
Où vas-tu? Je n'en sais rien...
Je vais où le vent me mène...
Arnault.

«Попы увели народъ въ унию, попы и
назадъ приведуть... Такъ и паука..»
(Изъ одного разговора).

I.

Къ кончинѣ близокъ князь Андрей.
Онъ причастился. Слабый свѣтъ
Лишь тонкихъ нѣсколькихъ лучей
Прорвался въ темный кабинетъ.

Предъ умпрающимъ сидятъ
На креслахъ сынъ. Примчался съ водъ,
Отцомъ былъ выписанъ. Глядитъ
И думаетъ: «ну, что же?.. вотъ

«Два вѣка тутъ лицомъ къ лицу!
Какая жь между ними связь?
Давно душой я чуждъ отцу,
Давно всѣмъ чуждъ мнѣ старый князь!

«Во Франціи — легитимистъ;
Здѣсь — недовольный камергеръ,
Сприть, ханжа и піэтистъ
И *bel'esprit à la* Вольтеръ;

«Какъ совмѣщалось это въ немъ —
Богъ вѣсть!.. Но онъ себя считалъ
Какой-то истины столпомъ,
Какой — и самъ не понималъ!»

Въ то жь время думалъ старый князь:
«Да, мы уходимъ!.. Да, огни
Всѣ другъ за другомъ гаснуть!.. Грязь
Встаетъ, идетъ... *tout est fini!*..

«И тотъ изящный, внѣшній блескъ,
И грація, и умъ, и вкусъ,
Et cet esprit chevaleresque!
Вотъ съ сыномъ даже расхожусь!

«Онъ — фантазеръ! стоялъ горой
За «эти мѣры» — дождался,
Да между небомъ и землей
Повисъ!.. и все не унялся —

«Опоры ищеть — да ихъ нѣтъ!»...
Но вдругъ старикъ раскрылъ глаза,
Какой-то новой мысли свѣтъ
Блеснулъ въ лицѣ — онъ поднялся

И — «Serge», промолвилъ: «обѣщай —
Положимъ ужь капризь такой —
Когда умру, приди, читай
Псалтырь ты въ церкви надо мной.

«Какъ рассказать тебѣ! Хоть ночь!
Вотъ видишь, я вѣдь тоже былъ...»
Но стало старику не въ мочь,
И онъ въ постель упалъ безъ силъ,—

Да и навѣки замолчалъ!
И черезъ мигъ въ дому, крестясь,
Въ испугѣ каждый повторялъ
(Хоть ждали всѣ): скончался князь!

II.

И вотъ въ сосѣдній монастырь
Свезенъ онъ съ должнымъ торжествомъ,
И сынъ идетъ читать Псалтырь
Въ старинной церкви надъ отцомъ.

Онъ пренебрегъ бы, можетъ быть,
Но поднялся кругомъ ужъ толкъ,
Да кто-то вздумалъ подтрунить —
Выходить: тутъ ужъ чести долгъ!

Въ загробный міръ, ни въ міръ чертей
Конечно ужъ не вѣрплъ онъ...
Но — мракъ, мерцаніе свѣчей,
И лики строгіе иконъ,

И храмъ весь полный старины,
Гдѣ все о предкахъ говоритъ,
Гдѣ всѣ они схоронены,
Гдѣ полъ изъ ихъ надгробныхъ плитъ,

Отецъ, вступающій въ ихъ кругъ
Теперь же, какъ пришлецъ домой —
И въ этомъ царствѣ мертвыхъ вдругъ
Однѣ лишь онъ стоитъ живой...

князь внимательнѣй глядитъ
о мракъ по нишамъ и угламъ...
онъ отъ хоругвей тѣнь дрожитъ
о самыхъ сводовъ по стѣнамъ...

онъ мѣсто княжеское, гдѣ
одъ балдахиномъ, съ пхъ гербомъ.
тъ предка, павшаго въ Ордѣ,
о еемственпо, сынъ за отцомъ,

о ояль старѣйшій въ родѣ... Былъ
огда-то княжескій престоль
а этомъ мѣстѣ... Князь открылъ
галтырь; псаломъ пль два прочель,

мысль идетъ сама собой:

Всей этой древности — князей
огда-то спорившихъ съ Москвой,
отомъ служившихъ вѣрно ей,

Всѣхъ этихъ жизней — я итогъ!
о всѣмъ народомъ, вся семья,
стѣ жили, какъ велѣлъ имъ Богъ,
осли какъ боръ сплошной... А я?

«Что я?.. Отпадшій листь для нихъ...
А могъ ли не отпасть?.. Вопросъ!..
Теперь бы на землѣ такихъ
Отпадшихъ листьевъ набралось

«На добрый островъ! всѣхъ племень
И всѣхъ народовъ!.. Человѣкъ
Повсюду рвется изъ пеленъ,
Идемъ, куда ведетъ насъ вѣкъ...»

Читаетъ князь, а мысль опять:
«Но были жъ и у нихъ умы...
Съумѣли жъ изъ клочковъ создать
Они — имперію!.. А мы?..»

«Что начинаемъ мы собой?..
Бѣдняжка, сорванный листокъ
Въ разлукѣ съ вѣткою родной
Куда летишь?..» и князь не могъ

Чтобъ не вздохнуть... невольно сталъ
Читать все тише... Вотъ пѣтухъ
Пропѣлъ въ деревнѣ... Князь усталъ,
Онъ опустился въ кресла. Вдругъ

Онъ слышитъ порохъ, легкій шумъ —
Какъ бы пронесся вѣтерокъ —
Князь — этотъ здравый, бодрый умъ —
Взглянулъ — и ужьдохнуть не могъ...

Какъ будто на туманъ или дымъ
Фонарь волшебный наведенъ —
Полупрозрачные — предъ нимъ —
Толпа людей — мужей и женъ,

Дѣтей и старцевъ... Впереди
Въ камзолахъ шитыхъ, въ парикахъ,
Звѣзда и лента на груди,
А дамы съ мушкой на щекахъ...

За стариками въ парикахъ
Другіе были старики
Въ боярскихъ шапкахъ, въ бородахъ,
Видѣлись шлемы, клубуки...

Былъ на однихъ нарядъ свѣжѣй,
На комъ давно ужь полинялъ,
Чѣмъ дальше — то тусклѣй, темнѣй,
И лишь металлъ одинъ сверкалъ...

И вотъ, противъ амвона, вдругъ
Всѣ разодвинулись — сидить
Подъ балдахиномъ витязь... Вкругъ
Какъ будто судій сонмъ стоять...

Свѣтъ прямо падаетъ на нихъ...
На витязѣ — вѣнецъ. Всѣ ждутъ...
Торжественное что-то... Мигъ —
И двое, видитъ князь, ведутъ

— Его отца!.. знакомый фракъ —
И камергерскій ключъ... Да! онъ!..
Что жь это?.. Судятъ?.. Судятъ?.. Такъ!
Отецъ поникъ, совсѣмъ смущенъ...

Судъ предковъ — за душу свою
Отвѣтишь Богу, моль, а намъ
Повѣдай, какъ служилъ царю,
Хулы не нажилъ ли отцамъ...

Никакъ читаютъ приговоръ?..
Старикъ патнулся и закрылъ
Лицо руками... Къ сыну взоръ,
Къ нему, съ мольбою обратилъ,

Зоветь его, и князь спѣшить
На зовъ отца, вскочилъ... Но вмигъ
Исчезло все... въ гробу лежитъ,
Сквозясь чрезъ кисею, старикъ...

Пылаютъ свѣчи... мракъ кругомъ
Въ мерцаньи ихъ какъ бы дрожить...
Вотъ Спасъ въ окладѣ золотомъ
Въ возгавьи гроба... Князь глядитъ —

И — какъ случилось — по сей часъ
Не помнить онъ: сама тогда
Рука невольно поднялась,
И онъ — перекрестился!.. Да,

Перекрестился въ первый разъ
По многихъ лѣтахъ... «Это сонъ»,
Онъ повторялъ, но мысль неслась
Туда, въ ту глубину времянь,

Что вдругъ раскрылась передъ нимъ
Уже не мертвой пустотой,
А чѣмъ-то цѣлымъ и живымъ —
Какой-то силой роковой,

Которой все уже давно,
Что насъ волнуетъ и крушить,
Разрѣшено, умирено...
«Ахъ, сонъ все это!» князь твердить...

III.

Но сонъ иль нѣтъ — не въ томъ вопросъ;
А только послѣ похоронъ
Уѣхать тотчасъ не пришлось
Въ чужіе края князю. Онъ

Занялся склепомъ. Много въ немъ
Затѣялъ передѣлокъ. Крестъ
Велѣлъ позолотить. Потомъ
Опять замедлился отъѣздъ:

Сталъ очищать онъ старый домъ;
Открылъ, что это вѣдь музей!
Сокровища нашлись въ немъ
Вѣдь отъ временъ еще царей!

И кипы грамотъ въ кладовыхъ,
И писемъ цѣлая гора!
Да вѣдь какія? между нихъ —
Екатерины и Петра!

Ну, какъ же ихъ не разобрать!
И принялся читать ихъ князь,
Межь ними связь возстановлять
Съ исторіей вводить ихъ въ связь...

Понадобилось книгъ — и годъ
За годомъ время въ вѣчность мчить,—
Одинъ, всѣ ночи напролетъ,
Зарывшись въ книги, онъ сидитъ

И пишетъ рода своего
Исторію... И чудно всѣмъ:
Совсѣмъ нельзя узнать его!
Другой сталъ человѣкъ совсѣмъ!

Россія стала для него
Святыней, избранной страной;
Ея началамъ торжество
Пророчить въ жизни міровой.

«Не могутъ-де ея понять;
Все точку зрѣнія берутъ
На міръ изъ Рима! надо взять
Изъ Византіи — и поймутъ!...»

I.

ЮБИЛЕЙ ШЕКСПИРА.

Преданья Сѣвера изображаютъ бога
Сѣдящимъ высоко надъ областью громовъ:
Спокойный, видитъ онъ изъ свѣтлаго чертога
И землю, и моря, движенье облаковъ,
Полетъ воздушный птицъ, могучій ходъ китовъ,
И быстрый лани бѣгъ; онъ взглядомъ проникаетъ,
Какъ кипитъ мѣдъ и золото въ горахъ,
 Какъ дубъ растеть, какъ травка прозябаетъ,
 Какъ въ человѣческихъ сердцахъ
 Родится мысль, растеть и созрѣваетъ...
Таковъ и ты, Шекспиръ!

 Какъ сѣверный Одинъ
На человѣчество съ заоблачныхъ вершинъ
Взиралъ ты! зналъ его — и у кормила власти,
Въ лохмотьяхъ нищаго, въ порокахъ, во враждѣ;
Но кистью смѣлою его рисуя страсти,

Даваль угадывать вездѣ
Высокій идеаль, который предъ тобою
Въ величьи божескомъ сіяль,
И темный міръ людей, съ ихъ злобой и враждою,
Какъ солнце бурную пучину, озаряль...

И триста лѣтъ прошло — и этотъ идеаль
Вездѣ теперъ родной для всѣхъ народовъ сталъ.
Съ запасомъ всѣхъ личинъ, костюмовъ, декорацій,
Съ толпой царей, принцессъ, шутовъ, и фей, и грацій,
По шумнымъ ярмонкамъ, средь городовъ и сель —
Ты триумфаторомъ по всей землѣ прошелъ:
Вездѣ къ тебѣ толпа восторженно стремилась,
И за тобой, какъ за орломъ,
Глубоко въ небо уносилась.
И съ этой высоты на міръ глядѣть училась
Съ боязни полнымъ торжествомъ!

Счастливъ, счастливъ народъ, котораго ты сынъ,
Чья мощь, чей смѣлый духъ твой воспитали геній!
Какъ гордъ онъ въ этотъ день, подъ гулъ земныхъ
хваленій

Несущихся къ тебѣ, искусства исполнѣ!
Но въ дни, когда ты цвѣлъ, и смѣло и свободно
Британскій флагъ вступалъ ужъ въ чуждыя моря,

Ты смутно лишь слыхалъ о *Русси* холодной,
Великолѣпнѣ Московскаго Царя,
Боярахъ въ золотой одеждѣ, свѣтозарныхъ
Палатахъ, гдѣ стоитъ слоновой кости тронъ,
И возсѣдаетъ самъ владыка странъ полярныхъ,
Безмолвіемъ и славой окружень...

Товарищъ сильному быть можетъ только сильный!
Извѣженныхъ племень искусство чуждо намъ!
Ты, строгій сердецвѣдъ, ты, истиной обильный,
Какъ свой ты на Руси пришелся по сердцамъ!
По русскимъ городамъ, по сценамъ полудикимъ,
Рукоплесканія не подпусту гремѣть
Твоимъ созданіямъ великимъ,
И музы русскія подъ сѣнь твою спѣшать!
Ты нашъ — по ширинѣ могучаго размаха,
Ты нашъ затѣмъ, что мы предъ правдой не дрожимъ,
И смотримъ въ пропасти безъ страха,
И вдаль увѣренно глядимъ.

1864.

II.

К Р Ы Л О В Ъ .

Когда стою въ толпѣ средѣ городского сада
Предъ этимъ образомъ изъ бронзы отлитымъ,
И къ намъ склонившися, и къ малымъ, и къ большимъ,
Съ улыбкой доброю, съ пріятливостью взгляда,
Онъ точно, съ старческой неспѣшностью рѣчей
Разсказываетъ намъ, съ своихъ высокихъ кресель,
Про нравы странные и глупости звѣрей,
И всѣ смѣются вокругъ, и самъ онъ тихо-весель, —
Мнѣ часто кажется, что вотъ — толпа уйдетъ,
И ласковый старикъ впадетъ сейчасъ же въ думу,
Улыбка кроткая съ лица его спорхнетъ
 Въ слѣдъ умолкающему шуму,
И лобъ наморщится, и, покачавъ головой,
Проводитъ взглядомъ насъ онъ строгимъ, и съ тоской
Промолвить: «всѣ-то вы, какъ посмотрю я, дѣти!

«Вотъ — побасенками старикъ потѣшилъ васъ,
«Вы посмѣялися и прочь пошли смѣясь,
«Того не угадавъ, какъ побасенки эти
«Достались старику, и какъ не разъ пришлось
«Ему, слагая ихъ, смѣяться — но сквозь слезъ,
«Ужъ жало испытавъ ехидны ядовитой,
«И когти всяческихъ, большихъ и малыхъ, птицъ,
 «И язвины на пальцахъ отъ лисицъ,
«И на спинѣ своей ослиное копыто...
«И то, что въ басенкѣ является моей
«Какъ шутка, — отъ того во времена былыя,
 «Вся, можетъ, плакала Россія,
«Да — плачетъ, можетъ быть, еще и до сихъ дней!»

1868.

III.

КАРАМЗИНЪ.

(Посв. Мих. Петр. Погодину).

Вхожу ли въ старый Кремль, откуда глазъ привольно
Покоится на всей Москвѣ первопрестольной,
Въ соборы ль древніе съ гробницами Царей,
Первосвятителей; когда кругомъ читаю
На дскахъ ихъ имена, и возлѣ ихъ, внимаю
Молитвы шопоту притекшихъ къ нимъ людей, —
А тамъ иконостасъ, и пресвятыя лики,
И мѣсто царское, и патриаршій тронъ;
А между тѣмъ гудить, гудить Иванъ Великій —
Какъ бы изъ глубины вѣковъ идущій звонъ —
Благоговѣніемъ душа моя объята;
И все мнѣ говорить: «сіе есть мѣсто свято!
«Смотри: когда кругомъ лишь боръ густой шумѣлъ,
«А на горѣ сіялъ лишь храмъ Святаго Спаса
«Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь сидѣлъ, —

«Бесѣда вѣщая таинственно велася
«Здѣсь межъ святителемъ и княземъ. Здѣсь его
«Какъ древній Самуиль благословилъ владыко
«На собраніе народа своего...
«Святителя завѣтъ исполнился великой!
«Помалу собралась вокругъ бѣлаго Кремля
«Какъ подъ надежный щитъ вся Русская земля,
«И каждый градъ ея свою здѣсь церковь ставилъ.
«И выслася Москва! и Чингисхановъ родъ,
«Кончаясь, Азію въ наслѣдье ей оставилъ,
«А тамъ отъ Балтики и до Эгейскихъ водъ
«Славяне подняли съ надеждою къ ней очи,
«И со священнаго Аѳона гласъ пророчій,
«Призвавъ святую Русь для доблестной борьбы,
«Востока древняго ей передалъ судьбы».

Такъ говоритъ намъ Кремль. Но поколѣнья были,
Что здѣсь какъ пришлецы чужіе проходили.
Вельможи русскіе являлися сюда
Съ иными вкусами. Ломали безъ слѣда
Святини старины. Ни память Іоанновъ
Не удержала ихъ, ни прахъ святыхъ гробовъ,
Ломали зданіе, что строилъ Годуновъ,
Ломали зданіе, гдѣ избранъ былъ Романовъ.
Весь этотъ старій Кремль, съ соборами, съ дворцомъ,

Съ рѣзными башнями назначенъ былъ на сломъ.
И вмѣсто ихъ уже, питомецъ музъ Эллинскихъ,
Художникъ созидаль классическимъ умомъ
Рядъ портиковъ, колоннъ и арокъ исполинскихъ...
Скажи ему тогда: ужель, о вандалъ, нѣтъ
Въ тебѣ присущей здѣсь святыни пониманья —
Вѣдь что ни камень здѣсь, то крови отчей слѣдъ,
Что столбъ — то памятникъ, что церковь — то сказанье —
Сердечный этотъ вопль въ пустынѣ бѣ прозвучаль
Художникъ злобился бѣ, вельможа хохоталь...

То были граждане совѣмъ другого міра!

Давно ужъ Франція купалася въ крови.
Къ намъ отклики неслись невѣдомаго пира,
Неслися возгласы свободы и любви...
То троновъ падавшихъ летѣли къ намъ обломки,
То дребезги трибунъ выкидываль вулканъ —
Все поглощала Русь — и вотъ пройдохъ всѣхъ странъ
Явились у насъ питомцы и питомки.
Кто набожно вздыхаль по чуждомъ королѣ,
Кто, новымъ Цезаремъ восхищенный, мечтами
Носился за его побѣдными орлами,
Кто бредилъ равенствомъ и братствомъ на землѣ,
И при воззваніи «всемирная свобода»

Вселенскій гражданинъ отрекся отъ народа!
Объ человѣчествѣ здѣсь каждый помышлялъ,
Но человѣчествѣ во образѣ француза...
Кто въ демагогин судьбѣ его искалъ,
Кто въ темной мистикѣ священнаго союза.
Въ Россіи жь видѣли удобный матерьялъ,
Въ которомъ каждый могъ кроить себѣ свободно —
На всякій образецъ и что кому угодно —
Парламентъ съ лордами, или республикѣ рядъ,
Аркадскихъ пастуховъ или пахотныхъ солдатъ.

Одинъ изъ этого ушелъ водоворота.
Одинъ почувствовалъ, что нѣтъ подъ нимъ оплота,
Что эти странные адепты тайныхъ ложъ,
Вся эта дѣтская блпстательная ложъ,
Весь этотъ маскарадъ съ своею пестротою,
Стоять какъ облако надъ Русскою землею...

То былъ великій мужъ... одинъ онъ видѣлъ ясно,
Что силы родины теряются напрасно,
Что лучшіе умы, какъ бѣдные цвѣты
Со стебля сбитые грозой, кружатъ въ пустынѣ —
Чужіе у себя, чужіе на чужбинѣ...
Но пусть свершаются надъ ними ихъ судьбы!
Есть русской крѣпости незримые столбы,

Есть царства русскаго основы вѣковныя...
Во всемъ величїи судебъ своихъ Россїя
Ему являлася изъ сумрака временъ...
Тамъ исцѣленіе! тамъ правда! вѣрилъ онъ —
И этой вѣры полнѣ, сошелъ во мракъ архивовъ —
И тамъ, какъ въ сказочной странѣ чудесь и дивовъ.
Увидѣлъ образы князей бойцовъ лихихъ;
Князей ходатаевъ за Русь у грозныхъ хановъ —
Тамъ умирающихъ въ пути среди бурановъ...
Явились образы подвижниковъ святыхъ,
Строителей въ лѣсныхъ пустыняхъ общежитья,
И образъ земскаго великаго царя,
Предъ коимъ всѣ равны съ вельможи до псара,
И къ коему отъ всѣхъ доступны челобитья;
И образъ цѣлаго народа, что пронесъ
Сквозь всяческихъ невгодъ нмъ созданное царство,
И всѣмъ, всѣмъ жертвовалъ во имя государства,
Жива бо церковь въ немъ, а въ ней Господь Христосъ...

И эти образы вмѣстивъ въ душѣ всецѣло,
Онъ словно отлилъ ихъ изъ мѣди въ рѣчи смѣлой,
И вдругъ свою скрыжаль воздвигъ какъ Моисей
На поученіе народовъ и царей...
Очнулся русскій духъ... туманъ заколебался...

1865.

IV.

ЖУКОВСКИЙ.

Вь младенческихъ годахъ моихъ далеко
Мнѣ видится его чудесный образъ...
Какъ будто бы меня, еще ребенка,
При факелахъ — въ готическомъ соборѣ,
Средь рыцарей — онъ, величавый старецъ,
Въ таинственный союзъ ихъ посвящаетъ...
И рыцарства высокіе обѣты
Я говорю за нимъ — и чую въ страхѣ,
Что прозрѣваю въ міръ, тогда впервые
Открывшійся очамъ моимъ духовнымъ...
Онъ говорить о Вѣрѣ, о Надеждѣ
И о Любви, и о загробной жизни,
И самъ какъ бы на рубежѣ земнаго.
Стоитъ, вперяя взоръ открытый въ Вѣчность...
И у меня въ восторгѣ бьется сердце,

И отдаюсь я весь святому старцу
И странствовать иду за нимъ по свѣту...

По манію жезла его повсюду
Изъ глубины временъ міры выходятъ...
Таинственный Востокъ разоблачился —
Та даль вѣковъ, когда между людьми,
Пріявъ ихъ образъ, странствовали боги,
Ихъ посвящая въ тайны искупленья, —
Та даль вѣковъ, когда богатыри,
Какъ первые избранники изъ смертныхъ,
Вступали въ бой со злобной силой мрака,
И обществамъ въ основу полагали
Служенье Духу и Предвѣчной Правдѣ...
Отъ Индіи и отъ пустынь Турана,
Отъ вѣчнаго Голгоэскаго Креста,
Сквозь темный міръ Европы феодальный, —
Къ горящему меня привелъ онъ граду...
Я увидалъ средь пламени и дыма,
Порою разрывавшихся отъ вихря,
Кремлевскія бѣлѣющія стѣны —
«Вотъ, онъ сказалъ, вотъ жертва Искупленья,
Предъ коей выше — только Крестъ Голгоэскій!
Мы принесли ту жертву всѣмъ народомъ,
Да тлѣнныя сокровища искупятъ

Сокровища, которыя пріяли
Съ Евангелъемъ въ свой духъ мы съ дня крещенья,
И множили вѣками бѣдъ великихъ, —
Сокровища, которыми въ народахъ
Отличена и создалась Россія!
Пади жь предъ ней, пылающей Москвой!
Ея святынь уразумѣй глаголы!
Пади предъ ней, благодаря Творца,
Что жребій данъ тебѣ ея быть сыномъ!
Моли Творца, чтобъ и свою крупицу
Ты въ общее принесть бы достоянье,
Для высшаго приготовляясь міра!
Здѣсь свято долгъ свой на землѣ исполни, —
Да общимъ всѣхъ трудомъ на благо ближнихъ,
Проникновенъемъ сердца благодатью,
И просвѣтлѣньемъ разума любовью, —
Разсѣется господство лжи — и будетъ
Миръ на землѣ, благоволенье въ людяхъ
И прославленье здѣсь и въ вышнихъ Бога!»

Великій старецъ! Онъ свою «крупницу»
Принесть и, свѣтлый, — въ міръ переселился,
Въ который здѣсь, какъ бы сквозь тонкій завѣсъ,
Ужъ прозѣвѣвалъ душою дѣтски чистой...
И на Руси не даромъ прозвучали

Его слова... Нѣтъ!.. падали какъ зерна
Они въ сердца, уготовая ихъ
Къ великому... И между посвященныхъ
Имъ отроковъ и Тотъ былъ — кроткій сердцемъ —
Кого Господь благословилъ на дѣлъ
Осуществить во благо миллионовъ.
Учителя высокіе завѣты...

1888.

V.

ПУШКИНУ.

Русь собирали и скрѣпляли
И ковали броню ей
Всѣхъ чиновъ и званій люди
Подъ рукой ея царей;

Люди Божьи, проникая
Въ глушь и дикія мѣста,
Въ духъ народный насаждали
Образъ чистаго Христа...

Что жь взойдетъ на общей нивѣ?..
Русь ужь многое дала,
Въ царство выросши подъ сѣнью
Византійскаго орла...

Что взойдетъ? Виссонъ и злато
Только мелкихъ душъ кумиръ!
Лишь созданья духа вѣчны,
Вѣченъ въ нихъ живущій міръ;

Не пройдутъ во вѣкъ побѣды
Въ свѣтломъ царствѣ красоты,
Звуки пѣсень полныхъ правды
И сердечной чистоты...

Пушкинъ! ты въ своихъ созданьяхъ
Первый намъ самимъ открылъ,
Что таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ!

Во всемірномъ Пантеонѣ
Твой уже воздвигся ликъ;
Ужь тебя чествить и славить
Всякъ народъ и всякъ языкъ, —

Но, юнѣйшіе въ народахъ,
Мы, узнавшіе себя
Въ первый разъ въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя —

— Нашу гордость — какъ задатокъ
Тѣхъ чудесъ, что, можетъ быть,
Намъ въ расцвѣтѣ нашемъ полною,
Суждено еще явить!

1883.

VI.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

Читано на его пятидесятилѣтнемъ юбилей 10 апрѣля 1887 г.

Тому ужь больше чѣмъ полвѣка,
На разныхъ русскихъ широтахъ,
Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
За высшій жребій челоуѣка
Считая чудный даръ стиховъ,
Имъ предались невозвратимо...
Имъ рано старыхъ мастеровъ,
Поэтовъ Греціи и Рима
Далось почуять красоты;
Бывало нѣжный лучъ Авроры
Раскрытыхъ книгъ освѣтитъ горы,
Румяныя ветхіе листы, —
Они сидятъ, ловя намеки,
И ихъ восторгъ растеть, растеть,
По мѣрѣ той какъ трудъ идетъ,

И сквозь разобранныя строки
Чудесный образъ возстаеъ...
И старики, съ своихъ высотъ,
На нихъ, казалось, взирали,
И улыбались межъ собой,
И ихъ улыбкой ободряли...
Тѣ трое были... милый мой,
Ты понять?.. Фетъ и мы съ тобой...

Такъ отблескъ первыхъ впечатлѣній
И тотъ же стиль, и тотъ же вкусъ
Въ порывахъ первыхъ вдохновеній
Нашъ уготовили союзъ.
Другъ друга мы тотчасъ признали
Почти на первыхъ же шагахъ,
И той же радостью въ сердцахъ
Успѣхъ другъ друга принимали.
Въ полустолѣтье жъ нашихъ Музъ
Провозгласимъ мы тостъ примѣрный
За поэтический, нашъ вѣрный,
Нашъ добрый тройственный союзъ!

1887.

VII.

А. А. ФЕТУ.

Въ день его 50-лѣтняго юбилея 28 января 1889 г.

Когда, какъ бурный конь, порвавшій удила,
 Неудержимый стихъ, съ путей метнувшись торныхъ,
 Въ пространство ринется и, съ зоркостью орла,
 Намъченную мысль, средь пропастей ли черныхъ
 Иль въ звѣздныхъ высотахъ, ухватить какъ трофей, —
 О, какъ онъ тѣшится, одинъ съ самимъ собою,
 Ея еще людьми незнаемой красою,
 Дивяся, радостный, самъ дерзости своей!
 А ты, поэтъ, за нимъ въ томительномъ волненѣ
 Слѣдившій въ высотахъ и въ безднахъ, въ то мгновенье,
 Какъ побѣдителемъ онъ явится къ тебѣ,
 Въ блаженствѣ равнаго ты знаешь ли себѣ?

Тебѣ знакома, Фетъ, знакома эта радость!
 Такихъ трофеевъ полнъ тобой созданный храмъ!
 И перейдутъ они въ наслѣдіе вѣкамъ,
 И свѣжесть сохраня и аромата сладость,
 Играя радуги цвѣтами — и однимъ
 Помѣчены клеймомъ и вензелемъ твоимъ!

1889.

VIII.

А. Г. РУБИНШТЕЙНУ.

Вотъ онъ, разсѣянный, какъ будто бы небрежно
Садится за рояль — вотъ гамма, трель, намекъ
На что-то — пропорохнулъ какъ будто вѣтерокъ —
Лелѣющій мотивъ, и ласковый, и нѣжный...
Вотъ точно свѣтлый лучъ прорѣзалъ небеса —
И радость на землѣ, и торжество въ эфирѣ!
Но, вдругъ ударъ!.. другой!.. Иной мотивъ взвился,
И дѣко прядаетъ все выше онъ, и шире!
Онъ словно вылетѣлъ изъ самыхъ нѣдръ земныхъ,
Какъ будто вырвались и мчатся въ шумѣ бури,
На встрѣчу ангеламъ, тѣмъ демонсвъ и фуріи.
Ветхозавѣтный споръ, споръ вѣчный изъ-за насъ
Рѣшается ль теперь?.. Дрожать и стонуть долы,
Мятеся океанъ, въ раскатахъ громовыхъ
Архангельской трубы проносятся глаголы,
А тучи темныхъ силъ все новыя летять!..
Художникъ въ ужасѣ: предъ нимъ разверстыи адъ,

Самимъ имъ вызванный, хохочущій, гремящій,
Осилить ужъ его и самого грозящій...
А человѣчество! О, жалкое дитя!
Ты чувствуешь, что бой, тотъ бой изъ-за тебя!
Ты чувствуешь свое безсилъе и паденье,
Ты ловишь проблески небеснаго луча,
Въ молитвѣ падаешь... молитва горяча.
Надъ бездною! То порывъ, обѣтъ перерожденья!..
Но успокойся! Вотъ ужъ надъ тобой свѣтло:
Архангелъ побѣдилъ!.. Художника чело
Яснѣетъ... Онъ къ тебѣ нисходитъ и съ тобою
— Самъ человѣкъ уже и духомъ просвѣтленъ —
Сливаешь голосъ свой съ молитвой міровою...
Онъ кончилъ... Вотъ онъ всталъ, разбитъ, изнеможенъ,
Уходитъ... Крики въ слѣдъ!..

Чѣмъ крики тѣ звучатъ!
Художникъ, слышишь ты?.. То гулъ благословеній!
Да, да, благословенъ, благословенъ стоградъ
Твой, въ царство свѣта насъ переносящій, гений!

IX.

А. П. МИЛЮКОВУ.

(По поводу моего 50-лѣтняго юбилея 1888 г. апр. 30).

Мнѣ тѣмъ дороже твой привѣтъ,
Что брызнулъ онъ лучомъ неожиданнымъ
Ужъ по далекимъ, по туманнымъ
Рядамъ прожитыхъ нами лѣтъ...
Смотри: студентскіе мундиры...
И всѣ вы, тѣсною толпой,
Бряцанью полудѣтской лиры
Открытой внемлете душой.
Вамъ — въ звукахъ голоса нетвердыхъ,
И въ робкомъ переборѣ струнъ,
И въ недохваченныхъ аккордахъ —
Могучій чудится перунъ...
Средь блѣдныхъ образовъ, по смѣлымъ
Быть можетъ профилямъ кой-гдѣ,
Меня ужъ мастеромъ умѣлымъ
Провозгласивъ, соборомъ цѣлымъ,
Всходящей плещете звѣздѣ...
И откровененъ былъ и звонокъ

Вашъ дружный кликъ и громъ похвалъ,
Но какъ испуганный ребенокъ
Предъ вами, помню, я стоялъ...
Куда уйти, куда бы скрыться
Съ тоской глядѣлъ по сторонамъ. —
По счастью (для чего таяться?)
Тогда я не повѣрилъ вамъ —
Да такъ не вѣрю и нынѣ,
И только жду — ужь много лѣтъ! —
Пророкъ не слышится ль въ пустынѣ?
Нейдетъ ли истинный поэтъ?..
Глашатай Бога и природы,
Для тмы непогасимый свѣтъ, —
Кому онъ посланъ — тѣ народы
И тѣ вѣка — имъ смерти нѣтъ!
Для всѣхъ грядущихъ въ немъ — наука,
И откровенье, и законъ!
И въ немъ — ни образа, ни звука,
Не унесетъ потокъ времянь;
Стоитъ — спокойный, величавый,
Одинъ — какъ солнце въ небесахъ —
И наши маленькія славы —
Всѣ гаснутъ при его лучахъ!

1888.

VI.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

(Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ).

«Не понимаю, чѣмъ могло такъ заинтересовать васъ «Слово о Полку Игоревѣ», говорилъ мнѣ одинъ мой пріятель, услыхавъ, что я занимаюсь этимъ памятникомъ. «Что бы тамъ ни толковали филологи о его подлинности, все-таки противъ нихъ есть аргументъ посильнѣе всѣхъ ихъ доказательствъ: это — то уединенное мѣсто, которое оно занимаетъ во всей нашей древней литературѣ Кіевской Руси. Ну, судите сами: съ какой стати на полѣ, засѣянномъ пшеницей, вдругъ, выросъ бы розанъ?»

Вотъ одно изъ очень старыхъ возраженій, на которое до сихъ поръ не отвѣтила критика, отстаивая и побѣдоносно доказывая принадлежность «Слова о Полку Игоревѣ» къ двѣнадцатому столѣтію. Дѣйствительно, «Слово» не имѣетъ ничего общаго ни съ лѣтописями, ни съ другими памятни-

ками письменности того времени; оно какъ будто вышло изъ совершенно другой среды жизни, съ другими возрѣніями и преданіями, нежели та сфера, гдѣ велись лѣтописи, писались поученія и житія. Какая же эта среда? Вотъ ее-то я и постараюсь намѣтить въ этомъ очеркѣ.

Кромѣ письменной литературы, лѣтописей, житій и поученій, мы имѣемъ еще устные памятники творчества нашей старины — народныя былины. И въ нихъ, повидямому, мало общаго со «Словомъ о Полку Игоревѣ», по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, принимая былины въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, записанныя съ голосу народныхъ пѣвцовъ, и притомъ весьма недавно: старѣйшій списокъ Кирши Данилова сдѣланъ былъ въ началѣ XVIII столѣтія. Передъ нами былины явились уже чисто, такъ сказать, въ московской редакціи, и въ этомъ видѣ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ къ «Слову»... Но если бы можно было снять съ нихъ московскій слой, то, я увѣренъ, онѣ оказались бы гораздо ближе къ «Слову о Полку Игоревѣ», чѣмъ къ намъ, и еще болѣе уяснили бы намъ среду, изъ которой оно вышло. Поэтому, хотя въ общихъ чертахъ, надобно напомнить читателямъ, до чего дошла новѣйшая филологія, изучая древнѣйшіе памятники поэзіи народовъ, происшедшихъ изъ одного съ нами корня, а между ними и наши былины.

Строгіе историки прежнихъ временъ отвергали эти па-

мятники, называя ихъ баснословными. Но изучая и сравнивая ихъ, изучая и сравнивая языки, на которыхъ они записаны, филологія проникла въ такую глубину временъ, о какой и мечтать не смѣли историки. Она не только возстановила родословное древо народовъ, по крайней мѣрѣ пока тѣхъ, къ семейству которыхъ принадлежитъ большая часть европейцевъ, — огромная вѣтвь, простирающаяся отъ Индіи, черезъ Персію и Россію, до Атлантическаго океана, — но и поставила себѣ задачей возстановить первобытную жизнь, вѣрованія, степень образованности того народа, изъ котораго, какъ изъ древнѣйшаго улья, отроились всѣ эти племена. Сравнивая языки этихъ племенъ, санскритъ, зендъ и нынѣшній персидскій, греческій, латинскій, кельтскій, древне-германскій, литовскій и древне-славянскій, филологія намѣтила тотъ языкъ, которымъ говорили предки этихъ народовъ до выхода ихъ, одинъ за другимъ, изъ общаго ихъ первоначальнаго отечества — съ Иранской возвышенности. Всѣ эти языки, очевидно, имѣютъ одинъ общій корень, весьма оцутительный изъ сходства въ этихъ языкахъ мѣстоименій, именъ числительныхъ, многихъ глаголовъ и существительныхъ, означающихъ явленія природы, или касающихся родства, одежды, земледѣльческаго быта. За симъ, сравнивая древнѣйшія преданія и пѣсни этихъ народовъ, отъ ведъ индійскихъ до исландскихъ сагъ, мы узнаемъ, что всѣ онѣ имѣютъ своимъ источникомъ однѣ и

тѣ же еогоническія пѣсни, сложившіяся еще тамъ, на Иранской возвышенности и отразившія въ себѣ всѣ представленія о мірѣ и жизни, какія составилъ себѣ это народъ-праотецъ, эти наши далекіе предки, называвшіе себя Аріями, т. е. лучшими, благородными. У всѣхъ ихъ потомковъ, у новѣйшихъ народовъ, сохранилась память о далекой родинѣ, какъ преданіе о золотомъ вѣкѣ, о раѣ, о свѣломъ Ирѣи (названіе, сохранившееся у насъ въ пѣсняхъ и въ завѣщаніи Мономаха): чудная страна, куда имъ возвратиться нельзя, но куда на зиму улетаютъ птицы. Вынесенныя уходящими оттуда, одна за другой, толпами, эти пѣсни, на мѣстахъ новой осѣдлости, видоизмѣнялись сообразно съ судьбами этихъ выходцевъ, съ ихъ бытомъ, нравами, языкомъ, подъ вліяніемъ мѣстности, новаго образа жизни и разныхъ особенностей, вслѣдствіе которыхъ въ этихъ толпахъ выработались ихъ племенные и національныя черты. Всѣ эти пѣсни вытекали изъ вѣры Арійцевъ, что они — дѣти Солнца и великой Матери Земли, что находятся подъ его покровительствомъ, что судьба ихъ тѣсно связана съ судьбою свѣтоноснаго бога, давшего имъ жизнь. Происхожденіе ихъ отъ Солнца и дало, вѣроятно, право этимъ земледѣльцамъ назвать себя Аріями, т. е. благородными, сравнительно съ кочевниками, ихъ врагами, по ихъ представленію, сынами Тьмы. Считая источникомъ жизни солнце, они постоянно къ нему устремляли свою мысль, и

всѣ явленія на небѣ истолковывали, по отношенію къ нему, своимъ земнымъ бытомъ: день и ночь, времена года объясняли сномъ, смертью, пробужденіемъ, воскресеніемъ или рожденіемъ Солнца, или плѣномъ его у его враговъ. Весеннее его появленіе, сопровождаемое благотворными грозами и пробужденіемъ могучей растительности, праздновалось какъ брачное торжество бога, дорвавшагося до обладанія своею любовью — Землею. По этимъ представленіямъ и люди, какъ дѣти Солнца, устроили свою жизнь, установили обряды чествованія своего великаго Прародителя — хороводы, пляски, жертвы, игрища, сопровождаемыя музыкою и разными припѣвами; въ эпическихъ гимнахъ воспѣвали о славѣ Солнца, о борьбѣ его съ недругами, гигантами мрака, холода. Тучи и облака, безпрестанно измѣняющія свой видъ — отъ крылатыхъ змѣевъ и драконовъ, грозящихъ поглотить свѣтоноснаго бога, до среброрунныхъ овецъ, пасущихся на лазурныхъ небесныхъ пажитяхъ; вѣтры и вихри всезнающіе, скитающіеся по всему свѣту; громъ, съ своими огненными стрѣлами или палящимъ мечемъ-кладенцемъ, являющійся, какъ вѣрный слуга, освобождать бога отъ демоновъ и чудовищъ; заря, царица огненная, открывающая Солнцу врата міра, Земля-красавица, Солнцева лада, порождающая отъ его пламенныхъ объятій все живущее, — все это олицетворялось въ видѣ духовъ или боговъ, гигантовъ, великановъ, чудовищъ, мифическихъ

существовъ добрыхъ или злыхъ, смотря по тому, въ дружбѣ или во враждѣ были они съ Солнцемъ.

Ближе всѣхъ къ этой первобытной эпопее считаются ведическіе гимны Индіи, изъ которыхъ потомъ развивается цѣлая литература съ колоссальными, то страшными, то роскошными образами; во всѣхъ этихъ созданіяхъ отражается могучая природа Индіи, ея цвѣтущихъ долинъ и грозно величественнаго, таинственнаго царства ея горъ, гдѣ рождаются ея священныя рѣки, то пѣнными водопадами біющія изъ нѣдръ ихъ, то скрывающіяся подъ сводами скалъ... У племень Иранскихъ тотъ же первобытный мифъ лежитъ въ основѣ ученія Зендъ-Авесты, въ которой тьма и свѣтъ получили нравственное значеніе добра и зла, и пѣсень, собранныхъ и устроенныхъ поэтомъ XII вѣка Фирдуси въ поэму, извѣстную подъ названіемъ Шахъ-Наме, гдѣ солнце является въ образѣ шаха, а вѣрный слуга солнцевъ, громъ, — въ образѣ народнаго героя Персовъ, въ Рустемѣ. Изъ того же мифа развилась мифологія Грековъ и Римлянъ, видоизмѣнявшаяся въ разныя эпохи ихъ развитія: боги Гомера еще живутъ патриархально-геронческой жизнью Грековъ; боги Лукіана ясно отражаютъ на себѣ цинизмъ современнаго ему общества. У Германцевъ и особенно у Скандинавовъ, въ пѣсняхъ Эдды, древне-арійскіе боги являются суровыми и воинственными; они какъ будто окрѣпли и возмужали, одѣлись въ желѣзо, въ суро-

вомъ климатѣ, въ воображеніи людей, обреченныхъ на борьбу со стихіями, на необходимость оружіемъ добывать себѣ пропитаніе *). У Славянъ тотъ же мнѣзъ лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ древнихъ вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ, и доселѣ еще живыхъ; но въ болѣе богатой, эпической своей формѣ онъ сохранился у Сербовъ, у которыхъ онъ слился съ пѣснями о Маркѣ Кралевичѣ, и у насъ—въ нашихъ былинахъ. Черты, которыя онъ принялъ у насъ, особенно замѣчательны и оригинальны. Это — черты быта народа-земледѣльца. Въ глубинѣ всѣхъ былинныхъ сказаній стоитъ величавый въ своей простотѣ, спокойно-могучій, домовитый хозяинъ земли — ратай. За этимъ ратаемъ три дня гонится Святогоръ-богатырь и не можетъ его настичуть; попросилъ наконецъ остановиться; тотъ остановился и положилъ сумочку свою на землю. «Что у тебя въ сумочкѣ?» спросилъ Святогоръ. «Подыми и увидишь». Ухватилъ Святогоръ, не могъ поднять, самъ по колѣна въ землю ушелъ. «Что жъ у тебя въ сумочкѣ?» Оказывается, что это тяга земная (кольцо или столбъ) **), ухватясь за которую только этотъ ратай можетъ поднять всю землю... Встрѣчается этому ратаю князь Вольга съ дружиною:

Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,

Сошка у ратая поскрипываетъ;

*) Попытку возстановить древнѣйшій скандинавскій мнѣзъ о солнцѣ читатели могутъ видѣть въ моемъ «Бальдурѣ».

***) Аванасьева: Поэтическія воззрѣнія Славянъ, т. II, 680.

Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ,
 Съ края въ край онъ бороздки пометываетъ,
 Коренья, камня вывертываетъ...

Зоветь Вольга ратая съ собою; тотъ говоритъ: «Надо сошку прибрать». Кидается вся дружина сошку приподнять и не можетъ:

Подѣхалъ оратай оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенькой,
 Бралъ онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земли повыдернулъ,
 Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

И Святогоръ и Вольга спрашиваютъ ратаюшку, какъ же звать его по имени, какъ величать по изъ-отчеству; онъ отвѣчаетъ:

«А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
 «Во скирды сложу, домой выволочу,
 «Домой выволочу, дома вымолочу,
 «Драни надеру, да и пива наварю,
 «Пива наварю, мужиковъ напою;
 «Станутъ мужички меня покликивати:
 «Молодой Микулушка Селяниновичъ».

Вотъ въ какомъ образѣ явился у насъ этотъ богъ, въ рукахъ котораго вся тяга земная; и хитрый Вольга, который волкомъ обертывался, да всѣхъ звѣрей изъ лѣсу выганивалъ, рыбой прикидывался, да всю рыбу изъ рѣкъ вы-

лавливалъ, яснымъ соколомъ вылетывалъ и всю птицу вы-
бивалъ, не могъ его перехитрить, и богатыри входятъ въ
семью его, женятся на его дочеряхъ и даютъ зарокъ не
воевать съ его родомъ, а защищать его отъ всякаго не-
друга, собираясь въ дружину вокругъ свѣтлаго князя,
Красна-Солнышка, ласкова Владиміра. И силы имъ дается
въ мѣру, столько, чтобы ихъ могла «земля держать». Ста-
рый вѣрный слуга Солнцева, Громъ или Громовникъ, или
Перунъ, обращается въ земскаго героя Илью Муромца;
другіе мнѣическіе герои принимаютъ черты сословія, сло-
жившихся на Руси: Добрыня Никитичъ боярскій сынъ,
Алексѣй Поповичъ, и т. д. Во всѣхъ этихъ преобразова-
ніяхъ первобытнаго мѣа, у всѣхъ народовъ, враги Солнца
получаютъ черты народныхъ враговъ племени; такъ и у
насъ мало-по-малу Змѣи Горынычи, Идолица поганья,
чуда-чудища, то есть, всѣ олицетворенія зимы, мрака и
смерти, принимаютъ виды разныхъ поганыхъ толковинъ
(бочевниковъ), Печенѣговъ, Половцевъ, Татаръ. Когда со-
вершилось у насъ это перерожденіе пѣсенъ о богахъ въ
былны о народныхъ богатыряхъ — опредѣлить трудно; но
ясно, что это могло случиться только тогда, когда въ на-
родѣ міросозерцаніе языческое, основанное на обожествленіи
силъ природы, было вытѣснено міросозерцаніемъ библей-
скимъ. По многимъ отзывамъ святыхъ мужей мы въ правѣ
заключить, что христіанство въ Киевской Руси въ XI и XII

столѣтіяхъ еще почти совсѣмъ не коснулось массъ народныхъ; если духовенство и имѣло вліяніе въ городахъ, за то въ селахъ оно было почти безсильно. Преподобный Несторъ (въ XI—XII вѣкѣ) жалуется, что и нарицающіеся христіанами живутъ по поганьски, справляютъ всѣ языческія требы, а церкви стоятъ пусты. Долгое время еще царство бѣсовъ (т. е. старыхъ боговъ) обширно и сильно было на Руси, и съ нимъ приходилось бороться проповѣдникамъ христіанства, и къ чести послѣднихъ надо сказать, — бороться мѣрами кроткими, безъ пытокъ и костровъ, безъ вмѣшательства свѣтскаго меча! Исподволь увеличивалось стадо Христово, но разъ вкусивъ сладости новаго свѣта, новопосвященные уже порывали все со стариной. И что они тогда видѣли вокругъ себя? Языческіе обряды, чествованіе старыхъ боговъ — въ полной силѣ! Сердце переполнялось скорбью... «О, во тьмѣ блуждающіе!» восклицалъ инокъ, смотря изъ нагорной обители своей на виднѣющійся ему городъ, на разбросанныя тамъ и сямъ села. «Кумиры повержены, но вы рабствуете и поклоняетесь прежнимъ бѣсамъ! Богами нарицаете стихіи, и солнце, и огонь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичемъ! Вѣруете и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птицій грай, и въ ворожбу; волхвуете птицами и звѣрьми! Богъ даетъ вамъ вся благая: вы же Его не узнали, а все отъ бѣсовъ своихъ имѣти мните — и обиліе плодовъ земныхъ, и раствореніе воздушныхъ! Вмѣсто призы-

ванія благодати Господней на вешнія поля и нивы, рядитесь во звѣринныя шкуры, надѣваете личины, толпами выходите вызывать Перуна или поганого Ярилу (Ярило — яръ, весна), съ крикомъ и гамомъ бѣгаете по селамъ, ударяя въ бубны, тазы, сковороды, мѣдныя доски, брянца колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тѣмъ мните зиму и мракъ прогнати, не вѣдая того, что вся отъ Господа! Покараетъ ли васъ Господь, посушитъ поля и нивы, дабы сердца ваши окаяннїи подвиглись къ Нему,—вы яко слѣпы и глухи пребываете, и паки къ нечистому дѣйству прибѣгаете: обовѣете дѣвку цвѣтами и травами, водите ее по полямъ, обливая водою, а сами, перереженные въ звѣринныя шкуры, бѣгаете кругъ нея съ бѣсовскими пѣснями, съ плясанїемъ и скаканїемъ *). Отъ рожденїя до самыя смерти бѣсамъ токмо служите; начинаетесь въ сквернѣ и грѣхѣ: бракъ ли то есть, когда собираетесь на игрища, и дѣвицу себѣ любу избравъ, на коняхъ ристающе, подскакиваете и съ собой умыкаете: и то есть вамъ бракъ! И станеть увѣщевать васъ служитель Божїй, въ продерзости отвѣщеваете: христіанскїй-де обрядъ вѣнчанїя годенъ токмо для князей и бояръ, а мы-де люди простые, живемъ какъ отцы и дѣды жили, и по двѣ жены имѣть можемъ!.. О горе горькое! о прелесть сатанинская! И паки скажу: какъ

*) Г. Аванасьевъ думаетъ, что перереживанїе въ звѣринныя шкуры знаменовало облака, видъ свой мѣняющїя, а дѣвка—алчущую землю.

вы пастыря душъ встрѣчаете? Плюете, невѣгласи, встрѣтись со святымъ отцомъ, бѣсамъ заклятія читаете и яко отъ недоброй встрѣчи, назадъ ворочаетесь! А волхвамъ, и скомоорохамъ, и гудцамъ, и пѣвунамъ, что толпами изъ села въ село шатаются и поганья требы и волхованія творятъ и басни о бѣсахъ бають со струннымъ гудѣнiемъ, — ихъ послушаете и ихъ ублажаете и чувствуете, и на праздникахъ своихъ все ими указанное творите, и на кладбища съ ними съ огнемъ ходите, и окрестъ могилъ пѣсни бѣсовскія возглашаете, и скаканiемъ и плясанiемъ святое мѣсто оскверняете! Молитвы ни единой сотворить не могуще, развѣ кто «Господи помилуй» со страхомъ скажетъ, заклятiй знаете множество — и къ вѣтрамъ, нарицающе ихъ Стрибожьими чадами, и къ зарѣ — яко къ нѣкоей женѣ, сѣдящей на морѣ, на Окiанѣ, въ палатахъ красна золота да чиста серебра, и къ огню-сварожичу, и къ печкѣ, и къ инымъ, иже стихинъ суть, или руками дѣланная!

«Когда же, о Господи, смилуешься надъ народомъ симъ и отверзешь очи его — да познаеть Тя?.. На кого возложу упованiе мое? на князя ли и бояре? Но и въ ихъ дворахъ не многимъ лучше: видали святые мужи, какъ изъ палатъ княжескихъ ангель Господень, плачучи, удаляется, а бѣсы поганые съ шумомъ и веселiемъ въ оныя врываются... Па пастыри ли духовные? Но и тѣ на сихъ дѣйствiяхъ, въ объяденiи и опьяненiи присутствуютъ, не внявъ прещенiю

владычному, отъ отца нашего митрополита Іоанна. Гдѣ и во владыкахъ ревность Θεодосіева! Пришедъ къ великому князю Святославу Ярославичу, узрѣлъ святой мужъ у него въ гридницѣ и поющихъ, и на гусляхъ играющихъ, яко обычай есть предъ княземъ. И сѣлъ блаженный и долу очами поникъ. И спросилъ потомъ князя: «Сіе ли будетъ на томъ свѣтѣ?»... *)

Такова общая картина, которая рисуется намъ изъ отзывовъ духовенства вплоть до времени татарскаго ига. Нашествіе Татаръ разбило весь старый строй жизни на Руси. Народъ увидѣлъ кару Господню, во-очію надъ нимъ разразившуюся; увидѣлъ посреди себя ишедшихъ изъ оби-

*) Эта рѣчь составлена мною изъ сводки разныхъ отрывковъ духовныхъ писателей, приводимыхъ г. Аванасьевымъ, и изъ нѣкоторыхъ его объясненій. Вотъ еще любопытный отзывъ изъ позднѣйшей эпохи: Посланіе Елеазарова монастыря игумена Памфила псковскому намѣстнику 1505 г. говорить: «Зѣло не престала здѣсь еще леть ждольская, кумирное празднованіе, радость и веселіе сатанинское... Тому (сатанѣ, т. е. языческимъ богамъ) яко же жертва приносится всяка скверна и беззаконное богомерзкое празднованіе. Егда бо приходятъ великій праздникъ день Рождества Предтечи, тогда во святую ту ночь мало не весь градъ взмается и взбѣситъ бубнами и сопѣлями, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими непотребными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ... Возстучитъ градъ сей, и возгрямятъ въ немъ люди сіи беззаконіемъ и погибелью лютою; женамъ же и дѣвамъ плесканіе (удареніе въ ладоши), и плясаніе, и главамъ ихъ наживаніе, устамъ ихъ непріязненъ кличъ и вопль, всескверныя пѣсни, бѣсовскія угодыя совершаются, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе» (Аван. т. I, стр. 341).

тели своей погребсти мертвыхъ и утѣшить живыхъ святыхъ мужей—и сердца открылись словесамъ ихъ: въ долгіе годы бѣдствій и рабства, въ тяготахъ своихъ, онъ обрѣлъ у духовныхъ пастырей и утѣшеніе, и защиту, и даже пропитаніе на обширныхъ земляхъ, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ; тогда только христіанство пустило болѣе глубокіе корни въ массы. Не упразднились впрочемъ окончательно и въ тѣ времена, и позже, во дни Стоглаваго собора, обычаи и торжества стараго язычества, но уже цѣлость его возрѣвній была утрачена. И подобно тому, какъ разные языческіе обряды стали окрашиваться мало-по-малу въ христіанскій цвѣтъ, и на извѣстныхъ святыхъ стали незамѣтно переноситься атрибуты старыхъ языческихъ боговъ, по совпаденію дней чествованія этихъ святыхъ съ днями торжествъ языческимъ богамъ, или по сходству ихъ легендъ, такъ и языческо-религіозныя пѣсни стали сливаться съ пѣснями объ этихъ святыхъ, или о дѣйствительно жившихъ князьяхъ и богатыряхъ. Подобно тому, какъ напримѣръ источники и колодцы, о которыхъ думали, что они пробиты громомъ и потому назывались Перуновыми, стали посвящаться Ильѣ пророку или Ильинской Пятницѣ (а въ Муромѣ о такомъ колодцѣ говорятъ, что конь Ильи Муромца вышибъ его копытомъ),—такъ и въ пѣсняхъ на витязей солнечной эпопеи перенеслись личныя имена святыхъ или богатырей; явились духовные стихи и историче-

скія былины, въ которыхъ новые герои наследуютъ всё дѣла и подвиги миѳическихъ героевъ и всю ихъ фантастическую обстановку. Имя князя Владиміра, прославленное двумя князьями, жило въ памяти народной какъ символъ лучшихъ, когда-то бывшихъ временъ и заступило мѣсто Солнца или Дажьбога въ этихъ былинахъ: миѳическія сказанія получили колоритъ историческій. Въ дальнѣйшемъ развитіи эпическихъ характеровъ богатыри явились представителями разныхъ классовъ общества — земства, боярскаго и духовнаго чина: этому способствовало болѣе усложнившееся общественное развитіе Руси въ Московскій періодъ.

Справедливость этого мнѣнія о времени перерожденія былины изъ миѳическихъ въ историческія (высказаннаго впрочемъ гораздо прежде меня) подтверждается и тѣмъ, что болшая часть этихъ богатырей жили гораздо позже Владиміра: напримѣръ объ Ильѣ Муромцѣ есть положительное свѣдѣніе, что онъ жилъ въ XII столѣтіи (около 1188 года), и что именно XII вѣкъ и начало XIII представляютъ у насъ и по лѣтописямъ сильное развитіе богатырства...

Такимъ образомъ все заставляетъ насъ думать, что цѣлость языческаго, основаннаго на арійскихъ преданіяхъ, міросозерцанія въ народѣ на Руси, въ XII вѣкѣ, еще не была разбита. Таинственные странники, люди вѣщіе, являю-

щіеся намъ въ былинахъ каликами переходими, люди съ поэтическимъ и мистическимъ настроеніемъ, уходившіе изъ семьи и избравшіе, подобно самому Дажьбогу, обтекающему землю, или вѣчному скитальцу Стрибогу (вѣтру), страннической посохъ, да суму переметную, да гусли звонкія, ходили по всей Руси, по селамъ и городамъ, по стогнамъ и торжищамъ, входили въ терема и хаты и пѣли старня, безначальныя пѣсни о страшныхъ тайнахъ, о богахъ и людяхъ, о жизни и смерти... И въ этихъ городахъ, не смотря на то, что надъ ними, на горѣ, возвышался уже монастырь, откуда исходилъ уже иной свѣтъ, гдѣ жили люди, совсѣмъ отрѣшившіеся отъ языческаго воззрѣнія, гдѣ велось книжное ученіе, писались лѣтописи, перелагались на славянскій языкъ творенія отцовъ церкви, — въ этихъ селахъ, въ которыхъ еще рѣдко гдѣ видѣлись церкви, да и тѣ, по свидѣтельству Пестора, стояли пусты, — этимъ странникамъ былъ радушный приѣмъ, и ихъ слушали съ благоговѣніемъ, страхомъ и полною вѣрою. Изъ этихъ переходящихъ странниковъ были, вѣроятно, и тѣ трое пѣвцовъ, которыхъ въ VI вѣкѣ захватили войска греческаго императора, воевавшего съ Аварамъ, и которые на вопросъ его: кто они? отвѣчали: «Мы Славяне, къ Аварамъ попали въ плѣнъ, обходиться съ оружіемъ не умѣемъ, а пѣсни да гусли — все наше занятіе». Этихъ же пѣвцовъ рисуетъ народная пѣсня во всемъ ихъ таинственномъ значеніи, какъ

людей вѣщихъ... Въ этой пѣснѣ такъ и видишь ихъ расположившихся ночлегомъ въ полѣ, около деревни, славянскихъ возвращеніе солнца и заклинающихъ смерть или зиму; такъ и слышишь, про какія страшныя тайны они поютъ:

На крутой горѣ высокой
 Кипятъ котлы кипучіе...
 Вокругъ котловъ кипучихъ
 Стоять старцы старые;
 Поютъ тѣ старцы старые
 Про животь, про смерть,
 Про весь родъ человѣчь...
 Сулятъ старцы старые
 Всему міру животы долгіе,
 Какъ на ту ли злую смерть
 Кладутъ старцы старые
 Проклятыце великое (Сахарова: Сказанія, II, 13).

Изъ этихъ же странниковъ образовались впоследствии толпы скомороховъ, которые ходили по Руси по ярмаркамъ и по празднествамъ въ селахъ и богатыхъ домахъ, и противъ которыхъ издавались строгіе законы даже при Алексѣѣ Михайловичѣ; изъ нихъ же вышли и тѣ пѣвцы, которыхъ мы видимъ и теперь около монастыря, пѣвцы, которые скитаются по Руси и распѣваютъ духовные стихи; и между этими стихами многіе, на примѣръ стихъ о Егоріѣ Храбромъ, суть тѣ же пѣсни о богахъ, что пѣли далекіе предшествен-

ники этихъ пѣвцовъ, только пѣсни эти, въ теченіе вѣковъ, получили духовный характеръ. И не только въ народѣ, въ XII вѣкѣ, да и у тѣхъ мірянъ, которые назывались христіанами, міровоззрѣніе христіанское не обнимало всего міра человѣческихъ понятій; между тѣмъ какъ лѣтописецъ-христіанинъ, на основаніи византійскихъ хроникъ, выводитъ изъ потомства Ноева, изъ колѣна Яфетова, Словенскій родъ, — изъ словъ пѣвца Игорева мы видимъ, что храбрые Русичи, его современники, смотрятъ на себя еще какъ на сыновъ Солнца и князей своихъ называютъ Дажбожьими внуками; Русичи подъ предводительствомъ ихъ продолжаютъ свою борьбу съ исконнымъ врагомъ Свѣта, съ Тьмою, или съ ея чадами, Дивовыми сынами, всею Русскою землею ходятъ на землю Троянову *); Велесъ, пасущій среброрунныхъ небесныхъ оводовъ Солнцевыхъ, съ своею пѣснію и свирѣлью, считается праотцемъ русскихъ пѣвцовъ XII вѣка; Стрибожьи внуки, бездомные скитальцы, рѣютъ по полю половецкому; герои историческіе принимаютъ черты облачныхъ героевъ (Всеславъ-кудесникъ). Въ томъ же смыслѣ и земля, занимаемая храбрыми Русичами, есть свѣтлая земля Русская, земля сыновъ свѣта (впослѣдствіи, въ Москвѣ, свято-русская); земля враговъ ихъ — земля темная, позная, Дивья земля, земля Троянова. Даж-

*) См. ниже прим. 5.

богъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» упреждаетъ внука объ опасности затменіемъ «заступаетъ тьмою путь Игорю»; но Черный Дивъ ополчается на него всѣми силами, созывая дѣтей своихъ и съ Сулы, и съ Волги, и съ Сурожа, и съ Поморья. Очевидно, міросозерпаніе былинъ въ ихъ перво-бытномъ видѣ—вотъ тотъ поэтический міръ, вотъ возрѣнія на природу и на свой народъ, въ которыхъ вращалась фантазія пѣвцовъ Кіевской Руси и откуда почерпала свои краски. Вся эта поэзія вытекала изъ основного арійскаго міра о Солницѣ, раздробляясь и продолжаясь въ устахъ этихъ пѣвцовъ, въ ихъ пѣсняхъ объ отдѣльныхъ князьяхъ потомкахъ того же Дажьбога.

Одна изъ такихъ пѣсень о Дажьбожьихъ внукахъ есть «Слово о Полку Игоревѣ». Но и отъ современныхъ ей былинъ, при всемъ своемъ духовномъ родствѣ съ ними, она должна была сильно отличаться, ибо возникла не въ народѣ, но въ другой, высшей сферѣ общества. Это листокъ отъ того же дерева, но съ другой вѣтви. Пѣвецъ, ее сложившій, былъ не изъ тѣхъ пѣвцовъ, о которыхъ я говорилъ выше. Завязавшаяся на Руси государственная жизнь тоже требовала пѣвцовъ, но дала другой предметъ для ихъ пѣсень.

Около княжескаго двора сосредоточивались люди, которые, и въ языческой еще періодъ, были, вѣроятно, развитѣе остальной массы народа, пахарей и звѣролововъ, уже вслѣд-

ствіе своего политическаго положенія, приводившаго ихъ въ столкновеніе съ народами Азіи и Европы. Это была — дружина, дворъ князя, и почетные гости — купцы. Купцы издревле ходили большими караванами, вооруженные, по всѣмъ внутреннимъ рѣкамъ Россіи, и въ Біармію для торговли съ далекимъ чудскимъ сѣверомъ, и на Волгу для торговли съ Болгарами и Арабами, и за моря Балтійское и Черное. Въ дружину и дворъ князя новыя понятія, новыя удобства жизни входили черезъ походы, браки, посольства, пріемъ разнородныхъ гостей. Съ принятіемъ христіанской вѣры, которое было слѣдствіемъ этихъ столкновеній, эта среда, вѣроятно, одна и воспользовалась ея благами и, главное, школами. Кіевъ становится центральнымъ политическимъ пунктомъ Руси и перепутьемъ торговли сѣвера и юга, запада и востока. Латинская пропаганда въ немъ долго не уступаетъ господства Грекамъ, судя по посланіямъ первыхъ нашихъ митрополитовъ и святыхъ мужей, старавшихся оградить свою паству отъ козней латинства: «Исполнися и наша земля тыя злыя вѣры людій», пишетъ св. Феодосій великому князю Изяславу. Германскій императоръ не спускаетъ глазъ съ Руси, чтобъ обратить ее въ вассальное свое владѣніе. Болеславъ Польскій получаетъ отъ папы королевскую корону съ тѣмъ, чтобъ устремить свои силы на подчиненіе папскому престолу «русскихъ язычниковъ». Королевскую же корону предлагаютъ и нашимъ князьямъ—

за отступничество. Князья Ярославова дома женятся на иностранныхъ принцессахъ, съ которыми разный заморскій людъ входитъ въ русскія семьи. Княжны выходятъ замужъ за иностранныхъ владѣтелей; назовемъ хотя трехъ дочерей Ярослава, вышедшихъ за королей французскаго, венгерскаго, норвежскаго; сестру Мономаха (неизвѣстно—родную или двоюродную), бывшую за германскимъ императоромъ Генрихомъ IV, бѣжавшую къ графинѣ Матильдѣ въ Каноссу, судившуюся съ мужемъ передъ папою и соборомъ и умершую монахиней въ Россіи... Въ Кіевѣ видимъ пеструю толпу иностранцевъ, греческихъ художниковъ, сирійскихъ и армянскихъ врачей, Хозарь, Евреевъ изъ Тавриды, Нѣмцевъ и всякаго рода наемныхъ дружинниковъ датскихъ и свейскихъ. Всѣхъ привлекала въ Кіевъ—кого работа, ибо изъ Кіева требовались мастера всякаго рода и въ другіе города, кого торговля, кого щедрость и радушіе князей, кого веселая, вольная жизнь; чаровницы-жены кіевскія славились повсюду: Капуей для двухъ армій двохъ польскихъ королей былъ этотъ свѣтлый Кіевъ... И слава о немъ разнеслась между народами: о немъ пишутъ Арабы и Нѣмцы; Адамъ Бременскій, знавшій его по наслышкѣ, называетъ его столицей, соперницей Константинопольскаго престола, красой и славой Греціи. О русскихъ мѣхахъ, которыми щеголяла современная знать въ Европѣ, онъ говоритъ, что ихъ жаждали всѣ такъ же пламенно, какъ и царствія не-

беснаго. Въ Нибелунгахъ, въ ихъ обработкѣ XII вѣка, между народами Атиллы упоминаются Кіевляне. Какъ бы въ отвѣтъ имъ, пѣвецъ Игоря говоритъ: «Нѣмци и Венецици (вѣроятно, Венеціане), Греки и Морава поютъ славу Святославу» (Всеволодовичу Кіевскому). При тѣсныхъ сношеніяхъ всякаго рода съ Венгріей, Польшей и другими славянскими землями, Русь — то-есть ея высшее общество — какъ бы входитъ въ общую семью европейскихъ народовъ: Галичъ скоро потомъ въ ней запутывается... Поставленное въ такое положеніе это общество должно было выдвинуться своимъ образованіемъ и развитіемъ изъ народа; потребности, вкусъ, понятія его развивались; мы видимъ въ немъ моды, заимствуемыя не только изъ Греціи, но и съ Запада, напримѣръ латинскіе шлемы въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», какихъ-то шпилеровъ *) посреди гудцовъ и сопѣльниковъ. Но образованіе это, приливаясь изъ другихъ источниковъ, должно было отличаться отъ того, какое было въ монастыряхъ. Хотя въ XII вѣкѣ на Руси уже давно зажглись и сіяли эти свѣтильники вѣры и науки, но на свѣтскомъ обществѣ лучи ихъ еще скользили, такъ сказать, по поверхности. При появленіи духовнаго лица въ княжескую грядицу, князь убиралъ поспѣшно и плясуновъ, и «шпилеровъ», и всѣхъ своихъ потѣшниковъ, «пже въ

*) См. И. И. Срезневскаго. Древніе памятники русскаго письма и языка въ Ивѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, т. X, стр. 648.

басни бають и въ гусли дудуть» и пѣсни поють. Съ точки зрѣнія святыхъ мужей, дворъ княжескій былъ полонъ соблазна не только въ томъ смыслѣ, что тамъ царствуетъ прелесть міра и обуреваютъ душу погибельныя страсти, но и потому, что онъ исполненъ былъ всякаго «поганьства», т.-е. язычества и иноземщины, и въ писаніяхъ своихъ они горько сѣтуютъ на то, что внѣ монастырскихъ стѣнъ господствуетъ еще полное двоевѣріе, то-есть, что рядомъ съ христіанскими вѣрованіями уживаются вѣрованія и обычаи языческіе. На разныхъ княжескихъ семействахъ XI и XII вѣковъ можно прослѣдить степени этого двоевѣрія, сравнивъ характеръ и судьбы князей, напримѣръ, дома Мономаха, сына греческой царевны, Святополка, женатаго на половецкой княжнѣ, Всеслава-кудесника, правнука гордой язычницы Рогнѣды, выросшаго въ Кривской землѣ, сосѣдней съ таинственнымъ литовскимъ язычествомъ. Къ сожалѣнію, по лѣтописямъ намъ трудно уловить истинную картину и колоритъ этого высшаго свѣтскаго общества, ибо лѣтописи ведены людьми, вполне отрѣшившимися отъ языческаго преданія, смотрѣвшими на событія своей земли съ точки зрѣнія христіанской догмы и византійской учености и притомъ писавшими лѣтописи не безъ назидательной цѣли. Но одна уже двойственность именъ князей (исчезающая только въ татарскій періодъ) указываетъ нагляднымъ образомъ на это двоевѣріе: церковь знаетъ Георгія, Михаила, Гав-

ріяла, Василя, а въ дружинѣ и въ народѣ это—Ярославы, Святополки, Всеволоды, Владиміры. О самихъ князьяхъ въ дружинѣ и въ монастырѣ судять различно. Житія упоминають укорительно напримѣръ о князѣ Ростиславѣ (братъ Мономаха), который застрѣлилъ инока, за что послѣдній и предрекъ ему лютую смерть: князь утонулъ; пѣвецъ же Игоря посвящаетъ этому князю нѣсколько весьма сочувственныхъ словъ... Наконецъ самъ Игорь въ «Словѣ» и тотъ же Игорь въ лѣтописи: это два совершенно разныхъ лица.

Въ этомъ-то обществѣ, выдѣлившемся изъ почти совсѣмъ языческаго народа, но съ нимъ тѣсно связанномъ преданіями и обычаями, развитомъ вслѣдствіе своего политическаго положенія, озаренномъ сверху христіанствомъ; въ обществѣ, вѣроятно, бѣльшею частью грамотномъ (князья пишутъ другъ другу письма, собирають книги, многіе, по извѣстіямъ, собраннымъ у Татищева, знаютъ по гречески и по латыни)—пѣвцы съ незапамятныхъ временъ были необходимыми членами. Еще М. П. Погодинъ выразился, что съ самыхъ древнихъ временъ мы видимъ нашихъ князей, окруженныхъ баянами-пѣвцами, какъ сѣверныхъ конунговъ, окруженныхъ скальдами. Какъ и калики переходящіе, эти пѣвцы тоже проводили жизнь свою въ странствованіяхъ, но или въ свитѣ князей, или переѣзжая отъ двора къ двору, отъ князя къ князю, знали такъ же Русскую землю, какъ и

гайки, но съ другой стороны: они знали Русь политическую, всѣхъ князей современныхъ и прежнихъ, ихъ дѣла и ихъ исторію, но опять не по лѣтописямъ, а по пѣснямъ баяновъ стараго времени, по рассказамъ дружинниковъ — по памяти народной.

Отъ этого взгляды ихъ и лѣтописцевъ на этихъ князей часто расходился, и едва ли же не на ихъ сторонѣ было болѣе вѣрное пониманіе дѣлъ на Руси—судя по тому, какъ этотъ взглядъ выражается у пѣвца Игорева. «Славить, пѣть славу» хозяину и гостямъ—старинный обычай славянскихъ народовъ; хвалиться славою отца и дѣда, т. е. подвигамъ ихъ, воспѣтыми пѣвцами (побѣждаютъ, «звонячи въ прадѣдную славу»), вотъ на что нужны были князьямъ пѣвцы, они переманиваютъ ихъ въ свой дворъ, чествуютъ ихъ, ссорятся съ ними. Пѣвцы эти, разумѣется, находятся въ тѣснѣйшей зависимости съ опускающимся или поднимающимся уровнемъ образованія среды, въ которой живутъ,— и вотъ въ XII вѣкѣ ихъ пѣснь достигаетъ уже той высоты, какой мы дивимся въ «Словѣ о Полку Игоревѣ». Мы видимъ въ немъ, что пѣвецъ выражается о соловѣѣ стараго времени, о Баянѣ, какъ о пѣвцѣ, принадлежащемъ къ совершенно другому литературному періоду, и относится къ знаменитости прежняго времени съ уваженіемъ, но уже какъ къ знаменитости устарѣвшей, подобно тому какъ Пушкинъ относился къ барду Екатерининскаго вѣка—

къ Державину. По описанію пѣвца Игорева видно, что пѣснь Баяна была въ родѣ пѣсни скальда или сербскаго гусляра, импровизовавшаго ее тотчасъ по совершеніи подвига, который предстояло воспѣть: возлагалъ Баянъ персты на вѣщія струны, и струны сами рокотали славу князьямъ; мыслью своею онъ, какъ орелъ, ширялъ по поднебесью и сѣрымъ волкомъ рыскалъ по чистому полю. Баянову творчеству пѣвецъ противопоставляетъ свой литературный періодъ, «былны сего времени», и изъ его «Слова» мы можемъ видѣть, каковы эти былны. Пѣвецъ очевидно уже силенъ въ книжномъ ученіи; не чуждъ, можетъ быть, знакомства съ какими-нибудь классическими твореніями,—если не изъ первыхъ рукъ, то, можетъ быть, чрезъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Это явствуетъ изъ его введенія—обращенія къ Баяну, напоминающаго классическія обращенія къ музѣ; изъ отступленій, не мѣшающихъ однако стройному расположенію частей; можетъ быть, изъ болѣе осмысленнаго олицетворенія мѣстныхъ существъ (въ дѣвѣ Обидѣ); изъ созданія характеровъ дѣйствующихъ лицъ: Игоря, одареннаго имъ всею прелестью образа Гектора, Святослава Кіевскаго—этого Пріама его пѣсни: изъ грамматическаго строя рѣчи, и наконецъ изъ самой внѣшней формы поэмы, которая очевидно *писана*, и писана мѣрною прозой, приспособлявшеюся вѣроятно къ пѣнью, по образцу,

можетъ быть, церковныхъ каноновъ и псалмовъ, только на другіе мотивы *).

Эта пѣснь—есть одинъ живой голосъ изъ пестрой свѣтской жизни древней Кіевской Руси, дошедшій до насъ, и вотъ почему она занимаетъ такое уединенное мѣсто посреди другихъ памятниковъ письменности этой эпохи, бѣлшею частью исходившихъ изъ другой среды. Вся литература, изъ которой она только отрывокъ, погибла, и, конечно, ея полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія книгохранилища, былъ главною причиною ея гибели, хотя, разсматривая лѣтописи, мы видимъ въ числѣ источниковъ лѣтописца во многихъ мѣстахъ и эти свѣтскія сказанія **), сквозящія сквозь общій монастырскій лакъ, который на нихъ наводилъ пнокъ, въ своемъ пересказѣ. Лѣтопись о древнѣйшихъ временахъ—о Рюрикѣ, оъ Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и пр. очевидно написана по пѣснямъ, которыя сложены были въ свое время пѣвцами дружины ***). Вѣкъ Ярослава и дѣтей

*) Высказываю здѣсь мое предположеніе о вѣшной формѣ «Слова», потому что вопросъ, какъ оно писано, прозой или стихами, долго занималъ нашихъ критиковъ, и всѣ строили множество догадокъ: собственно тутъ ни проза, ни стихи. Мнѣ кажется, что если читать «Слово» нараспѣвъ, то мы болѣе всего подошли бы къ настоящему дѣлу.

***) См. Бестужева-Рюмина: О Составѣ Русскихъ Лѣтописей.

***) Не странно ли видѣть восхваленіе Ольгиной мести въ христіанскомъ лѣтописцѣ, цѣликомъ переносимое и въ учебники, какъ доказательство ея мудрости.

его—вѣкъ знаменитаго Баяна... Гг. Буслаевъ и Шевыревъ воспользовались всѣми данными, чтобы возстановить образъ этого Державина древней Руси: нельзя ли въ лѣтописи найти еще нѣсколькихъ чертъ? Всматриваясь въ лѣтопись объ его временахъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ ней тамъ и сямъ мелькаютъ чудныя поэтическія черты и цѣлыя картины. Вспомнимъ хоть бой Мстислава съ Редедей, или бой того же Мстислава съ Ярославомъ при Лиственѣ, — ночью, во время грозы: это блистаніе молніи и блистаніе оружія, этотъ красавецъ Якунь, потерявшій въ битвѣ свою луду златую (золотой плащъ)—все это, можетъ быть, сквозь мракъ вѣковъ, сквозь монашескую призму лѣтописца, сгладившаго въ этой пѣснѣ все языческое, замѣнившаго въ ней возванія къ Перуну, къ Дажьбогу и пр. возваніями къ Пресвятой Богородицѣ, все это, можетъ быть, дошедшіе до насъ отблески Баяноваго пѣснотворства... Чѣмъ дальше идетъ лѣтопись, тѣмъ очевидно все поляе и шире матеріалъ подъ рукой лѣтописца. Попадаются цѣлыя мѣста, просто переписанныя имъ съ свѣтскаго пѣвца, напримѣръ, прелестный рассказъ о гудцѣ, загнанномъ за Кавказскія горы съ толпой Половцевъ Владиміромъ Мономахомъ; многія мѣста въ рассказѣ войнъ послѣдняго; въ рассказѣ о Липецкой битвѣ; объ Изяславѣ Мстиславичѣ, и пр.

Но кромѣ лѣтописей, слѣды этой литературы княжескихъ

пѣвцовъ ощутимы еще въ пѣсняхъ народныхъ. Въ Сборникѣ Рыбникова есть цѣлый отдѣлъ пѣсенъ удѣльнаго періода или княжескихъ. Это, безъ сомнѣнія, творенія княжихъ пѣвцовъ, перешедшія позже въ уста пѣвцовъ народныхъ, въ которыхъ они потеряли свой литературный типъ, приблизясь къ общебылинному складу, перепутались въ собственныхъ именахъ, и вообще въ теченіе вѣковъ сгладились въ своихъ особенностяхъ, какъ круглятся и сглаживаются камни, катимые водою. По одному отрывку Волинской лѣтописи, мы можемъ, на примѣръ, заключить, что Романъ Галицкій, современникъ Сѣверскихъ князей, воспитанъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», былъ воспитанъ въ такой же поэмѣ, къ которой принадлежитъ вѣроятно и отрывокъ о гудцѣ половецкомъ, и что многое изъ этой поэмы вошло въ лѣтопись. Въ Сборникѣ Рыбникова есть былина «о двухъ Ливикахъ», въ которой, сквозь общія былинныя краски, ясно проглядываетъ ея основа—эта пѣснь, и очень еще живо сохранился грозный образъ Романа, хотя онъ вмѣсто Мстиславича и названъ Дмитріевичемъ, и вмѣсто Волинскаго или Галицкаго, названъ княземъ Московскимъ. Наказавъ литовскихъ князей, онъ отпускаетъ ихъ и говоритъ:

«Скажите Цимбалу, королю Литовскому,
Что Московскій князь Романъ Дмитріевичъ
Старостью не старѣетъ,
Голова его не сѣдатѣтъ,

Сердце его не ржавѣтъ,
 Слава ему вѣкъ по вѣку не минуетъ!»

Таково же, вѣроятно, происхождение и пѣсни «о Настасѣ, королевишнѣ Политовской» и тоже «о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой», подновленныхъ потомъ въ пѣсни «о Ванькѣ Ключникѣ и князѣ Волконскомъ»; пѣсень: «о князѣ Михаилѣ» (которую г. Чаевъ воспроизвелъ въ своей драмѣ «Свекровь»), «о смерти княгини Михайловны», и пр.

Нельзя довольно нарадоваться, что хоть одна пѣснь изъ этой литературы — «Слово о полку Игоревѣ», дошла до насъ! Въ ней одной, можетъ быть, больше историческихъ откровеній, чѣмъ въ массѣ драгоцѣнныхъ, но однообразныхъ лѣтописныхъ повѣствованій! Это голосъ самой жизни, а не судъ наблюдателя надъ ся бурнымъ кипѣніемъ! Одинъ языкъ «Слова о Полку Игоревѣ», кованный, сжатый, сильный, живописный, рисуеть намъ цѣлое поколѣніе, къ которому принадлежитъ пѣвецъ. И какое это было поколѣніе! Правда, государственная связь областей въ то время рушилась, но не оттого ли и рушилась она, что то былъ вѣкъ могучихъ личностей? Болѣе могучіе между ними не поддались однако, не дали погибнуть государственной идеѣ; одни, какъ Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое Гнѣздо, о которомъ пѣвецъ говорить: «ты можешь Волгу веслами раскропити, а Донъ шеломами выльяти», уходятъ на лѣсной сѣверъ, и

укрѣпляясь тамъ, борятся за государственное начало, пытаясь подобрать подъ свою руку князей удѣльныхъ. Другіе, какъ, на примѣръ, Романъ Галицкій, «высоко возлетающій въ замыслахъ своихъ, что соколъ ширяся на вѣтрехъ, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти», по выраженію пѣвца, — то же замышляетъ на югѣ. Зоркій папа Иннокентій III, ревностиѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ стремившійся къ покоренію подъ десницу свою всего христіанскаго міра, разглядѣль издали этого Романа, и, лстя его честолюбію, обѣщаль, лишь бы онъ призналъ главенство папы, вѣнчать его королевскою короною и вознести надо всею Русскою землею посредствомъ меча св. Петра: «А такой ли мечъ у папы», отвѣчаль Романъ, обнажая свой мечъ, и указывая на него: «доколѣ ношу его при бедрѣ, не нуждаюсь въ иномѣ». Рядомъ съ этими мужами стоятъ Ярославъ Остроумль Галицкій, что «горы Угорскія подперъ своими желѣзными полками», и отъ златаго престола котораго «по землямъ текутъ грозы»... За нѣсколько лѣтъ до похода Игоря умеръ Мстиславъ Храбрый (1180), который навывкъ «отъ юности своея не бояться никого, кромѣ Бога единаго»... За этими князьями стоятъ, пожалуй, менѣе талантливые, но не менѣе крѣпкіе мужи — какъ Святославъ Кіевскій, который возобновилъ времена и славу Мономаха, явясь грозою Половцевъ: налетѣвъ словно вихрь, онъ исторгъ изъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ ихъ когана, поганаго Кобяка, и упаль

Кобякъ въ золотую гридню его въ Кіевѣ плѣнникомъ; или какъ Рюрикъ Ростиславичъ, который семь разъ добывалъ и терялъ Кіевъ, со злата стола его былъ постриженъ въ монахи, сбросилъ рясу и добылъ таки опять Кіевъ... Далѣе подрастаетъ Даніилъ Галицкій, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой. Этотъ Мстиславъ, между всѣми князьями XII и начала XIII вѣка, какъ-то выходитъ изъ общаго княжескаго склада, является всегда какимъ-то странствующимъ витяземъ земли Русской туда, гдѣ надобно кого-нибудь защитить. «Кланяюсь святой Софіи, гробу отца моего (Мстислава Храбраго) и всѣмъ Новгородцамъ: я пришелъ къ вамъ, слыша, что вы терпите насиліе отъ князей: жаль мнѣ стало своей отчины», говоритъ онъ, являясь въ Новгородѣ. Устроивъ побѣдами дѣла Новгородцевъ, онъ уходитъ отъ нихъ, говоря, что «у него есть дѣла на Руси». То идетъ ратью возстановлять поправное право старѣйшинства въ Суздальской землѣ, то ѣдетъ на югъ вырывать Галичъ изъ рукъ Венгровъ... Званія великокняжескаго не ищетъ, побѣждаетъ, но волостей не беретъ; воюетъ наконецъ въ Польшѣ, и погибаетъ отъ ранъ Богъ знаетъ за какое дѣло!.. Имя этого князя въ лѣтописяхъ часто понадается рядомъ съ именами богатырей. «Вы знаете, каковъ есть Мстиславъ Мстиславичъ», говорилъ старшій бояринъ Андрей Станиславичъ молодымъ князьямъ Юрью и Ярославу Всеволодовичамъ, «вы знаете, что ему отъ Бога храбрость дана паче

всѣхъ, и есть у него мужи храбрые зѣло, и великіе богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слышать на себѣ ранъ». Между этими богатырями находятся и Александръ Поповичъ со слугою Торопомъ, и Добрыня Рязаничъ Златой Поясъ (которые позже и появились въ былинахъ подъ именами Алеши Поповича со слугою же Екимомъ Ивановичемъ, и Добрыня Никитичъ *). Богатырей особенно много встрѣчается въ лѣтописяхъ этой эпохи; кромѣ двухъ названныхъ, ихъ семьдесятъ человекъ убито на Калкѣ. Не по образу ли ихъ сложился этотъ князь? Не связанъ ли былъ съ ними побратимствомъ? И жизнь его не подаетъ ли намъ повода къ разъясненію и того, что такое были эти богатыри, люди Божіи, какъ ихъ называли, богатыри, воспитанные въ свое время пѣвцами и передавшие потомъ свои имена миѳическимъ героямъ Солнечной эпопеи?

Вотъ современники «Слова о Полку Игоревѣ» и его пѣвца, въ кругу которыхъ приходилось ему пѣть... Я говорилъ только о князьяхъ: но духъ князей жилъ и въ ихъ дружинѣ. Понятно, чтобы пѣть этимъ богатырямъ, чтобы заставить ихъ себя слушать, надобно было имѣть и сред-

*) Никита — родовое имя любимыхъ народомъ свойственниковъ Іоанновыхъ, бояръ Романовыхъ: не съ этихъ ли временъ оно и привязалось къ Добрынѣ и породило его съ Владиміромъ? Не Романовы ли вообще послужили къ созданію типа былиннаго боярина, сподвижника Ильи Муромца, такъ какъ вообще та редакція былинъ, въ какой онѣ дошли до насъ, болѣе всего отражаетъ на себѣ время Іоанновъ.

ную нмъ душу, самому быть этого закала, а закалъ этотъ такъ и звенить въ кованомъ языкѣ «Слова»... Но сколько еще чертъ въ этомъ «Словѣ», которыя возвышали умъ и сердце пѣвца, можетъ быть, надо всѣмъ его поколѣніемъ.

Кто же такой былъ этотъ пѣвецъ? Увы, извѣстій о немъ нѣтъ... но вся біографія его — въ его пѣсни... Нерѣдко у нашихъ критиковъ, рядомъ съ этимъ вопросомъ: кто былъ пѣвецъ? встрѣчается такое размышленіе: «Странно, что пѣвецъ для своей пѣсни избралъ незначительный и несчастный походъ Сѣверскихъ князей, когда, желая воспѣть бои Русскихъ съ Половцами, онъ могъ бы взять предметомъ своего пѣснопѣнія войны Владиміра Мономаха, болѣе громкія и болѣе дающія разгула фантазіи.» Но, вопервыхъ, пѣвецъ, можетъ быть, и сдѣлалъ очеркъ или поэтическую характеристику войнъ Мономаха въ той же пѣсни объ Игорѣ, судя по его словамъ: «почнемъ же, братіе, пѣснь сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря», но эта часть его поэмы для насъ потеряна *). Вторыхъ: эти войны были, безъ сомнѣнія, въ свое время воспѣты: въ разсказѣ о нихъ лѣтописца сквозятъ и свѣтскія сказанія **). Но главное

*) См. примѣч. 3.

**) Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ разсказѣ встрѣчаются выраженія, обороты и образы, напоминающіе нашего пѣвца, т. е. манеру свѣтскихъ пѣвцовъ, напр.: «Половце выступиша яко борове велиции и тьмами темъ обступали полки русскіе... Полки сразившимся челомъ тресну ани громъ (*тресну* — вспомнимъ: «кликну, стукну земля» въ

вопросъ, почему пѣвецъ выбралъ для пѣснопѣнія своего похода Игоревъ, разрѣшается самою поэмой. Вѣрность, реальность красокъ—эти стаи птицъ, провожающихъ войско; эти клекчущіе орлы, лисицы, брешущія на червленые щиты; эта чудная идиллія бѣгства Игоря, его рѣчь къ Донцу; эти дятлы, ползающіе по вѣтвямъ и тектомъ путь ему указующіе; этотъ вѣтеръ, шатающій вежи половецкія; этотъ скрипъ телегъ кочевниковъ, ночью, подобный крику всполошенныхъ лебедей; битва, этотъ буй-туръ Всеволодъ, въ свалкѣ посвящающій своимъ золотымъ шеломомъ, — вся эта живая обстановка, взятая прямо съ природы — ясно говоритъ, что пѣснь объ Игорѣ не есть риторическое упражненіе на заданную тему. Вы чувствуете, пѣвецъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ похода, да и плѣна, и тамъ, въ плѣну, въ степи, и сложилась въ умѣ его вся поэма. Только тамъ, вдали отъ родины, и долженъ былъ выработаться въ душѣ пѣвца, просвѣтленной несчастіемъ, тотъ объективный,

«Сл. о П. Иг.»), и бывшу сосуту брани крѣпце, *Богъ вышній воззрь на иноплеменниковъ съ гнѣвомъ...*» Такъ и видишь, что въ мірской пѣсни это былъ тотъ же свѣтъ въ борьбѣ со тьмой, его окружившей, и явившійся Богъ вышній былъ Дажьбогъ, помогающій своему внуку... Картина русскихъ плѣнниковъ, влекомыхъ въ степь Половцами, изнуренныхъ и уязвляемыхъ на пути терніемъ, спрашивающихъ другъ друга: «ты изъ какого града, ты изъ какого села?»... и множество другихъ мелкихъ чертъ заставляютъ подозрѣвать твореніе княжого пѣвца передъ глазами лѣтописца, который переводилъ его на свой монастырскій языкъ.

высокій взглядъ на дѣла Руси, страдающей, при единствѣ народа, отъ розни князей; тамъ должно было такъ живо заговорить его чувство любви къ родинѣ и сообщить душу его пѣсни. И въ какой же моментъ вдругъ въ его поэмѣ прорывается эта мысль и это чувство? Полки разбиты, Игоря ведутъ въ плѣнъ, и вотъ надъ полемъ битвы появляется мнѣшская дѣва-Обида, какъ вопль падшихъ, преслѣдующій князя увлекаемаго въ плѣнъ. Ясно, что въ этомъ образѣ олицетворены терзанія и укору Игоря самому себѣ, все, что сказалось въ долгихъ бесѣдахъ у пѣвца съ княземъ въ ставкѣ половецкой, чѣмъ князь такъ полюбился пѣвцу и чѣмъ такъ привлекателенъ въ его пѣсни. Той же мыслью и тѣмъ же чувствомъ освѣщенъ у пѣвца и образъ представителя Руси, великаго князя старца Святослава, на котораго издали устремлены очи плѣнниковъ, и отъ котораго они ждуть себѣ спасенія. «Старику бѣ помолодѣть не диво», говоритъ Святославъ, «да бѣда — въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помощи». Онъ заклинаетъ ихъ всѣхъ подняться за Русскую землю, за Игоревы раны; напоминаетъ имъ идеалъ времени Мономаха, умѣвшаго направлять всѣхъ князей, всѣ силы Руси, на варваровъ. Во имя этого идеала онъ произноситъ судъ надъ тѣми князьями, которые, какъ Полоцкіе, какъ бы выдѣлились изъ единой Руси... Эпизодъ о Ярославнѣ, какъ видѣлъ ее Игорь въ послѣдній разъ на стѣнѣ въ Путивлѣ, — даетъ поводъ пѣвцу очертить ея

образъ въ трогательныхъ жалобахъ, въ обращеніяхъ къ вѣтру, къ водѣ и солнцу (замѣтимъ мимоходомъ, что летописецъ заставилъ бы ее обращаться съ молитвой къ Пречистой Дѣвѣ и Божьему заступничеству). Словомъ, все заставляеть насъ думать, что вся эта пѣснь возникла изъ міра мыслей и чувствъ, тамъ, въ степи, въ плѣну достигшихъ своей высшей напряженности и тѣмъ сдѣлавшихъ для пѣвца этотъ походъ важнѣе всѣхъ прежнихъ, болѣе счастливыхъ войнъ Русскихъ князей съ Половцами...

Намъ «Слово о Полку Игоревѣ» стало извѣстно съ 1795 года, когда отыскалъ его въ одномъ сборникѣ почтенный любитель старины графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Въ 1800 году графъ издалъ текстъ и свой переводъ. Недавно академикомъ Пекарскимъ найденъ въ бумагахъ Екатерины II другой списокъ, сдѣланный графомъ же для императрицы. Къ несчастію, самый сборникъ сгорѣлъ въ Московскомъ пожарѣ 1812 года, и мы должны довольствоваться только этимъ новымъ спискомъ и изданіемъ Мусина-Пушкина; оригинальный списокъ принадлежалъ XIV столѣтію. Появленіе «Слова» въ печати сдѣлало эпоху въ нашемъ литературномъ мірѣ, особенно когда подлинность этой пѣсни скрѣпилъ своею подписью тогдашній нашъ историческій оракулъ въ Геттингенѣ—Шлецеръ. «У насъ свой Оссіанъ, у насъ были свои барды», повторялось на тысячи ладовъ.

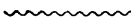
Писались статьи и трактаты, и доказывалось, что «Слово о Полку Игоревѣ» удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ героической поэмы; отдѣльно толковали «о чудесномъ», необходимомъ элементѣ героическихъ поэмъ, объ умѣньи пѣвца пользоваться имъ. Но посреди хвалителей явились и скептики, отрицавшіе и Оссіана, и бардовъ, и всякую возможность такого литературнаго произведенія въ древней Руси, и видѣвшіе въ «Словѣ» позднѣйшую поддѣлку; полякъ Годабскій, не обинуясь, объявилъ, что Мусинъ-Пушкинъ самъ сочинилъ эту пѣснь. Находили въ ней анахронизмы. Позже, Сенковскій видѣлъ въ ней даже галлицизмы. Война изъ-за «Слова» особенно разгорѣлась, когда во главѣ скептиковъ сталъ человѣкъ богатый знаніями — Каченовскій и перенесъ споръ изъ области эстетики въ область исторіи. Долго споръ былъ неравенъ. Неравенъ онъ былъ, когда Каченовскій царилъ на кафедрѣ Московскаго университета, а графъ Уваровъ привезъ на лекцію его Пушкина. «Вотъ, господа, сказалъ онъ студентамъ, указывая на Каченовскаго, — вотъ передъ вами наука, а вотъ, — указывая на Пушкина, — само искусство!» Каченовскій сталъ читать лекцію о «Словѣ о Полку Игоревѣ» и уничтожать его. Пушкинъ, давно лелѣявшій мысль передать пѣснь объ Игорѣ своимъ стихомъ, не выдержалъ и пустился защищать. «Помню», сказывалъ мнѣ очевидецъ, тогдашній студентъ *)—

*) Ив. Ал. Гончаровъ.

тотъ мой пріятель, о которомъ я говорилъ въ началѣ этого очерка,—«помню, какъ сквозь сѣдины Каченовскаго проступалъ яркій румянецъ, и какъ горѣли глаза Пушкина»... Бой былъ неравенъ, судя по впечатлѣнію пріятеля: онъ и теперь еще, кажется, болѣе на сторонѣ профессора,—и не мудрено! Пушкинъ угадывалъ только чутьемъ то, что уже послѣ него подтвердила новая школа филологіи неопровержимыми данными; но этого оружія она еще не имѣла въ его время, и поэтъ не могъ разорвать хитросплетенной паутины «злого паука».

Не безъ робости рѣшаюсь напечатать свой трудъ, не смѣя самъ себя сказать, что я его кончилъ. Взглядъ, который я рѣшился выразить въ этомъ очеркѣ, взглядъ, ставящій «Слово» въ гармонію съ его временемъ, мнѣ кажется единственный, устраняющій возраженія противъ случайности его появленія въ XII вѣкѣ: не знаю, довольно ли ясно и убѣдительно сумѣлъ я его высказать. Рѣшаюсь печатать въ надеждѣ: не удостоятся ли мои четырехлѣтнія занятія «Словомъ» вниманія и замѣчаній отъ людей болѣе меня знающихъ. Мною принятъ былъ за основаніе сводный текстъ обоихъ списковъ, сдѣланный г. Пекарскимъ. Онъ писанъ въ строку, безъ красныхъ строкъ, безъ дѣленій на главы, введенныхъ прежними издателями. Я старался по

возможности сохранить слова и выраженія подлинника; если допускалъ прибавку лишнихъ словъ, то имѣя въ виду одно: вызвать въ умъ нынѣшняго читателя тотъ образъ, который имѣлъ въ виду пѣвецъ, и который возбуждался въ воображеніи его слушателей XII вѣка; пѣвцу для того довольно было двухъ-трехъ чертъ, ибо онъ говорилъ ихъ языкомъ, ихъ метафорами, ихъ понятіями и преданіями. Впрочемъ, эти прибавки касаются почти только однихъ «темныхъ» мѣстъ «Слова», которыя каждый толкуетъ по своему.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Не начать ли нашу пѣснь, о братья,
Со сказаній о старинныхъ браняхъ, — (1)
Пѣснь о храброй Игоревой рати
И о немъ, о сынѣ Святославѣ!
И воспѣть ихъ, какъ поется нынѣ,
Не гоняясь мыслью за Бояномъ!
Пѣснь слагая, онъ, бывало, вѣщій,
Быстрой векшей по лѣсу носился, (2)
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что орель, ширялъ подъ облаками!
Какъ вспомнить брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустить
Десять быстрыхъ соколовъ въ догонку:
И какую первую настигнуть,
Для него и пѣсню пой та лебедь, —
Пѣсню пой о старомъ Ярославѣ ль,
О Мстиславѣ ль, что въ бою зарѣзалъ,

Поборовъ, Касожскаго Редедю,
 Аль о славномъ о Романѣ Красномъ...
 Но не десять соколовъ то было;
 Десять онъ перстовъ пускалъ на струны,
 И князьямъ, подъ вѣщцами перстами,
 Сами струны славу рокотали!..

Поведемъ же, братія, сказанье
 Отъ временъ Владиміровыхъ древнихъ,
 Доведемъ до Игоревой брани,
 Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ,
 Наострилъ отвагой храброй сердце,
 Распалился славнымъ ратнымъ духомъ
 И за землю Русскую дружину
 Въ степь повелъ на хановъ половецкихъ. (3)

* У Донца былъ Игорь, только видитъ —

Словно тьмой полки его прикрыты,

И возрѣлъ на свѣтлое онъ Солнце —

* Видитъ: Солнце — что двурогій мѣсяцъ,

* А въ рогахъ былъ словно уголь горящій;

* Въ темномъ небѣ звѣзды просіяли;

* У людей въ глазахъ позеленѣло.

* «Не добра ждать» — говорятъ въ дружинѣ.

* Старики поникли головами:

* «Быть убитымъ намъ пли плѣненнымъ!»

Князь же Игорь: «Братья и дружина,
«Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!
* «Но кому пророчится погибель —
* «Кто узнаеть, намъ или поганымъ?
«А посядемъ на коней на борзыхъ,
«Да посмотримъ синяго-то Дону!»
Не послушалъ знаменья онъ Солнца,
Распалась взглянуть на Донъ великій! (4)
«Преломить копье свое», онъ кликнулъ,
«Вмѣстѣ съ вами, Русичи, хочу я,
«На концѣ невѣдомаго поля!
«Или съ вами голову сложити,
«Иль испить златымъ шеломомъ Дону!»

О, Боянъ, о, вѣщій пѣснотворецъ,
Соловей временъ давно минувшихъ!
Ахъ, тебѣ бѣ пѣвцомъ быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орломъ подъ сизы тучи,
Съ древней славой новую свивая,
Въ путь Трояновъ мчась чрезъ доль на горы, (5)
Воспѣвать бы Игореву славу!

То не буря соколовъ помчала,
То не стаи галчьи побѣжали

Чрезъ поля-луга на Донъ великій...
Ахъ, тебѣ бы пѣть, о внукъ Велесовъ!..

За Сулою-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенить во Кіевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги *) красныя въ Путивлѣ...
Поджидаетъ Игорь мила брата;
А пришелъ и Всеволодъ, и молвить:
«Игорь, братъ, единъ ты свѣтъ мой свѣтлый!
«Святослави мы сыны, два брата!
«Ты сѣдай коней своихъ ретивыхъ,
«А мои осѣданы ужь въ Курскѣ!
«И мои Куряне ль не смышлены!
«Повиты подъ бранною трубою,
«Повзросли подъ шлемомъ и кольчугой,
«Со конца копыя они вскормлены! (6)
«Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
«Луки туги, тулы отворѣны,
«Остры сабли крѣпко отточѣны,
«Сами скачутъ словно волки въ полѣ,
«Алчутъ чести, а для князя славы!..»

И вступилъ князь Игорь во златъ стремянь,
И дружины двинулись за княземъ.

*) Стягъ—знамя.

Солнце путь ихъ тьмою заступало:
Ночь пришла — та взвыла, застонала,
И грозою птицъ поразбудила.
Свистъ звѣриный всталъ кругомъ по степи;
Высоко поднявшись по древу,
Черный Дивъ закликалъ, подавая (7)
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунъ и Сурожское море,
И тебѣ, болванъ Тмутороканскій!
И бѣгутъ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отвсюду
Отъ телегъ ихъ скрипъ пошелъ, — ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Донъ великій держить,
А надъ нимъ бѣду ужъ чуютъ птицы
И несутся слѣдомъ за полками:
Воютъ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетиняся, словно бурю кличутъ;
На красны щиты лисицы брешутъ,
А орлы, своимъ зловѣщимъ клеткомъ,
По степямъ звѣрье зовутъ на кости...

А ужъ въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила! (8)

Ночь рѣдѣть. Бѣль разсвѣтъ проглянулъ,
По степи туманъ понесся сизый;
Позамолкнулъ щекоть соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
Въ полѣ Русь, съ багряными щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы.

И въ пятокъ то было; съ позаранья,
Потоптали храбрые поганыхъ!
По полю разсыпавшись, что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали половецкихъ,
Аксамиту, паволокъ и злата,
А мѣшковъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,
Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдавъ Игорьъ,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ,
Красный стягъ, серебряное древко,
Съ алой чолкой, съ бѣлою хоругвью.

Дремлетъ храброе гнѣздо Олега.
Далеко, родное, залетѣло!
«Не родились, знай, мы на обиду
«Ни тебѣ, быстръ соколъ, пестерьъ кречеть,
«Ни тебѣ, золъ вѣронъ Половчанинъ...»

А ужь Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ,
И Кончакъ за Гзакомъ имъ навстрѣчу...

И въ другой день, полосой кровавой,
Повѣщаютъ день кровавый зори...
Идутъ тучи черныя отъ моря,
Тьмой затмить хотятъ четыре солнца... (9)
Синія въ нихъ молніи трепещутъ...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрѣлами!
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потушиться саблямъ о шеломы,
О шеломы Половчанъ поганныхъ!

А ужь въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Переваль давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Вѣютъ вѣтры, ужь нансять стрѣлы,
На полки ихъ Игорева сыплютъ...
Помутились, пожелтѣли рѣки,
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли ужь знамена плещутъ...
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ...
И отъ Дона, и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду! (10)

Отосюду бѣсовы исчадыя
 Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ:
 Молча, Русь, отпоръ кругомъ готова,
 Подняла щиты свои багряны. (11)

Ярый туръ ты, Всеволодъ! стоишь ты
 Впереди съ Курянами своими!
 Прыщешь стрѣлами на вражьихъ воевъ,
 О шеломахъ ихъ гремишь мечами!
 Гдѣ ты, буй-туръ, ни поскачешь въ битвѣ,
 Золотымъ посвѣчивая шлемомъ, —
 Тамъ валяются головы поганыхъ,
 Тамъ трещать аварскіе шелома
 Вкругъ тебя отъ сабель молодецкихъ!
 Не считаетъ ранъ ужъ онъ на тѣлѣ!
 Да ему о ранахъ ли тутъ помнить,
 Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
 Отчій столъ, честны пиры княжіе
 И своей красавицы княгини,
 Той ли свѣтлой Глѣбовны, утѣхи,
 Милый ликъ и ласковый обычай! (12)

Были вѣки темнаго Трояна, (13)
 Ярославъ годы миновали;
 Были брани храбраго Олега...
 Тотъ Олегъ мечомъ ковалъ крамолу,

Съяль стрѣлы по землѣ по Русской...
Затрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани:
Слышалъ трубы Всеволодъ Великій, (14)
И съ утра въ Черниговѣ Владиміръ
Самъ въ стѣнахъ закладывалъ ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одръ его сложила
На зеленомъ полѣ у Канина... (15)
Паль младъ князь, паль храбрый Вячеславичъ,
За его жь, за Ольгову обиду!
И съ того зеленаго же поля,
На своихъ угорскихъ иноходцахъ,
Ярополкъ увезъ и отче тѣло (16)
Ко святой Софіи въ стольный Кіевъ.
И тогда жь, въ тѣ злые дни Олега,
Съялось крамолой и ростилось
На Руси отъ внуковъ Гориславы; (17)
Погибала жизнь Дажьбожьихъ внуковъ,
Сокращались вѣки челоувѣкамъ...
Въ дни тѣ рѣдко ратаи за плугомъ
На Руси покрикивали въ полѣ;
Только враны каркали на трунахъ,
Галки рѣчь вели между собою,
Далекò почуя мертвечину.

Такъ въ тѣ брани, такъ въ тѣ рати было,
Но такой, какъ Игорева битва,
На Руси не слыхано отъ вѣка!

Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломаются булатны,
Среди невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой степи!
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси — горемъ!..

Что шумить-звенить передъ зарею?

Скачетъ Игорь полкъ поворотити...
Жалко брата... Третій день ужь бьются!
Третій день къ полудню ужь подходитъ:
Тутъ и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тутъ и оба брата
На Каялѣ быстрой разлучились...
Ужъ у храбрыхъ Русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Попоили сватовъ да и сами

Полегли за отческую землю!
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали приклонились...

Невеселый часъ насталь, о, братья!
Ужь пустыня скрыла поле боя,
Гдѣ легла Дажьбожья внука сила.—
Но надъ ней стоять ся Обида...
Обернулась дѣвою Обида,
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины,
И крылами плещуци у Дона,
Въ синемъ морѣ плеща, громкимъ гласомъ
О годахъ счастливыхъ поминала: (18)

«Отъ усобиць княжихъ — гибель Руси!
«Братья спорять: тѣ мое и это!
«Золь раздоръ изъ малыхъ словъ заводять,
«На себя куютъ крамолу сами,
«А на Русь съ побѣдами приходятъ
«Отовсюду вороги лихіе!

«Залетѣлъ далече, ясный соколъ,
«Загоняя птицъ ко синю морю, —
«А полка ужь Игорева нѣту!
«На всю Русь поднялся вой поминокъ, (19)
«Поскочила Скорбь отъ веси къ веси,

«И, мужей зовя на тризну, мечеть
«Имъ смолой пылающіе роги...
«Жены плачуть, словно причитаютъ:
«Ужь ни мыслью мнлыхъ намъ не смыслить!
«Ужь ни думой ладъ своихъ не сдумать,
«Ни очами намъ на нихъ не глянуть,
«Златомъ, серебромъ намъ уже не звякнуть!

«Стонеть Кіевъ, тужить градъ Черниговъ, (20)
«Широко печаль течеть по Руси;
«А князья куютъ себѣ крамолу,
«А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ,
«Собираютъ дань по бѣлкѣ съ дымомъ...
«А все храбрый Всеволодъ да Игорь!
«То они зло лихо разбудили:
«Усыпилъ было его могучій
«Святославъ, князь Кіевскій великій...
«Былъ грозой для хановъ половецкихъ!
«Наступилъ на землю ихъ полками,
«Притопталъ ихъ холмы и овраги,
«Возмутилъ ихъ рѣки и озера,
«Изушилъ потоки и болота!
«А того поганого Кобяка,
«Изъ полковъ желѣзныхъ половецкихъ,
«Словно вихрь, исторгъ изъ лукоморья —

«И упаль Кобякъ во стольный Кіевъ,
«Въ золотую гридню къ Святославу...
«Нѣмцы, Греки и Венеціане,
«И Морава хвалятъ Святослава,
«И корягъ всѣ Игоря, смѣются,
«Что на днѣ Каялы половецкой
«Погрузилъ онъ русскую рать-силу,
«Рѣку русскимъ золотомъ засыпаль,
«Да на ней же самъ съ сѣдла златаго
«На сѣдло кощя *) пересаженъ».

Въ городахъ затворены ворота. (21)
Приумолкло на Руси веселье.
Смутенъ сонъ приснился Святославу.

«Снилось мнѣ», онъ сказывалъ боярамъ, —
«Что меня, на кипарисномъ ложѣ, (22)
«На горахъ, здѣсь въ Кіевѣ, охъ, чернымъ
«Одѣвали съ вечера покровомъ;
«Съ синимъ мнѣ виномъ мѣшали зелье;
«Изъ поганныхъ половецкихъ туловъ
«Крупный жемчугъ сыпали на лоно;
«На меня, на мертвеца, не смотрятъ, —
«Въ терему жъ золотоверхомъ словно

*) Кощей — рабъ, плѣнникъ.

«Изъ конька повыскачили доски, —
«И всю ночь прокаркали у Плѣнска,
«Тамъ, гдѣ прежде дебрь была Кисаня, (23)
«На подольѣ, стаи черныхъ врановъ,
«Проносясь несмѣтной тучей къ морю»...

Отвѣчали княжи бояре:

«Умъ твой, княже, полонило горе!
«Съ златъ-стола два сокола слетѣли,
«Захотѣвъ испить шеломомъ Дону,
«Поискать себѣ Тмуторокани.
«И подсѣкли Половцы имъ крылья,
«А самихъ опутали въ желѣза!
«Въ третій день внезапно тьма настала!
«Оба солнца красныя померкли,
«Два столба богряные погасли,
«Съ ними оба тьмой поволоклися
«И въ небесныхъ безднахъ погрузились,
«На веселье ханамъ половецкимъ,
«Молодые мѣсяцы, два свѣта —
«Володмиръ съ храбрымъ Святославомъ! (24)
«На Каялѣ Тьма нашъ Свѣтъ покрыла,
«И простерлись Половцы по Руси,
«Словно люты пардусовы гнѣзда!
«Ужь хула на славу нанеслася,

«Зла нужда ударила на волю,
«Черный Дивъ повергнулся на землю,
«Радъ, что дѣвы готскія запѣли
«По всему побережью сinea моря!
«Золотомъ позваниваютъ русскимъ,
«Прославляютъ Бусовы побѣды (25)
«И лелѣютъ месть за Шарукана...
«До веселья ль, княже, тутъ дружинѣ!»

Изронилъ тогда, въ отвѣтъ боярамъ,
Святославъ изъ устъ златое слово,
Горючьими слезами облитое:

«Дѣтки, дѣтки, Всеволодъ мой, Игоры!
«Сыновцы (26) мои вы дорогіе!
«Не въ пору искать пошли вы славы
«И громить мечами вражью землю!
«Ни побѣдой, ни пролитой кровью
«Для себя не добыли вы чести!
«Да сердца-то ваши удалыя
«На огнѣ скованы на лютомъ,
«Во отвагѣ буйной закалены!
«Что теперъ вы, дѣти, сотворили
«Съ сѣднной серебряной моею?
«Нѣтъ со мной ужъ брата Ярослава! (27)

«Онъ ли сильный, онъ ли многоратный,
 «Со своей черниговской дружиной! —
 «А его Могуты и Татраны,
 «Топчаки, Ревуги и Ольберы,
 «Тѣ съ ножами, безъ щитовъ, лишь кликомъ,
 «Бранной славой прадѣдамъ ревнуга,
 «Побѣждаютъ полчища и рати...
 «Вы жь возмнили: сами одолѣмъ!
 «Всю сорвемъ, что въ будущемъ есть, славу,
 «Да и ту, что добыли ужь дѣды!..

«Старику бѣ помолодѣть не диво!
 «Вьеть гнѣздо соколъ и птицъ взбиваетъ,
 «Своего гнѣзда не дастъ въ обиду,
 «Да бѣда — въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помощи!
 «Времена тяжелыя настали: (28)
 «Крикъ въ Ромнахъ подъ саблей половецкой!
 «Володиміръ ранами изъязвленъ,
 «Стонеть, тужить Глѣбовичъ удалый...
 «Что жь ты, княже, Всеволодъ великій! (29)
 «И не въ мысль тебѣ перелетѣти,
 «Издадека поблюсти столъ отчій?
 «Могъ бы Волгу веслами разбрызгать,
 «Могъ бы Донъ шеломами расчерпать!
 «Будь ты здѣсь, да Половцевъ толпою

«Продавали бѣ — дѣвка по ногатѣ,
«Смердѣ-кощей по рѣзани пошелъ бы!
«Вѣдь стрѣлять и по суху ты можешь —
«У тебя живые самострѣлы —
«Двое братьевъ, Глѣбовичей храбрыхъ! (30)

«Ты, буй Рюрикъ, ты, Давидъ удалый! (31)
«Вы ль съ дружиной по златые шлемы
«Во крови не плавали во вражьей?
«Ваши ль рати не рычатъ по степи,
«Словно туры, раненные саблей!
«Ой, вступите въ золотое стремя,
«Распалитесь гнѣвомъ за обиду
«Вы за землю Русскую родную,
«За живыя Игоревы раны!

«Остромыслъ ты вѣщій, Ярославѣ... (32)
«Высоко на золотомъ престолѣ
«Возсѣдаешь въ Галичѣ ты крѣпкомъ!
«Подперъ ты своей желѣзной ратью
«Что стѣной, Карпатскія угорья,
«Заградивъ для короля дорогу,
«Затворивъ ворота на Дунаѣ,
«Черезъ тучи сыпя горы камней
«И судя до самаго Дуная!
«И текутъ отъ твоего престола

«По землямъ на супротивныхъ грозы...
«Отворяешь въ Кіевѣ ворота,
«Мечешь стрѣлы за земли въ салтановъ!..
«Ахъ, стрѣлай въ поганого кощея,
«Разгрома Кончака за обиду,
«Встань за землю Русскую родную,
«За живыя Игоревы раны!..

«Ты, Романъ, съ своимъ Мстиславомъ вѣрнымъ! (33)
«Смѣло мысль стремить вашъ умъ на подвигъ!
«Ты могучій, въ замыслахъ высоко,
«Возлетаешь, что соколъ ширяя
«На вѣтрахъ, надъ вѣрною добычей...
«Грудь у васъ изъ-подъ латинскихъ шлемовъ
«Вся покрыта кольчатою сѣткой!
«Передъ вами трепетали земли,
«Потрясались Хиновскія страны,
«Деремела жъ, Половцы съ Литвою
«И Ятвяги палицы бросали
«И во прахъ кидались передъ вами!
«Свѣтъ, о князь, отъ Игоря уходитъ! (34)
«Не на благо листь спадаетъ съ древа!
«По Роси, Сулѣ врагъ грады дѣлить,
«А полку ужъ Игорева вѣту!
«Донъ зоветъ, Романъ, тебя на подвигъ,

«Всѣхъ князей сзываетъ на побѣду,
«А одни лишь Ольговичи вяли
«И на брань, на зовъ его, dospѣли...

«Ингварь, Всеволодь, и вы, три брата,
«Вы, три сына храбраго Мстислава, (35)
«Не худа гнѣзда птенцы крылаты!
«Отчинъ вы мечомъ не добывали —
«Гдѣ же ваши шлемы золотые?
«Аль ужъ нѣтъ щитовъ и лясскихъ палиць?
«Заградите острыми стрѣлами
«Ворота на Русь съ широкой степи!
«Потрудитесь, князи, въ полѣ ратномъ,
«Всѣ за землю Русскую родную,
«За живыя Игоревы раны!..

«Ужь не той серебряной струею
«Потекла Сула къ Переяславлю,
«И Двина пошла уже болотомъ,
«Взмущена врагомъ, подъ грозный Полоцкъ!
«Услыхалъ и Полоцкъ крикъ поганыхъ!
«Изяславъ булатными мечами
«Позвонилъ одинъ о вражьихъ шлемы,
«Да разбилъ лишь дѣдовскую славу,
«Самъ сраженъ литовскими мечами

«И изрубленъ на травѣ кровавой,
«Подъ щитами красными своими!
«И на томъ одрѣ на смертномъ лежа, (36)
«Самъ сказалъ: «Вороньими крылами
«Пріодѣлъ ты, князь, свою дружину,
«Полизать звѣрямъ ея даль крови!»
«И одинъ, безъ брата Брячислава,
«Безъ другаго Всеволода-брата,
«Изронилъ жемчужную онъ душу;
«Изронилъ, одинъ, изъ храбра тѣла,
«Сквозь свое златое ожерелье!..
«И поникло въ отчинѣ веселье,
«Въ Городнѣ трубятъ печально трубы...

«Всѣ вы, внуки грознаго Всеслава,
«Опустите ваши красны стяги,
«И въ ножны мечи свои вложите:
«Вы изъ дѣдней выскочили славы!
«Въ вашихъ сварахъ первые вы стали
«Наводить на отчій край поганыхъ!
«И отъ васъ не лучше половецкихъ,
«Таковы жъ насилья были Руси! (37)
«Загадалъ о дѣдинѣ любезной
«Тотъ Всеславъ, на Кіевъ жребій бросилъ,
«На коня вскочилъ онъ и помчался,

«Да лишь дrevкомъ копія добился
«До его престола золотого! (38)
«Въ ночь бѣжалъ оттуда лютымъ звѣремъ,
«Синей мглой изъ Бѣлграда поднялся,
«Утромъ билъ ужь стѣны въ Новѣградѣ,
«Ярослава славу порушая...
«Проскочилъ оттуда сѣрымъ волкомъ,
«Отъ Дудутокъ на рѣку Нѣмигу... (39)
«Не снопы то стелюгъ на Нѣмигѣ,
«Человѣчи головы кидаютъ!
«Не цѣпами молотятъ, мечами!
«Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
«Вѣютъ душу храброю отъ тѣла!
«Охъ, не житомъ сѣяны, костями
«Берега кровавые Нѣмиги,
«Все своими русскими костями!..
«Днемъ Всеславъ суды судилъ народу,
«И ряды рядилъ между князьями,
«Въ ночь же волкомъ побѣжить, бывало,
«Къ пѣтухамъ въ Тмутороканъ поспѣеть,
«Хорсу путь его перебѣгая! (40)
«Да! ему заутреню, бывало,
«Зазвонятъ у Полоцкой Софіи,
«Онъ же звонъ у Кіевской ужь слушалъ.
«А хотя и съ вѣщею душою

«Быль, великій, въ богатырскомъ тѣлѣ, (41)
 «Все жь бѣды терпѣль таки не мало!
 «Про него и спѣль Боянъ припѣвку:
 «Будь хитерь-гораздъ, летай хоть птицей,
 «Все суда ты Божьяго не минешь!

«Охъ, стонать землѣ великой Русской,
 «Про князей вспоминая давнихъ,
 «Вспоминая прежнее ихъ время!
 «Да нельзя жь вѣдь было пригвоздити
 «Ко горамъ ко Кіевскимъ высокнмъ
 «Старика Владиміра на вѣки!
 «По рукамъ пошли его знамена (42)
 «И ужь розно машуть бунчуками,
 «Розно копя пѣть пошли по рѣкамъ!» (43)

Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
 Тамъ, въ землѣ незнаемой, по утру
 Ранымъ-рано ласточкой щебечеть: (44)
 «По Дунаю ласточкой помчусь я,
 «Омочу бибрянъ рукавъ въ Каялѣ,
 «Оботру кровавы раны князю,
 «На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ!...»

Тамъ она, въ Путивлѣ, ранымъ-рано
 На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:

«Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
«Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
«Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
«Въ небесахъ, подѣ облаки бы вѣялъ,
«По морямъ кораблики делѣялъ,
«А то вѣешь, вѣешь—развѣваешь
«На ковыль-траву мое веселье...»

Тамъ она, въ Путивлѣ, ранымъ-рано
На стѣнѣ стоять и причитаеть:

«Ты ли, Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой Славутичь!
«По землѣ прошелъ ты Половецкой,
«Пробивалъ ты каменные горы!
«Ты лады делѣялъ Святослава,
«До земли Кобяковой носилъ ихъ...
«Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
«Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ тобою
«По сырымъ зорямъ на сине море!..»

Рано-рано ужъ она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоять и причитаеть:

«Свѣтлое, тресвѣтлое ты Солнце, (45)
«Ахъ для всѣхъ красно, тепло ты, Солнце!
«Что жъ ты, Солнце, съ неба устремило

«Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
«Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
«Сушишь-гнешь несмоченные луки,
«Замыкаешь кожаные тулы...»

Сине море прыснуло къ полночи.
Мглою встають, идутъ смерчи морскіе:
Кажеть богъ князь-Игорю дорогу
Изъ земли далекой Половецкой
Къ золотому отчему престолу.

Погасаютъ сумерки сквозь тучи...
Игорь спитъ, не спитъ, крылатой мыслью
Мѣрять поле ко Донцу отъ Дона.
За рѣкой Овлуръ къ полночи свищеть,
По коня онъ свищеть, повѣщаеть:
«Выходи, князь Игорь, изъ полона».

Вѣтеръ воетъ, проносясь по степи, (46)
И шатаетъ вежи половецки:
Шелестить-шуршитъ ковыль высокій,
И шумить-гудитъ земля сырая...
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь Игорь,
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряеть,
На быстра добра коня садится;

По лугамъ Донца что волкъ несется;
Что соколъ летить въ сырыхъ туманахъ,
Лебедей, гусей себѣ стрѣляетъ
На обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ.

Что соколъ летить князь свѣтлый Игорь,
Что сѣрь волкъ Овлуръ за нимъ несется,
Студену росу съ травы стряхая.
Ужъ лихихъ коней давно загнали.

Вранъ не каркнетъ, галчій стихнулъ говоръ, (47)
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползають по вѣтвямъ,
Дятлы тѣктомъ путь къ рѣкѣ казуютъ,
Соловьиный свистъ зори повѣщаетъ...

Говорить Донецъ: «Охъ, князь ты Игорь!
«Величанья жъ ты себѣ да добылъ,
«А Кончаку всякаго проклятья,
«Русской всей землѣ свѣтлѣ веселья!»

Отвѣчалъ Донцу князь свѣтлый Игорь:
«Донче, Донче, ты ли тихоструйный!
«И тебѣ да будетъ величанье,
«Что меня ты на волнахъ лелѣялъ,
«Зелену траву мнѣ стлалъ въ постелю
«На своемъ серебряномъ побережьѣ,

«Теплой мглою на меня ты вѣялъ
 «Подъ темной зеленою ракитой;
 «Сврой уткой сторожилъ на руслѣ,
 «На струяхъ—чиркомъ, на вѣтрахъ—чайкой...
 «Вотъ Стugna, о, Донче, не такая! (48)
 «Какъ пожреть-попеть ручки чужіе,
 «По кустамъ, по доламъ разольется...
 «Ростислава-юношу пожрала,
 «На Днѣпрѣ жь, на темномъ побережьѣ,
 «Плачетъ мать по юношѣ, по князѣ;
 «Приуныли съ жалости цвѣточки,
 «Дерева съ печали приклонились...»

Не сороки—чу!—застрекотали:
 Бдутъ Гзакъ съ Кончакомъ въ злу погоню.

Молвить Гзакъ Кончаку на погонѣ:
 «Коль соколъ къ гнѣзду летить, урвался,
 «Ужь младѣ соколика не пустимъ,
 «А поставимъ друга въ чистомъ полѣ,
 «Разстрѣляемъ стрѣлами златыми».

И въ отвѣтъ Кончакъ ко люту Гзаку:
 «Коль соколъ къ гнѣзду летить, урвался,
 «Сокольца опутаемъ потуже
 «Крѣпкой цѣпью—красною дѣвицей». (49)

Гзакъ въ отвѣтъ Кончаку слово молвити:
«Коль опутать красною дѣвицей,
«Не видать ни сокольца младого,
«Не видать ни красной намъ дѣвицы;
«А ихъ дѣтки бить почнуть насъ въ полѣ,
«Здѣсь же, въ нашемъ полѣ половецкомъ».

Стародавнихъ былей пѣснотворецъ, (50)
Ярослава пѣвшій и Олега,
Такъ-то въ пѣснѣ пѣлъ про Святослава:
«Тяжело главѣ безъ плечъ могучихъ,
«Горе тѣлу безъ главы разумной».
И землѣ такъ горько было Русской
Безъ удала Игоря, безъ князя...
Ангъ на небѣ солнце засвѣтило:
Игорь-князь въ землѣ ужъ скачетъ Русской.
На Дунаѣ дѣвицы запѣли;
Черезъ море пѣснь отдалась въ Кіевъ.
Игорь ѣдетъ, на Боричевъ держитъ,
Ко святой иконѣ Пирогощей.
Въ селахъ радость, въ городахъ веселье;
Всѣ князей поютъ и величаютъ
Перво—старшихъ, а за ними—младшихъ;
Воспоемъ и мы: свѣтъ-Игорь—слава!
Буй-турь-свѣту-Всеволоду—слава!

Володимірь Игоревичъ—слава!
Святославу Ольговичу—слава!
Вамъ на здравье, князи и дружина,
Христіанъ поборцы на поганыхъ!

Слава князьямъ и дружинѣ!

Аминь.

1889.

Объяснительныя примѣчанія къ тексту „Слова о Полку Игоревѣ“.

(1) См. прим. 3.

(2) *Растекается мыслию по древу.* Я принялъ толкованіе тѣхъ, которые читаютъ здѣсь *мыслию*, а не *мыслью*, и по *древу* перевелъ: по лѣсу. Но это, кажется, не такъ. *Во-первыхъ*: что касается до *древа*, я думаю, что здѣсь должно разумѣть не лѣсъ, не дерево, а совсѣмъ другой образъ. По всей вѣроятности, пѣвецъ тутъ имѣлъ въ виду то миѣическое дерево, которое, по преданіямъ всѣхъ арійскихъ народовъ, росло въ царствѣ боговъ, на верху небснаго свода, вѣтвями внизъ. По скандинавскимъ сагамъ, по этому дереву бѣгала съ земли на небо бѣлка (молнія), принося Одину вѣсти изъ сего міра. На вѣтвяхъ этого дерева растутъ золотыя яблоки (звѣзды), съ листьевъ каплетъ благотворная влага (роса), изъ-подъ корней бьютъ источники мѣдный, золотой и серебряный. Это преданіе лежитъ въ основѣ всѣхъ сказокъ о золотыхъ яблокахъ. (См. Аванасьева: Поэтич. Возвр. Славянъ на природу, т. II, гл. XVII). Въ одномъ изъ велико-русскихъ заклинаній встрѣчается тотъ же образъ: «На морѣ на Окилнѣ (на небѣ), на островѣ на Буялнѣ, стоитъ бѣлая береза, внизъ вѣтвями, вверхъ кореньями»... (Зап. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. II, 1869, стр. 479).

То же миѣическое дерево слѣдуетъ понимать и тамъ, гдѣ говорится о Дивѣ: «*Дивъ кличетъ врѣху древа*» и «*уже врѣжеся Дивъ на землю*». Взлетѣвъ на это дерево, ночью, Дивъ кличетъ на всю незнаемую землю (степь), на Сулу и Волгу, на весь Новороссійскій, Донской и Прикаспійскій край, на все свое царство. Чтобы передать то, что вообразилъ пѣвецъ въ этомъ кликѣ Дива, я передалъ это мѣсто такъ:

Высоко поднявшись по древу.

Точно также и въ характеристикѣ пѣсни Бояна было бы согласнѣе съ представленіемъ пѣвца перевести такъ:

Онъ ли, вѣщій, пѣснь кому слагая,
 Бѣгалъ векшей, на небо, по древу,
 Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
 Что орелъ ширялъ подѣ облаками.

Во-вторыхъ: едва ли слѣдуетъ считать за опіску во фразѣ: *растекается мыслию по древу* слово: *мыслию* и поправлять: *мысью*, т. е. *бѣжкой*, векшей. Если понимать, что древо есть то мифическое древо, о которомъ я говорилъ, то не мудрено, что пѣвецъ сказалъ: Боянъ мыслию возносился въ царство боговъ по этому небесному древу; это тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ пѣвецъ прямо называетъ это древо *мысленнымъ*, «скача словію по мыслену древу».

При такомъ толкованіи было бы еще вѣрнѣе выразить мысль пѣвца стихомъ:

Онъ ли, вѣщій, пѣснь кому слагая,
 Мыслью въ небо возлеталъ по древу, и пр.

(3) Что въ дошедшемъ до насъ спискѣ XIV вѣка въ этомъ мѣстѣ есть пропускъ, и весьма значительный—замѣчено уже г. Соловьевымъ (Ист. Россіи, т. III, стр. 110 и прим. 226, 3-го изд.). Пѣвецъ хотѣлъ начать *повѣсть сію* отъ стараго *Владиміра до нынѣшняго Игоря*, *иже истяину умъ* и пр., а о Владимірѣ далѣе ни слова, и тотчасъ послѣ общаго риторическаго приступа (*иже истяину умъ*) начинается: *Тогда Игорь взгъръ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты и рече...* Когда же это *тогда?* послѣ чего? Ясно, что здѣсь не только недостаетъ разсказа о Владимірѣ, но и повѣствованіе объ Игорѣ начинается не сначала; его слова, непосредственно за сими слѣдующія, «*и рече: мучежъ бы потяту быти, неже полонену быти*», очевидно тоже отвѣтъ на что-то. Въ лѣтописи разсказъ дополняется. Въ дружинѣ — безпокойство; говорятъ Игорю, что затменіе—худое знаменіе. Тогда отвѣтъ его понятенъ. Поэтому, въ переводѣ своемъ я это мѣсто дополнялъ изъ лѣтописи нѣсколькими стихами, обозначивъ звѣздочками это заимствованіе.

Не был ли весь этот эпизод изложен слишком по язычески (не являлся ли тутъ самъ Дажьбогъ)?—отчего онъ и могъ быть выпущенъ благочестивымъ переписчикомъ XIV вѣка.

Фразу: *начати же ся тѣи тѣми по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню*, г. Соловьевъ объясняетъ такъ: сочинитель не хочетъ начинать своего разсказа прямо съ похода Сѣверскихъ князей, но хочетъ предпослать ему старыя слова; эти же слова хочетъ изложить такъ, какъ пишутъ повѣсти теперь, т. е. въ его время (по былинамъ сего времени), а не «по замышленію Боянову», т. е. не такъ, какъ замышлялъ, задумывалъ, сочинялъ Боянь.

(4) *Спала умъ позоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго*. Спала—т. е. охватила, древнечешское *spadnosti*; позоть—страсть, жалость—рвеніе.

(5) *Рица въ тропу Трояню*.

Что такое Троянь, упоминаемый четыре раза въ «Сл. о П. И.»,—вопросъ, еще не разрѣшенный нашими учеными. Изъ множества толкованій я остановился на тѣхъ данныхъ, которые приводятъ г. Буслаевъ и г. Аванасьевъ, и вывелъ слѣдующее заключеніе:

Разсматривая «Слово» и ища въ немъ самое какихъ-нибудь отгѣнковъ или намековъ, которые пояснили бы сколько-нибудь это выраженіе, я остановился на одномъ признакѣ, который можно принять уже за нѣчто положительное. Это именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ, говоря, что дѣва Обида вступила *на землю Трояню*, пѣвецъ продолжаетъ: она всплескала лебедиными крыльями *у Дону* плещучи...—Изъ этихъ словъ ясно географическое указаніе, что земля Трояня находится у Дона; вся эта мѣстность въ другияхъ мѣстахъ «Слова» называется *поле неизнаемое, земля неизнаемая*; она же есть и поле Половецкое, по нынѣшнему, степь. Посмотримъ далѣе, какими красками она описывается. При выступленіи въ походъ тамъ *«Дневъ* кличетъ върху древа, *велитъ послушать земли неизнаемъ*—Вьлзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьматороканскій болванъ»..., что дополняетъ объемъ земли Трояновой. Далѣе: идутъ *чорныя тучи*, хотягъ *прикрыть четыре солнца* (князей); вѣтры, *Стрибожьси внуки*, вѣютъ съ моря; дѣти *бтсовы* кликомъ поля прегородища.. Бояре Святославы говорятъ, что тамъ два солнца *померкли*, и съ ними мо-

лодые мѣсяцы; на рѣкѣ Каялѣ *тьма* свѣтъ покрыла; повергнулся *Дивъ* на землю... Изъ всѣхъ этихъ признаковъ видно, что въ «незнаемой» (она же Трояня) землѣ царствуетъ тьма, черный Дивъ, рыцуютъ бѣсовы дѣти—Половцы, вѣютъ Стрибожьи внуки, словомъ, что тамъ все враждебно Руси, тамъ все злое, темное; по нынѣшнему народному выраженію, тамъ живетъ нечистая сила, всяческіе страхи, это Дивья земля. Въ противоположность ей, этой землѣ, эпическіе эпитеты Русской земли рисуютъ послѣднюю *свѣтлою* Русской землей, гдѣ царствуетъ свѣтлый князь Красное Солнышко, впоследствии—бѣлый царь. Таковою, т. е. свѣтлою, представлялась въ языческой періодъ земля Дажьбожьихъ внуковъ, по принятіи христіанской вѣры сдѣлавшаяся крещеною, православною землею. Точно такой взглядъ на всѣ чуждыя, языческія, «дивіи» земли сохранился у русскаго народа и гораздо позже, и очень опредѣленно высказался онъ въ житіяхъ святыхъ, удалявшихся въ мѣста дикія, гдѣ они вели борьбу съ царствовавшю тамъ нечистою, темною силою.

Итакъ Трояня земля будетъ неизвестная, обитаемая погаными дѣтьми бѣсовыми, исполненная враждебныхъ Руси темныхъ силъ. Это разъясненіе поможетъ намъ понять и вѣка Троянвы. Тутъ можетъ быть два толкованія. Во-первыхъ: до поселенія своего на Руси Славяне могли считать занятую ими землю тоже дикою, тѣмъ же царствомъ Дажьбожьаго врага Трояна, и *отки Трояни* будутъ означать темныя времена, предшествовавшія ихъ пришествію въ эту землю. Вспомнимъ въ стихѣ о Егоріѣ храбрѣмъ его пришествіе на Русь, представляющуюся ему дикою и не устроенною: онъ раздвигаетъ лѣса дремучіе, горы толкучія, ведетъ рѣкамъ течь, вмѣсто людей встрѣчаетъ чудовищъ, волковъ съ человѣческими лицами, дѣвъ, обросшихъ древесною корою... Это темное царство, куда входитъ свѣтъ-Егорій. Въ этой картинѣ должно, я думаю, видѣть, какъ представлялась Русь Славянамъ до ихъ пришествія, въ видѣ темнаго царства, гдѣ царилъ Троянъ.—Другое толкованіе можетъ быть такое: если въ эпоху пѣвца Игорѣва начали перепутываться языческія понятія съ христіанскими, то царство темныхъ силъ на Руси онъ могъ считать продолжавшимся до крещенія земли, и, говоря: «были вѣки Трояни, минули лѣта Ярославля», различаетъ такимъ образомъ

языческую эпоху съ христіанскою. Въ сущности оба толкованія разнятся только опредѣленіемъ пункта, съ котораго считать свѣтлыя времена, съ пришествія ли Славянъ, или съ Ярослава, но, вѣроятно, и пѣвецъ не имѣлъ тутъ яснаго представленія.—Все доселѣ сказанное, безъ всякой, кажется, натяжки, вытекаетъ изъ возрѣвннй пѣвца, но не имѣя какихъ-нибудь еще положительныхъ указаній о томъ, какое было у Славянъ лѣтосчисленіе до христіанства, по одному наведенію невозможно опредѣлить, что значитъ выраженіе: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», тѣмъ болѣе, что и самое мѣсто, гдѣ оно приводится, очевидно весьма плохо разобрано и самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ: въ Екатерининскомъ спискѣ, въ этомъ мѣстѣ, вмѣсто *Трояни* стоитъ *Зоями*. За то: «рыща въ *троню Трояню* чресъ поля на горы» объясняется ужь очень легко; пѣвецъ обращается къ Бояну и говоритъ: «тебѣ бы воспѣть эти полки, свивая славы обаполы сего времени, т. е. тебѣ бы, Боянъ, пѣть эти полки, съ древнею славою свивая новую, и рыща по дорогамъ незнаемымъ, рыща по степи, изъ края въ край, обозрѣвая всю степь, все, что тамъ происходило, и что дѣлалъ Игорь, и какъ ополчалась на него темная сила».

Кто же такой этотъ Троянъ, именемъ котораго называется незнакомая, дикая земля? Въ отвѣтъ на это есть два толкованія, наиболѣе серьезные. Во-первыхъ, въ сербскихъ легендахъ, приведенныхъ г. Буславымъ и поясненныхъ г. Аѳанасьевымъ, Троянъ представляется духомъ тьмы, а именно, владыкой подземнаго царства, убѣгающимъ отъ Солнца; разъ онъ не успѣлъ укрыться и растаялъ... Сближая эти сказанія со сходными съ ними греческими и скандинавскими, г. Аѳанасьевъ выводитъ, что у Славянъ имя Трояна обозначаетъ великана—мракъ. «Какъ воплощеніе ночного мрака и тумановъ, Троянъ является съ захожденіемъ солнца и обнимаетъ землю, прекрасную супругу свѣтлаго Неба (или Солнца), но при разсвѣтѣ дня... онъ исчезаетъ» (Поэт. Возвр. Сл., ч. II, стр. 644). Кромѣ нашего «Слова» и сербскихъ и болгарскихъ преданій, Троянъ упомянутъ у насъ въ двухъ другихъ памятникахъ — въ «Словѣ и откровеніи святыхъ апостолъ» (по рукописи XVI вѣка) и въ «Хожденіи по мукамъ Пресв. Богородицы» (по рукописи XVII вѣка); тамъ между нашими языческими божевами исчислены: Перунъ, *Троянъ*, Хорсъ, Велесь.

Вообще такое пониманіе Трояна, какое изложено выше, какъ нельзя болѣе подтверждается смысломъ всего «Слова о П. Иг.» Это борьба свѣта, Дажьбожьихъ или Солнцевыхъ внуковъ, храбрыхъ Русичей, съ тьмою, съ погаными, съ Чернымъ Дивомъ, съ бѣсовскими сынами.

Другое мнѣніе: полагають, что этотъ Троянъ есть никто иной, какъ римскій императоръ Траянъ. Но историческимъ Траянномъ объясняются ли всѣ четыре мѣста «Слова», гдѣ упомянуть Троянъ, и соотвѣтствуетъ ли онъ тому представленію земли Трояней, вѣковъ Трояннихъ, которое я старался возстановить изъ словъ самого пѣвца? Во-первыхъ, земля Трояня у Дона, и вѣка Трояни на Руси до Ярослава—заставляють допустить фактъ, никогда не бывалый, именно—вѣру въ пѣвцѣ и его современникахъ, Русскихъ, въ то, что римскій Траянъ господствовалъ въ южной Россіи вплоть до рѣки Дона и дальше, до Каспія, надъ всею незнаемою землею и по Сулѣ, и по Волгѣ, и проч.; что это владычество тянулось очень долгое время, которое пѣвецъ обозначаетъ вѣками Трояновыми, продолжая это господство и до Всеслава или, по крайней мѣрѣ, до Брячислава Полоцкаго, ибо къ которому-нибудь изъ нихъ относится выраженіе: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни». По этому толкованію тропа Трояня будетъ *via Trogiana* или валъ Траяновъ въ Бессарабіи и въ Кіевской губерніи: зачѣмъ рыскать по этому валу, чтобы воспѣть Игоря, ходившаго въ другую сторону, не понимаю.

Впрочемъ, можно согласить оба толкованія: отъ историческаго Траяна, пожалуй, могло перейти въ Славянскій эпосъ только его имя (какъ позже у насъ имя Вольги (Олега), Ильи Муромца, Егорія Храбраго); какъ имя враждебнаго лица, оно попало не на божество свѣтлое, а на темное. На имя это можно, пожалуй, смотрѣть какъ на слѣдъ столкновенія Славянъ въ землѣ Даковъ и Гетовъ съ Римомъ или съ Траянномъ: но въ воображеніи современниковъ «Слова», безъ сомнѣнія, съ его именемъ не соединялось ничего римскаго, оно представлялось просто названіемъ темнаго бога, враждебнаго Дажьбогу, какъ противоположность Чернобога Бѣлбогу.

(6) Въ Старшей Эддѣ, во второй пѣснѣ о Гельгѣ, этотъ герой, говоря о своихъ подвигахъ, между прочимъ, выражается такъ: «я сдѣлалъ это, когда въ Брагалундрѣ недавно травилъ медвѣдей и орловъ

кормилъ съ копыя», т. е. по изъясненію Гримма, «бить враговъ, и тѣлами ихъ насыщать орловъ». Гриммъ, изъясняя это мѣсто, вспоминалъ выраженіе о Курынахъ «Слова о П. И.»—«Конецъ копыя въскорьмвени», и прибавляетъ: «такъ какъ въ походѣ копыя употреблялись вмѣсто вилокъ».

(7) *Дивъ кличетъ верху древа:*—см. пр. 2. Все это мѣсто представляетъ великолѣпную картину тьмы (или Трояна), ополчающейся на сыновъ Солнца, на Дажьбожьихъ внуковъ. *Болванъ Тмутороканскій:* изъ словъ бояръ Святославовыхъ (см. ниже) можно заключить, что дѣлю похода Игоря было завоеваніе Тмуторокани, города на Таманскомъ полуостровѣ; подъ именемъ же Болвана Тмутороканскаго не разумѣется ли какая-нибудь статуя въ этомъ городѣ, остатокъ времени, когда по всему Черноморію процвѣтали греческія поселенія?

(8) *О Руская земле! уже за Шеломянемъ еси домо: ночь меркнетъ, заря светъ запала, мгла поля покрыла, щекотъ славіи успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чръленими щиты прерородиша,* и пр.

Слово *шеломл*—въ Архангельской губерніи и теперь означаетъ холмъ. Г. Вельтманъ полагаетъ, что здѣсь разумѣются Гребенныя горы, по правую сторону Донца, противъ рѣки Калитвы. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не опредѣленъ путь Игоря. Ни рѣки Сальницы, ни Каллы, ни Сюурлія на картахъ не находится. Подъ общимъ именемъ Шеломя здѣсь не слѣдуетъ ли разумѣть водораздѣлъ между рѣками, текущими на востокъ въ Донъ и на западъ въ Донецъ, до сліянія послѣднихъ?

Ночь меркнетъ и пр. Обыкновенно эту картину принимаютъ за изображеніе ночи; мнѣ кажется напротивъ, здѣсь собраны признаки раняго утра. Померкнуть—говоря о чемъ-нибудь блестящемъ, значитъ угаснуть; но вмѣстѣ съ тѣмъ значить и потерять свой цвѣтъ, полинать, поблѣднѣть, словомъ въ обоихъ случаяхъ выражаетъ убыль, ущербъ. Слѣд. «ночь меркнетъ», значить, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ, т. е. стало свѣтать. *Заря-светъ запала*—переводятъ: заря медитъ; сворѣе занялась, какъ мы говоримъ: лучъ запагъ въ этотъ мракъ. *Мгла поля покрыла*—поднялся утренній туманъ (ниже:

объяснися синѣ мглѣ). *Щекотъ славіи усте*: соловьи поютъ ночью,— тутъ же май мѣсяць, а къ утру перестаютъ, галки же пробудились: все это признаки раннего утра.

Поля прегородиша. Что хотѣлъ нарисовать пѣвецъ словами: «прегородиша поля» здѣсь и ниже: «дѣти бѣсовы кликомъ поля прегородиша, а храбрые Русичи чрълеными щиты»,—лучше всѣхъ объяснено Шишковымъ. Перегородили поля, т. е. раздѣлили, разрѣзали поле на двѣ части, направо и налѣво, растянувшись по полю красною полосой—красною отъ своихъ червленыхъ щитовъ. Вѣроятно, смотрящему издали, съ высоты, на тогдашнее русское войско болѣе всего бросался въ глаза красный цвѣтъ его щитовъ. Щиты же въ походѣ везли на возахъ, и только изготовляясь къ бою, разбирали ихъ. Здѣсь мы и видимъ, что они съ утра выстроились къ бою, который сейчасъ же и послѣдовалъ: *потопташа Русичи поганыхъ*.

(9) *Четыре солнца*, т. е. четыре Дажьбожьи внука, четверо князей участвовавшихъ въ походѣ: Игорь и Всеволодъ Святославичи, Владимиръ, сынъ этого Игоря, и Святославъ Ольговичъ, его племянникъ.

(10) *Отступиша*. Вм. отступиша должно быть обступиша (Снегиревъ, Вельтманъ).

(11) Ср. прим. 7. Шишковъ такъ изъясняетъ это мѣсто: «Половцы, преграда поле, т. е. растянувшись по всему оному, съ крикомъ бросились на Русскихъ, которые въ молчаніи противопоставили имъ щиты свои».

(12) Изображая подвиги Всеволода, пѣвецъ вездѣ говоритъ: прыщешь *стрѣлами*, гремлешь *мечами*; поскреблены шелома аварскіе *саблями отъ тебя*... Съ перваго разу странно, отчего сабли, мечи стоять во множественномъ числѣ? Но тутъ слѣдуетъ понимать такъ, что Всеволодъ рыщетъ посреди сражающихся, окруженный храброю дружиной. *Кая раны дорога, братіе* и пр. Выраженіе не легко объяснимое. Эрбенъ полагаетъ, что слѣдуетъ читать здѣсь не *раны*, а *ратъ*, и передаетъ такъ все мѣсто: какой же былъ то дорогой бой, что про него забытъ онъ (Всеволодъ) и «чти и живота и града Чернигова», и пр. Но это едва ли можно принять.

(13) Все это отступленіе есть одно изъ темныхъ и наиболѣе запутанныхъ толкованіями мѣстъ «Слова». Чтобы его понять, я старался

прежде всего опредѣлить отношенія пѣвца къ княжескимъ родамъ, и пришелъ къ заключенію, что онъ въ своемъ возрѣніи стоитъ гораздо выше, чѣмъ составитель лѣтописи, который, сводя разныя сказанія сторонниковъ Мономаховичей и Ольговичей, выписываетъ изъ тѣхъ и другихъ какъ-бы механически—отчего у него и выходитъ, что Богъ и Пресвятая Богородица помогаютъ то Ольговичу, то Мономаховичу. Пѣвецъ же безъ особеннаго пристрастія смотритъ на всѣ поколѣнія князей; онъ не сторонникъ Мономаховичей, да и не сторонникъ Ольговичей. Онъ упоминаетъ о старомъ Владимірѣ (въ которомъ, по всѣмъ наиболее достойнымъ уваженія изслѣдователямъ, какъ напр. г. Соловьевъ, разумѣютъ Мономаха), говоритъ о немъ, какъ объ идеалѣ князя: «того стараго Владимира нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ стаха стязи Рюриковы, а друзи Давидовы» (его внуковъ). Во-вторыхъ, въ характеристикѣ князей (см. ниже) пѣвецъ восхваляетъ его потомковъ: Всеволода Суздальскаго, Рюрика и Давида, троихъ сыновей Мстислава Храбраго, Романа Волынскаго. Точно также прославляетъ и Ольговичей за храбрость: Святослава Кіевскаго, его брата Ярослава, наконецъ Игоря и Всеволода, героевъ поэмы, Олега же положительно винитъ въ бѣдствіяхъ Русской земли: онъ мечомъ ковалъ крамолу, сѣялъ стрѣлы по землѣ. Такимъ образомъ мы видимъ у пѣвца взглядъ на дѣла Руси широкій и осмысленный; точка его опоры, съ которой онъ произноситъ судъ свой— есть благо земли, единство народа, страдающаго отъ княжескихъ усобицъ (см. прим. 16).

Что касается собственно до эпизодовъ изъ жизни Олега, пѣвецъ здѣсь имѣетъ въ виду слѣдующее событіе: по смерти братьевъ, Всеволодъ и Изяславъ Ярославичи подѣлили, какъ старшіе, ихъ удѣлы, и посадили тамъ своихъ сыновей, устранивъ племянниковъ. Изъ послѣднихъ двое, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, пошли изъ Тмуторокани добывать себѣ своихъ отчинъ у дядей. Въ происшедшемъ сраженіи при Нежатиной нивѣ, по розысканію гг. Снегирева и Максимовича, близъ села Канина, были убиты Борисъ и великій князь Изяславъ (см. ниже 13, 14, 15 и 16).

Были отци Трояни: т. е. были вѣки, когда Троянъ, мракъ, царствовалъ до прихода сыновъ солнца - Дажьбога по всей землѣ, которая

уже по занятіи ими и сдѣлалась свѣтлою. До тѣхъ поръ и она была темная, незнаемая, Троянова (см. подробнѣ прим. 5).

(14) *Тожже звонъ слыша давный великий Ярославъ сынъ Всеволодъ: а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ..* Для большой ясности я, вмѣсто общаго выраженія: *ступастъ въ златъ стремень* (Олеги), сказалъ: «протрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани». Всеволодъ, сидѣвшій въ Переяславлѣ, ближе къ Тмуторокани, слышалъ *звонъ*, т. е. вѣсть о походѣ Олега, а Владиміръ, занимавшій Черниговъ, на который претендовалъ Олегъ, съ утра *уши закладаше*. Обыкновенно толкуютъ, что онъ зажималъ свои уши—выходила безсмыслица. Здѣсь *уши* не означаютъ органъ слуха, а малыя калитки, какія дѣлывались въ стѣнахъ, по бокамъ большихъ воротъ. Въ такомъ смыслѣ толкуется извѣстный текстъ: «скорѣй верблюдъ пройдетъ въ илгныя уши, чѣмъ богатый внидетъ въ царствіе небесное», т. е. скорѣй пройдетъ верблюдъ въ малыя калитки, которыя у Евреевъ и назывались «игольныя уши», и эти ворота закладывались закладками, что дѣлалъ и Владиміръ, ежеминутно ожидая нападенія Олега.

(15) *И на камину зелену паполому пошла.* Г. Снегиревъ въ объясненіе приводитъ изъ Лаврентьевской лѣтописи поды 1152 г.: «поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновь, и стаха у Гуричева, близъ города, перешедше Канинь».

(16) Еще спорное мѣсто, которое объясняется открытіемъ значенія слова Канина. Въ текстѣ ошибочно постановлено *вм. Канины или Канини—Каялы*, и кромѣ того, *вм. Ярополка поставленъ Святополкъ*: подобное смѣшеніе именъ весьма часто встрѣчается въ текстѣ, на что я укажу въ своемъ мѣстѣ (см. прим. 24). Эти очевидныя теперь ошибки переписчиковъ подали поводъ къ толкованію, которое нарушаетъ связь и цѣлость всей рѣчи объ Олгѣ, а именно думали, что здѣсь говорится будто бы о Святополкѣ Изяславовичѣ, котсрый увезъ тѣло тестя своего Тугоркана съ битвы на Каялѣ; но эта битва была гораздо позже. Здѣсь идетъ рѣчь все о той же битвѣ при Канинѣ: Изяславъ былъ убитъ, и сынъ его Ярополкъ былъ при немъ въ сраженіи; другой же сынъ Святополкъ въ это время находился въ Новгородѣ.

(17) *Тогда при Олегъ Гориславичи съяшется и растяшеть*

усобицами. Я принялъ толкованіе г. Вельтмана, что здѣсь слово Гориславичи означаетъ потомковъ Рогнѣды, отъ ея сына Изяслава, Полоцкихъ князей Брячислава, Всеслава и его потомковъ. Гориславою, по словамъ лѣтописи, названа Рогнѣда за то, что много горя *приняла сама*; Олегъ же, какъ именно утверждаетъ и пѣвецъ, причинилъ горе землѣ Русской (см. прим. 13). Одно прозваніе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Невозможно сказать напр. многострадальный и о томъ, кто много страдалъ, и о томъ, кто много причинилъ страданій другимъ. Какого вѣка логика позволить сказать: Иовъ многострадальный и многострадальный Неронъ?.. Поэтому мѣсто это правильнѣе передать такъ: «при томъ же Олегѣ еще и Гориславичами (т. е. и отъ Гориславичей) сѣялось и растилось усобицами, губилось добро Дажьбожьихъ внуковъ, сокращались вѣки челоувѣковъ» и пр. Но, возражать мнѣ тѣ, которые задались мыслью, что пѣвецъ нашъ черниговскій пѣвецъ, и Олега онъ назвалъ Гориславичемъ, сочувствуя его бѣдамъ. Но тогда зачѣмъ же пѣвецъ винить его въ бѣдствіяхъ земли (см. прим. 13)? Да и почему онъ черниговскій сторонникъ? Если онъ и былъ изъ княжихъ пѣвцовъ, то у Сѣверскихъ князей, а это — ужъ другая, младшая линія Ольговичей, не очень дорожившая черниговскими интересами и вообще державшаяся какъ-то въ сторонѣ. Черниговскимъ же сторонникомъ и сочли пѣвца главное на основаніи этого худо понятаго слова «Гориславичи», отнеся его къ Олегу.

(18) Этотъ эпизодъ явленія Дѣвы-Обиды до сна Святославова, есть, на мой взглядъ, одно изъ самыхъ капитальныхъ мѣстъ поэмы; но сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія его я до сихъ поръ не видалъ. Предлагаю свою догадку, основанную на психологическомъ значеніи этого прекраснаго поэтическаго образа. Текстъ гласитъ такъ: «Уже пустыня силу прикрыла, встала Обида въ силахъ Дажьбожьихъ внука. Вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедьими крылы на синѣмъ морѣ у Дону плещучи, убуди жирня времена; усобица княземъ на поганья погыбе» и пр. Что такое это за великолѣпный образъ Дѣвы-Обиды? Что она выражаетъ и для чего выведена?—Во-первыхъ, ясно, что она принадлежитъ не къ темному міру Трояня, не къ враждебному Диву, не къ Половецкой сторонѣ, а

является на сторонѣ Русичей, ибо встала «въ силахъ Дажьбожья внука». Далѣе сказано, что она вступила въ землю Трояню *у Дона*, т. е. на Половецкую землю у Дона, а у Дона (или близъ Дона) послѣ сраженія была только одна сила-рать Игорева, и то побитая. Слѣдовательно, дѣва является надъ полемъ битвы, гдѣ лежало побитое войско Игоря. Какое же значеніе имѣетъ образъ лебединой дѣвы? Обращаясь къ источнику нашей древней мифологіи, къ арійскимъ преданіямъ, мы находимъ въ нихъ вѣрованіе, что души умершихъ возносятся въ царство свѣта, въ звѣздные предѣлы, дѣвы съ лебединными крылами. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ тоже лебединыхъ дѣвъ, но значеніе ихъ опредѣлить трудно; можно догадываться только, что древнее значеніе ихъ, какъ крылатыхъ духовъ, народъ перенесъ потомъ на ангеловъ, приносящихъ и уносящихъ на небо души людей. Въ памятникахъ скандинавскихъ образъ этихъ дѣвъ является гораздо опредѣленнѣе, и имѣлъ свое развитіе: небесныя дѣвы, прилетавшія принимать души павшихъ героевъ, являются тамъ въ образѣ дѣвъ-воительницъ, Валкирій, олицетворявшихъ самую битву и разные ея моменты, отъ которыхъ и получили разные названія, напр. Гильдра-Битва, Рандгрита и пр. Кажется, объясненіе Дѣвы-Обиды слѣдуетъ искать въ рядѣ представленій этого рода, т. е. какъ дѣвы, явившейся надъ павшею ратью и олицетворяющей чувство ея позора, ея вопль о мести, ея укору виновнику пораженія. Но кто же могъ болѣе чувствовать этотъ позоръ? Конечно, пережившій виновникъ онаго — Игорь. Такимъ образомъ, эта дѣва получаетъ уже характеръ личный; психологическая сторона этого образа — будетъ дума Игоря, ведомаго въ плѣнь, дума, преслѣдующая его, дума о томъ, что тамъ, за нимъ, лежитъ эта погубленная имъ сила-рать, укоряющая и обвиняющая его; сила-рать, которую уже для него *мустыня прикрыла*, т. е. она скрылась уже изъ глазъ его. И въ самомъ дѣлѣ, все послѣдующее мѣсто до сна Святослава звучитъ укоромъ Игорю, слѣдовательно, все тѣсно связано съ образомъ Дѣвы-Обиды и тѣмъ даетъ ему смыслъ и объясняетъ ее. Да и въ текстѣ нисколько не отдѣляется явленіе дѣвы отъ этой тирады. Никто не оспариваетъ, что фраза: «убуди жирня времена» относится къ ней; слѣдующая за ней: «усобида княземъ на поганяя погыбе» и пр. не

посредственно съ нею вяжется, какъ дальнѣйшее ея развитіе. Вложена ли пѣвцомъ въ уста этой дѣвы вся эта укорительная тирада, или перефразируетъ ее пѣвецъ своими словами,—угадать трудно, но смыслъ ясенъ, что она, т. е. эта тирада, относится къ Игорю; иными словами, что это его дума, его укору себѣ: «далече зайде, соколь, птиць бѣя къ морю!.. Ти бо два храбрая Святославича Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди... Нѣмцы и Венедицы... хвалять Святослава... кають Игоря, иже погрузи жирь въ Каялѣ»... да тутъ-же «и высѣде изъ злата сѣдла въ сѣдло Кошціево»... Это все звучитъ горькою ироніей, все это долженъ былъ думать Игорь, влекомый въ плѣнъ.

Сравненіе этого мѣста съ соответствующимъ ему въ лѣтописи еще болѣе убѣждаетъ меня въ лирическомъ значеніи этой тирады; тотчасъ за рассказомъ о плѣненіи князей лѣтописецъ помѣстилъ у себя длинную рѣчь Игоря, укору, которые онъ себѣ дѣлаетъ, только лѣтописецъ излагаетъ ихъ, конечно, въ религиозномъ духѣ: «помянухъ азъ грѣхи своя передъ Господомъ... не мало зло подѣяша безвиннии христіане отлучаеми отъ отецъ роженій своихъ, братъ отъ брата» и пр.

Обращаю еще вниманіе на художественное значеніе этой тирады, придающей драматическій интересъ Игорю: не разъ замѣчали, что пѣвецъ больше хвалитъ Всеволода, чѣмъ Игоря, и Всеволодъ потому скорѣе могъ бы быть названъ главнымъ героемъ поэмы, ибо Игорь какъ бы совсѣмъ въ ней пропадаетъ. Пѣвецъ однако назвалъ свою поэму пѣснью объ Игорѣ, значить, считалъ его главнымъ лицомъ; это такъ и выйдетъ, если мы возвратимъ его герою все, чѣмъ возвысилъ его поэтъ, вложивъ главную мысль своей поэмы въ душу Игоря. Такимъ образомъ, восстанавливается плѣнительный, осмысленный образъ Игоря, передъ которымъ — блѣднѣетъ храбрый Всеволодъ... Въ томъ мѣстѣ, которое называютъ плачемъ Ярославны, окажется еще другая, нѣжная, сердечная сторона этого князя, сообщающая ему особенную привлекательность—и прочтя поэму, мы поймемъ, почему она названа пѣснью объ Игорѣ.

(19) Это мѣсто такъ стоитъ текстъ: «за нимъ (за падшимъ полкомъ Игоревымъ) кликну Карнаижля (въ Екат. спискѣ: Карна и Жля) поскочи по Русской земли, слагу мычючи въ пламя розъ» (въ Екат. сп.: слагу людымъ мычючи). Обыкновенно понимаютъ, что за

ними (т. е. за побитыми полками?) половецкіе ханы Карна и Жля кликнули и поскочили по Русской землѣ, стрѣляя греческимъ огнемъ... Уже г. Вельтманъ разбилъ этихъ хановъ, показавъ, что лѣтописи почти слово въ слово повторяютъ выраженіе пѣвца; а тамъ сказано: «и тако въ день Воскресенія (Господь) наведе на ны *плачь* и *жаль*, на рѣцѣ Каялѣ». Въ Ипатьевской лѣтописи: «въ радости мѣсто наведе на ны плачь, а веселье мѣсто *жело*». Итакъ одинъ изъ хановъ пропадаетъ съ объясненіемъ словомъ *жля*, которое есть то же, что лѣтописное *желя*, *жаль*, жалость, скорбь. Но если Жля—не ханъ, то очевидно и товарищъ его Карна тоже не изъ половецкихъ кагановъ. И въ самомъ дѣлѣ, вм. *Карна* должно читать: карья или карьба, отъ глагола *карити*, плакаться, причитать по умершимъ (см. Востокова «Ц. Слав. словарь»). Слѣдовательно, и выйдетъ: кликнули поминанія и жалость, плачь, печаль, скорбь поскочила по Русской землѣ. Остается теперь покончить съ греческимъ огнемъ. Сдѣлавъ предположеніе: не разумѣется ли здѣсь какой-нибудь обычай при поминкахъ или тризнахъ языческихъ, оставшіяся еще въ XII вѣкѣ отъ временъ сожиганія тѣлъ — я въ эту сторону направилъ свои поиски и нашелъ у Терещенка слѣдующее: «Въ Силезіи, въ Польшѣ, въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ народъ ходилъ марта 1-го съ зажженными факелами на кладбища и приносилъ жертвы усопшимъ». У г. Аѳанасьева этотъ обычай Лужичанъ поясненъ: «Весною въ воскресенье четвертой недѣли поста, совершая праздникъ въ честь мертвыхъ, Лужичане ходятъ на Годесбергъ, съ зажженными факелами, поминаютъ покойниковъ и на возвратномъ пути поютъ: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!» Славонцы ходятъ 1-го марта. Наши простолюдины, когда съ больнымъ начинается агонія, запаливаютъ восковую свѣчу и даютъ ее въ руки умирающему; употребленіе факеловъ при погребальныхъ обрядахъ и употребленіе свѣчъ при поминкахъ извѣстны съ глубочайшей древности». (Аѳан. Возвр., т. III, стр. 205, 206). Прибавлю къ этому еще, что въ Бѣлоруссіи, какъ мнѣ свѣдывали, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ день поминовенія всѣхъ усопшихъ, 1-го ноября (по католическому обряду), совершались процессіи на кладбища, послѣ службы, при чемъ каждый изъ прихожанъ несъ зажженую свѣчу. Извѣстно, что въ древности тѣла мертвыхъ у насъ со-

жигали: вывелось сожженіе тѣлъ, но присутствіе съ огнемъ на похоронахъ и поминкахъ осталось. Поэтому разсматриваемое мѣсто въ «Словѣ» надо понимать такъ: «По падшимъ кликнули поминки, причитанія, и скорбь поскочила по Русской землѣ, меча людямъ (т. е. мужамъ) зажженные факелы». Въ текстѣ стоитъ *смау* мычучи; не описка ли это вмѣсто *смоу*? Впрочемъ и *смаи* означаетъ жаръ. Такимъ образомъ Карья и Желя олицетворены здѣсь въ образахъ родственныхъ Дѣвъ-Обидѣ, и изображаютъ разные виды бѣдствія, какъ у Скандинавовъ Валкириі изображаютъ разные моменты боя.

Принявъ это, найдемъ строгую послѣдовательность рѣчи и красотъ въ этомъ мѣстѣ у пѣвца, ибо вслѣдъ за картиной мужей съ факелами, о женщинахъ говорится: «жоны въсплакашася, аркучи»... Остановлю вниманіе читателя на красотѣ всей этой языческой картины скорбныхъ поминокъ по падшимъ воинамъ храбраго полка Игорева и на томъ, что вся эта картина рисуется въ воображеніи Игоря...

(20) Въ текстѣ: «*а вѣстона бо, братіе, Кіевъ*»... Я выше сказалъ (въ прим. 17), что вся эта тирада объясняетъ смыслъ или характеръ Дѣвы-Обиды, влагасть ли пѣвецъ ее въ уста самой дѣвы, или разъясняетъ ее своими словами. Если бы здѣсь не было слово *братіе*, я, не усумнясь, утверждалъ бы первое, т. е. что тирада говорится отъ лица ея.

(21) Забрало, кромѣ извѣстной части шлема, значить еще: *стѣна*. *башия*.

(22) *На кровати тисовъ*. Это не тесовая кровать, а изъ тисъ (*taxus*, if).

Въ подлинникѣ: *нѣють мя*; по толкованію г. Прахова, здѣсь должно быть: негодовахуть мя. Въ извѣстномъ евангельскомъ выраженіи: *камень, его-же небрегоша зиждуущи, той бысть во главу угла*, вмѣсто словъ: *его-же небрегоша*, стоять въ древнихъ спискахъ: *его-же негодоваша*—на который не обращали вниманія, котораго не считали достойнымъ вниманія, на который и не смотрѣли; въ лѣтописяхъ нашихъ также попадаетъ выраженіе: негодовать кого-либо—пренебрегать кѣмъ, не обращать на него вниманія; предложеніе это стояло, очевидно, подъ титломъ и притомъ, вѣроятно, невѣрно было написано (ѣ): него (х)уть мя или нѣго(х)уть мя; смыслъ слѣдовательно

былъ: не обращали на меня никакого вниманія, какъ будто бь меня и нѣтъ совсѣмъ въ гридницѣ. Князь рассказываетъ сонъ дурного знаменованья: одѣвали меня (одѣвахуть мя), говорить онъ, погребальнымъ покровомъ, сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ (сыпахуть ми жемчугъ—слезы), и распоряжались (т. е. всѣ эти зловѣщія тѣни сна) въ моемъ покоѣ, какъ будто бь меня тутъ и не было, какъ это бываетъ съ находящимися при послѣднемъ издыханіи, если не совсѣмъ мертвыми (и негодовахуть мя). (*Объясненіе М. В. Прахова*).

Сыпахуть ми, тѣщи ми тузы поганыхъ тѣлковинъ женчюгъ на лоно. Толковины—кочевники: здѣсь разумѣть должно Половцевъ, ибо отъ нихъ пришли Святославу слезы, прообразуемыя жемчугомъ.

(23) Многочисленныя толкованія этого выраженія: *дебрь Кисаня*, по моему, всѣ неудовлетворительны; я оставилъ его, какъ оно стоитъ въ подлинникѣ. *Босуви враны*, сближаю съ босымъ или бусымъ волкомъ (см. ниже)—темные, черные. *И не сошлю къ синему морю*—по зам. А. Э. Гильфердинга, *и несошася*.

Болѣе всѣхъ остроумно чтеніе М. А. Максимовича: «Всю ночь съ вечера на Бусовидѣ (Бусова гора) враны каркали; у Пгвньска на болони (т. е. на заливномъ лугу) сдѣбалась дебрь (провалы, овраги), а Кіане (вм. Кисаня) сошли къ синему морю», т. е. ушли, бросили городъ. Въ этомъ смыслѣ послѣдніе четыре стиха Святославова сна можно бы измѣнить такъ:

«Во всю почь на Бусовидѣ враны
До утра прокаркали; у Пгвньска,
Вмѣсто луга стала дебрь, провалы,
Кіевляне жь внизъ ушли всѣ, къ морю».

(24) Въ текстѣ стоитъ: *Олеги и Святослава*, и названы они молодыми мѣсяцами, въ означеніе младшихъ князей: это ошибка. Два солнца — Игорь и Всеволодъ; два мѣсяца — Владиміръ (а не Олегъ) Игоревичъ, и Святославъ Ольговичъ. Фразу: «и въ морѣ погружиста и великое буйство подасть хинови», стоящую въ подлинникѣ непосредственно за предложеніемъ: «По Руской земли прострошася Половци, акы пардруже гнѣздо»,—я перенесъ выше, къ словамъ о Владимірѣ и Олегѣ, по соответствію времени глаголовъ: *поволокоста, погружиста*

(указаніе г. Прахова): *Море* же, понимать здѣсь надобно, думаю, въ смыслѣ *неба*, т. е. въ небесныхъ безднахъ (Аван., т. II, гл. XVI).

(25) *Бусовы* побѣды: Бусъ или Боусъ, предводитель Половцевъ въ первое ихъ нашествіе въ 1054 г.; *Шаруканъ* былъ разбитъ Русскими князьями въ 1111 году. Выраженіе — *Готскія дѣвы* напоминаетъ о томъ, что внутренняя часть Крыма называлась Готіей, такъ какъ тамъ жили еще остатки Готовъ, зашедшихъ сюда около VI-го вѣка.

(26) Сыновцы: Всеволодь и Игорь были двоюродные братья Святославу Всеволодовичу Кіевскому, но онъ, какъ старѣйшій, былъ имъ «во отца мѣсто».

(27) «Нѣтъ со мной ужъ брата Ярослава» и пр. Такъ я передалъ слова текста: «А уже не вижу власти сильнаго и богатаго и многою брата моего Ярослава». *Власть* здѣсь не значить *область*; его Черниговская область не пропадала, онъ не терялъ ея; кажется, здѣсь разумѣется могущество, сила, войско. По заключенію г. Максимова, здѣсь имѣется въ виду двукратный отказъ Ярослава идти вмѣстѣ съ братомъ (Святославомъ) на Половцевъ въ 1184 и въ 1185 годахъ. Смыслъ тотъ, что «Ярославъ мнѣ не помощникъ, что очень жаль великому князю, ибо дружина Ярославова, состоящая изъ черниговскихъ былей и другихъ удальцовъ, беретъ въ храбрости примѣръ съ дѣдовъ, а вы, Игорь и Всеволодь, возмнили: сдѣлаемъ все сами». Слово *были* производятъ отъ боляринъ и полагаютъ, что имъ означалась знатная молодежь, отправлявшаяся служить какому-нибудь князю, туда, гдѣ война. Вѣроятно, такого рода удальцы стекались подъ знамена князей изъ разныхъ мѣстностей: таковы, вѣроятно, и названные въ текстѣ вслѣдъ за черниговскими былями Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги, Ольбѣры. Названія эти — не объяснены.

(28) См. прим. 43.

(29) Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, сынъ Глѣба Юрьевича, слѣдовательно, племянникъ Всеволода Юрьевича Суздальскаго; вотъ почему Святославъ и обращается прямо къ послѣднему, какъ къ родному дядѣ Владиміра. *Аще бы ты былъ, то была бы чага по ногать, а Коцей по резанть. Чага* — плѣнница; *коцей* — плѣнникъ,

рабъ — но кажется преимущественно изъ Половцевъ. *Нога и рязань* — монеты. (Прим. г. Тихонравова).

(30) «Ты бо можеши по суху живыми *шереширь* стрѣляти, удалими сыны Глѣбовы». — Это дѣти Глѣба, Рязанскіе князья, бывшіе уже въ зависимости отъ Всеволода Суздальскаго; сказавъ уже о его походахъ по рѣкамъ, пѣвецъ говоритъ: «ты можешь и по суху стрѣляти». Живыми *шереширь*: Шереширь слово не объясненное. По персидски шере-ширь значить *лесъ свертный*. Я принялъ толкованіе помѣщенное въ «Изв. Моск. Унив.» 1866—67 года, № 2, стр. 168, что «Не есть ли это греческое *сарисса*, что значить *стрѣла*, съ византійскимъ уменьшительнымъ окончаніемъ *арі, аріон*. Въ средневѣковой латыни есть слово *saegza, saegsonium* — копье».

(31) *Не ваю ли значеными шеломи по крови плаваши. Ваю:* это родит. пад. двойств. числа, личнаго мѣстоименія второго лица. *Плаваши* третье лицо множ. числа. Не должно ли подразумѣвать подлежащее «дружины»?

Оба эти Рюрикъ (ум. 1195 г.) и Давидъ (ум. 1197 г.) сыновья Ростислава Мстиславича, правнуки Владиміра Мономаха.

(32) Ярославъ (ум. 1183 г.) Галицкій, сынъ Владимірка Володаревича; Володарь — братъ ослѣпленнаго Василька, внука Владиміра, старшаго сына Ярослава Великаго. Онъ названъ въ «Словѣ» Осомыслемъ: г. Вельтманъ полагаетъ, что это худо прочтенное слово Оstromысль, что гораздо правдоподобнѣе. Въ обращеніи къ Ярославу есть одно непонятное выраженіе: меча *времени* черезъ облакъ. Г. Вельтманъ читаетъ бремены: такъ принято и г. Тихонравовымъ; чешскій ученый г. Яроміръ Эрбенъ, въ своемъ чешскомъ переводѣ, понимаетъ здѣсь метаніе камней пращами; мною принято его толкованіе. *Стрѣляеши солтани за землями*; г. Дубенскій замѣчаетъ, что Галичане могли участвовать въ крестовыхъ походахъ вмѣстѣ съ Уграми.

(33) «А ты, буй Романе и Мстиславе!» Все обращеніе къ Роману есть мѣсто, наиболѣе затруднявшее переводчиковъ; поэтому считаю нужнымъ подробнѣе высказать, какъ я его понял. Первое, что сбивало съ толку, это то, что пѣвецъ говоритъ здѣсь то въ двойственномъ, то въ единственномъ числѣ, отчего нѣкоторые полагаютъ, что

стоящее въ единственномъ числѣ должно быть переставлено выше, въ воззваніе къ Ярославу Галицкому, а именно, фраза: *высоко плаваши на дѣло въ буйствѣ яко соколъ на встрѣхъ ширялся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти*. Но образъ, рисующійся здѣсь, никакъ нельзя отнести къ Ярославу, довершившему уже свое дѣло, а напротивъ онъ скорѣе всего подходитъ къ мужу въ разгарѣ силъ; и именно скорѣе виденъ здѣсь намекъ на планы Романа, который хотѣлъ въ южной Руси сдѣлать то же, что Всеволодъ на сѣверѣ, т. е. собрать ее подъ одну свою руку (см. Исторію Соловьева и еще письмо Романово у Татищева). Но кромѣ этого внутренняго несоотвѣтствія, мнѣ кажется, и надобности нѣтъ въ этой перестановкѣ; стоитъ только опредѣлить, кто этотъ Мстиславъ, поставленный рядомъ съ Романомъ. Это не Мстиславъ Храбрый, умершій до похода Игорева, въ 1173 году; не сынъ его Мстиславъ Удалой, вышедшій на арену позже похода; первое о немъ извѣстіе относится къ 1193 году. Г. Максимовичъ весьма основательно указываетъ на Мстислава Пересопницкаго; первое о немъ извѣстіе встрѣчаемъ въ 1183 году по поводу участія его въ половецкомъ походѣ; умеръ же онъ въ 1226 г., двумя годами раньше Мстислава Удалого и двадцатью однимъ годомъ позже Романа. О немъ Волынской лѣтописецъ говоритъ, что на Калкѣ онъ устремился спасать Данила Романовича: «бѣ бо мужъ крѣпокъ...» и «велику любовь имѣя къ отцю его», т. е. къ Роману. Изъ этихъ данныхъ видимъ, что онъ былъ моложе Романа. Въ «Словѣ» онъ является его товарищемъ въ войнахъ съ Деремелой, Ятвягами, Литвою и Половцами; очевидно, это былъ храбрый князь, но великихъ замысловъ въ немъ не замѣтно; и скорѣе онъ похожъ на подручника Романова. Вотъ почему, когда говорится о храбрости, о военныхъ дѣлахъ, пѣвецъ обращается къ обоимъ; когда же говорить о замыслахъ, о починѣ—къ одному, и именно къ Роману. Такъ, похваливъ храбрость обоихъ, пѣвецъ обращается уже къ одному Роману, призывая его искать славы на Дону: «Донъ ти, княже, кличетъ».

„Суть бо у ваю жельзныи папорзи подь шеломы латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны хинова“. Папорзи—г. Тихомировъ объясняетъ: верхняя часть брони, которую надѣвали на перси, на грудь. Шевыревъ и Максимовичъ говорятъ, что это крылья (отъ

слова: папоротокъ). Но въ томъ и въ другомъ случаѣ предлогъ *подъ* возбуждаетъ сомнѣніе: можно ли сказать *подъ шеломомъ* нагрудникъ? Этакъ можно сказать, что и шпоры *подъ шеломомъ*; крылья тоже — какъ могутъ быть *подъ шеломомъ*? Очевидно, что папорзи—это какая-нибудь принадлежность шелома: мнѣ кажется, что желѣзная сѣтка, прикрѣпляющаяся къ нижней части шелома и падающая на грудь, ближе всего удовлетворяетъ смыслу. Латинское вооруженіе у Романа не объясняется ли тѣмъ, что онъ воспитывался при дворѣ Казимира Справедливаго, польскаго короля, жена котораго Елена была дочь Всеволода Бельзскаго? Съ помощью же Поляковъ онъ овладѣлъ и Галичемъ. Но является еще сомнѣніе. Папорзи—точно ли это часть вооруженія? Сообразимъ первое предложеніе: «суть бо у ваю желѣзныя папорзи»... со слѣдующимъ за нимъ: «Тѣми тресну земля.. Литва, Деремела и Половци суицы своя повръгоша, а главы своя подклониша *подъ тыи мечи харалужныи*». *Тѣми тресну земля*: *подъ папорзами*? *подъ частью брони*? Не особые ли латники въ желѣзной бронѣ здѣсь разумѣются? Да и мечи харалужные какъ будто бы ихніе, т. е. что *подъ ихъ мечами* главы свои преклонили Литва, Деремела и пр.

(34) «Нъ ужь, княже, Игорю утрпѣ солнцу свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони». См. прим. 43.

(35) Ингварь (ум. 1202 г.) и Всеволодъ, сыновья Ярослава Изяславича Луцкаго, внука Мстислава I. У Ярослава Луцкаго было четверо сыновей, но въ это время (въ 1185 г.) двое были, вѣроятно, еще малолѣтніе, судя по годамъ, когда всѣ они женились: Всеволодъ—въ 1167 г., Ингварь—въ годъ смерти отца—въ 1180, Изяславъ только въ 1195, а Мстиславъ въ 1224 г. Вотъ почему пѣвецъ призываетъ только двоихъ старшихъ. «Три Мстиславичи» составляли искомое, которое различно опредѣлялось изслѣдователями. По моему, здѣсь разумѣются три сына Мстислава Храбраго: Мстиславъ, впоследствии названный Удалымъ (ум. 1224 г.), Владиміръ и Давидъ (ум. 1214 г.), князья еще молодые. „*Не худа ипзда шестокрыльци*“: кажется, пѣвецъ употребилъ это слово шестокрыльцы вмѣсто *птеницы*.

(36) «И схогтю на кровать, и рѣкъ: Дружину твою, княже, птичь крылы пріодѣ». Мѣсто очень темное. Трудно опредѣлить: сочувственно

относится пѣвецъ къ Изяславу Васильковичу, или не исключаетъ и его изъ общаго нерасположенія своего къ Полоцкимъ князьямъ? Этотъ вопросъ рѣшится только въ томъ случаѣ, когда будетъ опредѣлено, самъ ли Изяславъ говорилъ о своей дружинѣ, въ видѣ укора себѣ, или посторонній то приговоръ надъ нимъ. Въ первомъ случаѣ—пѣвецъ за него, во второмъ—противъ. Я принялъ въ первомъ смыслѣ, основываясь на словѣ *рекъ*—3-е лицо ед. ч., и на трогательномъ изображеніи его смерти. *И схоти ю*: я принялъ по толкованію г. Вельмана: *слити и*, взяли его, положили на кровать.

(37) Мѣсто очевидно плохо разобранно: *Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седмомъ вѣцѣ Трояни* (въ другомъ спискѣ Зояни). *На седьмомъ вѣцѣ Трояни*: въ прим. 5, я сказалъ, что безъ особенныхъ данныхъ о лѣтосчисленіи на Руси языческой этого мѣста объяснить нельзя. Г. Дубенскій такъ переводитъ текстъ: «ибо вы своими крамолами накликали поганыхъ на землю Русскую, на время Всеславова: и отъ нихъ тоже насиліе, которое терпятъ на Руси отъ земли Половецкой», — объясняя его такъ: «отъ восточныхъ границъ заднѣпровскихъ княженій поэтъ обращается къ сѣвернымъ и тамъ указываетъ на другихъ враговъ—Литовцевъ».

(38) „*Врѣже Всеславъ жребій о двѣцию себѣ любу. Тѣи клюками подпрся о кони, и скочи къ граду Кіеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго*“. Г. Вельманъ полагаетъ, что въ рукописи было *кльками*, и читаетъ подколѣбниками. Г. Соловьевъ и Шевыревъ принимаютъ «клюками», говоря, что это деревянный стремяна, хотя у князей всегда видимъ въ Словѣ златъ-стремень. Что бы ни значило это слово, картина не выясняется. Точно также и „*стружіемъ дотчеся*“. *О двѣцию любу* г. Вельманъ читаетъ: *о дѣдину любу*, разумѣя дѣдовское наслѣдство, что мнѣ кажется весьма правдоподобно.

(39) *Нѣмига* принимается за Нѣманъ; по г. Вельманъ полагаетъ, что это рѣчка Нѣмига, впадающая въ Свислочь въ Минскѣ. Дубенскій думаетъ, что здѣсь разумѣется не битва Ярославичей со Всеславомъ, а вообще битвы Русскихъ съ Литвой и западомъ.

(40) Въ текстѣ «Великому Хрсьви», Хорсу.

(41) «Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ» я принялъ чтеніе: *въ дрѣтъ тѣль*.

(42) Сего бо (Владимира) нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзиѣ Давидови». Я выпустилъ собственныя имена, оставивъ только общій смыслъ. Въ слѣдующей фразѣ «нѣ рози нося имѣ хоботы пашуть» я послѣдовалъ чтенію Л. А. Мея: розно у нихъ хвостами машутся. *Копіа поють на Дунаи*: Дунай я принялъ въ общемъ значеніи рѣки, какъ у насъ поется въ пѣсняхъ.

(43) Здѣсь оканчивается «злато слово слезами смѣшено» старца Святослава. Такъ его понимали всѣ первые издатели, переводчики и толкователи. Но впоследствии времени вздумали его укорачивать, и ограничили однимъ приступомъ, Л. А. Мей оканчиваетъ ее тамъ, гдѣ у меня стихъ:

Стонеть-тужить Глѣбовичъ удалый.

Г. Гербель -- тоже. Гг. Вельтманъ, Максимовичъ (въ малороссійскомъ переводѣ) и Деларю еще ранѣе, по моему тексту, стихомъ:

Времена тяжелья настали!

Князь П. П. Вяземскій прерываетъ на стихъ:

А полка ужъ Игорева нѣту!

За симъ все послѣдующее воззваніе къ князьямъ неизвѣстно кѣмъ говорится и является какъ лирическое мѣсто, которое объясняютъ тѣмъ, что тутъ пѣвецъ «въ порывѣ лирическаго одушевленія», забываетъ и оставляетъ уже своихъ героевъ, и самъ, отъ своего лица, начинать взывать къ князьямъ. При этомъ гг. Гербель и Вельтманъ прерываютъ и этотъ лиризмъ, чтобъ объявить въ двухъ строчкахъ, что наступила осень, и что уже «Игорю утрьпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони», (при чемъ г. Вельтманъ въ текстѣ поправляетъ, вм. *не бологомъ*, читая *по болотамъ*). Послѣ краткаго объявленія о наступленіи осени опять продолжается воззваніе. Такой перерывъ органически невозможенъ. Эта осень — не болѣе какъ фигуральный языкъ пѣвца, именно, чтобы побудить Романа, онъ говорить устами Святослава: Игорь погибаетъ, не на благо отпадаетъ листъ отъ древа, т. е. однимъ такимъ княземъ меньше, и всѣмъ будетъ хуже. Такъ это было понято и Шишковымъ, и Дубенскимъ.

Такое урѣзаніе рѣчи Святослава есть существенная порча памятника. Началось оно, какъ кажется, вслѣдствіе сомнѣнія Карамзина, который находилъ неприличнымъ достоинству великаго князя обра-

щеніе къ другимъ князьямъ словомъ: господи́нь («Ты, буй Рюриче и Давиде!.. вступи́ста, господина, въ злата стремень», и къ Ярославу Галицкому: «Стрѣляй, господине, Кончака»). Но сомнѣніе это нельзя было принять серьезно; во-первыхъ: такое ли значеніе въ XII вѣкѣ имѣло слово «господи́нь», какъ, напримѣръ, при Иоаннѣ III, въ его преніяхъ съ Новгородцами? Можетъ быть, это была обыкновенная форма учтивости между князьями. Во всякомъ случаѣ гораздо важнѣе слова самого пѣвца: онъ торжественно открываетъ рѣчь Святослава, назвавъ ее златымъ словомъ, со слезами смѣшаннымъ. Гдѣ жь эти золотыя слова? Въ томъ, что оставляють за Святославомъ, не богѣе какъ жалоба на Всеволода и Игоря, да сѣтованіе на свою старость. Возваніе же проникнуто тѣмъ духомъ любви къ Русской землѣ, чувствомъ народнаго единства, въ чемъ и есть задушевная мысль пѣвца, его идеаль того, что бы должно дѣлать князьямъ и чего они не дѣлають. Это-то возваніе и можно назвать золотымъ словомъ, слезами окропленнымъ, и все оно логически вытекаетъ изъ капитальной мысли: князья мнѣ не помога! — Непонятно, какъ С. П. Шевыревъ, обладавшій такимъ поэтическимъ тактомъ, настаиваетъ, что все равно, отъ лица ли Святослава это возваніе, или отъ лица пѣвца. Совершенно не все равно! Если мы возвратимъ эти слова Святославу, то посмотрите, что за величественный, Приамовскій образъ выходитъ изъ этого старца! Подобное-то раздробленіе слова на множество отдѣльных мѣстъ и особенныхъ главъ, сдѣланное въ первый разъ, кажется, Сахаровымъ, и обратило этотъ цѣльный поэтическій памятникъ въ простой сборъ красивыхъ выраженій, повтореній, безъ всякой органической связи! Это были жемчугъ и камни, вырванные изъ драгоцѣннаго оклада; картина пропала; поставьте ихъ на мѣсто, и все получить смыслъ.

Прим. 1888 г. Съ гордостью могу указать, что въ открытыхъ недавно опытахъ перевода «Сл. о П. И.» Жуковского и Пушкина все это мѣсто, т. е. рѣчь Святослава, понято ими совершенно такъ же, какъ мною.

(44) Знаменитый плачь Ярославны я старался передать, по возможности, сохраняя всё выраженія подлинника и избѣгая всякихъ ненужныхъ прибавленій словъ, развѣ только необходимыхъ для уясне-

нѣя нынѣшнему читателю образа, который долженъ былъ рисоваться въ воображеніи читателя XII вѣка. Вникая въ текстъ, я понялъ такъ, что все дѣло происходитъ въ воображеніи Игоря, находящагося въ плѣну. Въ текстѣ открывается эта сцена предложеніемъ безъ подлежащаго: *Ярославныи гласъ слышитъ*. Кто слышитъ? да кому же и слышать, кромѣ Игоря? *Землицю незнаемъ*: должно быть, «незнаемѣ» мѣстный падежъ, то-есть: зегницею въ незнаемой (такъ называлась степь) землѣ «рано кычетъ». Игорь вспоминаетъ жену—на стѣнѣ въ Путивлѣ, какъ видѣлъ ее, вѣроятно, въ послѣдній разъ, уходя въ походъ: тоже черта глубоко психологическая! Разставаясь съ близкими сердцу, вы въ разлукѣ всегда воображаете ихъ въ томъ видѣ, при той обстановкѣ, какъ это было въ моментъ разставанія:

Мои хладѣющія руки

Тебя старались удержать...

Слово «зегзица» обыкновенно у насъ принято переводить «кукушкой». Но въ живомъ народномъ языкѣ слово зѣгзица и теперь еще употребляется, г. Погосскій переводитъ его «ласточкой», и ссылается на то, что слышалъ въ Новгородской губерніи это названіе за ласточкой. Многіе изъ Вологодской губерніи удостовѣрили меня, что зегзицею тамъ называютъ черныхъ ласточекъ, стрижей. Наконецъ въ «Причитаньяхъ Сѣвернаго Края», собранныхъ г. Барсовымъ, ч. I, стр 73, есть мѣсто:

И настанетъ весна красная,
Разольются быстры рѣченьки,
Налетятъ да птички *ластушки*,
Сѣры-малыя *Загозочки*.

(45) *Въ полѣ безводнѣ жажду имъ мучи, тулоу спраже имъ туди затче* Палицынъ, въ своемъ переводѣ шестистопнымъ ямбомъ, такъ развиваетъ эту мысль:

О солнце красное!
Почто ты знойный лучъ, почто простерло свой
Супруга моего на рать въ безводномъ полѣ,
Томиму жаждою и не могущу болѣ
Ни луковъ напрягать, ни стрѣль пускать отъ мукъ,
Съ гортанью пламенной, нѣвъ ослабѣвшихъ рукъ?

Какой же образ представляла себѣ Ярославна (или пѣвецъ) въ этомъ обращеніи къ Солнцу или Дажьбогу, лучше всего можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ одного изъ великорусскихъ заклинаній (которыя, замѣтимъ кстати, нагляднѣе всего рисуютъ намъ, какъ наши языческіе предки воображали себѣ боговъ своихъ):

«Пойду я къ Окянъ-мору: на томъ Окянъ-морѣ стоитъ столь-престоль, на престолѣ стоитъ золотое блюдечко: и на томъ золотомъ блюдечкѣ стоитъ самъ..... мать человѣкъ, тугимъ лукомъ подперся, калеными стрѣлами подтыкался.. Помолюсь ему о любимой скотинкѣ: И стрѣли ты, батюшко..... въ мою любимую скотинку своимъ тугимъ лукомъ и калеными стрѣлами въ ясныя очи, въ сырую кость» и пр. (Зап. Геогр. Общ. по отд. Этногр. 1869, т. II, 494). Сообразно этому представленію, вѣрнѣе было бы это обращеніе Ярославны къ Солнцу передать такъ:

«Солнце ты, Тресвѣтлое ты, Солнце!

«Ахъ для всѣхъ тепло, красно ты, Солнце!

«Что жъ raviшь палящими стрѣлами

«Лады воевъ на безводномъ полѣ,

«Сушишь — гнешь и пр.

(46) *Кликну стукну земля; вгшумт трава; вежи половецкія подвизашася.* Кажется, Шишковъ правильнѣе всѣхъ видитъ здѣсь не всполохъ Половцевъ по поводу бѣгства Игоря (которое еще и не свершилось), а бурю, которою открывается эта картина: «прысну море полунощи, идутъ сморци мглами». «Богъ кажетъ Игорю дорогу, именно воздвигши бурю, подъ шумъ которой ему легче уйти», говоритъ Шишковъ. Прибавлю къ этому изъясненію одно: здѣсь, кажется, должно разумѣть Дажьбога, указующаго дорогу. *Сморци*: нѣкоторые полагаютъ, что это не смерчи, какъ стоитъ у Востокова въ словарѣ, а сумерки. Но сейчасъ же будетъ: «погасоша вечеру зари» — зачѣмъ два раза одно и то же?

(47) Картина, выраженная мною въ этихъ пяти стихахъ, въ текстѣ стоитъ ниже, при погонѣ Гзака и Кончака; но туда очевидно она приставлена переписчикомъ; настоящее ея мѣсто здѣсь, по мнѣнію многихъ.

(48) Стугна впадаетъ въ Днѣпръ, повыше Триполя. Въ 1095 г.

Половцы разбили тутъ Русскихъ князей. При переправѣ черезъ разлившуюся тогда рѣку утонулъ Ростиславъ, братъ Мономаха, который чуть не погибъ тутъ самъ, спасая его. «Рѣка Стugna, худу струю имѣя, пожръжи чужи ручьи, и струги простре по кусту»— г. Максимовичъ замѣчаетъ, что здѣсь разумѣются не *струи*, водоплавныя суда, а «струга» (женск. р.), уменьшительное *стружка*: такъ и теперь въ подднѣпровской Украинѣ называется протокъ бѣгучей воды между рѣчными плавнями или островами, заросшими кустами, деревьями или камышемъ... Пѣвецъ Игоря изображаетъ наводненіе Стугны, простершей тогда быстрые струги (протоки) по кустамъ и потопившей юнаго князя». (Укр. 112).

Въ словахъ Игоря къ Донцу говорится о *сребреныхъ* брегахъ этой рѣки. Этотъ эпитетъ взятъ отъ ковыля, которымъ покрытая степь кажется серебряною, или отъ мѣловыхъ горъ берега.

(49) Намекъ на дочь Кончака, на которой, дѣйствительно, будучи въ плѣну, Владиміръ Игоревичъ женился.

(50) «Рекъ Боянъ, и ходы на Святославля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти»... Мѣсто не объясненное: я прямо отнесъ слова Бояна къ частымъ отлучкамъ стараго Святослава Игоревича (отца Владиміра Святаго) изъ своей земли.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

А. Н. МАЙКОВА.

III.

©
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ,

**ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ
АВТОРОМЪ.**

Въ трехъ томахъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

П О Э М Ы.

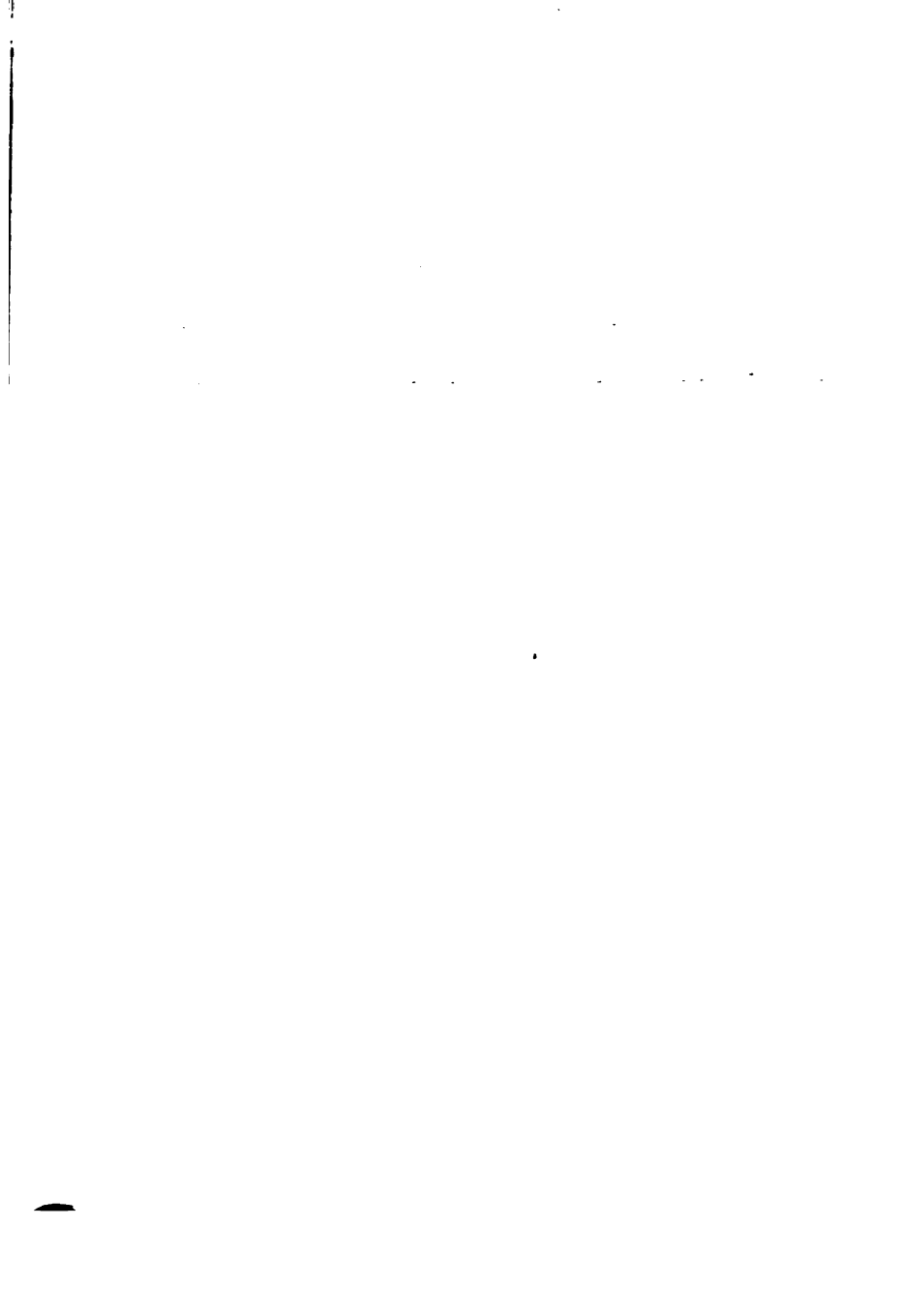

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

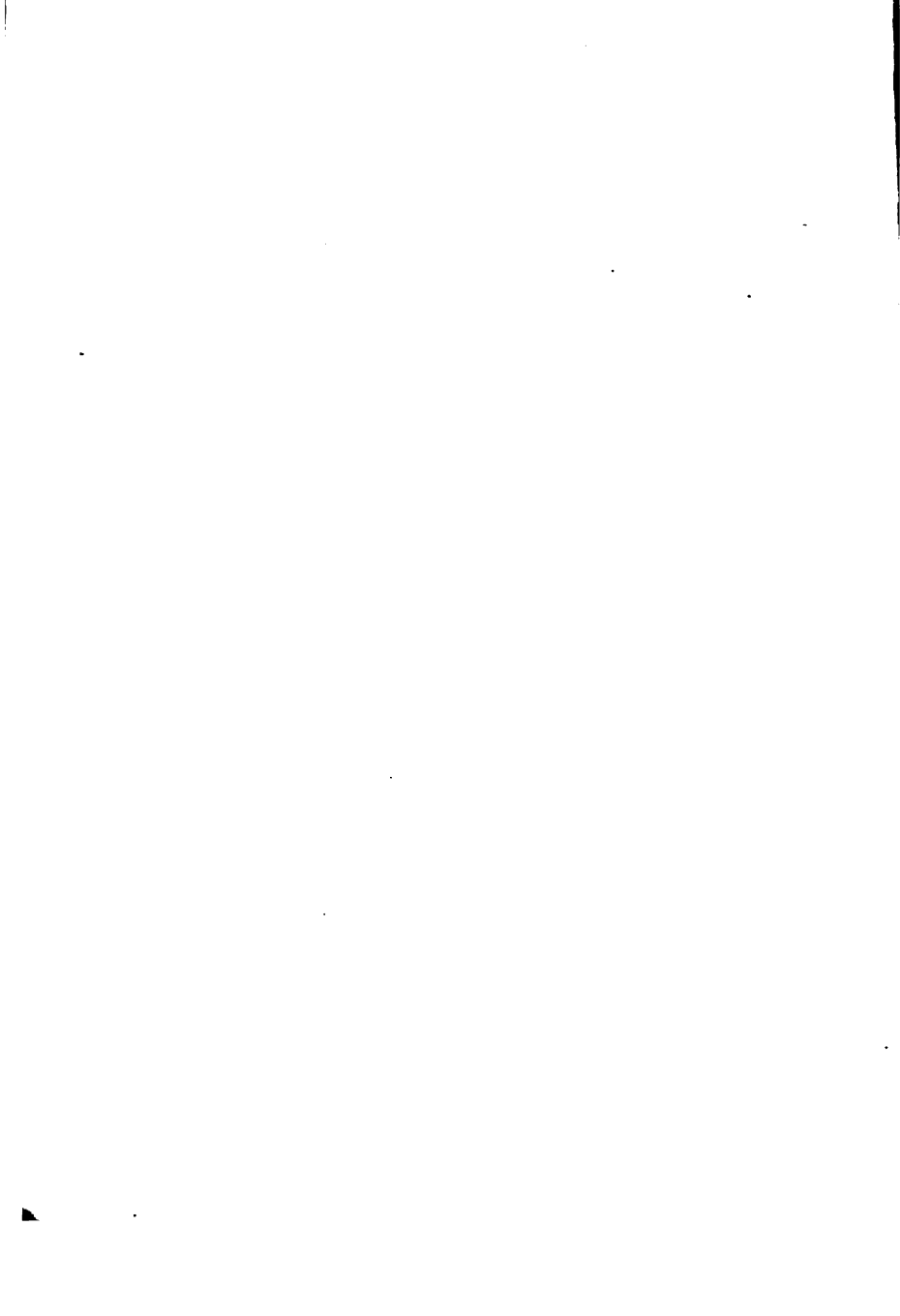
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Ф. МАРКСА. Ср. Подъяческ., № 1.
1893.

I.

ТРИ СМЕРТИ.

ТРИ СМЕРТИ.

Лирическая драма.

(Псвящается Николаю Аполлоновичу Майкову).

Поэтъ Луканъ, философъ Сенска и эпикуреецъ Люцій приговорены Нерономъ къ казни, по поводу Пизонова заговора.

Комната въ античномъ вкусѣ; посрединѣ столъ съ яствами; около него люцій, эпикуреецъ, одинъ, какъ слѣдуетъ, возлежить за обѣдомъ. Сенска пишетъ завѣщаніе. Луканъ въ глубокой задумчивости. Въ углубленіи сцены группа друзей и учениковъ Сенски.

люцій *(омывъ послѣ пды руки водою въ чашъ, поданной рабомъ говоритъ).*

Мудрецъ отличенъ отъ глуща
Тѣмъ, что онъ мыслить до конца.
И вотъ—я долго наблюдаю,
И нахожу, что смерть разнѣ
Всего скорѣе аппетитъ.
Я цѣлый часъ жую, глотаю,

Но все безъ вкуса—и не сытъ!..
 Вина попробуемъ! быть можетъ,
 Живая Вакхова струя
 Желудокъ дремлющій встревожить...
 Ну, кто же пьетъ со мной, друзья?
 Луканъ!.. да ты какъ въ лихорадкѣ!
 Въ Сенека строгій стоицизмъ
 Давно разрушилъ организмъ!
 И если вы въ такомъ упадкѣ—
 Не мудрено, что въ этотъ часъ
 Мой здравый разумъ бѣситъ васъ!

ЛУКАНЪ.

Въ часъ смерти шутки неприличны!

ЛЮЦІЙ.

Но лучше умереть шутя,
 Чѣмъ плакать, рваться, какъ дитя,
 Безъ пользы!

ЛУКАНЪ.

Мнѣнія различны!

Кто жизнь обжорству посвятилъ,
 Тотъ потеряетъ въ ней немного!

ЛЮЦІЙ.

Э, милый! не суди такъ строго!
 Я, признаюсь, еще бѣ пожилъ,

И неохотно умираю...

Но, чтобы съ честью этотъ шагъ
Свершить—въ твоихъ, мой другъ, стихахъ
Себѣ отваги почерпаю.

«Посланье къ смерти» помнишь ты?
Въ немъ есть высокія черты!
Съ скелета смерти снялъ ты смѣло
Земной фантазіи цвѣты...

Ты помнишь:

(Декламируетъ).

«Друзья! намъ смерть страшна лишь чѣмъ?
Все кажется, что не совѣмъ,
Не разомъ мы умремъ,

«Что будемъ видѣть мы свой трупъ,
Улыбку неподвижныхъ губъ,
Глаза съ тупымъ зрачкомъ;

«А мухи, стаяй по лицу,
Безъ уваженья къ мертвецу,
И по лбу поползуть;

«И съ содроганьемъ отъ тебя
Родные, близкіе, друзья
Въ испугѣ отойдутъ»...

ЛУКАНЪ.

Ужасный образъ! какъ я могъ!..

ЛЮЦІЙ.

Позволь! въ концѣ—благой урокъ.

(Читаетъ да.те).

«Что даже изъ земли сырой
За рѣзвой жизнію земной
Слѣдить твой будетъ слухъ;

«И между тѣмъ, какъ надъ тобой
Весна покровъ разстелеть свой,
И запереть лугъ.—

«Червь на тебя ужь нападетъ
И жадно ѣсть тебѣ начнетъ
И щеки, и бока...»

ЛУКАНЪ *(персбивая его).*

Да перестань!

ЛЮЦІЙ *(продолжаетъ).*

«И будешь вѣчно рваться ты
На свѣтъ изъ душевной темноты—
Да крышка-то крѣпка!

«Но, смертный, знай! твой тщетенъ страхъ,
Вѣдь, на твоихъ похоронахъ
Не будешь зритель ты!

«Вѣдь, вмѣстѣ съ дружеской толпой,
Не будешь плакать надъ собой
И класть на гробъ цвѣты;

«По смерти сталъ ты вѣ тревогъ;
Ты сталъ загадкою, какъ богъ,
И вдругъ душа твоя

«Какъ радость встрѣтила покой,
Какого въ жизни нѣтъ земной—
Покой небытія!»

Вѣдь превосходно! Эпиктетомъ
Проникнуть живо каждый стихъ!
Прошу покорно—вѣрь поэтамъ!
Мечты и вѣрованья ихъ
Подвижной тучекъ золотыхъ!..
Вы всѣ на колоколъ похожи,
Въ который можеть зазвонить
На площади любой прохожий!
То смерть зоветъ, то хочетъ жить,

То снова къ жизни равнодушень...

Задача, право, васъ понять!...

ЛУКАНЪ (*вспыхнувъ*).

Что жь этимъ хочешь ты сказать?

Что вѣтренъ я и малодушень?..

СЕНЕКА (*переставя писать, удерживаетъ Лукана*).

Оставьте споръ! прилично ль вамъ

Безумнымъ посвящать рѣчамъ

Свои послѣднія мгновенья!

Смерть—шагъ великій! (*Къ Люцію*). Вѣрь, мой другъ,

Есть смыслъ въ Платоновомъ ученѣ—

Что это мигъ перерожденья.

Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ—

Но, какъ мерцаіе Авроры,

Какъ ллій чистый опіамъ,

Какъ лиръ торжественные хоры,

Иная жизнь насъ встрѣтитъ—тамъ!

Въ душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,

Проснутся, выглянуть на свѣтъ

Иныя чувства, росъ цѣлымъ,

Которымъ органа здѣсь нѣтъ.

Мы—боги, скованные тѣломъ,

И въ этотъ дивный переломъ,

Когда я покидаю землю,
Я прежній образъ свой приѣмлю,
Вступая въ небо—божествомъ!

люціи.

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего такъ созданъ свѣтъ,
Что гдѣ хоть два есть человѣка—
И два есть взгляда на предметъ?
Твое, какъ молоть, сильно слово—
Но убѣждаюсь я въ пномъ...
Существованія другого
Не постигаю я умомъ!
Взгляни на лавры вѣковые—
Ихъ листья, каждый въ свой чередъ,
Перемѣняются что годъ—
Одни спадутъ, взойдутъ другіе,
А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
И листья будто вѣчно тѣ жъ...
Вотъ такъ и мы—Луканъ, Сенека,
Слуга покорный вашъ—умреть...
Отпадшій листъ! но заживеть,
Какъ прежде, племя человѣка!
Иной появится пѣвецъ,
Другіе будутъ жить и вздорить,

Страдать, любить, о томъ же спорить,
О чемъ и мы съ тобой, мудрецъ!..
Но пусть по смерти жить мы будемъ!
(Тебѣ готовъ я уступить!)
А все себя мы не принудимъ
Безъ сожалѣнья кончить жить!
Намъ неприятна перемѣна.
Вотъ что мнѣ кто-то говорилъ:
На островѣ какомъ-то жилъ
Философъ секты Діогена.
Онъ въ бѣдномъ рубищѣ ходилъ,
Спалъ гдѣ пришлось прилечь къ сараю,
Босой, съ клюкой, нужда кругомъ..
Какимъ ужъ случаемъ, не знаю,
Всему вдругъ вздумалось краю
Его избрать своимъ царемъ.
Что жъ? Царскіи пурпуръ одѣвая
И тряпки ветхія скидая,
О нихъ вздохнулъ онъ тяжело,
И пожалѣлъ удѣлъ убогій,
Сказавъ: вѣдь было же тепло
Подъ сей циническою тогою!
Не то же ль съ жизнію земной?
Достигши вѣчнаго предѣла,
Жалѣешь бросить это тѣло—

Покровъ убогій п худой!
Ты говоришь, что мы одною
Съ богами жизнью заживемъ?
Да лучше ль намъ? Ну, какъ порою,
Смотря какъ мы свой вѣкъ ведемъ,
Богини съ грозными богами,
Какъ волки, щелкаютъ зубами!
Смотря какъ смертный ѣсть и пьеть,
И съ смертной тѣшится любезной,
Они, быть можетъ, бесполезно
Крѣпясь, облизываютъ ротъ!
Что мнѣ въ ихъ жизни безъ волненіи?
Мірами что ли управлять?
Въ нихъ декорациа мѣнять,
И, вмѣсто всякихъ развлеченій,
Людьми какъ шанками играть,
И какъ актерами плохими
Отнюдь не увлскаться ими,
Ни скучной пьесой!.. Нѣтъ! Клянусь,
Я въ боги вовсе не гожусь...

ЛУКАНЪ.

Нѣтъ! не страшать меня загадки
Того, что будетъ впереди!
Жаль бросить славныхъ дѣлъ начатки,

И все, что билось въ груди,
Что было мнѣ всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятилъ!
Мнѣ страшно думать—для чего же
Во мнѣ кипѣло столько силъ?
Зачѣмъ же сила эта крѣпла,
Росла, стремилась къ торжествамъ!
Титанъ, грозившій небесамъ,
Ужели станетъ горстью пепла!
Не можетъ быть! гдѣ жъ смыслъ въ богахъ?
Гдѣ высшій разумъ? Провидѣнье?
Вдругъ человѣка взять въ лѣсахъ,
Возвысить въ мѣрѣ, дать значенье,
И вдругъ—разбить безъ сожалѣнья,
Какъ форму глиняную въ прахъ!..
Ужели съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?
Нѣтъ, въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра!
Народовъ мысли—образъ дать,
Ихъ чувству—слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое—
Вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя!
Когда для правды безпріютной,

Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно,
Скую изъ слова образъ я,
И тутъ враговъ слѣпая стая
Его подхватить, злясь и лая,
Какъ псы обглоданную кость,—
Все, что отвергнуто толпою,
Все веселилося со мною,
Смотря на жалкую ихъ злость!..
А злоба мрачныхъ изувѣровъ,
Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
Съ которыхъ маски я сбиваль?
Дитя—ихъ мучилъ и пугаль!
Столповъ отечества заставить
Я могъ капризамъ льстить мопмъ—
Тѣмъ, что я ихъ стихомъ однимъ
Могъ вознести или обезславить!
Съ Перономъ спорить я дерзалъ—
А кто же спорить могъ съ Перономъ!
Онъ ногти грызъ, онъ двигалъ трономъ,
Когда я вслѣдъ за нимъ читалъ,
И въ залѣ шопотъ пробѣгалъ...
Что жь? не былъ я его сильнѣе,
Когда, не властвуя собой,
Онъ опрокинулъ тронъ ногой
И вышелъ—полотна бѣлѣе?

Вотъ жизнь моя! и что жь? ужель
 Вдругъ умереть? и это—цѣль
 Трудовъ, великихъ начинаній!..
 Побѣдный лавръ, вѣнецъ желаній!..
 О, боги! нѣтъ! не можетъ быть!
 Нѣтъ! жить, я чувствую, я буду!
 Хоть чудомъ—о, я вѣрю чуду!
 Но долженъ я и—буду жить!

(Входитъ центуріонъ со свиткомъ въ рукѣ).

люціи *(указывая на центуріона).*

Вотъ и спаситель! Ну! покуда
 Тутъ нѣтъ еще большого чуда.

(Къ центуріону).

Какія новости?

ЦЕНТУРІОНЪ *(подавая ему свитскъ).*

Декретъ

Сената.

люціи.

Други! шлетъ привѣтъ
 Сенатъ къ намъ! уваженъе къ власти!

ЛУКАНЪ.

Читай!

люцій.

Стой! кто рѣшитъ впередъ —
Жизнь или смерть? закладъ идетъ?

ЛУКАНЪ.

Я бѣ разорвалъ тебя на части
За эти шутки!

(Вырываетъ свитокъ и читаетъ декретъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что Цезарь, въ неизреченной милости своей, избавляетъ ихъ отъ позорной казни, даруетъ имъ право выбрать родъ смерти и самимъ лишитъ себя жизни; сроку до полуночи. Центуріонъ обязанъ наблюдати за исполненіемъ декрета, и о послѣдующемъ довести).

люцій.

Не дурень слогъ. Писать умѣютъ.

ЛУКАНЪ.

Злодѣи! пзверги!

люцій.

Притомъ

Приличье тонко разумѣютъ —

Что одолжаться палачомъ

Неблагодарно человѣку... *(Къ центуріону)*

Но что ты смотришь на Сенеку?

ЛУКАНЪ.

Ты тронуть! ты потупилъ взглядъ!
 Въ твоемъ лицѣ слѣды смущенья!
 О, вѣрь мнѣ, то боговъ внушенья!
 Спаси намъ жизнь! благословятъ
 Тебя народы! Предъ тобою
 Мудрецъ съ маститой сѣдиною —
 Онъ чистъ какъ дѣва, какъ Сократъ!

ЦЕНТУРІОНЪ.

Мой долгъ...

ЛУКАНЪ.

Твой долгъ! а жить безъ славы!
 Для дикой прихоти губя
 Людей, отечество, себя,
 Прожить слѣпцомъ въ грязи кровавой!
 О, если долгъ въ твоей груди
 Не все убилъ, то — отведи
 Меня въ Сенатъ! Какъ съ поля битвы
 Предъ смертью ратнику, сказать
 Дай мнѣ послѣднія молитвы!
 Дай мнѣ предъ смертью завѣщать
 Безъ лжи, передъ лицомъ вселенной,

Все, что привыкъ я неизмѣнной,
Святою истиной считать!

(Декурионъ, не обращая вниманія на Лукана, удаляется въ глубину комнаты. Луканъ продолжаетъ въ сильномъ волненіи).

Я имъ скажу — въ нихъ чести нѣтъ!
Въ нихъ умъ какой-то мглой одѣтъ!
Для нихъ отечество и слава —
Рѣчей напыщенныхъ приправа!
Величіе народа въ томъ,
Что носятъ въ сердцѣ онъ своемъ;
Убивъ въ немъ доблести величье,
Заставивъ въ играхъ и пирахъ
Забыть добра и зла различье,
Въ сердца вселяя только страхъ,
Отъ правды казнь ограждаясь,
И предъ рабами величаясь,
Они мечтаютъ навсегда
Избѣгнуть кары и суда...
Я имъ скажу — готовятъ сами
Свой приговоръ себѣ они!
Что упоенные льстецами
И мысля въ мѣрѣ жить одни,
Себѣ статуи воздвигаютъ
Какъ божества на площадяхъ...

Но вѣкъ ихъ минеть: разломають,
 Съ проклятіемъ растопчуть въ прахъ
 Отцовъ статуи ихъ же дѣти!
 Дѣтей проклятій рядъ столѣтій
 Не сниметь съ головы отцовъ...

СЕНЕКА.

Луканъ! оставь, оставь слѣпцовъ!

люцій.

Пришла жь охота на циклоповъ,
 На двуутробокъ и сорокъ
 Взглянуть предъ смертью! взять урокъ
 У нихъ дилеммъ, фигуръ и троновъ!

ЛУКАНЪ.

Но какъ безъ боя все отдать!..
 Хотя бѣ къ народу мнѣ воззвать!
 Пѣвецъ у Рима умираеть!
 Сенека гибнеть! и народъ
 Молчитъ!.. Но нѣтъ, народъ не знаетъ!
 Народу миль и дорогъ тотъ,
 Кто спать въ немъ мысли не даеть!

люцій.

Да, миль, какъ бабочка ночная,
 Покуда крыльевъ не ожжетъ,

Черезъ огонь перелетая...
Народъ твой первый же потомъ
И назоветъ тебя глушцомъ.

ЛУКАНЪ (*закрываетъ лицо руками*).

Но Цезарь!.. мы вѣдь съ нимъ когда-то
Росли, играли, какъ два брата!
Онъ вспомнить время дѣтскихъ игръ,
И приговоръ свой остановить...
Въ немъ сердце есть... вѣдь онъ не тигръ...
Римъ часто пѣ-пусту злословить...
Что я ему, мои мечты
Да пѣсни — всѣ мои заботы!..

ЛЮЦІЙ.

Мой бѣдный мальчикъ, съ жизнью счеты
Еще не кончилъ видно ты!

*(Одинъ изъ учениковъ Сенеки входитъ въ комнату.
Съ нимъ рабъ. Онъ говоритъ шепотомъ).*

УЧЕНИКЪ.

Друзья, — чуръ тише — я съ надеждой!

ЛУКАНЪ.

Прощенье?..

УЧЕНИКЪ.

Въ домѣ выходъ есть;
Со мной двѣ женскія одежды.

Пробратся къ Тибру, въ лодку сѣсть,
 И въ Остію! бѣги съ Луканомъ,
 А я останусь здѣсь съ рабомъ.
 Луканъ съ нимъ сходенъ видомъ, станомъ,
 Я сѣдъ, гляжу ужь старикомъ...
 Бѣгите! время есть до рока.
 И вы ужь будете далеко,
 Какъ насъ найдутъ здѣсь поутру.

ЛУКАНЪ.

Я говорилъ, что не умру!

СЕНЕКА.

Бѣги, Луканъ! Мнѣ съ сѣдиною
 Нейдетъ ужь бѣгать отъ враговъ.

ЛЮЦІЙ.

А жаль! Я бь посмотрѣлъ, каковъ
 Ты въ юбкѣ!..

УЧЕНИКЪ.

Гибель предъ тобою!
 Смерть въ каждомъ домѣ! Цѣлый Римъ —
 Что циркъ. Людей травятъ звѣрями.

Постумъ убить рабомъ своимъ;
Пизонъ вскрыль жилы. Подъ досками
Раздавленъ Кай. Чего жь вамъ ждатель?

СЕНЕКА.

Мой другъ, не дважды умирать!
Разъ — это праздникъ!

УЧЕНИКЪ.

Но съ тобою
Погибнуть все! ты много намъ
Не досказаль!

СЕНЕКА.

Найдешь и самъ
Все, что осталось за мною, —
Лишь мысли, истину любя,

ЛУКАНЪ.

Учитель! я молю тебя!

УЧЕНИКЪ.

Вѣдь ты послѣдняя лампада
Во мракѣ жи!

СЕНЕКА.

Оставь меня.

Ни просьбъ, ни лести мнѣ не надо.
Вѣрь, каждый шагъ свой — знаю я!

УЧЕНИКЪ.

Я это зналъ... я зналъ тебя!
О, горе! что же будетъ съ нами!..
Жить въ мракѣ, плача и скорбя,
Что свѣтъ мелькнулъ передъ глазами —
И скрылся!.. Ты душой высокъ!
Ты недоступенъ намъ, Сенека!
Ахъ! правда! въ сердцѣ чловѣка
Есть нѣчто высшее, есть богъ!..
Сейчасъ я видѣлъ — и смущеньемъ
Я пораженъ какъ мальчикъ былъ...
Я черезъ форумъ проходилъ.
Съ какимъ-то дикимъ изумленьемъ
Народъ носилки окружилъ.
Въ носилкахъ трупъ Эпихариды...
(Подъ видомъ праздниковъ Киприды
Пизонъ друзей сбиралъ къ ней въ домъ).
Вчера она, подъ колесомъ,
Въ жестокихъ мукахъ, не винилась,

И никого не предала!..
 Трещали кости, кровь текла...
 Въ носилкахъ петлю изловчилась
 Связать платкомъ — и удавилась.
 Воскликнулъ самъ центуріонъ:
 «Въ рабынь вселлся духъ Катоновъ!»
 А Римъ? Сенатъ? весь обращень
 Иль въ палачей, или въ шпионовъ!

ЛУКАНЪ.

Эпихарида!

УЧЕНИКЪ.

Да, она —
 Душа безумныхъ сатурналіи!

ЛУКАНЪ.

И ты хотѣлъ, чтобъ мы бѣжали!

ЛЮЦІЙ.

Бываютъ точно времена
 Совсѣмъ особеннаго свойства.
 Себя не трудно умертвить,
 Но жизнь понявъ, остаться жить —
 Клянусь, не малое геройство!

ЛУКАНЪ.

И смерть въ рукахъ ея была
Для цѣлой половины Рима —
И никого не предала!
А жить бы въ золотѣ могла!
На площадяхъ боготворима
Въ мѣди бѣ и въ мраморѣ была,
Какъ мать отечества!.. О, боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образъ твой какъ совѣсть строгіи!
Да развѣ могъ я жить, какъ трусъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь, меня не стануть
Геройствомъ женщинъ упрекать!
Послѣднихъ Римлянъ въ насъ помянуть!
Ну, Римъ! тебѣ волчица — мать
Была! я вѣрю... въ сказкѣ древней
Есть правда... Ликторъ! я готовъ...
Я здѣсь чужой въ гнилой харчевнѣ
Убійцъ наемныхъ и воровъ!
Смерть тяжела лишь для рабовъ!
Намъ — въ ней триумфъ.

*(Обнимаетъ Сенеку и друзей и говоритъ, поднявъ
глаза къ небу).*

О, боги! боги!

Вы обнажили предо мной

Видѣнья древности сѣдой
 И Олимпійскіе чертоги —
 Затѣмъ, чтобъ стихъ могучій мой
 Ихъ смертнымъ былъ провозвѣщатель!..
 Теперь стою я, какъ ваятель
 Въ своей великой мастерской.
 Передо мной — какъ исполины
 Недовершенныя мечты!
 Какъ мраморъ, ждутъ онѣ единой
 Для жизни творческой черты...
 Простите жъ пышныя мечтанья!
 Осуществить я васъ не могъ!..
 О, умираю я, какъ богъ
 Средь начатого мірозданья!

(Луканъ, обнявъ Сенеку и Люція, уходитъ, сопровождаемый микторами).

СЕНЕКА *(хочетъ за нимъ слѣдовать, но останавливается на движеніе бросившихся къ нему учениковъ и, проведя рукою по челу, говоритъ тихо и торжественно).*

Одну имѣлъ я въ жизни цѣль,
 И къ ней я шелъ тропой тяжелой.
 Вся жизнь моя была досель
 Нравоучительною школой;
 И смерть есть новый въ ней урокъ,

Есть буква новая, средь вѣчной
И дивной азбуки, залогъ
Науки высшей, безконечной!
Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,
Чтобъ я вселенную извѣдалъ,
И чтò въ себѣ и въ ней позналъ, —
Въ науку бь позднимъ внукамъ предалъ;
Послалъ онъ въ встрѣчу злобу мнѣ,
Развратъ чудовищный и гнусный,
Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
Средь бурь, окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
Я образъ свой напечатлѣлъ...
Я все свершилъ. Мой образъ вылить.
Еще рѣзца послѣдній взмахъ —
И гордо встанеть онъ въ вѣкахъ.
Рѣзецъ не дрогнетъ. Не осплить
Мнѣ руку страхъ. Здѣсь путь свершенъ, —
Но духъ мой, жизнью земною
Усовершенъ и умудренъ,
Вступаетъ въ вѣчность... Предо мною
Открыта дверь — и впью я
Зарю иного бытія...

*(Друзья съ воплями обнимаютъ колѣна философа.
Смотря на нихъ, онъ продолжаетъ).*

Жизнь хороша, когда мы въ мѣрѣ
Необходимое звено,
Со всѣмъ живущимъ заодно;
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ...
Когда жъ толпа, съ тобою розно,
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидѣвъ далеко, —
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
Друзья, повѣрьте, нелегко:
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,
Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопить насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей...

Нашъ вѣкъ прошелъ. Пора намъ, братья!
Иные люди въ мѣрѣ пришли;

Иныя чувства и понятя
 Они съ собою принесли..
 Быть можетъ, вѣруя упорно
 Въ преданья юности своей,
 Мы леденимъ, какъ вихрь тлетворной,
 Жизнь обновленную людей.
 Быть можетъ... истина не съ нами!
 Нашъ умъ ея уже нейметъ,
 И ослабѣвшими очами
 Глядитъ назадъ, а не впередъ,
 И свѣта истины не видитъ,
 И вопіетъ: «спасенья нѣтъ!»
 И, можетъ быть, иной прійдетъ,
 И скажетъ людямъ: «вотъ гдѣ свѣтъ!»
 Нѣтъ! намъ пора!.. Открой мнѣ жилы!..
 О, величайшее изъ благъ —
 Смерть! ты теперь въ моихъ рукахъ!..
 Сократъ! учитель мой! другъ милый!
 Къ тебѣ иду!..

(Уходитъ сопровождаемый учениками).

люцій.

Ты кончилъ хорошо, Сенека!
 И славно выдержалъ!.. Ну, вотъ —
 Героемъ меньше!.. Злость беретъ,

Какъ поглядишь на человѣка!
Что жь изъ того, что умеръ ты?
Что духомъ до конца не падалъ?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоровъ задалъ
Дня на два! Вотъ и подвигъ твой!

(Смотритъ въ окно на небо и дальнія горы).

Какъ тамъ спокойно! Горы ясны...
Вотъ такъ и боги безучастно
Съ небесъ глядятъ на родъ людской!
Да что и видѣтъ?..

(Оглядывается въ комнату).

Здѣсь ужасно

И жить, не только умирать!
А жить осталось не много...
Что жь пользы Немезидѣ строгой
Чась лишній даромъ отдавать?
Для дѣлъ великихъ отдыхъ нуженъ,
Веселый духъ и — добрый ужинъ...
По смерти слава — намъ не въ прокъ!
И что за счастье, что когда-то
Укажетъ риторъ бородатой
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!..
До тайнъ грядущихъ — нѣтъ мнѣ дѣла!
И — здѣсь ли кончу я свой вѣкъ,

Иль будетъ жить душа безъ тѣла —
Все буду я — не человѣкъ!..
Ну, а теперь, пока я въ силѣ,
Съ почетомъ отпустить могу
Я тѣло — стараго слугу...
Эй, рабъ!

(Входитъ рабъ).

люцій.

Въ моей приморской виллѣ
Мнѣ лучшій ужинъ снаряди,
Въ амфитеатрѣ, подъ горами.
Мнѣ ложе уברי цвѣтами;
Балетъ вакханокъ приведи,
Хоръ фавновъ... лиры и тимпаны...
Да хоръ не такъ, какъ въ прошлый разъ:
Пискунь какой-то — первый басъ!..
Въ саду открой вездѣ фонтаны;
Вотъ ключъ — тамъ, въ дальней кладовой
Есть кубки съ греческой рѣзбой —
Достань. Да разошли проворно
Рабовъ созвать друзей... Пускай,
Кто живъ, тотъ и придетъ. Ступай
Къ Марцеллу самъ. Проси покорно,
Хранится у него давно

Гораціанское вино.

Скажи, что господинъ твой молитъ
Не отказать ему ни въ чемъ,
Что нынче — умирать изволитъ!
Ну, все... ты вѣрнымъ былъ рабомъ,
И не забыть въ моей духовной.

(Рабаъ упадаетъ къ его ногамъ).

Да не торгуйся, не скупись —
Чтобъ ужинъ вышелъ баснословный!...
Да! главное забылъ... Стучись
Въ палаты Пирры беззаботной!
Снеси цвѣтовъ корзины ей,
И пусть, смѣясь безотчетно,
Она ко мнѣ, весны свѣтлѣй,
На ужинъ явится скорѣй.

(Рабаъ уходитъ).

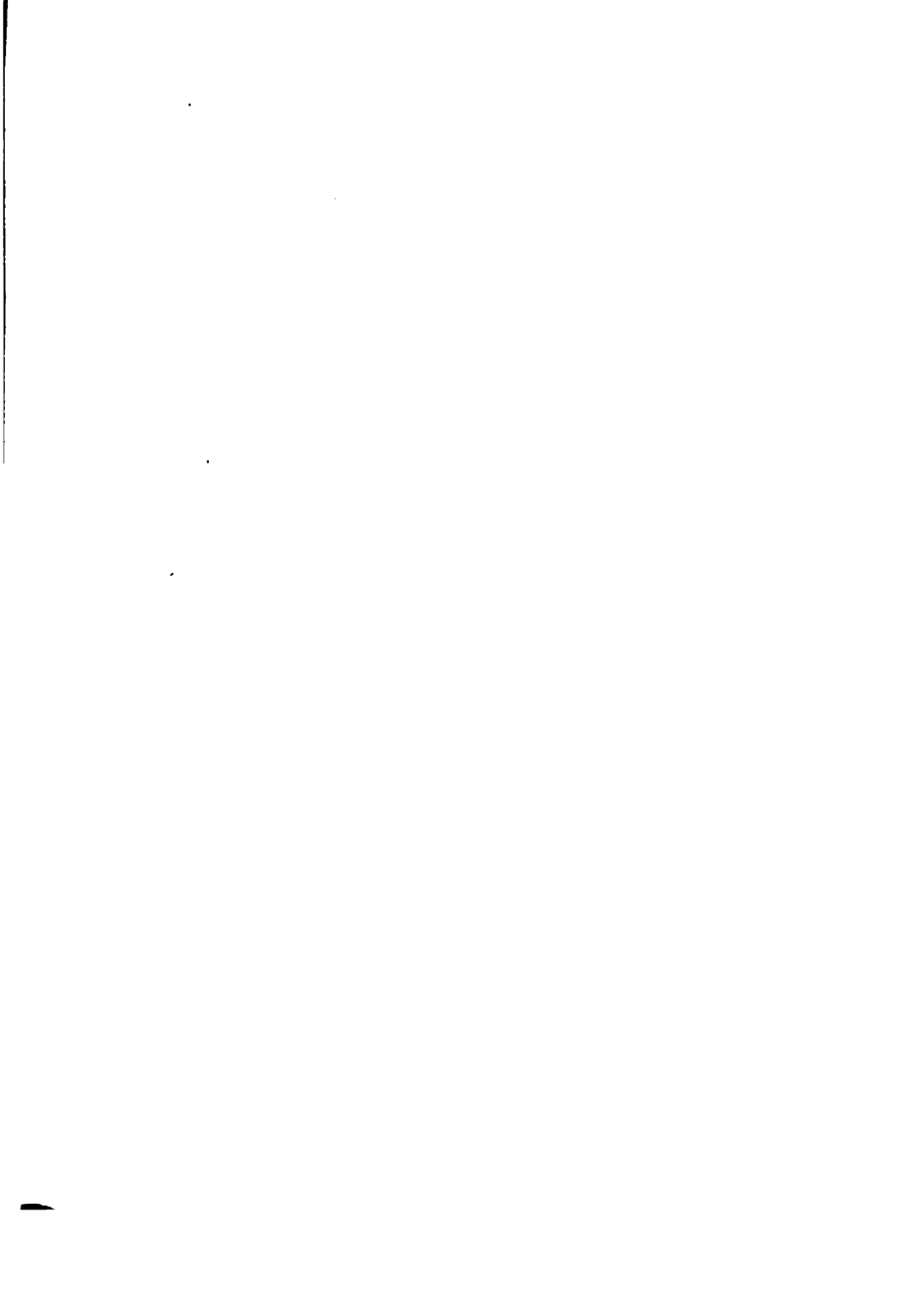
И на колѣняхъ дѣвы милой,
Я съ напряженной жизни силой
Въ послѣдній разъ уплюю душой
Дыханьемъ травъ, и моремъ спящимъ,
И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
И Пирры ясной красотой!..
Когда жъ пресыщусь до избытка,
Она смертельнаго нанитка,
Умильно улыбаясь, мнѣ,

Сама не зная, дастъ въ винѣ,
И я умру шутя, чуть слышно,
Какъ истый мудрый сибарить,
Который, трапезою пышной
Насытивъ тонкій аппетитъ,
Средь ароматовъ мирно спитъ.

1852.

II.
СТРАННИКЪ.

СТРАННИКЪ.

(Посвящается *Θ. Н. Тютчеву*).

дѣйствующихъ лица:

Гриша, двадцати лѣтъ.

Странникъ, сорока пяти лѣтъ.

Нищій.

Страннопріимная келья при купеческомъ раскольничьемъ домѣ, на фабрикѣ, близъ большого села. Въ кельѣ столъ, лавки, образа стараго письма, лампадка.

Гриша (*одинъ стоитъ въ раздумьи*).

Какъ онъ войдетъ, то прямо объявлюся:

«Азъ грѣшный, молю, во тьмѣ заблудшій, свѣту

«Желающій!.. Отверзи мнѣ источникъ

«Премудрости твоей, бо аичу, отче,

«Я твоего учительскаго слова...»

Такъ и скажу ему, какъ затвердилъ!

А тутъ пока прибраться...

(*Оглядываетъ келью*).

Ишь, подушку

Откинулъ онъ и положилъ полѣнце...

Голубчикъ! снялъ вѣдь и соломку съ лавки!

Пошелъ съ своей посудинкой на рѣчку...

Вотъ слишкомъ двѣ недѣли: всю-то ночь

На правилѣ стоять, а днемъ читаетъ...

И какъ себя-то соблюдаетъ строго!

Разъ отдохнуть прилежъ: вдругъ ѣдетъ тройка,

Да съ пѣснями, — и кинулся молиться,

Да часъ или два поклоны клалъ земные...

Что если бъ зналъ онъ, что я тутъ же, подлѣ,

Изъ каморы своей смотрю все въ щелку?

Что жъ! развѣ я то дѣлаю для худа?

Томлюся я, что Даниилъ во рву...

Горѣ всечасно обращаю очн —

Не явится ль Господень свѣтлый ангель!

Да нѣтъ, не сходить!..

(Поправляетъ лампадку на полкѣ, чтобъ видѣть книги).

Вотъ книги-то его!..

Евѣиміевъ *Цвѣтникъ*... Да нешто онъ

Изъ бѣгуновъ?.. А это Аввакума

Посланія... Какъ вѣдь писалъ, страдалецъ!

(Открываетъ книгу и читаетъ).

«У Грековъ такожде пропала вѣра.
Съ поганымъ Туркомъ потурчали: пьютъ
Табакъ, приходятъ въ церковь въ шапкахъ; жены
Того сквернѣй; имъ церковь, яко мѣсто
Соблазна: груди голы, очи дерзки.
Самъ патріархъ браду обрилъ и съ Туркомъ
Ѣсть рафленыхъ курей съ една блюда.
Нѣтъ, Русачки мои не таковы!
Въ огонь скорѣе, миленькіе, внидутъ,
А благовѣрія не предадутъ».
Во истину сказалъ: «не предадутъ!»

*(Перевертывасть нѣсколько страницъ
и читаетъ).*

«Къ тебѣ, о царь, предъ смертию изъ темницы,
Я, какъ изъ гроба, нынѣ вопію:
Опомнися! Покайся!.. Изболѣло
Мое все сердце по тебѣ, царю!
О душенькѣ своей попомни, милый!
Слукавили лгуны передъ тобою!
Какіе жь мы еретики, помысли!
Порушили ль мы гдѣ уставы церкви?
Вели престать насъ звать бунтовщиками:
Мы предъ твоимъ величествомъ, голубчикъ,
Ниже въ малѣйшемъ неповинны! Токмо

Что о душѣ печемся, Бога ради»...

(Слыша шаги, поспѣшно кладетъ книгу на мѣсто и становится къ стѣнѣ. Входитъ странникъ, несетъ буракъ съ водою; проходитъ мимо Гриши, не замѣчая его и продолжая богомыслие).

СТРАННИКЪ.

Изъ глубины паденья моего,
О, Господи, къ Тебѣ взываю, грѣшный!
Вонми мои рыданія и призри
Съ высотъ Твоихъ, есмь немощенъ и шатокъ,
И духъ мой, аки валь морской, всечасно
То въ небеса предъ свѣтлымъ ликъ Твой рвется,
То падаетъ во адъ кромѣшный пакъ!..

(Ставитъ буракъ на столъ, достаетъ мѣдный складень и готовится стать на правило).

ГРИША *(робко подходя къ нему)*.

Не прогнѣвись, благодутробный отче:
Азъ грѣшный... азъ учительскаго слова
Изъ устъ твоихъ желающій услышать!..

СТРАННИКЪ.

Охъ, что ты, сыне?.. Мнѣ ль учительское слово
Кому держать! и самъ бы поучился
Отъ мудраго! самъ возлюбилъ бы плеть
Духовную отъ праведнаго мужа!

ГРИША.

Позволь съ тобой на правило мнѣ стать!

СТРАННИКЪ.

Нельзя!

ГРИША.

Я тоже старой вѣры, отче!

СТРАННИКЪ.

Что жь старой? Всѣ вы нынче — пестряки!

(Садится).

Да! благодать давно взята на небо!
Вселенная пуста, и стадо вѣрныхъ
День ото дня въ міру оскудѣваетъ!..
Ты грамотный?

ГРИША.

Почитываю книги,

Да одному не все-то въ нихъ понятно! .
У насъ народъ на фабрикѣ все буйный,
И токмо что рекутся старовѣры.
Вотъ иногда у постояльцевъ спросишь,—
Да знающихъ немного между ними.

СТРАННИКЪ.

Коль грамотенъ еси, ты прочиталъ ли
И помнишь ли, что писано о вѣрныхъ?

(Читаетъ наизусть).

Егда Христось придетъ паки въ мѣръ,
Обрящеть ли свою онъ вѣру чисту?
Онъ придетъ въ великіе хоромы
Съ златымъ шатромъ, съ подзоры и убрусы;
Покои жъ багрецомъ наряжены;
И въ тѣхъ покояхъ возсѣдятъ мужи,
Во фerezяхъ, сырцомъ и златомъ шитыхъ;
А на столѣ и лебедь, и журавль,
И сахары, и всякое печенье,
И жемчугомъ унизаны, подносятъ
Вина имъ, въ серебряныхъ сосудахъ, жены,
И поклоняются имъ, и лобзаютъ,
Грѣховной срамоты не убоися,
Усты въ уста. Онъ скажетъ: «Блудодѣи
Все суть они, и не мои суть овцы!»
Онъ придетъ къ властямъ, къ архіереямъ;
Узритъ: единъ съ блистаніемъ на митрѣ
И злата, и жемчужныхъ херувимовъ,
И бархатомъ на мантии кичася,
На башмакахъ же крестъ Христовъ имѣя,
Чтобъ скверными топтать его ногами;
И вокругъ синклитъ его, попы и мнихи,
И римскіе пѣвцы, партеснымъ пѣньемъ
Не Божью, а его поющи славу;
И всѣ думцы его въ парчахъ и камняхъ,

Окрестъ его сѣдяще полукругомъ;
 И купно всѣмъ соборомъ измышляютъ
 Погибель христіанству, наказуя
 По всей странѣ противящихся имъ
 Во срубахъ жечь и вѣшать на крюки,
 И зарывать живыхъ по перси въ землю;
 Онъ скажетъ: «се не пастыри, а волки!»
 Въ пустыняхъ лишь, въ лѣсу, забѣгшихъ въ горы
 Найдеть подвижниковъ: имъ же молитва —
 Кормленье, слезы — утоленье жажды,
 И бѣса посрамленіе — веселье,
 Гоненіе — сговоръ, а смерть — невѣста...
 И скажетъ Онъ: «со Мною вы пребысте,
 И съ вами Азъ, отнынѣ и вовѣки».

ГРИША (*съ умиленіи*).

Ты наизусть святыя книги знаешь!
 Вотъ, всю бы ночь, кажись, тебя прослушалъ!

СТРАННИКЪ.

Великій змій вселенную обвилъ
 И царствуетъ... Про змія-то читаемъ:
 «И было зримо, како по ночамъ,
 Сей змій, уста червлены, брюхо пестро,

Ко храниѣ царевой подползалъ,
И царское оконце отворялось.
Царь у окна сидѣлъ, а змій, вздымаясь
По лѣстницѣ клубами, подымался
Вверхъ до окна и голову свою
Великому Царю клалъ на плечо.
(И такъ онъ былъ огромень, что лежалъ
По лѣстницѣ всѣмъ туловищемъ темнымъ,
А хвостъ еще изъ патриаршей сѣни
Не вылѣзалъ). И такъ, къ цареву уху
Припавъ, шепталъ онъ лестныя слова:
«Не слушай честныхъ старцевъ, о царю!
«И старыхъ книгъ, владыко, боронися!
«Бо тѣсноты они тебѣ хотятъ!
«А полюби, царь, Никоновы книги:
«Въ нихъ обрѣтешь пространное житѣе,
«И по средамъ и пятницамъ всеястѣе,
«И тѣлесамъ твоимъ во услажденье
«Всѣ радости мірскія и утѣхи»

ГРИША.

Про змія, отче, я читалъ и знаю.
Изшелъ изъ ада онъ и днемъ являлся
Подъ видомъ Никона лжепатріарха,
А ночью принималъ опять видъ змія.

Про Никона написано еще:
Его видали, какъ въ златой палатѣ
Отъ многихъ онъ бѣсовъ былъ почитаемъ.
Они его сажали на престолъ,
Вѣнчали, какъ царя, и лобызали,
И кланялись ему, и говорили:
«Ты большій братъ нашъ и любезный другъ,
И намъ поможешь крестъ Христовъ сломити».
Но это все стоитъ про Никоньянцевъ,
И въ ихъ-то вѣру змій пустилъ свой ядъ.

СТРАННИКЪ.

Во всё! во всё!.. Отъ змѣя народились
Змѣеныши; чуть вылѣзли изъ яицъ —
И выросли, и стали жрать другъ друга,
И своего отца грызутъ, — и всё
Въ единый клубъ свились, дышащи злобой,
И лютости огнемъ распалены.
Въ писаніи стоитъ вѣдь явно: «внидутъ
Въ селеня праведныхъ и сластолюбцы,
И блудники, и тати, аще добрымъ
Очистятся постомъ и покаяньемъ,
Но въ оное не внидетъ ни богатый,
Ни еретикъ». А вашъ Андрей Денисовъ
Что сотворить? — Когда явился Петръ —

То былъ ужь самъ Антихристъ во плоти:
Одѣлъ себя и весь свой полкъ звѣринный
Въ нѣмецкіе кафтаны, и по царству
Ихъ разослалъ ниспровергать законы
Отечески и свой регламентъ ставить;
И позавелъ онъ раздѣленье въ людяхъ,
И сварь, и бой, и брань междуусобну:
И вывезъ клеймы онъ изъ римскихъ странъ,
И сталъ клеймить вездѣ себѣ людей:
А на кого ужь то клеймо легло —
Такъ на весь родъ пойдетъ: и отрекутся
Отеческихъ святынь, преданій, даже
Гробовъ отцовъ, и будутъ, что чужіе!
Ужасно есть сіе помыслить токмо!
Пойдутъ дружить со всякимъ вражьемъ духомъ,
Противъ всего, что сотворили древле
Великіе цари, митрополиты
Московскіе, Иона, Алексѣй, —
Ихъ же трудами собрана земля
Россійская, и ихъ цвѣла нарядомъ.
А славный вашъ Андрей Денисовъ съ онымъ
Антихристомъ, еже Петръ Первый есть,
Хлѣбъ-соль водилъ, копалъ ему руду
На цѣпи, и съ важнѣйшими его
Персонами братался; блудно жилъ,

Да блудно такъ и померь: дѣвка,
Ишь, приворотнымъ зельемъ опоила!
Онъ всю-то жизнь Антихристу работаль,
Въ Имперіи торги-то разводя.
Съ него вотъ и пошли купцы-тузы:
Первѣйшіе въ Москвѣ — все ихъ хоромы!
Въ хоромахъ-то картины и статуи
Поганскія; какъ балъ-то зададутъ,
По окнамъ-то не стекла — зеркала;
Зажгутъ такіе бѣлые шары,
Что солнца свѣтятъ! плясъ и музыканты!
Передъ крыльцомъ-то конная все стража!
Кареть, кареть-то! Все князья да графы,
И всѣхъ наукъ бѣсовскихъ хитрецы!
Вотъ, братъ, цвѣты какіе распустились
Изъ сѣмени Андреева! ликуютъ,
А васъ-то, дурней, держать въ кабалѣ,
Иконами да лестовкой морочать!
Я побываль и у Таганья Рога,
На Иргизѣ, и въ Керженцѣ, на Выгѣ,
И въ Питерѣ, Москвѣ, въ Казани, Ржевѣ:
Вездѣ одно! Обозъ идетъ: анъ чей?
Чьи тамъ плоты рѣку загородили?
Чьи баржи тянутъ огненною силой,
Да караванъ за караваномъ? Сало,

Пенька ли, хлѣбъ — спроси ты только, чьи?
А пристани по городамъ, буяны?
А въ Нижнемъ кто ворочаетъ дѣламп?
Все вѣры древлія благочестивцы,
И всѣмъ-то имъ заводчикъ — вашъ Андрей!
А на кого трудятся? Нешто Богу?
Антихристъ-то имъ нешто врагъ? Поди-ко,
Царю листы какіе воспісуютъ —
«Всѣ за тебя, молю, животы положимъ!»
Вотъ каково! и погоди маленько,
Какъ ужь совсѣмъ гоненье поутихнетъ
Да потѣснѣй спознаются другъ съ другомъ,
Да льготы дадутъ, — всѣмъ міромъ подъ *большіе*
Колокола пойдете и съ попами
Всѣ въ голосъ запоете! Тако будетъ!
Поширь вамъ только!

(*Опускаетъ голову и задумывается*).

Деньги, сыне, деньги!
Погибель вся отъ нихъ! Онѣ и есть
Мошна въ сѣти, въ которую, что рыбу.
Васъ дьяволы шестью загоняють,
А вервія другіе бѣсы тянутъ
Ко берегу, онъ же адъ, а сатана
Въ аду-то у окна сидитъ и радъ,

Что тяжело идетъ треклятый неводъ,
Что бѣсы-то потѣютъ и пыхтятъ
Отъ бремени!

ГРИША.

Ужель нельзя спастися?

СТРАННИКЪ.

Здѣсь, въ мірѣ? нѣтъ! Но милосердемъ Божиимъ
Спасенья путь оставленъ узкій, токмо
Немногіе идутъ по немъ.

ГРИША.

Кто грѣшень,
Тотъ ужъ ступитъ на оный путь не можетъ?

СТРАННИКЪ.

А ты на совѣсти имѣешь грѣхъ
Особенный?

ГРИША.

Имѣю грѣхъ великій!
Такъ и лежитъ на сердцѣ... такъ и мучить...
Ахъ, отче, я великій грѣшникъ!

СТРАННИКЪ.

Если

Довѣріе имѣешь, то откройся!
Пооблегчить.

ГРИША.

Я знаю, полегчало бѣ!

И это въ мысляхъ я имѣлъ... Вотъ видишь..
Я расскажу тебѣ ужь все, какъ было..
Къ божественному былъ я склоненъ смлада.
И какъ былъ взять въ привратники сюда,
Отъ странниковъ былъ въ вѣрѣ наставляемъ
По древнему закону. Только странникъ
Вѣдь поживеть, да и уйдетъ потомъ.
А сколько ихъ притомъ непутныхъ бродить!..
И соблюдать себя я началъ строго;
Кремнями, стеклами постель усыпалъ,
Отъ всякихъ яствъ отсталъ, питался былъемъ,
Во дни же постные совѣмъ не ѣлъ.
Тутъ надо мной кругомъ смѣяться стали,
И я возмнилъ, что есмь единъ безгрѣшенъ,
И смѣхъ ихъ былъ мнѣ въ сладость... Началъ
Ужь помышлять, что самъ меня нечистый
Не побѣдитъ. «Не одолѣешь, бѣсе!»
Твержу, а онъ зоветъ на вечерницу;
«Тамъ власть свою яви ты надо мною —
И поклонюся тебѣ»... я и пошелъ...

СТРАННИКЪ.

Пошелъ? Ну, что жь?

ГРИША.

И... одолѣлъ лукавый...

СТРАННИКЪ.

Ну, какъ же онъ къ тебѣ тамъ подступился?
Во образѣ жены?

ГРИША.

Нѣтъ, ужь уволь!

Что говорить!..

СТРАННИКЪ.

Стыдѣніе имѣешь.

(Подумавъ).

Охъ, сыне, сыне! растлѣна земля
Людьми уже на тридцать сажень внизъ!
И къ Господу всечасно вопіеть,
Да поपालитъ огнемъ ее Господь,
И отъ грѣховъ и всякихъ сквернъ очиститъ!
Твой грѣхъ не есть еще великій грѣхъ...
Грѣхи бываютъ, сыне, потягчае...
Примѣромъ — кровь, непутное житье
Съ разбойники и тати, и блудницы...
Но ты сего еще не разумѣешь,

И дай Господь не разумѣть во вѣки!

Съ людьми толчешься, что по рынку ходишь:

Шумъ, гамъ! купцы те за полы хватають

И въ лавки ташуть, и товаръ свой суютъ,

«Купи, купи, почтенный! вовсе даромъ!..»

Ты и берешь, и невдомекъ, что эти

Купцы-то — переряженные бѣсы,

Товары — смертные грѣхи, а платишь

За нихъ душой, оно и выйдетъ даромъ,

Она бо есть невидима, душа-то!..

Охъ, миленькій! въ пустыньку бѣ Богъ сподобилъ

Укрытися! Тамъ райское-то есть

Веселіе! Поютъ тебѣ тамъ пташки!

Пустынька вся нарядится цвѣтами!

Студень ручей съ горы крутой падеть...

Сиди надъ нимъ!.. а кругъ — густыя ели...

Олень, аль прочій звѣръ придетъ напиться...

И пташка тутъ на камешекъ же сядетъ

И крылушки полощеть... Такъ-то любо!

И такъ душа исполнится твоя

Величіемъ Господнимъ... и восплачетъ

Умилными и тихими слезами...

Вотъ тамъ помолишься!.. да, братъ Григорій,

Велико дѣло есть пустыня!

ГРИША.

Отче,

А какъ же тамъ зимой-то жить?

СТРАННИКЪ.

А славно!

Сидишь ты словно въ свѣтозарномъ царствѣ,
Какъ зорьки-то играютъ на снѣгу...

ГРИША.

Ты, можетъ, отче, и живешь въ пустынѣ
И ради нѣкихъ нуждъ изшелъ?

СТРАННИКЪ.

Живаль...

Да токмо голодомъ нудимъ былъ изыти.
Не одолѣлъ плотскаго человѣка,
И плоть еще не омерзила вдосталь;
А можетъ, Богъ назначилъ и страданье,
И муки претерпѣть мнѣ, чтобы душу
Очувствовать... но я умру въ пустынѣ!
Святые тоже вѣдь не всѣ родились
Во святости... зато потомъ, смотри,
Какое житіе прешли, смывая
Съ души своей грѣховныя-то пятна!

Въ огнѣ молитвы душу, яко въ горнѣ
 Заржавое желѣзо, распалаяли,
 И правиломъ духовнымъ, яко млатомъ
 Ее сгибали, да приемлетъ видъ,
 Какой ей данъ былъ въ помыслѣ Творца,
 И искривленъ потомъ житейской нужей.
 Прочти, вотъ, о святыхъ мужахъ, о нашихъ.

*(Достаеъ книгу; перевертываетъ листы и
 даетъ Гришѣ).*

Вотъ объ отцѣ Савватіи стоять:

ГРИША *(читаетъ)*.

«И бысть еще сожженъ отецъ Савватій:
 Въ писаніи искусенъ; просвѣтленъ
 Безмолвіемъ. Когда молился онъ,—
 То былъ ли шумъ, смятенье ль между братій,—
 Ни душу къ нимъ, ни ухо, ни глаза
 Не обращалъ: но въ Бозѣ пребывая,
 Стоялъ что столпъ недвижимъ, въ небеса
 Молитвенной цѣвницей ударяя»...

СТРАННИКЪ *(беретъ у него книгу и
 перевертываетъ нѣсколько
 страницъ)*.

А вотъ еще о Гуріи читай.

ГРИША *(читаетъ)*.

«А также отъ земнаго бытія

И Гурій отошелъ. Блаженствомъ житія
 Былъ чуденъ: день и ночь молитвословилъ,
 И правила кедейнаго впередъ
 На тридцать лѣтъ начель и наготовилъ.
 Жилъ въ Бозѣ онъ, и егда пощъ придетъ,
 И егда день. И оттого блистала
 Душа его премудростью Творца,
 Какъ солнцемъ озаренное зеркало».

СТРАННИКЪ (*береть книгу*).

Вотъ, сыне,—свѣтъ, на оный и грядемъ!

ГРИША.

Такъ, отче... да!.. но какъ же къ симъ мужамъ
 Приблизиться? они, вѣдь, яко звѣзды,
 Надъ нами въ высотѣ небесъ сіяютъ!

СТРАННИКЪ.

А отъ земли пошли!

ГРИША.

Что жъ надо дѣлать?

СТРАННИКЪ.

А что они творили? Подъ начало
 Сперва къ мужамъ достойнымъ постунали,
 И пріобыкнувъ волю ихъ творить,
 Ужь Господу потомъ трудились сами.

ГРИША.

Возьми меня на послушанье, отче..

СТРАННИКЪ (*какъ бы въ испугъ*).

Охъ! что ты! что ты! Богъ тебя храни!
И не моли! объ этомъ и не мысли!
Я не гожусь!.. Наставника бѣ обонмъ
Жестокаго найти намъ и въ пустыню
Укрыться—да!

ГРИША.

Да отчего же, отче?

СТРАННИКЪ.

Не говори объ этомъ... ты не знаешь.

ГРИША.

Аль чѣмъ тебя я прогнѣвилъ?

СТРАННИКЪ.

Молчи!

Не человекъ есмь—скоть, и хуже, хуже!

(*Слышенъ стукъ въ окно*).

Голосъ нищаго (нараспѣвъ).

Мы здѣсь ни града, ни села не знаемъ!

Подайте милостыньку, христіане!

(*Гриша отворяетъ окно*).

СТРАННИКЪ (*вздрыгнувъ*).

Вотъ адовы-то цѣпи!

ГРИША.

Это—нищій.

Я сбѣгаю за хлѣбомъ къ пекарямъ.

(*Уходитъ*).

СТРАННИКЪ (*оглядываясь и подходя къ окну, сурово*).

Чего пришелъ?

НИЩІЙ (*высовывая голову въ окно*).

А что ты, чортъ, пропалъ?

Вѣдь двѣ недѣли! Отъ артели посланъ—

Чего жъ валандаться? аль ужъ попался,

Мы думали—да Оенька угадала—

Ужъ человекъ такой непостоянный:

Тамъ, молъ, сидитъ, навѣрно замолился,

Вздыхаетъ по пустынь.

СТРАННИКЪ.

И въ пустыню бѣ

Ушелъ—то вамъ какое дѣло?

НИЩІЙ.

Волки—

Не мы, братъ, нѣтъ! въ артель не примуть! Такъ-то

Въ пустынь жить—животь сведеть. Да полно!
 Кончай скорѣе, да иди въ Акулькинь
 Кабакъ. Ужь встрѣчу приготовимъ. Разомъ
 Отдохнешь отъ поста-то... вольный воздухъ,
 Веселія головушки!.. Слышь, Фенька
 Ругается: «иди, моль, безпремѣнно,
 Да не пустой. Гулять хочу съ нимъ», баять;
 Не то, смотри, гулять пойдетъ съ Отпѣтымъ.

СТРАННИКЪ (*мужо*).

А что тебѣ за дѣло съ кѣмъ гуляеть?

НИЩІЙ.

Да мнѣ-то что? Ты зарычишь, не я.

СТРАННИКЪ.

Я зарычу?.. какъ я-то зарычу—
 Всѣ у меня оглохнете вы, сволочь!
 Анаемы! Да что вы? слать приказы
 Мнѣ вздумали?.. Мнѣ токмо Богъ законъ!
 Самъ сатана не можетъ надо мною
 Возобладать! ужь думаетъ, что держить,
 Ужь поборолъ, ужь ухватилъ подъ горло,
 И говорить мнѣ: «отрекися Бога»—
 И не отрекся я!.. А вы?.. да съ вами
 Когда я по землѣ иду, такъ лѣсу

Стоячаго и облака я выше
 Ходячаго!.. И, что хочу, творю!
 Хочу, у васъ живу, хочу, уйду:
 А восхощу мученій, самъ явлюсь
 Къ мучителямъ, и буду я спасенъ
 Черезъ муки добровольныя... а вы,
 Кроты въ норахъ живушце, вы, черви,
 Во адъ попадаете всѣ, какъ соръ,
 Что баба выметаетъ за порогъ!

нищій.

Ну, полно, дядя, больно осерчалъ!

СТРАННИКЪ.

Проваливай!

(Отходя).

«Гулять хочу съ нимъ»... аспидъ!

Иродіада! вздумала пугать!

Ну, нѣтъ! еще постой, ты мнѣ, голубка,

Поклонишься, мнѣ руки цѣловать,

Ехидна, будешь!.. знаю васъ я!..

(Входитъ Гриша; подаетъ нищему хлѣба).

ГРИША *(въ окно).*

Можетъ,

Поотдохнуть ты, дяднебка, желаешь?

НИЩІЙ.

Нѣтъ, родненькій, спасибо! Тутъ дорога
Большая. Побреду. Господь съ тобою!

ГРИША (*затворяетъ окно*).

Что жь, отче? не возьмешь на послушанье?

СТРАННИКЪ (*глядя пристально на
Гришу*).

Возьму.

ГРИША.

Ахъ, отче, то-есть, вотъ какъ буду
Служить тебѣ!

СТРАННИКЪ (*съ стороны*).

Антихристова челядь!

ГРИША.

Когда же мы поидемъ?

СТРАННИКЪ.

Когда поидемъ...

Да ты тутъ у хозяйки какъ живешь?
Ты по дому ей нуженъ?.. и она
Тебѣ во всемъ, вѣдь, вѣрять!.. ты и ночью
Въ моленной поправлять лампадки ходишь?

ГРИША.

Хожу.

СТРАННИКЪ.

А тамъ и сундуки стоятъ,
И деньги, въ особливомъ сундукѣ?

ГРИША.

И деньги.

СТРАННИКЪ.

Такъ. И не великъ сундукъ?

ГРИША.

Да, не великъ.

СТРАННИКЪ.

Спохватится, и станутъ
Искать тебя.

ГРИША.

Да я жь уйду нетайно.

СТРАННИКЪ (*запальчиво*).

А я бѣ тебѣ сказалъ: пойдемъ сейчасъ!
Не знаешь, что такое послушанье?
Ты долженъ все оставить и идти.
Наставникъ—голова, а ты—рука!
Сказала голова, рука и дѣлай!
А ладно ли, не ладно ли велѣнье—
Не разбирай! Иди себѣ и дѣлай!

ГРИША.

Все знаю, отче! все какъ есть, исполню!

СТРАННИКЪ.

А если ты окажешь противленье?

ГРИША.

Зачѣмъ же противленье? Буду вѣчно,
Какъ рабъ твой.

СТРАННИКЪ.

Ну, смотри, завѣтъ свой помни!

Пріемлю тя подъ длань свою.

*(Гриша становится на колѣни, странникъ
кладетъ ему руку на голову).*

Помилуй

Насъ, Господи Ісусе, Сыне Божій!

ГРИША. *(цѣлуя его руку).*

Аминь!

(Встаетъ).

Ухъ! словно отлегло отъ сердца!

СТРАННИКЪ *(пройдясь по комнатѣ и
обращаясь съ важными
видомъ).*

Такъ вотъ же, чадо, вотъ тебѣ теперь
И первое велѣнье: пой мнѣ пѣсню
Бѣсовскую!

ГРИША *(въ изумленіи)*.

Бѣсовскую пѣть пѣсню?

СТРАННИКЪ.

Пой пѣсню — ну, хоть «дядя Селифанъ!»

Пой и пляши!

ГРИША *(тревожно)*.

Да что ты, отче, какъ же?

Все говорилъ такое... а теперь...

(Смотритъ пристально на странника и въ ужасъ отступаетъ).

А если онъ не человѣкъ!.. а тоже,

Какъ и тогда... такое жъ навожденье

Отъ дьявола... какъ запою — и схватить,

И унесеть!..

(Хватаясь за голову, и жмурясь, и пятясь, кричитъ).

Отыди въ мѣсто пусто,

Безводно! князь бѣсовскій! запрещаю

Тебѣ крестомъ! исчезни!.. сгинь!.. исчезни!..

(Въ безсиліи опускается на скамью).

СТРАННИКЪ *(смѣясь съ укоризной)*.

Не выдержалъ и перваго искуса!

(Подходя къ нему).

Да что ты, сыне, ты совсѣмъ сомлѣлъ?..

(Въ испугъ отходя отъ него на авансцену).

Аль чистая душа его-то чувствуетъ
 Другого господина моего...
 Не поборолъ! острожное исчадье!
 Непостоянный, аки листъ древесный!
 Отыди! сгинь! заклятіе младенца
 Не повернуло все нутро твое?
 Отыди, звѣрь, во дебри и вертепы!..
 Тамъ обрости струнъемъ и волосами,
 Чтобъ въ ужасѣ и звѣрь, и человѣкъ
 Тебя бѣжалъ...

(Падаеть на колѣни).

О, Господи! спаси!

И вся мірская злая, — яко бурю
 На озерѣ Генисаретскомъ словомъ
 Утишилъ, — укроти въ душѣ моей!
 Да съ миромъ изъ сего изыду дому!..

(Къ Гришѣ).

Очнися, сыне! что ты? Богъ съ тобою!
 Садись со мной и облегчить Господь!

ГРИША *(вырываясь отъ него, живо).*

Я знаю, что мнѣ дѣлать: утоплюсь!
 Такъ что за жизнь? тамъ словно свѣтъ какой,
 А тутъ, вблизи — все темное! все рои
 Бѣсовскіе... кувыркаются, скачутъ,

По лѣстницѣ бѣгутъ передо мною,
Согнувшись, что свиньи... хари, морды...
Такъ жить нельзя! ужь гибнуть, такъ ужь сразу!

СТРАННИКЪ.

Ну, полно! не хули ты даръ Господень!
Противъ бѣсовъ молитва есть... я тоже,
Егда былъ младъ, то въ очю ихъ видѣлъ,
И далъ отъ нихъ зачатіе мнѣ старецъ.
Съ горъ, сказывалъ, Кирилловыхъ явился...
Кирилловы-то горы знаешь?

ГРИША (*разспянно*).

Что тамъ,

Какія горы!

СТРАННИКЪ (*съ негодованіемъ*).

Эхъ, Григорій! мало жъ
Ты просвѣтленъ! А христіане тоже!
Въ Ерусалимъ небесный, вишь, пошли,
Да въ полпути, куда пошли, забыли!
Кирилловы-то горы! даже власти,
Прослыша, знать хотѣли, что за горы
Чудесныя, какіе, моль, тамъ старцы
Скрываются? кругъ всей бродили Волги,
И двадцать разъ чрезъ самую обитель

И мимо самыхъ старцевъ проходили,
 А токмо лѣсъ и видѣли, да камень:
 Бо старцы и обитель зримы токмо
 Для вѣрныхъ. Такъ Господь сіе устроилъ.
 Но ты сего вмѣстять еще не можешь
 И многого, идѣже благодать
 Господня есть и дѣйствуетъ понынѣ,
 Спасая, аки праведнаго Ноя
 Съ семьей среди великаго потопа,
 Немногое число избранныхъ вѣрныхъ.

ГРІША.

Не гнѣвайся, а отпусти мнѣ, отче,
 Вину мою! Со мной ужъ было это
 Отъ бѣса омраченье... Вотъ какъ было.
 Тому теперь недѣли три, сошлись
 Къ намъ странники, да трое, разныхъ вѣръ.
 И спорили, и всякъ хвалилъ свою,
 Да таково ругательно и блазно!
 Какъ улеглись, я тоже легъ на одръ.
 И такъ-то у меня заняло сердце;
 И мысленно я сталъ молиться Богу:
 «Дай знаменье мнѣ, Господи, какая
 Передъ Тобой есть истинная вѣра?»
 И не заснулъ — вотъ какъ теперь смотрю:

Вдругъ въ келью дверь тихонько отворилась,
И старичокъ такой лѣпообразный
Вошелъ и сѣлъ на одръ ко мнѣ, и началъ
Бесѣдовать, да ладно такъ и складно!
Всѣ хороши, молъ, вѣры передъ Богомъ;
Зреть на дѣла, молъ, главное, Господь;
А что когда, молъ, знать желаешь больше,
Такъ приходи къ соборному попу...
И, какъ сказалъ онъ только: «попъ» — я вдрогнулъ,
Вскочилъ и крикнулъ: *Да воскреснетъ Богъ!*
Онъ и пропалъ — ну, видѣлъ я — во прахъ
Разсыпался... Съ тѣхъ поръ и опасуюсь...

СТРАННИКЪ (*вполнѣ втря*).

И слѣдуетъ. Напущено отъ змія.

ГРИША.

Что я не спалъ, то вѣрно!

СТРАННИКЪ.

Вѣрно, вѣрно!

ГРИША.

А что же, отче, ты про старцевъ началъ?

СТРАННИКЪ.

Про старцевъ?.. Да, великое то дѣло!..

Вотъ прочитай изъ книжицы, увидишь

Какіе это старцы, какъ живутъ...

(Достаетъ книгу и отыскиваетъ мѣсто).

Единаго отъ нихъ тутъ есть посланье
Ко братіи... Отсель: «а обо мнѣ...»

ГРИША *(читаетъ)*.

«А обо мнѣ вы не скорбите, братья!
Живу я въ мѣстѣ истинно спокойномъ.
Живу я со отцы святыми. Мужи
Сіи цвѣтутъ, что финики, что крины,
Что кипарисы въ тихомъ, злачномъ мѣстѣ.
Отъ усть ихъ непрестанная исходитъ
Къ Всевышнему сердечная молитва,
Что муру добровонное, что ладанъ,
Что сладкій дымъ звенящаго кадила.
И, егда ночь, сія молитва зрима:
Изъ усть ихъ огненнымъ столбомъ восходитъ
Она на небеса, и всей странѣ
Въ то время свѣтъ бываетъ отъ нея,
И можно честь безъ свѣщнаго сіянья.
И Богъ сіе имъ далъ, что возлюбиша
Всѣмъ сердцемъ Господа, и Самъ Господь
Ихъ возлюби; и все даетъ, что просятъ.
А просятъ же они не благъ житейскихъ,
Не временныхъ, прелестныхъ здѣшнихъ благъ,

А тишины и радости духовной,
Дабы, когда судить живымъ и мертвымъ
Придетъ Онъ во славъ и сіяньѣ,
За подвиги великіе имъ воздаѣ
Веселіемъ во царствіи небесномъ».

(Останавливается и смотритъ на странника въ тихомъ изумленіи).

Ужели есть теперь такіе старцы?

СТРАННИКЪ.

Ну, и куда бѣ еще дѣваться имъ?
Вѣдь сказано, что будутъ пребывать
Незримы до пришествія Христова!

ГРИША.

Такъ... такъ... Ну, а молитва ихъ и нынѣ
На небѣ огненнымъ столбомъ видна?

СТРАННИКЪ.

Видать-то всѣ видають, да не знаютъ,
Отколь столбы?

ГРИША.

А гдѣ же это будетъ?

СТРАННИКЪ.

Гдѣ? и въ Поморьи... и на Бѣломъ морѣ...

Тамъ съ карбаса, идя на рыбный промыслъ,
Видали. Паче же — на Волгѣ, мѣсто
Надъ Балахной, въ странѣ Нижегородской:
Тамъ горы-то Кирилловы и есть!
И мимо ихъ судовъ проходитъ много.
Коль на судахъ народъ благочестивый,
То, что врата, разверзнутся вдругъ горы,
И другъ за другомъ старцы тѣ выходятъ,
И кланяются судоходцамъ въ поясъ,
И просятъ ихъ свезти поклонъ ко братьямъ,
Живущимъ внизъ по Волгѣ, въ Жигуляхъ;
И подойдетъ расшива къ Жигулямъ,
И судоходцы кличуть громкимъ гласомъ:
«Гой, старцы жигулевскіе! веземъ
Мы вамъ поклонъ съ Кирилловой горы!»
И разступаются тутъ паки горы,
И алебастръ разверзнется и камень,
И другъ за другомъ выступаютъ старцы,
И за поклонъ пловцовъ благословляютъ.
И полетитъ тогда въ Низовье судно,
Ограждено отъ бурь и непогоды
Напутствіемъ боголюбивыхъ старцевъ.
А вотъ еще другое мѣсто есть:
Есть цѣлый градъ, стоящій многи вѣки
Невидимый, при озерѣ. И было

Сіе вотъ такъ: Егда на Русь съ Татары
Прінде лютый царь Батый, и грады
Вся разорялъ, и убивалъ людей,
И, аки огонь, потекъ по всей странѣ,
Противъ него великій князь Георгій
Ходилъ съ полки свои, и былъ побить,
И побѣжалъ во славный Китежъ-градъ —
Его же сотвори во славу Божью;
И погнались Татарове за нимъ;
И бысть во градъ плачь; и прибѣгоша
Во храмы люди, умоляя Бога, —
И Богъ яви Свою надъ ними милость
И сотвори неслыханное чудо:
Егда Татары кинулись на приступъ,
Внезапу градъ содѣяся невидимъ!
И по ся дни стоять незримъ, и токмо
На озерѣ, когда вода спокойна,
Какъ въ зеркалѣ, онъ кажетъ тѣнь свою;
И видны стѣны съ башнями градскими,
И терема узорчаты, часовни
И церкви съ позлащенными главами...
Пречудное то зрѣлице! и явно —
Все на тѣни: какъ люди идутъ въ церковь,
И старицы и старцы, въ черномъ платьѣ,
По старинѣ одѣтые... и слышенъ

Оттуда гуль колоколовъ... и тамо
Жизнь безпечальная, подобно райской!
А виденъ градъ всѣмъ жителямъ побережнмъ,
Кругъ озера по утренней зарѣ,
Иль въ тихіе вечерніе часы, —
Но внити въ оный можетъ токмо тотъ,
Кто путь преидеть, ни на минуту Бога
Изъ мысли не теряя; бо сей путь,
«Батыева тропа» рекомый, страхи
И чудици различными стрегомъ!
Претерпишь хладъ и гладъ. Звѣрь нападетъ,
И змїи на тебя. Возстанетъ буря.
И бѣсы на тебя наскочутъ, съ песьей
Главою, съ огненными языками,
И ѿіопы черные, какъ уголь!
Ты все жъ иди впередъ и богомысли!
И побѣдишь всѣ дьявольскіе страхи,
Ни хладъ тебя, ни гладъ не остановитъ,
Ни звѣрь, ни змїй, ни сатанинскій таборъ
Нигдѣ тебѣ въ пути не воспретитъ —
Тебѣ врата отверзнутся во градѣ;
И выйдутъ старцы другъ за другомъ, съ пѣснью
Пріемлющи сподвижника и брата.

ГРИША.

О, Господи Ісусе!

(Живо).

Вотъ что, отче: —

Что хочешь я исполню! все, что хочешь!
А покажи хоть тѣнь святаго града!..
Какъ древніе ходили человѣки...
И звонъ-то, звонъ колоколовъ послушать...

СТРАННИКЪ.

А звонъ у нихъ серебряный и чистый,
И словно какъ не колоколъ гудить,
А ровно что небесная лазурь
Сама звенить.

ГРИША (*съ изумленіи*).

Хрустальное-то небо!

СТРАННИКЪ.

Сіе все вамъ, въ міру живущимъ, чудно,
Бо въ тѣмъ пребысте, а чудесь не мало
Есть на Руси. Градъ Китежъ не одинъ.
Есть церкви, перешедшія въ пустыню
Изъ людныхъ мѣсть, съ попами и съ народомъ.
Съ Суры рѣки изъ града Василя
Шель крестный ходъ въ Перепловеньевъ день.
И люди тѣ такъ Богу угодили,
Что церковь вдругъ пошла предъ крестнымъ ходомъ,
И крестный ходъ за ней! за ней!.. и горы

Равнялися, и разступались рѣки, —
 Все шель народъ съ хоругвями и пѣньемъ,
 Доколѣ въ Керженскихъ пустыняхъ церковь
 Не стала, и взопли въ нее всѣ люди,
 И до сихъ дней стоять въ ней и пребудуть.
 До страшнаго пришествія Христова,
 Святой канонъ пасхальный воспѣвая.
 Повѣдаю о семъ я благовѣстье
 Тебѣ за то, что возлюбилъ тебя,
 И что твою неопытность жалѣю;
 Богъ дастъ найдешь кого изъ добрыхъ старцевъ
 И подъ его началомъ укрѣпишься:
 Бо добрая еси ты почва; сѣмя
 Не на песокъ онъ кинеть, не на камень;
 Прозябнетъ и, быть можетъ, плодъ подасть,
 И вкусишь ты отъ благодати...

(Со вздохомъ).

Я же

Еще свершу здѣсь нѣкакій обѣтъ
 И удалюсь безмолвствовать въ пустыню.
 Прощай пока.

ГРИША (упадая на колѣни).

Я, отче, не отстану —

Возьми меня.

СТРАННИКЪ.

Нѣтъ, миленькій, оставь!

ГРИША.

Не погуби! возьми! возьми съ собой!
 Ужь говорю, все сотворю. На смерть
 Пойду! На муки! Ни одной мыслью
 Не усумнюсь! Всѣмъ существомъ твой буду!
 Возьми!.. Имѣю рвенье, отче... только
 Возьми меня!

СТРАННИКЪ (*въ сторону*).

Ну, вотъ, вѣдь: самъ толкаетъ!

Самъ лѣзетъ!.. Аль ужь съ нимъ пойти... Какъ знать?
 Мнѣ, окаянному, Господь, быть можетъ,
 Въ семь отрокѣ спасенье посылаетъ...

ГРИША (*встаетъ и живо*).

Пѣть повелишь мнѣ пѣсню и плясать?

(*Подтираетъ руки въ боки. Слышно, какъ
 прозвѣстываетъ тельца съ колокольчикомъ и пѣ-
 нями*).

СТРАННИКЪ (*вскакивая*).

Гуляютъ...

ГРИША.

Повелишь?

(*Друная тройка; женскій голосъ слышитъ про-
 чихать*).

СТРАННИКЪ (*съ сторону*).

Съ Отпѣтымъ катить!..

Ишь залилась! чтобы ей пусто было!

(*Къ Гришѣ, сурово*).

Ну, что ты вздумалъ пѣть... вонъ тѣ орутъ...

А намъ съ тобой не это надо...

ГРИША.

Что же?

Что повелишь — все сдѣлаю.

СТРАННИКЪ (*рѣшительно*).

А вотъ что:

Взаправду ли готовъ ты всяко бить

Антихриста: еретики бо суть!..

ГРИША (*горячо*).

Еретика убить вѣдь можно?

СТРАННИКЪ.

Нѣтъ ужъ,

Что убивать! а если убивать —

Хозяйку-то убей ты сундукомъ...

Тотъ, съ деньгами, подынешь ли?

ГРИША.

Могу.

СТРАННИКЪ.

Ну, такъ поди, неси его сюда!

Затопимъ печь и запалимъ! иди!

(Толкаетъ его къ двери. Гриша уходитъ).

СТРАННИКЪ.

Вотъ я жь вамъ дамъ ломаться надо мною!

Блудница вавилонская! да стерли бь

Ей черти черныя-то брови! Змѣи бь

Ей высосали ясны очи!

(Затапливаетъ печь, кидаетъ дровъ и соломы передъ печью; надъваетъ суму, шапку-треухъ, охабенъ. Начиная собирать книги, останавливается передъ ними).

А грѣхъ-то сдѣланъ...

(Энергически).

Ну, въ послѣдній разъ!

(Выходя на авансцену).

Все замолю! все замолю! Зарокъ

Даю! Ты благъ, Господь! Ты милосердъ!

Разбойнику, блудницѣ Ты простишь...

Изыдутъ у меня слезами очи!

Къ ногамъ Твоимъ паду — и ужь не встану —

Доколѣ не простишь! Спасу и мальчика...

Надѣну власяницу. Плоть растлилъ —

Ожесточу!..

ГРИША *(принимаетъ сундукъ, блѣдный, дрожащій).*

Вотъ, отче.

СТРАННИКЪ.

Ладно, ладно.

(Кладетъ ему руку на плечо).

Какъ только нѣчто справимъ здѣсь — въ пустыню!
Теперь постой же.

(Достаетъ изъ кармана связку отмычекъ и отпираетъ сундукъ).

ГРИША.

Ровно какъ въ туманѣ!

СТРАННИКЪ *(выбирая бумаги).*

Тутъ векселя... бумаги именныя —
Въ огонь, въ огонь!.. а это взять покамѣсть.

(Суетъ въ сумку пачки денегъ).

Ну, зажигай!

(Зажигаетъ соломѣ).

Да надѣвай шубенку!

Чего стоишь, Григорій!.. Заруби же:
Что бѣ ты ни увидалъ теперь — не блазнься!
Наутрѣ въ пустыню! ну, скорѣе!

(Толкаетъ его передъ собой. Уходятъ. Пожаръ разгорается).

III.

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

Гл. IV — X.

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

(Гл. IV).

Видѣнье было мнѣ: внезапно небо
Разверзлося и гласъ трубъ подобный,
Подобный шуму многихъ водъ падающихъ
Мнѣ рекъ: взойди сюда и виждь что будетъ.
И я узрѣлъ — престоль. На немъ Сѣдящій
Сіялъ какъ аспидъ-камень или сардисъ.
И радугой смарагдовой престоль
Былъ окруженъ и двадесять четыре
Вокругъ него другихъ престола было,
И двадесять четыре возсѣдало
На оныхъ старца, въ бѣлыхъ одѣянняхъ,
И со златыми на главахъ вѣнцами.
И отъ престола исходили громы
И молніи, и гласы, и горѣли

Семь огненныхъ свѣтильниковъ предъ нимъ.
И предъ престоломъ было словно море
Стеклянное, и вокругъ него четыре
Животныхъ, испещренныя очами.
И первое — подобно было льву;
Тельцу — другое; третье же имѣло
Ликъ человѣческій, а остальное —
Летающаго орла имѣло видъ.
И по шести они имѣли крыль,
И день и ночь зывали: «святъ, святъ, святъ
Господь Богъ Вседержитель нынѣ, присно
И во вѣки вѣковъ». Когда жъ зывали —
Съ своихъ престоловъ поднимались старцы,
И поклонялися, и полагали
Свои вѣнцы передъ большимъ престоломъ,
И говорили: «Ты еси достоинъ,
Господь, пріяти славу, честь и силу,
Бо сотворилъ Ты все и все содержишь,
И волею Твоею все существуетъ».

V.

И видѣлъ я: Сѣдящій держитъ книгу,
И книга та исписана снаружи
И извнутри. И семь на ней печатей.
И громкимъ гласомъ ангель спросилъ:

«Кто оную открыть достоинъ книгу,
И сняти съ оной седмь ея печатей?»
И никого достойныхъ не явилось
Ни на землѣ, ни на небѣ, и плакалъ
Я, что достойныхъ нѣтъ ее открыть.
Тогда одинъ изъ старцевъ мнѣ сказалъ:
«Не плачь: се левъ, исшедшій изъ колѣна
Иудина и корени Давида,
Что побѣдилъ,—Онъ разогнути книгу
И сняти седмь ея печатей можетъ».
И я взглянулъ,—и видѣлъ: межъ престола
И четырехъ животныхъ и средь старцевъ
Стоитъ какъ бы закланный агнецъ, седмь
Роговъ и седмь имѣющій очесъ.
Онъ, подошедъ, взялъ книгу изъ десницы
Сѣдящаго,—и пали передъ агнемъ
Животныя и старцы, каждый гусли
Держащіе и золотыя чаши,
Изъ коихъ онміамъ курился (а то были
Святыхъ мольбы). И новую они
Воспѣли пѣснь: «достоинъ взять Ты книгу
И снятъ съ нея печати: былъ закланъ
И испушилъ своей насъ кровью, всѣхъ,
Изъ всякаго колѣна и народа,
И племенн, и языка, и стали

Мы Господу іереи и цари,
И на землѣ Тобою воцаримся».
И видѣлъ я, и слышалъ голосъ многихъ
Окрестъ престола ангеловъ, животныхъ
И старцевъ (ихъ число же бысть тьмы темъ),
И возглашали всѣ: «достоинъ агнецъ
Закланнй честь пріять, премудрость, силу,
Богатство, славу и благословенье!»
И всякое созданіе на небѣ
И на землѣ, и подъ землей, и въ морѣ,
Вся суцая въ нихъ говорили: «слава
И честь, и крѣпость, и благословенье
Отъ всѣхъ Тебѣ, Сѣдящій на престолѣ,
И Агнцу нынѣ, присно и во вѣки!»
И изрекли животныя: «аминь»,
И двадесять четыре старца пали
И поклонились Сущему во вѣки.

VI.

И видѣлъ я, что первую печать
Снялъ Агнецъ,—и одно изъ четырехъ
Животныхъ мнѣ сказало громкимъ гласомъ:
«Иди и виждь». И видѣлъ я: конь бѣлъ.
На ономъ всадникъ держитъ лукъ, и данъ

Ему ввнецъ, и шель какъ побѣдитель,
Чтобъ побѣждать.

Вторую снялъ печать Онъ:

Второе мнѣ животное сказало:

«Иди и виждь!» И видѣль я: конь рыжъ.
На ономъ всадникъ посланъ былъ, чтобъ миръ
Съ земли унести,—да убіють другъ друга.
И данъ ему большой былъ мечъ.

И третью

Онъ снялъ печать, и третье мнѣ сказало

Животное: «иди и виждь». И—се:

Конь вороной. Держалъ мѣрило всадникъ.

И слышалъ я средѣ животныхъ голосъ:

«Хеникъсъ *) пшеницы за денарій. Три

Хеникса ячменя—денарій тоже.

Елея жъ и вина не повреждай».

Четвертую печать Онъ снялъ, и мнѣ

Четвертое животное сказало:

«Иди и виждь». И я взглянулъ: конь блѣденъ.

На ономъ всадникъ—Смерть. И цѣлый адъ

*) Мѣра.

За нею шель, Ей власть была дана
Надъ четвертью земли, чтобъ умерщвлять
Людей мечомъ, и голодомъ, и моромъ,
И всякими звѣрьми земными.

Снялъ

Онъ пятую печать, и я увидѣлъ
Подъ алтаремъ за слово Божье души
Побитыхъ, возопившія: «Доколѣ,
Святой Владыко Истинный, не судишь
За нашу кровь живущихъ на землѣ!»
И бѣлыя даны имъ были ризы,
И сказано, да почіютъ, покуда
Сотрудники и братья ихъ не примуть
Такою жь смерть, и тѣмъ число пополнять.

Шестую снялъ печать Онъ, и я видѣлъ:
Восколебалася земля. И солнце,
Что вретнице, потускло. И луна
Кривавой стала. Звѣзды съ небесъ
Посыпались, какъ сорванные вѣтромъ
Незрѣлые плоды со смоковницы,
И небо скрылось, свившиися, какъ свитокъ,
Съ великимъ шумомъ. Всякая гора
И островъ сдвинулися съ мѣсть своихъ,

И всѣ цари земные и вельможи,
Богатые и бѣдныя, рабы
И вольные—укрылися въ пещеры,
И слезно говорятъ горамъ и камнямъ:
«Разсыпьтеся на насъ, вы, горы! Скройте
Насъ отъ лица Сѣдящаго на тронѣ
И гнѣва Агнца! Се грядетъ день страшный,
День гнѣва и суда! Кто устоитъ!»

VII.

И четырехъ я ангеловъ узрѣлъ
На четырехъ концахъ земли стоящихъ,
И держащихъ земныхъ четыре вѣтра,
И власть имѣвшихъ оными вѣтрами
Морскую хлябь и сушу истязать.
И пятый ангелъ отъ страны восточной
Восшелъ и кликнулъ имъ: «Не повреждайте
Ни дровъ, ни травъ, ни моря, ни земли,
Доколь мы на чело рабовъ Господнихъ
Печати не положимъ!..» И число
Запечатлѣнныхъ слышалъ я: сто сорокъ
Четыре тысячи отъ всѣхъ колѣнъ
Израиля; и сверхъ того, несчетно
Людей изъ всѣхъ племенъ земныхъ стояло

Передъ престоломъ и предъ Агнцемъ, въ бѣлыхъ
Одеждахъ, съ вѣтвями отъ пальмъ въ рукахъ.
И восклицали всѣ: Хвала Тебѣ,
Сѣдящій на престолѣ! Слава Агнцу,
Бо чрезъ Него имѣемъ мы спасенье!»
И ангелы, которые стояли
Вокругъ престола, старцевъ и животныхъ,
На лица пали, поклонясь престолу
Господнему, и изрекли: «аминь!
Благословеніе, и честь, и слава,
Благодаренъе, сила и премудрость,
И крѣпость Богу нашему во вѣки».
И обратясь ко мнѣ единъ изъ старцевъ
Спросилъ: «Кто эти въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
Откуда изошли?» Я отвѣчалъ:
«Тебѣ знать, господине!» И сказалъ онъ:
«Сіи пришли черезъ велики скорби;
И одѣянія свои омыли
И убѣдили честной кровью Агнца;
Чрезъ то стоять передъ престоломъ Божиимъ;
И служить день и ночь Ему во храмѣ;
И Онъ Собой ихъ какъ шатромъ покроетъ;
И ужь они не възлчуть и не възжадутъ;
Не попалятъ ужь ихъ ни зной, ни солнце;
Бо Агнецъ ихъ пасти бездремно будетъ,

И на источникъ водъ живыхъ водить,
И всякую слезу сотреть съ очей ихъ».

VIII.

Седьмую Агнецъ разломилъ печать —
И сдѣлалось безмолвіе на небѣ
Какъ бы на полчаса. И видѣлъ я:
Семь ангеловъ стоятъ передъ престоломъ,
И имъ дано семь трубъ. И кромѣ ихъ,
У алтаря еще, съ златымъ кадиломъ,
Былъ ангелъ. Оному данъ ѳиміамъ,
Чтобы его съ молитвами святыхъ
Онъ возложилъ на жертвенникъ Господень.
И дымъ восшелъ отъ жертвенника къ Богу.
Онъ взялъ потомъ кадило, и наполнилъ
Огнемъ отъ алтаря, и опрокинулъ—
И въ воздухѣ раздались гласы, громы,
И молніи взвились, и потряслась
Отъ нихъ земля; семь ангеловъ же, трубы
Поднявши, приготовились трубить.

И первый ангелъ вострубилъ—и долу
Палъ градъ и пламя, смѣшанные съ кровью—
И третья часть земли и дровъ отъ нихъ,
И вся трава зеленая—сгорѣли.

И вострубилъ второй: какъ бы гора

Огнемъ горящая низверглась въ море—
И моря третья часть вдругъ стала кровью,
И третья часть созданій въ немъ живущихъ,
И третья часть судовъ на немъ—погибли.

И третій ангелъ вострубилъ—и пала
Звѣзда, свѣчѣ подобная, на землю,
На третью часть источниковъ и рѣкъ—
«Полюнь» звѣздѣ сей имя, и полюнью
Ихъ воды потекли, и умирали
Всѣ пившіе отъ сихъ прогорьклыхъ водъ.

И вострубилъ потомъ четвертый ангелъ:
И третья часть луны, и звѣздъ, и солнца
Затмилась, и отъ дня и ночи свѣту
Убавилось на треть. И видѣлъ я:
По небу ангелъ полетѣлъ, взывая
Къ землѣ: «о горе, горе, горе всѣмъ
Отъ остальныхъ трехъ трубныхъ голосовъ
Трехъ ангеловъ имѣющихъ трубить».

IX.

И пятый вострубилъ. И видѣлъ я:
Упала съ неба на землю звѣзда.
Ей данъ былъ ключъ, чтобъ кладезь бездны вскрыть,—

И вскрылся кладезь бездны, и изшелъ
Изъ оной дымъ какъ изъ печи, и солнце
И небеса отъ онаго потускли.
И выпала съ тѣмъ дымомъ саранча,
И сказано ей было—не вредить
Ни травъ, ни древъ, ни злаковъ,—но людей,
Печатью Бога не запечатлѣнныхъ,
Язвить и жалить, аки скорпіоны,
И мучить ихъ пять мѣсяцевъ, но токмо
Не убивать. И взжаждутъ смерти люди,
Пойдутъ искать ея—и не найдутъ...
Та жь саранча подобна съ виду коньямъ
На битву снаряженнымъ. Голова
Какъ бы съ златымъ вѣнцомъ. Лицо жь ея—
Какъ человѣческія лица. Зубы—
Подобны львнымъ. Косы какъ у женщинъ.
На тѣлѣ словно какъ стальные брони,
А шумъ отъ крылъ какъ стукъ отъ колесницъ
На брань везомыхъ множествомъ коней;
Хвосты же, какъ у скорпіоновъ, съ жаломъ.
И, яко царь, ее вель ангель бездны,
Зовомый, по-еврейски, Аввадонъ,
По-гречески жь Аполліонъ (губитель).
Се первое минуло горе. Вслѣдъ
За нимъ грядутъ еще два новыхъ, горшихъ.

Шестой Господень ангель вострубилъ.
И я услышалъ громкій гласъ изъ рога,
Единого изъ четырехъ роговъ,
Которыми снабженъ алтарь былъ Божій.
Онъ ангелу трубившему изрекъ:
«Четыре ангела стоятъ и ждутъ,
Окованные, при рѣкѣ Евфратѣ:
Сними съ нихъ узы». И разбилъ онъ узы.
И—ждавшіе сего часа, и дня,
И мѣсяца, и года—устремились
Четыре ангела, чтобъ третью часть
Людей убить. И было двѣ тмы темь,—
Сіе число я слышалъ,—съ ними войска.
То были всадники въ горящихъ броняхъ,
Имѣвшихъ цвѣтъ огня, и гіацинта,
И сѣры. Кони жь съ львиной головой.
Изъ пасти ихъ огонь, и дымъ, и сѣра
Клубами исходили, а хвосты
Кончались змѣями,—и гибли люди
Отъ змѣй и дыма, пламени и сѣры,—
И треть изъ нихъ симъ образомъ погйбла.

Которые жь остались, и зрѣли
Сіи бичи,—пребыли яко слѣпы;
И не покаялись въ дѣлахъ своихъ:

И кланялись, попережнему, бѣсамъ
Серебрянымъ, и золотымъ, и мѣднымъ,
И каменнымъ, и всякимъ истуканамъ,
Руками сотвореннымъ, не могущимъ
Ни видѣти, ни слышать, ни ходить;
И не покаялись въ своихъ убійствахъ,
Ни въ блудѣ, ни въ татбѣ, ни въ волхвованьѣ.

X.

И се, низшелъ еще отъ неба ангель...
Какъ облако его клубились ризы;
Надъ головою радуга блистала;
Лицо жь, что солнце, у него, а ноги,
Какъ огненные два столба, горѣли;
Въ рукѣ держалъ развернутую книгу;
И правую ногой ступилъ на море,
А лѣвою на землю, и воскликнулъ
Онъ грознымъ гласомъ, какъ рыкаетъ левъ.
Когда жь воскликнулъ, семь громовъ тогда
По всей вселенной подали свой голосъ.
Когда же громы подали свой голосъ,
Хотѣлъ писать я, но услышалъ съ неба
Гласъ говорившій: «скрой и не пиши
«Того, что семь громовъ проговорили».

И ангель—тотъ, котораго я видѣлъ
Стоящимъ на морѣ и на землѣ,
Воздвигъ десницу на небо, и клялся
Сотворшимъ небо и что въ немъ, и землю
И что на ней, и море и что въ немъ,—
Что времени отсель уже не будетъ...

IV.

БАЛЪДУРЪ.

БАЛЬДУРЪ.

Пѣснь о солнцѣ, по сказаніямъ Скандинавской Эдды.

I.

Ночь и буря снѣжная въ пустынѣ,
Вьюги ревъ неистовый и хохоть...
Лишь на мигъ проглянетъ блѣдный мѣсяцъ,
И освѣтитъ мутнымъ свѣтомъ камни,
Между камней вѣковыя ели,
И мелькнетъ, какъ тѣнь, на горномъ гребнѣ
Темный образъ всадника... То Конунгъ,
На пути застигнуть бурей, ѣдетъ.
Вѣтеръ треплетъ волосы сѣдые,
Рветъ съ могучихъ плечъ медвѣжью шубу:
Конунгъ бури яростной не слышитъ.
Добрый конь идетъ не оступаясь
По корнямъ древеснымъ и по камнямъ;
Для него привыченъ путь пустынный:
Тамъ въ горахъ живетъ маститый старецъ,

А къ нему не только люди, — боги,
Въ видѣ смертныхъ странствуя по свѣту,
На совѣтъ заходятъ и бесѣду.

Мрачны своды въ темномъ подземельѣ.
По изломамъ ихъ идетъ далеко
Съ очага колеблющійся отблескъ.
Вѣщій старецъ и великій Конунгъ
У огня сидятъ въ глубокой думѣ.
Тѣнь отъ нихъ едва дрожитъ на сводахъ.

Сынъ погибъ у Конунга — послѣдній
Изъ тронхъ, и съ нимъ погасъ могучій
Гальфовъ родъ, изшедшій отъ Одна.
Девять дней среди пустыхъ чертоговъ
Взаперти сидѣлъ великій Конунгъ.
Наконецъ коня спросилъ и молча
Въ горы къ старцу вѣщему поѣхалъ;
Издали за нимъ слѣдили слуги;

Пышетъ пламя все свѣтлѣй и выше,
Но сидитъ, потупивъ очи, Конунгъ:
И теперь, и дома, и какъ ѣхалъ,
У него повсюду, неотступно,
Атли трупъ безмолвный предъ очамъ.

Вдругъ возникъ — какъ бы сходящій съ неба —
 Лучъ предъ нимъ и тихо проплываетъ,
 А въ лучѣ рядъ Конунговъ брадатыхъ.
 На верху, далеко — нѣкто свѣтлый.
 Ниже — лица Конунгу знакомы:
 Прадѣдъ, дѣдъ, отецъ; послѣдній — самъ онъ,
 И за нимъ ужъ лучъ какъ бы обрѣзанъ.
 Сдвинулись его густыя брови...
 Но видѣнье проплыло и скрылось;
 Понемногу снова предъ глазами
 Атли трупъ безмолвный выступаетъ...

Вотъ изъ тьмы опять выходитъ словно
 Поле битвы. Вѣтеръ гонить тучи.
 Между тучъ просвѣчиваетъ мѣсяцъ.
 Дѣвы битвы, Валкири, возводятъ
 Падшихъ въ небо: Конунговъ межъ ними
 Средній сынъ. Видѣние сокрылось...
 Тьма опять кругомъ; передъ очами
 Снова трупъ безмолвный выступаетъ —
 Но не Роббертъ, а все тотъ же Атли.

Вотъ изъ тьмы плыветъ блестящій городъ.
 Корабли причаливаютъ съ моря.

Приступъ. Люди на стѣнахъ, самъ Конунгъ.
Вдругъ въ глазахъ его валится мертвый
Старшій сынъ... И все опять умчалось.
Снова тьма кругомъ; передъ очами
Трупъ опять безмолвный выступаетъ —
Но не Вилли, а все тотъ же Атли.

Бурный мысъ — скалистый дикій берегъ.
Сонмъ проклятыхъ душъ, — убійць и татей,
Бѣдняковъ озлобленныя души, —
Вылетаютъ вдругъ изъ-за ущелій,
Корабли разбрасываютъ, топятъ;
Вотъ самъ Конунгъ — держится за мачту...
Вдругъ волна. Корабль захлеснуть. Конунгъ
Борется средь пѣнящейся бездны, —
А вверху, надъ нимъ простершій руки,
Необъятный, во все небо, образъ,
Но лица, какъ на тѣни, не видно...
Проплыло видѣнiе и скрылось,
Выступаетъ снова тѣло Атли —
Но надъ нимъ остановился образъ
Необъятный, безъ лица и темный,
И схватить руками тѣло хочеть...

Въ этотъ мигъ заговорилъ вдругъ вѣщій:

«Боги — въ небѣ, въ мірѣ — человѣки,
Въ темномъ адѣ — яростная Гелла;
Надо всѣмъ — Судьба, лица которой
Не видалъ никто во всей вселенной.
Какъ слѣпцы, мы бродимъ въ этомъ мірѣ;
Жребій всѣмъ дается при рожденьи,
И его не только люди, боги
Измѣнить не властны».

Головою

Покачалъ, не отвѣчая, Конунгъ.

Ужъ огонь на очагѣ слабѣетъ,
И горой лежитъ горячій уголь,
Словно дышитъ золото живое.
И еще длиннѣе и темнѣе
Отъ сидящихъ протянулись тѣни.

«Сынъ былъ у Одина Бальдуръ» — снова
Молвилъ вѣщій старецъ: «тщетно боги,
Тщетно вся вселенная стенала:
Жертву смерть не отдала; и боги
Сами ждуть судьбы своей покорно».

Поднялъ Конунгъ противъ воли очи.

«Я тебѣ о Вальдурѣ, о Конунгъ,
Разскажу». И — словно мірозданья
Глубина предъ нимъ открылась — вѣщій
Устремилъ въ пространство взоръ и началъ:

II.

«Мракъ былъ въ мірѣ. Вдругъ орлы вскричали,
Съ горъ небесныхъ пролилися воды,
Грянулъ громъ и свѣтъ въ пространство брызнулъ:
Народился Вальдуръ златокудрый!
Народился и помчался въ небѣ,
Сыпя стрѣлы въ недруговъ бѣгущихъ,
Юный, свѣтлый, въ панцырѣ и шлемѣ,
Въ колесницѣ съ бѣлыми конями.
Кликъ и пѣнье въ воздухѣ раздалися,
Восклицали всѣ народы: Слава!
Восклицали боги въ небѣ: Слава!
Слава свѣту родшемуся, слава!
Слава родшимъ — Фриггѣ и Одину!

«Такъ потомъ — на Вальдуровой свадьбѣ
Вдохновитель пѣсень, свѣтлый Брагги,
Пѣлъ ему съ заздравнымъ кубкомъ славу.
Да! тогда божественный не думалъ,

Что придется скоро пѣснь иную
Спѣть ему на Бальдуровой тризнѣ...

«Ужь въ тотъ мигъ какъ онъ родился, Фригга
Слышать — воронъ ворону пробаркаль:
«Чую, чую, народился Бальдуръ,
Радость въ небѣ, да и пирь у Геллы».
У подножья міроваго дуба,
У ключа медвянаго, такъ Норны
Въ то же время предрекли Одину:
Вѣкъ недолгій Бальдуру назначенъ;
Онъ умреть — все въ мірѣ пошатнется,
И настанетъ общее крушенье.
Вдругъ струя медвяная изсякнетъ,
Отъ которой съ каждою зарею
Боги пьютъ и почерпаютъ силу,
Блескъ и юность вѣчную, и крѣпость,
И они внезапно посѣдѣютъ,
А на древѣ жизни свянуть листья.
Всѣ враги, которыхъ лишь сковавши,
Боги міръ создать могли, возстанутъ.
Лютый Змѣй, на дно морское ими
Вкругъ земли поверженный въ оковахъ,
Встрепенется; пламенемъ и смрадомъ
Небеса наполнить, потрясая

И земли и неба твердь, а воды
Отъ его ударовъ расплеснутся,
И съ земли, окромѣ горъ, все смоютъ.
Волкъ Фенриръ, которому насилу
Увязали боги пасть — онъ путы
Разорветъ и челюсти раскроетъ,
А когда раскроетъ, то коснется
До земли одной, другой до неба —
А ужъ онъ однимъ лдянымъ дыханьемъ
Убиваетъ все, что встрѣтитъ. Солнце
И луну проглотитъ онъ, и боги —
Кто пойдетъ съ нимъ въ бой, окаменѣтъ
Свѣтлый Азградъ рушится, и смертный
Мракъ и хладъ вселенную постигнетъ.

«Вотъ что Норны мрачныя сказали
При рожденіи Бальдура Одину,
Отчего у міродержца разомъ
На челѣ тогда жъ запечатлѣлись
Двѣ бразды, да такъ ужъ и остались.
Всѣ съ тѣхъ поръ творенія и боги
Устремили къ Бальдуру лишь очи,
И когда задумчивый онъ выйдетъ
Иль совсѣмъ не явится на небо, —
По вселенной трепеть и смятенье.

III.

«Но о смерти и не думалъ Бальдуръ;
Не давалъ мечу въ ножнахъ заржавѣть,
Сыпалъ щедро золотыя стрѣлы,
Избавляя страны и народы
Отъ чудовищъ, населявшихъ землю.
Неудачу только разъ онъ встрѣтилъ:

«Выѣзжалъ онъ мѣръ смотрѣть, и видитъ —
Чудные на сѣверѣ чертоги.
Къ золотымъ вратамъ подходитъ дѣва,
Подымаетъ руку, чтобъ щеколду
Отодвинуть, а отъ рукъ внезапно
Воздухъ, воды и весь мѣръ чудеснымъ
Озарилсъ свѣтомъ, а на землю
Вдругъ цвѣты посыпались и жемчугъ.
Удержалъ коней невольно Бальдуръ.
На него черезъ плечо взглянувши,
Дѣва словно замерла. Вдругъ слышенъ
Точно звѣря ревъ: бѣжить косматый
Великанъ — и закричалъ, затопалъ,
Сталъ грозить на Бальдура, а дѣву
Вмигъ жезломъ серебрянымъ ударилъ,

И она, какъ мертвая, упала.
На плечо ее косматый вскинулъ
И ушелъ съ ней въ горы, тамъ и скрылся;
Бальдуръ отыскать не могъ и слѣду,
Какъ ни бился. Наконецъ, ударилъ
По конямъ — и прискакалъ въ Валгаллу.
Пышетъ гнѣвомъ; шлемъ и панцырь сбросилъ,
Заперся въ свой теремъ, повторяя,
Что ему лишь умереть осталось.

«Всполошились боги и послали
Собирать со всей вселенной вѣсти.
И вернулись вѣстники, сказали:
Великанъ тотъ — чародѣй великій,
Побѣжденъ былъ нѣкогда Однимъ
И ушелъ на сѣверъ; тамъ построилъ
Изо льдовъ дворецъ себѣ чудесный
И сидитъ тамъ, дожидаясь часа.
Дѣва — дочь его. Ей имя Нанна.
И жезломъ ее ударивъ, старый
Не убилъ, а въ сонъ повергъ глубокий,
И въ горахъ на самую крутую
Положилъ, ту гору вплоть до неба
Окруживъ живымъ огнемъ, какъ тыномъ.»

«Другъ за другомъ полетѣли боги
И пытались проскочить сквозь пламя —
Но напрасно! Пламя такъ и воетъ!
То сробѣетъ конь, а то и всадникъ.
Слышитъ Бальдуръ: вдругъ поднялся съ ложа,
Панцырь, шлемъ, и — на коня! и только
Боги въ страхѣ видѣли, какъ пламя
Взволновалось и за нимъ закрылось.
Онъ прорвался.

«А прорвавшись, Бальдуръ
Видитъ — теремъ; входитъ — рядъ покоевъ.
Тишина глубокая. Изъ оконъ
Полосами падая, играетъ
На столбахъ хрустальныхъ красный отблескъ.
Вотъ въ послѣднемъ наконецъ покоѣ
Видитъ онъ: въ тяжелой бронѣ, въ шлемѣ,
Спитъ его красавица. Тихонько
Снялъ онъ шлемъ — рассыпалися кудри;
Распоролъ мечомъ ремни на бронѣ —
И открылась грудь дѣвичья; вскрикнулъ, —
Тихо очи спящая открыла...
И чрезъ мигъ ужъ съ нею мчался Бальдуръ,
И встрѣчали радостно ихъ боги.
Пиръ вѣнчальный закипѣлъ на славу:

Изъ Валгаллы раздавались громы,
Дождь златой блистая падалъ съ неба,
Молодая сыпала на землю
Полной горстью и цвѣты, и жемчугъ.

«Вотъ съ тѣхъ поръ и началось то время,
Что потомъ всѣ золотымъ назвали.
Всюду жертвы Бальдуру дымилсъ,
Всюду пѣсни въ честь его гремѣли.
Боги стали даже прорицанье
Забывать — какъ вдругъ оно возстало
Въ полнотѣ ужасной передъ ними.

IV.

«Утромъ — разъ сошлись они на завтракъ —
Вдругъ вбѣгаетъ Нанна, и въ колѣни
Бросясь къ Фриггѣ, вся въ слезахъ, вскричала:
«Скоро Бальдуръ нашъ умретъ». Вскочили
Боги съ мѣстъ, едва не расплеснувши
Медъ изъ чашъ своихъ. «Ему приснилось,
Говорила Нанна, — что въ глубокой
Онъ сидитъ темницѣ; рвется, рвется
И никакъ ужъ вырваться не можетъ.
Хочетъ крикнуть — крику нѣтъ... и началъ

Задыхаться... я еще рванулся—
И глаза открылъ. Вскочилъ. На ложѣ
Весь въ поту сидить... Все это — къ смерти!»
Побѣжать хотѣла Фригга къ сыну,
Но Одинъ ей повелѣлъ остаться,
На боговъ кругомъ сурово глянулъ,
Сдѣлалъ знакъ невѣсткѣ и съ ней вмѣстѣ
Вышелъ въ спальню къ Бальдуру. Шептаться
Стали боги, знаками являя,
Что недобрый это сонъ. Вернулся
Царь Одинъ и сѣлъ на тронѣ, молча
И чело нахмуря. Фригга, Герда
На него взглянувши, испустили
Вопль такой пронзительный и спланный,
Что на полкахъ зазвенѣли чашн.
Вслѣдъ за ними — кто вопить и плакать,
Кто кричать, чтобы унять тревогу,
Кто молить — но ужь никто не слушалъ,—
Споръ и крикъ, какихъ и не бывало,
Поднялся въ обители блаженныхъ.

«Но между богами только Локки
Не упалъ одинъ, казалось, духомъ.
Братъ Одину — красотой съ нимъ сходный,
Гордо онъ держалъ себя съ богами,

Помнилъ всѣ ихъ промахи и радъ былъ
Иногда въ ихъ медь влить каплю яду.
Вѣчно съ новой выдумкой, онъ часто
И вводилъ ихъ въ тяжкія напасти,
И спасалъ порой отъ бѣдъ великихъ.
Между тѣмъ какъ вокругъ его кричали,
Онъ, глазами упершись въ землю
И поднявши плечи, началъ — точно
Самъ съ собою — говорить; лишь послѣ,
Увидавъ, что начинаютъ слушать
И смолкать, къ нему тѣсняся, боги,
Постепенно возвышалъ свой голосъ
И съ обычнымъ говорилъ искусствомъ.
Онъ сказалъ, что, можетъ быть, напрасны
Всѣ тревоги. Не всегда правдивы
Сны бываютъ. Иногда напротивъ:
Страшный сонъ провозвѣщаетъ радость.
Прорицаньямъ тоже онъ не очень
Довѣряетъ: «Вѣщія тѣ жены
Ужъ давно покоятся въ могилахъ,
А изъ словъ ихъ не сбылось доселѣ
Ничего. Да и откуда можетъ,
Въ самомъ дѣлѣ, быть для насъ опасность?
Тѣ враги, которыхъ мы когда-то
Заковали въ цѣпи, — тѣ не могутъ

Двинуться, пока живъ будетъ Бальдуръ;
Стало быть, бѣда прійдетъ отъ твари,
Иль отъ насъ, боговъ. Но боги — кто же
На себя подыметъ руки? Твари, —
А — отъ тварей взять бы можно клятву,
Чтобъ хранили, какъ зѣницу ока,
Дорогого Бальдура; не смѣли бѣ
Повредить ему никакъ, ни ранить,
Ни язвить, ни напускать болѣзни.
Отъ огня, воды, отъ рудъ и камней,
Отъ ехиднъ и змѣевъ, зелій, ядовъ,
Отъ деревъ и травъ, отъ всѣхъ взять клятву,
И дадутъ всѣ, рады будутъ. Бальдуръ
Всѣмъ имъ милъ. Тогда чего жъ бояться?»

«Осторожны были боги съ Локки,
Но при этой рѣчи, видя ясно,
Что коварства нѣтъ въ ней никакого,
Стали духомъ веселѣть. И вправду,
Разсудить нельзя бѣ, казалось, лучше!
Локки самъ доволенъ былъ; высоко
Тотчасъ поднялъ голову; а боги
Повторяли дружно: «ай да Локки!»
И рѣшили тотчасъ же исполнить,

Что сказалъ онъ, и самой же Фриггъ
Въ мѣръ пуститься за всеобщей клятвой.

«Фригга, вздѣвъ пернатую сорочку,
Обернулась лебедью и тотчасъ
Въ мѣръ стрѣлой помчалась изъ Валгаллы.

V.

«Но Одинъ, отецъ и міроздатель,
Изъ собранья, съ золотого трона,
Поднялся, не просвѣтлѣвши ликомъ.
Осѣдлалъ коня онъ и поѣхалъ
Въ темный адъ. Тамъ, близъ чертоговъ Геллы,
Былъ курганъ изъ дикихъ камней сложенъ;
Подъ курганомъ тѣмъ была могила,
А въ могилѣ этой схоронили
Валу, ту изъ вѣщихъ женъ, что много
Мудростью и даромъ прорицанья
Помогла Одну въ оно время.
Съ ней теперь онъ пожелалъ бесѣды
И изъ тьмы ея рѣшился вызвать.

«Загремѣло и загрохотало
Вдругъ по темнымъ адскимъ подземельямъ.

Какъ влетѣлъ въ него огнедышащій
И скакалъ по камнямъ конь Одиновъ.
Адскій песь съ разинутою пастью,
Грудь и шея облитыя кровью,
Ринулся схватить его за горло —
Но тотчасъ же спибленный копытомъ,
Съ громкимъ визгомъ покатился нѣземь.
У могилы богъ остановился
И, съ коня прыгнувъ, не медля началъ
Вызывать покойницу изъ гроба:
Спѣлъ сперва, какую надо, пѣсню
И сказалъ слова; потомъ ударилъ
По землѣ жезломъ, на сѣверъ глядя,
И трикратно громко крикнувъ: «Вала!»
Повелѣлъ возстать ей изъ могилы.

Изъ могилы поднялася Вала.

И о томъ, что пмп говорилось,
Такъ въ старинныхъ сказываютъ пѣсняхъ.

ВАЛА.

«Кто дерзнулъ мой вѣчный сонъ нарушить?
«Много лѣтъ въ землѣ сырой лежу я.
«Надо мною бушевали вьюги,

«Дождь мсчилъ, роса меня кропила.
 «Я мертва была. Кто ты? Что надо?»
 Кто онъ — скрыть хотѣлося Одину,
 Онъ назвался смертнымъ человѣкомъ.

одинъ.

«Смертный я — и странствую по свѣту.
 «Я — свѣтъ бѣлый, ты — мiръ темный знаешь.
 «Для кого жь, о вѣщая изъ вѣщихъ,
 «Разскажи, у васъ въ подземномъ царствѣ
 «И скамью, и ложе золотое,
 «Кольцами украшенныя, ставятъ?

ВАЛА.

«Въ чашѣ медъ кипить, щитомъ покрытый,—
 «Бальдуръ будетъ пить. Скамья и ложе
 «Для него жь. Но прекрати разспросы,
 «Страшныя ты спрашиваешь тайны.
 «По неводѣ говорю я. Будеть!

одинъ.

«Погоди, скажи еще мнѣ, Вала!
 «Знать еще хочу я: кто изъ смертныхъ,
 «Кто лишитъ наследника Одина?
 «Отъ кого погибнетъ свѣтлый Бальдуръ?

ВАЛА.

«Годрь слѣпой — не смертный. Онъ откроеть
«Къ адской Геллѣ Свѣтлomu дорогу.
«Страшныя ты спрашиваешь тайны.
«По неволѣ говорю я. Будеть!

ОДИНЪ.

«Погоди, скажи еще мнѣ, Вала,
«Я желаю знать: не отомщеннымъ
«Бальдуръ быть не можетъ. Мстить кто будетъ?

ВАЛА.

«У Одина будетъ сынъ отъ Ринды.
«Онъ волосъ чесать, мыть рукъ не будетъ,
«Не отмстивъ виновному. Довольно.
«По неволѣ говорю я. Будеть!

ОДИНЪ.

«Погоди, еще скажи мнѣ, Вала!
«Я еще желаю знать: какъ имя
«Той жены, что не захочетъ плакать,
«Какъ по Бальдурѣ всѣ плакать будутъ.
«И покрова съ головы не сниметь?
«Прежде чѣмъ заснуть опять — скажи мнѣ.

ВАЛА.

«Ты все знаешь самъ, давно я вижу,
 «Но желалъ бы лучше ошибиться,
 «Чѣмъ все знать. Одинъ, отецъ вселенной!
 «Удѣлись — и можешь похвалиться,
 «Что меня не вызоветъ изъ мрака
 «Съ сей поры уже никто, — до часа
 «Какъ прійдетъ всемірное крушенье».
 И въ могилу опустилась Вала.
 Ускакалъ Одинъ еще мрачнѣе.
 Такъ въ старинныхъ говорится пѣсняхъ.

VI.

«Фригга, взявъ отъ всѣхъ твореній клятву.
 Чтобъ не ранить Бальдура ни въ сердце,
 Ни въ сырую кость, ни въ ясны очи,
 Ни во все живое бѣло тѣло,
 Чтобъ хранить его отъ всякой боли,
 Всякой скорби, всяческой напасти,
 Воротилась въ Азградъ, и всѣ боги
 Были рады, высыпали на лугъ —
 Съ Бальдуromъ играть и забавляться.

Всѣ кругомъ красавца оступили,
И давай метать въ него, кто стрѣлы,
Кто каменя; съ копьями, съ мечами
Нападали на него съ разбѣгу;
Но каменя, стрѣлы мчались мимо,
Копья и мечи по немъ скользили,
И стоялъ въ кругу неуязвимый
И еще свѣтлѣй чѣмъ прежде Бальдуръ,
Боги шумно радовались, глядя;
У богинь вокругъ счастливой Фригги,
Издали слѣдившей за игрою,
Быль и смѣхъ, и говоръ; только Нанна
Не могла смѣяться и сидѣла,
Точно лань пугливая, тревожно
Провожая взоромъ каждый камень
И стрѣлу, что въ Бальдура летѣли.
Отовсюду восхваленья Локки
Раздавались у боговъ; но Локки,
Одержимъ какой-то новой мыслью,
Устремилъ орлиный взглядъ на Фриггу;
Улучивъ минуту, вдругъ онъ принялъ
Образъ старой Фриггиной служанки
И подсѣлъ къ ней, межъ богинь пробравшись.
«Отчего, владычица, спросилъ онъ,
«Отчего такъ разыгрались боги?»

Улыбаясь отвѣчала Фригга:

«Тѣшитъ ихъ, что нашъ красавецъ Бальдуръ

«Сталъ теперь неуязвимъ ни стрѣламъ,

«Ни каменьямъ, ничему на свѣтѣ.

«Я взяла со всѣхъ твореній клятву,

«Что вредить ему никто не будетъ».

—«Да отъ всѣхъ ли отбрала ты клятву,

«И кого, смотри, не позабыла ль?»

—«Всѣ клялися!—отвѣчала Фригга,

«Развѣ только у воротъ Валгаллы

«Мелкій есть кустарникъ — можжевельникъ,

«Ну, да онъ такъ малъ и такъ незначущъ,—

«Чѣмъ, кому онъ можетъ быть опасенъ?

«Что съ него, я думала, брать клятву!

«А то всѣ — и дубъ, и кедръ клялися!»

Локки тотчасъ изъ воротъ Валгаллы;

Можжевельникъ срѣзалъ, сдѣлалъ стрѣлку,

И — назадъ. Стоялъ вдали отъ прочихъ

Годръ, и не игралъ съ богами: слѣпъ былъ.

—«Что жъ ты, крикнулъ Локки,—не стрѣляешь?»

—«Я, увы! и Бальдура не вижу»,

Отвѣчалъ слѣпой со вздохомъ, — «гдѣ мнѣ!»

Локки жъ: «Эхъ, на радости попробуй,

«Только такъ, хоть для одной потѣхи!»

«Вотъ стрѣла и лукъ, и вонъ гдѣ Вальдуръ,

«Становись, а я стрѣлу направлю».

Боги, видя Годра тоже съ лукомъ,

Вкругъ него столпилися, смѣяся.

Вальдуръ самъ слѣпому улыбался

И къ нему оборотился грудью.

- Локки Годру помогаль прицѣлить;

И взвилась стрѣла и полетѣла—

Прямо въ сердце Вальдурю: шатнулся

И на землю палъ онъ мертвый. Нанна

Въ то жь мгновенье бросилася къ мужу,

И со страшнымъ, но короткимъ крикомъ.

Замертво упала на супруга.

Прибѣжали боги, смотря, кличуть,

Трогають то Вальдура, то Нанну,—

Оба мертвы!.. Сами словно въ камни

Обратились, и стоятъ—не въ силахъ

Молвить слова, блѣдными зрачками

Упершись другъ другу очи въ очи.

Годръ—убійца—онъ за слѣпотою

Не видалъ, не понималъ, что сдѣлалъ,

И стоялъ вдали отъ всѣхъ. Какъ только

Первый ужасъ отошелъ, рыданьемъ

Неудержнымъ разразились боги.

Самъ отецъ Одинъ, хотъ зналъ, что будетъ,

Но когда свершилось, омрачился
Пущей скорбью, лучше всѣхъ провидя,
Сколько зла отъ Бальдуровой смерти
И богамъ, и людямъ приключится.
Фригга—та не вѣрила, что Бальдуръ
Навсѣгда отъ нихъ сокрылся: Гелла
Возвратить его, не сомнѣвалась,
Въ новомъ видѣ и еще прекраснѣй,—
И къ богамъ не медля обратилась:
«Кто-нибудь скорѣй ступайте къ Геллѣ,
«И какой угодно будетъ выкупъ,
«Я, скажите, дамъ ей; только бѣ тотчасъ
«Отпустила Бальдура на небо».

Сынъ Одиновъ, Гермодъ быстроногій
Побѣжалъ на вызовъ и въ минуту
На конѣ отцовскомъ въ адъ ужь мчался.

VII.

«Боги жь тѣло Бальдурово взяли
И снесли на берегъ синя-моря.
Срубленъ былъ корабль и въ морѣ сдвинуть,
И на немъ костеръ устроенъ. Тѣло
На костеръ возложено. И Нанну

Тоже подлѣ мужа положили.
Привели коня покойникова, тоже
На костеръ возвестъ, и всѣ при этомъ
Залился новыми слезами.
Сто рабовъ и сто рабынь убитыхъ
На костеръ уложено; оружье
И монеты, кольца, все какъ должно;
Домочадцы, слуги и служанки
Пѣли пѣсни жалостныя, слезно
Причитали. Наконецъ, когда ужъ
Все готово было, громовержець
Торъ свой молотъ всеразящій бросилъ—
Грянулъ громъ и молнія сверкнула,
И костеръ мгновенно объялъ пламень,
И корабль, пылая, поплылъ въ море.
Вслѣдъ за нимъ по воздуху громадный
Потянулся похоронный поѣздъ.

«Похоронъ такихъ ужъ не бывало
Ни потомъ, ни прежде, и не будетъ!
Всѣ на нихъ присутствовали боги.
Былъ Одинъ на колесницѣ съ Фриггой:
Впередн—орель, простерши крылья;
За орломъ неслися съ воемъ волки;
Надъ главою вороны кружились,

А вокругъ блестящей колесницы,
На воздушныхъ коняхъ, въ свѣтлыхъ латахъ,
Дѣвы битвъ, Валкириі; за ними,
Тоже всѣ въ блистающихъ доспѣхахъ,
Безконечнымъ полчищемъ герои,
Съ поля битвъ восшедшіе на небо.
Въ колесницѣ тоже, запряженной
Кабаномъ, красавецъ Фрейръ и Герда;
На козлахъ золоторогихъ дальше
Ѣхалъ Торъ, на плечи вскинувъ молотъ;
Тамъ—другіе боги и богини,
На оленяхъ, лебедяхъ и рысяхъ;
А за ними карлы, великаны,
Духи въ видѣ чудищъ и драконовъ—
Безъ конца тянулся пышный поѣздъ!

«Изъ боговъ тамъ не былъ только Локки.
Онъ—когда свалился Бальдуръ мертвый,
Испугался больше всѣхъ: руками
Ухватившись за голову, мигомъ
Убѣжалъ изъ Асграда. По правдѣ
И не думалъ онъ, что все такъ выйдетъ,
И когда его хватились боги,
Онъ, дрожа, сидѣлъ ужъ въ самыхъ темныхъ,
Въ самыхъ страшныхъ пропастяхъ подземныхъ.

VIII.

«Гёрмодъ въ адъ спускался девять сутокъ
По глубокимъ рывинамъ, во мракъ.
И достигъ до адской онъ рѣшетки.
Тамъ увидѣлъ: блѣдный свѣтъ, палата,
Длинный столъ, и на почетномъ мѣстѣ,
Между тѣней Бальдуръ возсѣдаетъ.
Обратился Гёрмодъ съ просьбой къ Геллѣ:
— «Отпусти ты брата снова въ небо;
«Всѣ о немъ жестоко плачутъ боги
«И какой угодно предлагаютъ
«За него тебѣ богатый выкупъ».
Отвѣчала адская богиня:
— «Отпущу, пожалуй, но съ условьемъ:
«Если всѣ, что только есть на свѣтѣ,
«Существа по Бальдурѣ заплачутъ,
«Бальдуръ въ небо снова возвратится.
«Если жъ нѣтъ, и хоть одинъ найдется,
«Кто о немъ не будетъ плакать, Бальдуръ
«Никогда на свѣтъ уже не выйдетъ».

IX.

«Воротился Гёрмодъ снова въ Азградъ
И привезъ отвѣтъ свирѣпой Геллы.

Какъ отвѣтъ тотъ услышала Фригга,
Призываетъ тотчасъ буйныхъ Вѣтровъ,
Говорить имъ: «Полетите, Вѣтры,
«Вы во всѣ концы по бѣлу-свѣту,
«И скажите всякой божьей твари,
«Синю-мору, мѣсяцу и звѣздамъ,
«Темну лѣсу, всякой мелкой пташкѣ,
«И большимъ звѣрямъ, и человѣкамъ,
«Что скончался Бальдуръ, молъ, пресвѣтлый,
«Чтобъ молили, да отпустить Гелла
«Всѣмъ опять его на радость въ небо».
Понеслись по бѣлу-свѣту Вѣтры,
Съ лютой вѣстью каждой божьей твари,—
И поднялся стонъ со всей вселенной:
Взвыли Вѣтры, море заревѣло,
И лѣса завыли, закрипѣли,
Люди, звѣри, у кого есть голосъ,
Возопили; у безгласной твари жь,
У металловъ, и у горъ и камней,
Слезы вдругъ безмолвныя, такія,
Какъ весной лѣютъ они, встрѣчая
Послѣ хлада и мороза солнце
(Но тогда на радость, тутъ отъ скорби),
Потекли обильными струями...
Но была въ горѣ одна пещера.

Тамъ, покровъ свой бѣлый не скидая
 Нѣкогда, сидѣла велканша
 (Нѣкогда она царила въ мѣрѣ,
 Но была побѣждена Однимъ
 И въ пещерѣ темной укрывалась):
 Та на слово вѣстниковъ небесныхъ
 Изъ скалы угрюмо отвѣчала:
 «Я съ сухими развѣ лишь глазами
 «О красавцѣ Бальдурѣ заплачу:
 «Будь онъ живъ или мертвъ,—онъ мнѣ не нуженъ!
 «Пусть его сидитъ себѣ у Геллы!»

Такъ у Геллы и остался Бальдуръ».

X.

Кончилъ вѣщій старецъ. Слушалъ Конунгъ
 И еще поникъ главою ниже.
 Сквозь золу едва мерцали угли.
 Въ забытѣ склонился вѣщій старецъ.
 По утру открылъ онъ очи: Конунгъ
 Такъ же все сидитъ на томъ же мѣстѣ;
 Чуть свалилась съ плечъ медвѣжья шуба,
 Блѣдный лучъ скользилъ кой-гдѣ по складкамъ

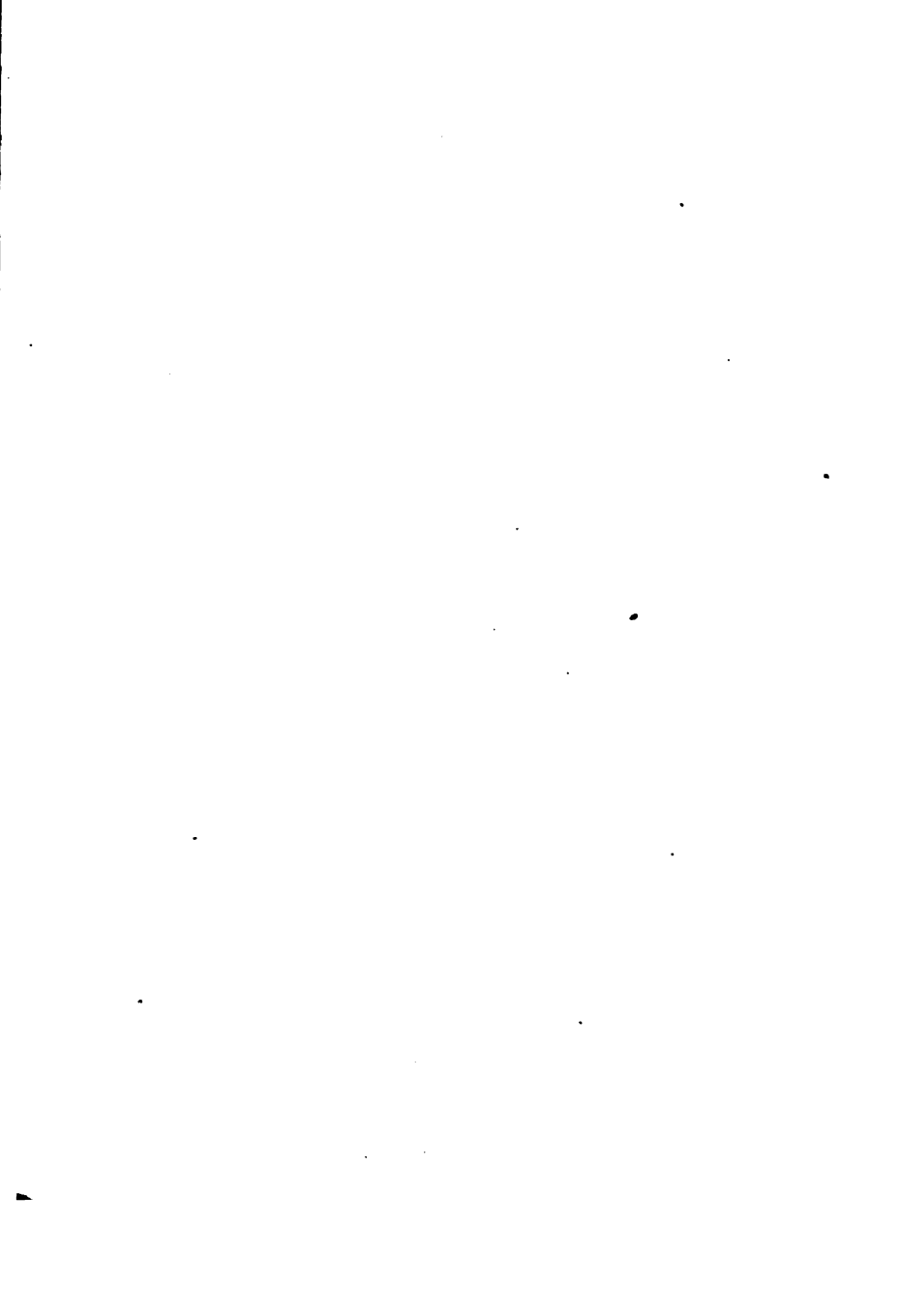
Золотой истершейся одежды,
Освѣщая грозный обликъ, съ длинной
Бородой, съ нависшей бровью. Конунгъ
Быль ужь мертвъ. Судьбы его свершились.

1870.

V.

ПУЛЬЧИНЕЛЛЬ.

ПУЛЬЧИНЕЛЛЬ.

Въ Неаполѣ, — когда еще Неаполь
Быль самъ собой, былъ раемъ ладзароновъ —
— Философовъ и практиковъ-бандитовъ,
Бандитовъ всякихъ — рѣжущихъ, казнящихъ,
Съ тонзурою иль безъ тонзуры — въ этомъ
Неаполѣ время мнувшихъ, жилъ
Чудесный карликъ... Маленькій, горбатый,
Со львиною огромной головой,
И съ ножками и ручками ребенка.
Онъ былъ похожъ какъ разъ на мальчугана
Въ комической, большой античной маскѣ:
Такихъ фигуръ въ помпейскихъ фрескахъ много.
Его мамá и померла отъ горя,
Въ уродствѣ сына видя наказанье
Господне «за грѣхи отцовъ...» Отецъ же —

Онъ былъ мудрецъ съ Вольтеровскимъ отгѣнкомъ,
Хоть волею судебъ и занимался
Сомнительной профессіей (знакомилъ
Онъ съ красотой живой Партенопей
Пріѣзжихъ иностранцевъ) — онъ объ сынѣ
Судилъ не такъ. Онъ говорилъ, что эта
Наружность — даръ фортуны: Пешпо съ нею
Навѣрно будетъ первымъ маіордомомъ
У герцоговъ, пажомъ у короля,
И комнатной игрушкой королевы.
Онъ такъ и умеръ въ этомъ убѣжденъѣ.
Но не сбылось пророчество: бѣдняга
Не въ практика родителя сложился.
Кормился переписываньемъ ролей,
Былъ вхожъ въ театръ чрезъ это, за кулисы,
А весь свой день сидѣлъ въ библіотекѣ.
И что прочелъ онъ — Богу лишь извѣстно,
Равно какъ то, чего бы не прочелъ онъ!
Все изучалъ: историковъ, повтовъ,
Особенно жъ — трагическій театръ
Итали. Душой онъ погрузился
Въ міръ Клеопатръ, Ассуровъ, Митридатовъ,
И этихъ-то сценическихъ гигантовъ
Размахъ усвоилъ, страсть, величье, паеость;
Онъ глубоко прочувствовалъ, продумалъ

Всѣ положенья, всѣ движенья сердца,
 Весь смыслъ, всю суть трагедіи постигъ,—
 Такъ что когда, въ кругу своихъ кліентовъ,
 Оборванныхъ такихъ же бѣдняковъ,
 Читалъ онъ, — эти всѣ гиганты
 Все становились меньше, меньше — но
 За то росло въ размѣрахъ колоссальныхъ
 Одно лицо, — безъ образа и вида
 И безъ рѣчей — которое безмолвно,
 Неудержимо, холодно ихъ губить,
 И что въ трагедіи зовется Рокомъ.
 И этому безличному Молоху —
 Какъ говорилъ одинъ аббатъ, любившій
 Его послушать, Пенно особливо
 Сочувствовалъ. Аббатъ въ восторгѣ
 Говаривалъ не разъ: «ты, саго шіо,
 Навѣрно былъ бы величайшимъ въ мірѣ
 Трагическимъ актеромъ, если бъ только
 Въ размѣрахъ былъ обыкновенныхъ созданъ,
 Безъ важныхъ недостатковъ и излишествъ;
 При этихъ же особенностяхъ, — годенъ
 Не болѣе, какъ къ роли — Пульчинелля».

Что жъ дѣлать! Бѣдность и — пожалуй — жажда,
 Какъ говорилъ онъ, сцены и подмостковъ,

Его судьбу рѣшили, — и Неаполь
 Въ немъ приобрѣлъ такого Пульчинелля,
 Какихъ еще не видывалъ отъ вѣка!
 Въ театрѣ — давка. Ѣздить знать и дворъ.
 Тройныя цѣны. Импрессарій — пляшетъ,
 И въ городѣ лишь рѣчь — о Пульчинеллѣ.
 Такого смѣха у своихъ подножій
 Не слыхивалъ конечно ужъ Везувій
 Съ тѣхъ самыхъ дней, какъ вѣчною угрозой
 Надъ городомъ онъ сталъ, и повторяетъ
 Ежеминутно людямъ: «веселитесь
 И смѣйтесь, пока даю вамъ время!»

А тайна смѣха вотъ въ чемъ заключалась:
 Пеппино никогда смѣшить не думалъ!
 И въ колпакѣ дурацкомъ Пульчинелля
 Все такъ же роль свою игралъ серьезно,
 Какъ будто роль Аякса или Ахилла.
 Онъ бросилъ фарсъ, далъ душу Пульчинеллю
 (Къ тому же былъ импровизаторъ чудный
 И въ роль вставлялъ горячія тирады
 Высокаго исполненныя чувства,
 И паэоса, и образовъ гигантскихъ,
 Достойныхъ кисти лишь Микель-Анджело!),
 Онъ искренъ былъ, язвительнъ, былъ страстенъ, —

Но это все — при страшной образинѣ,
При заплетавшихся кривыхъ ногахъ,
При маленькихъ ручонкахъ, при горбѣ —
Въ партерѣ вызывало — взрывы смѣха!
Онъ забывалъ себя, весь отдавался
Потоку чувствъ и вдохновенной мысли,
И ожидалъ въ отвѣтъ восторга, слезъ,
Всеобщаго, быть можетъ, покаянья, —
А тутъ дурацкій смѣхъ, шальные крики!
Полиція — и та не возмущалась,
Когда вѣщалъ онъ въ пламенныхъ стихахъ
О благородствѣ, о «святой» свободѣ!
Бывало съ грустью, съ жалостью онъ смотритъ
Въ партеръ, какъ въ пропасть съ тысячами гадовъ
Хохочущихъ — и эта грусть и жалость
Такою въ немъ гримасой выражалась,
Что клнкъ и смѣхъ въ партерѣ удвоился...
Не выдержать, и кинется онъ къ рампѣ,
И въ ярости грозить начнетъ, ругаться:
«О! пошлости клокочущая бездна!
«Чудовища! нѣтъ! я бѣ свое уродство
«Не промѣнялъ на ваше», — онъ кричитъ, —
И — пуще смѣхъ!.. Тогда, на зло глупцамъ —
Онъ пустится кувыркаться и прыгать,
И ужъ конца рукоплесканьямъ нѣту!

А упадетъ лишь занавѣсъ — директоръ
Его въ объятя: «такъ, maestro, такъ!
«Ругайте ихъ, и плачьте! плачьте больше!
«Тѣмъ лучше: сборъ — невѣроятный! Мы —
«Мы милѣонеры будемъ!» Не успѣвъ
Директору въ лицо онъ кинуть: «рогсо!»
Какъ сотни рукъ его ужъ поднимаютъ,
И какъ онъ тамъ ни бейся, ни лягайся,
А съ пѣснями, при факелахъ, несутъ
Его до самой до его локанды,
Гдѣ, наконецъ, освободясь отъ плѣна,
На бѣдное бросается онъ ложе
И горячо и горько, горько плачетъ!

Неаполь былъ въ восторгѣ. Говорятъ,
Изъ инквизиціи тихонько члены
Въ закрытыхъ ложахъ хаживали часто
Имъ любоваться и, какъ всѣ, смѣялись
Отъ сердца, самымъ добродушнымъ смѣхомъ.
Но онъ — кумиръ толпы и божество,
Въ душѣ возненавидѣлъ и Неаполь,
И сцену, и давно бѣ ее сставилъ,
Когда бѣ она ему не доставляла
Возможности — въ глаза ругать толпу,
Твердить и повторять ей, что она

Одно лишь понимает, поглощает
И обожает — это макароны!..

Такъ говорилъ онъ самъ; а впрочемъ
Еще былъ узелъ тайный, но могучій,
Его привязывавшій къ сценѣ, — это
Прелестная, какъ ангелъ — Коломбина,
Прекрасный тоже, истинный талантъ.
Онъ эту Коломбину и сыскалъ
Въ Санъ-Карло, межъ простыхъ статистокъ, взялъ
И сталъ учить, образовалъ и, словомъ,
Какъ говорится, создалъ. Коломбина
По временамъ одна не замѣчала
Его уродства: чудныя мгновенья!..
Она — полулежитъ на оттоманкѣ,
А онъ читаетъ: комната, по малу
Въ чертогъ преобразуясь, наполнялась
Героями, царицами, царями;
Стихійное иль божеское нѣчто
Блится въ нихъ величьемъ колоссальнымъ
Надъ сумракомъ обыкновенной жизни;
И вдругъ средь этихъ исполинскихъ силъ
Послышится ей родственное что-то —
Любовь, какъ голубь рвущій надъ бездной...
У ней отъ страха сердце замираетъ,

Она глядитъ, и, точно въ лихорадѣ
 Слѣдя за нимъ, чтеца уже не видитъ...
 И лишь когда онъ кончить, — понемногу
 Разсѣется блистательный миражъ,
 Уйдетъ страстей клокочущее море;
 И вмѣсто блеска, красоты, величья,
 Она увидитъ вдругъ передъ собой,
 Какъ будто этимъ кинутаго моремъ,
 Какого-то нелѣпѣйшаго карлу —
 Тогда изъ усть ея — какъ будто бы со скорбью
 И сожалѣньемъ — вырвется невольно:
 «Ахъ, Пеппо, для чего такой ты гадкій!»

— «Рокъ» — отвѣчаетъ онъ.

Да! страшный рокъ!

Онъ чувствовалъ, что разъ не удержишь,
 А отъ себя, отъ своего лица
 Скажи свое живое чувство, — въ страхѣ
 И омерзеньѣ вскрикнетъ Коломбина
 И отъ него отпрянетъ, какъ отъ гада!
 Онъ понялъ, что совсѣмъ лишь стусевавшись
 Могъ быть при ней, — и сдѣлался ей, точно,
 Необходимъ: наставникомъ былъ, другомъ,
 Былъ чичисбеемъ, шаль за ней носилъ,

По порученьямъ бѣгалъ; даже больше,
Служилъ ей горничной — при туалетѣ
Присутствовалъ, затягивалъ корсетъ,
Ей обувалъ изящнѣйшую ножку,
Сносилъ ея мигрень, капризы, словомъ,
Былъ для нея онъ тѣмъ же, чѣмъ Неаполь
И импрессарій для него, и также бѣ
Могъ звать ее онъ «злою Коломбиной»,
Какъ называли всѣ его «злымъ карлой»;
Въ него летали точно такъ же вѣтеръ
И башмаки, какъ отъ него камня
На улицѣ, или слова на сценѣ —
Такія, что много стоятъ камня!
И отъ нея онъ все переносилъ
Съ покорностью, чуть-чуть не съ наслажденьемъ, —
Такъ наконецъ, что всѣ его страданья
По сценѣ — отошли на задній планъ.
Перенести не могъ онъ одного —
Одной фантазіи своей царицы,
И всѣ вражды свои сосредоточилъ
На арлекинѣ. Этотъ арлекинъ
Былъ — тѣмъ же рокомъ! — одаренъ красивой
Наружностью, небрежностью изящной,
Къ артисту такъ идущей, и всегдашнимъ
Высокимъ мѣльемъ о своей особѣ.

Всѣ женщины по немъ съ ума сходили:
Изъ-за него маркизы, герцогини
Дрались, чтобъ съ нимъ въ блестящемъ фаятонѣ
По Кьяйѣ прокатиться... Это впрочемъ
Все бѣ ничего! но этотъ херувимъ
И видѣлся, и снился Коломбинъ!
Напрасно ей твердить несчастный карло,
Что арлекинъ — бездарный фатъ, хвастунъ,
Глупъ — колоссально глупъ!.. «Ты лишь послушай,
«Какъ онъ поетъ! Гдѣ ставить ударенья?
«О, ужась! на предлогахъ и союзахъ!
«Не ясно ли, что у него нѣтъ сердца!
«Что льнетъ къ тебѣ онъ, diva, потому,
«Что отъ тебя Неаполь безъ ума,
«Что — ты царица въ немъ, и что готовы
«Миллионныя разстроить состоянья
«Съ тобою дуки, нобили, банкиры». —
Все тщетно! страсть ей не даетъ покоя!
Его не слушаютъ; ему велятъ,
Какъ тѣнь, вездѣ слѣдить за арлекиномъ;
Ей доносить, гдѣ былъ онъ, что онъ дѣлалъ,
Съ кѣмъ говорилъ, устраивать имъ встрѣчи,
И третьимъ быть лицомъ при этихъ встрѣчахъ!
Ахъ! это время жилъ онъ постоянно
Подъ страхомъ бури... Если онъ, бывало,

Недобрыя къ ней вѣсти принесеть, —
«Ты лжешь, ты лжешь!» кричала Коломбина;
«Вы всё противъ меня, уроды, черти!
«Я задушу, чудовище, тебя!
«Прочь съ глазъ моихъ!» и diva, какъ тигрица,
Кидается на Пепшо. «Вонъ, бездѣльникъ!»
За нимъ бѣгутъ, выталкиваютъ въ дверь,
И съ лѣстницы бросаютъ въ спину туплю...
Онъ, впрочемъ, зналъ, внизу стоялъ въ портофѣ,
Зналъ, что за нимъ пошлютъ,—и появлялся:
Мракъ въ комнатѣ; лежитъ въ постели diva,
Готовая сейчасъ же умереть
Въ жестокихъ спазмахъ: стоны и рыданья;
«Вотъ—говорять ему,—ты до чего
«Меня доводишь, каменное сердце!»
И какъ собака, чувствуя провинокъ,
Къ хозяину ползеть, вертя хвостомъ
И голову понуря, пробирался
Онъ къ ней тихонько и просилъ прощенья,
Садился на скамейку, утѣшалъ,
Молилъ ее на жизнь не покушаться,
Оправдывалъ невѣрнаго и клялся,
Что самъ онъ лгалъ, что онъ всему виною,
Что онъ сейчасъ пойдетъ за нимъ, отыщетъ
И приведетъ... И diva возвращалась

Къ сознанию... рыданья утихали,
 Къ нему протягивалась ручка... онъ
 Бѣжалъ искать красавца, приводилъ —
 И diva ихъ встрѣчала—ужь здорова,
 Кокетливо одѣта, и красою
 Сіяя, точно солнце послѣ бури, —
 И Пеппо долженъ былъ сіять съ ней вмѣстѣ.

Былъ, наконецъ, и день назначенъ свадьбы,
 Вся труппа въ ней участие принимала.
 Все, что смѣшитъ Неаполь—все смѣялось;
 Но Пульчинелль былъ самымъ шумнымъ гостемъ.
 За молодыхъ пилъ тосты, сочинилъ
 И прочиталъ имъ въ честь эпиталаму,
 Смѣялся, но—съ гостями уходя,
 Отъ нихъ скользнулъ въ какой-то переулокъ,
 Направо шелъ, налѣво, какъ, куда
 Не думая, не видя въ темнотѣ,
 И выпшелъ вдругъ къ клокочущему морю.
 И тамъ, у шумныхъ волнъ остановился...
 Что дѣлалъ тамъ онъ? —то, буквально, мракомъ
 Покрыто: ночь темна была, какъ гробъ.
 Во мракѣ слышенъ былъ лишь грохотъ моря;
 Изъ Африки дулъ раскаленный вѣтеръ,
 И словно тысячи бѣсовъ или фурій

Рвались въ дома, деревья гнули, выли,
И на подмогу имъ изъ нѣдръ земли
Изъ кратера Везувія летѣли
Въ фонтанѣ пламени и въ клубахъ дыма
Безчисленныя демонскія силы...
Вкругъ ладзарони въ ужасѣ бѣжали
Съ своихъ ночлеговъ, по всему побережью,
И долго помнили объ адской ночи,
Notte d'inferno: слышались имъ стоны
И страшныя проклятья въ ревѣ бури,
Ихъ сохранило только заступленье
Пречистой Дѣвы... Что же дѣлалъ Пеппо —
Тамъ на террасѣ, выходящей въ море?
Онъ никогда и самъ не могъ сказать...
Какъ будто духъ его тогда носился
Въ пространствѣ, въ этихъ африканскихъ вихряхъ
И землю разорвать хотѣлъ и море,
И только къ утру въ маленькое тѣло
Вернулся и взглянулъ вкругъ себя, —
А вкругъ ладьи разбитыя лежать,
И травъ морскихъ по необсохшимъ камнямъ
И на сыромъ пескѣ торчатъ лохмотья.
Стихаетъ море. Съ сѣвера прохладой,
Исполненной благоуханій чудныхъ
Съ полей и вилъ цвѣтущихъ Позиллипа,

Повѣяло, и серебристой дымкой
Подернулся городъ, даль и небо...

Когда подъ крикъ ослось и продавцовъ
Неаполь пробудился и пилъ кофе —
Смѣющійся явился съ поздравленьемъ
Къ счастливой Коломбинѣ первый—Пеппо,
Съ огромнѣйшимъ букетомъ. День прошелъ
Какъ праздникъ. Были гости. На обѣдъ
Поѣхали на Капри. Пеппо точно
Торжествовалъ великую побѣду...
Потомъ все потекло своимъ порядкомъ,
Какъ прежде. Онъ для Коломбины сталъ
Пожалуй, что еще нужнѣе въ трудныхъ
Заботахъ по хозяйству и по мужу;
Онъ у нея дѣтей крестилъ и нянчилъ...
Но, какъ ни бился, счастья милой доннѣ
Создать не могъ; худѣла все, худѣла
И наконецъ совсѣмъ она слегла.
Не ладно велъ себя ея супругъ.
Остепениться онъ не могъ, и въ бракѣ
Не видѣлъ узъ для вѣтренаго сердца.
Почти и не жилъ дома. При больной
Безвыходно сидѣлъ лишь Пульчинелль...
Разъ ночью стало ей ужь очень худо.

Съ усильемъ обратясь къ нему, она
Сказала: «ты дѣтей моихъ не кинешь?»
И руку подала, и улыбнулась...
Да! улыбнулась такъ она ему,
Какъ никогда! Быть можетъ, начало
У ней въ глазахъ уже мутиться зрѣнье,
И ужъ не карло—нѣтъ! его душа
Ея очамъ духовнымъ предстояла—
И бѣдный Пеппо чуть не задохнулся
Отъ счастья... Но—о Боже!.. вотъ ея рука
Въ его рукѣ хладѣеть... взоръ недвиженъ...
Молчаніе... онъ ждетъ... она ни слова...
Свѣтъ лампы такъ лежитъ спокойно, тихо
На матовомъ лицѣ... не шевельнется
Ни волосокъ, ни локонь, въ беспорядкѣ
Разсыпавшихся на подушкѣ косъ...
Проворно пульсъ онъ щупаетъ; подноситъ
Къ устамъ ей зеркало... дыханья нѣтъ!
И нѣтъ сомнѣнья больше! Коломбина,
Жизнь, слава, божество его—скончалась!
И онъ вскочилъ, какъ бѣшеный. Свирѣпый
Какой-то вопль изъ груди испустилъ,
И бросился направо и налево
Все опрокидывать, все разбивать,
Все—канделябры, зеркала, сервизы,

И наконецъ среди опустошенья
Остановился передъ хладнымъ трупомъ,
И заломивъ въ отчаяніи руки,
Вдругъ прокричалъ: «Какъ я тебя любилъ!»
И тутъ, въ ногахъ же у ея постели,
Упалъ безъ чувствъ,—и найденъ былъ ужь мертвымъ.

Неаполь плакалъ, но потомъ по-малу
Всѣ успокоились, когда наука
Рѣшила, что скончались: Коломбина —
Отъ «phthisis», онъ же — отъ «ruptura cordis».

1871.

VI.

КНЯЖНА.

/

КНЯЖНА ***.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ОКТАВАХЪ.

«Какъ наши годы-то летятъ!»

I.

Давно ль, давно ль, на траурныхъ коняхъ,
Подъ балдахиномъ съ княжеской короной,
Богатый гробъ въ гирляндахъ и цвѣтахъ
Мы провожали... Поѣздъ похоронный
Былъ безъ конца... всѣ въ лентахъ и звѣздахъ,
Посланники, придворныя персоны,
И духовенство высшихъ степеней,
И во главѣ его—архіерей...

Мы крестимся всегда при видѣ гроба,
Прощаемся, молясь за упокой,
Будь то бѣднякъ, будь важная особа...
Обычай полный смысла, глубиной

И злѣйшаго плѣнявшій руссофоба...
И тутъ прощалась съ чьею-то душой
И дальше шла толпа... Но въ высшемъ свѣтѣ
Событьемъ были похороны эти...

Княжна... Но нѣтъ! письму я не предамъ,
Нѣтъ, не предамъ я новому злословью
Фамиліи извѣстной съ дѣтства намъ!
Въ войну и миръ, и разумомъ и кровью,
Служилъ сей родъ отчизнѣ и царямъ.
И встарь почтенъ народной былъ любовью...
Онъ въ наши дни, съ достоинствомъ, одной
Представленъ былъ покойною княжной.

И видомъ—ахъ! теперь какъ исполины
Предъ нами тѣ герои старины!..
Видали ль вы времяъ Екатерины
Ея штатсъ-дамъ портреты?.. Всѣ, полны
Величія полунощной Аѳины
И гениемъ ея осѣнены,
Онѣ глядятъ какъ бы съ пренебреженъемъ
Во слѣдъ идущимъ мимо поколѣньямъ...

Могучій духъ, не знающій оковъ,
Для подвиговъ не знающій границы,

Безъ похвалбы свершавшій ихъ, безъ словъ, —
Все говорить, что это тѣ орлицы,
Къ кому, изъ царства молній и громовъ,
Свершители словесъ своей царицы,
Ея орлы — съ поднебесья порой
Спускалися на мигъ вкусить покой...

Изъ этой же породы самобытной
Была княжна, хоть сгладился ужъ въ ней
Весь этотъ пылъ, весь пламень ненасытный
Подъ вѣяньемъ иныхъ, счастливыхъ дней.
Тамъ — гордый стражъ пустыни сфинксъ гранитный,
Въ тысячелѣтней простотѣ своей;
Здѣсь — Пракситель или рѣзецъ Кановы,
Гдѣ грація и духъ ужъ вѣтъ новый.

Ей этотъ лоскъ былъ Франціею данъ!
Да, Франція — и Франція Бурбоновъ,
Что пережить сумѣла какъ Титанъ
Республику и гнетъ Наполеоновъ, —
Она княжну — цвѣтокъ полночныхъ странъ,
Къ ней кинутый крылами аквилоновъ, —
Съ любовію въ объятія приняла,
И матерью второю ей была.

Ея пѣвцовъ она внимала лирамъ,
Ораторовъ волнующимъ рѣчамъ,
Все приняла, чтобъ властнымъ быть кумиромъ
И первую звѣздой въ созвѣзды дамъ,
И даже Онъ, пришедшій къ людямъ съ миромъ
И взоры ихъ поднявшій къ небесамъ,
Ей просіялъ какъ свѣтъ и какъ защита
Въ проповѣдяхъ отца іезуита...

Что?.. Странно вамъ слова мои звучать?..
Народность — все же изъ понятій узкихъ,
И въ этомъ шагъ мы сдѣлали назадъ,
Отъ образцовъ отрекшися французскихъ...
Но — вѣкъ таковъ! и всѣ теперь хотятъ
Преобразиться въ православныхъ Русскихъ,
Межъ тѣмъ какъ многіе едва-едва
Осилить могутъ русскія слова...

Вонъ — князь Андрей на это, лобъ нахмурия,
Глядитъ какъ на опасную игру!
И говоритъ, что ужъ «глаза зажмурия
Давно живу и вѣчно на-юру»,
Что, «впрочемъ, насъ бы не застала буря,
А тамъ — все пропадай, когда умру!..»

Онъ въ этомъ видитъ признаки паденья
И нравственныхъ началъ и просвѣщенья...

И до сихъ поръ, упрямый старый тузъ
Твердитъ одно: «Европа есть обширный
Салонъ, гдѣ всякій — Нѣмецъ или Французъ —
Своя семья! у всѣхъ одинъ, всемірный,
Тонъ, образованность, и умъ, и вкусъ!
Насъ только *тернятъ* тамъ, пока мы смирно
Сидимъ себѣ, какъ дѣти за столомъ,
On nous subit — à contre soeur припомъ...»

Но князь чудакъ! онъ парадоксъ ходячій!
Онъ отрицалъ Россію! и съ княжной
У нихъ всегда, бывало, споръ горячій.
Патріотизмъ княжны былъ огонь живой!
Россіи честь, побѣды, неудачи,
Воспринимала все она душой,
Все обсуждая, безъ предубѣжденья,
Съ высокой, европейской точки зрѣнья...

И вотъ съ такой душою и умомъ,
Все воспринявъ, чтò Западъ просвѣщенный
Взращавалъ вѣками въ цвѣтникѣ своемъ,
Она явилась съ ношей благовонной

Въ нашъ свѣтъ — и такъ поставила свой домъ,
Что самъ Кюстинъ, вторично занесенный
Судьбой въ нашъ край, ужь бы не написалъ,
Что къ медвѣдямъ и варварамъ попалъ!

Свидѣтели — опять-таки Французы!
Да! изъ Французовъ — сливки, высшій слой,
Твердили въ хоръ, что Граціи и Музы
Изъ Франціи, отъ черни бунтовской,
Какъ отъ Персея съ головой Медузы,
Умчались на сѣверъ ледяной,
Перенеся въ салонъ княжны, въ Россіи,
Весь умъ французской старой монархіи.

И это зналъ и оцѣнилъ нашъ свѣтъ, —
И передъ нею все въ немъ преклонилось...
И хоть прошло событій много, лѣтъ,
И хоть княжна давно ужь устранилась
Отъ поприща уснѣховъ и побѣдъ,
Но все ея звѣзда не закатилась —
Отшельница изъ своего угла
На мнѣнія вліяла и дѣла.

Къ обычному стремились поклоненью
Къ ней Несторы правительственныхъ сферъ:

Вступая въ свѣтъ, къ ея благословенью
Являлися искатели карьеръ;
Къ ней шли, къ ея прислушаться сужденью,
Творцы реформъ по части новыхъ мѣръ,
И отъ княжны имѣть имъ одобренье
Бывало то жь, что выиграть сраженье...

Всѣ знали, что ея словцо одно
Имѣло вѣсъ и слушалось мнѣнье
Въ такихъ предѣлахъ, гдѣ не всѣмъ дано
Имѣть п смѣть сказать свое сужденье...
Конечно, умъ тутъ много значилъ... но
Одинъ ли умъ?.. у васъ ужъ и сомнѣнье?
О, жалкій вѣкъ! Какъ скоръ твой приговоръ!
Мерещится тебѣ лишь грязь, да соръ!

Нѣтъ-съ! ужъ Парижъ, знатокъ по этой части,
Выдавшій цвѣтъ сыновъ своихъ княжной
Отвергнутыхъ, со всѣмъ ихъ пыломъ страсти,
Клялся богамъ, небомъ и землей,
Что нѣжныхъ чувствъ она не знаетъ власти,
Что передъ ней, въ досадѣ плача злой,
Самъ Купидонъ, лукавый богъ и смѣлый,
Разбилъ колчанъ и пзломалъ всѣ стрѣлы!

Хоть хроника падений и побѣдъ
Для свѣта служить легкой лишь забавой,
И не педантъ онъ въ нравственности, свѣтъ, —
Но высоко и достодождной славой
Почтить онъ ту, въ которой пятенъ нѣтъ!
Всегда въ виду весталки величавой,
Какъ въ оно время развращенный Римъ,
Разступится съ почтеніемъ нѣмымъ!..

Княжна всю жизнь, какъ съ кованной броней,
Гдѣ каждая блеститъ на солнцѣ грань,
Сквозь этотъ міръ соблазновъ, предъ толпою
Чиста какъ день прошла... и отдалъ дань
Ей гордый свѣтъ, упрочивъ за княжною
До позднихъ дней названье chaste Diane...
Былъ этотъ титулъ ей всего дороже,
Она гордилась имъ... и вдругъ... о, Боже!..

Нѣтъ! не могу!.. Ея вступленья въ свѣтъ
Я не засталъ — но съ перваго мгновенья,
При первой встрѣчѣ, юноша-поэтъ
Былъ пораженъ!.. Серьезность выраженья
(Ее встрѣчалъ я не на балѣ, нѣтъ!
Въ прогулкахъ, по утрамъ, въ уединеньи),

Задумчивость, вдаль устремленный взоръ —
По небу ль грусть, землѣ ль нѣмой укоръ?..

О, дальнія дорожки Монплезира...
Или тѣнистый Царскосельскій садъ...
И вдругъ — видѣнье неземнаго міра...
Чуть слышно кони быстрые летять...
О, Пушкинъ! — думалъ я — твоя бы лира...
Ты лишь умѣлъ, твой вдохновенный взглядъ,
Вмигъ указать, гдѣ божество во храмѣ,
Вмигъ разгадать Мадонну въ свѣтской дамѣ!..

Признание позднее... Княжна была
Монимъ надолго тайнымъ идеаломъ...
Трагической кончиной умерла —
Трагедію жь смѣшали со скандаломъ!
Она всегда извѣстнаго числа
Давала балъ, и передъ самымъ баломъ
Упалъ кумирь, и что страшнѣй всего:
Съ нимъ рухнулъ образъ нравственный его...

Да, падаютъ имперіи — но слава
Переживаетъ. Упадаетъ храмъ,
Но богъ въ немъ жившій составляетъ право
На память и почетъ тѣмъ племенамъ,
Что съ именемъ его прошли какъ лава,

Какъ Божій бичъ по сушѣ и морямъ...
По человѣкъ, въ которомъ уважались
Достоинства, котораго боялся

Лишь потому, что онъ былъ совершенъ,
Со всѣхъ сторонъ великъ и безупреченъ —
И вдругъ внутри его лишь гниль и тлѣнь!..
Но нѣтъ! Я не сужу!.. Кто безпороченъ?
Въ паденіи, быть можетъ, сокровенъ
Глубокій смыслъ, и, можетъ быть, упроченъ
Имъ страшный долгъ... а мы съ своимъ умомъ
Въ чужой душѣ что смыслимъ? что прочтемъ?..

II.

На мѣстѣ я изъ первыхъ былъ. Успѣлъ
Едва лишь подхватить ее — куафѣръ,
Модистка и сложили на постелл.
На головѣ богатый былъ уборъ,
А между тѣмъ глаза ужь потускнѣли...
А тутъ, кругомъ блескъ лампъ, трюмо, приборъ
Помадь, духовъ и надо всѣмъ — незримый
Изъ вѣчности посолье неумолпимый.

Да, этотъ гость былъ всѣми ошутимъ...
Взглянулъ онъ всѣмъ въ глаза мертвящимъ взглядомъ,

Всѣмъ, въ ужасѣ стоявшимъ тутъ живымъ...
И дрогнули подъ праздничнымъ нарядомъ
У всѣхъ сердца... Эхъ! шутимъ мы, трунимъ
Надъ смертію, надъ судищемъ и адомъ, —
А покажись чуть-чуть она — ей, ей,
Раскланяться забудемъ даже съ ней!

Конечно все, какъ при внезапномъ громѣ,
Что было дворъ, что около двора,
Что приживало въ старомъ барскомъ домѣ,
Все — въ будуарѣ! явились доктора,
Но, главное, при этакомъ содомѣ,
Швейцаръ, безъ ногъ и виопыхахъ съ утра,
И не въ домѣкъ, чтобъ, при событіи этомъ,
Отказывать являвшимся каретамъ.

И бальною, разряженной толпой
Весь домъ наполнился. Толпа врывалась
И въ будуаръ. При вѣсти роковой
Цвѣты, брильянты, гасло все, казалось.
Но надъ померкшей этой пестротой
Одна фигура рѣзко отдѣлялась:
Недвижно, руки на груди сложивъ,
И — точно съ вызовомъ на бой — вперивъ

Въ покойную упорный взглядъ, стояла
Одна предъ ней дѣвица. Все кругомъ
Ее какъ будто въ страхѣ обѣгало.
Чужимъ для всѣхъ, казалось, существомъ
Она была и точно предвѣщала
Что роковое... Такъ передъ судомъ
Господнимъ ангелъ, можетъ быть, предстанетъ
Намъ возвѣстить, что — се грядетъ и грянетъ...

Сравненье это, впрочемъ, я схватилъ
Такъ, на лету... Передо мной ихъ много
Въ тотъ мигъ какъ будто вихорь проносилъ.
То вспоминалъ дельфійскаго я бога,
Когда стрѣлу въ Пнеона онъ пустилъ,
То Каина мнѣ чудилась тревога,
Когда онъ смерть увидѣлъ въ первый разъ,
Оставшись съ мертвымъ братомъ глазъ-на-глазъ...

Въ разрѣзъ со всѣмъ была дѣвица эта.
Одѣта — самый будничныи нарядъ —
Въ суконномъ черномъ платьѣ, безъ корсета,
И волосы откинута назадъ
А l'étudiant. Ни брошки, ни браслета.
Всѣмъ уловить ее хотѣлось взглядъ,

Хотѣлось угадать, что въ ней творится,
Что на челѣ высокомъ отразится?

По ничего — все тщетно! — не прочли!
Княжнѣ судьба какъ будто услужила,
Чтобъ угадать у мертвой не могли,
Какая мысль въ послѣдній мигъ застыла
У ней въ лицѣ, подь дымкой *poudre de riz*, —
Но та, живая, юная, таила,
Пожалуй, глубже чувства, и вездѣ
Держалъ ихъ умъ въ натянутой уздѣ...

А между тѣмъ хотѣлося такъ страстно
Ихъ допросить... Не смерть ужъ тутъ одна,
Тутъ шепотъ пробѣгалъ еще ужасный...
«Какъ? Эта самая... она... она —
«Воспитанница эта — вотъ прекрасно!
«Она ей — дочь?.. Возможно ли! княжна,
«*La chaste Diane?*.. И такъ все скрыто было?
И вотъ она-то, дочь, ее убила?..»

III.

И матери увозятъ дочерей
Скорѣ прочь. Во всѣ концы столицы
Летитъ толпа распугнутыхъ гостей;
Вѣстовщики помчались, вѣстовщицы,

Заволновался свѣтъ, и князь Андрей
 Уже къ восходу розовой денницы,
 Сообразя всѣ факты и слова,
 Доказывалъ, что все — какъ дважды два...

«Во-первыхъ — сходство. Чудными глазами,
 Извѣстно, отличался весь ихъ родъ.
 Глаза княжны воспѣты и стихами,
 И очень мѣтко: «въ нихъ гроза живетъ.
 «Когда въ душѣ все тихо — то надъ нами
 «Зарницами играетъ — все цвѣтеть,
 «Смѣется вкругъ; но мысль одна пль слово —
 «И молнія разрушить мѣръ готова!

«И счастье, что надъ этою грозой
 «Сильна такъ власть ума и сердца». — Это
 Едва ль не самъ Гюго своей рукой
 Вписалъ въ альбомъ княжны — два, три куплета.
 У дѣвочки точь-въ-точь: и взглядъ такой,
 Зрачки того жъ измѣнчиваго цвѣта,
 Рѣсницы только больше и острѣй,
 И та же складочка между бровей.

«Засимъ — характеръ. Помните сравненье —
 Вѣдь ваше — та была еще дитя —
 Другъ противъ друга стануть въ изумленѣ,

Ужь больше словъ какъ бы не находя —
Ну, такъ похожи какъ изображенье
Большого Я и маленькаго я!
Въ обѣихъ та жь непогрѣшимость, вѣра
Въ себя и то жь произношенье *эра...*

«Ну-съ, а когда бывало та поетъ, —
Вѣдь у княжны, мы помнимъ, на всю залу
Бывало сердце просто такъ ей бьетъ!
Ну-съ, а когда»... — «Да будетъ! Ну, пожалуй,
«Будь такъ, по-вашему!.. Мы послѣ счетъ
«Сведемъ грѣхамъ и всякому скандалу!..
«Теперь же вспомните — вѣдь кто угасъ?
«Кого не стало?.. Лучшей между васъ!..»

О, человекъ! о, слабое творенье!
За честь княжны я обнажаю мечъ,
А въ самого ужь крадется сомнѣнье,
И падаетъ на полусловъ рѣчь...
А если — да?.. Какое откровенье!..
Но какъ же узелъ Гордіевъ разсѣчь?..
Сравненье съ «Я» мое; безъ мысли всякой —
Княжна тогда вся вспыхнула однако!

Но пусть какъ знаютъ и рѣшать вопросъ!
Одно я помню: сколько счастья, свѣта

Съ собою въ домъ ребенокъ этотъ внесъ!
 Чтò красоты, гармоніи, привѣта
 Въ самой княжнѣ Богъ вѣсть отколь взялось!
 Ахъ, это былъ вѣнецъ ея расцвѣта!
 Всѣ думали тогда: «ну! влюблена!
 Да! наконецъ-то!»... Бѣдная княжна!..

Но маленькое «я» все подрастало
 И начало тѣснить большое «Я»,
 И выше все головку подымало.
 Тутъ нужень сталь ужь высшій судія,
 И миротворцемъ няня выступала —
 Старушка крѣпкая, хоть житія
 Подъ пятьдесятъ тогда сѣ вѣрно было:
 Она княжну вскормила и взрастила.

Она, внизу слышитъ только «бой»,
 Взойдетъ да покачаетъ головою,
 Да на княжну посмотреть — какъ водою
 Ее обдасть, и ласково рукою
 Потреплетъ дѣвочку: «ну, ты, герой,
 Поди-ка повинись передъ княжною», —
 И та на шею къ нянѣ, а потомъ
 Ужь и къ княжнѣ, и плачутъ всѣ втроемъ...

Но эти бури только лишь скрѣпляли
Союзъ сердець. Уютна и тиха
Текла ихъ жизнь, и въ ладъ сердца стучали
Какъ два съ богатой риемою стиха.
Одна росла; глаза другой читали
Въ ея душѣ, и не было грѣха
(Какіе же грѣхи!), ни мысли тайной,
Чтобы отъ нихъ укрылись хоть случайно!

И дивный миръ ихъ души наполнялъ,
И все вокругъ сіяло чистотою,
И къ нимъ входя порой я ощущалъ,
Что вотъ сейчасъ же, спугнутый лишь мною,
Отъ нихъ какъ будто ангелъ отлеталъ...
Княжна умѣла обладать собою,
И хотъ входилъ я къ нимъ съ доклада слугъ, —
Въ ней точно легкій пробѣгала испугъ...

IV.

Ахъ, эти дни! Ужь какъ они далеко!
Я молодъ былъ... я принять былъ княжной
Такъ, запросто... О, какъ стоитъ высоко
Она, всегда казалось, предо мной!
Нѣтъ, свѣтъ ее не зналъ, я былъ глубоко
Въ томъ убѣжденъ: плѣняясь красотой,

Героя видить только въ полѣ боя!
Нѣтъ, какъ онъ дома, посмотри героя!

И этотъ дѣдовскій, старинный домъ
Въ одинъ этажъ какимъ-то властелиномъ,
Съ задумчиво нахмуреннымъ челомъ,
Стоялъ съ своимъ высокимъ мезониномъ,
Съ колоннами... два льва передъ крыльцомъ...
Теперь, увы! запаснымъ магазиномъ
Иль складомъ служить, съ улицы же онъ
Другимъ большимъ совсѣмъ загороженъ...

Внутри же эти залы — точно храмы
Исторіи... Портреты вамъ твердятъ:
Бендеры, Куннерсдорфъ, гдѣ самъ упрямый
Великій Фридрихъ былъ разбитъ... весь рядъ,
Все служить историческою рамой
Жилымъ покоямъ, гдѣ «Армининъ Садъ»,
Какъ говорили, гдѣ ужъ шло движенье
Вокругъ самой, при новомъ освѣщенъѣ...

Но этотъ старый міръ въ пыли, въ тѣни,
Изъ сумрака вѣковъ какъ бы глядящій
Разумнымъ окомъ, въ шумѣ болтовни
И смѣха строгій видъ одинъ хранящій,

Лишь съ глазу-на-глазь намъ про наши дни,
Про насъ самихъ свой судъ произносящій —
Княжна ихъ понимала ль?.. Да!.. Но какъ?
По-своему... Одинъ тамъ былъ чудакъ,

Чудакъ совсѣмъ особеннаго рода,
Не дѣдъ, и не отецъ — послѣдній былъ
Лихой гусаръ Двѣнадцатаго Года
И декабристъ — въ Парижѣ больше жилъ;
Дѣдъ — вольтерьянецъ: вѣкъ такой ужъ, мода
Тогда была. Нѣтъ; тотъ, который слылъ
При жизни чудакомъ, — глубоко чтила
Его княжна, хоть часто говорила:

«Il me fait peur parfois, мой прадѣдъ — тотъ,
Что съ Фридрихомъ сражался. Онъ желѣзный
Былъ человѣкъ; фантастъ во всемъ, деспотъ;
Какъ на войнѣ ни пропасти, ни бездны
Ему ничто, и самъ всегда впередъ, —
Онъ для солдатъ былъ идолъ ихъ любезный —
Таковъ и въ мирѣ! ужасъ наводилъ
На цѣлый край! Чего ужъ не творилъ!

«Въ дому — гаремъ; дѣла по всѣмъ приказамъ, —
И вдругъ онъ всю губернію зоветъ

На пиръ. Всѣ ѣдутъ. Всѣ къ его проказамъ
 Привыкли. Ждутъ. И вотъ двѣнадцать бьетъ,
 И въ черной ризѣ входитъ попъ. Все разомъ
 Смолкаетъ, музыканты, пиръ. Встаетъ
 Съ сидѣнья князь и — въ ноги всѣмъ, прощенья
 Прося за всѣ грѣхи и преступленья,

«Гостямъ, женѣ и людямъ, въ ноги всѣмъ.
 Приносятъ гробъ — ложится. Попъ читаетъ
 Надъ нимъ отходную, и онъ затѣмъ
 Какъ бы совсѣмъ изъ міра исчезаетъ...
 Дверь на запоръ — и двадцать лѣтъ ни съ кѣмъ
 Не говоритъ, не видится. Вкушаетъ
 Лишь хлѣбъ съ водой. Когда же умеръ, тутъ
 На немъ нашли вериги слишкомъ въ пудъ.

«En v'la un homme!..» Да, въ человѣкѣ этомъ
 Та крѣпкая сказала старина,
 Чтò вынесла Россію... Предъ портретомъ
 Подолгу такъ стоитъ порой княжна...
 На немъ онъ былъ изображенъ атлетомъ,
 Генераль-аншефъ. Живопись темна,
 И лишь глаза, ихъ взглядъ невозмутимый,
 Ихъ каждый чувствовалъ, кто шелъ лишь мимо.

«Смирился, нянька говорит о немъ,
И спасся... и въ ея понятяхъ это
Возможно и теперь... прійти — во всемъ
Покаяться — и умереть для свѣта!
Въ Ерусалимъ уйти, одной, пѣшкомъ...
Какъ просто все у нихъ! Все кѣмъ-то, гдѣ-то,
Уставлено...» сказала разъ она...
Я думалъ: ей, хандрите вы, княжна!

А въ Крымъ поѣздка?.. Жажда ль искупленья
Во дни войны туда ее вела?
Тамъ весь дворецъ она въ своемъ имѣньѣ
На берегахъ Салгира отдала
Подъ госпиталь... что ангелъ воскресенья
Для страждущихъ у ихъ одра была...
Охъ, узнаю! подъ бранной лишь грозою
Становишься ты, Русь, сама собою!..

Геройскій духъ, что тамъ осуществилъ
Великую въ народахъ эпопею,
На всѣхъ свой отблескъ славный положилъ,
Всѣхъ озарилъ поэзіей своею...
Генераль-аншефъ — что жъ, доволенъ былъ?
Доволенъ былъ и очень, думать смѣю!

Когда княжна, изъ Крыма воротясь,
О тамошнихъ дѣлахъ вела разсказъ,

О томъ, какъ подь огнемъ, на бастіонахъ,
Шутя со смертью, смѣхъ не умолкалъ;
Какъ наконецъ, въ виду враговъ смущенныхъ
Нашъ старый вождь имъ городъ оставлялъ.
«Въ развалинахъ твердынь окровавленныхъ», —
Суровый аншефъ точно повторялъ:
«Парижскій миръ — не велика проруха!
За нами главное: побѣда духа!..»

Съ загаромъ на лицѣ, душа полна
Невѣдомыхъ дотолѣ впечатлѣній,
Какъ хороша тогда была княжна!
Что въ этотъ міръ ничтожныхъ тревоженій
Въ салонный свѣтъ свой принесла она
И новыхъ чувствъ, и новыхъ откровеній,
Душой святому подвигу ужъ разъ
Со всѣмъ народомъ купно причастясь!..

V.

А если—дочь?.. такъ вотъ она, изнанка
И тайный смыслъ тревогамъ и слезамъ!

Такъ вотъ она какая «Итальянка!»
Въ Италіи подобрана, вишь, тамъ!
Вотъ для кого нужна и Англичанка,
Француженка и Нѣмка—языкамъ,
Предметамъ обучать, а тамъ, съ годами,
Учителя—и что съ учителями!..

«Вотъ за дѣтей кто Богу дастъ отвѣтъ!»
Княжна, бывало: «ужь не то что Жени,
Большому оглупѣты!.. j'en perds la tête!
Тотъ буквы ѣ и э, а тотъ спряженій
Не признаеть!.. Поэзія—ужь нѣтъ!
Одинъ, такъ вмѣсто всякихъ упражненій
Въ грамматикѣ, сталъ дѣвочку учить—
Да нѣтъ! о томъ *ми* стыдно говорить!

«Взяла другого. Чѣмъ же началось?
Читать стихи далъ Пушкина «Поэтъ»,
И сдѣлалъ двѣсти тридцать два вопроса.
Чтобъ дѣвочка на всѣ дала отвѣтъ.
На этомъ—годъ ученье уперлося!
Да всѣ поэты опротивяты!.. Нѣтъ,
Они—о, прелесть!—сдѣлали открытье,
Что нужны намъ не знанья, а—развитье!»

Развитье, впрочемъ, удалось,—хотя
Въ ущербъ грамматики, и Музъ, и Грацій.
Но что-то въ насъ проснулося, свѣта
Огнемъ въ глазахъ; мы все, безъ эшелецій,
Рѣшили въ мигъ; всѣ силы посвятя
Развитью смертныхъ безъ различья націй,
Мы стали «женщиной» въ осьмнадцать лѣтъ,
Въ которой все новѣ отъ *A* до *Z*.

Въ то время всѣ, Севастопольскимъ громомъ
Отъ гордой дремоты пробуждены,
Мы кинулись ломать киркой и ломомъ
Все старое, за всѣ его вины;
Вдругъ очутились въ мѣрѣ незнакомомъ,
Гдѣ снились всѣмъ блистательные сны,
Свобода, правда, честность, просвѣщенье
И даже—злыхъ сердець перерожденье...

И у княжны сіялъ тогда салонъ;
Сужденья были пламенны и смѣлы,—
Но умѣрялъ ихъ вкусъ, хорошій тонъ,
И знала мысль разумные предѣлы.
Потомъ все въ стройный облеклось законъ,
И жизнь пошла и началось дѣло,

Корабль былъ спущенъ—лозунгъ кормчимъ данъ—
И мы вошли въ безбрежный Океанъ...

Все Женья слушала—и не бѣда бы..
Но тутъ къ княжнѣ племянничекъ ходилъ,
Блондинъ и золотушный мальчикъ, слабый
И въ золотыхъ очкахъ. Онъ подружилъ
Своихъ «сестричекъ» съ Женей: «то-то бабы,
Да-съ, Новая Россія!»—онъ твердилъ:
«Не нѣженки, не шваль, не сибаритки!
Все вынесутъ, и казематъ, и пытки!»

Смѣшные были: садутъ всѣ кружкомъ
Какъ заговорщики; такъ смотреть строго
Изъ-подъ бровей и шепчутся тайкомъ.
На все отвѣтъ короткій, словъ не много,
Отрубать разъ, и ужъ стоять на томъ.
Княжна терялась: рѣзкость мысли, слога,
«Ужасный тонъ» и эта брань на свѣтъ,
Что это мiръ фразерства, лжи, клеветъ...

«Откуда это? чтò это такое?
Послушать ихъ, такъ всѣ мы только лжемъ,
Живемъ, чтобы жуировать въ покоѣ
И праздности! свой «комфортъ» создаемъ

На крови и костяхъ! а остальное—
Народъ, le peuple, держимъ подъ ярмомъ
Въ невѣжествѣ, чтобъ намъ покорны были,—
Народъ, который мы жь освободили!..

«А о себѣ что думаютъ! какой
При этомъ фанатизмъ! Въ огонь и воду
Сейчасъ готовы! *жертвуютъ* собой!
Увѣрены, что бѣдному народу
Въ нихъ лишь спасенье! Вѣкъ, вишь, золотой
Откроютъ, братство, равенство, свободу!
Ну—пусть племянникъ—онъ ужь изъ пажей
Быль исключень,—но Женья? съ ней что, съ ней?»

Княжна терялась, и что день, то видитъ,
Все хуже. Началось молчанье. Споръ
Лишь вспышками, бывало, только выйдетъ.
И помню разъ: «Всѣ эти толки вздоръ!
Княжна сказала съ жаромъ: «ненавидитъ
Она меня—вотъ въ чемъ весь разговоръ!»
И разрыдалась. Мнѣ досадно стало:
Вѣдь малодушье только оказала!

VI.

Пропало все веселіе у насъ!
Весь домъ затихъ, и пѣнье замолчало
И музыка какъ бы оборвалась;
Какъ будто два хозяина въ немъ стало
И на-двое душа разодралась,
Что въ немъ жила и жизнь всему давала,
И стало двѣ, и каждая съ враждой
Слѣдить упорно всюду за другой...

«Хоть кто-нибудь прійдите, ради Бога,
Да помогите!..» Слава въ дни тѣ шла
Про одного въ столицѣ педагога—
Княжна тотчасъ его и позвала,
Про умъ его наслышавшись много,
А главное, что велъ свои дѣла
Онъ безъ педантства, дѣйствуя съ успѣхомъ
На молодежь ироніей и смѣхомъ.

Ужь былъ въ чинахъ и въ гору вдругъ пошелъ,
Благодаря проекту пересадки
Какихъ-то къ намъ изъ-за границы школъ.

VII.

А занимала Женичка меня!..
Быль у княжны обѣдъ—кой-кто изъ свѣта
И, между знаменитостями дня,
Ея друзья, извѣстныхъ два поэта.
Одинъ—онъ чудная душа! огня,
Любви исполненъ, жаждалъ мира, свѣта,
Могъ все имѣть, но презрѣлъ блескъ и шумъ,
И предпочелъ свободу чистыхъ думъ...

Онъ горячо душой скорбѣлъ за долю,
Что Русскому народу суждена.
Разбросанъ по лѣсамъ, прикованъ къ полю,
Онъ искони и самъ, и вся страна
Обречены на вѣчную неволю..
Сперва—Орда!.. едва низложена,
Встаетъ Москва—съ ней батоги и плаха,
И какъ Молохъ царить лишь силой страха...

« Чѣмъ можемъ мы гордиться? гдѣ тутъ честь?
Гдѣ рыцарство? Крестовые походы?
Гдѣ революціи святая месть?

Гдѣ истины исканье и свободы,
Что́ человѣчеству могла принести
Россія въ даръ, чтобы ея народы
Благословить могли? Что́ создала?
Угрозой лишь для нихъ всегда была.

«А жаль! Народъ съ душой какъ мѣръ широкой,
Съ поэзіей, со страстью и умомъ!..»
Всѣ поняли порывъ души высокой,
И князь Андрей воскликнулъ съ торжествомъ:
«Я говорю, поплатимся жестоко
За гордость мы, и бѣды наживемъ:
Дождутся эти наши самоучки,
Что насъ возьмутъ, да въ Азію подъ ручки!»

Тутъ вышелъ споръ... Не чудно ли, ей-ей!
Россія! ты—съ заоблачной главою
Разлегшійся между пяти морей
Чудесный сфинксъ,—а мы передъ тобою,
Предъ вѣчною загадкою твоей,
Кружимъ, жужжимъ, подобно мошекъ рою,
И споримъ,—ты же, въ думу углубясь,
Глядишь куда-то... только не на насъ...

Другой поэтъ—онъ, голову понура,
Сидѣлъ и слушалъ, но въ душѣ его

Ужь видимо накапливалась буря...
 О, полное видѣній существо!
 Я какъ теперь гляжу: глаза зажмура,
 Какъ бы помимо зримаго всего,
 Ты въ глубь вѣковъ уносишься душою,
 И говоришь какъ будто самъ съ собою:

«Да, бѣдная Россія!.. Лѣсъ и боръ,
 А съ юга—степь! Не обзрѣть равнину!
 И въ людяхъ: *родъ возста на родъ*, раздоръ,
Живящу бо по образу зѣтрину...
 И вотъ туда идетъ съ Аеоискихъ горъ
 Смиренный инокъ, что *во челюсть лъвицу*,
 И дикарямъ являетъ идеаль,
 Что на крестѣ Распятый міру даль...

«Идетъ одинъ—въ лѣса, въ мѣста глухія—
 До Соловковъ—и край преображень!..
 Нахлынули народы кочевые,
 Встааетъ Исламъ и Папа, съ трехъ сторонъ
 Крушится все, крушится Византія,
 Но ужъ въ Москвѣ оплотъ сооружень,
 И пробилъ часъ изъ мрака ей изыти
 Какъ третій Римъ, четвертому жъ не быти...

«И сталь отсель ея народовъ духъ
Единъ хранитель истины Христовой...
Что жь? Продолжать?..» Смотри съ улыбкой вкругъ
Спросилъ поэтъ:—«Одно лишь, впрочемъ, слово!
Мы—высшій свѣтъ—мы спрашиваемъ вдругъ,
Что создала Россія, и намъ нѣво,
Въ чаду чужихъ идей забывъ свое,
Припомнить то, что создало ее!..

«Тамъ—силою мѣръ былъ сплоченъ феодальный
И пестрый сбродъ племень въ одинъ народъ;
Здѣсь весь народъ, дотоль какъ бы опальный
Великое призванье сознаеть,
И ради той идеи колоссальной
Онъ весь—отъ смерда до царя—идеть
И государству въ крѣпость отдается,
И терпитъ все, лишь вѣра да спасется!

«И вотъ предсталь онъ въ образѣ Петра
Предъ міромъ вдругъ какъ грозный триумфаторъ...
Содрогся мѣръ: ужь не пришла ль пора,
И ужь идетъ Восточный императоръ?..
Но тутъ и блескъ Версальскаго двора,
И Запада профессоръ и ораторъ

Плѣнили насъ, повѣрили мы имъ,—
Да на раздумьи грустномъ и стоимъ!..»

Поэтъ умолкъ. Въ его горячемъ словѣ
Послышалась такая глубина,
Что смолкли всѣ... «Е pur si muove»,
Послышалось—«и все идетъ она,
Все та жь *святая* Русь, своей основѣ,
Сама того не вѣдал, вѣрна!
И все ей въ прокъ! Чтò нынче такъ оставить,
То завтра взять само себя заставить»...

То высказалъ какой-то старичокъ,
Когда-то бывший консулъ на Востокѣ.
Онъ продолжалъ: «Востокъ—намъ свѣтъ, Востокъ!
Въ Россіи—всѣ несемъ мы въ потокѣ;
Намъ не видать, куда летитъ потокъ,
Чтò Океанъ могучій и широкій!
Нѣтъ! встань на Гималай, смотри съ Балканъ,
Лишь тамъ поймешь ты этотъ Океанъ!..»

Его слова затронули поэта,
Онъ подхватилъ: «И только бь раздалось
Съ высотъ Кремля и до высотъ Тайгета
Одно словцо,—и разрѣшенъ хаосъ!

Словцо—Восточный Императоръ»... Это
Я потому привелъ, что весь вопросъ
Тогда же предложилъ на обсужденье
Дѣвицъ, и Женя высказала мнѣнье:

«Нашъ вѣкъ—слова чеканила она—
Вѣкъ личности. И разумъ и свобода—
Его девизъ. Былая жизнь должна
Окончиться для всякаго народа;
И будетъ жизнь людей вездѣ одна,
Безъ государствъ и безъ различья рода
И племени».—«Коммуна, такъ-сказать?»
«Какъ вамъ угодно можете назвать,

«А ужь такъ будетъ».—«Это ваша вѣра?»
Спросилъ я.—«Математика», отвѣтъ.
«Я не люблю ханжи и лицемѣра,
Но искренни тотъ и другой поэтъ,—
Да старики!.. Для нихъ свята химера
Ихъ государства!.. Тысячи вѣдъ лѣтъ
Уходятъ на него умы, таланты...
А про святыхъ онъ—ну, ужь, обскуранты!»

VIII.

Потомъ я видѣлъ Женю только разъ.
Кой-кто собрался. Свѣтская, живая

Шла болтовня, и Женья, наклонясь
Въ углу между своихъ надъ чашкой чая,
Ну—отпускать «словца» на всѣхъ на насъ
И вслухъ. «Какая же вы нынче злая»,
Сказалъ я ей, смѣясь, какъ всѣ ушли.
Она жъ запальчиво: «жгу корабли!»

Тотъ вечеръ былъ рѣшительный. Пропала
Она изъ виду съ этихъ поръ. Княжна
Старалась скрыть отъ свѣта все, сначала.
Все вышло такъ: оставшиися одна,
Ужь проводивъ гостей, она послала
Позвать къ ней Женю. Въ этотъ разъ она
Явилася тотчасъ же предъ княжною,
Но—Боже!—какъ?.. Съ обрѣзанной косою!..

Княжна лишь ахнула. И вдругъ, въ сердцахъ:
«Вонъ, стриженная, вонъ!» Не дрогнувъ бровью,
Та повернулась и пошла. Въ слезахъ
Легла княжна въ постель. На утро—кровью
Въ ней сердце облилось: нѣтъ Жени! страхъ,
Двоякій страхъ: и поприще злословью,
Да и жива ль?.. И какъ она могла?
И отчего, зачѣмъ, куда ушла?..

Куда ушла!.. Въ невѣдомое море!
Какъ утлый челнъ, оторванный волной!
Что жь манить такъ тебя въ его просторѣ?
Какую пристань видишь предъ собой,
Безумная!.. Нѣтъ пристани! лишь горе
Да вѣчное скитанье предъ тобой!
И часъ прійдетъ—очнешься ты надъ бездной
Разбитая, одна, во тьмѣ беззвѣздной...

Я говорилъ, но ужь трещалъ канать,
Ужь вѣтеръ дулъ; она лишь улыбалась!
Гремѣлъ громовъ далекихъ перекалъ,
Въ ея глазахъ лишь пламя разгоралось,
И на меня поднявъ съ насмѣшкой взглядъ,
Она хотѣла высказать, казалось:
«Ты слышишь ли что сердце мнѣ поетъ?
Звучнѣе ль пѣснь мнѣ разумъ твой найдетъ?..»

О, если бы да нашъ не зачерствѣлый
Въ сомнѣньяхъ умъ иную тему далъ,
И сами бь мы увѣренно и смѣло
Держали путь на свѣтлый идеалъ,—
Иную пѣснь тогда бь ей сердце пѣло,
Иной бы вѣтеръ челнъ ея помчалъ!..

Но развѣ въ насъ душа такъ обнищала,
Что у самихъ у насъ нѣтъ идеала?

И, цвѣтъ народа, мы бредемъ въ потьмахъ,
И мечемся въ кругу какъ эфемеры,
Безъ вѣрной цѣли, безъ любви въ сердцахъ,
Безъ корня, безъ плода?.. Для насъ—химеры
Добро и зло? и для всего въ рукахъ
У cadaго свои вѣсы и мѣры?
Нѣтъ идеала, нѣтъ того у насъ,
Что живо такъ въ инстинктѣ темныхъ массъ?

Нѣтъ, много ихъ, но служатъ лишь отзвонъ
Всѣ на чужой! Побрежный людъ, должны
Бороться мы безъ устали съ приливомъ
Къ намъ издали катящейся волны...
Взлетитъ къ намъ всплескъ неистовымъ порывомъ
Богъ знаетъ гдѣ взмущенной глубины,
Зальетъ поверхность, и, до новой смѣны,
Уйдетъ, оставя гнить здѣсь клубы пѣны..

IX.

Отъ Жени, впрочемъ, на столѣ у ней
Пашлась записка: «Рано или поздно

Мы разойтись должны, и чѣмъ скорѣй,
 Тѣмъ лучше. Вмѣстѣ жить, глядѣть же розно—
 И тяжело и подло. Изъ дѣтей
 Я вышла. Въ жизнь давно смотрю серьезно.
 Иду. Вамъ не понять, чего ищу.
 Ищу я *правды*; правды лишь хочу».
 И все.

X.

О, какъ съ тѣхъ поръ всѣ измѣнились лица!
 И какъ неправъ къ княжнѣ я былъ! Она,
 Видалъ я, то какъ бѣшеная львица
 По комнатѣ металась: «Я сильна,
 Скажу лишь слово, и она, срамница,
 Ужь будетъ здѣсь!.. Я ѣзжу къ ней, княжна!
 Прошу, молю... и что жь я ей? Забава?
 Наладила одно:—У васъ нѣтъ права!»

Не то, такъ слезы, малодушный стонъ.
 Лицо въ подушку, и рыдаетъ страшно...
 Я изумленъ бывалъ и возмущенъ.
 Я думалъ: вотъ онъ, деспотъ самовластный!
 Привыкла жить и не встрѣчать препонъ,
 И вдругъ теперь отъ сироты несчастной

Нашла отпоръ!.. Конечно, права яѣтъ!
Не дочь тебѣ и вышла ужь изъ лѣтъ...

Но... если бѣ знать, что въ этихъ мукахъ лютыхъ
Больное сердце матери скорбитъ;
Что это—львица въ собственныхъ же путахъ
Взлестнута, бессильная, лежитъ;
Что въ этихъ горькихъ дняхъ, часахъ, минутахъ
Всей жизни ложь несчастную казнить...
О, какъ теперь все кажется иначе!
Любви что было въ гнѣвѣ томъ и плачѣ!..

Любви!.. И вотъ чего ей не понять:
«Такъ измѣниться вдругъ!.. И отчего же?
Ребенкомъ безъ меня не шла и спать,—
Откуда жь ненависть? за что? за что же?»
Да, да, княжна! теперь могу сказать:
Въ госпиталѣ вамъ легче было (Боже!),
Гдѣ вольный крестъ на рамена взложивъ,
Вы въ воздухѣ вдыхали кровь и тифъ!..

Такъ слишкомъ годъ прошелъ. О бѣгствѣ Жени
Узнали всѣ, жалѣли о княжнѣ.
Сама она отъ первыхъ потрясеній
Ужъ успокоилась, и даже мнѣ

О ней ни слова. Впрочемъ, на домъ тѣни
Какъ будто пали. Въ мертвой тишинѣ
Княжна какъ будто погреблась. Часами
Сидитъ, охватить голову руками,

Не слышитъ ничего, не говорить...
Или въ огромномъ залѣ ходить, ходить...
Поѣдетъ вдругъ въ соборъ и тамъ стоитъ,
Спустивъ вуаль; съ Пречистой глазъ не сводить,
И руки жметъ, душа вся къ Ней летитъ,
И шепчетъ Ей, и точно не находитъ
Словъ, наконецъ, на помость упадетъ...
А вокругъ — кадилъ бряцанье... хоръ поетъ...

Такъ подошелъ и балъ. И какъ все было,
Мнѣ куафѣрь рассказывалъ потомъ.
Княжна казалась въ духѣ, и шутила,
Прической любовалась и вѣнкомъ...
Вдругъ входитъ та, да разомъ и хватила:
«Позвольте документы о моемъ
Рожденнѣи. Замужъ выхожу. Желаютъ
Читать попы. Иначе не вѣнчаютъ».

Княжна глядитъ недвижна и нѣма.
Та жъ, глазъ не опуская, безъ смущенья:

«А не дадите, такъ пойду сама
И расскажу все въ Третьемъ Отдѣленъ.
Я знаю, чья я дочь». — «Да ты съ ума
Сошла! чья дочь!» — «Да ваша». Въ то жь мгновенье
Глядимъ, княжна шатнулась: «Эдуаръ»,
Кричать — «воды!» — И кончилась. Ударъ.

Тутъ шумъ и гвалтъ. Никакъ уже скандала
Не избѣжать. Прихлынули толпой.
Очнулась няня первая и стала
Всѣхъ просто гнать. Тотчасъ, сама собой,
Ставъ выше всѣхъ, она уже вступала
Въ безспорныя права надъ трупомъ той,
Что ей младенцемъ, съ Божья изволенья,
Была дана въ любовь и береженье.

Осталась только Женья какъ была,
Да я промѣшкалъ нѣсколько мгновений.
Крестясь, старуха къ трупу подошла.
«Чего жь стоишь, простись!» сказала Жени.
Та только тутъ какъ будто поняла.
Въ лицѣ невольныхъ нѣсколько движеній,
И вдругъ — что вижу? — Женья — Боже мой!..
Та, гордая, статуей роковой

Стоявшая, какъ будто ледяная,
Обрушилась внезапно надъ княжной,
И страстно трупъ холодный обнимая,
Къ княжнѣ на грудь прижалась головой
И плакала... и плакать не мѣшая,
Взглядъ на нее кидая лишь косою,
Кругомъ старушка стала прибираться...
Мнѣ долѣе не шло ужъ оставаться...

XI.

О, тутъ романъ и интересъ огромный,
Я чувствовалъ... Но нить ужъ порвана!
Одинъ источникъ, но источникъ темный,
Старушка няня, и притомъ она
Къ княжнѣ пристрастна, вѣрный, не наемный,
Старинный человекъ, и хоть умна,
Но гдѣ жъ понять ей высшихъ сферъ волненье,
И тонкость чувствъ, и даже словъ значенье!..

Весь вѣкъ съ княжной, и странствовала съ ней
И на воды и по столицамъ міра,
Видала жизнь народовъ и людей
До береговъ почти Гвадалквивира,

Фортуны прихоти, игру страстей,
Всего видала на вѣку, но мира
Души ея ничто не потрясло,
И, какъ миражъ, все мимо лишь прошло...

Ничто ее не подчинило игу
Ни чуждыхъ формъ, ни вѣяній чужихъ;
Неся свой крестъ какъ вольную веригу,
Она жила все въ мірѣ душъ простыхъ,
Гдѣ набожно одну читаютъ книгу,
Одной лишь вѣрятъ: Житія Святыхъ,
Какъ встарь еще, въ блаженные тѣ вѣки,
О внутреннемъ радѣя человекѣ...

Но какъ же быть! Всѣ бросились къ ней
Какъ на медовый цвѣтъ пшмели и осы.
«И каково жь! представьте (князь Андрей
Разсказывалъ потомъ): на всѣ разспросы
Насупилась, молчитъ! глядитъ темнѣй
Чѣмъ изъ-подъ тучъ Каламовы утесы!
Ужь я просилъ, все ставилъ ей на видъ,
И соблазнялъ, и уличалъ, — молчитъ!..»

Я спрашивать не думалъ ужь ни мало,
И вообще жалѣлъ лишь о княжнѣ.

«Вотъ подивись, она мнѣ рассказала:
 Вхожу къ ней утромъ. Вижу — вся въ огнѣ,
 И говорить — какъ разъ канунъ былъ бала —
 Я видѣла прадѣдушку во снѣ:
 Чтò жь? говорю. — Да приходилъ за мною.
 Ну, полно, я опять, Господь съ тобою!

«Перекрестила, ну, молъ, ничего!
 Анъ—вотъ и сонъ!» Межъ тѣмъ ужъ въ ходъ пустили
 И телеграфъ, и почту; до всего
 Дошли и все какъ должно разъяснили,
 И князь Андрей скакалъ (о, торжество!)
 Рассказывать, какія вѣсти были
 Получены имъ первымъ: въ мигъ одинъ
 Онъ просіялъ и выросъ на аршинъ!

Я, кажется, безъ очерка оставилъ
 Вамъ князь-Андрея? Впрочемъ, про него
 Чтò жь и сказать? Себя онъ не прославилъ
 Ничѣмъ, хотя честили всѣ его;
 Ни чертъ лица особенныхъ, ни правилъ...
 Милѣйшее былъ, Впрочемъ, существо!
 Княжна его хотъ въ шутку называла
 Le Prince Tout le Monde, но очень уважала.

«Cette pauvre princesse!» онъ говорилъ: «какъ разъ
 Tout est connu! Теперь все очень ясно!
 Экстазъ, религиозный былъ экстазъ —
 И — оскорбленье! Переходъ ужасный!
 Душа искала пищи, а у насъ
 Гдѣ эта пища — да съ такою страстной
 Притомъ натурой?.. Ну-съ, въ Парижѣ былъ
 Тому лѣтъ двадцать проповѣдникъ. Слылъ

«Онъ за святого. Дѣлалъ обращенья
 Во множествѣ. Un saint François собой,
 Аскетъ, трапистъ. Княжнѣ какъ откровенье
 Онъ свыше былъ. Всей бросилась душой
 Въ католицизмъ. Ужь всѣ приготовленья
 Окончены, и вдругъ какъ громовой
 Ударъ — уфхала!.. И вотъ теперь — разгадка!
 Faut convenir, что сдѣлано все гладко!»

И радъ былъ, радъ и счастливъ князь Андрей.
 Свѣтъ былъ не то что радъ, но злоязычю
 Дать пищу радъ; радъ каждый былъ пигмей
 Подставить ножку падшему величю
 (Самоусллада маленькихъ людей), —
 Но въѣшнему не измѣнилъ приличю,

Въ глубокомъ траурѣ и въ орденахъ
На пышныхъ весь онъ былъ похоронахъ...

Шли рѣчи въ группахъ... образъ величавый
Еще въ сердцахъ у всѣхъ былъ какъ живой.
И кто ее замѣнитъ: столько здоровой
Въ ней было мысли, этотъ взглядъ прямой,
Возвышенный характеръ, вкусы, нравы...
Вопросъ же насчетъ Жени судъ людской
Такъ порѣшилъ: «да! анекдотъ скабрѣзной,
Но ей вольно же брать все такъ серьезно!..»

«Что анекдотъ, ну лопнула струна,
Не въ этомъ дѣло! — слышалось сужденье —
Тутъ — историческій моментъ! Княжна —
Полнѣйшее его лишь выраженье.
Въ исторіи нѣтъ личностей. Одна
Идея смыслъ даетъ имъ и значенье» —
Сказалъ одинъ адъюнктъ — конечно, вздоръ,
Но подхвативши этотъ приговоръ,

Москвичъ извѣстный — борода большая —
Припомнилъ вотъ что: кто-то разъ весной,
Княжну въ чужіе края провожая,
Сказалъ ей вслѣдъ: «поѣхала домой!..»

О Жени тоже, что она «такая
Какъ и княжна, но только вѣкъ иной
Въ нихъ въ каждой книжка говоритъ чужая,
Въ княжнѣ одна, а въ дѣвочкѣ другая».

О Жени, кстати, отзывъ привелось
Иной мнѣ слышать. Встрѣтились «сестрички»,
И въ голосъ прокричали на вопросъ:
Что Женья? — «Сволочь! барскія привычки!
Разнюнилась, какъ дѣйствовать пришлось!»
И вдаль помчались, стайкою какъ птички,
Какъ будто несъ ихъ вихорь-богатырь,
Что по Руси гуляетъ вдоль и вширь...

XII.

Итакъ — княжна... Но — миръ во гробѣ спящимъ!
И грѣхъ живымъ, идущимъ къ ихъ гробамъ
Съ своимъ судомъ, лишь въ злобѣ дня судящимъ
И въ похвальбѣ своимъ дѣламъ и днямъ!
И мы, чредой, и съ нашимъ настоящимъ
Предстанемъ всѣ къ такимъ же судіямъ...
А кто безгрѣшенъ? Всѣ мы — человекѣки!
Миръ праху твоему, княжна, во вѣки!

Два слова, впрочемъ. Пяня сорокъ дѣнь
Служила панихиды, все какъ надо.
По случаю какихъ-то похоронъ
Я съ нею встрѣтился. Казалось, рада,
Что видитъ, ласковый, спокойный тонъ.
Рѣчь о княжнѣ, конечно, — вотъ — отрада
Была ей Женя, да и та... «Да, да,
Вдохнувь она сказала — молода,

«Еще глупа; ни что къ добру, что къ худу —
Понятя нѣтъ!.. Вонъ — замужь-то идетъ:
Я только такъ, молю, съ нимъ и жить не буду!..
Всѣ на нее теперь что вотъ, молю, вотъ!..
Дивятся дѣтской дури, словно чуду!
Эхъ, другъ! *и небо, и земля пройдетъ,*
А дурь-то нешто вѣчная? Минуетъ!
Духъ у нея большой. Вотъ и бушуетъ...

«Княжна, бывало, по ночамъ не спить,
За что, молю, на меня-то держать злобу!
А, чай, теперь въ нуждѣ какой сидить!
Снеси-ка, денегъ дасть мнѣ, да попробуй,
Пообразумь. Прийду: нѣтъ, говорить,
И не моги! Нога моя до гробу

Не будетъ къ вамъ. А денегъ — хоть умру,
А не возьму. — Ну въ эдакомъ жару,

«Гляжу, что дѣлать? Время только трачу!
А бѣдность-то кругомъ: диванчикъ, столъ
Да стулъ — и все!.. Вѣдь забрала жь задачу?
Гостей встрѣчала у нея. Пришелъ
Разъ цѣлый сонмъ. Гадять! А я-то плачу;
Въ уголушкѣ сажу. Да съ кѣмъ те свель
Непугный, говорю. Она жь: — Да, путныхъ мало!
Сама, поди жь ты, это понимала...»

«А что теперь она?» — «Да какъ сказать!
Никто какъ Богъ! Захочетъ, сердце тронетъ.
Что гордость-то людская? Благодать,
Земныхъ владыкъ, и тѣхъ главу приклонить!..»
Тутъ, признаюсь не съ тѣмъ, чтобы болтать
Ее заставить, я сказалъ: «прогнать
Всю эту дурь, какъ разглядить, она —
Какъ прогнала жь вѣдь патера княжна...»

Старушка на меня взглянула косо,
И поднялася съ мѣста, отъ меня
Боясь прямого можетъ быть вопроса,
Но обернулась... Изумился я:

Я чувствовалъ, что скорби поднялся
 Въ ея душѣ! И, голову склоня,
 «Коли судить, сказала мнѣ, берешься, —
 Слыхалъ ли ты: не падни, не спасешься?...

«Затѣмъ — прости!» И тихими шагами
 Вдаль побрела. Смотрѣлъ я долго вслѣдъ.
 Тутъ свѣжій холмъ, усыпанный цвѣтами,
 Ея любовь и гордость столбыхъ лѣтъ,
 Та, что прошла побѣдными стопами
 Свой въ мирѣ путь, вокругъ разливая свѣтъ,
 Дѣля со всеми блескъ, всё жизни розы, —
 Съ одной лишь съ ней, — страданія и слезы.

Но отчего жъ?.. И кто ей указалъ?..
 Та, для кого великія стремленья
 И всякій высшій вѣка идеаль
 Доступенъ былъ и близокъ, — утѣшенъе
 Нашла лишь тамъ, куда не проникалъ
 Ни блескъ, ни шумъ всемірнаго движенъя,
 Гдѣ теплится лампада да однѣ
 Лишь шепчутся молитвы въ тишинѣ...

Пылинка влаги, въ небеса взлетая,
 Тамъ золотомъ горитъ и серебромъ,

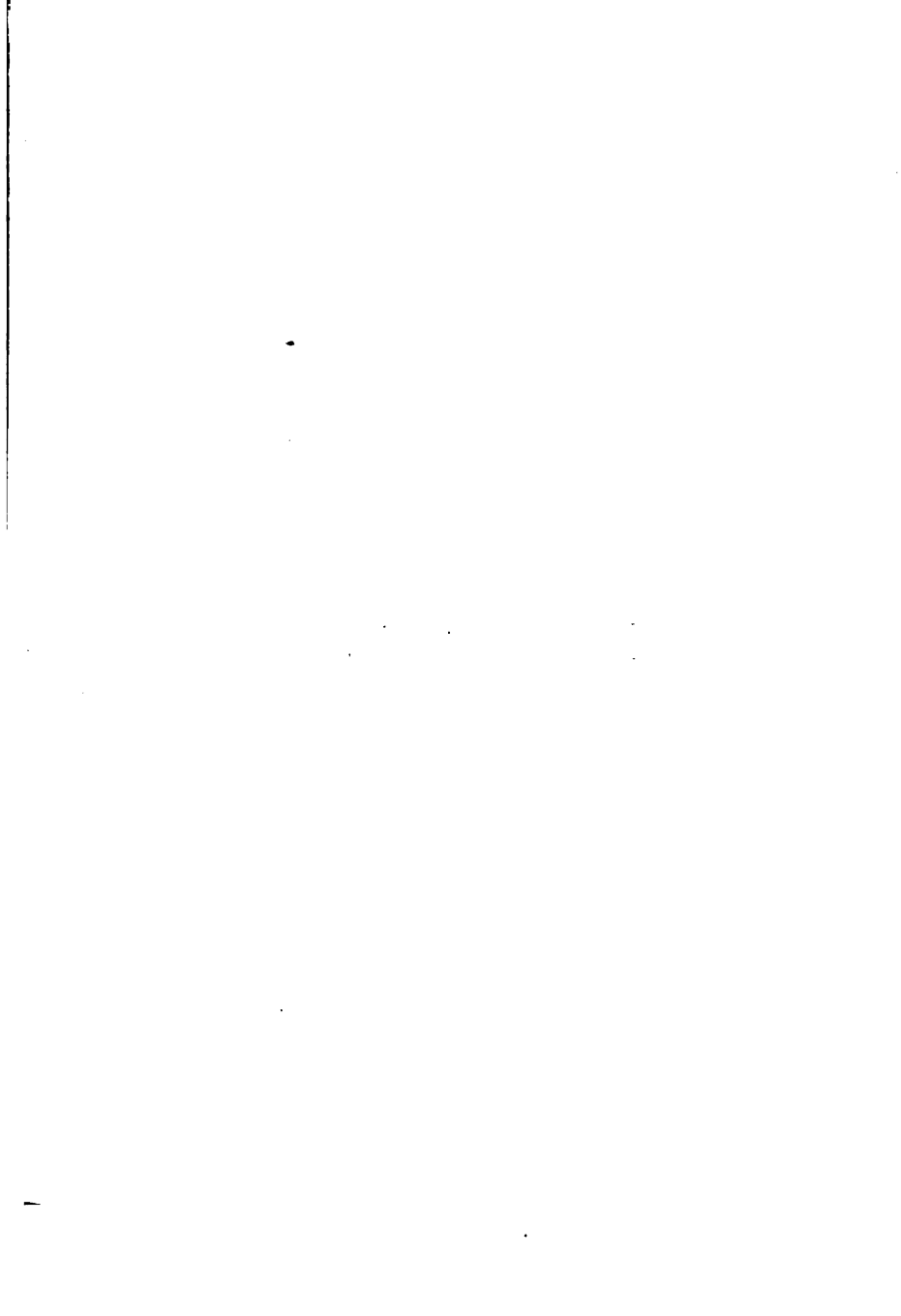
То въ радугахъ цвѣта переливая,
То разнося и молнію, и громъ...
Отбушевавъ и отблиставъ, кончая
Свой горній путь, теряется потомъ
Въ бездонныхъ глубинахъ, гдѣ отъ начала
Ни зыби не было, ни бурь, ни шквала...

Счастливъ; тысячекратъ, счастливъ народъ,
Въ чьемъ духѣ есть тѣ жъ глубины святія,
Невозмутимыя и въ дни невгодъ,
Гдѣ всякія страданія земныя
Врачуются, гдѣ разумъ обрѣтеть
И нищій духомъ на дѣла благія,
Затѣмъ, что тамъ отъ искони вѣковъ
Царить всецѣло чистый духъ Христовъ.

1877.

VII.

КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

Сцены из Эсхиловой трагедіи

АГАМЕМНОНЪ.

Два величайшіе идеала, созданные Эсхиломъ, это — Прометей и Кассандра. Къ тому и другому могутъ быть примѣнены слова, которыя Кассандрѣ говоритъ хоръ: «Великій духъ — твоя погибель!» Прометею посвятилъ поэтъ цѣлую трилогію, т. е. три пьесы, изъ которыхъ до насъ дошла только одна. Кассандра является только какъ дѣйствующее лицо въ одной изъ его трагедій *Агамемнона*. Въ переведенномъ мною отрывкѣ переданы сцены ей посвященныя, и изъ предыдущаго взято сколько нужно, чтобы служить достаточною рамкою этому образу.

Великое значеніе Эсхила для Греціи это то, что всѣ его трагедіи — апофеозъ водворенія какого-нибудь высшаго начала въ жизни Грековъ. Въ трилогіи, которой *Агамемнонъ* составляетъ первую часть, *Молчїе о защитѣ* — вторую, и *Эмениды* — третью, — душу всего созданія составляетъ прекращеніе кровной мести, переходъ отъ варварскихъ нравовъ къ высшимъ понятіямъ въ жизни. Тутъ варварство стоитъ еще предъ читателемъ во всея его ужасѣ (картина жертвоприношенія Ифигеніи, видѣнія Кассандры и пр.), тутъ господство еще старыхъ боговъ, требовавшихъ крови за кровь. Предъ нами исторія дома Атридовъ — длинный рядъ злодѣйствъ. Освѣщеніе, которое бросаетъ на нихъ Эсхиль — это, какъ выражаются старые эстетика, *сластельный ужасъ*, т. е. отвращеніе къ злодѣйству: понятно, какое ци-

визливающее впечатлѣніе производила его трагедія на современниковъ, въ памяти которыхъ еще живы были эти дѣла и времена! Фокусъ, изъ котораго исходитъ это освѣщеніе въ *Агамемнонѣ*, слѣдовательно лицо самое высокое и любезное для читателя, это — Кассандра, ясно-видящая, вдохновенная жрица Аполлона, дочь Пріама, доставшаяся, по раздѣлѣ плѣнныхъ, въ добычу вождю Ахейцевъ. Она одна выше всего окружающаго ее міра; ни свои въ Троѣ, ни чужіе, здѣсь въ Аргосѣ, ея не понимаютъ. Хоръ сочувствуетъ ея несчастіямъ, указываетъ даже, что великій духъ — ея погибель, но открываемыхъ ею горизонтовъ будущаго обнять не можетъ. Она, между тѣмъ, возмущаетъ, что въ слѣдующемъ поколѣніи будетъ положенъ конецъ «крови», и дѣйствительно, въ третьей части трилогіи, Орестъ, сынъ Агамемнона, преслѣдуемый старыми богами за убійство матери, убійство, которое онъ долженъ былъ совершить, мстя за убійство отца, приведенъ наконецъ Аполлономъ предъ Афинскій ареопагъ, гдѣ, подъ внушеніемъ Паллады, произносится приговоръ надъ старымъ варварскимъ міромъ и торжествуется наступленіе новой лучшей эпохи царство разумницы Паллады. Вотъ общая мысль трилогіи. Вотъ роль, какую въ ней играетъ Кассандра.

Для уразумѣнія персведеннаго мною отрывка напомню читателямъ только тѣ черты кровавой исторіи Атридовъ, которыя имѣютъ отношеніе къ нашей трагедіи.

У Элидскаго царя Пелопса было два сына: Атрей и Тіастъ. Атрей, чтобъ отмстить брату своему, обольстившему его жену, захватилъ его сыновей, убилъ ихъ и приготовилъ Тіасту изъ нихъ обѣдъ. У Тіаста былъ еще сынъ Эгистъ. Отецъ завѣщалъ ему отмстить Атрею и его дѣтямъ. Онъ убиваетъ Атрея и троихъ его сыновей. Изъ пятерыхъ остались только Менелай и Агамемнонъ. Парисъ, сынъ троянскаго царя Пріама, похитилъ жену Менелая, Елену. Цари-братья, во главѣ всего флота Ахейянъ, отправились подъ Трою. Дорогой послала имъ бурю богиня Артемида, для умилостивленія которой, по слову прорицателя, жреца Калхаса, Агамемнонъ приноситъ въ жертву свою дочь Ифигенію. Эгистъ, между тѣмъ, въ отсутствіе царей, вошелъ въ связь съ женой Агамемнона, Клитемнестрой, и воспользовавшись ея злобой на мужа за жертвоприношеніе дочери, поднимаетъ ее на убій-

ство Агамемнона. Къ этому въ ней присоединяется еще ревность, жертвою которой должна пасть Кассандра. По совершении убійства, Эгистъ и Клитемнестра остаются властителями Аргоса. Этимъ кончается первая часть трилогіи.

Во множествѣ изданій текста и его переводовъ, бывшихъ у меня подъ рукою, во многихъ мѣстахъ встрѣчается поразительное разногласіе въ чтеніи. Въ выборѣ, которому изъ нихъ послѣдовать, я руководствовался не столько авторитетомъ ученыхъ издателей, сколько ища соответствія внутреннему смыслу рѣчи.

1.

Площадка передъ царскимъ дворцомъ въ Аргосѣ. Вдали—горы, море.
Ночь. На плоской крышѣ дворца стражъ, поглядывающій то вдаль,
то на небо.

СТРАЖЪ.

Положать ли когда-нибудь конецъ
Моимъ мученьямъ боги!.. Вотъ, какъ песь,
Валяюсь столько лѣтъ на этой крышѣ!
Со звѣздами бесѣдную!.. Ужъ знаю
Всѣ наизусть, которыя приносятъ
Намъ холода, которыя жары,
Когда онѣ восходятъ и заходятъ...
Да!.. Не взята ли Троя — жду сигнала,
И какъ увижу, тотчасъ доложить
Объ этомъ госпожѣ. Мужское сердце
У этой женщины!.. Вотъ и ходи
Вокругъ своей соломы, а приплечь

Бѣда: заснешь. Заняль бы съ горя пѣсню
 Иль такъ бы посвисталъ — противу сна
 Всего бы лучше — такъ приходятъ мысли
 Различныя: такой ужъ это домъ,
 Давно ужъ здѣсь все дѣется не такъ
 Какъ слѣдуетъ. Охъ, показался бѣ, право,
 Скорѣй огонь!.. Покончили бы муки!..

(Вдали зажигается огонь).

Да это онъ никакъ? сигналъ... Да! да!
 Ну, здравствуй, наконецъ! Вотъ ты, желанный!
 Вслѣдъ за тобой такой восходитъ день
 Для Аргоса, что будетъ все съ утра
 Плясать и пѣть, на долахъ и горахъ!..
(Кричитъ) Ого! Ого!

Будить ее скорѣе...

Соскочить съ ложа и весь домъ подыметь...
 Легко сказать: побѣда! взяли Трою!
 Я первый торжество открою!.. Да,
 Я выкинулъ счастливыя-то кости
 Для госпожи, я первый! да и разомъ
 Всѣ три шестерки!

(Сходитъ съ крыши).

Первому бы тоже
 Поздравить было мнѣ и господина,

Какъ онъ вернется, — а о всеѣмъ, о прочѣмъ,
 На ротъ замокъ повѣсить, помолчать..
 Пусть лучше сами стѣны говорятъ,
 Когда сьумѣютъ. Съ тѣмъ, кто знаетъ,
 Поговоримъ, пожалуй, и посудимъ,
 А кто не знаетъ—«ничего не знаемъ!»

(Уходитъ во дворецъ).

2.

Входитъ хоръ городскихъ старцевъ. Хоръ раздѣляется на двѣ стороны,
 у каждой свой корифей.

ХОРЪ.

Ахъ, десятый ужъ годъ на исходѣ теперь,
 Какъ помчались войной
 Менелай съ Агамемнономъ, братья-цари,
 Отъ Зевеса двойнымъ
 Надѣленные трономъ и скиптромъ двойнымъ,
 На Приамовъ помчались градъ,
 Далеко отъ родимой земли,
 Во главѣ всего флота Ахеянъ.

Они подняли кликъ боевой по землямъ,
 Что два коршуна, вдругъ въ разоренномъ гнѣздѣ
 Не нашедши птенцовъ,

Въ перепугѣ замечутся въ воздухѣ, внизъ и наверхъ,
И зовутъ, и кричатъ на весь міръ
Объ ужасной потерѣ своей,—
И услышитъ ихъ Зевсъ или Панъ; или Фебъ,
И укажетъ имъ слѣдъ,
И проклятье пошлетъ
По пятамъ въ наказанье злодѣю:
Такъ Зевсъ и Атридовъ послалъ.
Звать Париса на судъ,
Ради правъ опозоренныхъ имъ очага—
И теперь изъ-за той вѣроломной жены,
Тамъ подъ Троей, вокругъ стѣнъ, въ непроглядной пыли,
Неумолчная тянется брань,
И трещать и стучать и мечи и щиты,
Наступаютъ и падаютъ люди во прахъ,
При неистовыхъ крикахъ кругомъ
Разъяренныхъ Троянъ и Ахейцевъ;
И чѣмъ кончится споръ—то невѣдомо намъ,
Но ни слезы уже, ни сожженіе жертвъ,
Ни мольбы не смягчатъ пробужденныхъ войной
И слѣдящихъ за ратями фурій.

ОБА КОРИФЕЯ.

Подъ напоромъ годовъ одряхлѣвъ, старики,
Мы отстали отъ нихъ; отъ могучихъ бойцовъ,

И сидимъ по домамъ.

Бродимъ съ посохомъ вокругъ, словно дѣти—увы!

Безпомощны: у нихъ передъ глазами войны

Въ неокрѣпшей груди

Содрогается духъ, какъ и въ насъ, старикахъ,

И съ подпорой своей чуть плетется старикъ

По поблеклой листьѣ, угасая какъ тѣнь

Передъ днемъ разсвѣтающимъ въ небѣ!

Изъ дворца по лестницѣ спускаются служанки съ чашами, сосудами, факелами и украшаютъ алтари.

ХОРЪ (обращаясь къ открывшимся дверямъ дворца).

О, царица, скажи,

Клитемнестра, Тиндарова дочь,

Что за праздникъ? Зачѣмъ убраны алтари,

И готовятся жертвы богамъ

И небеснымъ, и адскимъ, и имъ, покровителямъ града?

И вездѣ поднимаются къ небу огни?

Изъ палаты твоей то елей, то вино

Въ драгоценныхъ сосудахъ служанки несутъ безъ

конца...

Если вѣсти къ тебѣ дорогія пришли,

Облегчи намъ сердца, неизвѣстность разсѣй!

Мы томимся въ тоскѣ,

А смотря на убранство твоихъ алтарей,
 Предаваться ль надеждѣ—не знаемъ.

*Служанки продолжаютъ свое дѣло.
 Изъ дворца никто не выходитъ на мо-
 ление хора.*

КОРИФЕЙ.

Все же есть утѣшеніе намъ:
 При отплытѣи вождей
 Были добрыя знаменья имъ—
 А довѣрье къ богамъ, пѣснопѣній родникъ,
 Не изсякъ еще въ насъ,
 И побѣдѣ предсказанный срокъ—не насталь!
 Въ самый мигъ какъ цари обнажили мечи,
 Вдругъ, отъ правой руки,
 Опустились на кровлю дворца два орла—
 Бѣлоснѣжный одинъ, черноперый другой—
 И въ когтяхъ ихъ живая зайчиха была,
 И они принялися терзать и ее,
 И зайчатъ ею тутъ же рожденныхъ...

ХОРЪ.

Плачьте, о плачьте,
 Но да будетъ побѣда добру!

КОРИФЕЙ.

Какъ увидалъ ихъ Калхасъ прорицатель,

Тотчасъ на обоихъ Атридовъ взглянулъ:
Ихъ онъ призналъ въ двухъ орлахъ и сказалъ:
«Будутъ Пріамовы стѣны добычей Ахейцевъ.

«И вѣковья

«Богатства отыметъ судьба у Троянъ—
«Лишь бы надъ Троею взвившійся бить,
«Прежде чѣмъ пасть на нее,
«Гнѣвомъ кого изъ боговъ не порвался.
«Артемиды не стерпитъ, что здѣсь
«Зевса крылатые псы

«Мать и дѣтенышей ея рожденныхъ заѣли.
«Этотъ кровавый противень ей пиръ».

ХОРЪ.

Плачьте, о плачьте,
Но да будетъ побѣда добру.

КОРИФЕЙ (*продолжая рчь Кассандры*).

«Только бь она, Артемиды, которой любезны
«И львицы пустынной,
«И всякаго звѣря лѣснаго
«Сосуція мать порожденья,—только бь она
«Не мѣшала исполниться добрымъ обѣтамъ!
«Будемъ молить отвратителя бѣдъ, Аполлона,
«Чтобы намъ она бурю и вѣтръ не послала,

«Требуя жертвы иной, нечестивой, ужасной,
 «Безъ пира и пѣсенъ,
 «Которая злобу убудить, и новую кровь уготовить,
 «И, памятью дочери, въ злой и коварной женѣ
 «Будеть питать ежечасно о мщеніи мысль!»
 Такъ усмотрѣль прорицатель Калхасъ
 Изъ явленья орловъ для Атридова дома
 И великое благо, и зло.
 Плачьте жь, о плачьте о злѣ,—
 Но да будетъ побѣда добру!

ХОРЪ.

Плачьте, о плачьте,
 Но да будетъ побѣда добру!

ОВЩІЙ ХОРЪ.

Зевсъ! кто бь ни былъ ты, взываемъ
 Этимъ именемъ къ тебѣ!
 Ты одинъ намъ покровитель,
 Вождь и помощь въ злой судьбѣ!

Паль Уранъ, преградь отъ вѣка
 Не выдавшій предъ собой,
 Отъ такой же палъ онъ силы
 Кровожадной и слѣпой.

Кронось свергнуть сыномъ—Зевсомъ;
 Зевсъ, владыкой ставъ среди
 Мірозданья,—человѣку
 Умъ и совѣсть далъ въ вожди—

Умъ—мужающій въ невзгодахъ,
 Совѣсть—даже и во снѣ
 Направляющую сердце
 Къ правдѣ въ мирѣ и войнѣ.

КОРИФЕЙ.

Царь Агамемнонъ, въ заботахъ вождя,
 И забылъ о Калхасовыхъ вѣщихъ словахъ,
 И невзгоды и бѣды покорно сносилъ,
 Но когда, послѣ мертваго штиля,
 Изнурявшаго войско Ахеянъ,
 Противъ Халкиса праздно стоявшее ночи и дни,
 Въ водоворотахъ Авлиды,—
 Вдругъ отъ Стримона буря ударила съ вихремъ и
 вѣтромъ,
 Запирая изъ гавани выходъ,
 И срывая кругомъ корабли съ якорей,
 И о берегъ утесистый ихъ разбивая,
 И погибалъ лучший цвѣтъ ополченья Ахеянъ;
 И казалось, бурѣ не будетъ конца,

И Калхасъ вошелъ въ кругъ смущенныхъ вождей
 И сталъ говорить,
 И назвалъ ту жертву, которой желаетъ богиня,
 Пославшая бурю,
 И ударили въ скорби о землю жезломъ
 И заплакали оба Атрида,—
 «Горе! воскликнулъ тогда Агамемнонь.
 «Горе, когда не исполню велѣнье богини,
 «И горше, если, сокровище дома, дитя мое, дочь
 «Самъ заколю и невинною кровью ея
 «Отцовскія руки мои обагрю!
 «И тамъ злое горе—и здѣсь!
 «Воротиться домой—одному—бѣглецомъ—
 «Всѣми оставлену—все потерять—
 «А все войско—всѣ требуютъ жертвы—грозятъ—
 «И требовать право имѣють!»—

И всѣми кругомъ обступаемый, душу
 Нечестивой, ужасной онъ мысли открылъ.
 И скорый въ рѣшеньяхъ всегда
 Приступитъ велѣлъ къ дѣлу тотчасъ.

ХОРЪ.

Ахъ первый ошибочный шагъ
 Въ насъ разжигаетъ упрямство и страсть!

Ради той вѣроломной жены,
Ради мести Парису,
На жертву обрекъ онъ любимую дочь!

КОРИФЕЙ.

И ни слезы ея, ни моленья къ отцу,
Ни младая дѣвичья краса,
Не тронули сердца суровыхъ мужей.
Отець—лишь умогли молитвы—
Словно лань молодую, велѣлъ,
Покровомъ окутавъ,
На жертвенникъ навзничь ее опрокинуть,
И крѣпче держать,
И ротъ завязать, чтобъ она
Проклятій отцовскому дому не слала.

И схватили ее, и завязанъ былъ ротъ.
Брызнула кровь подъ ножомъ,
И лишь взглядъ, какъ стрѣла,
Состраданьемъ сердца поразилъ...
Нѣма и прекрасна какъ мраморъ, казалось, она
Хотѣла еще говорить,
Какъ прежде, когда на пиры
Въ отцовскомъ дому выходила къ гостямъ,

И пѣла хвалебный пѣанъ
Благоденствію дома Атридовъ и славѣ отца.

Что было потомъ—то невѣдомо намъ,
Но исполниться должно пророчеству вѣщаго мужа!
Учить разуму Зевсъ изъ страданій и бѣдъ...
Не хотимъ проникать въ тьму грядущаго мы!
Преждевременно плакать не станемъ...
А въ грядущемъ зловѣщее чувствуется намъ...
Только молимъ—да все обратится на благо земли!

3.

Тотъ же хоръ и Клитемнестра, выходящая изъ дворца.

КОРИФЕЙ.

Пришли мы на твой зовъ, царица.
Когда царя нѣтъ дома, ты его
Намъ заступаешь мѣсто. Если ты
Извѣстіе какое получила,
Что заказала жертвоприношенья,
Благоволи сказать, когда возможно.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Скажу пословицей: счастливый день
Да народится отъ счастливой ночи!

Узнайте же теперь такую радость
Какой едва и ожидать мы смѣли:
Взята Ахейцами—и пала Троя!

КОРИФЕЙ.

Что ты сказала?.. Вдруг и не поймешь.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Паль Иліонъ предъ Эллинами. Понялъ?

КОРИФЕЙ.

Отъ радости я, кажется, заплачу...

КЛИТЕМНЕСТРА.

И вѣрю, что отъ искренняго сердца.

ХОРЪ.

Но вѣрны ли полученныя вѣсти?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Конечно, если боги намъ не лгутъ.

ХОРЪ.

Пріятный сонъ тебя не обольстиль ли?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Не вѣрю я пустымъ мечтаньямъ сна.

ХОРЪ.

Быть можетъ, только мимолетный слухъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты говоришь со мною какъ съ ребенкомъ!

ХОРЪ.

Съ какого жь времени? Когда взять городъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Сію же ночь, — на этотъ самый день.

ХОРЪ.

Да кто жь такъ скоро передалъ извѣстье?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Огонь: *) сперва — пылающая Ида,
А отъ нея, одинъ вслѣдъ за другимъ,
До Аргоса сигнальные костры.
Пожаромъ Иды озарился Лѣмносъ,

*) Въ подлинникѣ: Гефестъ. Весь этотъ монологъ сокращенъ въ переводѣ.

Оттуда пламя перенялъ Аeonъ;
 Съ его высотъ священныхъ, золотясь
 По зеркальному морю, побѣжало
 Все дальше, дальше радостное пламя —
 На Лесбось, на Мессану, Киоеронъ;
 Одно блеснувъ, другое вызываетъ.
 Вездѣ ихъ люди ждутъ, и десять лѣтъ
 Костры изъ вѣковѣчныхъ цѣльныхъ сосенъ.
 Черезъ Саронскій наконецъ заливъ
 Блеснулъ огонь на скалы Арахней,
 И ужь оттуда къ намъ, на домъ Атридовъ,
 И здѣсь теперь — послѣдній это отблескъ
 Въ сей самый мигъ, теперь, горящей Тронъ.
 Вотъ какъ мнѣ передалъ извѣстье мужъ.

ХОРЪ.

О, слава, слава вѣчная богамъ!..
 Дивиться только слушая тебя!
 Хоть сызнова рассказывай, все бъ слушали!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да, пала Троя!.. Наши тамъ ночуютъ.
 Чай стонъ теперь надъ городомъ стоитъ!
 Перемѣшался и побѣдитель,
 И побѣжденный, какъ въ водоворотѣ,

И не сольются, что вино и масло
Въ одномъ сосудѣ, какъ ихъ ни болтай!..
Да!.. Побѣжденные!.. Тамъ надъ тѣлами
Мужей и братьевъ стонуть жены, сестры,
Надъ стариками плачуть дѣти: всѣ,
Кто живъ остался, всѣ — рабы на вѣки!..
А побѣдители, еще въ крови,
Истомлены и голодомъ, и боемъ,
Изъ дома въ домъ перебѣгаютъ, жадно
Все поѣдая, что найдутъ, кидаясь
Толпой и другъ у друга отымая!
Наѣвшись, гдѣ пришлось, въ домахъ, въ чертогахъ,
Валяются спать, ужъ не боятся больше
Ни росъ ночныхъ, ни снѣга, и безъ стражи,
И мирно спать, какъ боги спать, всю ночь!..
И ежели боговъ, пенатовъ Трои,
И ихъ святынь они не оскорбятъ,
Побѣда ихъ останется за ними..
Не бросились бы только грабить храмовъ:
Имъ нужно счастье на обратный путь,
Какъ на бѣгу, на играхъ... Прогнѣвять
Они боговъ, то пролитая кровь
Проснется и на нихъ возопіеть
О мщеньи къ небу...

Такъ я разсуждаю

Какъ женщина... «Лишь повело бѣ къ добру», —
 Безъ всякой, вѣрьте, затаенной мысли
 Я говорю — за это пожеланье
 Охъ, дорого я — очень заплатила!

ХОРЪ.

Ты женщина, но говоришь какъ мужъ.
 Идемъ теперь принести благодаренье
 Богамъ безсмертнымъ: щедро насъ они
 За долгое страданье наградили.

4.

За снѣгъ пропускается мною сцена, когда прѣѣзжаетъ Агамемнонъ на торжественной колесницѣ, везомой народомъ. Съ нимъ рядомъ сидитъ Кассандра, дочь Пріама, доставшаяся при раздѣлѣ плѣнныхъ Агамемнону. Хоръ привѣтствуетъ царя. Выходитъ потомъ изъ дворца Клитемнестра и въ длинной рѣчи выражаетъ, какъ ждала мужа, велитъ разостлать пурпурные ковры по лѣстницѣ во дворецъ, куда и уходитъ съ Агамемнономъ. Остается Кассандра на колесницѣ, неподвижная, молчаливая, и хоръ старцевъ. Клитемнестра возвращается и, стоя на верху лѣстницы, приглашаетъ Кассандру войти во дворецъ. Въ ея рѣчахъ презрѣніе, иронія и нетерпѣніе.

КЛИТЕМНЕСТРА.

И ты, Кассандра, кажется? — войди.
 Къ тебѣ Зевесъ былъ милостивъ, позволивъ
 Предстать передъ алтарь свой въ нашемъ домѣ,

И съ нашими рабами въ жертвоприношеньяхъ
 Участвовать. Такъ отложи же гордость,
 Спустися съ колесницы. Самъ Алкидъ
 Былъ тоже въ рабство, сказываютъ, проданъ.
 И если ужъ такой ударъ судьбы
 Постигъ тебя, то въ древнемъ, славномъ домѣ
 Рабою быть еще счастливый жребій.
 Кто только началъ пожинать богатства,
 Тотъ строгъ и жестокъ со своей прислугой,
 У насъ же, здѣсь, на все, что справедливо,
 Что слѣдуетъ, — разсчитывать ты можешь.

(Кассандра молчитъ).

ХОРЪ *(къ Кассандрѣ).*

Царица правду говорить. Конечно,
 Попавши въ сѣть, ужъ нечего тутъ биться,
 Ужъ покорись, иди, куда зовутъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ну ежели, какъ ласточка, она
 На языкъ лепечетъ неизвѣстномъ,
 И рѣчь мою не поняла, то все же
 Хоть сердцемъ чувствовать могла бы,
 Что я хочу сказать, и — покориться.

(Кассандра молчитъ).

ХОРЪ (къ ней).

Иди за ней. Ужь лучшаго не можетъ
Тебѣ быть ничего теперь. Иди же!

КЛИТЕМНЕСТРА.

А впрочемъ ждуть мнѣ нскогда. Готовы
У очага стоять уже овны, и праздникъ
Ужь начался — какого мы едва
Когда-нибудь и ожидать могли.
И ты не медли. Если жь въ самомъ дѣлѣ
Не понимаешь словъ моихъ, то сдѣлай,
Какъ варвары, скорѣй хоть знакъ рукою.

(Сама дѣлаетъ пригласительный жестъ. Кассандра молчитъ).

ХОРЪ.

Она дика что пойманная лань,
Уговорить ее бы надо лаской.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Нѣтъ, бѣшенство въ ней дышитъ и безумство!
Еще вчера съ пылающихъ развалинъ
Родного города взята, она
Не покорится и не склонить выи,

Пока удиль своихъ не окровавить.

Мнѣ нечего позориться съ ней больше!

(Уходитъ во дворецъ).

5.

КАССАНДРА И ХОРЪ.

КОРИФЕЙ.

Памъ жаль тебя, несчастная! Послушай,

Спустися съ колесницы, покорись

И свой удѣлъ безропотно прими.

(Пауза).

КАССАНДРА *(воздѣвъ очи къ небу).*

О, горе! о, мать Земля!

О, Аполлонъ! Аполлонъ!

КОРИФЕЙ.

Зачѣмъ же ты взываешь къ Аполлону?

Вѣдь съ жалобой къ нему не прибѣгаютъ!

КАССАНДРА.

О, Аполлонъ! Аполлонъ!

ХОРЪ.

Опять она взываетъ къ Аполлону,
Который слезъ не любитъ, не приѣмлетъ!

КАССАНДРА.

Аполлонъ! Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня! мой погубитель!
Какой еще новый готовишь ударъ!

ХОРЪ (*тихо*).

Свою судьбу пророчить... Не покинулъ
И въ рабствѣ духъ пророческій ея!

КАССАНДРА.

Аполлонъ! Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня! — въ какой привелъ домъ!

БОРИФЕЙ (*съ участіемъ*).

Не знаешь развѣ? Это домъ Атридовъ.

КАССАНДРА (*внѣ себя, обступаемая
видѣніями, съ возрастаю-
щимъ ужасомъ*).

Домъ ненавистный богамъ!.. Злодѣяній вертепъ!
Удушенье! убійство!.. Стѣны и полъ
Человѣческой политы кровью!

ХОРЪ.

Какъ добрая ищейка, тотъ же часъ
Послышала давнишней запахъ крови!..

КАССАНДРА.

Словно въ кровавый туманъ я гляжу...
Вонь — душать дѣтей!..
Жарять — отцу подаютъ на обѣдъ...

ХОРЪ.

Охъ, это мы давно и вдосталь знаемъ!
Да не къ добру о томъ напоминанье.

КАССАНДРА.

Она... Чтò она замышляетъ?
Чтò тамъ готовить еще?
Новое горе! горе ужасное!
Неотвратимое!
Непоправимое!..
И нѣтъ спасенья кругомъ!

ХОРЪ.

Чтò видится еще ей?.. Непонятно!
Иль новое пророчествуетъ горе!

КАССАНДРА.

Несчастливая! ты приступила ужъ къ дѣлу...

Въ баню ведешь его, мужа-владыку...

Не успѣваю и говорить...

Такъ все быстро вершится... вонъ она, вся дрожа...

Протянула ужъ руки къ нему...

ХОРЪ.

Для насъ все это — темныя загадки...

КАССАНДРА.

Боги! Что вижу еще?

Адская сѣть!

Это — брачное ихъ покрывало...

Фурии! фурии!

Ненасытныя кровью проклятаго этого рода!

Запѣвайте ужасную пѣснь..

Новую жертву встрѣчайте!

КОРИФЕЙ.

Какихъ зовешь ты фурий? О какой

Еще ужасной поминаешь пѣсни?..

ХОРЪ.

Къ сердцу вся кровь приливаетъ моя!

Точно пронзилъ кто мечомъ мою грудь!
Точно глубокая ночь погашаетъ кругомъ
Свѣтъ убѣгающей жизни...
Ждать намъ, о, ждать намъ бѣды!

КАССАНДРА.

Смотрите — ахъ! ахъ! удержите, держите ее!..
Накинула адскій покровъ...
Опутала... боги!.. ударъ!
Упалъ онъ — упалъ.

КОРИФЕЙ.

Не смыслю ничего въ разгадкѣ я
Оракуловъ — но чую тутъ бѣду!

ХОРЪ.

Въ прахѣ рожденнымъ — развѣ когда
Скажетъ оракуль — свѣтлую вѣсть?
Темное слово вѣщихъ боговъ
Лишь въ совершившихся ясно бѣдахъ!

КАССАНДРА.

Ахъ! вотъ и мнѣ, злополучной, конецъ!
Жребій мой связанъ съ его!
Что жъ ты привелъ меня въ домъ свой? Зачѣмъ?
Или затѣмъ, чтобъ одной смертью съ тобой умереть!

ХОРЪ.

Ты, вдохновенная! пѣснь о себѣ ты заводишь!
 Скорбную пѣснь, какъ поетъ соловей,
 Непонятную намъ изливая печаль
 Въ сладкозвучныхъ рыданьяхъ своихъ.

КАССАНДРА (*успокоиваясь, съ грустью,
 какъ и въ послѣдующія
 строфы*).

Сладко поющая птичка дубравная!
 Дали безсмертныя крылья ей быстрыя,
 Дали безслезную, вольную жизнь...
 Мнѣ же двуострый ножъ впереди!

ХОРЪ.

О, какія видѣнья тебя обступаютъ?
 Отчего этотъ ужасъ, отчаянья вопль?
 Вопль этотъ, намъ раздирающій душу, зачѣмъ?
 Что вызываетъ, скажи, въ откровеньяхъ боговъ
 Безконечную скорбь въ потрясенной душѣ?

КАССАНДРА.

О, Парисъ! О, гибель! О, бракъ твой преступный!
 О Сканандра родимыя воды!
 На твоихъ берегахъ я блуждала по днямъ,

Безъ заботъ пѣла дѣтскія пѣсни свои...
 А теперь — Ахеронъ и угрюмый Коцитъ
 Огласятся стенахъ моихъ!

ХОРЪ.

Вопли твои, о несчастная,
 Были бъ и дѣтямъ понятны!
 Сердце сжимается, точно поешь
 Ты передсмертную пѣснь надъ собой!

КАССАНДРА.

О, Иліонъ! Ты, во прахъ лежащій теперь!
 Дымъ отъ безчисленныхъ жертвъ что богамъ при-
 носилъ,
 Строя стѣны его, злополучный отецъ!
 Безполезныя жертвы, увы!
 Гордый палъ Иліонъ — и ведутъ на убой
 Вдохновенную жрицу его!

ХОРЪ.

Тѣ же рѣчи... все тѣ же видѣнья...
 Черный демонъ тебѣ, полныя смертной тоски,
 Ужаса полныя рѣчи внушаетъ...
 Что предвѣщаютъ онѣ?..

*(Хоръ, подъ впечатлѣніемъ
 рѣчей Кассандры, погружается
 въ раздумье. Краткое молчаніе).*

...пово вноди вѣстѣи
КАССАНДРА (совѣсть успокоясь).
атншюй йимондтѣ

О, пусть же вселенная вамъ будетъ ясно!

И все, что говорю я, потеряетъ

Видъ новобрачной, какъ она глядитъ

Изъ-подъ вѣнчальнаго покрывала.. Пусть

Мои слова, какъ предразсвѣтны вѣтеръ,

Во слѣдъ за бурной ночью, вамъ раскроютъ,

Что нѣтъ для васъ ужаснѣйшаго горя

Какъ то, что вынесете гонимыи волна

Изъ темныхъ пещеръ и изъ береговъ къ вамъ бѣжать!

Открою все, я скажу въ ужасной правдѣ.

Но прежде вы скажите мнѣ, что правда ль —

Всѣ ужасы, что говорите вы, что слышу я

Про этого дельца? Проникнулъ ли стволъ

Какъ хоръ безумный, въ немъ ли умонавдѣ?

До бѣшенства уже уничиженъ кровью,

Здѣсь поселился фурія, какъ дома,

И пляшутъ, и неистовствуютъ, слава

Злодѣйства дѣловъ, и отцовъ, и внуковъ...

О, ежели неправда, уличайте,

Что на вѣтеръ я говорю, подобно

По улицамъ шатающейся вѣщницы!

Ну, поблѣнитесь, что все то неправда!

Съесть вы не можете, вы не можете

Съесть вы не можете, вы не можете

ХОРЪ.

Когда бы мы и поклялись, была ли бь
Та клятва въ прокъ Атридамъ? Мы дивимся,
Какъ ты пришла изъ-за моря, и знаешь,
Какъ будто видѣла, все, что здѣсь было!

КАССАНДРА.

Мнѣ даръ всевидѣнья данъ Аполлономъ.

ХОРЪ.

Онъ благосклоненъ былъ къ тебѣ? любилъ?

КАССАНДРА.

Довынѣ—стыдъ мнѣ былъ бы въ томъ сознаться!

ХОРЪ.

Достоинство хранимъ мы въ счастья строже!

КАССАНДРА.

Любилъ и—требовалъ моей любви!

ХОРЪ.

И ты его порывамъ уступила?

КАССАНДРА.

Дала обѣтъ, но не сдержала слова!

ХОРЪ.

Ужь получивъ сперва даръ прорицанья?

КАССАНДРА.

Ужь гибель я предсказывала Троѣ!

ХОРЪ.

И гнѣвъ его тебя не поразилъ?

КАССАНДРА.

Ужасный гнѣвъ: никто не сталъ мнѣ вѣрить!

ХОРЪ.

Межь тѣмъ какъ ты предсказывала правду?

КАССАНДРА *(снова приходитъ въ изступленіе)*.

Ахъ — боги! вонъ, — все то жь опять видѣнье...
 Какъ будто вихрь кругомъ, и голоса... *(быстро)*.
 Вонъ тамъ — передъ воротами — вонъ — двос
 Сидитъ дѣтей — какъ блѣдныя двѣ тѣни —
 Два мальчика — убиты дядей — держать
 Въ рукахъ остатки собственного мяса —
 Кишки и сердце... Ужасъ! боги! боги!..
 Остатки отъ тѣхъ блюдъ, что на пиру
 Отецъ ихъ ѣлъ!.. Они взываютъ къ мести —
 И мстить за нихъ идетъ ублюдокъ льва,
 Здѣсь на чужомъ упрятавшійся ложѣ,
 И бросится собирающійся съ ложа
 На господина моего... Да, да,

На господина моего — вѣдь я
Его раба!.. А онъ, Ахейцевъ вождь
И разрушитель Трои, онъ не чувствуетъ,
Что кроется подъ длинными рѣчями,
Подъ ласками собаки этой!.. Онъ
Не чувствуетъ, что готовится ему
Отъ этой фурии... Зарѣжетъ мужа
Она, жена!.. Да есть ли имя ей?
Змѣя двулицая! Въ глухихъ пещерахъ
Живущее чудовище! къ своимъ
Она горитъ ненасытимой злобой!
О, какъ ликуетъ, точно собираясь
Плясать и пѣть на пиршествѣ побѣды!
Какъ притворяется, что это — радость
При встрѣчѣ мужа... Вѣрьте мнѣ или нѣтъ,
Вѣдь все равно, все сбудется, вы всѣ
Увидите, всѣ скажете тогда,
Что точно даръ пророчества мнѣ данъ...

Х О Р Ъ.

Ты говорила про обѣдъ кровавый
Тѣста, страшно говорила, точно
Сама была при этомъ, но что послѣ
Еще сказала, намъ пока темно.

КАССАНДРА.

Про смерть Агамемнона — я сказала!

ХОРЪ.

Уйми языкъ, несчастная, молчи!

КАССАНДРА.

Неотразимо все! ничѣмъ! никѣмъ!

ХОРЪ.

Пока мѣсть нѣтъ еще и — да не будетъ!

КАССАНДРА.

Вы молитесь, а тамъ убійство зрѣте!

ХОРЪ.

Кто жь тотъ злодѣй, что мыслить объ убійствѣ?

КАССАНДРА.

Несчастные, не поняли меня!

ХОРЪ.

Не знаемъ, кто жь убійцей можетъ быть!

КАССАНДРА.

А вѣдь на вашемъ языкѣ сказала!

ХОРЪ.

И Фебовыхъ пророчествъ темень смыслъ!

КАССАНДРА *(опять возбужденная по-
стыдными словами хора)*.

Ахъ!.. точно все горитъ во мнѣ... вся грудь...

Фебъ! Аполлонъ! да пощади же ты!

(Быстро указывая на дворецъ).

Двуногая та львица, что спала —

Когда былъ левъ далеко — съ волкомъ, — жребіи

И мой рѣшить! Къ закоренѣлой злобѣ,

Какъ будто составляя ядъ, мѣшаетъ

Еще мнѣ месть, и ножъ точа на мужа,

Безстыдно хвалится, что умереть

Изь-за меня онъ долженъ!.. О, къ чему

Онъ мнѣ теперь, мой жезлъ, моя повязка —

Прочь, прочь! сама его ломаю! прочь!

*(Ломаетъ и бросаетъ жезлъ
отъ лавра)*.

Повязка роковая, прочь! погибни!

Пускай другой достанется ихъ сила

Проклятая!.. На, Аполлонъ, иди,

Возьми назадъ мой жреческій покровъ!

(Кидаетъ мантию).

Ты самъ, своими видѣлъ ты глазами,

Какъ надо мной, въ одеждахъ этихъ, въ Троѣ —

Безумные!—свои же насмѣхались!

Ругали, какъ врага, ехидной нищей,
 Обманщицей — голодную меня,
 Несчастную, отвергнутую всѣми!
 И наконецъ, всевидящій, меня
 Всевидѣньемъ своимъ самъ одарившій —
 Ведеть теперь на смерть! Отъ алтарей
 Отеческихъ ведетъ подъ ножъ убійцы,
 Въ чужомъ краю!.. И все жъ тутъ не конецъ
 Пролитой крови — и за насъ опять
 Придетъ и будетъ мстить еще другой,
 И матереубійствомъ онъ отвѣтитъ
 На смерть отца!.. Скиталецъ возвратится, —
 И только онъ — одинъ — конецъ положить
 Проклятью, что лежитъ на всемъ ихъ родѣ:
 Такъ боги поклялися — смерть отца
 Ему отброситъ въ Аргось путь... *)

Но что же!

Чего стою я здѣсь? чего я плачу!
 Я видѣла погибель Иліона;
 Теперь съ небесъ упасть готова кара

*) Она разумѣетъ Ореста, сына Агамемнонова, котораго Клитем-
 нестра, со своимъ любовникомъ Эгистомъ, удалила изъ Аргоса. Въ
 третьей части этой трилогіи Орестъ, преслѣдуемый фуриями, прихо-
 дитъ въ Аѣны, и тутъ Ареопагомъ, подъ влияніемъ Паллады, полага-
 ется рѣшеніе о прекращеніи родовой мести, о чемъ здѣсь и про-
 рочествуетъ Кассандра.

На побѣдителей!.. Чего жь мнѣ медлить?
И мнѣ пора! туда жь со всѣми ими!

(Обращаясь къ воротамъ дворца).

Привѣтствую васъ, адскія врата!
Лишь объ одномъ молю: чтобы подъ вѣрнымъ
Мнѣ умереть ударомъ; чтобъ спокойно,
Покамѣсть, тихо зампрая, будетъ
Струиться кровь моя,—смежить глаза
Покорно мнѣ, безъ ропота, безъ стона...

(Сходитъ съ колесницы).

ХОРЪ.

Вотъ жребій-то!.. И вѣщій даръ при этомъ!
Зачѣмъ же, зная, что тамъ ждетъ тебя,
Идешь ты къ нимъ, навстрѣчу лютой смерти,
Идешь сама что жертва на закланье?

КАССАНДРА.

Не избѣжать, друзья мои, судьбы!
Подходить время и—влечетъ меня!..

ХОРЪ.

Но для чего жь его предупреждать?

КАССАНДРА.

Его избѣгнуть—тщетное старанье!

ХОРЪ.

Великій духъ—твоя погибель, дѣва!

КАССАНДРА.

Но есть вѣдь утѣшенье въ смерти!

ХОРЪ.

Ахъ, тотъ кто счастливъ—этого не скажетъ!

КАССАНДРА (*хочетъ идти ко двору*).

Пріамъ! Пріамъ! одна съ тобой судьба

И всѣмъ твоимъ, тебя достойнымъ, дѣтямъ.

(*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ ко двору, но возвращается назадъ въ ужасъ*).

ХОРЪ.

О, что жь еще ее тамъ поразило?

КАССАНДРА (*съ отерзаннымъ*).

Ахъ...

ХОРЪ.

Что съ тобой? опять ты вся дрожишь?

КАССАНДРА.

Не пересилю запахъ крови—тамъ!

ХОРЪ.

Быть можетъ чадъ отъ жертвоприношеній?

КАССАНДРА.

Нѣтъ, тлѣнья, тлѣнья духъ, какъ пзъ могилы!

ХОРЪ.

Увы! не сирскихъ ароматовъ запахъ!

КАССАНДРА (*отълая надъ собою усиліе*).

Иди! И тамъ наплакаться успѣешь

Еще о немъ и о себѣ... Иди!..

(*Къ хору*).

Довольно жить. Прощайте. Я дрожу,—

Но не какъ птичка передъ шумомъ лпстсьсъ:

Вы это вспомните—уже тогда,

Когда давно въ землѣ лежать я буду,

Когда за кровь мою падеть—другая,

За Агамемнона—другой... И это—

Привѣтъ мой за твое гостепрїимство

И мой прощальный даръ, о, домъ Атридовъ!

(*Поднимается по лѣстницѣ
дворца*).

ХОРЪ.

Ты намъ терзаешь сердце, чужестранка!

КАССАНДРА (*взойдя на лѣстницу*).

Къ тебѣ теперь послѣднее воззванье,

О, Аполлонъ! Последнимъ заклинаю

Тебя лучомъ, который вижу,—сдѣлай,
Что такъ же бы легко мой мститель могъ
Моимъ убійцамъ отомстить, какъ имъ
Меня убить достанется—рабу
Ничтожную и слабую... О, жизнь,
Жизнь человѣческая! Счастливъ ты?
Тынь мимолетная найдеть, и счастья
Ужь нѣтъ!.. Несчастливъ?—вмигъ—прикосновенье
Лишь влажной губки—и исчезъ твой образъ—
И это можетъ быть всего ужаснѣй!

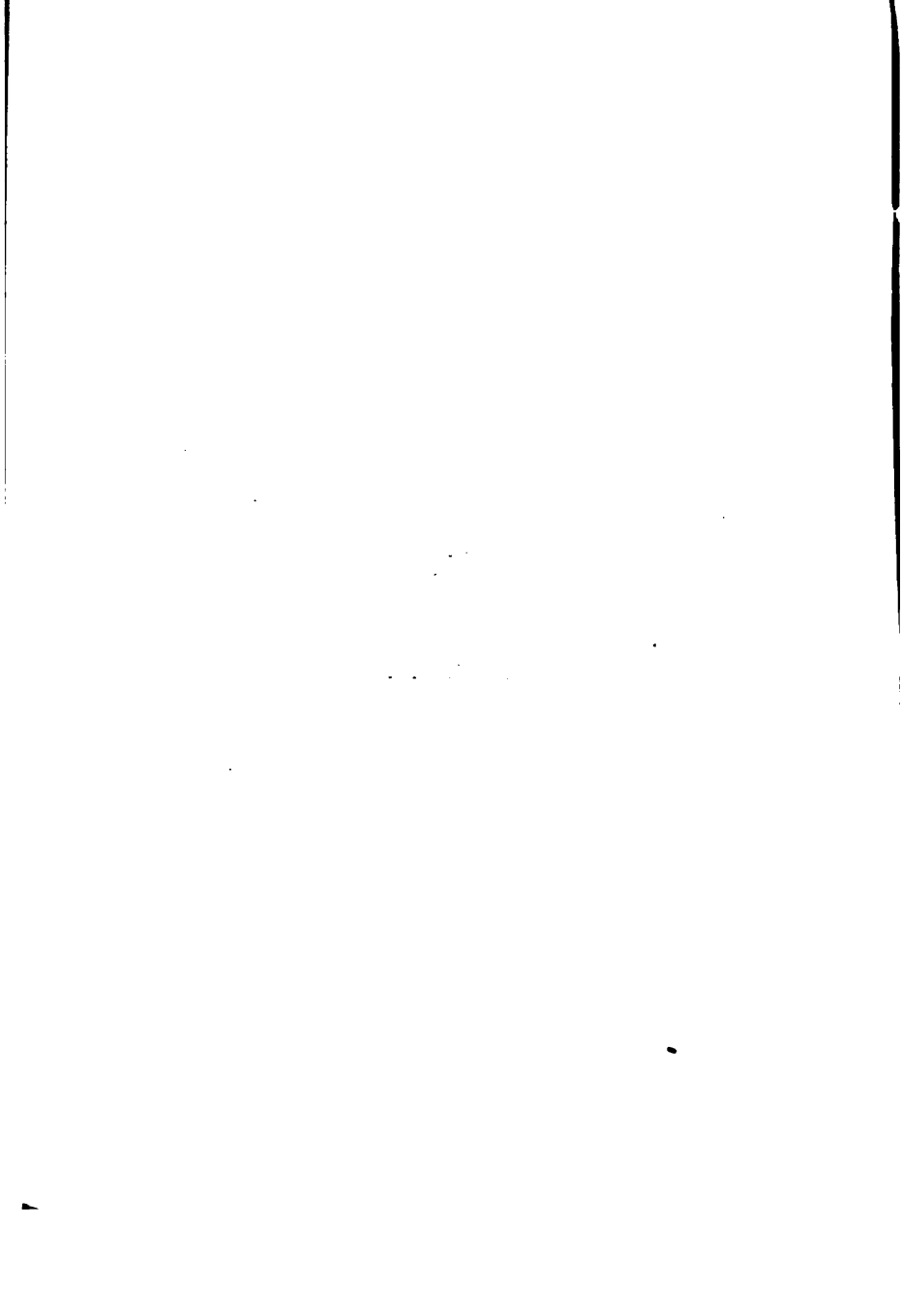
(Входитъ во дворецъ).

1874.

VIII.

ДВА МІРА.

ДВА МІРА.

ТРАГЕДІЯ.

По поводу трагедіи «Два Міра» считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ. Давно, еще въ моей юности, меня поразила картина столкновенія древняго греко-римскаго міра, въ полномъ расцвѣтѣ началъ, лежавшихъ въ его основаніи, съ міромъ христіанскимъ, принесшимъ съ собою новое, совсѣмъ иное начало въ отношеніяхъ между людьми. Я тогда же попытался изобразить ее въ поэмѣ *Олимпъ и Эсфирь*. Затѣмъ слѣдовала поэма *Три Смерти*, вторая часть которой, именно встрѣча съ христіанами, такъ и осталась недописанною. Въ 1863 году явилась и эта вторая часть, и поэма была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подъ заглавіемъ *Смерть Люція*. Далѣе, однако, углубляясь въ изученіе того и другого міра, я чувствовалъ всю недостаточность, всю внѣшность чертъ, какими характеризовалъ ту и другую сторону въ моихъ опытахъ, и къ 1872 году поэма у меня совершенно пересоздалась. Въ *Смерти Люція* героемъ, представителемъ греко-римскаго міра, у меня являлся эпикуреецъ; но этого мнѣ показалось мало. Герой долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть великій римскій патриотъ, могучій духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Римлянинъ, уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреецъ остался далеко позади предъ этимъ образомъ. Вокругъ этого новаго героя, котораго я назвалъ Децемъ, чтобы порвать всякое отношеніе къ эпикурейцу, я сосредоточилъ все разнообразіе элементовъ современнаго ему римскаго общества временъ паденія, какъ фонъ, на которомъ должна была нарисоваться

его фигура. Здѣсь я уже сдѣлалъ все, что могъ, въ изображеніи языческаго міра. Но понятъ христіанскій міръ не только въ отвлеченномъ представленіи, а въ живыхъ осмысленныхъ образахъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ сладить съ міромъ языческимъ. Какое-то внутреннее неудовлетворявшееся чувство не давало мнѣ успокоиться, и я не пропускалъ ничего, что могло познакомить меня ближе съ духомъ, образомъ и исторіей первыхъ христіанъ, главное почерпая свѣдѣнія уже не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а ища прямо въ литературѣ, во главѣ которой стоятъ Св. Евангеліе. Такъ, мало-по-малу, безъ вѣдома для меня самого, съ какою цѣлью я это дѣлалъ, у меня накопился матеріалъ, позволившій мнѣ теперь выполнить вполнѣ мою первоначальную идею и даже по тому плану, какой былъ составленъ до 1872 года. Планъ этотъ слѣдующій. Поэма должна состоять изъ трехъ частей (или актовъ). Первая часть—изъ двухъ сценъ, изъ коихъ одна должна была служить преддверіемъ къ христіанскому міру, а другая къ языческому. Обѣ сцены были написаны тогда же. Вторая часть должна ввести насъ въ самый христіанскій міръ, имѣвшій свой центръ въ Римѣ—въ катакомбахъ. Она-то мнѣ и не давалась и является только теперь. Третья часть—пиръ Деція, явленіе къ нему друзей его, христіанъ Марцелла и Лиды, и смерть его. Такимъ образомъ въ трагедіи, какъ она появляется нынѣ, вся вторая часть новалъ, первая сцена первой части вся передѣлана, а заключительная сцена третьей части значительно измѣнена.

Можетъ быть многимъ покажется страннымъ, что человѣкъ чуть не всю свою жизнь возится съ одною художественною идеей, или по крайней мѣрѣ столько разъ къ ней возвращается. Но видно я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ, что лучше сдѣлать что-нибудь одно, да «по мѣрѣ силъ»...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

На одномъ изъ холмовъ Рима входныя ворота въ палаты Деція, знатнаго римскаго патриція времянь Нерона. По обѣимъ сторонамъ воротъ на цѣпи по рабу: старецъ Іовъ и молодой человекъ Дакъ. Іовъ въ забытїи, прислонясь къ стѣнѣ. Къ Даку подходитъ его однолѣтокъ Геть. Оглядѣвшись во всѣ стороны, онъ садится рядомъ съ Дакомъ. Весь разговоръ ихъ полушепотомъ, настроеніе ихъ таинственное.

ГЕТЬ.

Что старецъ дремлетъ?

ДАКЪ.

Тс! Молчи!

Какъ будто задремаль немного,
А можетъ быть и нѣтъ. Въ ночи
Съ нимъ было чудо: видѣль Бога.

ГЕТЬ.

Какъ видѣль Бога?

ДАКЪ.

Говорилъ

Онъ какъ, да слабъ ужъ очень былъ,
Невнятно. Чась пожалуй цѣлый
Лежалъ онъ словно помертвѣлый.
Такъ страшно было! Я будилъ,
Не слышать.

ГЕТЬ.

Бога видѣлъ!

А впрочемъ, если ужъ кому
И видѣть Бога, такъ ему!
Ну, есть ли кто, кого бь обидѣлъ
Хоть словомъ онъ?.. Вотъ за кого
Я бь душу отдалъ—понимаешь,
Такъ, чтобъ въ мученьяхъ!..

ДАКЪ.

А ты знаешь

У цѣпи онъ изъ-за чего?

ГЕТЬ.

Нѣтъ.

ДАКЪ.

Видишь, прежде онъ въ почетѣ
Былъ въ домѣ. Ни къ какой работѣ

Не понуждали. Господинъ
Съ нимъ разговаривалъ. Одинъ
Вотъ этотъ Давусъ ненавидѣлъ,
И разъ сталъ бить его. У насъ
Былъ мальчикъ: это онъ увидѣлъ,
Да хватъ за ножъ, и тутъ какъ разъ
Конецъ бы Давусу, да кто же
Его, какъ думаешь ты, спасъ?
Самъ старецъ Іовъ.

ГЕТЬ.

Боже! Боже!

ДАКЪ.

Да, ухватилъ и удержалъ.
А Давусъ: «это»—закричалъ—
«Твои дѣла! ты ихъ собираешь,
«Ты ихъ мѣтишь и развращаешь,
«Да у меня коротокъ судъ».
Ну—мальчика къ муренамъ въ прудъ,
А старца къ цѣпи!

ГЕТЬ (*подумавъ*).

А кто знаетъ?

Вѣдь мальчикъ-то теперь въ раю!
Все жъ душу положилъ свою

За ближняго!.. Вотъ что бываетъ
 Со мною: будто у меня
 Есть врагъ; и я иль изъ огня,
 Иль изъ воды его спасаю,
 И на меня дивится онъ.
 И вотъ ему я объясняю,
 Что ужъ таковъ Христовъ законъ:
 «Люби врага»... И такъ все живо,
 И говорю, и самъ горю,
 И даже плачу.

(Молчаніе).

ДАКЪ.

А ты во снѣ выдаешь домъ?

ГЕТЬ.

Ужь рѣдко.

ДАКЪ.

Ну, а я выдаю.

У насъ крутой былъ спускъ къ Дунаю,
 А противъ поле, и на немъ
 Становятъ станы: все кругомъ,
 Все вѣжи... шумъ такой и ржанье...
 Тутъ какъ-то снилось, что пришли
 Съ войны и плѣнныхъ привели
 И ихъ готовятъ на закланье

Богамъ. И началъ я просить,
 Чтобъ ихъ не трогали; хулить
 Сталъ идоловъ, и—закричали
 И на меня всѣ разомъ—взяли
 И тащутъ и хотятъ убить,
 А я-то все за нихъ молюся...
 И старецъ Іовъ вдругъ ужь тутъ
 Явился...

(Слышно хлопанье бича. Геть вскакиваетъ и смотритъ съ горы; возвращается вполыхать).

ГЕТЬ.

Давуса несутъ...

Бѣгомъ да въ гору!

(Толкаетъ Іова)

Старче!

Проснися! Давусь!..

(Убѣгаетъ).

Подбѣгаютъ десять рабовъ, несущіе золотыя носилки, и ставятъ ихъ передъ воротами. Какъ остановились, двое изъ нихъ упали безъ чувствъ, остальные съ трудомъ переводятъ духъ. Изъ носилокъ выгѣзаетъ толстый дворецкій Деціевъ, Давусъ.

ДАВУСЪ *(расправляя руку, держащую плеть).*

Мерзавцы! Ломить вѣдь плечо!

Сегодня умирать изволить

Ихъ господинъ, а имъ еще
Прибавить шагу трудно!..

(Смотритъ на упавшихъ).

Палл

Собаки! слабосильны стали!

(Ударяя Дака плетью).

Ты что глазѣшь? Отворяй?

*(Къ носильщикамъ, увидѣвъ, что они
хотятъ поднять упавшихъ).*

Да бросьте: мало ихъ!.. Ступай
Вы всё впередъ, бѣгомъ! стучите
Въ большую доску десять разъ;
Потомъ чуть-чуть повремените—
Опять ударить десять разъ!
Еще чуть-чуть повремените—
Опять ударить десять разъ!
Пирь на весь Римъ!.. Ну, что стоите!

(Рабы бѣгутъ; Давусъ имъ въ слѣдъ).

Чтобъ вылѣзали всё изъ норъ!
Бѣжали бъ къ дѣлу всё, весь дворъ,
Чтобъ всё одѣты, чисты были!..

Чего не позабылъ ли?.. Ну,
Не въ первый разъ! Римъ покормили
Въ свой вѣкъ, и кесари хвалили!

Хоръ, танцы—этимъ я начну;
 Цвѣты ко всякимъ перемѣнамъ,
 Бой гладиаторовъ—финалы!

(Оглядываясь на рабовъ).

Лишь бы изъ нихъ кто не сплюшалъ...
 Да у меня—тотчасъ къ муренамъ!
 Не знаю все—что мой народъ?
 Ужъ смиренны очень, терпѣливы...
 Нѣтъ воровства совсѣмъ!.. идетъ
 Все въ струнку... Только молчаливы,
 И что-то шепчутся... И къ нимъ
 Все кто-то шмыгаетъ, къ собакамъ...
 Охъ, на вулканѣ мы стоимъ!
 Спартакомъ пахнетъ, да! Спартакомъ!

(Уходитъ въ ворота).

ДАКЪ *(затворивъ двери, къ упавшимъ).*

Сс!.. Азіатикъ! Буривой!
 Не слышать...

Входятъ Лида, молодая женщина, въ темной туникѣ, съ бѣлымъ покровомъ на головѣ, низко спускающимся на лицо; за нею нѣсколько человекъ христіанъ.

ЛИДА *(увидя трупы).*

Это кто?.. Кровь льется...

Несите внизъ туда къ больнымъ. *(Нѣсколько человекъ уносятъ тѣла).*

ДАКЪ.

Надорвались!.. Не жить ужь имъ!..
 Жаль Буриволя... вмѣстѣ взяли
 И привели насъ...

ІОВЪ *(съ тихою скорбью; вообще рѣчь
 его кроткая).*

Отстрадали

Свой вѣкъ и къ Господу предстали,
 И предъ Его теперъ лицомъ..
 Святую кротость ихъ помянетъ
 Всевышній на судѣ Своемъ!

ДАКЪ.

И вотъ же, въ эту жь ночь предстанетъ
 И господинъ туда, и тамъ
 Ихъ встрѣтитъ... Здѣсь собой надменный,
 Великій, недоступный намъ,
 А тамъ—изъ огненной геенны
 Смотрѣть онъ будетъ въ свѣтлый рай,
 Къ своимъ рабамъ!..

ІОВЪ.

Не упреждай
 Господень судъ!

ЛИДА.

О господинѣ
Ты что сказалъ?

ДАКЪ.

А хочеть нынѣ
Онъ умирать...

ЛИДА.

Онъ боленъ!

ДАКЪ.

НѢТЬ.

Сказалъ тутъ Давусъ—умираеть
Сегодня...

ЛИДА (*про себя*).

Боже! И его

Я не спасу!..

ДАКЪ.

Весь Римъ сзываетъ
На пиръ. И Давусъ оттого
Въ тревогѣ...

ЛИДА.

Децій умираеть!

Онъ, Децій! Да вѣдь въ немъ весь Римъ
Въ вѣкахъ держащійся корнями—

И сдвинуть слабыми руками
 Мнѣ, женщицѣ?... О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..
 Безумная! а ты обѣтъ
 Себѣ давала... (Къ *Иосу*). Отче, можетъ
 Повѣрить онъ?

ІОВЪ.

Чего не можетъ
 Господь? велить Онъ, и гора
 Подвигнется...

ЛИДА.

Вѣдь онъ добра,
 Онъ истины искалъ...

ІОВЪ.

Помилуй
 Всѣхъ, Господи! всѣмъ даруй силу
 Гордыни тяжесть превозмочь
 И распознать, гдѣ день, гдѣ ночь!

ЛИДА.

Къ тебѣ я, отче; вотъ въ чемъ дѣло:
 Поручено мнѣ отъ Марцелла
 Сказать, что выйдетъ можетъ быть
 Декретъ сегодня жъ: объявить,
 Чтобъ завтра утромъ мы явились

Къ властямъ; какъ Богу поклонились
 Статуѣ кесаря, а нѣтъ—
 То смерть. Чтобъ обсудить рѣшенье,
 Всѣхъ въ катакомбѣ на совѣтъ
 Зоветь Марцеллъ.

ДАКЪ (*восторженно къ Іову*).

Твое видѣнье!..

ЛИДА.

Предложить каждому одинъ
 Вопросъ: ты кто? христіанинъ?
 Отвѣтишь—да, и отбирають,
 Къ звѣрямъ или въ пламя назначаютъ,
 И тутъ же всѣхъ пытать тотчасъ,
 Чтобъ въ мукахъ вырвать подтвержденье
 Всего, что вводится на насъ.

ДАКЪ.

Вотъ ангеловъ зачѣмъ видѣнье!

ЛИДА (*къ Іову*).

О чемъ онъ, отче, говорить?

ДАКЪ (*живо, указывая на Іова*).

Сегодня ночью откровенье

Имѣлъ онъ свыше!..

ГОВЪ.

Смыслъ сокрытъ

Видѣній... врядь ли подобаетъ
Объ этихъ тайнахъ говорить...
Хотя и то же можетъ быть:
Господь въ видѣннѣхъ возвѣщаетъ
Свою намъ волю...

Да! со мной

Свершилось нынѣ то, что даже
Я и теперь какъ самъ не свой...
Сидѣлъ я здѣсь, и надъ собой—
А время шло къ четвертой стражѣ—
Вдругъ слышу голосъ: «встань!» и вдругъ
Какъ будто что меня подняло
На высоту—и только духъ,
А тѣло на землѣ лежало,
Что риза снятая—его
Я видѣлъ: блѣдно и мертво,
И безъ движенья... подивился
Я самъ въ себѣ и взоръ возвелъ
На небо, и какъ бы раскрылся
Тамъ облакъ... вижу я: престоль
И Нѣкто былъ на немъ Сидящій
И свѣтъ великій вокругъ Него
Какъ бы отъ солнца исходящій

Въ пространство отъ лица Его;
И словно въ радужномъ туманѣ,
Съ блистаніемъ мечей и латъ,
Полки несмѣтные ко брани
Готовые кругомъ стоять;
И съ распростертыми крылами,
Внизу, на воздухъ предъ Нимъ
Все были ангелы съ мечами
Въ рукахъ... и говорилъ Онъ имъ:
«Которые не поклонились
«Кумирамъ идольскимъ, ни мукъ,
«Ни смерти злой не устрашились,—
«Блюдите души ихъ...» и вдругъ,
Вспумѣвъ крылами, обернулся
Къ землѣ сонмъ ангельскій, и внизъ
Они въ пространство понеслись...
Я поглядѣть на нихъ нагнулся,
Но облакъ быстро запахнулся,
И скрылось все... Темно кругомъ—
И такъ мнѣ тяжело, страшно стало!
И я глаза открылъ съ трудомъ—
И все, какъ прежде—портикъ, домъ,
И цѣпь, все тутъ... Чуть-чуть свѣтало...

ОДИНЪ СТАРИКЪ (*Благоговѣнно*).

Господь ужъ это... по дѣламъ

Твоимъ... восхитилъ къ небесамъ
 Твой духъ... быть можетъ упреждаетъ
 Черезъ тебя, что Самъ идетъ
 Судить, и знаменье даетъ...

ІОВЪ.

Когда Господь придетъ, не знаетъ
 Никто!.. и міръ Его узритъ
 Внезапно, во мгновенье ока,
 Какъ молнія: блеснетъ съ Востока
 И разомъ небо озаритъ
 До края запада...

ЛИДА

...Теперь, отецъ, прости,
 Иду къ другимъ.

ІОВЪ.

Всѣмъ повѣсти!

ДАКЪ *(ей вслѣдъ)*.

Ужъ завтра встрѣтимся быть можетъ
 При гласахъ трубныхъ... день суда!

ЛИДА *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и
 останавливается)*.

Сердца ихъ радуются... Да!
 Но душу мнѣ еще тревожить
 Обѣтъ не совершенный мной...

(Оглядываясь на дворецъ Деція).

О, Децій, Децій... Боже мой!
 Ужель и въ мигъ, когда надъ бездной
 Теперь стоитъ онъ, Ты ему
 Не бросишь лучъ свой съ тверди звѣздной
 Во всю имъ пройденную тьму!..

(Уходитъ).

~~~~~

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ термахъ. Децій, богатый римскій патрицій, отдыхаетъ послѣ бани, окруженный кліентами. Вдали, у выходной арки, толпа рабовъ. Ювеналь, молодой человѣкъ, заглянувъ въ комнату, послѣшно входитъ.

ЮВЕНАЛЬ.

Ахъ, Децій! на одно мгновенье!

*(По знаку Деція кліенты
и рабы удаляются).*

Ужели правда?

ДЕЦІЙ.

Жаль одно!

Задумалъ я уже давно,
 Да отлагалъ все исполненье,
 И кесарю доставилъ честь
 Напомнить! вотъ что мнѣ обидно!
 Я знаю, стоить произнестъ
 Мнѣ только слово—съ тѣмъ безстыдный

И назвался ко мнѣ евнухъ
 Миртиллъ на ужинъ: обнимаетъ
 И ластится какъ нѣжный другъ,
 На всѣ лады мнѣ намекаетъ,
 Скажи, моль, слово, и тотчасъ
 Все позабыто! но ужъ насъ
 Врасплохъ, надѣюсь, не застанеть!

ЮВЕНАЛЪ.

Ужель вся буря отъ того,
 Что декламаціей его
 Ты не былъ тронуть.

ДЕЦІЙ.

Какъ кто взглянетъ!

Ему, на чтеньи, три лица
 Своимъ присутствіемъ ужъ въ залѣ—
 Помпоній, Руфъ и я—мѣшали,
 И крикнулъ онъ: «Три мертвеца!»
 И вышелъ, въ насъ швырнувши свитокъ...
 Чтò жъ? Слово кесаря—законъ!
 Въ немъ—Римъ!.. Я тутъ же на прощанье
 На пиръ все пригласилъ собранье...
 Но тотчасъ спохватился онъ:
 Отъ казней, отъ убійствъ и пытокъ

Римъ отдохнуть успѣлъ едва;
 Веадъ читаются слова
 Предсмертныя Сенеки; шопоть
 Еще идетъ какъ умиралъ
 Пизонъ и Люцій, даже ропоть
 Въ преторіанцахъ пробѣжалъ,—
 И къ намъ клеветета за клеветомъ
 Онъ шлетъ съ намекомъ или совѣтомъ.
 Руфъ и Помпоній, передъ нимъ
 Тѣ извинились; мы молчимъ...
 Весь анекдотъ пожалуй въ этомъ.

ЮВЕНАЛЪ.

Въ какое время мы живемъ!..
 И жизнь, и смерть—всему значенье,
 Цѣна утрачена всему!

ДЕЦІЙ (*равнодушно, полушутливо*).

Что значить жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
 Промчался мотылекъ, мгновенье
 Блеснувъ на солнцѣ!.. Человѣкъ
 Самъ по себѣ что значить въ мірѣ?
 Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
 И за приборъ его на пирѣ
 Другой садится... (*Вдругъ одушевляясь*). Но для насъ,

Для старыхъ Римлянъ, для семей,
 Которыхъ съ Римомъ жизнь слилась,
 Которыхъ предки Риму были
 Отцами и которыхъ духъ
 Изъ рода въ родъ передавался
 И держать Римъ, — ужь то нейдетъ
 Сравненья!.. Въ Римъ теперь собрался
 Со всей вселенной всякій сбродъ;
 Въ курульныхъ креслахъ возсѣдаютъ
 Чуть не вчерашніе рабы
 И грязнымъ пальцемъ наклоняютъ,
 Куда хотятъ, вѣсы судьбы...
 Отъ этой сволочи презрѣнной
 Мы устранились и смиренно
 Живемъ въ провинціяхъ, въ поляхъ;
 На Римъ, пока онъ въ ихъ рукахъ,
 Глядимъ извнѣ какъ чужестранцы,
 Или какъ трезвые Спартанцы
 На перепившихся рабовъ...
 Мы ждемъ, и наша вся забота
 Лишь въ томъ, чтобъ старый духъ отцовъ
 Являлся требовать отчета
 Въ палаты кесарей порой;
 Чтобъ у поруганнаго трона
 Онъ появлялся судіей,

Грозящимъ призракомъ Катона,—
 А этотъ призракъ всякій разъ
 Встаеть, во всѣ дома стучится,
 Лишь только новое свершится
 Самоубійство между насъ!

ЮВЕНАЛЬ.

Самоубійство, мечъ, отравя!
 И въ этомъ—лучшихъ изъ мужей
 Теперь величіе и слава!
 Чтò жь съ бѣдной музою своей
 Поэтъ тутъ сдѣлаеть?.. Не знаешь.
 На чемъ стоишь! почти теряешь
 Ужь и понятіе о томъ,
 Чтò называть добромъ и зломъ!

ДЕЦІЙ.

Да, жаль мнѣ васъ!.. На вашу лиру
 Изъ міра нечему пахнуть,
 Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
 Ей отозваться какъ-нибудь!..
 У дикихъ Скиювъ и Тевтоновъ
 Видалъ ночные я пиры:
 Среди глухихъ, лѣсныхъ притоновъ,
 Зажгутъ они свои костры,

Въ кругу усядутся въ долинь
И пьютъ меды, а посрединѣ
Поеть пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ пожалуй непріятенъ,—
Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
И кто тамъ больше былъ поэтъ
Пѣвецъ иль слушатели сами?
Но эта ночь, въ лѣсу, съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ —
Все,—даже самые ихъ боги,
Что въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
Съ высотъ внимають,—все дышало
Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То, что толпа ему давала...
А вы? куда васъ повлекутъ,
И что вамъ слушатели скажутъ?
Какія цѣли вамъ укажутъ
И въ ваши пѣсни что вольютъ?

ЮВЕНАЛЬ.

И Римъ такой же былъ когда-то!

Такая жь пѣснь и въ немъ жила!
Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
Кориолана, Цинцинната!..
О, Децій, вѣтъ! съ собой самимъ,
Съ тобой къ чему мнѣ лицемѣрить?
Но я почти не вѣрю въ Римъ!

ДЕЦІЙ.

Кто вѣрить въ разумъ, тотъ не вѣрить
Не можетъ въ Римъ!.. Аѳины: въ нихъ
Искусства намъ явилось солнце;
Ихъ геній въ юномъ Македонцѣ
Протекъ между племенъ земныхъ,
Съ мечомъ неся рѣзецъ и лпру.
Римъ все собой объединилъ,
Какъ въ человѣкѣ разумъ; міру
Законы далъ и міръ скрѣпилъ.
Находятъ временныя тучи,
Но разумъ бодрствуетъ, могучій
Не никнетъ духъ... И сядь на тронъ
Философъ—съ трона свѣтъ польется,
И будетъ кесаревъ законъ
Закономъ разума. Вернется
Златой быть можетъ вѣкъ. Твой даръ
Сатира. Помни жь, что сатира—

Дочь разума. Ея ударъ
Разить передъ глазами міра.
Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко:
Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива!
Вотъ чтò тебѣ я на прощанье
Сказать могу!..

*(По знаку Деція рабы и кліенты къ нему
подходятъ и надвѣаютъ на него верхнюю
тогу).*

ЮВЕНАЛЪ *(съ раздумьи).*

...Ужасное сознанье!
Въ чемъ, гдѣ же эта высота?
Въ душѣ кипить негодованье,
Подъ нимъ же, боги, пустота!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ КАТАКОМБАХЪ.

Большая зала въ катакомбахъ. Направо, налѣво внутренніе подземные входы. При нихъ лампы. По стѣнамъ нѣсколько нишъ для гробницъ и надъ ними надписи. Въ глубинѣ сцены вырубленная въ скалѣ лѣстница. На поворотѣ этой лѣстницы, въ половину ея высоты, сидитъ Дидима, дѣвочка, слѣпая; тутъ же свѣтильникъ и свѣчки. Въ глубинѣ сцены, около стѣны, гдѣ лѣстница, значительная группа разныхъ лицъ, странниковъ и преимущественно рабовъ, слушающихъ Иова.

ДИДИМА (*засмыша шати приближающихся двоихъ, наростъ*).

Свѣчечкой, свѣчечкой
Зрячій отъ слѣпенькой
Въ путь запасись!

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОХОДЯЩИХЪ.

Мы къ старцу Иову... Господь
Съ тобой, Дидима!

ДИДИМА.

Съ вами тоже!

(*Они сходятъ съ мѣстности и присоединяются къ слушающимъ*).

ДѢВЧОЧКА *(сама съ собою, наростъ).*

Мнѣ онъ не надобенъ

Свѣточъ земной!

Все озаряетъ мнѣ

Свѣта небеснаго

Искорка малая

Въ сердцѣ моемъ...

ОДИНЪ ИЗЪ ГРУППЫ СЛУШАЮЩИХЪ ІОВА.

А послѣ женщинъ, Онъ потомъ

Ученикамъ явился, днемъ?

ІОВЪ.

Да, ввечеру. Какъ прибѣжали

Къ ученикамъ онѣ, сказали,

Что видѣли, тѣ все почли

За ихъ мечтанье. Съ этимъ двое,

Клеопа и Лука, пошли

Въ Эммаусъ. Мѣсто тамъ пустое

Дорогой. Шли они одни —

Вдругъ между нихъ явился Третій

И ихъ спросилъ: о чемъ они

Печалются и плачутъ? Эти

Дивятся: какъ же это Онъ

Не знаетъ, бывъ въ Ерусалимѣ,

Что тамъ Исусъ пророкъ казненъ!
Онъ рѣчь повелъ объ этомъ съ нимъ,
И слушать сладко былъ имъ,
И на слова Его горѣло
Ихъ сердце. Между тѣмъ стемнѣло.
Подходятъ къ дому. Дольше съ Нимъ
Побыть имъ хочется, и просятъ,
Чтобъ съ ними въ домъ и Онъ вошелъ.
Зажгли свѣтильникъ. Хлѣбъ приносятъ,
Вино. И, взявши хлѣбъ, возвелъ
Горѣ Онъ очи, преломляя
Его съ благословеньемъ: въ мигъ
Какъ бы открылись очи ихъ,
И оба вдругъ они признали,
Что это Самъ Онъ — съ ними шелъ,
И говорилъ, возлегъ за столъ,
И дѣлалъ такъ все, какъ видали
Онъ дѣлалъ. — и взыгралъ ихъ духъ —
«Равви», хотѣли ужъ воскликнуть
И броситься къ Нему, какъ вдругъ
Глядятъ, Онъ сталъ невидимъ...

СЛѢПАЯ (у себя наверху).

Свѣчечкой, свѣчечкой

Зрячій отъ слѣпенькой

Въ путь запасись!

*(Двое молодыхъ людей, Главкъ и Эвменъ,
подходятъ къ ней, берутъ свѣчи).*

ЭВМЕНЪ *(спускаясь съ лѣстницы).*

Отсюда безъ огня ужъ намъ

Нельзя идти.

ГЛАВКЪ *(указывая на двѣрочку).*

Она слѣпая?

ЭВМЕНЪ.

Слѣпая; но по всѣмъ путямъ,

Свои примѣты наблюдая,

И здѣсь, и въ городѣ, пройдетъ

Вездѣ одна...

ГЛАВКЪ.

И раздастъ

Намъ, зрячимъ, свѣтъ!

ЭВМЕНЪ *(приближаясь къ авансценѣ).*

Да, но простая

Одна случайность... Видишь тутъ

У насъ для странниковъ пріютъ,

Ихъ первый отдыхъ. Издалека

Приходятъ — съ запада, съ востока,

Изъ Африки. Отъ всѣхъ церквей
 Приносятъ вѣсти, край отъ края,
 Со всей земли. Вокругъ гостей
 Всегда бесѣда.

ГЛАВКЪ.

Туть слѣпая
 Свѣтъ раздающая!.. въ цѣпяхъ
 У входа старецъ — руки, плечи
 Изъязвлены, а въ небесахъ
 Витаетъ духъ и на устахъ
 Любви исполненныя рѣчи, —
 Все это точно чудный сонъ!

ЭВМЕНЪ.

Тотъ старецъ? оглянись, вотъ онъ!
 Какъ люди кончатъ трудъ, съ тяжелой
 Онъ цѣпи смѣнится — всѣ туть!
 Всѣ, какъ на цвѣтъ медвяный пчелы,
 Послушать словъ его бѣгутъ...
 Начитанъ древнихъ книгъ еврейскихъ,
 Самъ онъ съ Востока, былъ вождемъ
 Племень какихъ-то арамейскихъ
 (Языкъ ихъ сходенъ), жилъ царемъ,
 Полнъ гордыхъ замысловъ когда-то —
 И вдругъ разгромъ! всего утрата!

Плѣненъ и проданъ, дни влачить
Рабомъ — и что же?.. Говорить,
Что бытія позналъ онъ сладость
Лишь тутъ, по благости Творца;
Что тутъ вкусилъ и понялъ радость
Онъ вдругъ прозрѣвшаго слѣнца;
Что лишь въ цѣпяхъ, на жесткомъ ложѣ,
Обрѣлъ онъ то, что намъ дороже
Земнаго скиптра, и вѣнца,
И всѣхъ сокровищъ міра — Бога
И путь къ Нему! И съ этихъ поръ,
Какъ путникъ ночью у порога
Предъ освѣщеннымъ домомъ, взоръ
Онъ съ совершенствъ Его не сводить.
И въ созерцаньѣ ихъ находятъ
Ту мудрость, силу и покой,
Чѣмъ всѣхъ невольно покоряетъ
И въ высоты, гдѣ пребываетъ,
Всѣхъ увлекаетъ за собой...

ГЛАВКЪ.

Не въ этомъ ли и все ученье
Христа, Эвменъ? не все ль въ одной
Молитвѣ Отче Нашъ? въ моленъѣ
О царствѣ Божьемъ на земли?

Когда бь мы всѣ постичь могли
Отца святое совершенство,
И всѣ исполнились бы Имъ, —
Жизнь стала бь вѣчное блаженство
И міръ сталъ раемъ бы земнымъ!
Его лишь волю бь мы творили,
И зло исчезло бь навсегда...
Не только кары, мы бь суда
Названье даже позабыли!

ЭВМЕНЪ.

Ахъ, Главкъ, уможь хоть и поймешь
И видишь дивные примѣры,
Да вдругъ ни силы нѣтъ, ни вѣры.
И ты колеблешься и ждешь
Какъ передъ пропастью — спасенье
Иль шагъ измѣнить, и — паденье!
Примѣръ намъ старецъ Іовъ... Но...
Вотъ видишь, Главкъ, раздвоено
Все существо мое! тревожить
Меня сомнѣнье: дай совѣтъ.
На завтра бракъ мой и быть можетъ
На завтра жь Кесаревъ декретъ!
Быть можетъ страхъ мой и не къ мѣсту,
Но противъ воли трепещу,

Что поведу я вдругъ невѣсту
Не къ алтарю, а къ палачу, —
И тутъ испугъ или невольный
Прочту укоръ въ ея глазахъ,
Самъ поколеблюсь... Вотъ мой страхъ!
И съ нимъ мнѣ тяжело и больно!
Такъ молода! почти дитя...
Вхожу вчера, въ душѣ такъ мрачно,
Она, съ подругами шутя,
Спѣшитъ нарядъ окончить брачный,
И споръ у нихъ — изъ-за шитья!
Чтобъ я рѣшилъ — еще хотѣла!..
Потомъ другое: вечерѣло,
Въ саду сидѣла вся семья:
Два бѣлыхъ голубя надъ нами
Взлетали плавными кругами
Все выше въ синеву небесъ;
Она слѣдить, дохнуть не смѣя,
Какъ свѣтлой искрой, все слабѣя,
Въ лазури вдругъ ихъ слѣдъ исчезъ...
Она мнѣ крѣпко сжала руку,
И шепчетъ: это мы съ тобой!
И улыбается... Какой,
Ну какъ сказать — восторгъ и муку
Въ тотъ мигъ я разомъ ощутилъ...

Что отвѣчалъ ужь — и не знаю...
Прости мнѣ, Главкѣ! хотъ облегчилъ
Призваньемъ сердце...

ГЛАВКЪ.

Понимаю.

Но врядъ ли правъ ты передъ ней.
Всей новой жизнию моею —
А этой жизнью называю
Когда Христа лишь началъ знать —
Я женщинѣ обязанъ. Мать,
Меня взрастила въ нѣгѣ, въ холѣ.
Изъ этой роскоши потомъ
Вдругъ очутился я рабомъ,
Но роскошь та же и въ неволѣ:
Хозяинъ мой былъ меценатъ;
Поэтъ, пѣвецъ, надъ нимъ скорѣе
Я деспотъ былъ, и онъ былъ радъ
Служить любой моей затѣѣ,
Гордясь лишь правомъ надо мной.
Такъ я страстямъ не зналъ преграды
Отъ дѣтскихъ лѣтъ: всегда съ толпой
Друзей; гдѣ явима — пощады
Ужъ нѣтъ и нѣтъ на насъ суда!
Вдругъ воспылалъ я страстью — да!

Къ замужней женщинѣ... Бывало,
Полуспустивши покрывало,
Идеть... ребенокъ иногда
За палець держится... Сгораю
Я вспоминая отъ стыда...
Я тотчасъ планъ изобрѣтаю
Изъ дома выманить, увлечь
И обмануть. Обдумалъ рѣчь —
Уже заранѣ торжествуя —
Друзья въ засадѣ, въ домъ вхожу я
И вижу: на густыхъ коврахъ
Она, ребенокъ на рукахъ,
Другой цѣлуетъ шею, третій
Изъ-за плеча, съ боковъ, въ ногахъ,
Кругомъ смѣющіяся дѣти,
И улыбается она,
Живымъ вѣнкомъ окружена
Изъ дѣтскихъ лицъ; всѣ во мгновение
Прижались къ ней. Въ самой смущенье —
«Кто ты? зачѣмъ?» — порывъ души
Здѣсь, до меня безъ опасенья
Царившей въ тайнѣ и тиши
Своей святыни... Всѣ расчеты,
Вся ложь, съ какой вошелъ я къ ней,
Разбились въ прахъ. Что изъ дѣтей,

Огромѣ двухъ, тѣ всѣ сироты,
 Что это христіанскій домъ, —
 Я прежде зналъ. Стою стыдомъ
 Какъ бы прикованный на мѣстѣ...
 Эвмень, я то хочу сказать:
 Мнѣ кажется, въ твоей невѣстѣ
 Должна, ужъ въ дѣвицѣ, сіять
 Такая жъ будущая мать
 И то жъ для близкихъ провидѣньс,
 Какъ та мнѣ сдѣлалась потомъ...
 Ну, въ свой чередъ мнѣ извиненья
 Просить — я задержалъ, идемъ.

(Уходятъ, застѣвая свѣчи).

(Съ лѣстницы между тѣмъ спускается слѣпой старикъ, ведомый мальчикомъ).

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ *(къ мальчику).*

Здѣсь и сберутся и объявятъ
 Декретъ?.. Ну, вотъ! до своего
 И дожилъ дня!.. Вѣдь я Его
 Самъ близко видѣлъ... Запоздали
 Въ пути мы и какъ разъ попали
 Какъ выводилъ Его Пилать

Къ народу... Помню этотъ взглядъ,
 Слегка опущенныя вѣки,
 Весь образъ — я былъ зрячъ тогда —
 Ну — точно въ сердцѣ навсегда
 Отпечатлѣлся, ужъ на вѣки...
 Два факела по сторонамъ —
 И Онъ въ вѣнцѣ изъ терній Самъ...
 Ослѣпъ потомъ и потускнѣло
 Все въ памяти... Онъ какъ живой
 Одинъ остался...

(Останавливается, прислушивается къ шлосу Иова).

ИОВЪ.

Не льститесь благами земными!
 Вотъ ты сокровищъ приобрѣлъ
 И спряталъ; сердцемъ будешь съ ними
 Вездѣ, куда бы ни ушелъ!
 Сбери сокровища для вѣчной
 Лишь жизни...

слѣпой старикъ.

А! Иовъ тутъ!.. Пойдемъ къ нему!
 Охъ, дивный мужъ!

(Присоединяются къ группѣ Иова).

Изъ галлерей справа выходитъ Лида, ведя подъ руку пожилую женщину Мениппу; сажаетъ ее на скамьѣ).

ЛИДА.

Приотдохни, садись сюда!
Ты такъ устала, ослабѣла...

*(Съ мѣстницы спускается нѣсколько
человѣкъ дѣтей; съ ними женищина.
Лида подходитъ къ нимъ, оправляетъ
ихъ, ласкаетъ).*

МЕНИППА *(одна)*.

Все видѣла, все осмотрѣла, —
И въ Римѣ нѣтъ... все нѣтъ!.. Куда
Еще теперь? куда? въ какіе
Еще края?.. И хотъ бы слѣдъ!

(Къ Лидѣ, къ ней подходящей).

Какъ хорошо у васъ!.. Такіе
Все добрые... Ко всѣмъ привѣтъ!
Пещеры... своды... лица эти —
Все мирно, тихо... Я бѣ у васъ
Осталась...

ЛИДА.

Что же? Въ добрый часъ...

(Указывая на дѣтей).

А эти дѣти — «Божьи дѣти»
 Мы ихъ зовемъ — на площадяхъ
 Подобраны, на пустыряхъ...
 Кто бросилъ? чьи? Никто не знаетъ:
 Вотъ «Божьи» и зовемъ мы ихъ!

МЕНИППА (*содрогнувшись, сильно*).

Злодѣи! Звѣрь дѣтей своихъ
 И дикій звѣрь не покидаетъ!

(*Съ мстницы несутъ на носилкахъ
 раненаго*).

ЛІДА (*къ несущимъ*).

Ко мнѣ?

НОСИЛЬЩИКЪ.

Ужъ перевязанъ. Раны
 Не глубоки. Былъ принесенъ
 Безъ чувствъ.

МЕНИППА (*бросается къ раненому,
 смотритъ и возвращается
 грустная. Дѣтей между
 тѣмъ уводятъ*),

Все нѣтъ! не онъ, не онъ!

(*Возвращается на свое мѣсто*).

А такъ же, можетъ, бездыханный
 Подбранъ былъ... и былъ спасенъ...

(Къ Лидь)

Нѣтъ, я не въ силахъ... Нѣтъ, таптъся
Я не могу — душа моя
Должна передъ тобой открыться:
Я васъ обманывала!.. Я —
Не христіанка... Изъ Милета
Я родомъ. Вѣкъ жила я тамъ —
И вотъ теперъ шестое лѣто
Скитаюсь по чужимъ землямъ...
Я сына все ищу!.. Когда-то
Мы жили пышно и богато...
Но вдругъ война... свои враги...
Мужъ умеръ... Началась расплата —
И сынъ взять въ рабство за долги!..
Онъ былъ ученъ, игралъ на лирѣ,
Слагать гекзамеры умѣлъ...
Разъ господинъ ему велѣлъ
Въ честь Афродиты пѣть на пирѣ.
Онъ отказался! отчего —
Досель не знаю! Говорили,
Что христіане соблазнили...
Всѣ поднялися на него,
Вмѣшалась чернь — такіе нравы
У насъ ужъ! крики, брань и стоны!
Бѣгу я, вижу слѣдъ кровавый,

Его разорванный хитонъ,
 А онъ исчезъ!.. Одни вопили —
 Убить и въ море трупъ стащили,
 Другіе — кѣмъ-то унесенъ.
 Чтò жь? живъ или нѣтъ?.. Я больше году
 Томлюсь! покоя ни на мигъ...
 Иду разъ въ гавани. Народу
 Толпа! Грузятъ товары. Крикъ!
 Вдругъ предо мной остановился
 Матросъ: «Онъ живъ», шепнулъ и скрылся.
 Живъ!.. Гдѣ жь искать его? Пошла
 Я на удачу, гдѣ землю,
 Гдѣ моремъ, къ Риму прибрела,
 И тутъ... тутъ встрѣтилась съ тобою,
 У васъ смотрѣла... Чтò жь теперь?

ЛПДА.

Несчастный!.. Но надѣйся, вѣрь:
 Есть Богъ!

МЕНИППА (*не слушаая, сама съ собою*).

Шесть лѣтъ передо мною
 Въ глазахъ — разорванный хитонъ
 И площадь, лужа крови, или

Заливъ и корабли — и онъ
Въ даль уходящій!.. и манили
Опять надежды, и я шла...
О, да! скажу, что полила
Слезами долгій путь...

ЛЮДА.

Ты съ нами
Останься: можетъ быть найдемъ.
Скажи, какъ звать его. Потомъ
Разскажемъ старшимъ... Ахъ, путями,
Повѣрь, невѣдомыми намъ
Ведетъ насъ Богъ, и встрѣтишь тамъ,
Гдѣ и не чаешь... а слезами
Покрытый путь Онъ видитъ... Самъ
Христосъ прошелъ его...

МЕННИНА.

Ты добрая душа...

(Вдругъ отъ нея отпрянувъ).

А если... умеръ?

ЛЮДА.

Умеръ... Божес!..

Ей, откровенья чуждой, что же
Скажу я?.. Что мои слова!

*(Увидав вошедшую предъ тѣмъ
и остановившуюся предъ одною въ
стѣнѣ гробницей Камиллу, моло-
дую женщину съ двумя дѣтьми,
мальчишкою 8—10 лѣтъ и другимъ
4, указываетъ на нее).*

Смотри, вотъ мать съ дѣтьми, вдова.
Въ гробницѣ этой прахъ хранится
Отца ихъ... видишь, подняла
Ребенка къ камню приложиться...
Гляди, какъ смотреть, какъ свѣтла
Улыбка!.. Къ старшему нагнулась...
Тсс... слушай... говорить...

КАМИЛЛА (сыну).

Такъ помни жь, въ этой нишѣ прахъ,
Прахъ вашего отца. Онъ львами
Разорванъ былъ, и въ небесахъ
Теперь душа его и нами
Любуется, когда творимъ
Мы доброе и Бога чтимъ,
А нѣтъ, то плачетъ... Можетъ статья,
У васъ и маму Богъ возьметъ:
Съ нимъ вмѣстѣ съ голубыхъ высотъ
Мы вами будемъ любоваться...

Смотри же, помни, этотъ ходъ,
А подлѣ крестъ и надпись...

*(Припадаетъ къ камню головой
на руки и шепчетъ).*

МИЛЫЙ!

МАЛЫЧКЪ *(читаетъ надпись).*

Ж, Д, У—жду—вась.

КАМНЛА *(быстро вставая и отирая слезу
и обращаясь къ гробницѣ).*

О, прости!

Невѣдно измѣняютъ силы!..

*(Становится съ дѣтми
на колыни).*

Моли, чтобъ намъ къ тебѣ пройти
Черезъ всѣ земныя испытанья,
И суеты, и тяготы,
Таковыми жь чистыми какъ ты!
Чтобъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни воздыханья,
Ни слезъ, ни скорби, ни стenanья,
Ты насъ бы принялъ веселясь
И духомъ радуясь о насъ...

МЕНИППА *(Идетъ).*

Онъ съ нимъ говорить?..

ЛИДА.

Онъ въ небѣ!

Онъ видитъ ихъ, ихъ слышитъ... Съ ней
Свести тебя?

МЕНИППА (*радостно, тихо, съ любовью*).

О, да!

ЛИДА.

Камилла!

Вотъ мать несчастная—тебѣ
Довольно, чтобъ принять участие...

КАМИЛЛА (*подавая руку Мениппѣ*).

Да кто же счастливъ здѣсь?.. Мнѣ счастье
Вотъ—дѣти. Я живу лишь въ нихъ...
А что до счастья другихъ,—
То вотъ намъ Лида провидѣньемъ
Ко всѣмъ несчастнымъ послана
Какъ добрый ангелъ съ утѣшеньемъ...

ЛИДА (*съ испугомъ и удивленіемъ*).

Камилла, что ты, что!

КАМИЛЛА.

Опа,

Гдѣ только слышитъ есть страданье,
Она ужь тамъ, чужой ли, своей...

ЛИДА (*быстро, съ упрекомъ*).

Камилла!..

КАМИЛЛА.

Все существованье
Ея для ближнихъ!.. Боже мой!
А дѣти, сирья, больныя...

ЛИДА (*Мениппъ порывисто*).

Не вѣрь!

КАМИЛЛА.

Въ заботахъ день-деньской
Какъ неусынная Марія..

(*Лида отходитъ въ сторону,
въ лицѣ слѣды внутренней тре-
воги*).

Когда бъ ты видѣла ея
Средь заключенныхъ, средь страдальцевъ,
Въ тюрьмѣ, гдѣ сотни у нея
Хотять одежду коснуться, пальцевъ,
Услышать слово... (*Лида припадаетъ къ скамьѣ, закрывъ
лицо руками*).

Все кругомъ
Благодарить, благословляеть...

(*Слышны рыданія Лиды*).

Но, Боже мой!.. Она рыдает...

(Къ ней съ тревогой и заботой).

Что, что съ тобой?

ЛИДА.

.. Оставь!

МЕНИППА *(тихо Камилль)*.

Уйдемъ!

КАМИЛЛА.

Да что съ тобой?

ЛИДА *(съ большимъ нетерпѣнiемъ)*.

Уйди!

КАМИЛЛА.

Не знаю...

Что жь я...

ЛИДА *(почти въ отчаянiи)*.

Уйди же... умоляю...

МЕНИППА *(Камилль тихо)*.

Знать тоже горе...

КАМИЛЛА.

Своего

У Лиды горя не бываетъ!

МЕНИПА.

Свое, чужое ли—кто знает!

Одна пусть выплачетъ его!

(Уходятъ).

ЛИДА (одна, сльз на скамью).

Я—какъ вчера еще была—

Той что теперь—и судъ и кара!

Оставилъ духъ!.. Что я могла

Сказать ей?.. Вдругъ не стало дара

Ни слезъ, ни словъ, душа нѣма—

Что въ ней горѣло, погасаетъ...

Вошла и все растеть въ ней тьма!

Два слова: Децій умираеть,

Одни звучать въ ней...

Децій...

Изъ прошлаго лишь онъ одинъ

Мнѣ видень... Онъ лишь не разгаданъ...

Одинъ стоитъ какъ властелинъ

Надъ этой тьмой...

Но что жъ влечеть меня къ нему?

Тотъ міръ ужь обречень во тьму!

Тому жъ кто выше всѣхъ главою

И первой молніи ударъ

Господня гнѣва...

Что же

Меня влечетъ къ нему?.. Любовь?
 Любовь, но та ужь, для которой
 Въ мученьяхъ источить всю кровь,
 Пройти моря, подвигнуть горы,
 Возможно—все, чтобы *спасти!*
 Богъ указываетъ ей пути,
 И можетъ быть чтобъ сдѣлать чудо
 Меня избралъ—и мнѣ велить—
 И духъ пошлетъ—и совершитъ—
 И дѣло здѣсь не до сосуда,
 Куда Онъ влилъ воды живой
 Для путника въ палящій зной...

(Падаетъ на колѣни).

Ты, Сердцевѣдецъ, прозираешь
 Съ Твоихъ высотъ и въ глубь морей,
 И въ глубь сердець! Въ моемъ, Ты знаешь,
 Нѣтъ мѣста для земныхъ страстей!
 Даруй мнѣ, Спльный, да разрушу
 Его гордыню! да спасу
 И въ даръ Тебѣ да привесу
 Его смпрившуюся душу...

(Встаетъ спокойнѣе, но судорожно-отрывочно продолжаетъ).

Но время нечего терять:
 Сегодня жь этотъ ппръ безбожный!..
 Тамъ быть и ждать. И написать
 Марцеллу, «старый другъ, надежный»
 Всегда звалъ Деціи... А поидеть
 Марцелль? Спасти—поидеть, поидеть!..

(Вынимаетъ таблетку и пишетъ. Въ это время слышны слова Иова).

ИОВЪ.

Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано въ Писаніи:
 «не искушай Господа Бога Твоего».

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ *(постынно сошедшій
 съ лѣстницы, подаетъ
 Лидѣ таблетку).*

Вотъ отъ Марцелла.

ЛИДА *(беретъ ее и вручаетъ свою).*

А въ обмѣнъ

Отдай Марцеллу.

(Между тѣмъ зала все наполнялась христіанами. Одни присоединяются къ слушателямъ Иова, другіе группируются въ разныхъ мѣстахъ залы, между ними и Главкъ. Другіе садятся на скамьи у стѣны. Между прочими Павзаній).

ЛИДА (*прочтя письмо, обращается
къ присутствующимъ*).

Марцелль намъ пишетъ—проситъ васъ—

«Въ вину мнѣ братья да не ставятъ,

«Что медлю; жду и тотъ же часъ

«Прибуду, только лишь объявятъ

«Декретъ, касающійся насъ»...

(*Уходитъ вверхъ по лѣстницѣ*).

ОДИНЪ (*въ группѣ молодыхъ людей*).

И все еще не рѣшено...

другой.

И вдругъ отмѣнится рѣшенье...

ГЛАВКЪ (*спокойно*).

На все Господня воля!

(*Вдругъ одушевился*).

Но—

За что насъ гонять? Озлобленье

На что—постичь я не могу!

И чѣмъ Христосъ,—Онъ, отдающій

Динарій кесарю, врагу

Прощающій, Свой крестъ несущій

Покорно, учащій любить,

Любить безстрашно и безлестно,

И въ мірѣ совершенну быть
 Какъ совершенъ Отецъ Небесный—
 Чѣмъ ненавистенъ имъ?

(Помолчавъ).

И все жь
 Къ Нему прійдутъ! И зло, и ложь
 Падутъ. Богатый и убогій,
 Простой и мудрый—всѣ прійдутъ!
 Со всѣхъ концовъ земныхъ дороги
 Всѣхъ ко Христу ихъ приведутъ..
 Людское горе и страданья,
 Всѣ духа жажды и терзанья,
 Источники горючихъ слезъ,—
 Всѣ приметъ въ сердце ихъ Христосъ,
 Всѣ кануть въ это море!..

(Близъ группы этихъ молодыхъ людей сидитъ на скамьѣ, съ мрачнымъ видомъ, Павзаній. На послѣднія слова онъ отвѣчаетъ).

ПАВЗАНІЙ *(мрачно и съ возрастающимъ отчаяніемъ).*

Братья!

Блаженъ кто самъ пришелъ къ Христу,
 Соблювъ красу и чистоту
 Какъ дѣва къ жениху въ объятья;
 Къ кому же низошелъ Онъ Самъ,

Его извлечь среди крушенья
 Изъ волнъ кипящихъ,—о! спасенье
 Тебѣ быть можетъ тяжелѣй
 Чѣмъ смерть въ волнахъ... Въ душѣ твоѣй
 Всѣ язвы прежнія огнями
 Горять... и слышишь надъ собой:
 «Кто понесетъ Мой крестъ, тотъ Мой»—
 Но помнишь: чистыми руками
 Онъ несъ Свой крестъ... а у тебя
 Онъ въ крови и надъ тобою
 Гремить проклятье...

(Опускаетъ голову на грудь. Молодые люди хранятъ благоговѣнное молчаніе, смотря на Павзанія съ участіемъ и недоумніемъ. Среди минутнаго молчанія слышенъ голосъ Іова).

ІОВЪ.

Но истинѣ скажу вамъ: плачь,
 Кому Онъ скажетъ въ осужденъе,
 Что ни студѣнъ ты, ни горячъ...
 Любовь—огонь, а сердце—злато;
 Лишь чрезъ огонь пройдя, оно
 Свѣтло и чисто...

Тѣмъ временемъ входятъ Эвменъ и Аркадій и останавливаются близъ Павзанія, мрачно сидищаго склонивъ голову.

ЭВМЕНЬ (*продолжая разговор*).

Я часто думалъ о тебѣ.
Зналъ, ты несчастливъ — мать крестила
Меня, когда еще мнѣ было
Двѣнадцать лѣтъ — въ твоей судьбѣ,
Я думалъ — миръ и утѣшенье
У насъ, въ Христовомъ лишь ученѣи; —
И вижу — ты идешь сюда!..
Аркадій! расскажи жь когда,
Какъ было это обращенье?

АРКАДІЙ.

Какъ на вопросъ твой дать отвѣтъ?
Вѣдь человекъ, родясь на свѣтъ,
Не знаетъ что былъ до рожденья!
Былъ слѣпъ я и сталъ видѣть; глухъ —
И слышать. Зналъ одно лишь тѣло,
И ощутилъ безсмертный духъ,
Живую душу. Просвѣтлѣло
Все предо мной, и я въ другихъ
Прозрѣлъ такую жь душу. Всѣ же,
Хоть разны жребіи у нихъ,
Передъ Отцомъ Небеснымъ тѣ же
Возлюбленные дѣти...

(*Помолчалъ*).

Тьма —

Та назади. И что въ ней? скроетъ

Пускай навѣкъ, мертва, нѣма!..

(Вздыхнувъ).

Да! сердце иногда заноетъ,

Но вспомнишь...

(Обрываетъ рѣчь, вдругъ увидавъ Павзанія, отступаетъ назадъ и смотритъ на съ ужасомъ).

Боже мой!.. Онь! онъ!

(Хватаясь за грудь).

Какъ бьется сердце... Онь!.. И тоже

Къ Христу пришелъ... Чего жь, чего же

Стою и медлю?.. Чѣмъ смущень?

(Пересиливъ себя, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Павзанію).

Павзаній! ты?

ПАВЗАНІЙ *(содрогнувшись).*

Аркадій! Боже! *(Смотритъ на Аркадія и, не смѣя взять протянутую къ нему руку, медленно опускается передъ нимъ на колѣни. Молодые люди отъ нихъ незамѣтно отступаютъ).*

Твой погубитель... твой злодѣй...

АРКАДІЙ *(стараясь его поднять).*

Забудемъ все, что совершилось

Тамъ, тамъ, во тьмѣ!

ПАВЗАНІЙ (*обнимая его колѣни*).

Охъ, истомилась

Душа моя...

АРКАДІЙ.

Да будетъ въ ней

Покой и миръ!

ПАВЗАНІЙ (*страстно*).

Шли вереницей

Года, а я живу все въ томъ —

Когда какъ другъ вошелъ въ твой домъ —

И выбѣжалъ потомъ убійцей!

АРКАДІЙ.

Оставь!

ПАВЗАНІЙ.

Дай говорить мнѣ, дай!

(*Шепотомъ*).

Евфимія...

АРКАДІЙ (*съ болью*).

Не вспоминай!

ПАВЗАНІЙ (*судорожнымъ шепотомъ*).

Святая тѣнь!.. Она молила!..

АРКАДІЙ.

Молчи!

ПАВЗАНІЙ *(съ силой)*.

Послѣднимъ словомъ было:

Будь проклять!

АРКАДІЙ *(живо)*.

Нѣтъ! какъ я, — простила!

ПАВЗАНІЙ.

Какъ ты?.. И ты... простилъ?.. Простилъ...

И смотришь на меня — и плачешь...

АРКАДІЙ.

Отъ радости: я побѣдилъ

Себя, себя, Павзаній! *(Обнимаетъ его и уводитъ въ глубину сцены)*.

(Сцена между тѣмъ все наполняется. Приходятъ Мениппа и Камилла. Послѣднія къ авансценѣ).

КАМИЛЛА.

Мужъ мнѣ говаривалъ не разъ:

Не мы дѣтей, насъ дѣти учать

И довоспитываютъ насъ!

При нихъ не сдѣлаешь, не скажешь
Отецъ, не поглядѣвъ впередъ:
Вѣдь съешь сѣмя! то взойдетъ,
Что въ сердцѣ съ дѣтскихъ лѣтъ заляжетъ!
Ахъ, милая! съ дѣтьми въ очью
Увидишь Бога!.. Разболится, —
Ты что тогда?.. Горить, топится,
Всю душу надорветъ твою,
И нѣтъ тебѣ ни дня, ни ночи!
Ты чувства всѣ окаменишь,
Дохнетъ ли, двинется ль — слѣдишь,
Вся въ немъ! и наконецъ нѣтъ мочи!
Сплъ что осталось соберешь
И выльешь всѣ въ одно ихъ слово:
«Спаси, спаси!» и упадешь
Предъ Тѣмъ Кто можетъ все...

МЕНИПА.

Ужасно!

Охъ, знаю, знаю! поняла!
И все теперь мнѣ стало ясно!..
Ужь ты-то очень мнѣ мила!
И скажешь-то такъ все понятно,
И рѣчь-то тихая твоя...

Ахъ, ты мой ландышъ ароматный,
Фіялка нѣжная моя!

(Обнимаетъ ее).

Вѣдь я давно о вашемъ Богѣ
Ужъ помышляю! всѣмъ богамъ,
Гдѣ только вижу по дорогѣ,
Всегда снесу къ ихъ алтарямъ
Я хоть цвѣтокъ. Да разъ попала
Вотъ такъ и въ христіанскій храмъ,
Въ горѣ, въ Фессалии. Сначала
Мнѣ стало страшно: свѣчи, мракъ;
Жрецъ говоритъ въ толпѣ молящихъ.
Вдругъ онъ сказалъ, да ясно такъ,
Слова: «Нашъ Богъ — Богъ всѣхъ скорбящихъ!»
И точно въ сердцѣ у меня
Что дрогнуло. Упала я
И стала этого я Бога
Молить, да плакать лишь могла.
Вдругъ слышу: «въ Римъ твоя дорога,
Тамъ все найдешь». Я подняла
Глаза; какъ разъ передо мною
Какой-то старецъ былъ, но тутъ
Исчезъ. Всѣ, вижу, вонъ идутъ, —
Я къ выходу; передъ собою
Всѣхъ пропустила, — старца нѣтъ!

Я въ путь, чуть занялся лишь свѣтъ,
 И на корабль, и въ Римъ, и всюду
 Какъ будто надо мной звучитъ:
 «Богъ всѣхъ скорбящихъ возвратитъ
 Его...» И жду... и точно къ чуду
 Готовлюсь... а ужъ какъ теперь
 Не знаю...

ЛИДА (*постынно сойдя съ мѣстницы*).

Марцелль идетъ... декретъ объявленъ!

(*Общее движеніе*).

ІОВЪ (*сойдя со своего мѣста и выступи-
 ная нѣсколько впередъ, какъ бы
 въ центръ полукруга всѣхъ при-
 сутствующихъ*).

Се день блаженнѣйшій изъ дней!
 Мы, церковь видимая, вступимъ
 Ужъ въ сонмъ невидимой и съ ней
 Сольемся въ общемъ восклицаньѣ:
 «Господь нашъ Богъ благословенъ!»

слѣпой старикъ.

Господь нашъ Богъ благословенъ
 Да всякое гласить дыханье!

ВСѢ (*наклонясь головами къ Іову*).

Господь нашъ Богъ благословенъ!

(Послѣ минутнаго благоговѣйнаго молчанія, во время котораго около Іова смыкается кружокъ, между прочими начинаются полупрошепотомъ частныя разговоры).

ДИДІМА (*раздаетъ свѣчи, нарастивъ повторля:*)

Готовьте свѣтильники,

Близокъ женихъ!

(Мениппа въ волненьи разсматриваетъ проходящихъ и присутствующихъ; Камилла близъ нея, около гробницы мужа, прижавъ къ себѣ дѣтей, взоръ на небо).

ЭВМЕНЪ (*увидавъ между женщинъ Агнессу, свою невесту*).

Агнесса!.. въ брачномъ одѣяніи!..

АГНЕССА.

Да нынче бракъ вѣдь нашъ, Эвменъ,

На небесахъ... п я невеста...

ЭВМЕНЪ (*восторженно*).

Агнесса! ты меня спасла!...

ПАВЗАНІЙ (*схвативъ за руку Аркадія съ порывомъ*).

Теперь душа ужъ не страшится

Встать передъ Нимъ лицомъ къ лицу!

ГЛАВКЪ *(къ молодымъ людямъ, восторженно).*

Знать—что чрезъ мигъ душа помчится
Чрезъ океанъ лучей къ Отцу!..
И что же смерть христіанину, —
Въ глазахъ у всѣхъ стоитъ Христось!
Скорбѣть о томъ ли, что покину
Обитель горечи и слезъ?
Что преступлю черезъ мгновенье,
Здѣсь кесарю отдавши дань,
Къ Отцу всего, въ Его селенья
Уже достигнутую грань?
Душа Имъ полная вѣдь знаетъ,
Что оболочка сихъ тѣлестъ
Ее едва лишь отдѣляетъ
Какъ легкій завѣсъ отъ небесъ!
Вдругъ этотъ завѣсъ упадаетъ...

МЕНПИНА *(всматривается въ него, бросается къ нему съ крикомъ).*

Главкь, сынъ мой! Главкь!..

ГЛАВКЪ.

Мать! Ты жива!..

(Кидаются другъ другу въ объятія).

МЕНИППА *(не выпуская его из объятий).*

Вотъ онъ, мой вдохновенный...

Мой *выстраданный*, вотъ онъ!..

(Ища взорами Камиллу).

Камилла!.. вотъ онъ... *(беретъ ее за руку и вдругъ останавливается).*

Но какъ ты здѣсь?.. христiанинъ?..

ГЛАВКЪ.

А ты?..

МЕНИППА *(вдругъ вспоминаетъ).*

Богъ всѣхъ скорбящихъ...

(Опускается на колѣни).

~~~~~

(Нѣсколько человекъ поспѣшно сходятъ съ лестницы, тихо сообщая направо и налево: „Марцелъ, Марцелъ“, всѣ передаютъ другъ другу это имя. Всѣ становятся полукругомъ, оставляя мѣсто Марцеллу. Онъ показывается на лестницѣ, наверху).

МАРЦЕЛЪ *(спускается съ лестницы и со второй или третьей ступени).*

Господне будь благословенье

И миръ вамъ, братья!..

(Всѣ тихо: „аминь!“)

Зоветь

Насъ нынѣ Богъ на прославленье
Его любви, Его щедротъ,
И на свидѣтельство предъ міромъ,
Что Онъ есть Духъ, и Онъ одинъ
Земли и неба властелинъ,
Что честь Ему, а не кумпрамъ,
Кумпръ же, чей бы ни былъ онъ,
Рукою смертной сотворенъ.

Идемъ предъ кесаря. Поставленъ
Отъ Бога—онъ царемъ племенъ.
Во всемъ; чѣмъ можетъ быть прославленъ
Онъ на землѣ и вознесенъ—
Побѣдой надъ неправдой, славой
Въ защитѣ сирыхъ, торжествомъ
Хотя бъ меча и мзды кровавой
Надъ буйной силой, надъ врагомъ
Ему повѣреннаго царства,—
Служить ему намъ Богъ судилъ
Всѣмъ сердцемъ, до послѣднихъ силъ,
Безъ лжи, безъ всякаго коварства.
Все что у насъ земное есть—
Вся наша кровь, все достоянъе,
И все умѣнъе и знанъе,—
Готовы каждый мигъ принести

Мы съ духомъ радостнымъ къ подножью
Его престола. Но чтобъ быть
Ему слугой, чтобы не ложью
Быль нашъ обѣтъ, должны хранить
Мы душу чисту, только къ Божью
Суду внимательну во всемъ
Что Божье, что стоитъ во вѣки,
И въ чемъ должны всѣ человѣки—
И кесарь самъ—предъ тѣмъ судомъ
Отдать отчетъ.

Повелѣваетъ

Намъ кесарь: Бога въ немъ признать,
Его жъ кумиру честь воздать
Какъ божеству лишь подобаеть;
Ослушнымъ смерть. Пусть вашъ совѣтъ
Рѣшить что дѣлать. Наше тѣло—
Есть кесаря. Нашъ духъ—всецѣло
Господень.

одинъ изъ старцевъ.

Двухъ рѣшеній нѣтъ—

Идти! Но какъ не налагаетъ
Христосъ ярма на душу—ей
Данъ разумъ, воля,—то рѣшаетъ

По правдѣ внутренней своей—(обращаясь къ собранію)
Пусть каждый самъ.

(Общее благоговѣнное движеніе).

ГОЛОСА (тише, какъ бы каждый самъ
съ собой; взоръ на небо).

Идти, идти

Къ Отцу Небесному!.. Въ селенья
Его святыхъ!.. Изъ заточенья,
Изъ тьмы на свѣтъ!.. Идти, идти!

слѣпой старикъ.

Его узрѣть во славѣ!..

ПАВЗАНІЙ.

Сложить съ души всѣ тяготы
У ногъ Его!..

ГЛАВКЪ.

. . . . Исчезнуть въ созерцанъѣ
Неизрекомою красоты...

(Пауза. Взоры обращены на Мар-
целла).

МАРЦЕЛЛЪ.

И такъ грядущая заря
Для насъ послѣдней будетъ въ мірѣ—
И первой тамъ!..

ІОВЪ (изъ глубины сердца).

О Ты, сѣдй въ эѳирѣ,
 Во свѣтѣ вѣчномъ, со Отцомъ,
 Прославленный и вознесенный—
 Лишь по любви неизреченной
 Тобою поднятымъ крестомъ!
 Ты пастырь, насъ въ едину паству
 Овцу собиравшій за овцой!
 Ты ихъ вспоилъ живой водой
 И тучную имъ подалъ яству,—
 Когда бы, гдѣ бъ ни прозвучалъ
 Твой рогъ призывный—гдѣ преграды,
 Гдѣ тѣ загоны, тѣ ограды,
 Гдѣ та стѣна, тотъ ровъ, тотъ валъ,
 Который ихъ бы удержалъ
 На зовъ Твой ринуться мгновенно,—
 Свѣтъ бо свѣтай намъ съ небесъ,
 Свѣтъ истляный, свѣтъ неистлянный,
 Жизнь и Спасенье Ты еси!

слѣпой старикъ.

Слава Тебѣ побѣдившему міръ!

*(Встъ съ зажженными свѣчами стано-
 вятся на колѣни. При спускающемся
 занавѣсь слышно пѣніе заутрени).*

~~~~~

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Пиршественная зала на террасѣ Дедіева дворца, выходящей въ садъ аркой.—Ночь.—Зала освѣщена канделябрами и висячими свѣтильниками.—Три длинные стола съ ложами.—Гости одни возлежать, другіе прогуливаются по залѣ и опять садятся на свои мѣста; вообще свободно группируются, сообразно требованіямъ минуты.—За однимъ столомъ Децій.—Рабы приносятъ и уносятъ кушанья.—Хоръ пѣвиць, флейты и лиры.—Танцовщицы.

ХОРЪ.

Ловите, ловите
 Часы наслажденья!
 Спѣшите, спѣшите
 Пожить хоть мгновенье!
 Какъ мошки на солнцѣ
 Въ эфирѣ роями
 Кружатся и блещутъ,
 Мы, Оры, блистаемъ
 Мгновеніе въ мірѣ,—
 Ловите, ловите,
 Не то улетимъ.

(Танцовщицы удаляются).

КЛАВДІЙ (*молодой патрицій вслѣдъ танцовщицамъ, мимо сею проскользнувшимъ*).

Еще поймаемъ!.. Но пока

«Тѣмъ насладись что подъ руками»—

Насъ учить мудрость. А предъ нами

(указывая на яства)

Рогъ изобилья и рѣка

Забвенья—все естествознанье!

Я шель сюда на обонянье.

Одни ужь запахи кричатъ

Тебѣ за милю: «здѣсь прохожіи!»

ЛЕЛІЙ (*другой молодой патрицій*).

Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи—

Все съѣшь за одного!

КЛАВДІЙ.

Ну, да!

Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!

А вотъ что будетъ какъ ворвется

Сюда весь женскій Римъ! Начнется

Вотъ тутъ-то оргія!..

(Декламируетъ)

«Опротивѣютъ ужь яства...

«Не измѣнитъ лишь вино!

«Хлоя подъ руку иль Дафна—

«Все равно!

«Флейты! трубы! шумъ и грохотъ,
 «Пѣсни, пляски! Все верхъ дномъ!
 «Въ головѣ хаосъ и въ чувствахъ,
 «И хаосъ—бругомъ!»

ЛЕЛІИ.

Да, Децій молодець! и жаль,
 Что только разъ онъ умираетъ!

КЛАВДІИ.

А мой старикъ, моя печаль
 И сокрушенье, процвѣтаетъ!
 Въ одинъ обѣдъ съѣдаетъ три,
 И съ астрологомъ до зарн
 Все гороскопы составляетъ..
 Боятся смерти! Я жь ему
 Твержу, что смерть его боится..
 У варваровъ не засидится,
 Небось, старикъ: они отцовъ
 Торжественно, въ виду боговъ,
 При всемъ народѣ убиваютъ!
 И это старики считаютъ
 Себѣ за честь!

ЛЕЛІИ.

Здѣсь старики
 Законы пишуть, тамъ же видно
 Не старики!..

(Хохочутъ).

ГАЛЛУСЪ *(адвокатъ, прохаживав-
шійся съ другимъ адвока-
томъ, Гиппархомъ, оста-
новясь близъ Великаго Жре-
ца и указывая рукою на
все собраніе, заключаетъ
частный свой разговоръ
самодовольною рѣчью).*

Вы посмотрите, сколько насъ:
Я Галлъ, вонъ Свевъ, ты Фессалиецъ,
Онъ изъ Египта, тотъ Сиріецъ,—
А что же общаго у насъ
Съ Египтомъ, съ Галліей, странами,
Гдѣ и выросли бъ мы дикарями,
Когда бъ не Римъ!.. Въ одно насъ слилъ
Его языкъ, законъ, свобода!
Міръ онъ въ жилище обратилъ
Для человѣческаго рода.
На общій мы сошлись пирь,
И хоть мы всѣ разноплеменны,
Но всѣ какъ граждане вселенной
Чтимъ за отечество весь міръ!

ГИППАРХЪ *(эффективно-адвокатскимъ
тономъ).*

Единство въ мірѣ водворилось.
Центръ—кесарь. Отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли,

И гдѣ прошли, тамъ появилась
 Торговля, тога, циркъ и судъ,
 И вѣковѣчныя бѣгутъ
 Въ пустыняхъ римскія дороги!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ ЭННІИ *(старикъ, оборачиваясь къ нимъ, внушительно, громко, чтобы все слышали. Молодые патриции, Клавдій, Лелій и другіе мало-помалу подходятъ къ кружку).*

Все хорошо на первый взглядъ,
 Да вотъ бѣда: уходятъ боги!
 Вездѣ оракулы молчатъ!
 Вотъ въ Дельфахъ: пнѣю насильно
 Ввели въ святилище: молчатъ,
 Блѣднѣетъ, льется потъ обильно.
 Всѣ ждутъ, и вдругъ она бѣжитъ
 Съ ужаснымъ крикомъ изъ пещеры,
 И какъ упала, умерла!
 Въ боговъ умалилося вѣры,
 И боги покидаютъ насъ
 На произволь судьбы!..

(Адвокаты улыбаются).

ГАЛЛУСЪ (*насмѣшливо*).

Иные

Ужь умерли!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

И день, и часъ

Въ анналы вписанъ городскіе:
При Августѣ, передъ концомъ,
Корабль шель. Заштигло море
Передъ какимъ-то островкомъ.
Всѣ вѣтра ждали. Вдругъ въ просторѣ
Небесъ и моря, съ островка
Раздался голосъ, при которомъ
Все потряслось—и облака,
И водъ поверхность; точно хоромъ
Сто тысячъ мѣдныхъ трубъ заразъ
Провозгласили въ мірь: «скончался
Великій Панъ»... И повторялся
Три раза голосъ... Весь рассказъ
Я слышалъ самъ отъ морехода:
Его Тиверій призывалъ,
И я жь дословно записалъ
Въ анналы Римскаго народа!

ГАЛЛУСЪ.

Не боги покидаютъ міръ,
А суевѣрья...

КЛАВДІЙ *(своимъ товарищамъ)*.

Люблю, чуть разгорѣлся пиръ—
И спорять!.. *(увидавъ работу, приносящую жареныя фазаны)*.

Впрочемъ прилетаютъ
Фазаны, и молчатъ враги!..

(Возвращаются на свои мѣста).

ЛЕЛІЙ.

А факты иногда бывають,
Что съ толку васъ совсѣмъ сбивають.

КЛАВДІЙ *(не давая ему досказать)*.

Еще бы! напимѣрь долги!

ЛЕЛІЙ *(продолжая)*.

У насъ на прошлой же недѣлѣ
Былъ случай...

КЛАВДІЙ *(вскакивая и со смѣхомъ указывая на Лелія)*.

Жертвы приносишь
На той недѣлѣ ты, и скрылъ!
Скрылъ, признавайся?

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦИИ *(смѣясь)*.

Въ самомъ дѣлѣ?

КЛАВДІЙ.

«Козленка, говорятъ.

ЛЕЛІЙ (*сконфуженный, перебивая его*).

Да мать

Послала!... Вотъ что́ рассказать
Я вамъ хотѣлъ. Какъ вамъ извѣстно,
У насъ въ саду есть гротъ. Чудесный
Тамъ для пировъ устроенъ залъ,
И я намедни угощаль
Тамъ кой-кого...

КЛАВДІЙ.

А! Діонею.

А завтра я ипрую съ нею!..

(*декламируетъ*):

«Мирты Киприды мнѣ дай!
Что мнѣ гирлянды цвѣтныя!..»

ЛЕЛІЙ (*не обращая вниманія на
Клавдія*).

Вдругъ мы сидимъ и слышимъ стонъ...
Откуда жь?.. и все ближе, ближе—
Изъ-подъ земли!..

КЛАВДІЙ (*декламируетъ*):

«Прозерпину бьетъ Плутонъ,
«Стонетъ Прозерпина!..»

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦИИ.

Ахъ, этотъ Клавдій! Нынче онъ
 Певыносимъ!—Да замолчи же!
 Теперь вездѣ, со всѣхъ сторонъ,
 Всѣ говорятъ, то стонъ, то пѣнье
 Послышится, то привидѣнье
 Появится...

ЛЕЛІЙ *(серіозно)*.

Вѣдь въ старину,
 Извѣстно, мертвыхъ хоронили
 Въ подземныхъ склепахъ, и прорыли
 Отъ склепа къ склепу ходы...

КЛАВДІЙ *(таинственно)*.

Ну,

Такъ это значить...

всѣ.

Что такое?

КЛАВДІЙ *(помолчавъ, съ притворно-серіознымъ видомъ)*.

Гм!.. Предки наши...

ЛЕЛІЙ.

Ты въ смѣшное

Все обратишь.

КЛАВДІЙ.

Я не смѣюсь!

И не люблю, чтобы шутили
 Надъ предками—самъ ихъ боюсь:
 Такіе жъ аспиды всѣ были,
 Какъ этотъ Фабій,—вонъ скелетъ!
 Вонъ черепъ голый! вонъ таращитъ
 Глаза на канделябры!.. Стащитъ
 Онъ что-нибудь здѣсь, людоѣдъ!
 Вдыхаетъ все по древнемъ правѣ,
 По силѣ коего меня
 Онъ могъ бы въ рабство взять...

За другимъ столомъ Фабій, изъ древнѣйшей римской фамиліи, своему сосѣду, квестору Теренцію:

Пойми, я Фабій—и въ сенатѣ
 Мнѣ мѣста нѣтъ!.. Кто жъ тамъ сидитъ?
 Иберець, Грекъ, Сиріецъ, Бриттъ!
 И чтѣ же сталъ сенатъ? въ развратѣ
 Всѣ чувства ихъ притушены;
 Въ особыхъ засѣданьяхъ судятъ
 Чтѣ значатъ кесаревы сны!
 Ну чтѣ въ нихъ слово «Римъ» пробудитъ?
 Имъ лишь погрѣться бѣ отъ казны!
 Ты посмотри-ка въ легіонахъ

Кто полководцы? Все изъ насъ.
А при дворѣ?.. Они! Въ поклонахъ
И лести мастера ужь! Да-съ!
За то и откупъ, и претура—
Все ихъ!.. Потомъ адвокатура:
За деньги за твои тебя жь
Такъ оберутъ, что ты отдашь
Послѣднее, лишъ бы отстали...

За главнымъ столомъ: Децій, по сторонамъ его философъ Хари-
демъ и старый проконсулъ Публій, беззубый, лысый и шепеляеть.
Далѣ, среднихъ лѣтъ, мрачнаго вида, сенаторъ Аспицій и зави-
той, пышно одѣтый молодой патрицій Корнелій.

ПУБЛІЙ.

Ахъ, Лезбія!.. насъ принимала
За туалетомъ!.. Чтò за грудь!
Ну если бь даже и скрывала,
То видно—дочь царей!.. Дохнуть
Не смѣли... трое насъ... сидѣли...
Все старички... потѣха... да!
Сидимъ.

ДЕЦІЙ.

Картина въ самомъ дѣлѣ
Преинтересная!

Пувлій.

Бѣда!

Она конечно насъ дурачить:
То ножку вдругъ поцѣловать
Протянетъ и тотчасъ опять,
Какъ только бросимся мы, спрячетъ...

(Всѣ слушаютъ съ улыбающимися лицами).

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ *(довольно ѣдко).*

А дорого за посмотрѣнье?

Пувлій *(такъ же простодушно).*

Да что! ужъ думаю просить
Провинцію на поправленье!
Она жь поможетъ!..

ДЕЦІЙ *(Харидему).*

Была иная между насъ...

Ты помнишь оду Сафо:

«Передъ жрицей Аполлона
Не гордися, не кичись
Красотой чела и лона,
Шелкомъ косъ и блескомъ ризъ.

«Ты умрешь, и все въ мгновенье
Съ красотой твоей умреть!

На землѣ твой слѣдъ забвенью
Словно вихорь замететь!

«Въ адскихъ пропастяхъ бездонныхъ
Пропадешь средь темноты,
Въ сонмѣ душъ непросвѣтленныхъ
Вдохновеньемъ какъ и ты!»

Вотъ это бѣ Лезбiи сказать
Могла—ты угадалъ кто?—Лiда!

ХАРИДЕМЪ.

О, Лiда, то другая стать!
Но гдѣ она? совсѣмъ изъ вида
Пропала!

ДЕЦIЙ.

Да!.. Она всегда
Какъ безпрiютная звѣзда
Весь вѣкъ металась средь хаоса!
Не разъ съ Левкадскаго утеса
Хотѣла броситься; потомъ
Глядишь—съ Изидинымъ жрецомъ
Умершихъ тѣни вызываетъ;
Потомъ опять, глядишь, блистаетъ
Въ Афинахъ, въ Римѣ...

ХАРИДЕМЪ.

Знаешь ты

Экспромтъ ей сказанный въ Аѳинахъ
Однажды на пиру?

«Съ зеленѣющихъ полей
Въ область блѣдную тѣней
Залетѣла разъ Психея,
На отжившихъ вдругъ повѣя
Жизнью, счастьемъ и тепломъ.
Тѣни вокругъ нея толпятся—
Одного онѣ боятся—
Чтобы солнце къ нимъ лучомъ
Въ вѣчный сумракъ не запало;
Чтобъ она не увидала,
И отъ нихъ бы въ тотъ же часъ
Въ свѣтлый лучъ не унеслась».

ДЕЦІЙ.

Психея!.. Это къ ней идетъ...

~~~~~

Входитъ Циникъ съ дубиной въ рукахъ, на плечахъ, сверхъ локотій, мѣхъ какъ у Геркулеса; останавливается впереди залы и, указывая на Децію пальцемъ, говоритъ:

ЦИНИКЪ.

Э, да ты вотъ какъ!

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Ну, пропаль
Веселый пирь! Вѣдь затесался!

циникъ.

Пріятели! умирать собрался
И не подумаль, не позваль
Меня взглянуть на представленье!
Ишь вкругъ тебя какой букеть!
Сенаторы, мое почтенье!
Философы, вамъ мой привѣтъ! *(насмѣливо, кланяется
на обѣ стороны).*

Все жь безъ меня букеть не полонь:
Въ срединѣ главной розы нѣтъ!
Вѣдь мудрости вѣнецъ и цвѣтъ
Во мнѣ!.. за то я вамъ и солонь!
Ужь дальше моего нейдетъ
Умъ человѣческій! по малу
Свой цикль свершилъ, пришелъ къ началу —
И больше некуда впередъ!

децій.

Прошу, садися!

циникъ *(присаживаясь на ложе за-
витое, пышно одѣтого щ-
юля Корнелія).*

Другъ любезный,

Откинь-ка ноги! Мнѣ присѣсть
Вѣдь какъ-нибудь, лишь бы поѣсть.

КОРНЕЛІЙ.

Садись, не спорю!

ЦИНИКЪ.

Безполезно!

Такъ сяду!

ДЕЦІЙ (къ рабамъ).

Ложе, эй!

ФАВІЙ.

Свинья!

ЦИНИКЪ (*помѣстившись на ложе Кор-
нелія, беретъ чьямало фла-
на и пстѣ, разрывая ру-
ками*).

Нерону я сказалъ, что двое
Людей на свѣтѣ: онъ да я.
Все прочее — такъ, тля, пустое!
Мы чтò хотимъ, то и беремъ
И ничего не признаемъ!
Онъ тотчасъ понялъ что свобода
Вся въ этомъ! прочее все ложь!
(Къ Харидему).
Ну, чтò ты морщишься? все — ложь!

Будь счастливъ тѣмъ, что дастъ природа!
 Родился голъ и голъ умрешь!
 Въ природѣ жь, въ этой общей чапгѣ,
 Нѣтъ ярлыковъ: мое и ваше!
 Бери что хочешь, все твое
 На. что глаза лишь разбѣжались!
 А чтобы люди не кусались,
 Кусайся самъ!.. Вотъ вамъ и все!..
 А то глядишь, нагромоздили
 Понятій, тонкостей, интригъ,
 Да и не въ мочь пришлось! уныли
 И ходять, высунувъ языкъ!
 Неронъ поправить васъ: устроитъ
 По Диогену! самъ возьметъ
 Дубину, города сожжетъ,
 И всѣхъ васъ по лѣсамъ разгонитъ!

ДЕЦІЙ *(смѣясь)*.

Что жь послѣ будетъ?

ЦИНИКЪ.

Ничего

Не будетъ!.. Главное, не будетъ
 Философовъ!

КЛАВДІЙ *(посреди общаго смѣха)*.

Долговъ не будетъ —

Еще главнѣе!..

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ *(сидящій за столомъ съ Фабіемъ, къ своему сосѣду, квестору Теренцію)*.

Скажи, дружокъ, — я здѣсь чужой,
Живу въ провинціи глухой,
Кто этотъ господинъ съ дубиной?
И съ кесаремъ онъ говорилъ?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Съ дубиной? Этою скотиной
Не знаю кто насъ подарилъ!
Рабъ что ль онъ бѣглый?.. Нѣтъ вѣдь знака
На рождѣ! Лааетъ какъ собака
На всѣхъ! и какъ сюда попалъ,
Такъ влѣзъ и къ кесарю: плѣнился
Имъ кесарь! Только онъ сказалъ
Что ты, да я, и восхитился!
Дубину принести велѣлъ,
Всѣхъ напугалъ и озадачилъ!

ФАВІЙ.

И насъ устраивать ужь началъ
 По Діогену: Римъ горѣлъ
 Не спроста!

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Только онъ, по счастью,
 Охотникъ строить: этой страстью
 И отвлекли. А этотъ скотъ
 Съ тѣхъ поръ и тѣшится, и кстаги,
 Некстати насъ ругаетъ, пьсть
 И жреть...

ФАВІЙ.

Ужь будетъ онъ въ сенатѣ
 Какъ эта бестья, напрімѣрь,
 Миртиллъ... *(Вдругъ умолкаетъ при видѣ входящаго евнуха Миртилла, въ блестящей одеждѣ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Публий и Харидемъ предлагаютъ ему свои мѣста. Онъ принимаетъ мѣсто Публия, который садится ниже. Цинику тоже подано ложе, но онъ то приляжетъ, то начнетъ обходить столы и чрезъ головы гостей беретъ кушанья).*

ХАРИДЕМЪ (Миртиллу).

Здоровье кесаря?

МИРТИЛЛЪ.

Богамъ

Благодаренье — солнце свѣтитъ!

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ (*квестору Теренцію*).

. . . А это кто же?

КВЕТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Тс! тише! если только кожей
 Ты дорожишь!.. Евнухъ Миртиллъ,
 Пѣвецъ и мимъ. Да вотъ въ чемъ сила:
 Въ ногахъ у кесаря лежитъ
 Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ
 У ногъ вотъ этого Миртилла!

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Такъ вотъ оно!..

КВЕТОРЪ.

Да, да, оно!

Такъ, *genus neutrum*...

МИРТИЛЛЪ.

Сегодня кесарю представленъ
 Проектъ дворца. Позолоченъ
 Весь корпусъ, на горѣ поставленъ,
 И цѣлый лѣсъ кругомъ колоннъ,
 Все бѣлый мраморъ, заглядѣнье!
 Внутри жь что шагъ, то изумленье!
 Хотя бы пиршественный залъ:
 Онъ сверху будетъ окропляться
 Духами. Стѣны изъ зеркалъ;

Плафонъ же будетъ раздвигаться,
И вдругъ средь пира съ высоты
На васъ посыплются цвѣты.

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Какъ это мило: вдругъ цвѣты!

ЦИНИКЪ.

А если бь вдругъ весь залъ съ гостями
Насыпать до верху цвѣтами?
Ароматическiй конецъ!
Шепни-ка кесарю, пѣвецъ!

ФАБИЙ (*тихо квестору*).

А надоумить вѣдь подлець!

МИРТИЛЛЪ (*смыль*).

Забавное соображенье!..

Ахъ, этотъ милый кесарь! онъ
Три дня въ великомъ восхищеньи:
Изъ Дельфъ намедни привезень
Былъ этотъ дивный Аполлонъ,
И кесарь передъ нимъ проводить
Все время!.. Даже ночью всталъ
И факелами освѣщаль!..

ВЕЛИКIЙ ЖРЕЦЪ ЭННIЙ (*тихо адвокатамъ*).

Какъ я сказала, такъ и выходитъ:
Вонъ пноія-то умерла!

Изъ храма взять, да въ залу оргій
Поставить бога!..

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ *(идеть со своего мѣста и, подсаживаясь къ Децію, говоритъ ему тихо).*

Я точно какъ въ глубокой тьмѣ!
Пойми ты кесаря Нерона:
Какъ совмѣщаетъ онъ въ умѣ
И циника, и Аполлона?

ДЕЦІЙ *(съ улыбкой смотря на него и не отвѣчая на вопросъ, декламируетъ два стиха).*

«Дельфійскій богъ! и онъ позналъ
«Длань сокрушительную Рима!..»
Когда впервые увидалъ
Его я въ Дельфахъ, волны дыма
Отъ дорогихъ куреній храмъ,
Какъ легкой облакъ, наполняли.
На чудный образъ упали
Лучи, и онъ по облакамъ
Какъ будто неся, быстробѣжный,
И передъ нимъ въ дали безбрежной
Отъ свѣтлыхъ стрѣлъ его толпой
Титаны тьмы бѣжали!..

Завитой патриций КОРНЕЛІЙ.

Это

Элады гений: по землямъ
Свершилъ онъ странствіе и къ намъ
Въ суровый Римъ лучъ бросилъ свѣта,
И сдѣлалъ насъ людьми!

ФАВІЙ (*со своею жѣстою, громко*).

Людьми

Иль нѣтъ, а только перестали
Мы Римлянами быть!

КОРНЕЛІЙ.

Узнали

По крайней мѣрѣ, что звѣрьми
Дотолѣ были!

ФАВІЙ.

Побѣждали

За то враговъ! Развратъ, пойми,
У насъ отъ Грековъ!..

КОРНЕЛІЙ.

Въ старину-то

Лишь полбу ѣли, да ячмень,
Да сыр!

ФАВІЙ.

За то имѣли Брута,
Кориолана! Ночи въ день
Не обращали... Даже гадко
Ихъ слушать!.. Охъ, ужасный вѣкъ!

(Къ Децію).

Скажи ты, умный человекъ,
Кто лучше Римлянинъ или Грекъ?

ЦИНИКЪ *(который во время предыдущаго разговора лежалъ, разстлавъ свой матъ на полу).*

Стой! разрѣшу одной загадкой:
Дуракъ болтунъ у дурака
Изъ простяковъ сидить на шеѣ
И погоняетъ простяка,
И ѣдутъ въ ровъ!.. Ну... кто умнѣе?

*(Всѣ принужденно спяютъ.
Между великимъ жрецомъ и
адвокатомъ громкій споръ).*

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ ЭННІЙ *(кричитъ).*

Отъ философій!

ГАЛЛУСЪ.

Тревоги

Напрасныя!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЬ.

Отъ новыхъ вѣрь!

ГАЛЛУСЬ.

Отцеубійства и подлоги
Отъ новыхъ вѣрь! да, напрімѣръ,
Какихъ же?

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЬ.

Мало ль? Изъ Халден,
Изъ Персіи, изъ Іудей!
Адонисъ! Митра!.. У рабовъ
Свой даже богъ освободитель
Отъ всякой власти и оковъ —
Христось, всемірный, вншь, спаситель!

ПУБЛІЙ (съ своего мѣста).

Тамъ тоже споръ у нихъ: о чемъ?..
Ученыхъ споровъ я любитель!

ГАЛЛУСЬ.

Все о безбожьи и о томъ
Что бога новаго открыли
Себѣ рабы, зовутъ Христомъ.

ПУБЛИЙ.

А, христіане! да, знакомъ,
Знакомъ, я съ ними!.. Говорили
Что Римъ они сожгли?

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

Схватили

Тогда же многихъ ихъ съ огнемъ!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Живутъ всегда особнякомъ,
Ужъ тѣмъ внушаютъ подозрѣнье:
Отъ всякихъ должностей бѣгутъ,
Ни кесаря не признаютъ,
Ни государства Рима!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ (*онъ себя*).

Пьютъ,

Свершая жертвоприношенье,
Кровь человѣческую!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Ихъ

Нельзя терпѣть!.. весьма опасно!
Мы терпимъ много сектъ дурныхъ,
Но эти...

ДЕЦІЙ (*смысь*).

Вотъ ужь страхъ напрасный!
Вѣдь это жители небесъ!

ГАЛЛУСЪ (*Гиппарху*).

Отъ нихъ всю жизнь хотъ бы процессъ,
Представъ!

ГИПНАРХЪ.

Да, да! Но... почему же?

ФАВІЙ.

Ну-съ, эти ужь и Грековъ хуже!
Они работаютъ во мглѣ,
Повсюду чтò ключи въ землѣ,
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ...

МИРТИДЪ (*оставая съ мѣста и жестомъ успокоивая общее движеніе*).

Позвольте!.. Приняты ужь мѣры!
Предписано: по городамъ
И здѣсь чтобъ завтра же явились
Всѣ къ квесторамъ и поклонились
Статуѣ кесаря, его
Признавши тутъ же божество,

Какъ признается всей вселенной.
 А воспротивятся — пойдуть
 Одни для травли въ циркъ, другіе
 Рубашки вздѣнуть смоляныя,
 Имъ въ глотки факелы воткнутъ,
 Къ столбамъ привяжутъ ихъ, зажгутъ,
 И кесарь въ пышной колесницѣ
 Между пылающихъ ихъ тѣлъ
 Провѣдетъ ночью по столицѣ!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

И боги воздадутъ сторицей
 Ему за это...

ФАВІЙ.

...Прекрасно! я бѣ узнать
 Желамъ, чья мысль?

КВЕСТОРЪ.

Да безъ сомнѣнья
 Его, Миртилла! потѣшать
 Умѣетъ Римъ!

МИРТИЛЛЪ.

А всѣхъ ихъ будетъ
 Здѣсь въ Римѣ тысячъ сто!.. въ другихъ
 Провинціяхъ мильіоны...

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

...Боги! Пусть же ихъ
Огуломъ всѣхъ на смерть осудятъ!
Всѣхъ съ корнемъ вонь!

ХАРИДЕМЪ *(встаетъ и поднимаетъ чашу).*

Благодаренье

Тому, кто бодрствуетъ за насъ!
Во здравье кесаря!

(Рабы наливаютъ вина въ чаши).

ОВЩІЙ КЛИКЪ *(все встаетъ).*

Во здравье кесаря!..

ЦИНИКЪ *(вскочивъ съ полу).*

Онъ да я!

Всѣхъ прочихъ съ корнемъ вонь!..

(Вырываетъ изъ рукъ Фабія чашу и пьетъ; Фабій за его спиной показываетъ ему кулаки).

ФАБІЙ *(обращаясь къ молодымъ патриціямъ).*

Вы напоили бы его,

Чтобъ ужъ совсѣмъ онъ съ ногъ свалился!

(Молодые патриціи привлекаютъ къ себѣ Циника и пьютъ его).

МИРТИЛЛЪ *(ласково Децію)*.

А ты смѣешься и не пьешь,
И нашихъ мѣръ не признаешь
Во благо Риму?

ДЕЦІЙ.

Мѣръ напрасныхъ!

Жечь неопасныхъ никому
Мечтателей!..

МИРТИЛЛЪ.

Какъ, неопасныхъ? *(указывая на сѣнь)*

А гласъ народа?

(Входитъ Лезбія въ одеждѣ восточныхъ царицъ; съ нею нѣсколько женщинъ и толпа рабовъ эеіоповъ).

КЛАВДІЙ.

Метелла, Туллія! вы къ намъ!

ЦИНИКЪ.

Эванъ! эвое!

Мясо живое!

Къ намъ! къ намъ!

(Женщины присоединяются къ молодежи. Лезбія идетъ прямо къ Децію. Въ то же время, съ другой стороны Лида и Марцеллъ являтся и помѣщаются въ глубинѣ сцены за Деціемъ, маскируемые рабами).

ЛЕЗБІЯ.

Герой мой, здравствуй! Очень рада
Что ты еще не умеръ. Да!

Стремглавъ летѣла я сюда,
И главное затѣмъ, что надо
Тебя мнѣ очень побранить!

ДЕЦІЙ (*къ рабамъ*).

Эй, ложе!

ЛЕЗВІЯ.

Можемъ раздѣлить
Когда позволите и ваше!
Лежи!

ДЕЦІЙ.

Рабъ вѣчной красоты,
Жду приказаній.

ЛЕЗВІЯ (*садясь на его ложе, въ
поизъ его*).

Прежде ты
Скажи, какой не трогать чаши?

ДЕЦІЙ.

А вотъ — отъ дѣда.

ЛЕЗВІЯ.

Много лѣтъ
Живеть на свѣтѣ! Золотая...
Съ волчицей крышка... небольшая...
А ядь — стряпня Локусты?

ДЕЦІЙ.

Нѣтъ,

Съ Востока тоже вывезъ дѣдъ
Одна Парянка подарила.

ЛЕЗБІЯ.

Ну, имъ не соблазнишь меня!

Я жить хочу!.. *(громко, чтобы все слышали).* Къ вамъ
прямо я —

Отъ кесаря!

(Общее движеніе. Публий, вставшій и поднявшій чашу, чтобы приветствовать Лезбію, постыпно садится на свое мѣсто).

ФАВІЙ *(тихо квестору Теренцію).*

Смотри, Миртилла

Какъ будто жаба укусила...

Она же смотритъ на него

Какъ на Пиеона Фебъ...

ЛЕЗБІЯ.

Имѣла

Я счастье въ первый разъ его

Услышать пѣнье... ничего

Подобнаго не знаю! Мгѣла

И плакала — я даже!.. Да!

А говорятъ я никогда

Не плачу!.. Какъ онъ держитъ лиру!
 Какъ смотритъ въ небо — Аполлонъ!..
 Да, Римляне! вы храбры! міру
 Вы предписали свой законъ,
 Но я скажу, что предъ искусствомъ
 Вы — варвары! не стоить Римъ
 Такихъ художниковъ! Съ твоимъ —
 Ужъ извини — изящнымъ чувствомъ
 Ты бъ могъ одинъ его цѣнить!
 Онъ это знаетъ...

ДЕЦІЙ.

Не за то ли
 Меня и хочешь ты бранить?

ЛЕЗВІЯ.

Отчасти...

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ (*провинціальному
претору*).

...Ты совсѣмъ растаялъ?

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Вотъ красота-то!.. И не чаялъ
 Подобной встрѣтить отродясь!
 Патриціанка?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Нѣтъ, иная

Генеалогія у насъ.
Происхожденьемъ Массильянка,
Отець былъ Галлъ, а мать Гречанка.
Онъ былъ плясунъ. По городамъ
Таскалъ повсюду дочь съ собою.
Потомъ Изидинымъ жрецамъ
Ее онъ продалъ. Съ ихъ толпою
Чуть не во всѣхъ странахъ земныхъ
Перебывавъ, пришла къ Аѳинамъ,
Вездѣ попрыгавъ съ тамбуриномъ
И въ банделеткахъ золотыхъ.
Тутъ распрощалася съ жрецами
И появилась между нами —
Прелестной внучкою царей
Понтійскихъ — и всѣ вѣрятъ ей:
Осанка, гордый видъ царицы,
Передъ крыльцомъ живыхъ два льва.
Гляди какъ смотреть: голова
Назадъ закинута, рѣсницы
Что стрѣлы, молньеносный взглядъ,
А профиль?

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Голова Меден!

И косы вокруг чела лежать
Что перевившіяся змѣи!

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Да, змѣи!.. Какъ сказала тутъ,
Что къ намъ отъ кесаря, такъ сжалось,
Другъ, сердце! такъ и показалось
Что змѣи всюду ужь ползутъ
По Риму, бьютъ фонтаны ядомъ,
И подъ ея упорнымъ взглядомъ
Вокругъ все падаетъ и мретъ!

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Такая красота...

(Раздаются звуки трубъ. Общее движеніе).

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Э! гладіаторовъ трубятъ!
Бой будетъ, бой!..

ЦИНИКЪ *(стоя среди залы и передразнивая всѣхъ).*

А! крови, крови!
Сказался звѣрь! а не хотять
По Діогену жить!..

всѣ.

Мѣста! мѣста!

Входятъ гладиаторы. Попарно проходятъ мимо Деція, кланяются ему и потомъ строятся въ рядъ въ глубинѣ сцены. Рабы сдвигаютъ ложа, очищая мѣсто для боя. Децій и Лезвія остаются на своихъ мѣстахъ.

ЛЕЗВІЯ.

Вотъ это въ римскомъ вкусѣ! bravo!
И ужъ за это честь и слава
Вамъ, Римлянамъ!.. да, да... люблю!
Ты много держишь ихъ?.. Я знаю
Въ нихъ толкъ, сама ихъ покупаю,
Кормлю, учу и продаю —
Превыгодно!

ДЕЦІЙ.

Ста два!

ЛЕЗВІЯ.

Такъ мало?

(Два гладиатора выходятъ на средину залы.)

ЛЕЗВІЯ.

Не дурны люди. Это—Галлъ,
А этотъ... Свевъ. Держу за Галла,
А ты—за Свева.

Гладиаторы наступают друг на друга. Галль съ мечомъ. Свевъ съ палицей. Сыплются удары на щиты.

ЛЕЗВІЯ (*смотря за боемъ*).

Ну—пропалъ!

А! извернулся!.. Этотъ Свевъ
Раскормленъ очень... впрочемъ годенъ
Для палицы. Вотъ Галль—свободенъ,
Увертливъ, худъ и быстръ какъ левъ
Ливійскій!..

Свевъ наноситъ страшный ударъ. Галль роняетъ щитъ.

ДЕЦІЙ.

Ну, ты проиграла!

Свевъ снова замахивается. Лезбія встаетъ на ложѣ. Децій смотритъ приподнявшись на локтѣ.

ЛИДА (*мучо*).

И Децій смотреть!..

Но Галль увертывается; тяжелый ударъ Свева падаетъ на полъ. Галль быстро вонзаетъ свой короткій мечъ ему между реберъ. Свевъ падаетъ.

ЛЕЗВІЯ.

Угадала!

Ура! побѣда!.. (*Рукоплещетъ и встаетъ съ нею*).

Галль вопросительно смотритъ на Лезбію, наступивъ ногой на
Свева,

ЛЕЗВІЯ.

Ну, кончай!

Vae victis!

ОБЩИЕ КРИКИ.

Кончай! кончай!

(Галль закалываетъ Свева подъ горло).

ЛЕЗВІЯ *(спрыгиваетъ съ ложа, подблѣиваетъ къ Свеву и смотритъ на рану. Около нея сбѣгаютъ и другія женщины и молодые люди).*

Ударъ на славу!

(Къ Децію, указывая на Галла).

Ты, Децій, мнѣ его отдай!

ДЕЦІЙ.

Да всѣхъ бери!.. Хоть бы въ забаву

Что удалось!

ЦИНИКЪ *(шатаясь, подходитъ и толкаетъ ногой убитого).*

Матерый звѣрь!

ТУЛЛІЯ.

Ужъ близокъ къ Стиксу, чай, теперь,

Такъ вотъ ему на переправу.

Кладетъ убитому въ ротъ монету. Всѣ смѣются. Туллія Децію:

Теперь что жъ? Общій бой?..

ЛЕЗВІЯ (*возвращаясь на свое мѣсто*).

Нѣтъ, полно! некогда! вина
 Налей мнѣ! Жажда мучить. Рада
 Всю ночь смотрѣть! до бѣла дня!..
 Теперь къ дѣламъ. Вотъ что мнѣ надо.
 Во-первыхъ, ты поздравь меня
 Съ другой побѣдою!.. Большаго
 Она мнѣ стоила труда,—
 Но безъ труда и нѣтъ плода!
 Теперь сказать мнѣ только слово:
 «Ты Деція мнѣ подари!»
 И ты живешь...

ДЕЦІЙ (*прерывая съ закипающимъ негодованиемъ*).

Не говори,
 Не думай... это невозможно.

ЛЕЗВІЯ.

Не горячись. Мнѣ все возможно:
 Ты выслушай. Дня черезъ три—
 Я все обдумала—устрою
 Я небывалый пиръ—съ борьбою—
 Родъ олимпійскихъ игръ—пѣвцы
 И бѣгъ... Конечно, всѣ вѣнцы
 Получить кесарь... И, мой милый,

Вѣдь мы живемъ въ чудесный вѣкъ!
 Его понявши, человекъ
 Всего добьется, только бь силы
 Достало и ума. А ты
 Такой достигнуть высоты
 И славы можешь... Я вѣдь знаю
 Людей, и въ будущемъ читаю
 Какъ цезя. Ты долженъ жить.

ДЕЦІЙ.

И въ жизни лишь тебя любить!

ЛЕЗВІЯ.

Да, да, союзъ. А цѣль—тебѣ я
 Могу лишь на ушко шепнуть:
 Цѣль: «Кесарь Децій», и ни чуть
 Не трудно. Надо лишь умѣя
 За дѣло взяться. Ты богатъ,
 И дашь мнѣ средства...

ДЕЦІЙ (*полунасмѣливо*).

О, Цирцея!

Все, все за царственный твой взглядъ!

ЛЕЗВІЯ (*обидясь*).

Упрямство, Децій, даже въ дѣтяхъ

Нехорошо! Съ такимъ умомъ
Какъ ты...

*Увидѣвъ Публия, который прибли-
жается къ ней съ чашей въ рукахъ.*

Да выгони мнѣ этихъ
Вралей! останемся вдвоемъ,
Я убѣдить тебя съумѣю...

ДЕЦІЙ.

Довольно!.. Все что я имѣю
Твое, но съ тѣмъ чтобъ не мѣшать,
Мнѣ умереть...

ЛЕЗВІЯ *(смутясь)*.

Какъ понимать?

ДЕЦІЙ *(съ полнымъ разгаръ тѣла)*.

Да! не мѣшать!.. И передать
Нерону что, собравши силы,
Я, вздыхая, изъ могилы,
Предъ цѣлымъ міромъ прокричать
Ему хочу! Пускай онъ знаетъ
Что съ легионами рабовъ
Не сломить въ насъ онъ духъ отцовъ,
Что кесарь—самъ онъ забываетъ,
Что этотъ духъ въ лицѣ его
Себя лишь чтитъ за божество.

И кесарь онъ—пока лишь полонъ
Самъ этимъ духомъ!..

(Общее оцѣпеннiе. Всѣ притаились на своихъ мѣстахъ).

ЛЕЗВІЯ *(соскочившая съ своего мѣста во время рѣчи Деція, смотритъ на него съ испугомъ, потомъ съ озлобленіемъ; наконецъ, принимая повелительный видъ).*

Да заколите же его
Во имя кесаря!..

(Всѣ нерышительно поднимаются съ мѣстъ).

ДЕЦІЙ *(указывая на чашу съ ядомъ).*

Напрасно! не трудитесь...

(Вполнѣ овладѣвъ собой, къ Давусу).

Эй! Давъ! открыть имъ галереи
Всѣ кладовыя, всѣ музеи,
Имъ всѣ сокровища открыть,
Подвалы съ золотомъ!.. берите
И виллу всю хотъ разнесите
По камню!..

(Общее молчаніе; глухой радостный гулъ проносится въ толпѣ).

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ *(про себя).*

Ухъ! отлегло!..

ФАВІЙ *(тихо соседу)*.

Все намъ даеть?

ГАЛЛУСЪ *(хватаетъ чертльмницу за
поясомъ, тихо Гиппарху)*.

Актъ не составить ли? donantis

Mens ne mutata sit?

ГИППАРХЪ.

Ну, вотъ!

Ужь тутъ jus primi occupantis!

ДАВУСЪ *(поднимая связку ключей, ко
всьмъ)*.

Прикажете?.. *(Всѣ бросаются со злоихъ мсть)*.

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ *(мрачно про себя)*.

Чѣмъ кончится все это!..

(Уходитъ опустивъ голову).

ФАВІЙ *(охлаждая столы)*.

А это все—сосуды, кубки...

ХАРИДЕМЪ *(подъ него, беретъ одинъ
кубокъ)*.

Вотъ вещь изящная!.. голубки

Цѣлуются...

ФАВІЙ *(вырывая у него этот кубок)*.

Давай сюда!

Рабы растащутъ же!..

ПУВЛІЙ *(беретъ разную утварь)*.

Да, да!

Въ гостинець внучкамъ!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЬ *(тихо)*.

Я богамъ!

(За ними вст, кромѣ Лезбіи и Циника, который, совсѣмъ опьяннѣвъ, развалился на ложь, хватаютъ сосуды, чаши и пр. Отроки дываютъ многіе канделябры).

ЛЕЗВІЯ *(неподвижно смотрящая на Деція, съ досадою)*.

...Эхъ, Деціи!..

Дорогу мнѣ! *(къ Давусу, пропуская его впередъ)*.

Иди!

(Эіопы расталкиваютъ толпу).

КЛАВДІЙ *(пропустивъ Лезбію, бѣгомъ возвращается съ молодежью и женищинами на середину сцены и потрясая огромнымъ золотымъ сосудомъ)*.

Ты, Деціи, богъ!

В С Я Т О Л П А .

Богъ! богъ!

(Убѣгаютъ, опрокидывая послѣдніе канделябры).

Д Е Ц І Й .

Стократъ проклятыя вамъ!.. И могъ
Съ ватагой этой ненасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!

Ц И Н И К Ъ (безсознательно увлекаемый общимъ движеніемъ пробуетъ встать, но падаетъ опять на ложе и кричитъ).

Хозяинъ! будешь умирать,
Такъ разбуди! прелюбопытно!..
Все хорошо!.. Эй, вы!.. вы къ намъ,
Вы самки!.. Туллія...

(Засыпаетъ).

Д Е Ц І Й .

Еще разъ всѣмъ проклятыя вамъ!

(Залъ остается съ опрокинутыми сѣдалищами и канделябрами, освѣщенный только вислицами сверху свѣтильниками. Децій опускается на свое ложе, облокотясь на столъ предъ золотою чашей и глядя на нее).

Ну, что же?.. кончимъ «представленье»,
Какъ тотъ сказалъ!..

*(Беретъ чашу; Лиди и Марцелль
къ нему приближаются).*

ДЕЦІЙ.

Нужна не сила волн намъ
Чтобъ жизнь порвать, а отвращенье,
Да, отвращенье къ жизни!..

*(Сильнымъ движеніемъ поднимаетъ
чашу, чтобы выпить ее).*

ЛИДА *(бросаясь къ нему и удерживая).*

Стой!

Стой, Децій!..

ДЕЦІЙ *(быстро поставивъ чашу
на столъ).*

Лиди... ты!.. Марцелль!..

ЛИДА *(едва удерживая рыданіе).*

Несчастный! видишь... видишь — вотъ
Что создала вамъ мудрость ваша!
Ты лучше всѣхъ, такъ яду чаша!..

ДЕЦІЙ.

Печально! да!.. *(Протягивая руку къ Лидѣ).*

Но гдѣ жь исходъ,

Философъ милый, гдѣ жь исходъ?

И если бь было — то утѣшенья
Не много: поздно!..

Л И Д А.

Никогда

Не поздно!.. Одного мгновенья
Увидѣть разомъ свѣтъ, понять, —
Мгновенья одного довольно!
А тамъ, что дѣлать, что начать
Само ужь скажется невольно.
Увидя свѣтъ, ужь никому
Назадъ не хочется во тьму!

ДЕЦІЙ (*смотря пристально на Лиду*).

Но что, скажи, съ тобою, Лидя?
Ты какъ въ огнѣ! какой нарядъ!
Простая, темная хламида,
Покровъ широкій... какъ горять
Глаза... Да гдѣ же ты скрывалась?
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой,
Сама конями управляла,
И оглянулась на меня...

Весельемъ, розами сіяла,
Мнѣ въ даръ улыбку уроня!..

Л И Д А.

Я выплыла изъ этой бездны!
Туда оглядывалась я
Лишь на тебя!.. Душа твоя,
Я знала, бьется бесполезно
Ища въ ней берега... и шла
Я указать тебѣ спасенье...
И сколько разъ!..

Д Е Ц І Й (*съ недоумѣньи*).

Ты мнѣ несла
Спасенье, Лида?.. Ты нашла?

Л И Д А.

Ты знаешь христіанъ?

Д Е Ц І Й (*озадаченный*).

Спасенье

Мнѣ въ христіанахъ? Ихъ ученье
Я знаю и не разъ слыхалъ
Ихъ проповѣдниковъ: худые
И загорѣлые, босые...
Ихъ въ Римѣ много... Одного
Я живо помню. Былъ забавенъ

Восточный выговоръ его,
И жестъ порывистъ и неплавень,
Но дикимъ паѳосомъ своимъ
Онъ поражалъ... Я помню, было
Внѣ Рима. Солнце заходило,
И онъ указывалъ на Римъ...
Самъ на горѣ стоялъ... Открытый,
Высокій лобъ... Народъ кругомъ...
И мы подѣхали верхомъ
Съ прогулки... «Змѣй многоочитый,
Онъ восклицалъ, — ты мѣръ земной,
Обвивъ, сдавилъ его собой,
И здѣсь, на семихолмѣ, въ Римѣ,
Въ златомъ вѣнцѣ и діадимѣ
Главой покоишься своей...»
Я оглянулся: блескъ заката,
Весь вѣчный городъ, блескъ огней,
Златая кесарей палата,
Водопроводы, виллы... Змѣй —
Великолѣпное сравненье!
Онъ разумѣлъ развратъ, наденье
И порчу нравовъ; говорилъ
Все въ апологахъ, но оставилъ
Въ насъ впечатлѣнье. Впрочемъ, былъ
Изъ римскихъ гражданъ...

ЛИДА (*быстро*).

То былъ Павелъ!

ДЕЦІЙ.

Ты знаешь ихъ по именамъ?

ЛИДА.

Я христіанка.

ДЕЦІЙ.

Какъ? давно ли?

ЛИДА.

Все дѣло въ истинѣ, а тамъ

Какъ къ ней пришелъ, не все равно ли?..

Вотъ слушай...

Въ циркѣ разъ, среди

Песчастныхъ, обреченныхъ казни,

Одна стояла — на груди

Сложивши руки, безъ боязни

Смотря на звѣря и кругомъ

На насъ, на кесаря — безъ гнѣва,

И чудо — красотою дѣва...

Къ кому-то вдругъ вверху поднявъ

Глаза и точно повстрѣчавъ

Кого-то тамъ, рукой взмахнула,

И улыбулась, и взглянула
Такъ, какъ бы къ матери могла
Взглянуть невѣста... Шумъ и клики
Тутъ поднялись... но мнѣ ужъ дики
Казались люди... я ушла...
И съ той поры, три ночи рядомъ,
Та дѣва, съ тѣмъ же кроткимъ взглядомъ,
Ко мнѣ являлася и тѣ жъ
Слова мнѣ тихо повторяла:
«Иди и мать мою утѣшь»...
И я пошла... и все узнала...
И тамъ, средь тихихъ, свѣтлыхъ слезъ,
Я все нашла, чего искала, —
Я поняла, кто былъ Христосъ...

ДЕЦІЙ (*уклоняясь отъ впечатлѣнія*).

Видѣнье... А, Марцелль, ты вѣришь
Что Бруту Цезарева тѣнь
Являлася на разсвѣтѣ, въ день
Фарсальской битвы?..

МАРЦЕЛЛЬ.

Къ убійцѣ? Можетъ быть. Не знаю...
Но я видѣнье понимаю
Что было Павлу... Онъ скакалъ

Въ Дамаскъ, пустыней, въ злобѣ дикой
 На христіанъ — онъ замышлялъ
 Ихъ истребить — и вдругъ великій
 Увидѣлъ свѣтъ и изъ него
 Услышалъ голосъ: «для чего
 Меня ты гонишь, Павелъ, Павелъ!»
 Предъ нимъ стоялъ Христось... И Павелъ.
 Прийдя въ Дамаскъ, ужь не къ врагамъ
 Пошелъ Христовымъ, а къ друзьямъ.
 Такая жь какъ о Памлѣ повѣсть
 И обо мнѣ. Мы всѣ пройти
 Должны по Павлову пути.
 Неумолимой правдой совѣсть
 Перепытать — какъ онъ въ тотъ путь;
 Такъ глубоко въ себя взглянуть,
 Чтобъ въявь Христа увидѣть...

ДЕЦІИ (*въ изумленіи, почти въ испугѣ*).

Боги! (*Вскакиваетъ*).

И ты! ты Римлянинъ, ты строгій
 Патрицій, воинъ, жизнь свою
 Проведшій въ лагерьъ, въ бою...
 Да ты... Вѣдь этотъ Римъ Нерона,
 Припомни, говорилъ ты самъ,

Что два иль три бы легіона,
И разнесли вы по клочкамъ...

МАРЦЕЛЛЪ *(попрежнему спокойно и твердо).*

Да, думалъ я, вѣрна побѣда.
Но вдругъ былъ въ лагерь приведенъ
Ко мнѣ подь стражей Павелъ. Онъ
Судьбу мою рѣшилъ!.. Бесѣда
Единой ночи!.. Весь раскрытъ
Я передъ нимъ стоялъ, разбитъ.
Какъ червь раздавленъ...

ДЕЦІЙ *(съ возрастающимъ ужасомъ перебивая его).*

Озлобленье

Въ тебѣ, отчаянье...

МАРЦЕЛЛЪ.

Да! да!

Все было: даже ядь всегда
Съ собой носилъ...

ЛИДА.

Прозрѣнье,

Прозрѣнье внутрь себя!

МАРЦЕЛЛЪ *(тономъ глубокаго убѣжденія).*

.....Я понялъ, намъ

Не Богъ предметомъ поклоненья
 Во храмѣ былъ, а самый храмъ!
 Порядокъ въ людяхъ водворяя,
 Цѣль жизни — мы открыли имъ?..
 Одна случайность роковая
 Являлась въ ней и намъ самимъ!..
 Таковъ нашъ Римъ: что онъ ни стронть,
 Онъ строить на пескѣ морскомъ;
 Прійдетъ волна, и зданье смоетъ
 И всѣхъ, кто жизни чаеъ въ немъ...

ДЕЦІІ *(перебивая съ величайшею живостью).*

О, Римъ гетерь, шута и мима —
 Онъ мерзокъ, онъ падеть!.. Но нѣтъ,
 Вѣдь въ томъ, что носить имя Рима,
 Есть нѣчто высшее!.. Завѣтъ
 Всего, что прожито вѣками!
 Въ немъ мысль, вознесшая меня
 И надъ людьми, и надъ богами!
 Въ немъ Прометеева огня
 Неугасающее пламя!
 Въ символъ побѣды это мною

Въ предѣлахъ вѣчности самой
 На вѣкъ поставленное знамя,
 Мой разумъ, предъ которымъ вся
 Раскрыта тайна бытія!
 И этотъ Римъ не уничтожить
 Никто! никто меня не можетъ
 Низвергнуть съ этой высоты...

МАРЦЕЛІЪ *(горько; потомъ строго).*

И вотъ — одинъ — передъ толпою,
 На высотѣ всѣмъ чуждый, ты
 Лишь самъ любишь себя собою,
 И съ чашей яду лишь глядишь,
 Въ красивой позѣ ль ты стоишь!..
 Онъ — разумъ, — значитъ, злая сила,
 Когда, чтобъ въ высотѣ стоять —
 Милліоны ближнихъ надо было
 Ему себѣ въ подножье взять...

ДЕЦІЙ *(въ высочайшемъ разгарѣ
 страсти).*

Милліоны ближнихъ!.. Что такое
 Мнѣ эти ближніе... Рабовъ
 Ты разумѣешь!.. О, пустое
 Мечтанье этихъ мудрецовъ!

Рабы и въ пурпурѣ мнѣ гадки!
Какъ? Изъ того, что той порой,
Когда стихіи межъ собой
Боролись въ бурномъ безпорядкѣ,
Земля, межъ чудищъ и звѣрей,
Межъ грифовъ и химеръ крылатыхъ,
Изъ нѣдръ извергла и людей,
Свирѣпыхъ, дикихъ и косматыхъ,
Мнѣ изъ того въ нихъ братьевъ чтить?..
Да первый тотъ, кто возложить
На нихъ ярмо возмогъ, тотъ разомъ
Сталъ выше всѣхъ, какъ власть, какъ разумъ!
Кто жъ суетвѣрья ихъ презрѣлъ,
И мыслью смѣлою къ чертогамъ
Боговъ ихъ жалкихъ возлетѣлъ,
Тотъ самъ для нихъ уже сталъ богомъ,
И въ полномъ правѣ съ высоты
Глядѣть какъ въ безотчетномъ страхѣ
Внизу барахтаются въ прахѣ
Всѣ эти темные кроты!..
Да! если есть душа вселенной,
Есть божество, — оно во мнѣ!
И есл, чтобъ ему вполне
Раскрыться, нужно непременно,
Чтобъ гибли тысячи тупыхъ

Существовъ, несмыслящихъ, слѣпныхъ, —
Пусть гибнуть!.. такова ихъ доля!
Имъ даже счастье неволя!
Лишь съ дня, когда онъ въ рабство впалъ
Для міра рабъ хоть нѣчто сталъ!

(Продолжаетъ ходить).

МАРЦЕЛЛЪ *(строго и горько).*

Все знаю! такъ насъ поучалъ
Нашъ славный разумъ! онъ, который
Самъ о себѣ намъ говоритъ:
«Я истина», и безъ опоры
На мечъ, блѣднѣетъ и дрожитъ!
Неронъ, онъ убѣжденъ, что тоже
Въ немъ истина!.. Великій жрецъ
И циникъ также... Отчего же
Твой разумъ лучше всѣхъ, мудрецъ?

ЛИДА *(смотритъ на Деція съ ужасомъ).*

Какъ ночь душа его мрачна!
Онъ — Боже! никого не любить...

(Плачетъ истерически).

Ихъ гордость римская... Она
Ихъ умъ мрачить... Она ихъ губить...

ДЕЦІЙ (*останавливаясь передъ нею*).

Къ чему же слезы?.. Перестань...

(*Смотритъ на нее внимательнѣе*).

Но какъ ты, Лида, измѣнилась...

О, какъ ты стала хороша...

ЛИДА (*послѣ сильнаго напряженія,
голосомъ искренняго чувства
и все болѣе одушевляясь*).

Я, Децій!.. Я давно простилась
Со всѣмъ земнымъ!.. Твоя душа —
Ты міръ обнять не можешь взоромъ,
И вознестись на высоту,
И ту постигнуть красоту,
То совершенство, предъ которымъ
Ничто твой жалкій, бѣдный міръ,
Гдѣ ты лишь самъ себя кумирь!
Да, гордость, Децій!.. Ослѣпила
Она тебя!.. Въ земныхъ цѣпяхъ
Душа источникъ свой забыла,
А онъ, о Децій, въ небесахъ!
Слова Христовы западаютъ
Мгновенно въ душу — оттого,
Что намъ Его напоминаютъ,
И возвращаютъ намъ Его...

И тутъ ужъ смерть — конецъ разлуки!
Побѣдный выходъ изъ тюрьмы, —
И примешь все ты — смерть и муки,
Чтобъ къ свѣту вырваться изъ тьмы...
Ахъ, Децій! мѣръ — одно терзанье!
И къ свѣту разъ открыть пути —
Ты будешь знать одно желанье —
Всѣмъ указать — и всѣхъ спасти!..

децій.

Ты точно вѣ ужъ мѣра, Лида!
Куда умчалась ты? Изъ вида
Теряю... Точно отъ земли
Оторвалась — межъ звѣздъ носилась
И къ намъ на землю воротилась
Въ ихъ золотой еще пыли...

(Смѣясь).

Вотъ видишь, ты не ожидала —
Передъ тобой и я поэтъ!..

лида.

Онъ шутить!..

децій.

Бросимъ этотъ бредъ —
Прости, Марцелль — но только дѣтямъ
И можно увлекаться имъ...

ЛИДА (*съ новымъ одушевленіемъ*).

Бредъ — говоришь ты? Но ужь Римъ,
 Ужь міръ исполненъ бредомъ этимъ!
 Ужь мы — на рубежѣ стоимъ —
 И въ Римѣ ужь теперъ два Рима!
 Здѣсь — этотъ Римъ; ужь онъ — какъ тѣнь
 Теперъ, какъ призракъ... Близокъ день, —
 И онъ разсѣется... и новый
 Откроетъ Римъ...

*(Слышно издали пѣніе и въ глубинѣ сада показываются медленно
 проходящія въ сѣнни свѣточей христіане).*

ПѢНІЕ ХРИСТІАНЪ.

Ясный, не меркнуцій,
 Тихій свѣтъ утренній!
 Нынѣ ведешь ты насъ
 Къ незаходимому,
 Свѣту безсмертному,
 Дню беззакатному!

ДЕЦІЙ.

Кто это?

ЛИДА (*торжественно*).

Новый Римъ!

Да! здѣсь

У васъ пиры, а тамъ, подъ вами,
 Въ землѣ, тамъ въ катакомбахъ, весь —

Всечасно молитъ со слезами
 О васъ же — христіанскій Римъ,
 Чтобъ Вседержитель Богъ далъ силы
 Ему спасти васъ...

ДЕЦІЙ.

Новый Римъ!

Такъ христіане — Новый Римъ?!
 Тутъ, въ катакомбахъ, гдѣ могилы
 Великихъ предковъ?!

(Съ судорожнымъ хохотомъ).

Новый Римъ!

Да развѣ можетъ быть два Рима?
 Два разума! Двѣ правды! два
 Могущества, два божества!..

МАРЦЕЛЛЪ.

И тотъ гдѣ ложь — не отвратима
 Его погибель!.. Пусть насъ жгутъ...

ДЕЦІЙ *(порывисто)*..

Ужель миллионы васъ?

МАРЦЕЛЛЪ *(нервнито)*..

...Не знаемъ...

ДЕЦІЙ.

Декретъ ты знаешь?

МАРЦЕЛЛЪ (*указывая на идущихъ
христіанъ*).

Исполняемъ,

Какъ видишь...

децій.

Какъ? они идутъ

На смерть?

лида.

Что смерть!

ДЕЦІЙ (*мрачно, смотря на хри-
стіанъ*).

Глазамъ не вѣрю!

На казнь идти и гимны пѣть,

И въ пасть некормленному звѣрю

Безъ содроганія глядѣть...

И кто жь? Рабы!..

(*Почти въ изступленьи*).

Да кто жь вы? кто вы?

Марцелль! вѣдь строя Римъ твой новый,

Пойми, ты губишь Римъ отцовъ!

Созданье дѣлъ ихъ! трудъ вѣковъ!..

Римъ, словно небо, крѣпкимъ сводомъ

Облегшій землю, и народамъ,

Всѣмъ этимъ тысячамъ племень

Или отжившимъ иль привычнымъ

Лишь къ грабежамъ, разноязычнымъ,
Языкъ свой давший и законъ!
И этотъ Римъ, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье...
Кому же?.. Тѣмъ, кто годенъ былъ,
Какъ выучный скоть, въ цѣпяхъ, лишь къ носкѣ
Земли и камня, къ перевозкѣ
Того, что мнѣ бѣ и мулъ свозилъ!
Рабы!.. Марцелль, да гдѣ мы? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что намъ позоръ — имъ не позоръ!
Они (*указывая на статуи*) предъ этими мужами
Не заливались слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И вдругъ, безъ всякаго преданья,
Безъ связи съ прошлымъ, какъ стада
Звѣрей, которымъ пропитанье —
Всей жизни цѣль, придуть сюда!
И гдѣ жь узда для дикой воли?
Что ихъ удержать?.. Все падеть!
И Пантеонъ, и Капитолій
Травою сорной зарастеть!..

ЛИДА.

Проходить зримый образъ міра,
Но, Децій, міръ не погубить

Пришелъ Христось, а словомъ мира
Въ любви и правдѣ возродить...

МАРЦЕЛЛЪ.

И жизнь вдохнуть въ него!

ДЕЦІЙ (*къ Марцеллу съ презрѣ-
ніемъ*).

Несчастный!

(*Взянувъ на чашу съ ядомъ*).

О, умирать теперь ужасно!
Или игрищемъ судьбы
Я былъ досель? съ врагами бился,
А злѣйшій врагъ межъ тѣмъ подрылся
Уже подъ самые столбы
Насъ всѣхъ вмѣщающаго храма!
Я тѣни предковъ вызывалъ,
Противу моря зла упрямо
Средь ярыхъ волнъ его стоялъ
Живымъ укоромъ и проклятьемъ,
Непобѣдимъ, непоколебимъ...

ЦИНИКЪ (*проснувшись*).

Хозяинъ, умеръ?

МАРЦЕЛЛЪ.

Вотъ твой Римъ

Тебя зоветь: къ его объятіямъ
Стремись скорѣе — что́ нужды

Что этотъ мужъ въ своемъ паренѣ

Не видитъ далѣе тѣды?

Одной вы матери рожденье,

Того же дерева плоды!

Между тѣмъ почти разсвѣло. Христіане, все въ возрастающемъ числѣ, продолжаютъ проходить вдаль, при пѣніи гимновъ. Изъ нихъ выдѣляются группы рабовъ Деція, которые останавливаются предъ входомъ въ залу и потомъ, впереди Іовъ, входятъ въ залу, по окончаніи слѣдующей рѣчи Марцелла. Марцеллъ и Лида дѣлаютъ нѣсколько шаговъ къ нимъ и смотрятъ на нихъ съ благоговѣніемъ. Децій отступаетъ на другую сторону сцены. Къ нему присоединяется Циникъ, со словами: «это что?» указываетъ на христіанъ и прислушивается.

ГИМНЪ ХРИСТІАНЪ.

Ясный, немеркнущій,
Тихій свѣтъ утренній,
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому
Свѣту безсмертному,
Дню беззакатному...

МАРЦЕЛЛЪ.

Ну, Деціи! Время... Со своимъ

Я ухожу... Прощай... *(Хочетъ идти, но возвращается опять и говоритъ Децію, указывая на христіанъ).*

...Ты видишь — вотъ — живыя

Все души, — въ каждомъ разумъ свой, —

Но всѣ любовію одной, —

Какъ солнцемъ глубины морскія, —
 Озарены!.. Здѣсь нѣтъ вождей!
 Творятъ дѣла здѣсь ужъ не люди!
 Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій,
 Сокрыты цѣли! Безъ мечей
 Идемъ къ побѣдѣ несомнѣнной!
 Пойми жъ что свыше лозунгъ данъ!
 То Божій духъ по всей вселенной
 Летитъ какъ нѣкій ураганъ...
 Чтѣ было свѣтомъ — въ мракъ отходитъ!
 Всѣ солнца гаснутъ! Новый день
 И солнце новое восходитъ,
 Все прежнее бѣжитъ какъ тѣнь.
 Чтѣ жъ, гордый человѣкъ, усиленно
 За тѣнь хватаясь, вмѣстѣ съ ней
 Исчезнуть хочешь въ тѣмѣ могильной,
 Въ безумной гордости своей!
 Себя поставивши судьбою
 Надъ всей вселенной, никогда
 Ужъ не признаешь надъ собою
 Глаголовъ Божьяго суда?..

деціи (къ Марцеллу твердо и си-
 разительно).

Мой судъ — я самъ! Все, чѣмъ мой разумъ
 Могучъ и свѣтелъ, далъ мнѣ Римъ; —

И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
 И съ ними всѣ народы — имъ
 Не уступлю и упреждаю
 Ихъ вызовъ... *(Беретъ чашу; Лида бросается къ нему,
 онъ ее отталкиваетъ).*

Прочь! *(Къ Цинику).* А ты бѣги

И въ Римѣ всѣмъ кричи: враги
 Въ его стѣнахъ! что умираю
 Я на посту своемъ за Римъ!
 За вѣчный Римъ!.. *(Выпиваетъ чашу).*

ЛИДА *(закрывая лицо руками и
 падая на колѣни).*

Боже! Я

Имѣла вѣры не довольно!

ДЕЦІЙ *(увидавъ вошедшихъ хри-
 стіанъ).*

Прочь!

ІОВЪ.

Боже сильный! отпусти
 Ему грѣхъ вольный и невольный!

(Приближаясь къ Децію).

Ты жь, господинъ, ты насъ прости,
 Коль въ чемъ виновны предъ тобою!

ДЕЦІЙ *(сурово).*

Что надо вамъ?

ЛИДА.

Твои рабы

Идутъ на смерть и молятъ, Децій,

Чтобъ Богъ простилъ тебя и ты

Простилъ бы ихъ!..

(Децій быстро отъ нихъ отворачивается).

ЦИНИКЪ.

О чемъ хлопочутъ?

И вѣдь не плуты, не морочутъ!

Поди жь, вѣдь создаютъ себѣ

Мученья!.. Мудрецы все!.. *(Уходитъ).*

ДЕЦІЙ *(склонясь на ложе, Марцеллу).*

А если всѣ насъ такъ разсудятъ,

Марцеллъ?

ЛИДА *(искренно, страстно).*

Судъ только Божій будетъ!

Ты, Децій, ты любилъ чтó зналъ;

Зналъ Римъ! его любилъ ты много,

Собой пожертвовалъ, страдалъ...

О! жертва всякая у Бога

Сочтется...

ДЕЦІЙ *(съ ненавистью, грозно).*

Лида! я бѣ васъ гналъ

Когда бы жилъ еще! терзалъ
Звѣрьми бѣ, живого бѣ не оставилъ!..

Л И Д А (*слезы въ ярость*).

Ты бѣ гналъ, покуда бѣ не узналъ,
Покуда бѣ не прозрѣлъ какъ Павелъ,
И больше насъ тогда бѣ Христа
Великимъ разумомъ прославилъ!
Въ тебѣ была вѣдь прямота!
Прозрѣвъ, отдался бѣ въ искупленье
Всѣхъ золь что сотворилъ!.. Прощать
Ты бѣ научился... да!.. прощать!
Вѣдь христіанство, все ученье,
Нѣтъ, не ученье — жизнь — прощенье,
Ежемгнутае прощенье,
Прощенье вѣчное!..

Д Е Ц И Й (*приподнимаясь и пристав-
но смотря на Лиду*).

Не та!..

Не та!.. Такъ кто же ты?.. Видѣнье?
Дай руку... (*Съ ужасомъ*) Свѣтъ вокругъ тебя!
Что жъ это? что? (*Падаютъ и умираетъ*).

Л И Д А (*опускаясь передъ нимъ на
колѣни*).

Онъ былъ одинъ,
Кто былъ еще мнѣ дорогъ въ мѣр!..

МАРЦЕЛЛЪ *(смотря на Деція)*.

Сынъ вѣка! свѣтъ былъ предъ тобой...

Не видѣлъ ты!

(Солнце полнымъ блескомъ озаряетъ сцену).

МАРЦЕЛЛЪ.

Ужъ солнце! Вотъ онъ

Нашъ день!

Л П Д А *(подымаясь)*.

Твоя теперь, Господь,

Вся, вся Твоя!

І О В Ъ.

Слава, Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!

(Присоединяются къ христіанамъ и уходятъ съ ними съ пѣніемъ гимна: „Ясный, немеркнущій“ и пр. Занавѣсъ падаетъ).

1872, 1881.

IX.

БРИНГИЛЬДА.

ПРИ ПОСЫЛКѢ „БРИНГИЛЬДЫ“ ВЪ МАЛУЮ АЗІЮ.

Моя валкирія—дѣтя
Снѣговъ и сѣверныхъ сѣніи,
Теперь внезапно залетя
Въ пору весеннихъ ликованій
Земли, и моря, и небесъ,
На свѣтлый берегъ Пропонтиды,
Нашла ль въ странѣ иныхъ чудесъ
У сродной съ нею Артемиды
Привѣтъ и ласковый пріемъ?
Или воительница юга
Съ ней обошлась какъ со врагомъ,
И стали другъ противу друга,
Движеньемъ безотчетнымъ рукъ
Схватясь за мечъ, а та—за лукъ
И съ вызывающей осанкой
И, по обычаю, на бой
Духъ разжигая похвальбой
И благородной перебранкой?

ПОСВЯЩЕНИЕ.

А. И. М—я.

*Пусть—вся въ крови моя поэма;
Пуускай Брингильды грозенъ видъ,—
Но изъ-подъ панцыря и шлема
Въ ней сердце нѣжное сквозитъ,
И душу ей святымъ крещеньемъ
Лишь озари, и освети
Ея высокимъ дерзновеньемъ
Христомъ открытые пути,—
Она бы сбразъ тотъ явила
Душевныхъ силъ и красоту,
Который намъ осуществила
Въ любви и жертвѣ вѣчной—ты...*

БРИНГИЛЬДА.

ПОЭМА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гудруна — жена убитаго Сигурда.

Брингильда — жена Гуннара, брата Гудруны.

Медди.

Гермунда.

Герварда.

Урлунда-Красавица.

Древняя Гильда.

} пять королевъ.

Время — мифическихъ преданій Скандинавской Старшей Эдды.

Мертвый Сигурдъ на высокомъ помостѣ лежитъ:

Весь съ головы золотою покрытъ онъ фатой:

Факель горитъ въ головахъ, а въ ногахъ у него

Влѣдная, взглядъ неподвижный, Гудруна сидитъ.

Пять королевъ на ступеняхъ помоста вокругъ —

Прим. для чтенія вслухъ... «Бота ради, читая вслухъ, не скандуйте стиховъ, какъ, съ сожалѣнію, у насъ принято при чтеніи греческихъ и латинскихъ поэтовъ и переносится также и на русскіе трехсложные

Древняя Гильда на креслахъ высокихъ одна:
 Съѣхались съ разныхъ концовъ на ужасную вѣсть.
 Войны въ шлемахъ стальныхъ оцѣпляють ихъ кругъ.
 Сзади толпятся старѣйшины, дворъ и рабы.
 Ропотъ въ чертогѣ и гулъ отъ толпы на дворѣ.

Утромъ съ шурьями на ловы поѣхалъ Сигурдъ.
 Тотчасъ почти принесенъ былъ домой, весь въ крови.
 Кровь изъ большихъ десяти изливалась ранъ.

Входитъ Брингильда въ чертогъ, дверь на отманѣ рас-
 крываетъ.

Шуба соболя и волосы въ снѣжной пыли.
 Холодъ за нею въ широкія двери пахнулъ.
 Въ стороны съ факела пламя метнулось, вздымаясь.
 Дрогнувъ, заискрясь, Сигурдовъ покровъ золотой.
 Глянувши быстро на всѣхъ, молча въ уголь прошла.
 Слушаетъ, пристально глядя, что вокругъ говорятъ.

размѣры; не надобно думать совсѣмъ о размѣрѣ: читайте какъ прозу, но выразительно, гдѣ требуется, и съ удареніемъ на тѣ слова въ стихахъ, на которыя слѣдуетъ по смыслу. Скандованіе убиваетъ всякое одушевленіе, всякій лиризмъ, все передливое чувства, словомъ пропадаетъ вся сила діалога. Въ рѣчахъ Гудруны и еще болѣе — Брингильды — скорѣе — декламація, а не скандованіе...» (*Изъ письма автора*).

Подлѣ Гудруны, у ногъ ея, Медди была.
Горе чужое — да чуткое сердце у ней!
Руку слегка на колѣни ея положивъ,
Молвила: «Милая! Жалко смотрѣть на тебя!
Словно ты каменной стала! Хоть слово скажи!
Еле ты дышишь, и то вѣдь вздрогнешь всякій разъ!
Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое!
Свѣтлый былъ свѣтъ на душѣ — темна ночь налегла!
Цвѣтикъ въ прогáлинкѣ — всякій затопчетъ тебя!
Елочка край-лѣску — всякій обидитъ тебя!
Лань ты моя круглоокая! серна моя!
Чуется, тяжело тебѣ одинокой-то жить!
Въ горы ль, бывало, олень твой бѣжить, — ты за нимъ!
Пьеть ли въ ручьѣ,—ты ужь скачешь и плещешься вокругъ!
Будь моя волюшка — охъ! — унесла бы тебя!
Холила бъ въ замкѣ своемъ... Здѣсь вѣдь ужасъ и мракъ!»

Молча Гудруна, въ отвѣтъ, лишь тихонько съ колѣнъ
Руку подруги сложила холодной рукой.

Молвить Гермунда: «И вправду ужь лучше ты плачь!
Легче, какъ выплачешь горькое горе заразъ!
Слезъ еще много на первое горе найдешь.
Вотъ, какъ другія пойдутъ — такъ и рада бъ — да нѣтъ!»

Высушать въ сердцѣ въ конецъ всё живые ключи!
Я скоронила двоихъ — да какихъ вѣдь мужей!
Пять сыновей у меня въ одномъ палю бою!..
Съ факеломъ, въ бурную ночь я бродила межъ тѣлъ,
Всѣхъ собрала. Нагрузила тѣлами ладью.
Ѣду. Надъ ними стою — и ни словъ нѣтъ, ни слезъ.
Думаю: что же? зачѣмъ же осталась я жить?..
Только — живу. Двое внуковъ остались: рошу.
Домъ свой, народъ, все какъ было, во страхѣ веду.
Въ фѣльстингъ старшинъ собираю. Суды имъ сужу.
Съ моря ли, съ суши ли врагъ — я встрѣчаю сама:
Всѣхъ впереди колесница моя или корабль...
Внукамъ отцовскій вѣнецъ поклялась передать,
Въ женскихъ рукахъ не сломавъ ни една зубца.
Такъ вотъ и ты поступай. У тебя вѣдь есть дочь.»

Молвить Герварда: «А я-то? что вынесла я!
Было и царство, и войско, и слава у насъ!
Въ домѣ — большая семья, вѣчно гости, пиры!
На берегъ выйдешь — и нѣту конца кораблямъ!
Словно безсчетно чудовищъ морскихъ на песокъ
Всплыли съ глубинъ и на солнцѣ рядкомъ улеглись,
Головы съ пастью драконовъ поднося въ высокѣ!
Нынче — волчець тамъ да верескъ: Аланы прошли!
Все — сожжено!.. что побито, что угнано въ плѣны!

Я — королева — въ толпѣ очутилась рабынь!
Гнали насъ съ мѣста на мѣсто, голодныхъ, босыхъ...
Взялъ меня въ жены каганъ. У него на пирахъ —
Мужиниъ, отца, тронхъ братьевъ, — всѣхъ пять череповъ —
— Въ кубки обдѣлали ихъ — наливала виномъ,
Ихъ разносила съ поклономъ пирующимъ я!
Что же? привыкла! сжилась! и съ каганомъ сжилась!
Въ почестяхъ тоже, какъ слѣдъ... принимали царей...
Только его отравили... какой-то тамъ грекъ...
Вслѣдъ пришло войско... самъ кесарь... все бросилось врозь!
Я по болотамъ скрывалась, по дебрямъ — совсѣмъ
Думала — смерть! — да попала сюда, и еще
Мужа нашла, — королева опять, въ третій разъ!
Ты молода еще: что же крушиться тебѣ?
Мужа — постой — не такого найдешь! Ужь повѣрь,
Знаю я — всѣ они, каждый по свѣому милъ!
Дикій Аланъ — и по немъ даже плакала я!»

Словно не видить, не слышитъ, Гудруна сидить.
Взглядъ устремила впередъ. Ни кровинки въ лицѣ.

Молвить Урлунда-Красавица: «Годъ пожила
Съ первымъ я мужемъ, Гудруна. Какъ умеръ онъ, — я
Думала: кончено! больше ужъ нечего жить!»

Бросилась даже за нимъ на костерь: удержать
Люди насилу могли! Цѣлый годъ я была
Словно какъ мертвая: плачу, не ѣмъ и не пью.
Встрѣтился Оттень—и стыдно бѣ признаться мнѣ въ томъ—
Стыдно — но я, Государыни, вамъ признаюсь:
Встрѣтился Оттень — и сердце зажглось не спросясь!
Что впереди — я не знаю, но слава богамъ,
Благами ихъ какъ цвѣтами осыпана я!
Дѣти-красавцы! а старшій ужъ править рулемъ,
Знаетъ всѣ снасти, какъ парусъ поставить, когда.
Такъ ужъ его и прозвали Волченкомъ Морскимъ!..
Развѣ мы знаемъ удѣлъ свой!.. Какъ ты родилась,
Норны связали ужъ въ узелъ твой жребій навѣкъ,
Намъ — ни распутать, ни вновь своего не скрутить!»

Древняя Гильда за ней пожелала сказать:
Жадно всѣхъ очи къ ея устремились устамъ.
Всюду какъ жемчугъ слова подбирались ея.

«Въ старыя годы намъ слезы вмѣнялись въ позоръ.
Замужъ шла—знала, что мужнинъ конецъ—твой конецъ.
Шла съ нимъ на одръ— знала: также пойдешь на костерь.
Чуть не сто лѣтъ я живу. Что же? въ радость мнѣ жизнь?
Сорокъ годовъ ужъ какъ въ море ушелъ мой король.»

Я разсылала гонцовъ: возвращались ни съ чѣмъ.
Башню на крайнемъ утесѣ поставила я,
Стража на вышкѣ, а я на бойницѣ весь день.
Парусъ его покажись: я узнаю изъ ста!..
Вѣщій есть старецъ, вѣдунья-жена у меня.
Валка—вѣдунья: въ пещерѣ надъ Геллой *) живетъ,
Ходь тамъ въ пещерѣ есть узкій, и въ Геллу окно;
Всѣхъ пстязуемыхъ тѣни тамъ видитъ она:
Нѣтъ до сихъ поръ между нихъ моего, говорить.
Вѣщій же—Снорро: являлся къ нему самъ Одинъ.
Травы онъ знаетъ. Нажжетъ ихъ — что снопъ упадетъ,
Духомъ же къ самой Валгаллѣ восходитъ тогда.
Тамъ, притаясь, онъ въ толпѣ челядинцевъ глядитъ:
Видѣлъ и свѣтлаго Бальдура, Брагги-пѣвца,
Фриггу, Одина — сидятъ за высокимъ столомъ.
Тѣни жь сражаются, мчатся на бѣлыхъ коняхъ.
Жены, любуясь, стоятъ по сторонкамъ вокругъ —
Нѣтъ короля моего, нѣтъ Олафа и тамъ!
Такъ я его по тремъ царствамъ, по всѣмъ, сторожу.
Какъ гдѣ явился — узнаю — и тотчасъ къ нему!
Лодка съ горючей смолой на-готовѣ всегда,
Царское платье, вѣнецъ. Въ тотъ же мигъ уберусь,
Сяду, спущуся въ открытое море сама,

*) Гелла — адъ.

Брачную пѣснь запою и смолу запалю, —
И — полечу голубицей въ догонку къ нему!»

Смолкнула Дивная: вспыхнувшій пламень погасъ.
Молча склонили главы королевы предъ ней.
Съ низкимъ поклономъ лишь Медди дерзнула сказать:

«Нынче какъ ты, Государыня, мало такихъ!
Гдѣ же намъ съ этимъ терпѣньемъ и вѣрой прожить!
Мужъ уѣзжаетъ... на годы пропасть о немъ слухъ:
Ждешь ты, живешь — сирота — ни жена, ни вдова;
Ждешь, узорочья ему вышиваешь, сидишь;
Подвиги тоже шелками рисуешь его:
Крѣпишься, крѣпишься, стелешь стежокъ за стежкомъ, —
Нѣтъ — да и капнетъ тебѣ на работу слеза...
Ты — вѣдь весь вѣкъ на гнѣздѣ, а вѣдь онъ-то — кружить,
Такъ заметить, что, гляди, и забылъ обо всемъ!..»

Молча сидѣла Брингильда въ тѣни, на скамьѣ.
Умныхъ рѣчей королевы ужь не слышитъ давно.
Вдругъ она встала, на помость къ Сигурду взошла,
Сбросила шубу соболью съ крутого плеча,
На руку бѣлый спустила покровъ съ головы,

Черныя косы откинула быстро назадъ.
Ферязъ на ней золотая; за поясомъ — ножъ;
Гладкое, низко на лбу, золотое жъ кольцо.

Сдернувъ съ Сигурда покровъ съ головы и груди —
Десять зіяющихъ ранъ обнажила на ней.
Вмигъ отскочила Гудруна и вскрикнула такъ,
Воплемъ такимъ, что гудѣньемъ тотъ крикъ отдался
Въ кованыхъ чашахъ на полкахъ кругомъ по стѣнамъ.
Точно мечомъ поразилъ ея сердце въ упоръ
Грозныхъ Брингильды очей торжествующій взглядъ.

Тутъ полились, что потокъ, у Гудруны слова:

«Прочь, ненавистная! скройся, уйди ты отъ насъ!
Только ты горе и слезы приносишь съ собой!
Дѣло твое — эта кровь! неповинная кровь —
Къ крови ты съ дѣтства привыкла что къ сладкимъ медамъ!
Дикимъ Аланомъ, не дѣвкой родиться бѣ тебѣ!
Чѣмъ виноватъ онъ — Сигурдъ — предъ тобою, скажи?
Тѣмъ ли, что между мужей онъ что солнце сіялъ?
Тѣмъ ли, что слава его облетѣла весь свѣтъ?
Видѣла ты, что когда выходилъ онъ со мной,

Всѣ разступалися, съ радостью глядя на насъ:
Ты только черною тучей смотрѣла, одна!
Лѣтомъ, когда увѣжали они на войну,
Я не хотѣла, чтобъ съ братьями ѣхалъ Сигурдъ,
Я, какъ надъ малымъ ребенкомъ дрожала надъ нимъ,
Три дня, три ночи молила — и сдался бы онъ,
Если бъ не взглядъ твой, не сжатія губы твои,
Это презрѣнье и вмѣстѣ насмѣшка въ лицѣ!
Сѣлъ ужъ когда на коня — я упала безъ чувствъ —
Помнишь — какимъ залпаса ты смѣхомъ тогда!
Смерти его ты ужъ хочешь, ты ищешь давно!
Радуйся жъ — вотъ онъ!.. Твое это дѣло, твое!
Скажешь: ты дома была? Да твои ужъ глаза —
Взглядомъ убьешь, обернешься медвѣдемъ, орломъ, —
Прежде была — говорятъ же — Валкиріей ты!
Братья пріѣдутъ — постой! старшину соберутъ,
Любъ ли Сигурдъ былъ народу — узнаешь тогда!»

Рѣчь перебить ей хотѣла Брингильда: «Молчи!»
Вскрикнула снова Гудруна. — «Оставь хоть на мигъ!
Дай хоть въ послѣдній-то разъ поглядѣть на него!
Ахъ, Государыни! горькая доля моя!
Только какъ вспомню... вотъ нынче — поднялся чѣмъ свѣтъ,
Ходить на цыпочкахъ, самъ снаряжился, одинъ,
Бережно крался къ дверямъ, чтобъ меня не будить —

И притаилась — лежу — и все вижу — молчу —
Только онъ къ двери, — вскочила, его обняла, —
Поднялъ меня какъ ребенка, — опять уложилъ —
И — уходилъ и смѣялся, кивнуль головой, —
Только и видѣла!.. Встала, во дворъ выхожу —
Вижу — бѣжить его конь, его Грани, одинъ....
Гдѣ жь твой хозяинъ? — я въ шутку спросила его:
Конь палъ на землю — и слезы изъ глазъ полились —
Плакалъ слезами — а мнѣ еще все не въ домѣкъ!
Только вдругъ вижу — несутъ!.. Что тутъ стало со мной!
Я и теперь даже въ разумъ прійти не могу!
Гдѣ я? съ какой я упала теперь высоты?
Вотъ ты хотѣла, ехидна, чего — моихъ слезъ!
Радуйся жь! хватить тебѣ ихъ на всю твою жизнь!
Пей ихъ, соси ихъ, суши мое сердце, змѣя!
Ишь, нарядилась какъ! золото, камни, янтарь...
Точно не смерть у насъ въ 'домѣ', а свадебный пиръ!
Бѣдный мой, бѣдный!..» И сильно руками всплеснувъ,
Голосомъ стала рыдать и упала на одръ,
Жаркой къ колѣнямъ Сигурда прижавшись щекой.

Сжалось сердце у всѣхъ у пяти королевъ:
Изъ-коса взглядъ на Брингильду бросаютъ порой.
Стража сурово глядитъ, на щиты опершись.

Тихія женщинъ рыданья въ толпѣ раздались.

Тихо Брингильда Гудрунѣ въ отвѣтъ начала:

«Слушай, Гудруна. Теперь, сколько хочешь, бляни,
Все что есть злобы въ душѣ изливай на меня!
Прежде... вчера еще.. голосъ твой — имя твое —
Кровь подымали во мнѣ и мутили глаза,
Кажется — такъ бы тебя растерзала сейчасъ!
Только въ желѣзной уздѣ я держала свой духъ,
Руки сжимая, — ногтями ихъ рѣзала я!
Нынче жъ спокойно, безъ злобы, отвѣчу тебѣ!..

«Нынче, когда принесенъ былъ убитый Сигурдъ, —
Въ полную грудь мнѣ хотѣлось вздохнуть въ первый разъ!..
Въ горы ушла я, блуждала по бѣлымъ снѣгамъ,
Пѣла во всю свою волю побѣдную пѣснь —
Пѣла какъ въ дѣтствѣ пѣвала по раннимъ зарямъ,
Розовымъ блескомъ ихъ тѣшась на горныхъ высяхъ!..
«Крошкой-Валкирией» звали тогда ужъ меня —
Послѣ ужъ «Грозной Валкирией» прозвали... Да!
Бросила прялку я, броню одѣла и шлемъ,
Грозной Валкирией — вправду — являлась въ бояхъ:
Мечъ мой, къ кому я хотѣла, побѣду склонялъ!

«Ахъ, эти годы мои — золотые года!

Я, что орлица, жила въ недоступной выси!
Мелкую тварь, что ютится въ норахъ, по землѣ,
Въ жалкой враждѣ — и не знала, не видѣла я!..
Ахъ! для чего имъ хотѣлось, чтобъ замужъ я шла!..

«Быль у насъ замокъ — спасенье, я думала, тамъ!
Замокъ — и въ лѣто на снѣгомъ покрытой горѣ.
Только подъемный надъ пропастью подняли мостъ —
Въ замокъ и доступу нѣтъ... Царство вѣчной зимы!
Только одинъ и цвѣтетъ тамъ минутный цвѣтокъ —
Подлѣ оттаявшей глыбы — фїялокъ семья.
Вкругъ — клекотанье ручьевъ — водопадовъ грома,
Радуги всюду надъ ними въ алмазной пыли,
Синее небо и — мѣръ безпредѣльный кругомъ!

«Я и сказала своимъ, что туда удалюсь.
Только тотъ смѣлый, кто въ замкѣ добудетъ меня, —
Только одинъ онъ и будетъ мнѣ мужъ. И ушла.

«Сколько тамъ дней — и не помню, не знаю — прошло...
Разъ — открываю глаза — свѣтозарный ли богъ,
Горный ли духъ-повелитель лдяныхъ этихъ странъ,
Въ чистомъ эфирѣ рожденный, въ негнѣной зарѣ,

Смертный ли чудной невѣдомой мнѣ красоты, —
— Шлемъ золотой — изумленный и радостный самъ —
Мечъ обнаженный опущенъ — стоитъ предо мной...
Онъ — вѣтъ вѣтъ — онъ здѣсь!.. Вотъ онъ — мертвыи—
Сигурдь!

Вотъ — продолжала, касаясь Сигурда рукой,
Вотъ эти волосы — въ кудряхъ вились по плечамъ...
Блѣдныя щеки — румянцемъ пылали тогда...
Сжаты уста — но съ приподнятой верхней губой,
Какъ отвѣчали они изумленью въ очахъ,
Ясному взору, что вмѣстѣ и грѣль, и ласкаль!
Мигъ — и заглялся сердца наши тѣмъ же огнемъ;
Вотъ на рукахъ его обручи — видите — вотъ
Эти три — бѣлаго золота — это мои!
Краснаго — вотъ на рукахъ моихъ — это его!
Тутъ же, предъ ликомъ небесъ, обручились мы,
Въ вѣчной любви поклялись и на жизнь, и на смерть!»

Слушали всѣ, удивленно къ ней очи поднимая:
Только Гудруна смущенный потупила взглядъ.
Сердце смиряя съ трудомъ, та опять начала:

«Знали, Гудруна, вы съ матерью — чей былъ Сигурдь!
Знали, что ѣдетъ онъ сватовъ за мной посылать!»

Зельемъ ли вы опояли его на пиру,
Чарами ль память отшнбли, — но въ этотъ же день
Дочь обручила, Гудруну, съ нимъ нѣжная мать!

«Что? вы подумали, что же со мной будетъ, что?
Жизнь мою, сердце мое — пожалѣли тогда?
Смѣрили бездну, куда вы втоптали его,
Бездну, гдѣ въ вѣчной ночи нѣтъ ни солнца, ни звѣзды,
Развѣ изъ ада лишь жгучее пламя пахнетъ,
Слышны лишь стоны, проклятья, да скрежетъ зубовъ —
Муки осмѣянной — чистой какъ небо — любви!
Съ нимъ — когда ластилась съ подлой ты страстью къ нему,
Въ нѣгѣ постыдной гая въ немъ божественный духъ,
Лаской кошачьей геройство въ немъ тѣхась усыпить, —
Думала ль ты, что тутъ подлѣ же, ђ-богъ съ тобой —
Та, чьи обманомъ украли вы честь и права,
Та — для которой любовь — это подвигъ и долгъ?!
Думала, да!.. но судила о ней по себѣ:
«О, покорится!.. Не тотъ, такъ другого нашла!
Родомъ не ниже, красавецъ, Морской же Король» —
Душу, несчастная, въ разумъ-то взять ли тебѣ,
Душу — небесный тотъ свѣтъ, что намъ свѣтитъ въ богахъ,
То, что въ Валгаллѣ насъ вводитъ въ ихъ радостный кругъ!

«Слушайте жъ всѣ теперь. Да! это дѣло — мое!

Все какъ задумала, все довела до конца.
 Сватовъ Гуннара заставила выслать ко мнѣ.
 Въ домъ ихъ, въ семью ихъ — невѣсткою ей — я вошла.
 Въ мужъ — и въ братьяхъ ея — стала зависть будить.
 Стала имъ зло на Сигурда нашептывать я.
 Стала пророчить имъ тяжкую долю и стыдъ.
 Будеть, твердила, Сигурдъ здѣсь одинъ королемъ.
 Мужу Гудруна покоя не дастъ ни на мигъ —
 Со свѣту всѣхъ насъ сживетъ или пуститъ съ сумой.

«Въ рунахъ стоитъ: «На Сигурда — Сигурдовъ лишь
 мечъ».

Мечъ его надобно было тихонько достать.
 Почью—вы спали—въ свѣтлицу прокралась я къ вамъ...
 Мѣсяцъ тебя освѣщаль у него на груди,
 Мечъ же высоко надъ вами висѣлъ на стѣнѣ:
 Черезъ тебя я ступила, чтобъ снять его тамъ...
 Мысль: «не тебя ль заколоть?» промелькнула—но вмгъ,
 Какъ отъ шмеля, отъ нея отмахнулась я!..
 Въ ночь это было вчера — а съ зарей этотъ мечъ
 Сдѣлалъ ужъ дѣло свое — у Гуннара въ рукахъ!
 Да, — у Гуннара — и всѣ твои братья съ нимъ — всѣхъ
 Я натравила и въ волю свою привела...
 Волчью срубила имъ печень съ кусками змѣи,

Въ крѣпкую брагу — изъ жабы имъ желчь подлила —
Ѣли и пили всю ночь — и озлились въ конецъ!»

Въ ужасѣ Медди къ Урлундѣ прижалась плечомъ.
Ждутъ съ любопытствомъ Герварда съ Гермундой конца;
Съ дрожью всѣмъ тѣломъ провидица-Гильда сидитъ,
Пристальный взоръ свой соколій въ Брингильду вперивъ.
Тихо рыдала Гудруна, закрывши лицо.
Къ ней обратила Брингильда послѣднюю рѣчь:

«Слушай. Теперь въ моемъ сердцѣ нѣтъ зла на тебя.
Все что давило — какъ снѣгъ растопилось съ души —
Ей и легко, и свѣтло — какъ тогда — на горѣ,
Въ замкѣ въ тотъ мигъ, какъ Сигурда увидѣла я.
Даже... тебѣ утѣшенье могу я сказать...
Взоръ мой въ грядущее видитъ теперь далеко...
Крѣви тамъ... крѣви... Въ кровіи вашъ погибнетъ весь родъ...
Этли отмстить за Сигурда... но ты... ты найдешь
Въ мстительѣ счастье свое... и забудешь о насъ...
Развѣ какъ сонъ какой вспомнишь, какъ будто твой духъ
Въ чудное царство взлеталъ — гдѣ все чуждо ему,
Гдѣ все давило, какъ вѣчныя горы, его —
Люди, ихъ облики, души и замыслы ихъ —
Вспомнишь — душа содрогнется, какъ робкій пловецъ,

Вдругъ очутясь въ океанѣ на утлой ладѣ --
 И пожелаешь домой, поскорѣе домой,
 Къ дѣтямъ и мужу, къ рабынямъ и прялкѣ своей.

«Будеть ужасенъ на первое время мой образъ тебѣ!
 Злой и холодной Валкиріей буду казаться я вамъ —
 Новое жъ счастье тебя и со мной примирить.
 Этого счастья — ты скажешь — она бъ не могла
 Здѣсь ни себѣ, ни другому кому-либо дать,
 И -- скажешь правду!.. Не здѣшнее — счастье мое!
 Счастье мое -- и не здѣшняя мѣра ему —
 Счастье мое --- безъ конца, безъ предѣла и — съ нимъ!»

Властно перстомъ на Сигурда при семъ указавъ,
 Радостнымъ вся торжествомъ просіяла она,
 И -- какъ бы взоромъ во глубь пропная небесъ,
 Медленно, голосомъ твердымъ, сказала еще:

«Боги съ престоловъ своихъ ужъ взирають на насъ.
 Мчатся навстрѣчу Валкиріи къ новой сестрѣ,
 Въ славу героя герои мечами стучать о щиты —
 Брачный въ Валгаллѣ готовятъ намъ пирь».
 И обратившись къ рабынямъ «подайте вѣнецъ» —
 Словно на пирь, неоспѣшно, надѣла его.

Встала колѣномъ къ Сигурду на одръ, и — еще
Слово сказала: «Послѣдняя воля моя —
Вы на одномъ насъ съ Сигурдомъ сожгите кострѣ».
Тутъ же, на фѣязи съ петель застежки разнявъ,
Грудь обнажила, и сердце ошупавъ рукой,
Къ мѣсту межъ реберь приставила ножъ остріемъ.
Сильно ударила правой рукой рукоятъ,
И, пошатнувшись, упала Сигурду на грудь.
Вскрикнули Медди съ Урлундой. Гудруна глядитъ,
Въ страхѣ широко прекрасныя очи раскрывъ,
Словно не въ силахъ все бывшее мыслью обнять.
Древняя жь Гильда, порывисто съ кресель вскочивъ,
Прядями бѣлыхъ волосъ потрясая, одна,
Руки воздѣвъ, восклицала въ нантъи святомъ:
«Слава, Брингильда, тебѣ,
Мужа обрѣтшей на вѣкъ въ безразлучную жизнь!»

Разказы изъ Русской исторіи.

(Для дѣтей и народа).

РАЗКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

О СВЯТЫХЪ МОСКОВСКИХЪ МИТРОПОЛИТАХЪ

ПЕТРЪ и АЛЕКСЪВЪ

И О СЛАВНОМЪ МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

Кто бывалъ въ Москвѣ, тотъ ужъ конечно первымъ дѣломъ считалъ пойти въ московскій кремль, помолиться въ соборахъ Успенскомъ и Архангельскомъ на гробахъ пресннихъ великихъ князей и царей русскихъ, и приложиться къ мощамъ святыхъ чудотворцевъ московскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа. Вотъ о первыхъ двухъ я и буду вамъ разказывать.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Москва не была такая большая, какъ теперь. Тогда это былъ маленькій деревянный городокъ; на той горѣ, гдѣ теперь кремль, стоялъ небольшой княжескій теремъ со службами да пристройками и съ одной деревянной церковкой во имя Спаса. Это та, что нынче называется Спасъ на бору. Кругомъ горы были прикрыты еще густымъ лѣсомъ, и кой-гдѣ развѣ расчищены мѣста

для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки. Въ городкѣ и въ этомъ терему проживалъ одинъ князь, внукъ св. Александра Невскаго, Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита. Митрополитомъ въ то время былъ св. Петръ, и митрополиты жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, и Владиміръ былъ столицею великихъ князей. Обѣзжая свою паштву, св. Петръ часто заѣзжалъ въ Москву къ князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этотъ князь въ маленькомъ городкѣ, въ бѣдномъ теремку, надъ Москвою рѣкою частенько, долго и по душѣ бесѣдовали князь со святителемъ о несчастныхъ дѣлахъ Русской земли, какъ всѣ-то князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаютъ: Татары вмѣшиваются въ ссоры ихъ, и идетъ повсемѣстная война и разореніе. Митрополитъ говорилъ князю Ивану Даниловичу:

«Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ ихъ знаю; есть между ними и добраго нрава, да горячи и легкомысленны: въ даль не смотрятъ, а только думаютъ, какъ бы нынче прошло хорошо: думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ вся-то Русь — пополамъ распалась; одна часть подъ Литву подпала, другая подъ Татарь. А князьямъ и горя мало: отъ татарскаго насиія страдаютъ и вздыхаютъ, а о томъ и не думаютъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть со временемъ, дѣтямъ и внукамъ, совсѣмъ отъ Татарь избавиться. Изъ всѣхъ князей только ты, Иванъ Даниловичъ, нрава твердаго и ума

великаго. Принимайся съ Богомъ за собраніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казны у тебя много, и такъ тебя прозвали «калита», полный мѣшокъ. Скупай отъ князей села и города: имъ деньги нужны, задаромъ волости продають. И устройся такъ, чтобъ у тебя народу было жить хорошо, и народъ отовсюду къ тебѣ потянетъ. А я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престолъ митрополичій поставлю, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, и молитвами моими передъ Господомъ и Пресвятой Богородицей. Еще когда на родинѣ моей, въ землѣ Галицкой, удалился я въ пустыню, и потомъ помогъ мнѣ Господь устроить тамъ монастырь, и обѣщавалъ паству митрополитъ Максимъ, и въ нашу землю пріѣхалъ, вышли мы, иноки, отъ него благословиться; и поднесъ я владыкѣ моей рукой написанную икону Успенія Божіей Матери; а написалъ я эту икону, какъ она мнѣ явилась въ сонномъ видѣніи. И пріянялъ ее митрополитъ и обლობывалъ, и потомъ украсилъ ее золотомъ и камнями и всегда хранилъ въ кельѣ своей. По кончинѣ его выбрали меня, недостойнаго, митрополитомъ всея Руси, и поѣхалъ я къ патріарху въ Царьградъ на ставленіе. Оказалось, что въ то же время попустилъ Господь, игуменъ Геронтій взялъ отъ того покойнаго владыки утварь святительскую и жезлъ и икону Успенія, и отправился тоже въ Царьградъ къ патріарху, думая обмануть его и получить митрополию всея Руси. Значить, сами того не зная, на разныхъ корабляхъ плыли мы къ Царь-

граду. Мнѣ былъ вѣтеръ попутный и плаванье тихое; я пріѣхалъ и былъ посвященъ въ санъ митрополичій патриархомъ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ и Геронтій, и какъ вошелъ къ патриарху, такъ и палъ ему въ ноги, и началъ каяться и просить прощенія. И рассказалъ онъ, что какъ плылъ онъ по морю, его постигла жестокая буря и всѣ думали, что ужь погибнуть. И впалъ онъ, Геронтій, яко бы въ забытьё; въ этомъ забытьѣ явилась ему Божія Матерь и сказала: «напрасно трудишься, санъ святительскій достанется не тебѣ». И устранился онъ, и положилъ, если Богъ его помилуетъ, жизнь оставить, то какъ пріѣдетъ въ Царьградъ, во всемъ покается патриарху. И Господь помиловалъ, и вотъ онъ принесъ и похищенную имъ утварь святительскую и жезлъ и икону, да приметъ ихъ тотъ, кому онѣ принадлежать по праву. И всѣ мы дивились неизреченному чуду; патриархъ простилъ Геронтія, видя слезы его, и всѣ мы купно прославляли Господа и молили, да не оскудѣетъ промыселъ Его надъ нами. Такъ икона моя опять перешла ко мнѣ, и ее-то хочу я поставить у тебя въ Москвѣ: да приметъ Царица небесная подъ святой покровъ свой твои благія начинанія. Ты же построй, во имя Ея, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, соборный храмъ, и пророчу тебѣ, что если ты меня во всемъ слушаешь, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ больше другихъ князей, и городъ твой прославится надо всѣми русскими городами; святители послѣ меня будутъ жить въ

немъ; руки его взйдутъ на плечи враговъ его, и Богъ прославится въ немъ».

Такъ бесѣдовалъ святитель съ княземъ, и послушался его князь Иванъ Даниловичъ. И сталъ онъ скупать какъ можно больше земель отъ сосѣднихъ князей; иные, можетъ быть, и знали его тайную думу объ освобожденіи отъ Татаръ, и сами, умирая, отказывали ему свои владѣнія. Отъ этого при немъ и при сыновьяхъ его московское княжество заняло всѣ земли между Окой и Бѣлымъ озеромъ и Сухоной, всѣ нынѣшнія губерніи Московскую, Ярославскую, Костромскую и части Новгородской и Нижегородской; а средняя Волга, отъ Углича до впаденія въ нее рѣки Ветлуги, вся протекала ужь по московскимъ землямъ. По Волгѣ же, да по Окѣ, шла съ давнихъ временъ вся судовая торговля Россіи изъ-за Новгорода, отъ Балтійскаго моря въ Азію и обратно. Иванъ Даниловичъ устроилъ въ Мологѣ большую ярмонку; а какъ онъ всю землю свою постарался очистить отъ разбойниковъ, и по рѣкамъ учинилъ стражу, чтобъ не грабили товаровъ тамъ проходившихъ, и вездѣ устроилъ правильный судъ, а дѣла свои съ Татарами велъ такъ, что они не показывались въ его владѣніяхъ, и была при немъ на Руси «тишина великая»,—то въ земли его стало переходить много народу изъ другихъ княжествъ; и народъ сталъ богатѣть отъ промысловъ и торговли; а самъ московскій князь сдѣлался черезъ то еще богаче и сильнѣе другихъ князей. И начали переѣзжать

къ нему отъ другихъ князей самые знатные и умные бояре, и дѣлались ему помощниками, и вмѣстѣ съ нимъ стали думать тайную думу, какъ избавиться отъ Орды. И умеръ Иванъ Даниловичъ Калита (въ 1340 г.), а дума его не умерла при сынѣ его Симеонѣ Гордошѣ. Симеонъ уже сталъ именоваться великимъ княземъ всея Русіи, и гордо держалъ себя съ князьями и Татарами. Можетъ быть и готовился онъ нанести Ордѣ рѣшительный ударъ, какъ вдругъ, въ 1353 году, пришла въ Россію страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ черной смерти; цѣлыя области опустѣли; въ нѣкоторыхъ городахъ не осталось ни одного человѣка,—и самъ великій князь Симеонъ, во цвѣтѣ лѣтъ и мужества, заразился ею и умеръ. Но, умирая, передалъ престолъ брату Ивану Ивановичу и писалъ ему въ своемъ завѣщаніи: «Слушайся старыхъ бояръ, они отцу нашему и намъ добра всегда хотѣли, слушайся затѣмъ, чтобъ и—*свѣча не погасла*». А что разумѣлъ онъ подъ этою притчей, чтобъ свѣча не погасла? А свѣча тутъ значить то дѣло, что задумалъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, и думу свою вложилъ въ сердце своимъ боярамъ, то есть освобожденіе отъ Татаръ.

«Не погасла свѣча» при двоихъ сыновьяхъ Ивана Даниловича, одинъ за другимъ княжившихъ въ Москвѣ, ни даже при малолѣтнемъ внукѣ его Дмитріѣ Ивановичѣ. Дмитріѣ послѣ отца остался младенцемъ: но именемъ его управляли Русью бояре московскіе и главное св. митро-

поить Алексѣй. Они занимались дѣлами и въ Орду ѣздили; но былъ тогда еще святой мужъ, который, удалясь отъ міра сего, въ глубинѣ лѣса дремучаго, въ тяжкихъ веригахъ передъ Господомъ подвизался, да благословить Богъ святое дѣло въ Москвѣ затѣянное, и строгою жизнію своею подавалъ христіанамъ примѣръ, какъ удостоиться милости Господней. И по тропинкамъ къ обители св. Троицы, имъ построенной, частенько пробирались къ нему князья и бояре — укрѣпиться духомъ и посовѣтоваться о дѣлахъ; по всей Руси шла молва о его святой жизни и о чудесахъ, прославившихъ его и при жизни; ученики его разошлись по всѣмъ концамъ Руси, даже до далекой Перми, разнесли славу о его благочестіи и мудрости, и толпы народу валили къ его обители послушать его поученія. Мужъ этотъ былъ св. Сергій, изъ ростовскихъ бояръ. Особеннымъ другомъ его былъ двоюродный братъ великаго князя Дмитрія Ивановича, Владиміръ Андреевичъ, который во всей жизни своей поступалъ по его совѣту, даже отказался отъ престола послѣ Дмитрія, чтобы престолъ московскій переходилъ въ одномъ семействѣ отъ отца къ сыну, и не было бы смуты и спора за наслѣдство. Къ Троицѣ прорубили потомъ ужъ большую дорогу, и со всякимъ важнымъ дѣломъ ѣздили изъ Москвы за совѣтомъ и благословеніемъ къ Сергію; онъ мирилъ враждующихъ, обуздывалъ строптивыхъ и, можно сказать, сіялъ мудростью и святостью на всю Русь, живилъ ее своимъ духомъ и обнималъ ее всю

своимъ умомъ. Никогда на Русской землѣ не проявлялось столько благочестія; никогда, ни прежде, ни послѣ, не построилось столько монастырей, какъ въ это время — отъ Петра митрополита, и при Алексѣѣ. Русь словно постомъ и молитвою готовилась къ чему-то великому. Митрополитъ Алексѣй питалъ великую дружбу къ Сергію, и самъ, при жизни своей, былъ прославленъ многими чудесами, изъ которыхъ самое великое было излеченіе три года болѣвшею глазами ханской жены Тайдулы. Самъ ханъ писалъ къ московскому князю: «Слышалъ я, что у васъ въ Москвѣ есть такой служитель Божій, который о чемъ Бога ни попроситъ, Богъ все даетъ ему. Отпусти его ко мнѣ, и если онъ исцѣлитъ любимую жену мою, то будетъ у меня съ вами миръ; если же не отпустишь, прійду войною...» Смутился св. Алексѣй. «Дѣло это превыше силъ моихъ», говорилъ онъ; но помолился Богу и отправился въ Орду. Тайдула ожидала его съ нетерпѣніемъ, и разъ, когда ужъ св. Алексѣй двинулся въ путь, видѣла она во снѣ приближающагося къ ней какого-то мужа, одѣтаго въ такія одежды, въ какія одѣвались русскіе священники, только великолѣпнѣе. Она запомнила эти одежды и велѣла такія изготовить. Пріѣхалъ Алексѣй и сталъ посѣщать болящую и лечить ее, горячо молиться Богу и кропить болящую святой водой. Богъ не оставилъ его молитвы—и жена ханова прозрѣла. Святитель прославилъ чудо Господне, а Тайдула въ благодарность подарила ему изготовленные сю ризы и перстень, и мѣсто,

принадлежащее ей въ Москвѣ, на которомъ потомъ Алексѣй построилъ обитель въ честь архангела Михаила...

Эти-то святые мужи съ боярами московскими и наставляли юнаго Димитрія, какъ управлять ему государствомъ, и были ему вѣрными помощниками, когда онъ пришелъ уже въ возрастъ.

И вотъ, черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Ивана Даниловича Калиты, пришлось въ первый разъ испытать Россіи, готова ли она помѣряться съ Татарами, испытать, много ли накопилось въ ней силы; пришлось провѣрить — такая ли же она, какъ была за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ, когда въ первый разъ пришли Татары и порознь разбили ея храбрыхъ князей и храбрыя ихъ дружины. Тутъ передъ глазами всей Россіи пришлось въ первый разъ одѣнать, правое ли дѣло затѣялъ Иванъ Даниловичъ съ митрополтомъ Петромъ, начавъ подбирать земли Русскія въ однѣ руки... Это испытаніе приключилось по случаю страшнаго нашествія Мамасва съ несмѣтной силой татарской. Теперь расскажу я вамъ, какъ это все было.

Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ въ Московскомъ княжествѣ силы прибывало оттого, что прибывало порядка, въ Ордѣ ея убывало оттого, что тамъ росъ безпорядокъ. Коли умиралъ какой-нибудь ханъ, тотчасъ начиналась страшная рѣзня; послѣ одного хана, Бербидека, сынъ его, наприимѣръ, зарѣзалъ своихъ 12 братьевъ, да и самъ былъ убитъ. Московскіе князья пользовались этими смутами и выторговывали, чтобъ дани платить меньше; а случалось,

что и по три года совсѣмъ не давали дани. Но ко времени Димитрія Ивановича въ Ордѣ появился умный и грозный Мамай и всю Орду забралъ въ свои руки. Послалъ онъ рать на Россію, требуя дани какъ при первыхъ ханахъ; но Димитрій разбилъ эту рать на рѣкѣ Вожѣ. И какъ приближали къ Мамаю разбитые его мурзы, онъ какъ звѣрь разъярился. «Ахъ вы, холопы татарскіе, — кричалъ онъ, — видно забыли времена Батыевы: вотъ я вамъ ихъ напомину! Камня на камень не оставлю, въ конецъ истреблю русскій народъ, чтобъ и слуху объ немъ на землѣ не было». И сталъ онъ собирать большое войско; пригналъ, кромѣ своихъ, и Армянъ, и Черкесовъ, и всякихъ другихъ Азіатовъ, и всѣмъ говорилъ: «Потрудимся немного, а ужъ всѣ разбогатѣемъ отъ русскаго золота». Готовился онъ къ войнѣ тихо; въ Москвѣ и не знали, какъ онъ перевалилъ за Волгу, и потомъ за Донъ, и подходилъ уже къ землѣ Рязанской.

Въ нынѣшней Рязанской губерніи тогда былъ свой князь, по имени Олегъ. Княжество его тогда подходило одной стороной къ степямъ донскимъ, откуда и шли Татары; другой стороной подходило оно къ Литвѣ, а рѣкой Окой отдѣлялось отъ княжества Московскаго. Мамай подговорилъ и Литву присоединиться къ нему, чтобъ подѣлить Московское государство. Рязанскій князь, находясь въ серединѣ между тремя силами, не зналъ, что ему дѣлать, чтобы спастись. Онъ послалъ сказать и Мамаю, и Литвѣ, что бу-

детъ на ихъ сторонѣ, да и Димитрія увѣдомилъ, что идетъ на него страшная орда татарская, и что идетъ она тихо, поджидая Литвы.

Извѣстіе это не могло не всполошить Москвы. Но тамъ давно ужъ словно ждали чего-нибудь такого: всѣ давно ужъ чувствовали, что нѣтъ-нѣтъ, а придется разсчитаться съ Ордою, и казалось для того силы ужъ наакопилось довольно. Отъ этого великій князь тотчасъ принялъ рѣшеніе—не дожидать Татаръ; напротивъ, положилъ—не пустить ихъ въ свои земли, а скорѣе идти имъ навстрѣчу въ степи и не дать соединиться съ Литвою. И вотъ поскакали гонцы отъ Димитрія и въ Новгородъ, и въ Псковъ, и къ тверскому князю, и къ подручнымъ князьямъ, и по городамъ, и по боярскимъ вотчинамъ, и по всѣмъ деревнямъ, чтобы всѣ, кто годенъ на службу, выходили бы постоять за землю Русскую, за вѣру православную. Тогда еще не было такой арміи, какъ теперь; теперь Государь отдастъ по телеграфу приказъ, и приказъ въ ту же минуту получится въ каждомъ полку, бьютъ тревогу, и полки, готовые, обученные и вооруженные тотчасъ же выступаютъ въ походъ; гдѣ летятъ на подводахъ, гдѣ по желѣзной дорогѣ. Но въ тѣ времена такихъ полковъ солдатскихъ не было. Отъ князей раздавались боярамъ и дворянамъ повѣстья съ тѣмъ, чтобы они изъ крестьянъ и всякихъ людей выбирали молодцовъ, обучали ихъ ратному дѣлу, приучали ихъ къ оружію и къ пѣшему и къ конному строю; и

какъ получать гонца, тотчасъ бы забирали хлѣба и шипъ бы на сборное мѣсто. И по городамъ былъ такой же урядъ; тамъ сидѣли княжескіе воеводы. Огнестрѣльнаго оружія, ружей и пушекъ, тогда тоже еще не было, а сражались копьями, мечами, саблями, рогатинами, палицами и пускали изъ луковъ стрѣлы. Когда соберутся такимъ образомъ отряды по областямъ, тогда большой бояринъ или подручный князь ведетъ свое войско или въ Москву, или куда великимъ княземъ указано. Тутъ ужъ ихъ расписываютъ по полкамъ: кому быть въ большомъ полку, кому въ передовомъ, въ правой или лѣвой рукѣ. Конница отдѣльно, пѣхота отдѣльно. Дорогъ большихъ въ тѣ времена еще было мало и были плохи, а больше все ходили на стругахъ по рѣкамъ, конница шла берегомъ, зимою шли по льду. На сей разъ войску великій князь велѣлъ собираться въ Коломнѣ.

Такъ по слову великаго князя Дмитрія Ивановича ударили въ набатъ по всему его государству, возгласили въ церквахъ, что часъ пришелъ, въ оныя же Господь даруетъ спасеніе Руси отъ тяжелой неволи татарской; раздался стукъ оружія, потянулись къ Коломнѣ со всѣхъ сторонъ ополченія. Въ Москвѣ, на рѣкѣ—то и дѣло трубили трубы, возвѣщавшія проходъ дружинъ. Подходили на судахъ, подходили и пѣшіе, и конные, благословляя ихъ и кропятъ святою водою митрополитъ Кипріанъ, и направлялись они къ Коломнѣ, куда между тѣмъ подходили и другія войска по Окѣ, и сверху, и снизу. Урядивши все съ боярами и

князьями, великій князь передъ отъѣздомъ на войну поѣхалъ благословиться на великій подвигъ къ Сергію: все-таки ему страшно было, чтобы, въ случаѣ неудачи, не потерять того, надъ чѣмъ трудились его отецъ, дядя и дѣдъ. Но Сергій словомъ своимъ утѣшилъ колебанія его души и предрекъ ему побѣду; пригласилъ на трапезу и далъ ему отъ себя двухъ мужей, уже схимы пріявшихъ: Александра Пересвѣта и Андрея Ослабю. Они въ міру были знаменитые витязи; преподобный повелѣлъ имъ снова надѣть бранные доспѣхи и нашилъ кресты на схимы ихъ, сказавъ: «Сіе будетъ вамъ крѣпче всякихъ шеломовъ».

Съѣздивъ къ Сергію, Димитрій простился съ семействомъ своимъ и поѣхалъ въ Коломну, куда уже собралось 150,000 войска. Это было войско только его государства, да подручныхъ ему князей; ни тверской князь, ни Псковь, ни Новгородъ не прислали ему помощи. Псковичи и Новгородцы отговаривались потомъ, что все равно не поспѣли бы. За то пришли два племянника литовскаго князя съ крѣпкой дружиной полоцкой и брянской; хотя и были они родомъ литвины, но были православные и, кажется, были женаты на русскихъ княжнахъ. 20-го августа Димитрій выступилъ изъ Коломны. Шли Окой до рѣки Лопасны и повернули къ Дону; 6-го сентября подошли къ Дону, а 7-го перешли его и стали близъ рѣчки Непрядвы на отлогихъ высотахъ, откуда открывалось обширное поле Куликово. Несмѣтная рать татарская уже видна была съ дру-

гой стороны поля, гдѣ возвышалась гора: на горѣ стоялъ самъ Мамай. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, устраивалъ ихъ, указалъ, гдѣ стоять большому полку, гдѣ сторожевому; а двоюроднаго брата и вѣрнаго друга своего Владимира Андреевича, князя серпуховскаго, поставилъ скрытно за лѣсомъ въ засадѣ, наказывая ему ударить въ тылъ Татарамъ, когда они начнутъ одолевать. Любо было смотрѣть Димитрію на свое воинство. Весело вѣяли знамена; князья, бояре и воеводы стояли при полкахъ своихъ или, устроивая ихъ, носились на лихихъ коняхъ съ золоченой сбруей, на богатыхъ сѣдлахъ, имѣя на головахъ золотые и серебряные шлемы, желѣзные кольчуги на груди. Ратники, готовясь къ бою, всѣ какъ бы идя къ святому причастію, одѣли бѣлыя рубахи и лучшія одежды: всѣ рады были за Христа и святую Русь испить чашу смертную—и вотъ въ этотъ же часъ подоспѣлъ отъ св. Сергія посланецъ—янокъ и привезъ отъ него Димитрію просвиру и благословеніе войску, склонились знамена, сняли шелома войны, перекрестились, и шопоть молитвы побѣжалъ по рядамъ.

Наступила ночь. Воины прилегли на ночлегъ. Ночь эта приходилась на Рождество Богородицы, была тихая, звѣздная; только съ одной стороны неба подымалась мгла, предвѣщавшая на утро туманъ. Великая была эта ночь: много потомъ рассказывалось чуднаго, что подъ покровомъ ея совершилось. Димитрій, удалясь въ шатеръ свой, то молился, то высылалъ сдѣлать какое-нибудь распоряженіе. Ему не

спалось: очень онъ чувствовалъ, что завтрашній день онъ одинъ въ отвѣтъ за судьбы Россіи... Не спалось и многимъ ратнымъ людямъ и военачальникамъ. Былъ между прочими у Дмитрія знаменитый бояринъ, пришелъ онъ къ нему изъ южной Руси съ Воыни, именемъ Боброкъ. Ночью онъ поѣхалъ по рядамъ, а въ полночь заѣхалъ къ великому князю, видя у него свѣтъ. Боброкъ понималъ его безпокойство и хотѣлъ сообщить ему свои кой-какія добрыя примѣты о завтрашнемъ днѣ. Онъ пригласилъ князя сѣсть на коня и поѣхать съ нимъ. Сѣли они на коней, выѣхали изъ лагера и поскакали по полю Куликову: на серединѣ между русскихъ и татарскихъ полковъ Боброкъ остановился. «Слушай, и скажи, что ты услышишь на татарской сторонѣ», сказалъ онъ князю. Прислушался великій князь и отвѣчалъ: «Слышу стукъ и кликъ, словно базаръ идетъ; слышу еще, словно волки воютъ и птицы летаютъ, вороны каркаютъ и орлы клегчуть». — «Послушай теперь на русскую сторону», сказалъ Боброкъ. Дмитрій послушалъ и сказалъ: «Тишина великая, только отъ огней словно зарево». — «Знаменья добрыя, объяснилъ Боброкъ; вотъ что это значитъ: что волки воютъ и птицы степныя въ непривычную пору всполошились: значить чуютъ добычу, быть великому побойщу. Шумъ со стороны Татаръ — значить нестроеніе, тишина съ нашей стороны—порядокъ и благодать Божія въ сердцахъ людей, а гдѣ благодать Божія, тамъ и побѣда... Есть у меня и другія примѣты, и по нимъ

выходить, что будетъ тебѣ на врага одолѣніе, но много падеть воинства христіанскаго...»

Развѣхались они по своимъ шатрамъ; воины спали въ полѣ. Иноки Сергіевы, подѣ открытымъ небомъ, всю ночь стояли на молитвѣ надѣ спящимъ лагеремъ. Но не всѣмъ воинамъ спалось. Съ нѣкоторыми приключилось нѣчто такое, что они, потолковавъ съ товарищами, рѣшили прямо пойти къ великому князю и объявить ему. И докладываютъ Дмитрію, что трое ратниковъ пришли къ нему за очень важнымъ дѣломъ, и велѣлъ ихъ допустить великій князь. И сталъ одинъ рассказывать: «Меня зовутъ Оома Коцогей; стоялъ я въ сторожевыхъ противъ татарскаго стана, и было мнѣ видѣнье: отъ восточной стороны, вижу я, идетъ словно воинство великое; вдругъ на это воинство съ полуденной стороны идутъ два свѣтлые юноши, въ доспѣхахъ воинскихъ и съ мечами; и начали они воинство это рубить и словно восклицали: Кто вамъ велѣлъ погубляти отечество наше? И кого изрубили, а прочихъ отогнали».—«А мы,— сталъ рассказывать другой, — прилегли было; и вдругъ я взглянулъ на небо и вижу, что въ воздухѣ, со стороны стени, идетъ словно великое множество черныхъ воіоповъ, на коняхъ и на колесницахъ, и вдругъ появился словно въ святительскихъ ризахъ мужъ съ огненнымъ жезломъ въ рукѣ, и тоже словно воскликнулъ: «Почто пришли вы погублять стадо мое», и устремился на нихъ съ жезломъ своимъ—и всѣхъ ихъ разогналъ. Я толкнулъ товарища, онъ

тоже увидалъ и сказалъ мнѣ: Это никто иной, какъ угодникъ Божій святой Петръ митрополитъ. И оба мы испугались, и пока толковали, подходитъ къ намъ Оома Коцюгей и рассказалъ, что ему привидѣлось. Мы и положили о такомъ дѣлѣ прямо пойти и доложить тебѣ». И выслушалъ ихъ великій князь, перекрестился и сказалъ: «Пращуру моему св. Александру Невскому помогли побѣдить шведскую рать святыя угодники Божіи, убіенные нечестивымъ Святополкомъ, благовѣрные князья святыя Борись и Глѣбъ; не они ли подвились и нынѣ намъ на спасеніе? А святой Петръ митрополитъ неусыпно молится за Русь передъ престоломъ Всевышняго. Помолимся и мы имъ, братья, чтобы помогли они намъ въ сей великій день. Ступайте теперь съ Богомъ, отдохните и никому не рассказывайте, что видѣли».

Прошла таинственная ночь. Жаркая утренняя молитва укрѣпила духъ воиновъ; всѣ стали по своимъ мѣстамъ. Но густой осенній туманъ покрывалъ поле. Дмитрій взвѣзжалъ на холмы, но тщетно сквозь туманъ старался оглядѣть войско свое и поле, гдѣ должна была рѣшиться судьба дня. Въ девятомъ часу утра потянулъ наконецъ вѣтерокъ, проглянуло солнце, и сквозь уносящійся клубами туманъ открылось Дмитрію на далекое пространство сверкающее оружіемъ, въ порядкѣ, съ распущенными знаменами стоящее, его воинство. Туманъ совсѣмъ разсѣялся, и увидѣлъ великій князь, что съ противоположной стороны на горѣ стоитъ высокій шатеръ Мамаевъ. Словно чудовищная птица

подняла свою голову и смотрить на русскую рать и широко развернула свои темныя крылья: это была рать татарская, которая, какъ тѣнь отъ тучи, подвигалась на полѣ Куликовомъ на русское войско. Казалось Дмитрію, что полкамъ татарскимъ и конца нѣтъ, и что они вдвое многочисленнѣе русскихъ... Двинулись и наши; обѣ рати начали становиться одна противъ другой. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, увѣщевалъ воиновъ постоять за землю Русскую, за вѣру православную. «Памятуйте, братцы, говорилъ онъ, — теперь вся Русь за насъ молится; святые угодники и чудотворцы россійскіе надъ нами бодрствуютъ, а преподобный Сергій прислалъ намъ вчера же предреченіе побѣды»... Ужь нѣсколько коней притомилъ онъ и пересаживался на свѣжаго. Онъ былъ высокаго роста, тучень тѣломъ, лицо имѣлъ открытое, черныя волосы и обладистую черную бороду. Наконецъ, подѣхалъ онъ къ ставкѣ своей, гдѣ стояло большое великокняжеское черное знамя, и стали бояре и воеводы уговаривать его остаться тутъ въ безопасномъ мѣстѣ, за густыми рядами войска. «Нѣтъ, отвѣчалъ Дмитрій, — я хочу быть впереди, а если вы опасаетесь, что войско, не видя меня подъ чернымъ знаменемъ, усумнится, то пусть одѣнетъ кто-нибудь изъ васъ мои великокняжескія одежды и станетъ въ серединѣ полковъ, подъ моимъ чернымъ знаменемъ: пускай войска и принимаютъ его за меня; меня же не удерживайте; на мнѣ былъ починъ, мнѣ и отвѣтъ за все дѣло. Мнѣ и биться въ пе-

редовыхъ». И вызвалъ онъ своего любимаго боярина Бренка и сказалъ ему: «Ты, Бренко, всегда твердъ и спокоенъ; я же горячъ; ты пожалуй и лучше меня съумѣешь распорядиться, когда пойдетъ свалка». И надѣлъ онъ на Бренка, своего боярина, свои одежды, а самъ, переодѣвшись простымъ воиномъ, въ желѣзномъ шлемѣ, въ кованыхъ латахъ, отправился въ передовую дружину.

Войска между тѣмъ стояли ужь близко другъ противъ друга. Изъ татарскихъ полковъ выѣхалъ огромнаго роста богатырь, широкій въ плечахъ и свирѣпаго вида; ѣздилъ онъ и насмѣхался надъ русскими полками, вызывая на единоборство охотниковъ и глумясь, что никто не осмѣливался. И увидалъ его Сергіевъ инокъ Пересвѣтъ. «Не смущайтесь, братцы, — крикнулъ онъ своимъ — великъ Богъ нашъ и велика крѣпость Его! Перевѣдаюсь-ко я съ нечестивцемъ», сказалъ онъ, и понесся на него на конѣ своемъ, — самъ тоже высокаго роста, въ желѣзныхъ доспѣхахъ, имѣя на шлемѣ своемъ черную схиму съ нашитымъ на ней рукою святаго Сергія бѣлымъ крестомъ. Разѣхались они на коняхъ, и потомъ понеслись другъ на друга: ударъ былъ такъ силенъ, что оба пали мертвые, а равно и кони ихъ.

Тогда Димитрій сказалъ: «Сіе мѣсто буди намъ гробъ за пмя Христова и за вѣру христіанскую—впередь!» И полки наши бросились на Татаръ, и заволновалось все поле Куликово; и густая пыль поднялась надъ всѣмъ полемъ и скрыва то страшное, что на немъ происходило...

Двоюродный братъ Димитріевъ Владиміръ Андреевичъ дв воевода Боброкъ, тотъ самый, что ночью пріѣхалъ къ великому князю, стояли въ засадѣ въ скрытомъ мѣстѣ за лѣсомъ и смотрѣли на битву; пыль закрывала передъ ними поле и не позволяла видѣть, кто одолеваетъ; слышали только отдаленный гулъ сѣчи, словно реветъ невидимое море, стонъ стонть въ воздухѣ, а земля гудить. Жутко имъ было. Прошелъ второй и третій часъ; стало Владиміру примѣтно, что татарская сила словно все впередъ подается, и бой все углубляется въ нашу сторону. «Что же, братъ, по пусту стоимъ мы, сказалъ наконецъ Владиміръ Боброку; пожалуй, намъ и помогать будетъ некому, какъ всѣ наши полягутъ мертвые». Въ это время потянулъ имъ въ лицо вѣтеръ съ поля битвы и понесъ густую пыль имъ въ глаза. «Погоди еще», отвѣчала Боброкъ. Не хотѣлъ онъ ударить, потому что изъ-за пыли нельзя бы вѣрно рассмотреть, гдѣ наши, гдѣ Татары. Пожалуй бы ринулись на удачу, наткнулись бы на своихъ. Но вотъ, въ три часа вѣтеръ подулъ въ тылъ нашей засадѣ и поприоткрылъ передъ Владиміромъ и Боброкомъ завѣсу пыли. Глянулъ Боброкъ и кликнулъ: «Ну, князь, теперь настала часъ! Съ Богомъ теперь, братцы!» и съ крикомъ весь отрядъ кинулся въ свалку.

Татары—къ тому часу почти совсѣмъ уже одолѣли нашу рать, и вдругъ увидѣвъ свѣжіе полки, выходящіе изъ-за лѣсу и съ горъ на нихъ несущіеся, подумали, что «вотъ оно главное-то войско русское! дали намъ Русскіе поутомиться,

а сами лучшихъ князей и воеводъ спрятали да берегли, и теперь выпускають на насъ, когда ужъ мы устали, когда кони наши и руки наши уже оцѣпенѣли, и оружіе иступилось»... И стали они кидать мечи и копья, и побѣжали назадъ. Ободрились наши и присоединились къ Владимірову отряду, налегли на Татаръ, и давай рубить бѣгущихъ. Увидѣлъ съ возвышенія Мамай, что дрогнули силы его, и что въ полѣ Куликовомъ словно волна назадъ отхлынула и быстро-быстро на него самого несется, самъ поскорѣй сѣлъ на коня, и шатеръ свой бросилъ, и побѣжалъ. Князь Владиміръ съ Боброкомъ, со всѣми своими полками скачутъ и бьютъ, и рубятъ; встрѣтилась рѣка Меча, бросились Татары вплавь, и многое множество ихъ потонуло отъ страха великаго и русскихъ мечей.

Тутъ на рѣкѣ Мечѣ остановили коней своихъ Владиміръ и Боброкъ и повернули полки назадъ; видѣли, что сила татарская яко снѣгъ растаяла, яко дымъ разсѣялась, захотѣли посмотрѣть, что стало съ главнымъ войскомъ русскимъ. Направились они къ ставкѣ великокняжеской; ѣхали по трупамъ: на десять версть лежали мертвые и раненые. Сперва встрѣчались все тѣла татарскія, потомъ татарскія и русскія; что дальше, то гуще — гдѣ рядами, словно сѣно скошенное, гдѣ кучами, какъ копны, и конскіе и человѣческіе трупы; смѣшались тѣла христіанскія съ тѣлами татарскими, и кровь христіанская смѣшалась съ татарскою. Испуганные кони безъ всадниковъ носились по полю; сте-

нали раненые и молили о помощи. Видно, что тѣсно было поле Куликово, и негдѣ было развернуться обоимъ воиствамъ, рубились и рѣзались зло, въ тѣснотѣ и давкѣ. Пробрался наконецъ Владиміръ со своей дружиной къ ставкѣ великокняжеской; тутъ, видно, бой былъ упорный: черное знамя лежало подрублено, подъ нимъ изрубленный же въ великокняжескихъ доспѣхахъ лежитъ бояринъ Бренкоъ. А самого великаго князя нѣтъ нигдѣ. Сталь Владиміръ «на костяхъ», и приказаль трубить въ трубы. Громко раздались трубы въ умолкшемъ полѣ Куликовомъ, и стали со всѣхъ сторонъ подходить оставшіеся въ живыхъ ратники, и кучками, и по одиночкѣ, и цѣлые, и раненые, кто могъ ходить. Но великаго князя не было. Стали спрашивать вопновъ: одни говорили, что видѣли, какъ подъ нимъ былъ убитъ конь, и онъ садился на другого; кто говорилъ, что это онъ пересаживался ужъ на третьяго коня; иной сказывалъ, что видѣлъ его раненаго въ трупахъ; другой говорилъ: «Я видѣлъ, какъ на него напало четверо Татаръ, онъ бился, и побѣжалъ. Я бросился къ нему на помощь, да на самого меня наскочило трое Татаръ». Приказаль Владиміръ вездѣ искать его, и самъ поѣхаль. И вотъ два костромича, Ѳедоръ Морозовъ да Ѳедоръ же Хлоповъ, нашли его при опушкѣ лѣса лежащимъ подъ только-что срубленнымъ деревомъ. Латы его всѣ были изсѣчены, избиты и измяты, весь онъ былъ кровью обрызганъ, но самъ еще живъ, только въ безпамятствѣ: видно нашли его въ полѣ въ безчувствіи ка-

кіе-нибудь войны, приняли за убитаго, и по обычаю, до сихъ поръ сохраняющемуся, срубили дерево и прикрыли князя его вѣтвями. И должно быть сами спасители его потомъ убиты были, потому что никто не могъ рассказать, какъ Дмитрій въ обморокъ могъ очутиться подъ прикрытіемъ: но не разъ, должно быть, Дмитрій молился потомъ за своихъ безвѣстныхъ спасителей.

Окликнулъ Владиміръ и привелъ въ чувство Дмитрія, своего возлюбленнаго двоюроднаго брата: «Братъ милый! на насъ милость Господня, мы побѣдили!» — «Кто говоритъ мнѣ?» томнымъ голосомъ спросилъ Дмитрій, и очнувшись увидѣлъ радостныя лица воиновъ, поднялся на ноги, обнялъ брата и возблагодарилъ Господа за побѣду. Ранъ на немъ не оказалось; должно быть онъ былъ ошеломленъ сильнымъ ударомъ въ голову. И поѣхалъ обозрѣвать поле Куликово и отыскивать, нѣтъ ли еще живыхъ между мертвыми. Нашли тѣло Пересвѣта подлѣ богатыря татарскаго; нашли восемь князей бѣлозерскихъ; всѣ лежали убитые другъ подлѣ друга... и много другихъ князей и бояръ, и когда стали считать живыхъ, изъ всего войска насчитали только 40,000. Поплакавъ надъ павшими, великій князь сказалъ живымъ: «Господа и отцы, и братья, и чада мои! Благодарю васъ ото всей земли, что столько потрудились и славно послужили ей. Если дастъ Богъ мнѣ быть на моей отчизнѣ на великомъ княженьѣ, на Москвѣ, всѣхъ одарю васъ и пожалую. А теперь похоронимте братьевъ нашихъ,

пріявшихъ на полѣ семь вѣнцы мученическіе». И простоялъ Димитрій тамъ на полѣ Куликовомъ еще восемь дней, пока разбирали тѣла убитыхъ. И отслуживъ наконецъ по всѣмъ панихиду, поднялся онъ домой, въ Москву. Въ Коломнѣ епископъ, духовенство, всѣ люди встрѣтили его съ крестами и иконами; по дорогѣ вездѣ высыпалъ ему на встрѣчу народъ и со слезами называлъ его спасителемъ земли Русской; въ Москвѣ такая же встрѣча ожидала его и брата его Владиміра Андреевича, и все вопиство: со всѣхъ церквей ударили колокола, далеко за городъ вышли митрополитъ Кипріанъ со всѣмъ св. соборомъ, семейства княжескія, народъ, жены и дѣти... Митрополиту Алексію не суждено было видѣть этого торжества, къ приуготовленію котораго много потрудился и онъ: онъ преставился въ 1378 г., за два года до нашествія Мамаю, въ глубокой старости, 78 лѣтъ, пробывъ 24 года на митрополичьей кафедрѣ. Уже чувствуя приближеніе кончины, онъ отслужилъ литургію, причастился святыхъ даровъ, о великомъ князѣ, о великихъ князьяхъ и боярахъ, о воинствѣ и всѣхъ православныхъ христіанахъ помолился, далъ всѣмъ послѣднее цѣлованіе и—угасъ. Вступивъ въ Москву, Димитрій прямо направился въ Успенскій соборъ поклониться иконѣ Успенія Божіей Матери, писанной митрополитомъ Петромъ, и гробамъ святителей Петра и Алексія. Потомъ тотчасъ поѣхалъ къ Сергію и одарилъ монастырь вотчинами, и, возвратясь въ Москву, задалъ ширь всѣмъ своимъ сподвижникамъ. Веселіе было велп-

кое. Всѣ славили Бога и Дмитрія Ивановича, и, приравнивая его къ Александру Невскому, назвали его Донскимъ, какъ того Невскимъ, а брата его, Владиміра Андреевича—Храбрымъ. Такъ за ними эти прозвища и остались на послѣдующія времена. Такое же пиrowаніе пошло и по всему Московскому государству: вездѣ чествовали возвратившихся въ живыхъ ратниковъ, какъ побѣдителей. Плакали по убиеннымъ, но утѣшались тѣмъ, что всѣ они приняли вѣнцы мученическіе. Одинъ ратникъ рассказывалъ, что онъ во время битвы, когда Татары ломили главныя силы наши, впалъ якобы въ изступленіе, и видѣлъ безчисленное множество вѣнцовъ съ неба сходящихъ на убиенныхъ христіанъ. И было тогда установлено на вѣчныя времена праздновать память сложившихъ животъ свой на Куликовомъ полѣ, въ Дмитровскую субботу. Очнулась Русская земля, и высоко поднялъ голову народъ по всей державѣ Московскаго великаго княжества, впервые ощутивъ свою силу и почуявъ на себѣ благословеніе Божіе.

Но съ пораженіемъ Мамаю еще не кончились наши бѣды отъ Татаръ. Азія не вдругъ согласилась выпустить изъ рукъ своихъ Русь. И сама-то Русь еще не вошла во всю свою силу: въ роковую годину—Рязань ей измѣнила, Тверь, Псковъ и Новгородъ не прислали помощи. Азія еще разъ при Донскомъ, да два раза при сынѣ его выслала изънутри себя страшныя орды, страшныхъ завоевателей: Тохтамыша, Эдигея и Тамерлана, изъ коихъ первые двое под-

ходили подь самую Москву и жгли ее; Тамерланъ же подходилъ только къ Рязанской землѣ, и повернулъ назадъ, уstraшенный, какъ говорятъ наши лѣтописи, видѣниемъ. Это было уже при сынѣ Дмитрія Донскаго. Вдругъ пришла вѣсть, что идетъ на насъ свирѣпый завоеватель, что ужъ онъ покорилъ чуть не всю Азію, сокрушилъ турецкаго султана Баязета и возить его вездѣ съ собою въ желѣзной клѣткѣ; и что идетъ онъ на насъ въ страшныхъ силахъ, со всѣми покоренными имъ народами... Переполохъ былъ великій; войско не собрано; оставалось только прибѣгнуть къ помощи небесной, — и послали во Владиміръ перенести въ Москву икону Владимірской Божіей Матери. И въ лѣтописяхъ нашихъ записано, что въ ночь на вшествіе ея въ Москву, Тамерланъ, стоявшій тогда въ Ельцѣ, увидѣлъ сонъ: видѣлъ онъ великую гору, и шли съ горы святители и грозили ему золотыми жезлами своими, а надъ ними въ воздухѣ, въ сіяніи, стоитъ благолѣпная жена въ багряныхъ ризахъ и тоже гнѣвно грозитъ ему... И поутру страшный завоеватель, до сихъ поръ не вѣдавшій преградъ въ пути своемъ, — повернулъ назадъ отъ предѣловъ русскіихъ въ степи. Окончательно избавились мы отъ грозы татарской только при правнукѣ Дмитрія Донскаго, Иванѣ III Васильевичѣ, но при немъ уже почти вся Русская земля на сѣверѣ была собрана подъ его руку — и Тверь, и Новгородъ, да скоро потомъ и Псковъ, и Рязань.

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

(Начало восточнаго вопроса).

I. Взятіе Турками Константинополя.—II. Москва—Третій Римъ.—
III. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный: Покореніе мусульманскихъ
царствъ Казанскаго и Астраханскаго.—Завоеваніе Сибири.

I.

Взятіе Турками Константинополя.

Изстари, какъ только крестилась Русская земля, у насъ тотчасъ установились самыя дружескія сношенія со всѣми православными царствами — съ царствомъ Болгарскимъ, Сербскимъ, и особенно съ царствомъ Греческимъ. Болгары и Сербы — того же славянскаго племени, какъ и Русскіе; языкъ ихъ и теперъ мало чѣмъ отличенъ отъ нашего церковнаго. Они крестились за сто лѣтъ прежде Руси, а потому у нихъ много священныхъ и историческихъ книгъ давно ужъ переложено на славянскій языкъ — и книги эти переходили и къ намъ. Изъ этихъ же Болгаръ и Сербовъ были поставлены первые наши священники, да и потомъ ихъ всегда много приходило на Русь, и многіе изъ нихъ выбирались у насъ и въ митрополиты. На Руси всегда знали, что въ тѣхъ земляхъ дѣлается; тамошнія событія всегда записывались въ наши лѣтописи рядомъ съ нашими и греческими, и читались и заучивались грамотными людьми.

Словомъ сказать, эти народы жили съ нами въ самой тѣсной связи, а церкви ихъ, т. е. церковь болгарская, сербская, да еще волошская (въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи) и наша, всѣ православныя, были между собою какъ сестры, — процвѣтшія подъ сѣнью общей матери своей — церкви константинопольской.

Константинополь же, или иначе Царьградъ, былъ для всего Востока какъ бы великою столицею, откуда исходилъ свѣтъ всякой премудрости и въ дѣлахъ вѣры, и во всякой наукѣ. Онъ у всѣхъ считался священнымъ городомъ, потому что и заложенъ-то былъ своимъ строителемъ, римскимъ императоромъ Константиномъ Великимъ, на освященной землѣ, въ знаменье окончательной побѣды христіанства надъ древнимъ язычествомъ. До Константина Великаго римскіе императоры, еще язычники, жили въ Римѣ, въ Италіи, и это считается первый Римъ. Разсказываютъ, что когда Константинъ Великій крестился, то во снѣ онъ слышалъ гласъ, дабы построилъ онъ новый Римъ, на мѣстѣ близъ древняго городка Византіи. Мѣсто это было прекраснѣйшее, на семи холмахъ; тамъ росли высокіе кипарисы и круглый годъ цвѣли розаны; небо всегда ясное, воздухъ теплый; а выходило это мѣсто на проходъ изъ Мраморнаго моря въ Черное, такъ что къ нему со всѣхъ сторонъ могли приходять корабли. Константинъ Великій заложилъ сѣны съ башнями, рвами и воротами, построилъ дворцы и храмы Божіи, приглашалъ и вельможъ своихъ строить чудныя палаты, — и

въ короткое время, на семь прекраснѣйшемъ, благословенномъ мѣстѣ, выстроился великолѣпный городъ, куда собраны были рѣдкости и диковинки со всего свѣта, особенно же предметы священные для христіанъ. Во храмы свезены были и хранились Нерукотворенный ликъ Спасителя на полотенцѣ, поясъ и ризы Богоматери, и части отъ древа Креста Господня, найденнаго въ Іерусалимѣ матерью Константина Великаго св. царицею Еленою, и столбъ, къ которому привязанъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, когда биенъ былъ, и всякія орудія, которыми мучимы были первые исповѣдники Христовы, и цѣпи, конми прикованы были въ темницахъ, и одръ желѣзный, на коемъ были сожигасмы. Въ теченіе времени наполнились храмы многими чудными иконами, мощами и гробницами святыхъ мужей и самого царя Константина и матери его Елены, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и другихъ. Благочестивые странники всякаго языка и племени стремились въ Константиновъ градъ, и цѣлыя недѣли проводили въ осмотрѣ богатствъ, святынь и чудесъ его, и въ изумленіи прозвали его Царьградомъ. Русскихъ много всегда туда пріѣзжало и приходило — и по торговымъ дѣламъ, и по посольскимъ, и особенно по благочестію. Многіе Русскіе тамъ и жили, многіе постригались въ греческихъ монастыряхъ для прохожденія суроваго житія тамошнихъ монаховъ, особенно на Святой Горѣ Аѳонской, не подалеку отъ Константинополя; у Русскихъ тамъ былъ, и теперь есть, свой рус-

скій монастырь Св. Пантелеймона, и содержался на приношенія изъ Руси. Не помня себя отъ изумленія, обходили наши путники зданія города; дивились красотѣ его постройки и мѣста, выходящаго на два моря; дивились пышности и блеску царскаго двора; присутствовали при духовныхъ и придворныхъ церемоніяхъ; на церемоніяхъ этихъ видали императора во всемъ его царскомъ облаченіи и взирали на него какъ на первѣйшаго во всемъ мірѣ человѣка, Богоизбраннаго поборника и защитника Святой церкви. Они свободно допускаемы были къ Патріарху и, принявъ его благословеніе, выходили отъ него, славя его ласковое вниманіе къ нимъ, простымъ людямъ. Но болѣе всего ихъ приводилъ въ радостный священный трепеть — храмъ Св. Софіи Премудрости Божіей, о которомъ еще посланные великимъ княземъ Владиміромъ бояре говорили, что, «когда они стояли въ немъ, то не знали, на землѣ или на небѣ они находятся, и что тамъ Богъ явно съ людьми пребываетъ». Таковъ вышелъ этотъ новый городъ, сіявшій мраморомъ и золотомъ, построенный Константиномъ Великимъ, называемый Новымъ Римомъ, или Вторымъ Римомъ, или по имени строителя — Константинополемъ, т. е. Константиновымъ градомъ, или по красотѣ и святости его — Царьградомъ, или наконецъ отъ прежде бывшаго около него мѣста — Византіей. Таковъ онъ былъ, что люди словно не находили ему довольно звучнаго и достойнаго имени, и надавали ему нѣсколько именъ, одно красивѣе другого.

И вотъ, въ теченіе времени, все хуже и хуже стали приходять въ Москву вѣсти изъ Греческой земли, и изъ Сербской, и изъ Волошской — вѣсти о томъ, что ихъ все болѣе и болѣе тѣснятъ Турки. Вдругъ въ 1382 году пришло извѣстіе, пріѣхали и съ плачемъ рассказывали въ Москвѣ сербскіе люди, что царству ихъ пришла конечная гибель; что славный царь сербскій Лазарь поднялся всею землею на Турокъ, и былъ разбитъ турецкимъ султаномъ Амуратомъ. Оба воинства сошлись на равнинѣ, называемой Косово поле. У царя Лазаря былъ храбрый воевода, именемъ Милошъ, лѣтами еще младъ; но уже столь знаменитъ и славенъ, что стали завидовать многіе царедворцы, старые воеводы. Они — наканунѣ самой битвы и шепнули царю Лазарю за ужиномъ, что Милошъ хочетъ предаться Туркамъ. Слухъ дошелъ до Милоша, и вотъ на что онъ рѣшился: ночью ушелъ онъ изъ своего стана, прошелъ въ турецкій лагерь, и сказалъ, что онъ славный воевода Милошъ, и что желаетъ измѣнить своему царю и служить турецкому султану, а для того, молъ, хочетъ его видѣть. Рано утромъ его провели къ Амурату. Оба войска уже стояли другъ противъ друга, и готовы были броситься въ бой. Милошъ, допущенный передъ очи султана, объявилъ, что имѣетъ пѣчто сообщить ему тайно. Султанъ велѣлъ всѣмъ отойти. Тогда Милошъ вдругъ обнажилъ свой мечъ, и вонзилъ его прямо въ сердце султана. Видя это, Турки тотчасъ изрубилъ въ куски безстрашнаго слугу царя Лазаря. Но кровь

его не принесла пользы Сербамъ. Турки тотчасъ провозгласили султаномъ Амуратова сына Баязета, и одолѣли Сербовъ. Царь Лазарь былъ убитъ; почти все войско его пало: царство Сербское покорено Турками, а на Коссовомъ полѣ они сложили изъ срубленныхъ головъ сербскихъ высокїи столбъ.

За симъ пришла вѣсть о такомъ же паденїи и разрушенїи царства Болгарскаго.

Потомъ пошли извѣстія, что то тотъ, то другой султанъ подступалъ къ самому Царьграду, и что императоръ съ трудомъ отъ нихъ отбивается. Потомъ пришло въ Москву приглашенїе отъ папы римскаго, на соборъ для соединенїя Церквей Восточной и Западной, съ обѣщанїемъ, что если это соединенїе восплѣдуетъ, то папа двинетъ всѣхъ европейскихкихъ королей противъ Турокъ. Отъ насъ поѣхалъ митрополитъ Исидоръ, родомъ Грекъ, и ему данъ былъ наказъ не подписывать на соборѣ ничего противнаго православію. Соборъ состоялся въ городѣ Флоренціи, въ Италїи. Многіе Греки согласились признать верховенство папы надъ вселенской Церковью. Вернулся въ Москву митрополитъ Исидоръ, сталъ служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, возвѣстилъ торжественно, что отнынѣ рушилось средостѣнїе между двумя Церквами,—что отнынѣ только въ христіанствѣ стало едино стадо и единъ пастырь; а кто же этотъ пастырь — оказалось, когда Исидоръ вдругъ началъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ на эктеньѣ поминать римскаго папу. Государемъ въ Москвѣ былъ въ то время внукъ Дя-

митрія Донскаго, Василій Васильевичъ Темный; онъ былъ въ то время слѣпъ,—но одинъ замѣтилъ Исидорову новость и указалъ духовенству. Всѣ ужаснулись. Оказалось, что Исидоръ на соборѣ подписалъ соединеніе Церквей совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ хотѣли папы. Великій князь назвалъ его не пастыремъ, а волкомъ, велѣлъ посадить подъ стражу въ Чудовъ монастырь, созвать свой соборъ и судить отступника. Исидоръ однако бѣжалъ изъ тюрьмы. Въ Константинополѣ тоже вышла смута изъ-за Флорентійскаго собора. Приѣхали туда епископы, подписавшіе соединеніе. Народъ встрѣтилъ ихъ крикомъ: «вѣру продали!» Сдѣлался бунтъ. Собранъ былъ соборъ — и проклялъ измѣнниковъ.

Таково было колебаніе и потрясеніе въ Цареградской Церкви и во всемъ Греческомъ царствѣ, со всѣхъ сторонъ тѣснимомъ Турками. Наконецъ въ 1453 году по Р. Х., т. е. слишкомъ за 400 лѣтъ до нашего времени, разнеслась по всему восточному православному христіанству страшная вѣсть, что Царьградъ взятъ Турками,—что султанъ турецкій Магометъ II сѣлъ на престолѣ греческихъ императоровъ,—что храмы Константинопольскіе (самый храмъ Св. Софіи) обращены въ мусульманскія мечети. Вѣсть эта приводила всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Куда теперь обратить очи? Гдѣ тотъ свѣтъ истинной вѣры, который сіялъ столько вѣковъ въ Царьградѣ на поученіе и радость вселенной — и на обличеніе и посрамленіе враговъ Церкви? Что же теперь будетъ въ христіанствѣ, когда поплѣнена и поругана

та Церковь, которая премудростью своихъ великихъ учителей — Иоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василия Великаго и многихъ другихъ, — просвѣщала всѣ другія православныя церкви и была живою хранительницею святыхъ апостольскихъ преданій? Плакали люди въ пустыняхъ, плакали во храмахъ, когда пастыри объявили прихожанамъ о страшномъ событіи. Расходились по домамъ люди и толковали, что это не начало ли свѣтопреставленія? И словно стадо разбѣянное пошли скитальцами Греки во всѣ земли, по всему міру, и вездѣ около нихъ собирались люди, и всѣмъ они рассказывали жалостную повѣсть о взятіи Царьграда, и всѣ ихъ слушали съ воздыханіемъ и слезами. Многое множество этихъ Грековъ, а съ ними и Болгарь и Сербовъ, потянулось къ Москвѣ — и изъ Москвы по русскимъ городамъ и обителямъ; вездѣ былъ имъ братскій пріемъ и сильная милостыня. Страданія ихъ Церкви и жалкая судьба ихъ царствъ, родственныхъ нашему, придавали въ глазахъ русскихъ людей особую святость этимъ путникамъ: многіе изъ нихъ были въ своей странѣ великіе стратиги, философы и имѣли высокій духовный санъ, и всего лишились и едва жизнь спасли, и теперь питаются только подаяніемъ, а многое множество ихъ братій влечить дни свои въ невольѣ. Всѣ эти бѣдствія были понятнѣе на Русь, чѣмъ гдѣ-либо, потому что всѣ эти изгнанники одной съ нами вѣры — и потому еще, что въ рѣдкомъ русскомъ-то семействѣ не оплакивали кого-нибудь изъ своихъ близкихъ, томящагося

или умершаго въ неволѣ у татарскихъ хищниковъ; многіе и сами были выкуплены изъ рабства на обильныя приношенія, которыя собирались со всей Руси на выкупъ ордынскихъ плѣнниковъ. Самимъ на Руси было памятно, какъ Татары брали русскіе города, — какъ народъ и князя его сражались и умирали въ бою съ невѣрными, — и всѣ спрашивали у Грековъ, какъ же у нихъ все это сдѣлалось?

И Греки рассказывали:

«У нашего императора Константина Палеолога было всего 8,000 воиновъ; съ ними онъ заперся въ Царьградѣ, и пять мѣсяцевъ бился противъ 280,000 арміи султана. Надо вамъ знать, что городъ съ сухопутной стороны обведенъ высокими стѣнами съ башнями, а съ моря входъ въ его гавань запирался желѣзною цѣпью. Султанъ вдоль всѣхъ стѣнъ построилъ батареи и непрестанно, и днемъ и ночью, палилъ въ городъ каменными ядрами; только все, что онъ днемъ разобьетъ стѣнъ, то Греки успѣютъ ночью исправить. Палить онъ, да вдругъ какъ ударить во всемъ лагерь въ бубны да въ барабаны, засвистятъ въ зурны и флейты, и съ кликомъ и воемъ, съ огнями и лѣстницами бросятся Турки на приступъ—и тутъ ужъ Богъ знаетъ что дѣлается: съ высокихъ мѣстъ смотришь и видишь только, что пороховой дымъ какъ пелена лежитъ надъ стѣнами и городомъ, и въ этомъ дыму слышны только стукъ и трескъ оружія, крики воиновъ, плачь и рыданіе женъ и дѣтей,—и съ турецкой стороны — зурны, флейты и барабаны, а съ грече-

ской, изъ города, звонъ колоколовъ съ церковей, гдѣ не прерывалась божественная служба. Богъ все миловалъ: пять мѣсяцевъ сряду Греки, хотя и мало ихъ было, да отбивали приступы. Султанъ сонъ потерялъ отъ досады. И подкатилъ онъ къ городу, на 60 волахъ, огромную пушку вѣсомъ въ 1,900 пудовъ, длиною въ 4 сажени; ее заряжали каменнымъ ядромъ въ 36 пудовъ; ядро за четыре версты подало въ цѣль—и когда падало на землю, то пробивало яму слишкомъ въ два аршина глубины. И стрѣлять изъ нея можно было только семь разъ въ день, а то она слишкомъ накалялась—и надобно было послѣ выстрѣла тотчасъ смазывать нутро ея бычачьимъ саломъ. Другія пушки, а ихъ было около двухъ сотъ, тоже были тяжелыя; ихъ везли по 40 воловъ. Изъ этихъ-то пушекъ громили стѣны. Видя, что и это не беретъ, Магометъ началъ думать, какъ бы ему въ самый городъ, т. е. въ самую гавань Царьградскую ввести свои корабли, и съ двухъ сторонъ палить; а какъ входъ въ гавань съ моря былъ запертъ желѣзною цѣпью, то онъ придумалъ перетянуть корабли въ гавань по суку, съ внутренней ея стороны, настлавши досокъ и смазывая ихъ жиромъ. Это и исполнилъ онъ ночью—и тогда ужь съ двухъ сторонъ открылъ огонь. Часть стѣны наконецъ упала. Турки ворвались въ городъ—и началась рѣзня отчаянная. Одолѣли невѣрные и разсыпались по городу, пошли рѣзать и грабить, оскверняли храмы, ломали утварь церковную, сдирали иконы и топтали ихъ ногами. Султанъ самъ на бѣломъ конѣ въѣхалъ

въ городъ и прямо къ Св. Софіи; туда ворвались ужь Турки и шла рѣзня; Султанъ вошелъ во храмъ, распахнулъ царскія врата, вошелъ въ алтарь и сѣлъ на престолъ по турецки; т. е. поджавши ноги; съ престола велѣлъ прекратить рѣзню, вычищать храмъ — и своимъ мулламъ отнынѣ служить въ немъ службу Магомету. Первымъ дѣломъ, онъ потребовалъ къ себѣ императора. Но императора нигдѣ не было. Онъ бился какъ храбрый ратникъ; незадолго передъ тѣмъ, покрытый кровью, подѣхалъ онъ къ Св. Софіи, вошелъ во храмъ, наполненный старцами, женами и дѣтьми и многими духовенствомъ; палъ передъ алтаремъ, покаялся, простился съ патриархомъ и съ царицею, поклонился на всѣ четыре стороны до земли, прося простить ему прегрѣшенія его и обиды, буде кого онъ обидѣлъ, — и сказалъ при этомъ: «Простите, православные христіане! видно часъ мой пришелъ — испить за народъ мой чашу искупленія. Ежели Турки возьмутъ меня живого въ плѣнъ, то и весь народъ попадетъ въ вѣчное къ нимъ рабство; если же буду убитъ на бою, то хоть султанъ и сядетъ на престолъ мой, но Богъ цареву жертву приметъ — и вѣчнаго рабства народу не будетъ. Господь воздвигнетъ мстителя за кровь мою». Засимъ онъ причастился Св. Таинъ и пошелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и опять поскакалъ на битву. Султану сказали, что видѣли императора біющимъ съ Турками во вратахъ градскихъ, и что онъ убитъ. Султанъ велѣлъ отыскать его тѣло. Стали разбирать тѣла и

нашли тѣло царево, только безъ головы, и признали его только по царскимъ украшеніямъ на сандаліяхъ, или на башмакахъ. Султанъ велѣлъ отыскать непременно голову. Срубленныхъ головъ между тѣлами валялось множество—и греческихъ, и турецкихъ; стали ихъ подбирать, обмывать, наконецъ нашли. Султанъ призвалъ плѣнныхъ греческихъ бояръ и сказалъ, чтобъ они разсмотрѣли — точно ли это царева голова. Они со страхомъ и слезами отвѣчали: «Она и есть глава царева». Самъ султанъ содрогнулся, облобызалъ голову и послалъ ее патріарху. Патріархъ положилъ ее въ золотой и серебряный ковчежець, и тайно ночью похоронилъ подъ престоломъ Св. Софійи».

Много страшнаго и чудеснаго рассказывали Греки. Говорили, между прочимъ, что «въ ночь передъ послѣднимъ, трехдневнымъ боемъ, на 21-е мая, на память стронтеля града Св. царя Константина и матери его Елены, весь городъ вдругъ освѣтился словно заревомъ. Думали, что пожаръ. Увидали, что свѣтъ выходитъ изъ верхнихъ оконъ Софійскаго храма, обнявъ собою весь куполь, — что все пламя потомъ, слившись вмѣстѣ, превратилось въ невыразимый свѣтъ, и этотъ свѣтъ поднялся на небо — и словно растворились двери небесныя, и пріяли свѣтъ и опять затворились. Спрошенные о томъ, что это значить, патріархъ и архіерей объявили, что этотъ свѣтъ—благодать Божія, и съ нею ангель Господень, данный Богомъ на соблюденіе святой церкви сей и на сохраненіе граду сему, въ сію ночь

отошедшая на небо, такъ какъ Богъ, по грѣхамъ нашимъ, предастъ нынѣ градъ сей въ руки враговъ».

Въ Москву къ великому князю стали постоянно прѣзжать знатные ученые изъ Грековъ, и Сербовъ, и Болгарь. Наши государи принимали ихъ въ своихъ покояхъ слезно и участно, и приглашали ихъ къ столу своему, и вмѣстѣ съ своими боярами разспрашивали и разсуждали подробно, отчего и какъ все это случилось. Греки такъ имъ объясняли: «Всѣмъ вамъ вѣдомо, государи, что съ изначала, когда Господь нашъ Иисусъ Христосъ разослалъ свв. Апостоловъ по всей землѣ проповѣдывать слово Свое, повелѣлъ Онъ всѣмъ Церквамъ быть въ любви и общеніи одна съ другою, и въ случаѣ какихъ неустройствъ собираться на вселенскіе соборы и соборнѣ постановлять догматы вѣры, высматривать и утверждать правое ученіе. И такъ продолжалось въ церкви вселенской до тѣхъ поръ, пока папа римскій не вздумалъ поставить себя выше соборовъ; самъ онъ нарекъ себя намѣстникомъ Иисуса Христа — и сталъ требовать, чтобы вся вселенская Церковь признала его главою и повелителемъ. И Церкви—британская, и гальская, и германская, и испанская покорились ему, и овладѣлъ онъ въ этихъ странахъ двумя третями земель, и чрезъ легатовъ своихъ началъ повелѣвать самими тамошними королями. Желая власть свою надъ ними укрѣпить и имѣть вѣрѣ своей защитника, а себѣ покорнаго слугу, онъ одного изъ нѣмецкихъ королей вѣнчалъ императорскимъ вѣнцомъ и

нарекъ римскимъ императоромъ, и сказалъ ему: «Будь ты мнѣ правою рукою, и приведи ты подѣ власть мою всю землю». Накинулись они на славянскія царства, исповѣдывавшія греческую вѣру по книгамъ свв. Кирилла и Меѳодія,—и гдѣ кознями, гдѣ кровопролитіемъ успѣли отторгнуть отъ единыя православныя вселенскія Церкви, въ свое стадо, изъ общей единой семьи славянской, Чеховъ, Мораванъ и Поляковъ. Но мечъ папы и змѣиная хитрость его сокрушались о вѣрныхъ отеческой Церкви, Сербовъ, Болгаръ, Грековъ и Русскихъ. И оттого возненавидѣли папы все восточное христіанство! И какихъ бѣдъ они ему ни причинили! Когда проявился Магометъ, и пошли мусульмане огнемъ и мечомъ обращать всѣ народы къ его вѣрѣ, и взяли святой градъ Ерусалимъ, гдѣ находится Гробъ Господень, и ополчилось противъ нихъ все христіанство,—папы воспользовались бѣдствіями греческаго народа и захватили Константинополь, шестьдесятъ лѣтъ держали его въ рукахъ своихъ, и учредили тамъ свою латинскую имперію, и были намъ хуже Турокъ — потому что Турки все-таки позволяютъ намъ вѣру нашу исповѣдывать, а Латиняне всѣхъ силою приводили къ папѣ! Завели они также рыцарей и велѣли имъ огнемъ и мечомъ распространять латинскую вѣру и въ вашихъ старорусскихъ земляхъ, у Латышей и Эстовъ, у Литовцевъ, и у васъ, Русскихъ, называя васъ дикими русскими язычниками! Напимъ законнымъ императорамъ удалось таки отнять опять Царьградъ

и выгнать Латинянь; а у васъ — сами вы знаете — ваши князья св. Александръ Невскій и многіе другіе оборонили отъ рыцарей природную-то Русскую землю!»

«Грѣхъ нашъ великій въ томъ и есть,—продолжали бесѣдовать Греки,—что мы, Греки, больше возлюбили жизнь спокойную и праздную, въ роскоши и удовольствіяхъ и въ праздныхъ толкованіяхъ, чѣмъ труды воинскіе; вмѣсто того чтобы самимъ крѣпко биться съ Латинянами—вызвали мы Турокъ защищать насъ отъ враговъ нашихъ. Турки пришли и поселились въ нашихъ земляхъ; Латиняне и стали ихъ науськивать на насъ, думая, что какъ потѣсятъ насъ Турки, мы поневолѣ къ папѣ же обратимся за помощію. Турки покорили Болгарію, Сербію, и отъ Греческой имперіи остались только городъ Константинополь, да Морея, да нѣсколько острововъ. Папы стали къ намъ засылать, будто насъ жалѣютъ, и объявили намъ, что они пошлютъ всѣхъ королей своихъ намъ на выручку, но что для этого намъ надо отъ своей вѣры отказаться и признать власть римскаго первосвященника. Для этого они собрали соборъ въ городѣ Флоренціи въ Италіи, куда и отъ васъ ѣздилъ митрополитъ Исидоръ. Нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ и даже духовныхъ согласились было и подписали соединеніе, но народъ и слышать не хотѣлъ объ измѣнѣ вѣрѣ, а тѣмъ паче — покойный императоръ Константинъ Палеологъ; всѣ мы, уже подъ пушками Магомета, говорили: «Лучше Турки, чѣмъ Латины!..» Взяли Турки Царьградъ—папы и думаютъ,

что ужъ теперь-то насъ, православныхъ, сломать, и говорить и пишуть намъ: «Видите ли вы, неразумные Греки, до чего довело васъ ваше упорство — не признавать папу верховнымъ главою всего христіанства! За этотъ-то грѣхъ васъ Богъ и наказуетъ! Смотрите и сами судите, гдѣ очевидная благодать Божія: мы богаты, а вы въ нищетѣ и безъ куска хлѣба; мы повелѣваемъ народами, и короли земные служатъ намъ,—вы стали рабами поганыхъ; наши храмы и дворцы украшаются мраморомъ и золотомъ, рѣзбою и письмомъ,—ваши храмы ободраны и поруганы, не гдѣ вамъ и помолиться-то! Ужели не видите, что Богъ во гнѣвѣ отвратилъ отъ васъ лице Свое?! Обратитесь къ намъ, покайтесь, откажитесь отъ своей вѣры, признайте власть папы — папа и проститъ васъ, и пошлетъ королей своихъ выгнать Турокъ изъ вашей земли, и будете вы спасены». Но и въ неволѣ и въ бѣдствіи мы отвѣчаемъ папѣ: «Судьбы Господни неисповѣдимы. По грѣхамъ нашимъ Богъ посылаетъ на насъ испытаніе и тяжкую кару; но мы согласны скорѣе претерпѣть всяческія муки отъ Турокъ, чѣмъ душу погубить, отъ истинной вѣры отречься — и признать тебя, смертнаго человѣка, земнымъ богомъ. Богъ нашъ на небесахъ; здѣсь на землѣ установилъ Онъ свою апостольскую Церковь, во главу ея поставивши не смертнаго человѣка, а Сына Своего Иисуса Христа, и Духомъ Своимъ Святымъ въ Церкви пребывая и животворя ея, и таинственно волю Свою объявляя въ постановленіяхъ Св. соборовъ. Человѣкъ

ты еси — и смертенъ, и шатокъ, и погрѣшимъ; Духъ же Святый, въ церкви пребывающій, вѣченъ и неизблемъ, и премудрости исполненъ».

«Таково-то, государи, несчастное положеніе наше», говорили Греки. «И на кого упованіе свое возложимъ? И къ кому въ скорби своей прибѣгнемъ? Кто возстановитъ святыя храмы наши? Кто возстановитъ тронъ Константиновъ и державу его исторгнетъ изъ рукъ нечестивыхъ? Кто снова освятитъ храмъ Софіи — и снова огласитъ его ангельское пѣніе и послышатся въ немъ слова Бога живаго?»

И слушали наши государи, и князья, и бояре, и митрополить, и епископы — и сердце у нихъ разрывалось отъ жалости. И рвалось ретивое на защиту православія; но окидывая умственнымъ взглядомъ дѣла свои, видѣли, что Московское государство само еще подъ властью Татаръ, а другая половина Руси во власти у Латинянъ, у Литвы и Польши; да если бы и пойти Русскимъ отбивать Царьградъ для Грековъ, то пришлось бы въ одно время воевать и съ Турками, и съ Латинянами, которые не потерпятъ, чтобъ православіе опять возсіяло на Востокахъ... «Ничѣмъ-то мы вамъ пособить не можемъ,—съ горестью говорили наши Грекамъ,—остается только всѣмъ покориться волѣ Божіей, крѣпко стоять въ вѣрѣ и ожидать часа, когда Господь воздвигнетъ мстителя за неправды на враговъ имени Его».

«Богъ даетъ крѣпость мышцѣ и младенцевъ умудряетъ,—отвѣчали Греки;—а наша вся надежда только на

вась, государи, и на единовѣрный намъ русскій народъ. У насъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ вотъ что записано: когда св. Константинъ Великій избралъ мѣсто для постройки Царьграда, вдругъ изъ норы выползъ великій змій—и на змія ниспалъ съ неба орель, и подхватилъ змія и унесъ на высоту, а змій вокругъ него обвился. Они скрылись изъ глазъ; но скоро орель опять показался и упалъ на то же мѣсто, ибо змій сталъ его душить и одолевать; увидавши это, подбѣжали люди и змія убили, а орла освободили. Мудрецы тогда же объяснили, что орель есть знаменіе христіанское, а змій—мусульманское,—и значитъ, что мусульманство одолѣетъ христіанъ, но потомъ и христіане побѣдятъ его. Теперь половина пророчества исполнилась: змій одолѣлъ орла. Сбудется и вторая половина: прійдутъ люди и убьютъ змія. Какіе же это будутъ люди? Охъ, государи, есть объ этомъ и другое у насъ пророчество, а записано оно уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ,—что прійдетъ русскій родъ и купно со строителями града побѣдитъ Измаильтянъ, и приметъ Царьградъ, и воцарится тамъ... На великія дѣла блюдетъ Божій промыслъ—великій русскій народъ».

— «Аминь! да будетъ воля Господня!» говорили наши государи, и князья, и бояре, и митрополить, и епископы— и осѣнили чело свое крестнымъ знаменіемъ, чистосердечно и безкорыстно отдавая себя водительству святаго промысла Божія.

II.

Москва—Третій Римъ.

А промыслъ Божій въ то время уже явно оказывался надъ Москвою. Тамъ уже начинали прозрѣвать, что труды великихъ подвижниковъ за землю Русскую скоро имѣютъ получить свою мзду; явно было, что данничеству ордынскому скоро придетъ конецъ. Въ Москвѣ великимъ княземъ былъ въ то время внукъ Димитрія Донскаго, Василій Васильевичъ Темный. При немъ былъ и соборъ Флорентійскій, и взятіе Турками Царьграда. Много этотъ князь потерпѣлъ несчастій на вѣку своемъ: дядя и двоюродные братья отнимали у него престолъ — даже выкололи ему глаза, отчего онъ и прозванъ Темнымъ; попался онъ и въ плѣнъ къ Татарамъ и былъ выкупленъ за дорогую цѣну пожертвованіемъ бояръ и народа. Но несчастіе не заставило его отступить отъ пути, указаннаго предками; съ помощью старыхъ бояръ своихъ онъ побѣдилъ враговъ и скрѣпилъ государство еще сильнѣе. Утѣшеніе великое доставлялъ ему выросавшій при немъ сынъ его, Иванъ. Слепецъ прозиралъ духомъ великую будущность сына. Будущность эта была ему предсказана, когда Иванъ былъ еще отрокомъ. Пріѣзжалъ въ Москву ходатаемъ за буйныхъ

своихъ согражданъ одинъ изъ святыхъ мужей Новгородскихъ, архіепископъ Іона. Во время бесѣды его съ великимъ княземъ о дѣлахъ Руси, вдругъ входитъ въ горницу сынъ и наслѣдникъ Васильевъ, Иванъ. Святитель взглянулъ на него и сказалъ: «Вотъ кому Богъ пошлетъ свободу отъ власти ордынской!» и потомъ долго еще въ молчаніи глядѣлъ на отрока, на разумныя его очи, и вдругъ закрылъ лицо свое руками, заплакалъ и произнесъ: «Отрокъ же сей приведетъ и мою родину, великій Новгородъ, подъ свою руку!»

Василій Темный умеръ въ 1462 году 17-го марта. Ему наслѣдовалъ этотъ Иванъ. Двадцать лѣтъ прошло со взятія Турками Царьграда. Въ это время, уже опомнившись отъ перваго удара, Греки—даже тѣ, которые понадѣялись было на папу и подписали соединеніе вѣрь,—увидѣли, что спасеніе ихъ можетъ выйти только изъ самаго православія; а какъ изъ православныхъ государствъ въ то время очевидно возвышалось одно государство православное, именно—Московское, на Москву и обратились съ надеждой очи всего Востока. Завязались у Грековъ тѣснѣйшія сношенія съ Москвою. Патріархъ греческой Церкви самъ не могъ переѣхать въ Москву: ему нужно было бодрствовать за свою паству въ отечествѣ; онъ и благословилъ руссійскому духовенству самому соборнѣ выбирать себѣ митрополита. Но званіе защитника Церкви—лежавшее, по преемству отъ св. Константина Великаго, на греческихъ царяхъ,—Греки

хотѣли, согласно древнимъ пророчествомъ, передать торжественно и по всеѣмъ правамъ государю московскому. Дѣло это они устроили такъ: многіе изъ знатныхъ Грековъ проживали въ Римѣ — и по наружности признали папу. Они и, главное, грекъ кардиналъ Виссаріонъ сталъ папѣ внушать мысль, что съ великимъ княземъ московскимъ можно обдѣлать разомъ два дѣла: и обратить его въ католичество, и получить помощь на Турокъ; для этого постараться женить его на племянницѣ послѣдняго греческаго императора, Константина Палеолога, Софѣѣ, которая въ приданое принесла бы ему свои права на престолъ Константиновъ, а какъ ревностная католичка — обратила бы самого въ католичество; онъ, молъ, противъ женской прелести и ея хитрости не устоитъ. Папа (который не могъ сладить со своими королями, чтобы дружно обратить ихъ на Турокъ) съ радостью ухватился за эту мысль и послалъ въ Москву сватомъ грека же, Георгія. Это сватовство, какъ сказано въ нашей лѣтописи, Иванъ Васильевичъ взялъ въ мысль, и, поговоривъ съ митрополитомъ и боярами, отправилъ въ Римъ своего посланца, итальянца, принявшаго въ Москвѣ православіе, Ивана Фрязина, смотрѣть невѣсту и для переговоровъ. Иванъ Фрязинъ наговорилъ папѣ общаній съ три короба, и повезъ невѣсту. «Ну, дочь моя,— говорилъ, отпуская ее, папа,— послужи святому престолу Римскому, и будешь ты великая изъ женъ, если еретическаго царя Ивана приведешь въ римскую вѣру». Невѣсту провожалъ

папскій кардиналъ и хотѣлъ вступить въ Москву торжественно въ своей красной мантии, со всей своей свитой, и чтобъ впереди его несли большой латинскій крестъ. Онъ намѣревался и вѣнчать жениха съ невѣстой по своему. Но за нѣсколько верстъ до Москвы крестъ ему велѣли спрятать; невѣста, какъ вступила въ Москву, такъ и объявила, что никогда не измѣняла православію,—и въ тотъ же день была обвѣнчана съ Иваномъ Васильевичемъ, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитомъ. Кардиналъ началъ было разговоръ о вѣрѣ; но, когда митрополитъ Филиппъ изложилъ ему всю римскую неправду, онъ замолчалъ, сказавъ, что нужныхъ книгъ съ собой не взялъ, не ждалъ спора, такъ какъ Иванъ Фрязинъ говорилъ въ Римѣ, что здѣсь всѣ согласны на соединеніе вѣръ. Ему сказано было, что вольно жъ было вѣрить; Фрязинъ вралъ отъ своего лица, и никакихъ грамотъ съ собой о томъ не имѣлъ; за это, молъ, великій князь прогонитъ его съ очей своихъ. И точно великій князь прогналъ его, но не надолго,—потомъ опять принялъ на службу. Кардиналъ съ тѣмъ и уѣхалъ. Папа римскій остался не при чемъ.

Иванъ же Васильевичъ, какъ женился на греческой царевнѣ, такъ и принялъ на себя всѣ права предковъ, и облаченіе императорское, и гербъ византійскихъ императоровъ—двуглавого орла. Митрополитъ на торжественныхъ службахъ, обращаясь къ нему, сталъ называть его царемъ: «Божією милостію радуйся и здравствуй преславный царь

Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ» и пр. Въ грамотахъ своихъ къ иностраннымъ государямъ великій князь сталъ именоваться царемъ и императоромъ. При дворѣ своемъ завелъ онъ царскіе обычаи и чины, какъ было у греческихъ царей; иностранныхъ пословъ сталъ принимать — сидя на престолѣ, въ порфирѣ, въ шапкѣ древняго великаго императора греческаго Константина Мономаха, въ бармахъ его, со скипетромъ въ рукѣ. Всѣ эти регалии — были Софьино приданое и привезены ею. Утверждая себѣ наслѣдника, онъ уже торжественно вѣнчалъ его на царство, какъ вѣнчались греческіе цари. Въ глазахъ своихъ подданныхъ онъ уже сталъ монархомъ, требующимъ непрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до недосягаемой царственной высоты, передъ которою и бояре, и князья одного съ нимъ корня должны были благоговѣнно поклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ его подданныхъ. Прежніе государи московскіе женились или на дочеряхъ другихъ удѣльныхъ князей, или на дочеряхъ своихъ бояръ: Иванъ III уже хотѣлъ въ своемъ семействѣ браковъ съ вѣнценосцами: старшаго сына своего, тоже Ивана, умершаго прежде отца, женилъ на Еленѣ, дочери господара молдавскаго; дочь Елену выдалъ за Александра, великаго князя литовскаго; императоръ германскій сваталъ племянника своего маркграфа баденскаго за другую дочь Іоанна, но Іоаннъ нашелъ этого жениха слишкомъ незначительнымъ для того владѣтелемъ. Ясно было, какъ сказалъ

нѣкогда великій князь Симеонъ Гордый, новая «свѣча» зажжена была въ Москвѣ.

Съ этой поры все въ ней пошло измѣняться, самый наружный видъ ея: Иванъ III Васильевичъ засталъ ее деревянную, а оставилъ каменную, златоглавую; было на чтѣ. еще издали, подѣзжая къ ней, перекреститься русскому люду! Онъ построилъ высокія каменные стѣны съ башнями и стрѣльницами, Успенскій соборъ, каменный вмѣсто советшавшаго деревяннаго, соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, каменный дворець, Грановитую Палату для торжественныхъ собраній и приемовъ, и многіе храмы, все изъ камня. Для всякаго дѣла сталъ выписывать изъ-за границы разныхъ мастеровъ, Итальянцевъ и Грековъ, пушкарей, литейщиковъ, строителей и всякихъ художниковъ.

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ великій князь сталъ рѣшительнѣе; первое, онъ привелъ подъ свою руку Великій Новгородъ и его обширныя земли, т. е. всю Новгородскую, Олонецкую, Петербургскую и Архангельскую губерніи. Всѣ эти земли занялъ и заселилъ Новгородъ изстари, поставилъ тамъ города и селенія и державствовалъ надъ всею этою странюю. Горды были Новгородцы своимъ державствомъ и богатствомъ, ибо они-то собственно изстари заправляли чуть не всей торговлей въ Россіи: въ низовыхъ городахъ закупали хлѣбъ, оттуда же получали товары азіатскіе; со своихъ владѣній и изъ Сибири получали мѣха, и продавали нѣмецкимъ купцамъ, и посылали сами корабли за-море—

черезъ Волховъ, Ладожское озеро, Неву. Нѣмецкіе товары Новгородцы развозили по Россіи. Но отъ этой торговли разбогатѣли только важнѣйшіе купцы въ Новгородѣ и назвались боярами: вся земля была ихняя; города, которые они ставили, они называли своими пригородами, держали крѣпко—и всё на свою только пользу, словомъ—изъ всѣхъ своихъ земель, какъ говорится, выжимали сокъ. Эти богачи заправляли въ Новгородскихъ земляхъ всѣмъ: сами судили судъ—и тѣснили свои пригороды и весь сельскій или черныи людъ. Управлялись они сходкой, по старинному *отче*: ударять въ вѣчевой колоколь—и всѣ должны собираться на Ярославовъ дворъ. И приходятъ богачи со своими нахлѣбниками и кормяжниками. Пойдетъ несогласіе, крикъ, драка; которая сторона одолѣетъ, давай топить противниковъ въ Волховѣ, съ мосту. По мѣрѣ того, какъ стали усиливаться съ одной стороны Московское государство, а съ другой—Литовское, новгородская держава очутилась вдругъ между двумя сильными сосѣдями. Поняли Новгородцы, что имъ не устоять, и вышло между ними раздѣленіе: богачи-купцы, бояре, захотѣли поддаться Литвѣ, гдѣ панамъ было житье привольное—короля они ни въ грошъ не ставили, а простой народъ тѣснили, имѣли даже право казнить смертію,—такой порядокъ нравился богачамъ-купцамъ, боярамъ новгородскимъ—и желательно было имъ завести и у себя; но черныи людъ новгородскій на это не соглашался, и лучше хотѣлъ совсѣмъ отойти подъ государя московскаго, у котораго судъ

равный для всѣхъ—и для большихъ, и для малыхъ людей. Иванъ Васильевичъ ужь одинъ разъ усмирялъ Новгородцевъ, замышлявшихъ измѣну, и поднялся теперь, чтобы окончательно присоединить Новгородъ къ Московскому государству, потому что понималъ—если бы да успѣла Литва захватить Новгородскія земли, то и православію тамъ бы пришелъ конецъ, и Поляки стали бы пановать надъ Русскимъ народомъ. Онъ собралъ войско, но крови проливать не желая, окружилъ войскомъ Новгородъ, и заперъ всѣ у него входы и выходы; самъ сталъ подлѣ, на Городищѣ, и ждалъ. Попались какъ въ западню Новгородцы—и пошла у нихъ сумятица; звонять въ вѣчевой колоколъ, собираются, кричать; одни кричатъ: хотимъ государя московскаго! другіе: хотимъ Казимира литовскаго! Изъ-за словъ—драка, гвалтъ, топятъ противниковъ въ Волховѣ; въ дѣла путаются и богачихи-боярыни, и бабы. А великій князь стоитъ на Городищѣ, все знаетъ, что въ Новгородѣ дѣлается, — молчитъ и смотритъ. Вотъ, наконецъ, стали у Новгородцевъ истощаться запасы. Начали они пересылаться съ Иваномъ Васильевичемъ и спрашивать: чего онъ хочетъ? «Сами знаете», отвѣчалъ онъ. Въ Новгородѣ наконецъ сдѣлался голодъ, и они порѣшили бить челомъ государю, чтобы онъ принял Новгородъ на всю свою волю. Государь и велѣлъ быть Новгороду какъ другимъ русскимъ городамъ; вѣче уничтожено; колоколъ снятъ, отвезенъ въ Москву и повѣшенъ тамъ на колокольнѣ звонить за одно со всѣми русскими

колоколами. Вся держава новгородская присоединена къ Московскому государству. Послѣ покоренія Новгорода были присоединены Тверское княжество (1485), Вятка (1489), еще прежде—Пермь (1472), и московскіе люди стали ходить за Уральскія горы. Оставались еще Рязань и Псковъ, но и тѣ были во всемъ покорны Іоанну и присоединены ужь при сынѣ и наслѣдникѣ его.

Также рѣшительнѣе Иванъ Васильевичъ сталъ поступать и съ Ордою. Золотая Орда къ этому времени распалась на три части: отъ главной Сарайской или Золотой Орды (на Нижней Волгѣ) отпали Крымская Орда и Казанская. Крымскій ханъ Менгли-гирей былъ врагъ на смерть ханамъ Золотой Орды, и потому Иванъ III велъ съ нимъ тѣсную дружбу, всегда имѣлъ въ немъ вѣрнаго помощника и насылалъ его то на Золотую Орду, то на Литву, чтобы не давать имъ соединиться, когда воевалъ съ Татарами или съ Литвой. Съ Золотой Ордой и господствомъ ея надъ Россіей онъ покончилъ слѣдующимъ образомъ: Разсказываютъ, что Софья Ѳомишишна постоянно твердила ему: «Не для того, моль, вышла я за тебя замужъ, чтобы ты меня и дѣтей моихъ сдѣлалъ татарскими данниками». Иванъ Васильевичъ на ея горячность усмѣхался и молчалъ, а данн въ Орду не посылалъ. У хана было подворье въ Москвѣ—царь это подворье занялъ подъ церковь. Ханъ Ахмать послать наконецъ пословъ съ грозной рѣчью. По старому обычаю, послы, входя въ Москву, несли изобра-

женіе хана, по татарски басма, которому князья русскіе должны были кланяться. Иванъ Васильевичъ вышелъ съ всѣмъ дворомъ своимъ навстрѣчу посламъ, взялъ изъ рукъ ихъ эту басму—и вдругъ, къ ихъ ужасу, изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами, а пословъ велѣлъ казнить кромѣ одного, которому сказалъ: «Ступай, расскажи хану, что сдѣлалъ я съ его басмою и послами. То же будетъ и съ нимъ, если не оставитъ меня въ покоѣ». Ханъ потомъ пришелъ съ войскомъ и сталъ на рѣкѣ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ и тутъ не хотѣлъ положиться на военную удачу: тянулъ время, передвигалъ то туда, то сюда свое войско; а самъ отправилъ внизъ по Волгѣ другое войско подъ самую столицу ханскую, Сарай, и ждалъ вѣстей. Такъ прошла вся осень. Въ войскѣ русскомъ и не знали тайной посылки другого отряда подъ Сарай—и роптали; роптали и въ Москвѣ; стыдили великаго князя примѣромъ прадеда его Димитрія Донскаго, называли его «бѣгуномъ» и писали къ нему укорительныя письма. Иванъ Васильевичъ на все молчалъ. Вдругъ Ахматъ услышалъ, что Русскіе сожгли его столицу, — и побѣжалъ. Великій князь съ торжествомъ вѣхалъ въ Москву, и устыдилъ всѣхъ, которые въ немъ усумнились, и самъ посмѣялся надъ ними. Побѣда не стояла ему ни единой капли крови. Вотъ какъ онъ умѣлъ обдѣлывать великія дѣла. Ахматъ потомъ въ Ордѣ былъ убитъ своими же. Золотая Орда распалась на части.

И вотъ такой-то государь царствовалъ въ Московской Руси сорокъ три года (1462—1505). До него и князья московскіе, начиная отъ Ивана Даниловича Калиты, и народъ Московскій, словно молча, но понимая другъ друга, трудились надъ освобожденіемъ отъ Татаръ; и въ этой молчаливой работѣ, въ этой тайнѣ, которую знали всѣ, но и другъ другу не высказывали, — чувствовали свою силу и свое превосходство надъ жителями прочихъ русскихъ областей, которые жили сами по себѣ, и объ общемъ дѣлѣ не помышляли, и тяготы его не несли, каковы были, напримеръ, Новгородцы. Теперь дѣло было сдѣлано. Отъ Орды Русь была свободна; народъ Русскій, единый по крови, по вѣрѣ и языку, имѣлъ вмѣсто многихъ князей одного государя. Удачи, побѣды и великій умъ Ивана III еще болѣе возвысили мнѣніе Русскихъ о самихъ себѣ и о величій своего государя. Когда же палъ Царьградъ и съ нимъ прирожденный защитникъ православія — царь греческій, и Иванъ Васильевичъ женился на греческой царевнѣ, то на него перешло вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ и царскими регалиями и законное званіе, права и обязанности великаго и единого поборника истинной вѣры, тогда Русскіе люди съ гордостью стали говорить: «Государя наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ! Чистое православное ученіе только въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтитса! Два Рима пали, третій стоитъ (т. е. Москва), а четвертому не быть».

И не одни Русскіе люди разумѣли такъ. Съ паденіемъ Орды, при Иванѣ III Васильевичѣ, передъ очами всего міра словно вдругъ спала завѣса, скрывавшая доселѣ въ тишинѣ созрѣвавшее государство Московское — одно изъ православныхъ государствъ, свободное отъ чуждаго ига. И къ престолу Московскихъ государей понеслись мольбы и вопли о защитѣ со всѣхъ православныхъ земель, стеновавшихъ подъ игомъ мусульманскимъ и подъ гнетомъ латинскимъ. Эти жалобы и вопли ясно указывали, какое значеніе въ мірѣ получаетъ Россія, что дѣлать московскимъ государямъ и на какой подвигъ направить имъ отнынѣ силы своего народа, у котораго подъ игомъ татарскимъ глубоко запечатлѣлась въ сердцѣ великая заповѣдь—стоять за своихъ и пострадать за Христа.

Покончивъ внутреннія дѣла свои, въ этомъ-то разумѣ и началъ дѣйствовать Иванъ III Васильевичъ, а потомъ и сынъ его Василій Ивановичъ, царствовавшій послѣ него двадцать восемь лѣтъ (1505—1533). Они начали сами наступать на Татаръ, отбивать у нихъ земли, строить на этихъ земляхъ крѣпости. Въ Литовской Руси, гдѣ народъ былъ русскій и православный, а король — католикъ, стали желать, чтобы опять соединиться подъ одну природную державу; Иванъ III и сынъ его, именуясь государями всея Руси, начали требовать древней своей отчизны — Кіева и всѣхъ Русскихъ земель, подпавшихъ подъ власть Литвы и Польши во времена татарскаго владычества. Иванъ Ва-

силъевичъ успѣлъ отвоевать Сѣверскую землю, а сынъ его Василій Ивановичъ—Смоленскъ. Смоленскъ защищаль храбрый литовскій воевода Сологубъ, и два раза отбилъ нашъ приступъ. Когда великій князь открылъ въ третій разъ пальбу, жители закричали со стѣнъ, чтобы государь прекратилъ огонь; государь велѣлъ перестать стрѣлять, и Смоленяне, князья и бояре смоленскіе, весь народъ, старцы и юноши, матери и дѣвицы, иноки и инокини, всѣ предводимые епископомъ и духовенствомъ, съ хоругвями и крестами, вышли изъ города со свѣтлами очами, со многою любовью, навстрѣчу великому князю. Всѣ тотчасъ смѣшались съ московскими людьми, здоровались, обнимались и цѣловались, какъ единокровные и единовѣрные братья, послѣ долгой разлуки сошедшіеся. Кликъ радости не умолкалъ и провожалъ великаго князя при вшествіи его въ городъ, прямо къ собору Пречистыя Богоматери; тамъ совершенно былъ молебенъ: протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе природному государю; многолѣтіе повторили хоромъ епископъ со всѣмъ духовенствомъ, оба клироса, послѣ чего епископъ, благословивъ крестомъ великаго князя, сказалъ ему: «Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь, великій князь всея Руси, самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ, градѣ Смоленскѣ, на многая лѣта». И снова въ церкви пролилися слезы радости, и снова пошло цѣлованіе и обниманіе...

Иванъ III Васильевичъ и сынъ его Василій дѣйствовали

тихо и осторожно; употребляли силу ужь тогда, когда дѣло напередъ умомъ подготовили. Они, можно сказать, срывали только зрѣлый плодъ. Но не таковъ былъ сынъ Васильевъ, Иванъ IV Васильевичъ Грозный: оставшись послѣ отца малолѣтнимъ, какъ только вошелъ въ возрастъ, онъ, — наставляемый умнымъ и ревностнымъ ко благу Россіи митрополитомъ Макаріемъ и духовникомъ своимъ, попомъ Сильвестромъ,—горячѣе отца и дѣда принялъ къ сердцу долгъ свой и какъ государя всея Руси, и какъ христіанскаго православнаго царя, порфиророднаго помазанника Божія, избраннаго Богомъ для совершенія таинственныхъ судьбъ Его, подобно судіямъ и царямъ ветхозавѣтнаго Израїля, и великимъ византійскимъ императорамъ, которыхъ кровь, по бабкѣ его Софьѣ, текла и въ немъ. Начатое отцомъ и дѣдомъ его дѣло, онъ двинулъ впередъ со всею горячностью своєю вѣры—и все при немъ совершенное было такъ мудро задумано, что не нарушилось во всѣ послѣдующія смутныя времена; чего довершить не удалось ему—довершено было Петромъ Великимъ и Екатериною II; а многое при немъ заведенное, послѣ разныхъ шатаній и переворотовъ въ теченіе времени, — возобновляется у насъ только нынѣ, конечно въ лучшемъ видѣ.

III.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани
и Астрахани.

По кончинѣ родителя своего Иванъ IV Васильевичъ остался на престолѣ младенцемъ по четвертому году, на рукахъ бояръ и матери своей правительницы Елены, дочери русскаго выходца изъ Литвы, Михаила Глинскаго. Восьми лѣтъ онъ лишился и матери. Во все его малолѣтство правили бояре. И Димитрій Донской въ малолѣтствѣ получилъ престолъ, и за него тоже управляли бояре. По бояре при малолѣтствѣ Ивана Васильевича уже не походили на тѣхъ старыхъ московскихъ бояръ, воспитанныхъ въ дѣлахъ Иваномъ Калитою и сыномъ его Симсономъ Гордымъ, и святителемъ Алексѣемъ и преподобнымъ Сергіемъ. Когда уничтожены были удѣлы, бывшіе удѣльные князья, или ихъ дѣти и внуки, поступили на службу великаго князя, и заняли по знатности своей да и по родству съ нимъ — мѣста выше старыхъ бояръ, и понемногу оттѣснили ихъ отъ двора и отъ высшихъ должностей. Тѣ разѣхались большею частью по деревнямъ и несли тяжелую ратную службу, и, надо сказать, эти земскіе бояре и дворяне доблестно и честно сослужили свою службу царямъ

и Россіи наравнѣ со всѣмъ народомъ Русскимъ. Новые же бояре, заступившіе ихъ мѣсто при дворѣ, все не могли забыть, что отцы и дѣды ихъ были прежде вольные князя неслужилые,—и думали, что если ужъ нельзя имъ воротить отцовскихъ удѣловъ, то нельзя ли, по крайности, устроиться имъ такъ на Москвѣ, какъ устроились русскіе же князья, одного съ ними корени, въ Литвѣ, или паны въ Польшѣ; эти литовскіе князья и польскіе паны владѣли огромными землями и городами, жили у себя во владѣніяхъ какъ особыя царьки; король въ земли ихъ не вступался; они дѣлали чтò хотѣли съ подвластнымъ имъ народомъ, даже смертью казнили. При малолѣтствѣ Ивана Васильевича, бояре и въ Москвѣ захватили всю власть; при дворахъ своихъ завели, какъ въ Литвѣ, огромное число челядинцевъ, кормежниковъ и нахлѣбниковъ, которые снова вѣли въ народѣ, расхваливали своихъ «кормильцевъ», распускали про недруговъ ихъ дурные слухи, мутили народъ и подымали его на бунтъ, когда того требовалось этимъ кормильцамъ,—и народъ кидался на дворы ихъ недруговъ и жегъ ихъ и грабилъ. Когда кто изъ этихъ вельможъ назначался намѣстникомъ въ какой нибудь городъ, они увозили съ собою всю свою сволочь, раздавали ей мѣста — и такъ тѣснили и обирали жителей, что цѣлыя волости пустѣли, люди разбѣгались. Въ Москвѣ же эти верховные бояре враждовали другъ съ другомъ за первенство, убивали, отравляли, замучивали другъ друга въ пыткахъ,

ссылали въ ссылку, грабили дома и деревни тѣхъ, кого одолѣютъ. Обиженные — если имъ удавалось уйти — отбѣжали въ Литву, въ Крымъ, подымали короля и хана на Россію, сами въ ихъ войскахъ ходили разорять отечество. Одинъ изъ такихъ перебѣжчиковъ, Семень Бѣльскій, нѣсколько лѣтъ жившій въ Крыму, даже хвастался, что три раза подымалъ Ногайцевъ и Крымцевъ на Россію. Не оставались они и передъ саномъ митрополита: каждой партіи хотѣлось имѣть митрополита изъ своихъ сторонниковъ; которые были имъ неуютны, тѣхъ сводили съ престола: такъ свергли они, одного за другимъ, двоихъ митрополитовъ—Даніила и Іоасафа. Въ спорѣ съ митрополитомъ Макаріемъ одинъ изъ бояръ, Головинъ, наступивъ на его мантию, изорвалъ ее, въ знакъ презрѣнія, ногами. Говорятъ, и Елену, мать царя, они опоили ядомъ, и дядей его замучили. О воспитаніи царя они не заботились; обходились съ нимъ грубо; царь самъ потомъ вспоминалъ: «Мы, бывало, съ братомъ Юрьемъ играемъ, а князь Иванъ Шуйскій развалится на лавкѣ и ногу положитъ на постель отца моего»... Старались потакать всякому его дѣтскому желанію, приучали его травить кошекъ, собакъ, людей, бросать ихъ внизъ съ высокаго крыльца или изъ оконъ; когда онъ подросъ, ночью цѣлой ватагой сами они или ихъ дѣти сажались на коней и скакали по Москвѣ, творя всякія безчинства... Чуть кто полюбится юному царю, другимъ дѣлалось завидно— и его, въ глазахъ царя, убивали или ссыла-

ли; на просьбы, на слезы, на испугъ ребенка не смотрѣли. «Въ такихъ-то злокозненныхъ боярскихъ обычаяхъ и небреженіи» — какъ говорилъ потомъ самъ царь — возрастать онъ въ дѣтствѣ, и по мѣрѣ того, какъ возрастать, самъ выходилъ такимъ же, какъ всѣ его окружающіе, и, достигши четырнадцати лѣтъ, началъ дѣлать съ ними то, чему изъ ихъ же примѣра научился, — началъ казнить то того, то другого, кто ему не понравится.

Но рядомъ съ этими безнравственными и свирѣпыми боярами, очевидно, подлѣ юноши-царя находился кто-то, старавшійся насадить въ душѣ его страхъ Божій и просвѣтить его разумъ наукою: царь зналъ отлично Священное Писаніе, исторію церковную, римскую и русскую, и творенія Отцовъ Церкви; мастеръ былъ писать и говорить рѣчи. Ни отъ кого изъ древнихъ нашихъ царей не осталось столько сочиненій; при приѣмѣ пословъ, или когда онъ давалъ указы своимъ посланникамъ или воеводамъ, въ горницѣ всегда сидѣлъ писарь и записывалъ его рѣчи. Былъ подлѣ него кто-то, внушавшій ему великое понятіе о долгѣ христіанскаго царя передъ Богомъ, о значеніи русскаго государя для всего православія. По всей вѣроятности, этотъ невѣдомый сѣятель добра въ юной и пламенной душѣ Іоанна былъ митрополитъ Макарій. Онъ же вѣроятно внушилъ царю, когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, мысль вѣнчаться торжественно на царство и вступить въ бракъ. 16-го января 1547 года совершилось вѣнчаніе, а 3-го фе-

враля была свадьба царя съ Анастасіей изъ рода Романовыхъ, стараго боярскаго рода времяъ Димитрія Донскаго. Торжественность обряда вѣнчанія и напоминаніе при этомъ царственныхъ обязанностей не могли не оставить впечатлѣнія на юнаго царя; бракъ съ прекрасной и кроткой царицей Анастасіей долженъ былъ омерзить ему прежнія его утѣхи. Но тутъ случилось еще одно событіе, глубоко потрясшее его душу. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, апрѣля 12, сдѣлался въ Москвѣ страшный пожаръ, отъ котораго между прочимъ взорвало вспыхнувшимъ порохомъ стрѣльницу и часть стѣны въ Кремлѣ; черезъ нѣсколько дней, 20-го апрѣля, новый пожаръ въ нынѣшней Яузской части; наконецъ іюня 24-го налетѣла на Москву страшная буря съ громомъ и молніей, отъ которой Москва загорѣлась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, — и скоро, при самомъ сильномъ вѣтрѣ, словно огненное море разлилось по всему городу. Государь съ царицею едва спасся на Воробьевы Горы. Митрополитъ Макарій чуть не задохся въ Успенскоръ соборѣ: его спустили на веревкѣ изъ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ; онъ уналъ и расшибся.

Съ Воробьевыхъ Горъ, при раскатахъ грома, при блескѣ молніи, трепещущій царь смотрѣлъ на пожираемую пламенемъ свою столицу. На другой или на третій день, когда огонь утихъ, онъ ѣздилъ провѣдать болящаго митрополита, посѣтилъ пожарище, гдѣ бѣдные погорѣльцы посреди дымящихся развалинъ, съ воплями и слезами, бродили, оты-

скивая своихъ пропавшихъ безъ вѣсти близкихъ, или свое имущество, — и не находили даже мѣста, гдѣ стояли ихъ дома. На огромномъ пепелищѣ города торчали только почерѣлыя каменные трубы, да обгорѣвшія каменные церкви. Около двухъ тысячъ народу сторѣло... Нѣкоторыми боярами пущены были слухи, будто городъ подожгли бояре, князья Глинскіе; толпа кинулась отыскивать мнимыхъ виновниковъ; убили боярина Глинскаго, дядю царскаго... «Все сіе навелъ Богъ на насъ грѣховъ ради нашихъ, ибо множество согрѣшили и беззаконствовали... Богъ же праведнымъ Своимъ судомъ приводитъ насъ на покаяніе»... Вотъ что отовсюду, отъ митрополита и іереевъ и отъ всего народа, уstraшеннаго бѣдствіемъ, и отъ всѣхъ сокрушившихся о потерѣ достоянія своего и своихъ родныхъ и близкихъ въ пламени, — слышалъ царь, и больше всѣхъ уstraшился и сокрушился духомъ, ибо въ бѣдствіи народа видѣлъ, по Писанію, кару Господню за свои прегрѣшенія: «И вииде страхъ въ душу мою, — говорилъ онъ потомъ, — и трепеть въ кости мои, и смирился духъ мой, и позналъ я свои согрѣшенія». Онъ далъ обѣтъ покаяться и стать другимъ человѣкомъ; наложилъ на себя постъ и молитву; потомъ созвалъ святителей и покаялся въ грѣхахъ своихъ, причастился Св. Таянъ. Но прощенія святителей ему казалось еще мало. Онъ объявилъ по всѣмъ городамъ, чтобы съѣхались въ Москву отовсюду выборные люди. Когда они съѣхались, онъ въ воскресный день велѣлъ всѣмъ собраться на Лоб-

ное мѣсто въ Москвѣ; послѣ обѣдни вышелъ изъ Кремля, сопровождаемый боярами, митрополитомъ и духовенствомъ съ крестами и хоругвями. Отслужили молебень, послѣ чего царь обратился къ митрополиту и во всеуслышаніе говорилъ ему: «Молю тебя, святыи владыко, будь мнѣ помощникомъ. Знаю, что ты дѣлъ благихъ и любви желатель. Я остался—ты знаешь, владыко,—послѣ отца своего четырехъ лѣтъ, и послѣ матери—осьми. Не стало родителей моихъ, чтобы пецись обо мнѣ, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, а самовластвовали, саны и почести похищали именемъ моимъ, творили всякія корысти и обиды—и никто имъ не возбранялъ: я словно былъ глухъ и не слышалъ, и — ради юности моей и пустоты — не имѣлъ въ устахъ моихъ на нихъ облпченія. О, неправедные лихоимцы! неправедные судьи и хищники! какой отвѣтъ теперь дадите намъ за слезы, которыя вы исторгли? Я же чистъ отъ пролитой нами крови. Ожидайте воздаяніа своего!»

Потомъ поклонился царь на всѣ четыре стороны и сказалъ народу: «Люди Божіи и Богомъ намъ порученные! взываю къ вашей вѣрѣ къ Богу, къ любви вашей къ намъ. Всѣхъ разореній вашихъ, всѣхъ неправдъ бояръ моихъ въ лѣта моей юности теперь исправить уже невозможно. Молю васъ, простите другъ другу всѣ вражды ваши! Простимте всѣ другъ другу обиды наши! Отнынѣ, на сколько Богъ дастъ мнѣ силы, самъ я буду вамъ судія и оборона, буду

неправды исправлять и отнятое возвращать». Засимъ онъ указалъ на одного молодого человѣка, по имени Алексѣя Адашева, съ которымъ сблизился послѣ пожара,—и велѣлъ ему принимать всѣ челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разсматривать вмѣстѣ съ царемъ. И всѣ выборные, и всѣ люди московскіе, и митрополитъ Макарій со всѣмъ священнымъ соборомъ, и князья, и бояре, слышавшіе такія слова изъ устъ юноши-царя, сердцемъ умилилися, и на испрашиваемое царемъ прощеніе сладкія слезы радости испущали, и молили Господа, да отпуститъ Онъ всѣмъ согрѣшенія ихъ и помилуетъ. И слыша сіе, юноша-царь самъ проливалъ слезы и радовался о всеобщемъ прощеніи—и по юношеской горячности своей, въ веселіи сердца, думалъ, что отнынѣ наступастъ во всей державѣ его вѣчный миръ и любовь, какъ подобаетъ быть въ христіанскомъ царствѣ; въ ознаменованіе сего, тутъ же простилъ всѣхъ—какіе были виновные передъ нимъ бояре, съ тѣмъ, чтобы ужь о прошломъ и помину не было. И съ великой радостью и многими слезами разошлись съ Лобнаго мѣста люди московскіе, и разъѣхались выборные по домамъ и рассказывали вездѣ, чему были свидѣтелями,—и радостью и свѣтлыми надеждами исполнилася Русская земля, будучи вся за одну душу съ царемъ своимъ.

Съ сего времени, т. е. съ 1547 года, до самой кончины царицы Анастасіи, съ 1560 году, въ теченіе тринадцати

лѣтъ совершились великія дѣла царствованія Ивана IV Васильевича. Про это время его лѣтописцы говорятъ: «Царю нашему обычай таковъ: начало его премудрости — страхъ Господень; оставилъ онъ всѣ забавы, и только тщится порученныя ему отъ Бога царства соблюсти, и устроить, и оборонить отъ всѣхъ иновѣрныхъ басурманъ и латынянъ; ничего иного у него на умѣ нѣтъ—какъ только о избавленіи едиnorodныхъ нашихъ братій, православныхъ христіанъ, просто сказать, только законъ Христовъ и ратныя дѣла. Любовь же его, ко всѣмъ сущимъ подъ рукою его, къ вельможамъ, и къ среднимъ, и къ младшимъ,—ко всѣмъ ровная: по достоянію всѣхъ любить, всѣхъ жалуетъ, ни единого забвеннымъ видѣть отъ жалованія своего не хочетъ... дабы во страшное второе пришествіе Христово, когда послышитъ гласъ: «Ты еси царь правды?», могъ бы безстыда отвѣчать: «Азъ есмь — и вотъ люди, которыхъ ты мнѣ далъ, Господи!»

У царя Ивана Васильевича былъ еще родной братъ, Юрій, и двоюродный—Владиміръ Андреевичъ. Обоихъ онъ скорѣ послѣ пожара женилъ; перваго помѣстилъ жить въ одномъ дворцѣ съ собою, и три юныя четы были почти неразлучны. При нихъ находился еще Алексѣй Адашевъ, тотъ юный другъ царевъ, котораго государь возвысилъ изъ знатныхъ людей за добрый нравъ, приблизилъ къ себѣ, поручивъ ему принимать и разсматривать съ царемъ всѣ подаваемыя на его имя просьбы; домашнимъ наставникомъ

при всей этой царственной молодежи былъ Благовѣщенскаго собора протопопъ Сильвестръ, мужъ строгій нравомъ и мудрый въ совѣтахъ, а главнымъ руководителемъ царя, какъ видно по всѣмъ дѣламъ, тогда имъ совершеннымъ, былъ митрополитъ Макарій.

И вотъ какъ разсуждали тогда въ царской думѣ, что надобно было дѣлать, чтобы Московскому государству достигнуть той высоты, на которую ставили его и гласъ всего угнетеннаго восточнаго православія, и собственное его положеніе между двумя враждебными ему силами — дикой Азіей и римскимъ папой, повелѣвавшимъ всѣми почти европейскими королями и уже употреблявшимъ тогда всѣ усилія—чтобы отторгнуть отъ отеческой вѣры и подчинить себѣ всю Литовскую Русь. Нужно было прежде всего внутри государства завести порядокъ управленія и судъ; по прежнему положенію въ города посылали намѣстниковъ изъ Москвы: оказывалось, что эти намѣстники только грабятъ жителей—и потому ихъ рѣшено отмѣнить, а пусть города и волости сами выбираютъ изъ земства присяжныхъ пзлюбленныхъ людей, которые бы судили по правдѣ и крестъ бы на томъ цѣловали; и подати и оброки бы собирали и въ Москву отвозили, и отъ разбоевъ бы оберегали, и воровъ бы ловили; гдѣ же будутъ какіе царскіе чиновники, то чтобы и при нихъ находились выборные отъ земства довѣренные люди и смотрѣли бы, чтобы они все дѣлали по правдѣ и по закону. А чтобы люди знали—какъ въ какомъ

случаѣ поступить, для того надобно написать законы; почему и былъ собранъ земскій соборъ изъ выборныхъ людей со всего государства въ 1549 году, и на немъ изданъ *Судебникъ*, т. е. законы гражданскіе; потомъ для исправленія дѣлъ церковныхъ, созванъ былъ другой соборъ святителей, въ 1551 году, и какіе на немъ установлены законы, тѣ написали въ другой книгѣ, которая называется *Стоглавъ*, по числу ста статей, въ ней заключающихся. Кромѣ того, рассуждали въ Москвѣ, что много у насъ всякаго богатства— и хлѣба, и льну, и пеньки, и лѣсу, и звѣря, и рыбы, и въ землѣ всякихъ рудъ; но все это сырье мы обрабатывать не умѣемъ; нѣтъ у насъ ни ремесль, ни искусствъ; всякое цѣнное издѣліе надо получать изъ-за границы. А потому, надобно изъ Европы выписать знающихъ людей, чтобы у насъ у самихъ завести всякое дѣло. Выискался въ Москвѣ нѣмецъ Іоаннъ Шлитте, которому дали денегъ и письмо къ нѣмецкому императору Карлу Пятому, чтобы онъ дозволилъ ему, Шлитте, нанять всякихъ людей изъ Нѣмцевъ—заводить у насъ всякія мастерства. Шлитте въ 1547 же году отправился въ Нѣмецкую землю, но чѣмъ кончилось его посольство, я расскажу послѣ.

Главное же, чѣмъ юный царь хотѣлъ заслужить вины юности своей и исполнить долгъ христіанскаго государя,— была брань съ врагами имени Христова—Татарами, которые не давали намъ покою и по паденіи Золотой Орды.

Золотая Орда, по смерти Ахмата, какъ разрубленный на

части змѣй, у котораго ожила каждая часть, распалась на нѣсколько царствъ: Казанское, Астраханское, Крымское, Ногайскія Орды и Царство Сибирское. Всѣ эти орды главное промышляли грабежемъ. Особенно насъ беспокоили Крымъ и Казань. Ханъ крымскій получалъ подарки отъ Московскаго и отъ Литовскаго государства, чтобъ только не приходилъ съ ордой своей грабить, и жечь, и уводить плѣнниковъ. Да и съ подарками на него нечего было надѣяться; дары онъ отъ насъ бралъ, а все стращаль: «Не укроетесь отъ меня за своими стѣнами—крѣпостями, дремучими лѣсами». И въ самомъ дѣлѣ безпрестанно нападалъ, жегъ даже нѣсколько разъ Москву. За подарками присылали пословъ и ногайскіе князья. И всѣ эти послы, и крымскіе, и ногайскіе, были чудные: ѣдетъ посланникъ въ Москву, и гонитъ табунъ лошадей, а какъ пріѣдетъ — то ходитъ къ боярамъ и царю о посольскихъ дѣлахъ говорить, то сидитъ на конной площади, самъ лошадей продаетъ. Солонъ былъ намъ этотъ ханъ, но все-таки отъ него отдѣляла насъ степь, и московскіе государи устроили по всему рубежу крѣпости, заставы и разѣзды и содержали тамъ войско. А прямо пойти и истребить его было тогда еще нельзя, и походъ степью труденъ, пока до Перекопа доберешься, да и самъ крымскій ханъ былъ подручникъ турецкому султану, и султанъ за него бы вступился; а султанъ ужъ и такъ разносилъ пути въ Россію, пытался завладѣть Астраханью, чтобъ оттуда Волгой добратся и до Москвы. Казань же была

къ намъ ближе и была еще несноснѣе. Грабители казанскіе господствовали на Волгѣ, разбойничали даже подъ Костромой, разбивали обозы и караваны нашихъ купцовъ, портили всю нашу торговлю съ Азіей,—не говоря ужь о томъ, что въ Казани, какъ въ Крыму, сотни тысячъ русскихъ невольниковъ, воровски взятыхъ, томились въ рабствѣ. Царь Иванъ Васильевичъ рѣшился прежде всего покончить съ Казанью. Два похода были неудачны. Одинъ походъ былъ на другой же годъ (1548) послѣ пожара. Пошли зимой изъ Нижняго по льду, по Волгѣ. Но полились дожди, настала оттепель. Много пушекъ провалилось въ продушинахъ съ людьми и лошадьми. Царь долженъ былъ оставить предприятие и возвратился въ Москву, съ великими слезами, что не сподобилъ Богъ ему поратовать противъ враговъ христіанства. Черезъ два года послѣ того (въ 1550) пошли во второй походъ, тоже зимой; расположился къ осадѣ Казани. Опять пошли дожди: порохъ подмокъ, стрѣлять нельзя было; разлились ручьи; надо было снимать осаду. Но походъ этотъ обошелся не безъ пользы. На устьѣ Свіяги поставили городъ Свіяжскъ, много безпокоившій Казанцевъ и очень много послужившій въ третьемъ нашемъ походѣ.

Наконецъ, еще черезъ два года, въ 1552 году, рѣшили идти подъ Казань лѣтомъ. Собрано было 150,000 войска. Царь выступилъ самъ изъ Коломны іюля 3-го, 1552 года. Войска шли тремя путями. Волгой сплавливали запасы, пушки,

порохъ, всякіе снаряды и тяжести. Часть войска съ царемъ пошла на Владимірѣ, а другая—черезъ Рязань, къ Сурѣ. Походъ былъ веселый. Пищи было обиліе. Въ чистыхъ поляхъ лоси словно сами выходили стадами на убой. Гуси и бѣлые лебеди стадами плавали въ тихихъ заводяхъ; рѣки кишѣли рыбою. Шли словно не въ походъ, а на охоту, и на привалахъ и ночлегахъ жарили добычу какъ для пира. Жители—Русскіе, Мордва, Мещера, Черемиса подвозили хлѣба и съ любопытствомъ разглядывали войска, бояръ, юнаго царя. Казанцы тоже готовились принять гостей, и писали государю: «Ждемъ васъ на пиръ: не въ первый разъ бѣжать вамъ со срамомъ отъ нашего юрта». 30,000 заперлись въ своемъ крѣпкомъ городѣ съ высокими каменными мечетями, башнями и съ толстыми, дубовыми и земляными стѣнами; остальное же войско и всю свою конницу поставили за лѣсомъ, подъ начальствомъ своего хитраго князя Епанчи, и условились съ нимъ, какъ скоро они выставятъ на башнѣ знамя и станутъ махать имъ, то это значить, что Русскіе идутъ на приступъ—и чтобъ Епанча ударилъ на нихъ съ тыла. Распорядясь такъ, они смѣло поджидали нашихъ—и вотъ 23-го августа увидѣли при восходѣ солнца, что русскіе полки, съ музыкой и распущенными знаменами, между которыми выше и шире всѣхъ развѣвалась царская хоругвь съ изображеніемъ Иисуса Христа, подходятъ къ городу и растягиваются, чтобы обложить его съ разныхъ сторонъ. Какъ только увидали себя лицомъ къ

лицу обѣ силы,—и русская, и татарская,—въ тотъ же день перевѣдались между собою въ кровавой схваткѣ, и съ перваго раза поняли, что дѣло пойдетъ на упоръ съ обѣихъ сторонъ. Царь съ воеводами и со своимъ ровнымъ,— т. е. нѣмцемъ-инженеромъ, умѣвшимъ вести подкопы въ землѣ, чтобы порохомъ взрывать башни и стѣны, — всѣ первые два дня не сходилъ съ коня, высматривая мѣста, гдѣ ставить пушки, откуда приступать къ городу, и куда вести подкопы. На четвертый день, 27-го августа, наши открыли огонь изъ 150 пушекъ. Казанцы отвѣчали тѣмъ же, и начался почти непрерывный, остревѣлый бой. Больше всѣхъ донималъ нашихъ хитрый князь Епанча. Наши осаждали Казань, а онъ словно насъ держалъ въ осадѣ. Наши не пускали въ Казань хлѣба, а онъ отбивалъ хлѣбъ, который везли къ намъ, и являлся всегда тамъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Чтобъ его истребить — пришлось отрядить противъ него половину войска. Царь думалъ сначала, что жаждой принудить Казанцевъ сдаться, потому что Казань стоитъ на горѣ—и отъ воды не близко; онъ и перерѣзалъ всѣ ихъ пути къ Казанкѣ и къ рѣкѣ Булаку, но видитъ, что они все держатся. Узнали, что у нихъ около городской стѣны въ одномъ мѣстѣ есть родникъ, куда они ходятъ подземнымъ путемъ и берутъ воду. Царь приказалъ подъ этотъ ходъ подвести подкопъ. Десять дней рылись въ землѣ, и вдругъ рабочіе услышали надъ собой голоса и шаги. Накапали въ этомъ мѣстѣ одиннадцать бочекъ пороху и зажгли

Фитиль: послѣдовалъ взрывъ — и часть стѣны и тайникъ полетѣли на воздухъ. Но Казанцы не уныли духомъ, принялись съ самомъ городѣ рыть колодезь; дорылись таки до воды; вода оказалась мутная и вонючая, но они пили ее черезъ силу, пухли и болѣли, но не сдавались. Русскіе били въ стѣны изъ пушекъ и таранами, кидали огромные камни, выстроили великіе туры или подвижныя башни, придвинули ихъ къ стѣнамъ и съ нихъ стрѣляли въ городъ на улицы, изъ пищалей и луковъ. Но ничто не помогало. Чуть не каждый день высыпали Казанцы густыми толпами то изъ тѣхъ, то изъ этихъ воротъ, и завязывалась жестокая сѣча, такъ что войско наше потомилось таки довольно. Къ тому же пошли дожди; всѣ мѣста, гдѣ оно стояло, обратились въ болота, и одинъ разъ налетѣла такая буря, что много судовъ нашихъ потопила на Волгѣ, сорвала палатки воиновъ и даже царскій шатерь. Стали говорить, что это неспроста, что это дѣйствіе нечистой силы, что у Казанцевъ есть кудесники: что при восходѣ солнца разные старики и бабы выходятъ на стѣны, кривляются и вопять страшнымъ голосомъ, и одеждами своими машутъ на русскій лагерь, этимъ накликаютъ вѣтеръ и облака, и изъ нихъ дождь льется рѣкою... Царь повелѣлъ послать на перекладныхъ въ Москву привезти крестъ съ частицами отъ древа креста Господня, и съ нимъ вокругъ всего нашего лагеря сдѣлать крестный ходъ съ иконами и кропить святою водою. Наступили красные дни. Войско ободрилось,

видя, что Богъ не токмо въ ничто обратилъ чары сатанинскія, но и многимъ благочестивымъ мужамъ въ сонномъ видѣніи возвѣщалъ скорое паденіе царства басурманскаго. Самъ царь во снѣ слышалъ — якобы изъ Казани звонъ знакомаго ему большаго колокола Симонова монастыря.

Время между тѣмъ уже подходило къ октябрю. Дѣло замѣшчалось оттого, что все ждали, когда будутъ готовы подкопы. Наконецъ къ 1-му числу октября размысль, или инженеръ государевъ, объявилъ, что готовы два подкопа подъ главныя башни казанскія. Царь тотчасъ объявилъ по войску, чтобы всѣ причастились и исповѣдались, ибо приближается день, въ онъ же пяти всѣмъ общую чашу; приказалъ, чтобы въ ночь на 2-е число все было готово, и какъ черезъ два часа по восходѣ солнца взорвутъ подкопы, то чтобы со всѣхъ сторонъ кидались на приступъ. Самъ царь въ эту ночь въ своей походной церкви велѣлъ служить раньше заутреню. Вдругъ, главный воевода, князь Михайло Ивановичъ Воротынскій, присылаетъ ему сказать, что 45 бочекъ пороху ужъ въ подкопѣ, что Казанцы свѣдали о нашемъ дѣлѣ, и что нельзя терять ни минуты. Царь велѣлъ выстроиться полкамъ какъ можно тише, а самъ остался дослушать заутреню. Діаконъ читалъ Евангеліе и едва произнесъ: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь»—вдругъ грянулъ громъ, земля затряслась. Царь бросился къ выходу изъ шатра, и видитъ: заря сіяетъ на небѣ, небо чисто и ясно: полки русскіе, словно притаясь,

стоять передъ стѣнами казанскими и въ тишинѣ дожидаются знака,—а надъ Казанью стоитъ темный высокій столбъ дыму, вверху освѣщаемый розовыми лучами восходящаго солнца,—и глыбы земли, обломки башенъ и стѣнъ, люди, бревна, поднятые силою взрыва, падаютъ изъ этого дымнаго столба со страшной высоты на городъ... Служба прервалась было, но царь велѣлъ доканчивать и вернулся на свое мѣсто. Діаконъ сталъ читать на эктеніи молитву о царѣ—и какъ только произнесъ: «и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата»,—раздался новый ударъ, взорвало другой подкопъ, еще грознѣе перваго. Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ всего русскаго войска: «Съ нами Богъ». Царь вышелъ еще изъ шатра и видѣлъ, какъ полки кинулись къ проломамъ,—къ стѣнамъ; они ставятъ лѣстницы, а на стѣнахъ вдругъ высыпали головы татарскія, и видно было, что тамъ все задвигалось: наши лѣзутъ на стѣны, а Татары льютъ на нихъ изъ тагановъ горящую смолу и скатываютъ бревна; въ проломахъ, на грудахъ земли и камней, въ страшной давкѣ—и конные и пѣшіе уже втискиваются въ городъ... Царь вернулся опять въ церковь, жарко молилъ о побѣдѣ; приближалъ къ нему посланецъ отъ князя Воротынскаго, со словами: «Государь, пора тебѣ ѣхать, полки ждутъ тебя». Царь отвѣчалъ: «Какъ отслушаемъ всю службу, то и совершенную милость отъ Христа получимъ». Воротынскій прислалъ вторично. Служба кончилась. Царь причастился Св. Таянъ, одѣлъ доспѣхи,

сѣлъ на коня и поскакалъ со своимъ полкомъ: русскія знамена ужь развѣвались на стѣнахъ Казани.

Свирѣпый бой шелъ въ самомъ городѣ. Толпы Татаръ, тѣснимыя уже изнутри города, по трупамъ взлѣзли въ одномъ мѣстѣ на стѣну, замахали и завопили Русскимъ: «Погодите стрѣлять! пока стояло наше царство и городъ нашъ, мы бились за него и за царя нашего. Теперь выдаемъ вамъ царя своего жива и здрава; ведите его къ вашему царю, а мы выйдемъ въ широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». И выдали своего царя, и вдругъ стали прыгать со стѣнъ, хотѣли пробиться къ лѣсу, и всѣ пали, но много положивъ и нашихъ.

Царь въѣхалъ въ городъ, по кровавой улицѣ, съ которой для того поприбрали трупы, и тутъ въ городѣ его поразило неожиданное зрѣлище: его встрѣтила толпа Русскихъ, только что освобожденныхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые многіе годы томились въ неволѣ казанской. Увидѣвъ государя, блѣдные, худые, едва прикрытые, они кинулись на колѣни, и кричали: «Отецъ ты нашъ! избавитель ты нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ! для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!» Царь велѣлъ ихъ отвести въ свой станъ и кормить со своего стола. На другой день городъ былъ очищенъ отъ труповъ; царь, духовенство, войско торжественно вступили въ Казань: духовенство впереди шло съ церковными хоругвями и крестами; обошли стѣны, кропили святою водою—и выбравъ

мѣсто для постройки соборнаго храма, водрузили на немъ крестъ. Храмъ порѣшено строить во имя Благовѣщенія: да послужитъ сіе первое наше завоеваніе благою вѣстію послѣдующихъ... Воротясь же въ Москву, государь, въ память взятія Казанскаго, построилъ въ Москвѣ Покровскій соборъ, что нынче называется *Василіемъ Блаженнымъ*: на этомъ мѣстѣ прежде было кладбище, на которомъ похороненъ былъ и этотъ блаженный.

Такъ совершилось покореніе Русскими одного изъ царствъ Магомета... Но не однимъ оружіемъ побѣдила Россія Казанцевъ и въ теченіе времени сдѣлала изъ нихъ себѣ дружественный, мирный, трудолюбивый народъ: водрузивъ въ Казани знамя Христова и учредивъ тамъ новую, Казанскую епархію, и отправляя управлять ею св. Гурія, царь предписалъ ему такъ поступать съ мусульманами: «Которые Татары захотятъ креститься волею, а не отъ nevoли,—тѣхъ велѣтъ крестить и лучшихъ держать при себѣ, поучать закону христіанскому и покоить; и всѣхъ приходящихъ съ челобитьемъ приводить къ христіанскому закону, при чемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а не жестоко и не со страхомъ...» Этотъ наказъ былъ выполненъ св. Гуріемъ и его преемниками какъ нельзя лучше: очень скоро нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обратилось въ христіанство. Царь казанскій потомъ съ семействомъ своимъ просилъ креститься въ Москвѣ, присягнувъ Россіи и получивъ отъ государя помѣстья.

По паденіи Казанскаго царства не могло долго держаться и Астраханское. Царь спустилъ по Волгѣ двухъ воеводъ съ войскомъ, и они безъ большихъ хлопотъ заняли Астрахань. Вся Волга была уже въ нашихъ рукахъ, и въ Москву явились посланники отъ персидскаго шаха, отъ бухарскаго и хивинскаго хановъ и другихъ закаспійскихъ народовъ, чтобъ уговориться насчетъ торговли съ Москвой. Доставивъ теперь торговымъ людямъ прямой доступъ къ Азии и берега Каспійскіе, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ открыть такой же доступъ и къ Балтійскому морю и овладѣть всѣмъ теченіемъ Западной Двины. Съ этой цѣлью начата была имъ война ливонская; царь взялъ всю Ливонію, рыцари объявили свой орденъ кончившимся и поддались Польшѣ. На бѣду нашу, въ Польшѣ въ это время случился храбрый и умный король Стефанъ Баторій—и война, тянувшаяся двадцать лѣтъ, кончилась неудачно: потерю всѣхъ нашихъ завоеваній въ Ливоніи. Но объ этомъ я расскажу послѣ, а теперь dokonчу только о третьемъ татарскомъ царствѣ, доставшемся Ивану Васильевичу уже подъ конецъ его жизни—о царствѣ Сибирскомъ.

IV.

Завоеваніе Сибири.

Когда вся Волга досталась въ наши руки, государи московскіе должны были заботиться, чтобы по ней плаваніе для торговыхъ каравановъ было безопасное. По Волгѣ и по Дону и при Татарахъ еще жило довольно много русскихъ людей, выходившихъ селиться въ степь по этимъ рѣкамъ и далѣе даже въ Кавказскія горы, на рѣку Терекъ. Хотя эти люди не прерывали своихъ связей съ далекой родиной, крѣпко держались вѣры отеческой и русскихъ обычаевъ, и называли себя людьми государевыми, вольными казаками, — однако государи московскіе, за дальностью, управлять ими и помышлять объ нихъ не могли. На жалобы разныхъ татарскихъ хановъ, что казаки ихъ грабятъ, изъ Москвы частенько отвѣчали, «что степь велика — и государямъ за казаками смотрѣть не можно». Сами же казаки своей постоянною войною съ Татарами не мало намъ приносили пользы, постоянно тревожа Казань и Астрахань. Когда же эти царства были взяты, на Волгѣ, по старой памяти, продолжали собираться въ шайки разные гулящіе люди — и изъ Россіи, и изъ казаковъ, и нападать безъ разбору на всѣ суда, идущія по Волгѣ. Напрасно государь приказывалъ изъ Москвы, чтобы они надъ государевой казной и торговыми людьми никакого воровства

не чинили. Вольница не унималась; атаманы ея разгуливали по Волгѣ и по Каспійскому морю, словно сами какіе цари морскіе, и царскаго приказа не слушались. Число ватагъ все росло и росло. Нѣкоторые атаманы сдѣлались грозой для судоходовъ. Между прочими особенно страшно для нихъ сдѣлалось имя атамана Ермака Тимоѳеича.

Такъ-то некрасиво встрѣчается намъ въ первый разъ имя Ермака, знаменитаго покорителя Сибири. Кто же былъ этотъ Ермакъ? и откуда онъ взялся? и какъ это случилось, что имя прежняго разбойника—теперь съ благодарностью и уваженіемъ поминается всѣми на святой Руси?

Есть извѣстіе, что дѣдъ Ермака, по имени Аѳанасіи Григорьевичъ Аленинъ, былъ посадскій человекъ города Суздаля; жилъ тамъ въ великой скудости, переѣхалъ потомъ во Владиміръ съ двумя сыновьями, Родиономъ и Тимоѳеємъ, и промышлялъ извозомъ; нанялся иногда возить и разбойниковъ въ Муромскіхъ лѣсахъ, да вмѣстѣ съ ними и попалъ въ тюрьму; изъ тюрьмы потомъ бѣжалъ въ Юрьевъ Повольскій, гдѣ и умеръ, а дѣти его переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ нынѣшнюю Пермскую губернію, въ вотчинны именитыхъ людей Строгановыхъ.

Строгановы были важные и умные люди. Они выпросили себѣ у государя пустошорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того, что тамъ удобно варить соль—я всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужъ они сами тамъ всѣмъ рас-

поряжались: и народъ селили бѣ, и городки бы строили, и ружья и пушки имѣли бы, и ратныхъ людей, и сами бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устранивать этотъ край—и вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ. Вотъ у нихъ-то и поселились сказанные выходцы, Родіонъ съ Тимошеемъ, и родились у нихъ дѣти: между прочими у Тимоея былъ сынъ Василій.

Этотъ Василій былъ удалой малый; красавецъ собой; роста средняго; волосы имѣлъ темные, бороду—черную, былъ силенъ и рѣчистъ. Онъ ходилъ на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, и когда былъ еще кашеваромъ въ своей артели, товарищи придали ему прозвище Ермакъ, что означаетъ таганъ артельный. Но не ужился Ермакъ у Строгановыхъ: тѣсно ему было жить въ работникахъ, захотѣлось поискать своей долушки. Манила его жизнь удалая, Волга-матушка, широкое раздольице. Тамъ погуливаютъ люди вольные, казаки государевы, ходятъ—высоко держать голову, славою своей и казною похваляются, съ басурманами сражаются за вѣру христіанскую. Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атаманы попалъ. Что тутъ было имъ по Волгѣ подѣлано, сколько годовъ тутъ было погуляно, много ли на душу грѣха было принято,—доподлинно неизвѣстно. Видно только, что или не совсѣмъ воромъ и разбойникомъ считалъ себя Ермакъ, или можетъ быть хотѣлъ заслужить милость царскую,—только, когда разъ взбунтовались Чер-

миса и казанскіе Татары, и царь посылалъ на нихъ воеводъ своихъ—Ермакъ со своею шайкою ходилъ воеводамъ помочь, царю послужить. Угломонили бунтовщиковъ—отплылъ онъ опять разгуливать по Волгѣ-матушкѣ, по морю Хвалынскому. Громче прежняго купцы хивинскіе, бухарскіе, персидскіе и наши стали жаловаться, что на Волгѣ отъ воровства и шалостей способа нѣтъ. Строже прежняго стали грозить изъ Москвы. Наконецъ стряслась бѣда важная. Ёхалъ въ Москву персидскій посланникъ. Ермаковы люди во хмѣлю и задрали людей посланниковыхъ. Вышла драка, руки расходились, самъ посланникъ былъ убитъ. Тутъ грозный царь опалился, послалъ воеводъ наказать царскихъ послушниковъ, очистить Волгу отъ разбоевъ. Пришлось волжскимъ удалцамъ противъ царя воевать. Воеводы разбили ихъ огромное скопище. Которыхъ разбойниковъ изловили, которыхъ загнали въ степь, въ море. Ермакъ же, чуть слышалъ о приходѣ воеводъ, скрылся невѣдомо куда. Объявлено было, что гдѣ только окажутся главные атаманы, тѣхъ брать, вязать и вѣшать безъ всякаго разговора. Въ ихъ числѣ изъ самыхъ главныхъ поименованы—и Ермакъ Тимоѣевичъ, и товарищъ его Иванъ Кольцо.

Плохо пришлося Ермаку Тимоѣевичу. Пробрался онъ въ мѣста прикамскія съ разбитой своей шайкою, съ худой своей славушкой. Напала на него лютая тоска. Вотъ она куда завела воля вольная, удалъ молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцомъ, вернулся царскимъ послушни-

комъ! Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить — все ворами слыть, въ Казань, въ Астрахань пойти—быть повѣшену! Ужь нашелъ же ты, Ермакъ, свою долюшку, шатался-мотался по чисту полю, да по еяню морю, и выслужилъ награду царскую: всего два столбика съ перекладникой — на ней петелька шелковая. Все-то теперь Ермаку опротивѣло. Хотя бы все бросить, да въ монастырь пойти. Надо сказать, что Ермакъ не походилъ на другихъ атамановъ: церковь почиталъ и въ шайкѣ своей держалъ порядокъ, и злодѣйства не допускалъ, и за всякое дѣло нехристіанское виновныхъ въ мѣшокъ съ камнями зашивалъ, да въ воду опускалъ. Повѣдалъ, видно, свою кручину Ермакъ Тимоосевичъ своимъ родичамъ: тѣ поговорили Строгановымъ, а Строгановы были умные старпки; руки имъ были надобно. Согласилсъ они Ермаку въ бѣдѣ помочь. И послали къ нему ласковую грамоту съ такими рѣчами: «Чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты бы, Ермакъ Тимоосевичъ, послужилъ честнымъ людямъ, а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожаловалъ намъ государь земли за Угорскимъ камнемъ, по рѣкамъ по Тагилю и по Тоболу, а мы бы тамъ острожки поставили, чтобы на государевы земли сибирскимъ народцамъ, Остякамъ и Вогуламъ, а тѣмъ наче сибирскому царю, татарину Кучуму, путь перехватили; которые народцы царю покорность изъявлять, съ тѣхъ бы мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе купцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали. И ты бы, Ермакъ Тимо-

оеевичъ, намъ это дѣло справлялъ; ты бы набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ все нужное дали; послужилъ бы ты царю вѣрой правдою, и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои».

Какъ получилъ эту грамоту Ермакъ Тимоѣевичъ, созвалъ онъ казацкій кругъ и вышелъ къ нему со свѣтлымъ лицомъ, и велѣлъ передъ всѣми читать грамоту. «Кто хочетъ, братцы, со мной иди; кто не хочетъ—тому воля вольная. А ужъ я вамъ не товарищъ. Кто же со мной пойдетъ, тотъ на словѣ крѣпко стой, чтобъ ужъ воровства и пакости за нами не водилось». И всѣ его любимые товарищи, храбрые есаулы—Иванъ Кольцо, да Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мецеракъ—всѣ возрадовались: «Намъ безъ тебя, Ермакъ Тимоѣевичъ, все равно пропадать. Куда ты, туда и мы. За тебя головы свои положить согласны». И набралось съ ними еще пятьсотъ сорокъ человекъ. И пошли они въ Чусовые городки, и приняли ихъ именитые люди Строгановы съ великою честью. И стали снаряжать за Югорскій камень; дали отъ себя еще триста человекъ ратныхъ людей, и Литвы, и Нѣмцевъ, и Татаръ, и Русскихъ; снабдили ихъ одежей, и запасами, и военскими доспѣхами, и ружьями, и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь, да шесть поповъ, да вожаковъ и переводчиковъ, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь, въ неизвѣстную землю Сибирскую.

Шель Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ по Серебряной, перетащился волокомъ въ Жаравлю рѣку; тамъ построилъ легкія лодочки-коломенки, поплылъ Жаравлей рѣкой въ Тагиль рѣку; изъ Тагиля вошелъ въ Туру рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяць. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря—великое множество. Какъ выстрѣлять изъ ружья—все всполошится, выстрѣль-то по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекатывается, чуть ли не на всю Сибирь. Лодочки идутъ, казаки пѣсни поютъ: эхъ, сторона-то богатая!.. Только рѣдко-рѣдко гдѣ пашеньки попадутся; рѣдко-рѣдко гдѣ выглянуть люди дикіе и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки—словно войско стоять. Войско зашевелилося: аль встрѣчать идетъ непрошенныхъ гостей? Вышли казаки на берегъ, да какъ грянули изъ ружей—все войско попадало. Засмѣялись казаки, пошли ходить между лежащими, стали искать ихъ наибольшаго. Чуть начнутъ Сибирцы подымать головы, опять кто нибудь выстрѣлитъ—и тѣ опять носомъ уткнутся въ землю. Нашли наконецъ наибольшаго; оказалось, что войско велъ сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ нимъ ласково, угощалъ и выспрашивалъ про царя Кучума и про мурзъ его и улановъ, и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли и какъ идти туда,—отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими разказами: «Такіе, молъ, вдутъ люди,

роду русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣльнуть изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огонь исходить и громко голкнеть, аки громъ на небеси; стрѣль несходящихъ не видать, а уязвляютъ ранами и смертью побиваютъ, и защищаться отъ нихъ никакими ратными збурами не можно; ни кюяки, ни панцыри, ни кольчуги наши не держать, все пробиваетъ на вылетъ». Это ихъ такъ ружейная пальба перепугала. Ружья-то они еще не видывали, — и у насъ оно недавно завелось, при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Пушки-то были и до него.

Царь Кучумъ переполсшился, а съ нимъ и мурзы, и муллы его, и князьки, и шаманы сибирскіе. Собрались на совѣтъ. Шаманы говорили, что съ этими людьми приходитъ гибель Кучумову царству; что въ воздухѣ, надъ самой Кучумовой столицей, всѣ видѣли городъ, а въ этомъ городѣ—каменные башни, на башняхъ висятъ колокола, а на верху кресты; что, извѣстно, такіе города—русскіе, и показываются они теперь на небѣ, и, того гляди, сойдутъ на Сибирскую землю, и вся Сибирская страна наполнится русскими людьми и русскими городами. Кучумъ, будучи мусульманиномъ, хоть и презиралъ шамановъ, но побаивался ихъ; говорилъ, что они врутъ, а самъ спрашивалъ объ огненной пальбѣ. Нашлись, которые видали ружье въ Перми и у Строгановыхъ, и говорили, что отъ грома его вреда не дѣлается никакого, а прошибаетъ только

пулька,—что, все равно, и стрѣла вѣдь ранитъ смертельно. Появля ли, не появля ли Кучумъ, только тотчасъ повѣстия, чтобы самоскорѣйше подымались и шли къ нему всѣ подвластные ему мурзы и уланы, и Татары, и Остяки, и другіе Сибирцы. Самъ онъ заперся въ главномъ своемъ юртѣ, въ городѣ, называемомъ Сибирь или Искеръ; а сыну своему или племяннику, доподлинно неизвѣстно, по имени Мегметъ-Кулу, назначилъ идти съ большою ратью на Ермака, и чтобы онъ старался уничтожить Русскихъ; «если жъ паче чаянія, не возьмешь силой, то тревожь и пстреляй ихъ всѣми мѣрами, а главное старайся заманить ихъ на Иртышъ: тамъ же мы устроимъ засаду и всѣхъ перебьемъ ихъ навѣрное». Этотъ Мегметъ-Кулъ считался самымъ славнымъ Сибирскихъ странъ богатыремъ: великанъ ростомъ, силы непомерной, онъ въ своихъ золотыхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями, въ чешуйчатыхъ латахъ на груди и въ золотомъ шлемѣ съ орлиными крыльями, далеко виденъ былъ и между своєю татарскою конницею, а тѣмъ паче надъ малорослыми Сибирцами, съ головы до ногъ одѣтыми въ звѣриныя шкуры.

Мегметъ-Кулъ сталъ на Тоболѣ рѣкѣ, между Тавдою и Иртышемъ, и дожидалъ нашихъ, стараясь главное объяснить своему войску про ружейную стрѣльбу, чтобы ея не боялись; молилъ стоять крѣпко, потому что по сибирскимъ правамъ, кто побѣдитъ, того и земля будетъ и люди. Провѣдавъ, что казаки недалеко отъ него высадились, послать

онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Тѣ было дрогнули, но скоро опомнились, особенно Татары; да и Сибирцы уже не падали отъ грома, а только разбѣгутся, да опять сучатся и стрѣляютъ изъ луковъ. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашъ; сѣча была зла; но, видя паденіе многихъ своихъ, войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. У нашихъ тоже были и убитые, и раненые. Ермакъ поплылъ дальше, внизъ ко Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юрть. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурзу Карачу и взяли его юрть и богатую добычу—золота, припасовъ, меду,—и перетацили все на свои коломенки.

Разсказываютъ, что юрть этотъ взяли они хитростью. Понадѣлали чучель изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки,—и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а сами тайно высадились на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высыпали Татары на берегъ, и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди русскіе — крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ что въ снопики надѣлено, а они всѣ невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли Татарамъ въ тылъ, и вдругъ голкнули изъ ружей. Такъ юрть и взяли.

Мегметъ-Куль между тѣмъ не терялъ казаковъ изъ виду, но высокому берегу въ нѣкоторомъ разстояніи провожая

ихъ своею конницею; гдѣ рѣка съуживается между горъ, онъ засядетъ на горахъ за кустами, и сыплетъ внизъ на плывущихъ стрѣлы и камни. При впаденіи Тобола въ Иртышъ Ермакъ счелъ наконецъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ провожатыхъ, причалилъ къ берегу, храбро напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ тутъ у насъ не было, но почти всѣ казаки были уже ранены. Многіе стали призадумываться. Нужно было хоть гдѣ нибудь остановиться отдохнуть; исходилъ второй мѣсяцъ ихъ похода, наступало 22-е октября. Войдя въ Иртышъ, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки скоро увидали какое-то старое городище, удобное для привала, и, не встрѣчая на всемъ Иртышѣ непріятеля, расположились въ городищѣ. Но это-то и была устроенная Кучумомъ засада. На это-то городище Кучумъ и рассчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совсѣмъ его очистить и оставить пустымъ. Близъ него же стоитъ высокая гора Чувашева; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула, укрылъ онъ съ другой стороны городища, сдѣлавъ для того нарочно засѣку и обведя ее валомъ. Завидя казаковъ, Татары притаились въ своихъ мѣстахъ. Казаки же ужъ вечеромъ подплыли къ городищу, стали пищу варить и готовить себѣ ночлегъ, какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей — видимо-невидимо; свѣдавъ, что и на Чувашевой горѣ стоитъ самъ Кучумъ, и что они окружены всей его силой, — они, усталые и ране-

ные, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Есаулы стали было уговаривать, а имъ отвѣтили: «Да вы посмотрите: ихъ, вѣдь, нехристей — тьмы, а мы всѣ на перечеть. Сколько товарищей уже похоронили! Понесла насъ нелегкая по невѣдомымъ рѣкамъ — ужли жь затѣмъ, чтобъ берега утыкать крестами надъ казацкими могилами? Погуляли, страху задали, добычи набрали, пора и честь знать, домой поворотить, чего еще дожидаться?» Слыша такія рѣчи, приуныли и есаулы, и старшіе по Ермакѣ атаманы, его помощники—Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза. Ермакъ одинъ сидѣлъ поодаль, поглядывалъ на засѣку Мегметъ-Кулову и на круги своихъ казаковъ — и очень хорошо зналъ, о чемъ тамъ дѣло идетъ. Приходятъ и говорятъ ему Иванъ Кольцо и Иванъ Гроза, что дѣло плохо, казаки бунтуются. «Пусть наговорятся, натѣшатся», отвѣчалъ Ермакъ. И давши имъ наговориться, позвалъ онъ всѣхъ въ большой кругъ; вышелъ, поклонился и началъ рѣчь: «Что же, братцы, сказалъ онъ:— аль ужь и впрямь приходится намъ бѣжать?»— «Да ужь впередь-то, кажись некуда; всѣ пути перехвачены», загуторили въ толпѣ. «Одно худо, продолжалъ Ермакъ:— время позднее, рѣки скоро стануть, до дому не добредемъ, придется зпмовать въ глуши—Богъ вѣсть гдѣ и Богъ вѣсть какъ. Пожалуй, въ такомъ мѣстѣ замерзнемъ, гдѣ ни Татарва проклятая, ни Сибирь ихъ немшоная, ни Чудь заблудящая не

подумали—теплыхъ хоромъ намъ не поставили и хлѣба не напахали... Одно только мѣсто для зимовки доброе я знаю, это Кучумовъ юрть, Сибирь городокъ... Стыдно вамъ, братцы, продолжалъ онъ съ негодованіемъ,—а еще казаки, православные христіане! Какое помышленіе въ сердца свои попустили! усумнилсь въ помощи Господней! Чтò на Перми, да на Чусовой отъ этихъ поганыхъ нехристей церкви Божіихъ поругано да пожжено, — народу христіанскаго, русскаго, стариковъ и младенцевъ, помучено, да побито. Того ради Всемогущій Богъ мститъ имъ, окаяннымъ, за кровь неповинную. Нешто мы воровать сюда пришли? Слава Тебѣ Господи, отъ воровства великіи обѣты дали отстать, царю и честнымъ людямъ, и всему христіанству послужить пошли, и крестъ цѣловали. Вспомните — какими слезами тогда плакали? Какіе обѣты выговаривали? Да всѣмъ намъ здѣсь помереть! А назадъ обратиться, страха ради и живота своего жалѣючи, намъ не можно: и срамъ и слова своего преступленіе! Ужь мы души свои Господу Богу заложили и Его волею идемъ; а что насъ мало, непріятелей же множество,—то вѣдь не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ и безпомощнымъ Богъ помочь; и насъ не покпнетъ Онъ, видя сердца наши — чисты и дерзновенны; уповайте на Него твердо, и памятуйте, что дастъ Господь, поставимъ крѣпко,—то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ ней пойдетъ во-вѣки».

Не дали Ермаку дальше говорить; выходили впередъ атаманы и есаулы храбрые: Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза, Мещерякъ Матвѣй, Никита Панъ, и другіе; всѣ говорили: «Всѣ мы готовы умереть за святыхъ Божіа церкви, за вѣру православную пострадать, царю послужить. Постопмъ всѣ до одинаго противъ поганыхъ, твердо до крови и до самой смерти. Всѣ на томъ и стоимъ за одну душу».

«Какъ, такъ, заговорилъ казацкій кругъ,—ужь во всемъ на тебя, Ермакъ Тимофеевичъ, полагаемся; ты, извѣстно, человекъ не намъ чета. Безъ тебя бы давно ужь намъ всѣмъ пропасть».

Похвалилъ Ермакъ такіа рѣчи и велѣлъ потомъ отслужить молебенокъ. И вынесли иконы крестъ и Евангеліе, аналойчикъ поставили, засвѣтили свѣчки... и ужь ночь сіяла всѣмъ своимъ звѣздамъ, когда казаки сторожей разставили, а сами полегли соснуть, крѣпкіе духомъ на завтрашніе подвиги.

И на утро, какъ только отъ солнца освѣтило блистаніемъ свѣтлыа облака, вывелъ Ермакъ свою дружину изъ городища и указалъ на засѣку. «Съ нами Богъ!» крикнули казаки яко едиными устами, дали залпъ и побѣжали на приступъ; Татары выпустили тучу стрѣлъ. Многіе изъ нашихъ попадали; другіе замялися; видя то, Татары въ трехъ мѣстахъ разломали сами засѣку и кинулись всею аравой, думая взять множествомъ—и въ тѣснотѣ не дать стрѣлять изъ ружей. Тутъ-то проявилась сила богатырская, бой по-

шелъ на жизнь и смерть; топоры и сабли въ ходъ пошли; дрались въ рукопашную, — на одного казака приходилось по десяти, по двадцати, по тридцати человекъ. Ермака Богъ хранилъ, а съ нимъ у всѣхъ удесятерилась сила: вездѣ успѣвалъ онъ во-время; отъ одного его вида толпа разбѣгалась... Но столбъ Кучумова царства, душа его войска — надломилась: палецъ храбрый Мегметъ-Куль, раненый; едва успѣли отбить его, еле жива, и отвезть за Иртышъ. Разстроились его Татары и побѣжали; остяцкіе князьки, стоявшіе у Кучума, вмѣсто того, чтобы поддержать Татаръ, повернули коней и отвели войска во-свои. Остался Кучумъ одинъ на горѣ съ немногими приближенными, стоялъ какъ ошеломленный, горько заплакалъ и побѣжалъ. Добѣжалъ онъ до столицы своей, гдѣ царствовалъ сорокъ лѣтъ, захватилъ кое-что изъ сокровищъ, и устремился на старости лѣтъ въ скитальческій путь, съ сокрушеніемъ промолвивши: «Нѣтъ такой радости, которая бы потомъ не сложилась на печаль». Скитаясь по степямъ, въ горѣ, онъ потомъ ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная, хотя досталась не дешево. Пятая часть всей дружины его, сто семь воиновъ полегло въ этомъ бою. Но Ермакъ не хотѣлъ терять времени и дать врагамъ опомниться. На другой же день пошелъ къ Кучумовой столицѣ: она была отъ Чувашевой горы всего въ шестнадцать верстахъ. Шли безъ боязни, но приблизясь къ городу, и не слыша оттуда ни голоса, не видя ни лица

человѣческаго, усумнились — не кроется ли тутъ какое лукавство. Осторожно начали казаки входить въ городъ и увидѣли, что юртъ совсѣмъ пустъ. Видно было—люди пометались изъ него въ переполохъ: все ихъ богатство тутъ валялось, золото, серебро, и каменя дорогіе, и ткани золотыя, и куньи и собольи мѣха, и всякія яства недоѣденныя. Увѣрся, что лукавства никакого нѣтъ, Ермакъ велѣлъ служить благодарственный молебенъ, съ крестами и святой водою обошелъ вокругъ города, посвящая его истинному Богу, и поздравилъ товарищей съ доброй зимовкой.

Отдохнули наши молодцы, поустроились въ городѣ. Три дня прошли тихо и мирно. На четвертый день показались остяцкіе князьки, подѣхали, выложили Ермаку богатые дары и запасы, и били челомъ принять отъ нихъ присягу на вѣрность. За ними стали приходять жители съ семьями своими, присягали Ермаку—и онъ приглашалъ всѣхъ ихъ жить попрежнему въ городѣ. Городъ опять наполнился людьми. Ермакъ скоро всѣмъ полюбился, всѣмъ подъ нимъ житье было безобидное. Въ дружинѣ его съизначала заведенъ былъ порядокъ и послушаніе. Всякое дѣло студное наказывалось строго. Атаманы Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза были у него помощниками. Все войско раздѣлялось на сотни; у каждой сотни было свое знамя, украшенное святыми образами; сотнями начальствовали есаулы. Подъ ними были пятидесятники и десятники. Туземцы стали даже радоваться, что избавились отъ Кучума. Кучумъ былъ въ

той сторонѣ пришлый царь, родомъ татаринъ; прежнихъ владѣтелей онъ побѣдилъ и самъ сѣлъ на ихъ мѣсто. Изъ дальнихъ улусовъ всю зиму на оленяхъ и собакахъ пріѣзжали остяцкіе и вогульскіе, и всякіе другіе сибирскіе владѣтели къ Ермаку, и тоже вступали въ подданство. Самъ Мегметъ-Куль, выздоровѣвшій отъ ранъ, попался въ плѣнъ; Ермакъ держалъ его подъ крѣпкою стражею, но честилъ и обходился съ нимъ дружески. Весною, какъ только прошли рѣки, Ермакъ пошелъ въ походъ внизъ по Иртышу до самой Оби — и гдѣ мирно, гдѣ боемъ привелъ всю страну подъ власть свою. Когда онъ возвращался назадъ, шествіе его было торжественно. На лодкахъ его играла музыка. У него были барабаны, сиповки, литавры и трубы. Казаки были одѣты въ праздничные кафтаны; все обшито было золотомъ. Жители выходили къ нему навстрѣчу, падали ницъ, выносили дары, куньи и собольи мѣха, просили его суда и славили его судъ... Обширныя земли были подвластны Ермаку; многіе народы несли ему дань; вѣнецъ Кучумовъ былъ въ его рукахъ... Ермакъ могъ бы возложить его себѣ на голову... Всякой вольницы изъ Россіи, съ Волги и съ Дону, къ нему потянуло бы множество, и былъ бы онъ силенъ и славенъ, и повелѣвалъ бы народамъ... Такъ бы и сдѣлалъ иной — только не русскій человѣкъ.

Куда бы ни зашелъ русскій человѣкъ, какою бы славою ни возвеличился, или какую бы дурь на себя ни напустилъ —

онъ только о святой Руси и думаетъ, и сердце его отъ нея не отрывается.

Принималъ Ермакъ эти почести — а думалъ о другомъ. Молча и подолгу поглядывалъ онъ въ ту сторонушку, гдѣ Русь православная: все-то тамъ живетъ честной народъ... для него же тамъ, на великой Руси, поставлены, стоять-дожидаются — два столбика съ перекладиной, на ней петелька шелковая... Хоть полсвѣтомъ завладѣй, все онъ тамъ — воровской казакъ, государевъ измѣнникъ. Такъ въ царскомъ указѣ объ немъ сказано, пятно на имячко его крестное положено: это-то пятно и прожигало его душу, а смыть его могло тоже — только слово царское.

Воротился Ермакъ изъ похода, позвалъ попа, заперся въ своей земляночкѣ, караулъ поставилъ, чтобъ никто къ нему не входилъ, и велѣлъ попу писать. Самъ ходить по земляночкѣ, а попъ со словъ его пишетъ къ царю грамоту, — простую грамоту, гдѣ о себѣ Ермакъ ни слова не говорить и ничего не указываетъ, чтò бы дѣлать государю. «Всемилоствига въ Троицѣ славимаго Бога изволеніемъ, Пречистыя Его Матери и Святыхъ Угодниковъ и Чудотворцевъ Россійскихъ заступничествомъ, и тебя, Государя, Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича ко всещедрому Богу праведною молитвою и твоимъ государевымъ счастиемъ, царство Сибирское взяли и царя Кучума съ воями его побѣдили; и подъ твою высокую руку покорили многихъ жи-

вущихъ въ Сибири инородцевъ, Татаръ, Остяковъ и Вогуличей; и къ присягѣ ихъ привели, чтобы быть имъ подѣ твоею государскою высокою рукою до вѣку, покамѣстъ Богъ изволитъ вселенной стоять; и чтобы имъ ясакъ давати тебѣ, великому Государю, безпереводно. А на русскихъ людей имъ зла никакого не мыслить: а которые похотятъ въ твою службу государскую, и тѣмъ служить прямо; недругамъ твоимъ государевымъ ни въ чемъ не спускать, и самимъ не измѣнять; къ царю Кучуму и въ иные орды и улусы не отъѣзжать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять».

Велѣлъ онъ написать и другую грамоту—свои слова къ именитымъ людямъ Строгановымъ, увѣдомлялъ ихъ о дѣлахъ своихъ и просилъ переправить съ его грамотой посланца къ самому царю въ Москву. Написавши грамоты, позвалъ онъ атамановъ и есауловъ своихъ и спросилъ: «Кому ѣхать въ Москву передъ грознаго царя за воровскія дѣла отвѣтъ держать и бить челомъ царствомъ Сибирскимъ?»

«Кому же ѣхать, какъ не мнѣ», вызвался Иванъ Кольцо, Ермаковъ ближайшій другъ,—«имя мое великому государю свѣдомо; въ царскомъ указѣ написано; велѣлъ меня сыскать великій государь: самъ приду, свою голову принесу, а отъ тебя дорогой подарочекъ».

Поѣхалъ Иванъ Кольцо съ пятьюдесятью казаками. Остался Ермакъ съ товарищами дожидать, что велитъ имъ сказать великій государь.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миру царь потерялъ всѣ свои завоеванія въ Ливонской землѣ, берега Балтійскаго моря, столь для Россіи необходимыя, и Полоцкъ, и другіе города. Мраченъ былъ грозный царь. Это былъ уже не тотъ красивый юноша, что ровно тридцать лѣтъ тому назадъ бралъ Казань. Онъ уже постарѣлъ и хворалъ, подозрѣвалъ, что окруженъ измѣною бояръ. Послѣ московскаго пожара, послѣ его покаянія и рѣчи на Лобномъ мѣстѣ, когда всѣ подданные его проливали слезы умиленія и простили всѣ другъ другу вины свои,—онъ думалъ, что всѣ, вмѣстѣ съ нимъ, перемѣнились къ добру; и точно приблизились къ нему тогда совѣтники умные и люди ратнаго дѣла храбрые, которые славно казанскій походъ справили, и всѣ казались государю преданы и готовы служить ему, не жалѣючи живота своего. Но по возвращеніи же изъ-подъ Казани съ царемъ случилось событіе, дозволившее ему, такъ-сказать, заглянуть въ душу всѣхъ его окружавшихъ: онъ заболѣлъ огненною болѣзнію, т. е. горячкою. Всѣ думали, что уже онъ кончается; онъ самъ приготовился къ смерти и приказывалъ царство младенцу сыну своему. Но почти всѣ его вельможи и совѣтники не захотѣли присягать младенцу, боясь неурядицы при малолѣтнемъ царѣ, а выбирали на престолъ царскаго двоюроднаго брата Владиміра Андреевича, уже показавшаго умъ и храбрость при взятіи Казани. Три дня вокругъ

постели умирающаго царя спорили, кричали и ругались. На царя уже никто не обращалъ вниманія, словно его тутъ не было. Жадные власти бояре словно сняли съ себя личины свои, выказали всё свои затаенныя желанія. Царь все слышалъ, все видѣлъ, — и вдругъ ему стало легче: онъ выздоровѣлъ, словно изъ мертвыхъ возсталъ. Ничего онъ не сказалъ, когда поправился; но подозрѣнiе залегло въ его душу противу всѣхъ его окружавшихъ: онъ помнилъ, что каждый говорилъ и дѣлалъ въ то время, когда почиталъ царя почти умершимъ. Еще восемь лѣтъ тайлся онъ, пока жила первая супруга его, кроткая царица Анастасія, изъ роду Романовыхъ; ее онъ называлъ своею юницею, любилъ до безумія, чувствуя, что только подлѣ нея, какъ подѣ крыломъ тихаго ангела, отдыхала уязвленная душа его и воспламенялась ко всему доброму и великому. Скончалась «юница» его — и царь вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ среди людей, которые когда-то, при немъ, во время его болѣзни, носили царицу и отвергали ее отъ соправительства малолѣтнему сыну. Все это вспомнилось ему еще живѣе при видѣ ея бездыханнаго трупa, — и, указывая на покойную, онъ, въ изступленіи горести, говорилъ боярамъ: «Радуйтесь, радуйтесь, нѣтъ уже той, которую вы ненавидѣли! А за что вамъ негодна была? За то ли, что Богъ при ней, видя ея ангельскую кротость и чистоту голубиную, намъ славу и побѣду подавалъ, и со смертнаго одра насъ воздвигъ,

сиротства ея жалѣючи?..» У самыхъ лучшихъ людей есть всегда завистники; нашлось много и тутъ такихъ, которые думали воспользоваться горестью царя, чтобъ избавиться отъ супротивныхъ имъ, — и стали царю нашептывать, что Анастасія умерла отъ отравы... Мать царя тоже нѣкогда скончалась отъ яду... Царь повѣрилъ и рѣшилъ истребить враговъ своего рода: начались въ Москвѣ опалы и казни... И жизнь самого царя пошла самая ужасная. Новые приближенные старались ему доказать, что только они ему вѣрны, и постоянно пугали его измѣной и лихими умыслами людей имъ неугодныхъ, дабы погубить ихъ; сами же льстили царю и тѣшили его, пробудили въ немъ привычки дѣтства его, — и онъ предался всѣмъ ихъ злокозненнымъ боярскимъ обычаямъ, къ которымъ навывкъ отъ юности своея... Правда, продолжалъ царь имя свое передъ иностранными государями честно и грозно держать, о державѣ Россійской и о всемъ христіанствѣ радѣть; продолжалъ онъ давать посламъ своимъ мудрые наказы, и дивилъ умомъ и знаніями даже самыхъ хитрыхъ папскихъ посланныхъ, препираясь съ ними о вѣрѣ; не нарушилъ ничего изъ своего мудраго земскаго устроенія; попрежнему хотѣлъ правды, казилъ лихоимцевъ; самъ какъ Соломонъ творилъ судъ народу, и народъ славилъ его судъ, — но тутъ же, при неудачѣ, вдругъ падалъ духомъ, пугался и готовъ былъ унижаться; вдругъ опалялся и губилъ по одному непонравившемуся ему взгляду, губилъ людей, цѣлые роды, города, гдѣ полагалъ измѣну. Чтѣ въ

счастьѣ—милость къ себѣ Господню, а въ бѣдѣ—казнь за свои прегрѣшенія, — онъ постоянно самъ надъ собою приносилъ строгій судъ: въ сей жизни самъ непрестанно судилъ себя, помня образъ христіанскаго царя, какъ онъ долженъ быть, и какимъ онъ самъ цѣлымъ тринадцать лѣтъ быть старался,—помня страшный отвѣтъ, который долженъ онъ дать Богу и за судьбу царства своего и всего христіанства и за кровь, имъ проліянную,—отвѣтъ какъ царя и какъ человѣка. Тогда, исчисляя всѣ свои прегрѣшенія, называя себя окаянннмъ, кровопійцею, чревоугодникомъ и «псомъ смердящимъ», онъ жаждалъ совсѣмъ оставить міръ, принять постриженіе и схиму; уѣзжалъ въ самые отдаленные монастыри; жилъ тамъ въ покаяніи, постѣ и молитвѣ; самъ писалъ имена имъ казненныхъ и съ богатыми вкладами оставлялъ въ монастыряхъ для вѣчнаго поминовенія. Отъ душевныхъ мукъ своихъ онъ получилъ падучую болѣзнь... Несчастннй конецъ ливонской войны, разрушившій его великіе для Россіи замыслы, повергъ его въ скорбь, казалось, безысходную. Вся Москва трепетала, словно передъ бурей...

И вдругъ докладываютъ царю, что пріѣхалъ гонецъ отъ Строгановыхъ и съ нимъ какіе-то казаки изъ Сибири.

Обыкновенно государь принималъ гонцовъ самъ, сидя на креслахъ, а кругомъ его по лавкамъ—бояре. Вводятъ Ивана Кольцо съ товарищами. Они пали передъ государемъ на землю какъ преступники; Иванъ Кольцо положилъ

себѣ на голову грамоту. Царь велѣлъ дьяку взять, распечатать и читать грамоту. Дьякъ прочелъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать и все дѣло рассказать — и что они за люди. И повѣдалъ Кольцо, безъ утайки, всю правду истинную, что они тѣ самые воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ, и какъ въ Сибирь пошли, и прочее. И объ Ермакѣ все доподлинно рассказалъ. Царь выспрашивалъ все до мелочи. Иванъ Васильевичъ не пропускалъ случая кольнуть бояръ своихъ измѣною нѣкоторыхъ изъ нихъ, тутъ вышелъ ему поводъ сказать имъ: «Вотъ вамъ примѣръ: и незнатнаго рода люди, простые казаки; я ихъ казнить велѣлъ — они же не побѣжали служить моимъ недругамъ, а пошли на меня же поработать, царство мнѣ покорили, чтобы я только снялъ съ нихъ вины ихъ старья». И обратясь къ казакамъ, объявилъ, что всѣ вины ихъ онъ съ нихъ сымаетъ, и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ. «А къ храброму воеводѣ нашему, заключилъ онъ, — князю Сибирскому Ермаку Тимоѣевичу, помощь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамоту». И допустилъ онъ казаковъ къ рукѣ, и одарилъ ихъ, и велѣлъ ихъ продовольствовать съ царскаго стола. Потомъ всталъ съ кресель — поднялись и бояре — и приказалъ государь тотчасъ же служить въ Успенскомъ соборѣ молебень, и по всей Москвѣ, и по всему царству звонить въ колокола и объ-

явить народу, что Богъ въ милостяхъ своихъ къ нему не оскудѣваетъ, послалъ державѣ Россійской великое приращеніе: третье мусульманское царство — Сибирь покорилась скипетру христіанскаго царя. И великое было на Москвѣ ликованіе.

На помощь Ермаку отряженъ былъ князь Болховской и съ нимъ пятьсотъ стрѣльцовъ. Казакамъ царь послалъ денегъ, суконъ, камки; Ермаку — шубу съ своего плеча, двѣ брони, серебряный кубокъ, и въ милостивой грамотѣ своей, назвавъ его княземъ Сибирскимъ, поручилъ ему главное распоряженіе и начальство надо всею покоренною странюю. Пльннаго Мегметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

Радость казаковъ была неописанная, когда воротился Иванъ Кольцо съ царскими милостями. Но Ермаку не долго пришлось ими пользоваться. Онъ попалъ таки въ засаду къ Кучуму. Кучумъ распустилъ слухъ, что къ казакамъ идутъ бухарскіе купцы. Ермакъ вышелъ съ пятьюдесятью казаками имъ для прикрытія. Купцовъ на сказанномъ мѣстѣ не нашли и расположились на островкѣ, на Иртышѣ, почевать. Ночь была бурная, вѣтеръ вылъ, рѣка шумѣла. Казаки спали богатырскимъ сномъ. Кучумъ переправился черезъ рукавъ рѣки, напалъ — и сонныхъ перерѣзалъ казаковъ. Ермакъ вскочилъ было на крики, бросился къ судамъ своимъ, отмахиваясь саблей, перепрыгивалъ съ лодки на лодку, оступился и упалъ въ бурную и глубокую рѣку; тяже-

лая царская броня была на немъ — и была причиной его гибели.

Какъ умеръ Ермакъ—тутъ-то и оказалось, что это былъ за человѣкъ. Стрѣльцы и казаки остались безъ него какъ безъ головы. Душа всего дѣла—исчезла. Иванъ Кольцо незадолго передъ тѣмъ былъ убитъ измѣною. Никита Пань, Иванъ Гроза тоже погибли. Оставшихся какъ овцы безъ пастыря, казаки и стрѣльцы устрашились. Думали ужь только о томъ, какъ бы уйти въ Россію. Оставшійся въ живыхъ одинъ изъ Ермаковыхъ атамановъ, Матвѣй Мещерякъ, повелъ ихъ къ Строгановымъ...

Но ужь путь въ Сибирь былъ указанъ: царскія войска уже двигались туда. Мещерякъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ— и слѣпой Кучумъ не долго процарствовалъ въ занятой имъ вновь столицѣ своей, на казацкихъ могилахъ. Какъ сказалъ когда-то Ермакъ взбунтовавшимся казакамъ: «Постойте крѣпко, и память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ насъ пойдетъ во вѣки» — такъ и сбылось. Имя Ермака стоитъ надо всею Сибирскою странною, живетъ тамъ въ названіяхъ урочищъ, живетъ по всей Руси въ пѣсняхъ народныхъ. Оно сѣзмала любовно намъ всѣмъ и каждому, ибо знаменуетъ великаго, но притомъ чисто русскаго человѣка, который, — соединяя въ себѣ умъ, богатырскій духъ, могучую волю, съ дивною благостью душевной, — совершилъ, въ простотѣ сердца, великія дѣла, единственно для очистки совѣсти

своей передъ царемъ и всѣмъ православнымъ людомъ, въ прославленіе имени русскаго и на возвеличеніе державы Россійской.

Смерть Ермака приключилась въ одинъ годъ съ кончиною царя Ивана Васильевича Грознаго: въ 1584 году; только царь скончался 18-го марта, а Ермакъ погибъ 5-го августа. Въ Tobольскомъ синодикѣ до сихъ поръ помпнаются имена всѣхъ его казаковъ, первыхъ покорителей Сибири.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

	СТРАН.
I. Три смерти. Лирическая драма	1
II. Странникъ	33
III. Изъ Апокалипсиса. Гл. IV—X.	77
IV. Бальдуръ. Пѣснь о солнцѣ, по сказаніямъ Скандинавской Эдды	93
V. Пульчинелль	125
VI. Княжна ***. Трагедія въ октавахъ	143
VII. Кассандра. Сцены изъ Эсхиловой трагедіи «Агамемнонь».	197
VIII. Два міра. Трагедія	239
IX. Бригильда. Поэма.	377

Разсказы изъ Русской исторіи.

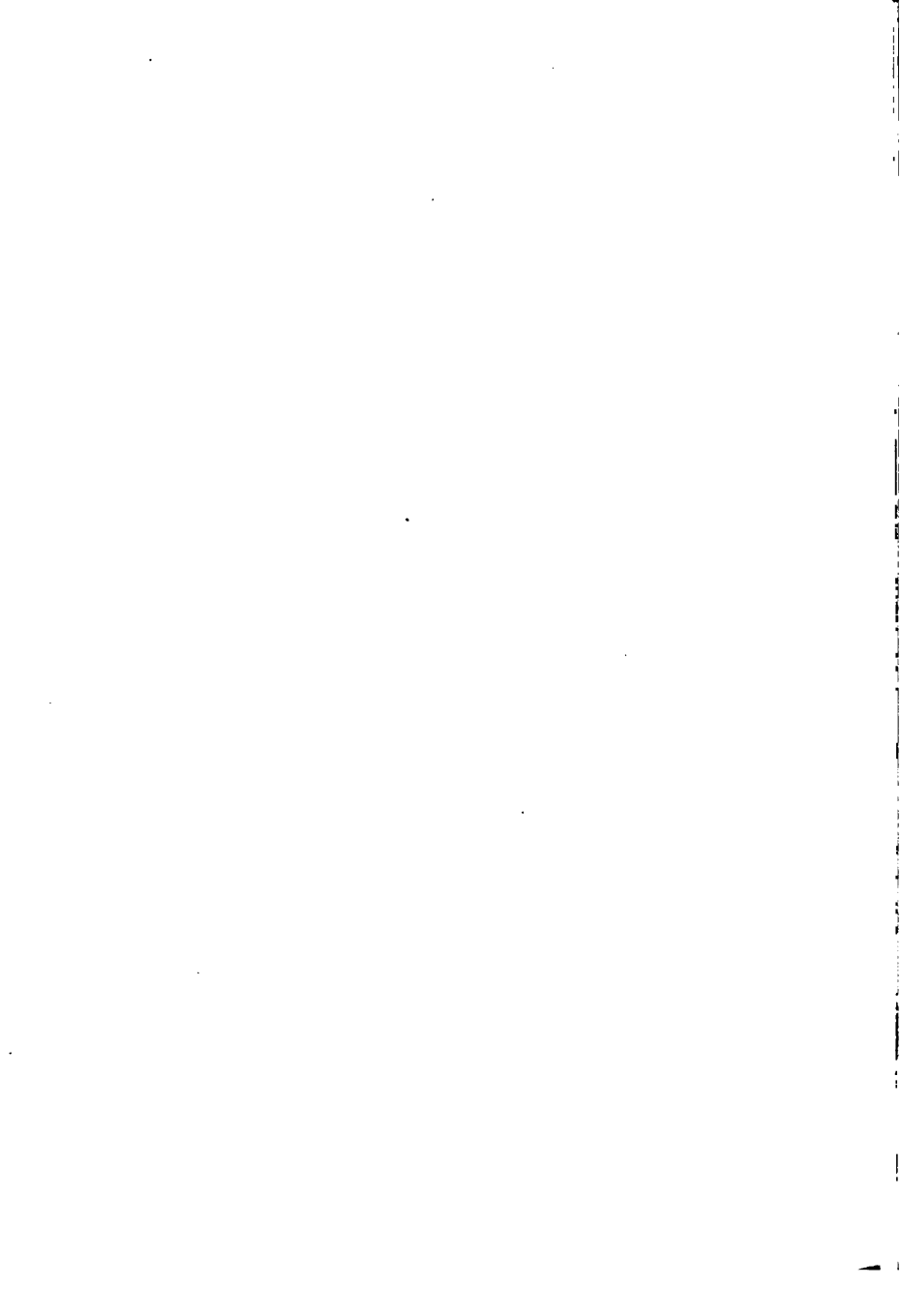
(Для дѣтей и народа).

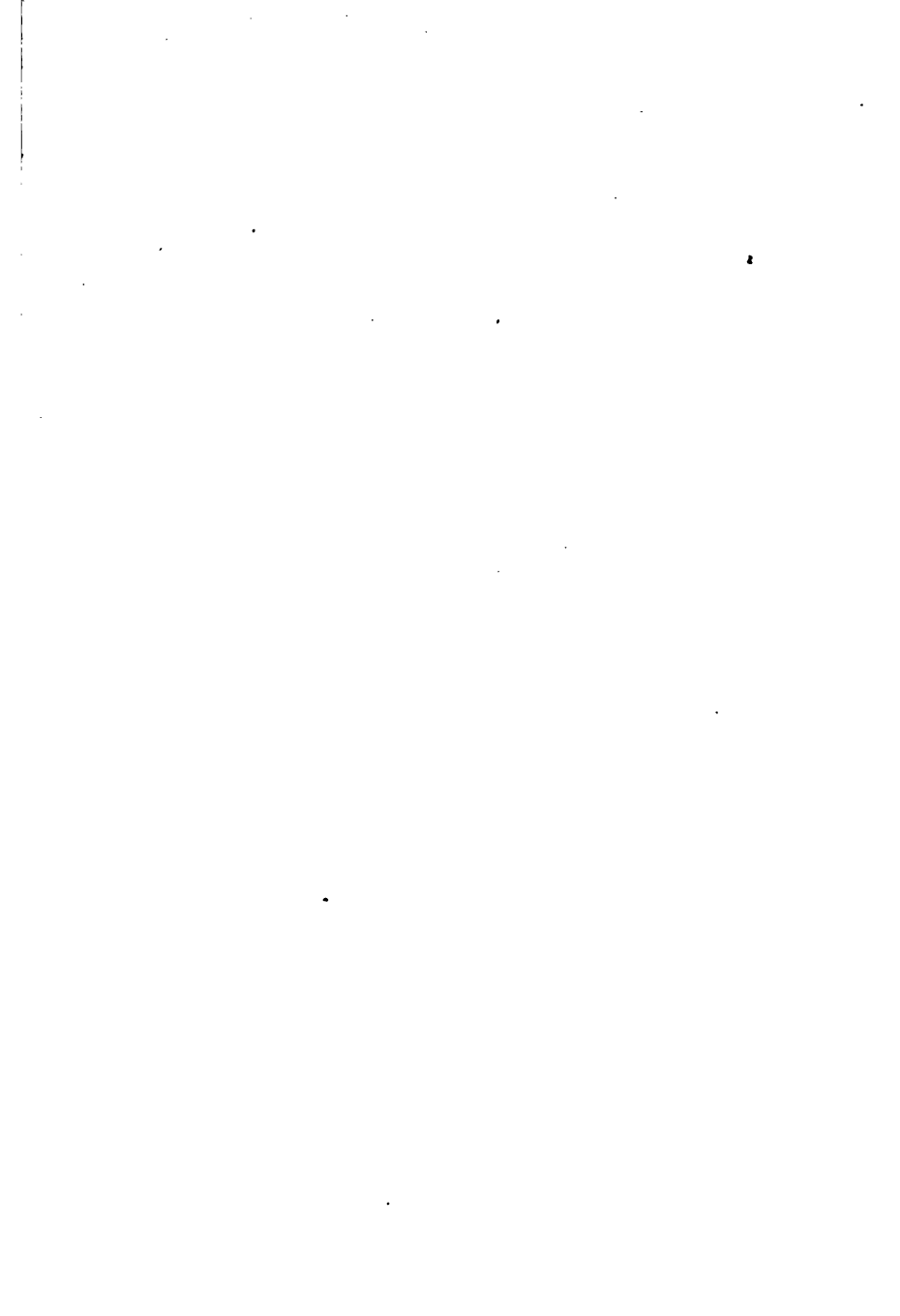
Разсказъ первый. <i>О святыхъ Московскихъ митрополи- тахъ Петръ и Алексѣй и о славномъ Мамае- вомъ побоищѣ</i>	401
--	-----

Разсказъ второй. (Начало восточнаго вопроса).

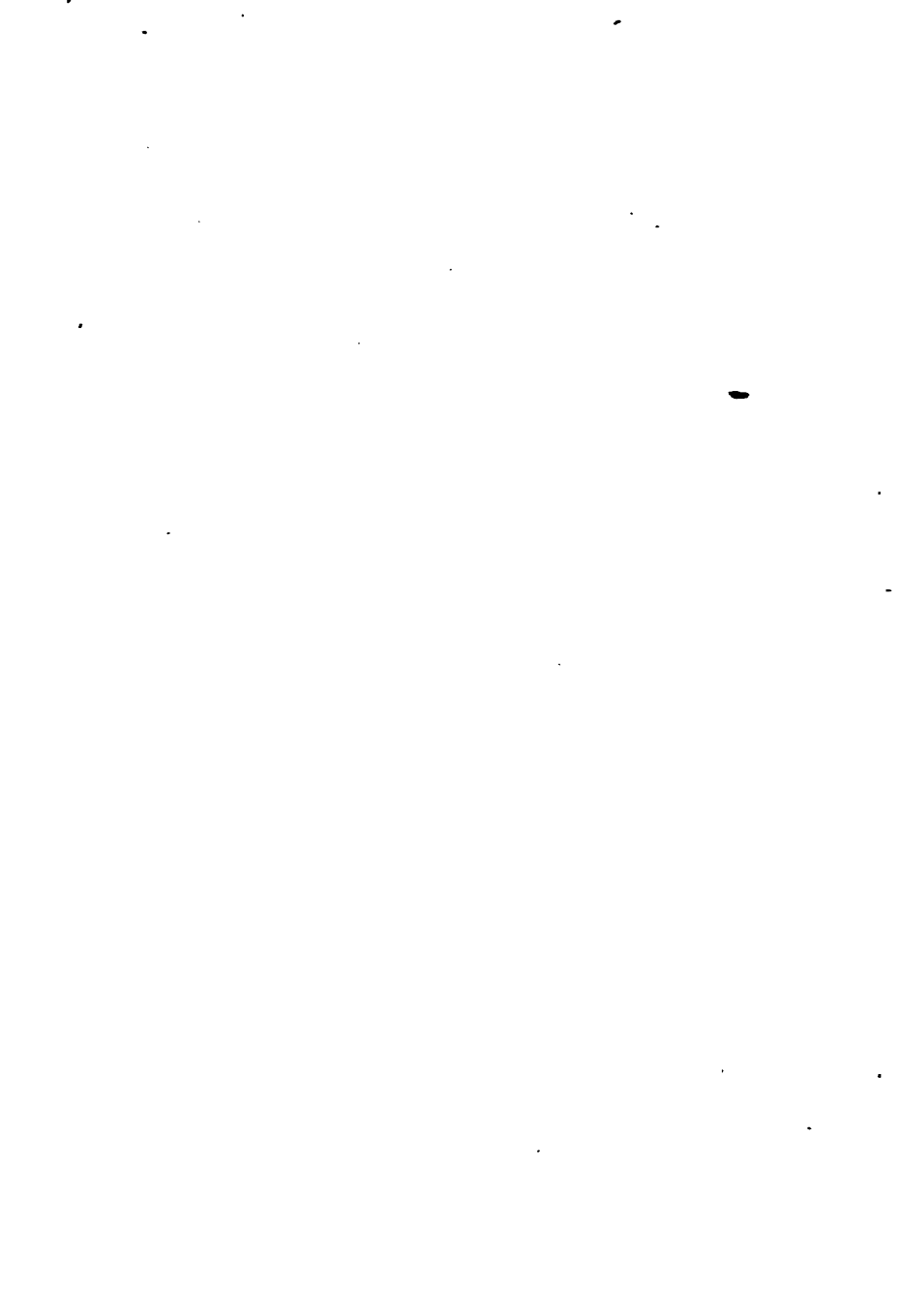
I. Взятіе Турками Константинополя	427
II. Москва—Третій Римъ	445
III. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани	459
IV. Завоеваніе Сибири	480

3 2044 014 631 899

**THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.**

